ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

и

СОЦІАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ УПАДКА.

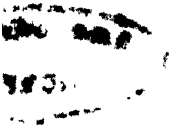
В. Г. Васильевскаго.

ТЮМЕНЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

DF
217

760
63



ПЕЧАТНЯ В ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
квартъ № 9

Настоящее сочиненіе наше было первоначально напечатано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года. Появленіе его теперь въ видѣ отдѣльной книги представляетъ намъ удобный случай выразить искреннюю и глубокую благодарность редактору этого журнала, Александру Ивановичу Георгіевскому, вниманію и участію котораго это сочиненіе очень много обязано появленіемъ своимъ въ печати.

Въ небогатой ученой литературѣ русской все-таки можно указать нѣсколько сочиненій или хотя переводныхъ статей, относящихся къ другимъ періодамъ греческой исторіи; но послѣднія времена самостоятельнаго существованія Греціи еще не были у насъ предметомъ не только изслѣдованія, но даже какого-либо вниманія. Мы не знаемъ, въ какой степени намъ удалось показать, что это пренебреженіе лишено основанія, хотя оно и освящено авторитетомъ хорошо извѣстнаго у насъ Грота. Заключительными словами своего сочиненія и самымъ его заглавіемъ, быть-можетъ неумѣстно громкимъ, мы хотѣли намекнуть, что событія, о которыхъ мы разсуждаемъ, представляютъ много поучительнаго для всякаго мыслящаго человѣка.

Что касается до иностранной ученой литературы, то кромѣ мелкихъ сочиненій, указанныхъ нами въ своемъ мѣстѣ, здѣсь должны быть названы сочиненія Шорна (Geschichte Griechenlands von der

Enstehung des ätolischen und achäischen Bundes bis auf die Zerstörung Korinths, Bonn 1833), Дройзена (его извѣстная Geschichte des Hellenismus) и Фримана (History of federal gevernement. London. 1863). На сколько и съ какимъ успѣхомъ мы были въ состояніи, при пользованіи этими пособіями, остаться самостоятельными въ отношеніи основной точки зрѣнія и отдѣльныхъ подробностей, объ этомъ мы ожидаемъ суда спеціалистовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И СОЦІАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ УПАДКА.

I.

Введеніе. — Начало обособленія въ древней Греціи, его выгоды и невыгоды. — Противоположное стремленіе: симмахіи, симполитіи, федерація. - Соціальный вопросъ. — Бѣдствія въ эпоху діадоховъ. — Аѳины. — Этолія. — Ахаія. — Источники для исторіи Ахэйскаго періода.

И внутренняя исторія Греціи, точно такъ какъ внѣшняя, не кончается съ потерею греческой самостоятельности вслѣдствіе подчиненія собственной Эллады полу-эллинской Македоніи. Вопросы и задачи, которые остались неразрѣшенными въ до-македонское время, перешли всецѣло въ слѣдующіе періоды. Греція Перикла и Ѳукидида не воскресла болѣе; но и Греція временъ Арата и Поливія сохранила и нашла въ себѣ достаточно живыхъ силъ, чтобы сдѣлать новыя попытки къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ политической и общественной жизни. По крайней мѣрѣ въ одномъ направленіи сдѣланъ былъ при этомъ даже рѣшительный шагъ впередъ, доказывающій, что развитіе греческой политической мысли еще не кончилось. Шагъ впередъ сдѣланъ въ рѣшеніи вопроса о политическомъ устройствѣ Греціи; но и попытка разрѣшить соціальный вопросъ, хотя она и не можетъ быть названа счастливою и разумною, все таки обличаетъ возможность появленія сильныхъ и энергическихъ характеровъ среди того народа, который не въ одной книгѣ представленъ вполнѣ умершимъ вмѣстѣ съ Димосѳеномъ или Александромъ Македонскимъ. Во всякомъ случаѣ обѣ попытки на столько интересны и поучительны, что заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія.

Постараемся предварительно опредѣлить основные вопросы и задачи греческаго развитія.

Преобладающая форма политическаго устройства въ древней Греціи есть вольная городская община, или, заимствуя терминъ изъ са-

мого греческаго языка, политія. Совершенная независимость каждаго отдѣльнаго города съ его небольшою областью есть главная черта такого устройства. Если бы мы захотѣли вообразить себѣ политическое состояніе Эллады въ цвѣтущій періодъ ея жизни, то намъ представилась бы маленькая страна, усѣянная множествомъ городовъ изъ коихъ каждый не знаетъ или не желалъ бы знать никого выше себя на землѣ и пользуется всѣми правами верховности въ такой же степени, какъ самыя могущественныя имперіи нашего времени. На пространствѣ несравненно меньшемъ каждой изъ нашихъ губерній, среди народа одной крови, одного языка, одной религіи, мы могли бы встрѣтить въ небольшое однодневное путешествіе нѣсколько независимыхъ государствъ, изъ коихъ каждое заключаетъ миръ и рѣшаетъ войну на полной своей волѣ. Взаимныя отношенія между ними опредѣляются положеніями и началами международнаго права [1]). Существуетъ, конечно, между обитателями этихъ государствъ сознаніе общихъ связей, нѣкотораго рода обще-эллинское патріотическое чувство; но оно, можетъ-быть, всего скорѣе соотвѣтствуетъ тому сознанію и чувству, которое питаетъ или долженъ питать житель новой Европы къ великому братству христіанскихъ европейскихъ народовъ и едва-ли можетъ быть сравниваемо съ національнымъ патріотизмомъ Русскаго въ отношеніи къ Россіи, Француза въ отношеніи къ Франціи [2]).

Если иногда тамъ или здѣсь встрѣчаются уклоненія отъ описаннаго нами порядка и устройства, то этотъ порядокъ все-таки остается постоянною цѣлію желаній и стремленій Грека. Представители эллинской политической мысли, великіе философы IV-го столѣтія не знаютъ другаго идеала политической жизни, кромѣ городовой республиканской общины. Государство состоитъ для нихъ только въ томъ легко обозримомъ пространствѣ, съ котораго жители могутъ сойдтись въ одно собраніе на площади одного города. Правильное государство можетъ существовать только въ границахъ, допускающихъ прямое и личное участіе каждаго гражданина въ дѣлахъ общественныхъ. „Слишкомъ большая масса народа запутываетъ государство и не допускаетъ настоящаго благоустройства. Только ограниченная величина условливаетъ красоту и поэтому изящно-соразмѣрное государство. Судно въ двѣ стадіи длины — уже не корабль. Нужно только, чтобы госу-

[1]) Κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα, κοινοὶ νόμοι, κοινὰ δίκαια τῆς Ἑλλάδος см. Schomann Gr. Alterth. II, стр 2 и д.

[2]) Извѣстно, что Грекъ своимъ отечествомъ — πατρίς — называлъ не всю Грецію, а только свою родину, свое маленькое государство

дарство могло довольствоваться самимъ собою, то-есть, нужно такое пространство земли, которое бы производило все потребное для жителей, нужно только такое число гражданъ, чтобъ они все необходимое для жизни могли добывать своимъ трудомъ и дѣятельностію. Имѣя слишкомъ мало жителей, государство не можетъ удовлетворять самому себѣ, съ слишкомъ большимъ числомъ ихъ — это будетъ уже народъ, а не государство. Впрочемъ, имѣя тысячу человѣкъ войска, государство уже можетъ быть самымъ сильнымъ во всей Греціи. Оно должно быть легко обозримо Граждане должны знать другъ друга, чтобы судить одинъ другаго, чтобъ избирать чиновниковъ и чтобы въ случаѣ нужды воспрепятствовать, если какой иностранецъ захочетъ пробраться въ число гражданъ“ [1]).

Начало политическаго обособленія, преобладавшее въ Греціи, принесло ей свои выгоды; но оно же заключало въ себѣ и большія неудобства; и трудно сказать, которая сторона перевѣшиваетъ — та ли, на которой добро, или та, на которой зло.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря возможности самостоятельнаго развитія для каждой мелкой части своей національности, Греки сдѣлались первыми представителями европейской свободы въ противоположность азіатскому деспотизму. Нѣтъ сомнѣнія, что отсюда объясняется безконечное богатство и разнообразіе греческой жизни. Великія выгоды, проистекавшія изъ греческой политической системы для личнаго, индивидуальнаго развитія, очевидны на первый взглядъ и объяснены знаменитыми историками и мыслителями. Каждый отдѣльный гражданинъ греческой республики былъ развитъ и политически воспитанъ до высшей возможной степени. Всѣ обвиненія, напримѣръ, противъ аѳинской демократіи падаютъ передъ тою неопровержимою истиной, что аѳинская демократія дѣлала гораздо большее число гражданъ способными пользоваться властію, чѣмъ какая бы то ни было другая система. Постоянно присутствуя при обсужденіи вопросовъ иностранной политики и внутренняго управленія величайшими ораторами, какихъ только видѣлъ міръ, гражданинъ Аѳинской республики получалъ политическое воспитаніе, которому нельзя найдти равнаго въ исторіи человѣчества [2]). Никакое новое большое госу-

[1]) Aristot. Polit VII (IV по новому порядку) 4, 5 Plato de republ. II, p 369. IV p. 423.

[2]) Чрезвычайно странно встрѣтить у такого писателя, какъ Токвилль, подобныя слова: Quand je compare les républiques grecque et romaine à ces républiques d'Amérique; les bibliothèques manuscrites des premières et leur populace

дарство не можетъ никогда привлечь къ прямому и постоянному участію въ высшей политической жизни всѣхъ своихъ жителей; оно лишено поэтому самаго могучаго средства для умственнаго и нравственнаго развитія народной массы. Въ Аѳинахъ, въ другихъ демократическихъ государствахъ Греціи, это было возможно; средство было доступно. Не слѣдуетъ указывать здѣсь на рабство, существовавшее въ древнемъ мірѣ. Оно устраняло, разумѣется, отъ участія въ политической жизни бо́льшую часть населенія той или другой греческой территоріи. Но и въ новыхъ государствахъ Европы едва-ли менѣе значительная часть населенія такъ или иначе тоже устраняется совершенно отъ этого участія. По строгому понятію древнихъ, эти устраняемые люди тоже не суть граждане, какъ и рабы древнаго міра. Если приложить Аристотелево опредѣленіе гражданина къ новымъ государствамъ, то гражданами въ нихъ будутъ только тѣ лица, которыя принадлежатъ къ избирательному классу. Сравненіе должно, слѣдовательно, брать съ одной стороны совокупность членовъ аѳинскаго вѣча и съ другой стороны совокупность избирателей въ конституціонномъ государствѣ. И при этомъ правильномъ сравненіи полная выгода будетъ на сторонѣ маленькихъ республикъ греческихъ. Членъ демократическаго вѣча, стоя по своему развитію безконечно выше общаго уровня избирателей, равняется, вообще говоря, члену какого угодно представительнаго собранія. Многія тысячи изъ среды полумилліоннаго населенія могли постоянно вращаться въ сферѣ тѣхъ интересовъ и вопросовъ, которые въ новыхъ государствахъ поручаются только немногимъ сотнямъ людей избранныхъ, избранныхъ изъ среды многихъ милліоновъ. Самыя аристократическія государства древности съ этой точки зрѣнія представляютъ все-таки большое преимущество предъ какою угодно всеобщею подачей голосовъ.

Но не менѣе очевидны и велики вредныя стороны политическаго обособленія, господствовавшаго въ Греціи.

Народы не размѣщены на земномъ шарѣ уединенно и раздѣльно, и неизвѣстно, какъ стали бы они развиваться, если бы были размѣщены такимъ образомъ. Столкновенія между ними неизбѣжны. Для

---

grossière aux mille journaux qui sillonnet les secondes et au peuple éclairé qui les habite и т. д. (Démocr. en Amérique 11 стр 237). Народъ, который умѣлъ понимать и цѣнить Эсхила, Софокла, Перикла, Аристофана — populace grossière! И это потому, что у него не было газетъ, какъ будто частыя вѣча не замѣняли всякую журналистику, не распространяли интереса къ общимъ дѣламъ несравненно живѣе и глубже.

каждаго народа наступаютъ времена, когда онъ долженъ вести борьбу за свое существованіе, за свою свободу. Три раза должны были бороться Греки за независимость и свободу всей Греціи. Во всѣхъ трехъ случаяхъ они не умѣли и не могли забыть свои частные раздоры — города къ городу, племени къ племени. Не отдѣльные только люди, но цѣлыя общины дѣйствовали прямымъ и непосредственнымъ образомъ заодно съ общимъ врагомъ къ порабощенію своего отечества. Самостоятельность греческаго или (въ то время это значило одно и то же) свободнаго европейскаго развитія въ отношеніи къ азіатскому востоку была спасена исключительно геройскимъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ одного города. Взаимное соперничество и недовѣрчивость отдѣльныхъ государствъ Греціи едва не погубили всей Греціи. Когда потомъ на сѣверѣ Эллады стала развиваться грозная сила полу-эллинской Македоніи, сами Греки разрушили оплотъ, который бы могъ остановить ее, сами заранѣе произнесли приговоръ своей независимости (исторія Олинѳа). Сила выросла, и только новое напряженіе патріотизма могло спасти Грецію. Нельзя считать ни удовлетворительнымъ, ни правильнымъ такое положеніе, когда безопасность и существованіе зависятъ только отъ крайнихъ напряженій. Кромѣ того на этотъ разъ остается неизвѣстнымъ, могла ли раздѣленная и несогласная Греція быть спасена одушевленіемъ одного аѳинскаго патріотизма, если бы даже оно поднялось на высоту Мараѳона и Саламина. Не научилась Греція забывать свои домашніе счеты передъ общею опасностію и къ тому времени, когда вѣщіе голоса стали указывать на „облако, поднимающееся съ запада“ [1]), на римскіе легіоны, готовые перейдти въ Грецію. Напротивъ она сдѣлала все, что было можно для ускоренія рѣшеній „судьбы“.

Кромѣ слабости внѣшней, двѣ большія невыгоды, лучше сказать, два большія бѣдствія неизбѣжно сопровождаютъ систему отдѣльныхъ самостоятельныхъ республикъ въ одной и той же странѣ.

Это, вопервыхъ, непрерывность въ ней войны. Когда каждый городъ совершенно независимъ и верховенъ, множество столкновеній и ссоръ, которыя въ большой монархіи или федеративной республикѣ разрѣшаются мирнымъ судомъ высшаго и общаго трибунала, не могутъ быть рѣшены иначе, какъ обращеніемъ къ суду оружія. Тысяча причинъ, начиная съ торговаго соперничества и взаимныхъ обидъ между частными гражданами, всегда существуютъ здѣсь для войны

[1]) Polyb. V. 104.

и кровопролитія и обнаруживаются тѣмъ съ большею силой, чѣмъ меньше и уже сцена, на которой они дѣйствуютъ. Враждебная нація для всѣхъ жителей большаго государства новыхъ временъ, кромѣ пограничныхъ сосѣдей ея, есть врагъ извѣстный только по слуху. Другое отношеніе было въ Греціи. Соперникъ живетъ здѣсь въ виду городскихъ воротъ, есть врагъ присутствіе котораго постоянно, живо и горько чувствуется [1]). Въ древней Греціи ненависть между городомъ и городомъ возрастаетъ, повидимому въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ ихъ разстоянію. Спарта и Аѳины были почти всегда соперниками и врагами. Но предложеніе срыть до основанія покоренныя Аѳины сдѣлано сосѣдними Ѳивами и Коринѳомъ, а отвергнуто болѣе отдаленною Спартой. Въ Віотіи Александръ предоставилъ рѣшеніе судьбы Ѳивъ своимъ греческимъ союзникамъ, и месть Платэи и Орхомена, ближайшихъ сосѣдей Ѳивскихъ, а не Македоніи, сравняла городъ съ землею. Самыя войны такъ какъ онѣ ведутся, безъ всякой метафоры, за домы, за женъ и дѣтей,

Πατίδας, γυναῖκας, θεῶν τε πατρῴων ἕδη
Θήκας τε προγόνων....

отличаются жестокостію, говоря вообще, не меньшею, но едва-ли не большею чѣмъ войны современныя.

Вовторыхъ, война внутренняя, борьба соціальныхъ партій отличается въ небольшихъ республикахъ особенною раздражительностію и непримиримостію. Великіе и глубокіе знатоки древности, съ симпатіей относящіеся къ ея исторіи, указали на эту черту. Съ изумленіемъ должны мы остановиться предъ такимъ страшнымъ фактомъ, какъ та

---

[1]) Вотъ что говоритъ одинъ ученый путешественникъ: «На такихъ мѣстахъ, какъ вершина Акро-Коринѳа (откуда въ ясную погоду видны Аѳины съ Акрополемъ и его храмами), вдругъ дѣлается яснымъ многое, что едва-ли можно понять изъ однѣхъ книгъ. Греческія государства, управляемыя противорѣчащими интересами, лежали такъ близко другъ къ другу, что смертельная вражда между ними, совершенно необъяснимая изъ однихъ племенныхъ противоположностей, является естественнымъ слѣдствіемъ отношеній; дѣло шло о вопросахъ жизни и существованія. Какія чувства должны были пробуждаться въ богатомъ Коринѳскомъ купцѣ, когда онъ съ своего кремля видѣлъ на его счетъ, во вредъ ему разцвѣтающія приморскія Аѳины (Пирэй), когда онъ, можетъ-быть, смотрѣлъ на военный флотъ, выходящій изъ гавани, чтобы плыть кругомъ Пелопоннеса и запереть сообщеніе съ моремъ нѣкогда властвовавшему на моряхъ Коринѳу! Я здѣсь понялъ, почему Коринѳяне послѣ Пелопоннисской войны требовали разрушенія Аѳинъ». W. Vischer, Erinnerungen aus Griechenland стр 262.

знаменитая клятва которая въ нѣкоторыхъ государствахъ Греціи требовалась отъ каждаго олигарха. „Я буду питать ненависть къ народу и сколько возможно придумывать противъ него всякое зло“. Тому, кто привыкъ къ „мягкимъ и доброжелательнымъ отношеніямъ въ монархіяхъ“ новаго времени. такой отвратительный фактъ можетъ показаться невозможнымъ. Но о немъ говоритъ Аристотель. И въ исторіи новыхъ республикъ найдутся черты. обнаруживающія тотъ же самый духъ. Этотъ духъ сдѣлалъ въ прежнихъ рабовладѣльческихъ штатахъ Америки обученіе цвѣтныхъ уголовнымъ преступленіемъ; этотъ духъ внушилъ Флоренціи тѣ тиранства. которыя превратили нѣкогда въ пустыню городъ Пизу [1]). Вышелъ бы длинный и кровавый списокъ. если бы мы захотѣли приводить примѣры того ожесточенія, которымъ сопровождалась борьба между богатыми и неимущими классами въ греческихъ общинахъ. Справедливость требуетъ сдѣлать только два замѣчанія. Нужно, вопервыхъ, сдѣлать исключеніе въ пользу аѳинской демократіи, которая нцкогда не доходила до крайностей аргосскаго скитализма. Нужно потомъ сказать, что въ крайностяхъ и жестокостяхъ повинны одинаково и олигархіи. и демократіи. Кровопролитныя сцены на островѣ Керкирѣ падаютъ на демократическую партію. Оставивъ крайности, которыя составляютъ исключеніе, мы все-таки должны будемъ признаться, что опытъ древней Греціи, средневѣковой Италіи, новыхъ республикъ, подобныхъ Женевѣ. нашего древняго Новагорода, достаточно свидѣтельствуетъ о малой способности необходимыхъ и неизбѣжныхъ партій уживаться мирно на слишкомъ тѣсномъ пространствѣ. Нужно, чтобы было что-нибудь въ срединѣ между „лучшими“ и „черными“ людьми, или нужно чтобы сцена. на которой дѣйствуютъ эти противоположности, была шире.

Таковы въ главныхъ чертахъ выгоды и неудобства формы, господствовавшей въ политическомъ быту Греціи. Пышный блескъ, изумительная многосторонность греческаго развитія, его глубокое и широкое разлитіе въ народныя массы — находятся въ связи съ существованіемъ многихъ центровъ государственной жизни и съ проистекающею отсюда возможностію непосредственнаго участія всѣхъ гражданъ въ общихъ дѣлахъ своей родины. Но какъ юноша, который слишкомъ быстро тратитъ свои молодыя силы, щедро разбрасывая ихъ во всѣ стороны, возбуждаетъ въ насъ опасеніе за свою будущ-

---

[1]) Niebuhr R. G. II, p. 337 (520 по изданію 1853 года въ одномъ томѣ). Клятва у Аристотеля Polit. V, 7. (9), 19.

ность. такъ лихорадочная жизнь Эллады мало ручалась за прочность и долговѣчность ея развитія

Нельзя сказать чтобы на ряду съ стремленіями партикуляризма не существовало въ Греціи противоположнаго теченія. Черезъ всю греческую исторію идутъ попытки къ большему соединенію и централизаціи разсѣянныхъ членовъ націи. Но это движеніе должно было встрѣтить сильныя преграды Одинъ путь къ желанной цѣли былъ уже совершенно закрытъ для Грековъ и закрытъ очень рано. Именами Капетинговъ, Плантагенстовъ и московскихъ Рюриковичей Гогенцоллерновъ и Романовыхъ исторія ясно говоритъ, что идея національнаго объединенія всего скорѣе находитъ себѣ сознаніе и исполненіе въ высокихъ сферахъ монархической власти. Въ исторіи самой Греціи есть указанія на это. Образованіе самаго сильнаго и относительно самаго обширнаго государства греческаго совершилось въ монархическій періодъ. Аттика, по свидѣтельству преданія, вѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, въ древнее время состояла изъ двѣнадцати отдѣльныхъ государствъ. Ѳезей соединилъ ихъ въ одно аѳинское государство, и это слiяніе всей Аттики, превращеніе ея въ Аѳины было главною причиной величія аѳинскаго. Сомнительно, чтобъ эта задача могла быть исполнена съ такимъ рѣшительнымъ и безвозвратнымъ успѣхомъ, еслибъ ее пришлось совершать въ періодъ республиканской свободы. Та же самая задача, только позднѣе, представлялась малоазіатскимъ Грекамъ; но совѣтъ мудраго Ѳалеса остался напраснымъ маленькія республики не захотѣли разстаться съ своею отдѣльною свободой. Положеніе Ѳивъ въ Віоти было то же самое, что̀ положеніе Аѳинъ въ Аттикѣ, и Ѳивы стремились достигнуть того же, что̀ было сдѣлано Ѳезеемъ; но въ періодъ республиканскихъ общинъ это было уже гораздо труднѣе. У Грека уже успѣла развиться страстная привязанность къ автономіи и независимости своей маленькой родины. Каждая политія, разъ испытавъ прелесть самостоятельнаго историческаго существованія, притомъ такого живаго, веселаго и бодраго существованія, каково эллинское, не захочетъ уже разстаться съ нимъ. Предъ этимъ страстнымъ чувствомъ должны были пасть и разбиться даже самыя мягкія попытки объединенія, всего болѣе щадившія свободу и всего менѣе отнимавшія частную самостоятельность. Новый историкъ, который имѣетъ предъ глазами все теченіе греческой исторіи и яснѣе представляетъ себѣ ея темныя стороны, будетъ, разумѣется, болѣе, чѣмъ сами Греки, сочувствовать попыткамъ въ пользу единства цѣлаго, для сохраненія независимости,

силы и значенія націи. Но и онъ останавливается предъ высокими и свѣтлыми сторонами греческой жизни, тѣсно связанными съ любимою политическою формой Эллина, и невольно желаетъ, чтобъ эти попытки, устраняя какъ можно больше зла, какъ можно менѣе вредили хорошимъ сторонамъ.

Задача греческой исторіи состояла въ томъ, чтобы найдти такое политическое устройство, которое бы примиряло вполнѣ самостоятельность частей съ единствомъ цѣлаго или по крайней мѣрѣ съ болѣе крѣпкою связью между нѣкоторыми изъ его отдѣловъ. Несчастіе греческой исторіи состояло въ томъ, что до самаго послѣдняго времени она, не смотря на всѣ поиски, не могла найдти такой формы политическаго устройства.

Прослѣдимъ съ этой точки зрѣнія послѣдовательный рядъ попытокъ къ объединенію, которыя Греція дѣлала въ видѣ такъ-называемыхъ симмахій (военныхъ союзовъ), симполитій (гражданскихъ союзовъ) и наконецъ, въ формѣ федераціи.

Благодаря своей сильной и суровой военной организаціи, Спарта ранѣе другихъ греческихъ политій обнаружила стремленіе къ преобладанію сначала въ Пелопоннисѣ, потомъ и во всей Греціи. Путемъ завоеваній достигла она степени самаго могущественнаго государства на полуостровѣ, уже въ VI столѣтіи владѣя двумя изъ пяти частей его. Упорное сопротивленіе, встрѣченное ею на пути дальнѣйшаго расширенія, заставило ее измѣнить политику. Спарта стала искать господства посредствомъ благоразумныхъ политическихъ союзовъ [1]). Союзъ слабаго съ сильнымъ, если имъ умѣютъ хорошо пользоваться, есть часто только болѣе мягкая форма господства послѣдняго надъ первымъ. Что другое могли значить такіе договоры, какъ, напримѣръ, договоръ Спарты съ Тегеей, по которому Тегеаты обязывались не преслѣдовать кого бы то ни было изъ своихъ согражданъ за приверженность къ Спартѣ, за лаконизмъ? Два обстоятельства помогли Спартѣ достигнуть своей цѣли: съ одной стороны, антипатія и зависть сѣверовосточныхъ городовъ Пелопонниса къ Аргосу, стремившемуся также къ преобладанію; съ другой — поддержка и защита дорійскихъ аристократій, интересы которыхъ были нарушены возникновеніемъ демократической тиранніи. Предъ Персидскими войнами Спарта стояла во главѣ союза, который простирался почти на весь Пелопоннисъ и о г-ласти за его предѣлы. Сообразно своему названію (симмахія) союзъ

[1]) См. Duncker IV стр. 422 и сл

имѣлъ въ виду собственно единство общей защиты и наступательныхъ дѣйствій противъ внѣшнихъ враговъ, общее веденіе войны подъ верховнымъ предводительствомъ (игемоніей) Спарты. Къ общимъ дѣламъ принадлежали именно военныя предпріятія заключеніе мира и договоровъ [1]). Для рѣшенія такихъ дѣлъ собирались союзные сходы большею частію въ предводительствующемъ городѣ, иногда и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Олимпіи. Каждое государство присылало своихъ пословъ: всѣ они имѣли равный голосъ, и рѣшеніе большинства обязывало остальныхъ — съ очень, впрочемъ, эластичною оговоркой если не будетъ препятствій со стороны боговъ и героевъ [2]) къ исполненію рѣшенія. Бывали случаи, что Спарта вызывала союзниковъ къ походу и войнѣ безъ предварительныхъ совѣщаній съ ними, и не смотря на то союзники повиновались,, хотя при этомъ всегда была опасность, что они оставятъ общее дѣло во время похода, если имъ покажется, что война начата несправедливо [3]). Но если какое государство не хотѣло участвовать въ войнѣ, рѣшенной сообща союзниками, то Спарта имѣла право наложить на него денежный штрафъ, о чемъ иногда упоминалось въ самомъ опредѣленіи союзномъ, рѣшившемъ войну [4]). Безъ согласія же предводительствующаго города общая война не могла быть рѣшена. Спарта при этомъ не была обязана повиноваться большинству или даже всеобщей волѣ союзниковъ [5]), хотя, съ другой стороны, имъ не запрещалось вести войну на свой страхъ. Сама Спарта одна или съ тѣмъ и другимъ союзнымъ государствомъ часто вела войны, которыя не были рѣшены большинствомъ. Вообще нужно сказать, что полною ясностію, опредѣлительностію и общею справедливостію союзныя отношенія вовсе не отличались. Едва-ли можно предполагать, чтобы самыя тяжести, налагаемыя союзомъ, были распредѣлены справедливо. Количество войска и кораблей и количество денежныхъ суммъ, что также иногда требовалось, зависѣли не отъ какихъ-либо нормальныхъ опредѣленій, а отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ договоровъ, заключенныхъ со Спартою каждымъ государствомъ отдѣльно при поступленіи въ союзъ. Отъ усмотрѣнія Спарты зависѣло призвать, въ случаѣ надобности, весь контингентъ или часть

---

[1]) Thucyd. I, 67. Xenoph. Hellen. II 2, 19. V. 2, 11, 20, 21. VI. 3, 3. Ср. Schömann Griech Alterth. II стр. 87 и слѣд.

[2]) Thucyd. V. 30.

[3]) Herodot V. 74. Thucyd. V. 54.

[4]) Xenoph. Hellen. V. 2, 22.

[5]) Thucyd. I, 67 и слѣд.

его [1]). Постоянной союзной казны, которая бы могла тѣснѣе скрѣпить общими интересами всѣхъ членовъ союза и облегчить тяжести военныя, разложивъ ихъ на многіе годы, вовсе не существовало. Союзнаго суда не было. Споры между членами союза должны были рѣшаться на основаніи права, но на самихъ спорящихъ лежала обязанность по взаимному соглашенію избрать себѣ третейскаго судью [2]). Такъ какъ общіе интересы, очевидно были не особенно многочисленны и глубоки, то не было даже постоянныхъ сеймовъ. Въ случаѣ нужды Спарта по собственному побужденію или по приглашенію нѣкоторыхъ членовъ союза созывала сходъ.

Нельзя сказать, чтобъ гегемонія Спарты была большимъ благомъ для Пелопоннеса. Она не скрѣпляла правильною, государственною связью его жителей. Все зависѣло главнымъ образомъ отъ фактическаго преобладанія и авторитета Спарты. Не представляя большихъ выгодъ съ объединительной точки зрѣнія, сохраняла ли, по крайней мѣрѣ, спартанская гегемонія всѣ выгоды внутренней отдѣльной самостоятельности греческихъ общинъ? Союзныя государства номинально удерживали полную автономію во внутреннихъ дѣлахъ. Но Спарта всегда принимала мѣры къ тому, чтобъ эти автономическія государства были устроены согласно съ ея интересами, то есть, олигархически. Она умѣла держать ближайшія, небольшія политіи въ полной зависимости отъ себя и обезпечивала себѣ такимъ образомъ постоянное большинство въ союзѣ; она пріобрѣтала себѣ особенныхъ, спеціальныхъ союзниковъ, только въ отношеніи къ ней обязанныхъ военною службой и не имѣвшихъ голоса въ союзѣ. Она имѣла, слѣдовательно, всѣ средства не только нарушать мнимую автономію союзниковъ, но и дѣйствовать вопреки общимъ интересамъ союза, что̀ нерѣдко и случалось. Само военное могущество, которое было единственнымъ, несомнѣнно выгоднымъ результатомъ спартанскаго союза, только тогда могло быть пріобрѣтеніемъ несомнѣнно благимъ, когда бы оно стало служить общимъ интересамъ Греціи.

Повидимому, было большимъ счастіемъ для всего греческаго міра, что современно съ основаніемъ и расширеніемъ Персидскаго царства, предъ началомъ великой борьбы Эллады съ Азіей, Пелопоннисъ подъ управленіемъ Спарты могъ выставить значительную силу, вокругъ которой должны были собраться всѣ отдѣльные члены націи. Совер-

---

[1]) Thucyd. II. 10. III. 16. VII. 18.

[2]) Thucyd. V. 79.

шенно безспорно стала Спарта при наступленіи общей опасности во главѣ свободной Греціи. Совершенно несостоятельною оказалась она предъ великою задачей. Поведеніе Спарты во время Персидскихъ войнъ, ея боязливая и самолюбивая политика были вовсе не такого свойства, чтобы внушить общую довѣренность и любовь союзникамъ. Своимъ спасеніемъ Греція была обязана не Спартѣ, а всего болѣе геройскому патріотизму аѳинскаго народа. Злоупотребленія Павсаніи послужили поводомъ къ тому, что главное начальство было отнято у Спарты и отдано достойнѣйшему. Большой союзъ рушился, и Спарта осталась попрежнему во главѣ только своихъ пелопоннискихъ союзниковъ.

Не много можно указать случаевъ во всемірной исторіи, гдѣ бы власть сильнаго надъ слабымъ имѣла болѣе законнос, благородное и чистое происхожденіе, чѣмъ въ аѳинской симмахіи. Первоначально это была свободная и равноправная конфедерація для защиты Греціи противъ Персовъ, организованная Аристидомъ съ справедливостію, достойною его имени. Самостоятельныя права небольшихъ государствъ, вошедшихъ въ союзъ, остались неприкосновенными. Въ то же время найдено такое устройство, которое давало союзу единство и силу, а его предводителю обезпечивало опредѣленное законное вліяніе. Общія дѣла рѣшались въ собраніяхъ, состоящихъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ союзныхъ государствъ. Всѣ члены союза, и большіе и малые, имѣли одинаковое и равное право голоса. Основана общая касса: вклады въ нее, представляя ежегодно значительную сумму (460 талантовъ), были распредѣлены съ общепризнанною справедливостію. Общіе постоянные взносы въ кассу могли послужить къ скрѣпленію взаимныхъ интересовъ. Распоряженіе ея расходами принадлежало общему собранію союзниковъ, а управленіе — коллегіи чиновниковъ, назначаемой отъ Аѳинъ. Есть указанія на существованіе общаго союзнаго суда, который долженъ былъ рѣшать споры между отдѣльными членами союза. Не по винѣ аѳинскаго народа такое справедливое и прекрасное устройство оказалось не долговѣчнымъ. Не честолюбіе и властолюбіе Кимона и Перикла превратило первоначальный равноправный союзъ въ Аѳинскую имперію (ἀρχή). Извѣстно, что три главныя событія, уничтожившія равноправность отношеній, не были вызваны самими Аѳинами. Маловоинственные и нѣсколько изнѣженные обитатели малоазіатской Греціи, изъ которыхъ состояло большинство союзниковъ, добровольно предпочли денежные взносы личной службѣ на флотѣ; лучше захотѣли платить Аѳинянамъ за ихъ покро-

вительство и защиту, чѣмъ сами себя защищать. Перенесеніе общаго казнохранилища съ острова Делоса въ Аѳины сдѣлано не по самовластію аѳинскому, а рѣшено въ общемъ собраніи союзниковъ по предложенію Самосцевъ. Когда нѣкоторыя изъ союзныхъ государствъ хотѣли выйдти изъ союза и пользоваться миромъ и безопасностію, которыя онъ доставлялъ всѣмъ, не участвуя однако въ пожертвованіяхъ и трудахъ, которыми это достигалось, то не одни Аѳины, но и всѣ остальные союзники возставали противъ такихъ стремленій: при ихъ помощи и сочувствіи сецессіонисты были покорены оружіемъ, и если они были обращены потомъ въ аѳинскихъ подданныхъ, съ лишеніемъ права голоса съ союзѣ, то и за это едва-ли можно строго осуждать Аѳины. Какъ бы то ни было, указанныя обстоятельства привели къ тому, что аѳинская симмахія превратилась въ аѳинское господство; Аѳины стояли во главѣ не совсѣмъ охотно повинующихся подданныхъ. Но и въ этомъ новомъ видѣ союзъ имѣлъ много хорошихъ сторонъ. Особенныхъ причинъ жаловаться союзники не имѣли. Подати были не тяжелы, и за нихъ Аѳиняне вѣрно исполняли свое обязательство защищать союзниковъ противъ персидской силы, охранять Эгейское море, обезпечивать свободныя сношенія и торговлю, слѣдовательно, содѣйствовать возвышенію общаго благосостоянія. Когда Перикла упрекали въ томъ, что подати союзныя идутъ на украшеніе Аѳинъ, то онъ былъ въ правѣ отвѣчать, что союзники не имѣютъ никакого основанія требовать отчета: Аѳиняне за нихъ сражаются и защищаютъ ихъ отъ варваровъ, между тѣмъ какъ они не жертвуютъ на это ни однимъ кораблемъ, ни одною лошадью, ни однимъ оплитомъ. Въ полной силѣ оставались и тѣ выгоды союзной организаціи, которыя проистекали изъ существованія общаго для всѣхъ высшаго трибунала. Посредническій судъ верховнаго города предупреждалъ враждебныя столкновенія между союзниками: случаи междоусобной войны между ними были крайне рѣдки. Если были ограничены судебныя компетенціи отдѣльныхъ государствъ, если судъ въ важныхъ дѣлахъ и уголовныхъ процессахъ перенесенъ въ Аѳины, то какія бы жалобы на это ни раздавались, мы должны будемъ признать и въ этой мѣрѣ благодѣтельную сторону. Она устраняла мѣстный духъ партій, такъ сильно развитый въ маленькихъ политіяхъ. Безъ нѣкоторыхъ частныхъ вмѣшательствъ во внутреннее управленіе дѣло, конечно, не могло обойдтись, хотя Аѳины не измѣняли существующаго устройства въ союзныхъ государствахъ даже и въ томъ случаѣ, если оно не было демократическимъ. Есть случаи притѣсненій и угнетеній; но

всего менѣе спасалось бы отъ нихъ малое государство и внѣ союза съ Аѳинами. Притомъ они шли не отъ аѳинскаго народа, а отъ тѣхъ богатыхъ и сильныхъ Аѳинянъ, которые посылались къ союзникамъ съ военными отрядами въ военное время. Аѳинская демократія считается даже защитой и прибѣжищемъ угнетенныхъ [1]). Такой примѣръ, какъ судьба Пахита, служитъ яснымъ доказательствомъ дѣйствительности этого покровительства и различія между спартанскимъ и аѳинскимъ господствомъ. Только Левктрское поле могло отомстить за дочерей Скедаса, за жертвы спартанскаго армоста [2]); напротивъ, побѣдоносный военный предводитель аѳинскаго народа своимъ насиліемъ надъ беззащитными вдовами двухъ убитыхъ Митилинянъ возбудилъ такое негодованіе въ народѣ, что изъ стыда и страха окончилъ свою жизнь самоубійствомъ въ самомъ судѣ.

Во всякомъ случаѣ, когда исходъ Пелопонниской войны уничтожилъ игемонію Аѳинъ и снова передалъ власть надъ Греціей въ спартанскія руки, союзники могли только пожалѣть о перемѣнѣ. Меньшій перстъ Спарты оказался толще всего тѣла аѳинскаго. Сѣть спартанскихъ гарнизоновъ покрыла всю Грецію. Армосты (коммиссары), надъ ними начальствовавшіе, обходились съ Греками высокомѣрно и презрительно. Въ Аѳинахъ поставлены тридцать тирановъ, въ другихъ мѣстахъ число ихъ ограничивалось десятью (декархіи); но едва-ли меньшее число давало себя легче чувствовать. Эти правительственныя коллегіи, опираясь на спартанскую силу, должны были слѣдить за каждымъ демократическимъ движеніемъ: съ спартанской точки зрѣнія демократія значила то же что̀ революція, хотя это была старинная и законная форма политическаго быта въ большей части союзныхъ политій. Не миръ и спокойствіе приносилъ съ собою Лизандръ, напротивъ, поддерживать и возбуждать внутренніе раздоры партій входило, кажется, въ виды его политики. Онъ самъ вызывалъ кровавую расправу одной партіи противъ другой, даже когда онѣ были склонны къ примиренію, какъ это было въ Милетѣ. Все это еще только частное зло въ сравненіи съ прямою измѣной обще-эллинскимъ интересамъ. Спарта продала малоазіатскихъ Грековъ Персидскому царю. Когда, наконецъ, ея поведеніе возбудило противъ нея возстаніе въ самой Греціи, когда противъ спартанской игемоніи возстали

[1]) Thucyd. VIII 48

[2]) Λευκτρίδες дочери Скедаса см. Plut. Pelop. 19 Предъ сраженіемъ при Левктрахъ оракулъ объявилъ, что Спартанцы потерпятъ пораженіе при «гробѣ дѣвъ», и это было примѣнено къ мѣсту погребенія дочерей Скедаса

тѣ самыя государства, которыя прежде были въ самой тѣсной дружбѣ со Спартою, тогда Спартанцы заключили знаменитый Анталкидовъ миръ, позорнѣе котораго не бывало ничего въ греческой исторіи. Извѣстны условія и послѣдствія этого несчастнаго мира. Въ это время между Греками обнаружилось стремленіе къ образованію болѣе сильныхъ политическихъ единицъ посредствомъ сліянія нѣсколькихъ политій въ одну. Спарта условилась съ царемъ Персидскимъ не допускать такихъ попытокъ. Всѣ города большіе и малые, сильные и ничтожные, были обязаны, если бы даже того и не хотѣли, оставаться самостоятельными: этого требовалъ принципъ автономіи по спартанскому толкованію. Мантинея, значительный аркадскій городъ, составившійся изъ четырехъ селъ (κῶμαι), должна была опять раздѣлиться на четыре „автономическія“ деревни. Удивительно, какъ Спарта не догадалась потребовать, чтобъ Аттика раздробилась на двѣнадцать политій, которыя существовали до временъ Ѳезея. Понятна цѣль, съ которою Спартанцы сдѣлались такими ревностными защитниками началъ автономическихъ. Всѣ государства должны быть самостоятельными для того, чтобы всѣ они оставались безсильными и несвободными въ отношеніи къ Спартѣ.

Возвратимся къ аѳинской игемоніи. Бо́льшая продолжительность и долговѣчность ея были бы въ интересахъ Греціи, въ интересахъ цивилизаціи и человѣчества. Непопулярность, оппозиція, которыя преслѣдовали аѳинскую симмахію, объясняются исключительно крѣпкою привязанностію Грека къ автономіи и верховности своего маленькаго отечества. Повидимому, какъ мало терялъ и какъ много выигрывалъ житель Хіоса или Митилины вслѣдствіе участія своего въ союзѣ! Онъ терялъ, на первый взглядъ, не больше, чѣмъ теряетъ житель англійскихъ колоній, признавая верховную власть метрополіи. Его отечество сохраняло свою самобытность и полную внутреннюю самостоятельность; только вопросы войны и мира, только его внѣшнія отношенія къ другимъ націямъ рѣшались постороннею властію, въ которой не участвовалъ гражданинъ Хіоса или Митилины. Отъ чего же англійскій колоніальный житель, вообще говоря, остается доволенъ своимъ положеніемъ, а Грекъ не могъ примириться съ своимъ? Прежде всего отъ того, что инстинктъ полной независимости и обособленія былъ гораздо болѣе развитъ въ древнемъ, чѣмъ въ новомъ мірѣ, отъ того, что тамъ онъ былъ чувствомъ народнымъ. Вся масса гражданъ, привыкшая рѣшать сама свои дѣла на форумѣ, была одушевлена имъ несравненно болѣе, чѣмъ граждане новаго государства, обычное уча-

стіе которыхъ въ дѣлахъ своего отечества уже проходитъ чрезъ охлаждающую среду представительства. Каждый гражданинъ союзнаго Аѳинамъ города болѣе или менѣе чувствовалъ, что у *него* именно отнято рѣшеніе самыхъ существенныхъ вопросовъ, что онъ лично, какъ членъ извѣстной демократіи, сталъ ниже своихъ собратовъ, собирающихся на площади аѳинской. Не долженъ ли онъ былъ смотрѣть на каждаго Аѳинянина, какъ на своего господина, хотя тотъ, быть-можетъ, былъ ниже его по своему соціальному положенію? Развѣ не было оскорбительно и для англійскихъ колоній въ Америкѣ то, что по выраженію лорда Чатама, каждый оборванный нищій на улицахъ Лондона считалъ себя въ правѣ говорить: „наши американскіе подданные“? Нужно помнить, что положеніе этихъ американскихъ подданныхъ было все-таки несравненно достойнѣе, ибо собственно верховная власть стояла одинаково и надъ ними, и надъ метрополіей, была для всѣхъ общая. У жителя Хіоса и гражданина Аѳинъ не было одной общей высшей власти, которая бы могла поддерживать чувство спокойнаго равенства между ними; надъ союзникомъ аѳинскимъ стоялъ прямо даже не англійскій парламентъ, который былъ главною причиною неудовольствія Американцевъ, а весь аѳинскій демосъ. Нужно удивляться не тому, что неудовольствіе существовало, а тому, что Аѳины никогда не пришли къ мысли успокоить ревнивое чувство, допустивъ къ участію въ своемъ вѣчѣ своихъ союзниковъ. Зачѣмъ было оставлять ихъ въ полной отдѣльности? Не лучше ли было даже покончить съ ихъ отдѣльнымъ существованіемъ, которое поддерживало въ нихъ память о ихъ правахъ? Развѣ не было возможно дѣйствительное образованіе одного государства? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ дальнѣйшая исторія попытокъ объединенія.

Послѣ Пелопонниской войны, какъ мы мимоходомъ замѣтили, встрѣчаются новаго рода попытки къ объединенію, основанныя на полномъ сліяніи нѣсколькихъ политій въ одну (симполитія). Такъ, во время Коринѳской войны два самыхъ могущественныхъ города на полуостровѣ, Аргосъ и Коринѳъ, соединяются на нѣкоторое время въ одно государственное тѣло. Не довольствуясь тѣснымъ союзомъ съ Аргосомъ, Коринѳъ по настоянію демократической партіи, вступаетъ какъ нераздѣльная часть въ политію Аргосскую: пограничные знаки уничтожены всѣ Коринѳяне дѣлаются аргосскими гражданами, общее имя государства есть Аргосъ. Демократическая партія, какъ видно, пришла къ убѣжденію, что мелкія государства не могутъ оставаться самостоятельными въ виду Спарты, что для этой самостоятельности нужны

болѣе широкія и крѣпкія основы. Но партія аристократическая не хотѣла усвоить себѣ такія воззрѣнія. Аристократы Коринѳа готовы были на все, чтобъ уничтожить новый порядокъ; ихъ ненависть къ нему вполнѣ понятна; можетъ быть даже, что въ этомъ случаѣ они вѣрнѣе выражали эллинское чувство, чѣмъ демократическая партія. Въ ихъ жалобахъ, отголоскахъ которыхъ сохранился у Ксенофонта [1]), дышитъ та нѣжная непосредственная любовь, которою Грекъ обнималъ свое небольшое отечество. Они не могутъ примириться съ мыслію, что вмѣсто Коринѳа они должны именовать свое отечество Аргосомъ; имъ кажется, что съ уничтоженіемъ границъ, съ перемѣною имени, самый Коринѳъ перестаетъ существовать — *изчезаетъ* (ἀφανιζομένην); они думаютъ, что послѣ этого не стóитъ жить (οὕτω μὲν ἀβίωτον εἶναι), или если жить, то только для того, чтобы сдѣлать свое отечество снова *Коринѳомъ*, какъ это было изстари. Только до Анталкидова мира могло продолжаться арго-коринѳское государство.

Подобную же попытку дѣлаетъ нѣсколько позднѣе Олинѳъ, самый могущественный городъ на полуостровѣ Халкидикѣ. Онъ находился въ мѣстности, чрезвычайно удобной для образованія сильнаго государства: плодородіе почвы, многочисленное населеніе, удобныя пристани на морѣ, богатые золотые рудники вблизи давали всѣ средства къ образованію значительной сухопутной и морской державы, къ появленію новыхъ, сѣверныхъ Аѳинъ. Какъ извѣстно, этими средствами воспользовался послѣ Филиппъ Македонскій. Произошло это не отъ того, чтобъ Олинѳъ не понялъ своей задачи. Олинѳъ уже успѣлъ освободить изъ-подъ власти царя Македонскаго нѣсколько городовъ; самая Пелла была въ числѣ ихъ; уже казалось, что царь Македонскій Аминта долженъ будетъ уступить всѣ свои владѣнія Олинѳу. Олинѳъ началъ подчинять своему вліянію и господству сосѣднія ѳракійскія племена и былъ близокъ къ тому, чтобы взять въ свои руки рудники. Онъ уже располагалъ военными силами въ восемь тысячъ однихъ тяжеловооруженныхъ. Не Македонія и ѳракійскіе варвары остановили Олинѳъ на счастливо начатомъ поприщѣ. Маленькія греческія политіи, находившіяся вблизи, представляли съ самаго начала гораздо больше трудностей на этомъ пути, чѣмъ Македонія и Ѳракія. Олинѳъ обратился къ этимъ политіямъ съ приглашеніемъ образовать одно государство, слиться съ нимъ, Олинѳомъ, въ одну политію. Нѣсколько малыхъ городовъ добровольно послѣдовали такому приглашенію, дру-

[1]) Hellen IV. 4, 6.

гіе были принуждены принять гражданство олинѳское противъ своей воли. Наконецъ, Олинѳъ обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ двумъ болѣе значительнымъ городамъ -- Аканѳу и Аполлоніи: и здѣсь-то начались непреодолимыя препятствія, которыя повели къ роковой для Олинѳа и для всей Греціи катастрофѣ. Аканѳяне и Аполлоніаты хотѣли „жить только по отеческимъ законамъ и оставаться гражданами только своего города". Не имѣя достаточно силъ, чтобы самимъ защищать свою самобытность противъ Олинѳа, они обратились съ просьбою о защитѣ къ Спартѣ, которая въ это время такъ усердно поддерживала вездѣ принципъ автономіи греческихъ общинъ. Рѣчь, которую послы двухъ городовъ держали въ Спартѣ, показываетъ съ одной стороны, что дѣло шло дѣйствительно объ образованіи одного государства, а не о симмахіи или подчиненіи; съ другой стороны, она вполнѣ выражаетъ необыкновенную, „неразумную", — какъ сказалъ самъ Гротъ при этомъ случаѣ,—„привязанность Грековъ къ городской автономіи". Послы сами говорятъ, что Олинѳъ присоединялъ греческіе города на такихъ условіяхъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ имѣть одни законы и одни гражданскія права. Послы приглашаютъ Спартанцевъ какъ можно скорѣе принять мѣры противъ Олинѳа, пока еще есть надежда, что города, недобровольно вошедшіе въ олинѳскую политію, сейчасъ же воспользуются удобнымъ случаемъ отложиться отъ Олинѳа; иначе грозитъ опасность, что интересы могутъ перепутаться и слиться вслѣдствіе взаимныхъ браковъ, вслѣдствіе допущенной возможности пріобрѣтать поземельную собственность каждому въ каждой области, и тогда уже будетъ трудно расторгнуть укрѣпившуюся связь [1]). Такимъ образомъ, сами враги Олинѳа признаютъ, что въ его стремленіяхъ нѣтъ ничего особенно деспотическаго и властолюбиваго; они косвеннымъ образомъ признаютъ, что и для Аканѳа съ Аполлоніей въ близкомъ будущемъ соединеніе съ Олинѳомъ могло бы превратиться въ пріятную и полезную привычку. Единственная причина, почему Аканѳъ и Аполлонія не желаютъ согласиться на требованіе Олинѳа, есть та, что они привыкли быть отдѣльными государствами, составлять самп по себѣ государство, носящее имя ихъ города, и желаютъ остаться въ такомъ видѣ — αὐτοπολῖται εἶναι. Благодаря вмѣшательству Спарты, попытка образовать на сѣверѣ чисто-эллинское государство, которое могло бы дать другой видъ всей послѣдующей исторіи греческой, кончилась пораженіемъ и униженіемъ Олинѳа. Греческіе

[1]) Xenoph Hellen V. 2, 12 и слѣд

города во Ѳракіи этимъ самымъ были преданы въ руки Македоніи. Самый Олинѳъ, когда онъ снова поднялся и снова обнаружилъ тѣ же стремленія, былъ разрушенъ Филиппомъ Македонскимъ.

Попытки образованія большаго единства посредствомъ симполитіи кончились также неудачно, точно также или еще гораздо менѣе привели къ прочнымъ, твердымъ и продолжительнымъ результатамъ, чѣмъ соединеніе на началахъ симмахіи. Тамъ возбуждало ревность то сильное государство, которое становилось во главѣ союза. Спарта и Аѳины на столько были сильнѣе каждаго изъ своихъ союзниковъ, что равноправныя отношенія тутъ были невозможны на долгое время. Съ другой стороны, они были на столько слабы и чувство политическаго обособленія на столько сильно даже и въ нихъ самихъ, что они никогда не могли прійдти къ мысли о прямой инкорпораціи союзныхъ общинъ въ свой государственный организмъ, но по необходимости оставляли ихъ все-таки въ видѣ отдѣльныхъ единицъ. Нечего говорить о томъ, какъ бы встрѣчена была подобная попытка со стороны самихъ союзниковъ и было ли возможно слить въ государственное единство такія отдаленныя и разсѣянныя части, изъ какихъ состоялъ аѳинскій военный союзъ. Мы, впрочемъ, не можемъ удержаться отъ замѣчанія, что препятствія были не географическія: если гдѣ, то именно здѣсь, море не раздѣляетъ, а соединяетъ [1]), и не даромъ Греція и Малая Азія съ междулежащими островами составляли одно государство въ византійское и даже въ турецкое время. Препятствія заключались въ государственной идеѣ древняго міра: она не могла вмѣстить въ себѣ слишкомъ большаго географическаго пространства, хотя бы и сплошнаго. Самымъ разительнымъ доказательствомъ этого и служатъ именно сейчасъ приведенные нами примѣры Аргоса съ Коринѳомъ и Олинѳа. Здѣсь, повидимому, скорѣе было возможно полное и безвозвратное сліяніе государственное, въ которомъ были бы забыты всѣ частныя распри, все различіе между жителями Аргоса и Коринѳа. Развѣ это не были и безъ того люди одной крови, одного нарѣчія? Развѣ на этотъ разъ невозможно было собираться имъ въ опредѣленные сроки на одной площади? Кто тутъ терялъ свои права, кто приносилъ жертву? Внимательно всмотрѣвшись, мы найдемъ, что жертва и въ такихъ случаяхъ, какъ приглашеніе Олинѳа къ жителямъ Аканѳа и Аполлоніи, какъ соединеніе Коринѳа съ Аргосомъ, все-таки требовалась, и съ

[1]) Курціусъ въ началѣ своей исторіи остроумнымъ и блестящимъ образомъ развиваетъ мысль о природномъ географическомъ единствѣ Греціи и малоазіатскихъ береговъ.

греческой точки зрѣнія довольно значительная жертва. Нечего и говорить, что если въ одномъ изъ соединяющихся государствъ правила олигархія, то она теряла свое привилегированное положеніе: все ея существованіе было связано съ самостоятельностію маленькаго государства. И при демократіи въ случаѣ соединенія съ другимъ государствомъ также терялась фактически большая часть той свободы, которая только и была понятна для Грека, то-есть, свободы политической съ непосредственнымъ участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ, съ личнымъ пользованіемъ политическими правами. Верховная власть въ демократіи принадлежала народному вѣчу: представительства не было. То же самое оставалось и въ новомъ государствѣ, основанномъ симполитіей. При такомъ порядкѣ мѣсто, гдѣ находилось сѣдалище правительства, гдѣ собиралось вѣче, имѣло большія преимущества. Въ частыхъ народныхъ собраніяхъ граждане его всегда могли имѣть перевѣсъ, тѣмъ болѣе что житель Коринѳа, сдѣлавшись гражданиномъ Аргоса, житель Акаѳа, сдѣлавшись гражданиномъ Олинѳа, не всегда могъ являться на вѣче въ Аргосъ и Олиноъ. Очевидно, что кромѣ идеальной привязанности, для которой дорого было одно имя Коринѳа, какъ самостоятельнаго государства, были и потери реальныя, осязательныя.

Нужно было Грекамъ сдѣлать еще одинъ шагъ. Нужно было устроить такъ, чтобы соединеніе не уничтожало отдѣльнаго бытія, историческаго имени соединяющихся во едино общинъ и чтобъ оно никому не давало никакихъ преимуществъ. Неудивительно, что Греки пришли, наконецъ, и къ этой мысли; удивительно то, что сознательно пришли они къ ней такъ поздно.

Политическое устройство, примиряющее самостоятельность и равноправность частей съ выгодами и часто необходимостію большаго единства, есть устройство, которое теперь называютъ федеративнымъ. Въ самомъ началѣ греческой исторіи встрѣчаются уже начатки федеративныхъ образованій. Знаменитыя и такъ долго не понимаемыя амфиктіоніи были союзы федеративнаго свойства, хотя, конечно, съ чисто религіознымъ основаніемъ и цѣлію [1]). Во всякомъ случаѣ онѣ могли бы, кажется, дать идею общаго соединенія для общихъ дѣлъ съ сохраненіемъ самостоятельности членовъ. Они могли бы указать и на форму, которая была бы способна осуществить идею. Въ Дель-

[1]) Если амфиктіонійская клятва запрещала мѣры крайней жестокости въ войнѣ между членами союза, то вѣдь и христіанскіе соборы учреждали «миръ Божій».

фахъ, въ томъ священномъ мѣстѣ, которое считалось срединнымъ пунктомъ земли, собирались представители почти всѣхъ частей Греціи, чтобы разсуждать о вопросахъ, интересующихъ всю націю, чтобъ издавать постановленія, признаваемыя и уважаемыя всею націей. Почему никому не пришло въ голову дать Дельфійской амфиктіоніи болѣе широкое значеніе, вручить ей болѣе обширныя полномочія для общаго блага всей Греціи? Почему постоянные депутаты отъ разныхъ греческихъ племенъ (іеромнемоны и пилагоры) не могли дать идеи объ общемъ представительствѣ? Отчего историческое значеніе Дельфійской амфиктіоніи болѣе всего заключается въ томъ, что она служитъ живымъ доказательствомъ малой склонности Эллиновъ къ политическому объединенію и рѣшительнаго отсутствія идей о представительномъ *политическомъ* устройствѣ? Кромѣ существенныхъ недостатковъ въ самой организаціи Дельфійской амфиктіоніи [1]), причина заключается опять въ коренномъ, первоначальномъ и непосредственномъ стремленіи Грека къ политическому индивидуализму. Еще разъ: должно быть, очень глубоко лежало это стремленіе въ душѣ Грека; должно быть, оно связано было таинственнымъ родствомъ съ основами его религіознаго сознанія, по которому онъ не представляетъ и самой природы какъ единаго цѣлаго, а обособляетъ ея силы и явленія въ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ политеизма; должно быть, наконецъ, оно связано и съ сильнымъ развитіемъ чувства изящнаго, которое хотѣло соразмѣрности и красоты въ самомъ государствѣ. Какъ бы то ни было Греція до-македонская идетъ не къ федеративному устройству, которое, повидимому, было такъ естественно для нея, а прочь отъ федеративнаго устройства. Только въ первоначальной организаціи аѳинской симмахіи Греки, быть-можетъ, воспользовались указаніями, которыя можно было взять отъ амфиктіонійскаго устройства. Но и тамъ союзъ стоялъ, можно сказать, поверхъ государства, вызванъ былъ внѣшнимъ событіемъ, заключенъ противъ внѣшняго врага, разорившаго храмы греческіе, угрожавшаго самымъ Дельфамъ, заключенъ, слѣдовательно, только съ опредѣленною цѣлію, хотя въ первомъ пылу

[1]) Недостатокъ, о которомъ будетъ сказано ниже, состоялъ въ томъ, что представительство вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію исторической Греціи. Амфиктіонійскій союзъ былъ союзъ не политій, а греческихъ колѣнъ, что̀, по замѣчанію Грота, уже указываетъ на его сѣдую древность Представители іонійскаго и дорійскаго племени имѣли точно также по одному голосу, какъ представители ничтожныхъ народцевъ въ родѣ Магнитовъ и Фаіотійскихъ Ахэйцевъ.

одушевленія и клялись на вѣчныя времена. Какъ скоро пришлось жить обыденною жизнію, какъ скоро опасность могла казаться исчезнувшею или отдаленною, Греки, очевидно, охладѣли къ своему равноправному союзу, и отсюда вытекли извѣстныя намъ событія, преобразовавшія союзъ или конфедерацію въ Аѳинскую державу. Въ самый блестящій періодъ греческой исторіи все еще встрѣчаются болѣе или менѣе крѣпкія связи федеративнаго свойства, но встрѣчаются онѣ только въ отсталыхъ менѣе развитыхъ областяхъ сѣверной Греціи (въ Акарнаніи, Этоліи, Фокидѣ и Ѳессаліи) и еще въ Ахаіи. Это тѣ федераціи, которыя основываются не на положительныхъ договорахъ, условіяхъ и опредѣленіяхъ, а на чувствѣ племеннаго родства и единства, на мѣстной географической связи. Такого рода „федеративныя начала“ существовали почти вездѣ и даже, пожалуй, въ нашей русской исторіи, но съ развитіемъ народа и государства они вездѣ исчезали. Строго говоря, не слѣдуетъ даже и называть этихъ первоначальныхъ формъ народнаго общежитія федераціями, ибо въ самомъ словѣ „федерація“ заключается понятіе о положительномъ, сознательномъ договорѣ (foedus). Всѣ греческія области, въ которыхъ встрѣчаются формы федеративнаго характера играютъ очень незначительную роль въ греческой исторіи. Только въ послѣ-македонскій періодъ двѣ изъ нихъ выступаютъ на первый планъ. Очевидно, что сохраненіемъ общей коллективной связи между своими составными частями онѣ были обязаны именно своей отсталости. Федеративныя связи въ нихъ остатки прошлаго, а вовсе не начатки новаго развитія, не задатки будущаго. Извѣстно, что чѣмъ больше и выше по развитію былъ греческій городъ, тѣмъ онъ крѣпче держался за свою самобытность. А въ вышеуказанныхъ областяхъ не было и не явилось большихъ городовъ; поэтому не могла развиться и система городской автономіи [1]).

Гораздо важнѣе и поучительнѣе исторія политическихъ судебъ

[1]) Городъ Стратъ (Στρατος), гдѣ былъ центральный пунктъ Акарнаніи, гдѣ сходилось союзное собраніе, былъ, очевидно, также ничтоженъ, какъ и другіе города Акарнаніи Двадцать два города Фокиды, соединенные въ одинъ союзъ (κοινον σύστημα) были всѣ одинаково незначительны, кромѣ Дельфъ, которые стояли особнякомъ и не всегда входили въ составъ союза. Связь, которая существовала между господствующимъ населеніемъ Ѳессаліи, разсѣяннымъ въ Ларисѣ, Фарсалѣ, Краннонѣ, Ферахъ — не отличалась, нужно думать, ни крѣпостію, ни опредѣлительностію Мы даже не знаемъ, какого рода былъ здѣсь союзный органъ, завѣдывавшій общими интересами. Тагія была должность чрезвычайная для исключительныхъ случаевъ, гдѣ необходимо было дружное энергическое дѣйствіе.

Віотіи, гдѣ тоже встрѣчаются намеки на федеративное устройство. Если бы въ самомъ дѣлѣ федеративныя начала успѣли развиться въ этой важной исторической странѣ до системы твердой, прочной и правильной, то имъ принадлежало бы болѣе видное мѣсто въ исторіи политическаго развитія до-македонской Греціи. Но именно существованіе здѣсь такого сильнаго города, какъ Ѳивы, служитъ постояннымъ препятствіемъ къ федераціи. Ѳивы, естественно, стремятся къ тому, чтобы соединить всю Віотію подъ своею верховною властью, даже къ тому, чтобы образовать изъ всей Віотіи одно государство, какъ Аѳинамъ удалось это сдѣлать съ Аттикой. Но и Ѳивы не были Аѳинами, и въ Віотіи уже существовали такіе города, какъ Платэя, Орхоменъ, Ѳеспіи. Отказаться отъ своего самобытнаго существованія, дабы получить въ замѣнъ того права гражданства обще-віотійскаго или ѳивскаго, такія политіи, уже жившія своею собственною политическою жизнію, не хотѣли и не могли. По внѣшнимъ формамъ своего устройства Віотія представляетъ съ самаго древняго времени черты какъ-будто дѣйствительной федераціи. Общее правительство существуетъ отъ имени всей віотійской націи. Одиннадцать віотарховъ стоятъ во главѣ ея; два изъ нихъ назначаются Ѳивами, остальные каждымъ изъ прочихъ городовъ по одному. Четыре союзныя думы (βουλή), состоящія изъ депутатовъ отъ союзныхъ городовъ, завѣдываютъ общими дѣлами [1]). Но при союзныхъ формахъ нѣтъ вовсе союзнаго духа, и вся исторія віотійской федераціи представляетъ только постоянное стремленіе Ѳивъ къ практическому преобладанію надъ другими общинами. Судьба Платэи есть печальный и кровавый образецъ столкновеній, отсюда проистекавшихъ. Уже въ VI-мъ вѣкѣ Платэйцы находятъ ѳивское иго слишкомъ тяжелымъ, ищутъ противъ него помощи сначала въ Спартѣ, потомъ въ Аѳинахъ [2]). Во время Пелопоннисской

[1]) О віотархахъ: Thucyd. IV. 91: τῶν ἄλλων βοιωταρχῶν, οἳ εἰσιν ἕνδεκα, οὐ ξυνεπαινούντων μάχεσθαι... Παγώνδας ὁ Αἰολάδου, βοιωταρχῶν ἐκ Θηβῶν μετ' Ἀριανθίδου τοῦ Λυσιμαχίδου.. Здѣсь остается сомнительнымъ, относится ли οἳ только къ βοιωταρχῶν или къ τῶν ἄλλων βοιωταρχῶν Въ послѣднемъ случаѣ віотарховъ было бы 13, но вѣроятнѣе первое объясненіе. Уже въ этомъ мѣстѣ названы два віотарха изъ Ѳивъ, ср. II. 2 и VII. 30. О четырехъ думахъ Thucyd. V. 38: ταῖς τέσσαρσι βουλαῖς τῶν Βοιωτῶν, αἵπερ ἅπαν τὸ κῦρος ἔχουσιν Бекъ, впрочемъ, предполагаетъ, что эти четыре думы, если и не соединялись въ одну корпорацію на время засѣданій, то по крайней мѣрѣ собирались въ одномъ мѣстѣ Corpus Inscr. p. 728.

[2]) Herod. VI. 108: πιεζόμενοι ὑπὸ Θηβαίων. Ср. Thucyd. III. 55. Ὅτε Θηβαῖοι ἡμᾶς ἐβιάσαντο.

войны, въ началѣ ея (427 г.), послѣдовала кровавая развязка: Платэя сравнена съ землей, плѣнные перебиты. Печальная распря Ѳивъ съ Платэей не объясняется какимъ-нибудь исключительнымъ соперничествомъ между обоими городами. Стѣны города Ѳеспій точно также были разрушены за аттикизмъ ихъ жителей (въ 423-мъ году); и есть указанія на общее недовольствіе союзниковъ противъ Ѳивянъ около времени окончанія Пелопоннисской войны [1]). Во время переговоровъ по поводу Анталкидова мира, опираясь на свое преобладаніе, укрѣпленное въ теченіе названной войны, Ѳивы выступаютъ уже съ формальнымъ притязаніемъ представлять всю Віотію; не віотархи или послы отъ четверной думы віотійской являются для того, чтобы принести клятву въ соблюденіи мирнаго договора, — на это объявляютъ притязаніе послы города Ѳивъ [2]). Нужно замѣтить, что и прежде въ Греціи не признавали вполнѣ обязательности віотійскаго союза. Коринѳяне, призванные быть посредниками между Ѳивами и Платэей, объявили, что не желающіе оставаться въ союзѣ всегда могутъ выйдти изъ него [3]). Тѣмъ менѣе можно было разчитывать на признаніе такихъ широкихъ притязаній, съ которыми выступили теперь Ѳивы, не говоря уже о томъ, что политикѣ спартанской никакъ не было желательно образованіе одного сильнаго віотійскаго государства. Ѳивы должны были отказаться отъ своихъ плановъ. Всѣ города Віотіи должны были, по условіямъ Анталкидова мира, сдѣлаться самостоятельными. Віотійская федерація перестала существовать и въ томъ видѣ, какой она имѣла.

Когда иго Спарты было свергнуто, въ кратковременный блестящій періодъ Пелопида и Епаминонда, ѳиванская демократія, заступившая мѣсто прежней олигархіи, снова стремится къ возстановленію единства въ Віотіи. Но если города Віотіи и охотно вступали въ союзъ, возстановленный на новыхъ началахъ, то они скоро должны были убѣдиться, что віотійская федерація значитъ опять только господство одного города. Съ большею рѣшительностію, чѣмъ прежде, Ѳиванцы стремятся къ тому, чтобы соединить всю Віотію въ одно ѳиванское

---

[1]) Ѳеспіи: Thucyd. IV. 133. Ѳукидидъ замѣчаетъ, что Ѳивянамъ давно уже хотѣлось сдѣлать. Это общее недовольствіе союзниковъ: Xenoph. Memor. III. 5, 2. Βοιωτῶν μὲν γὰρ πολλοί, πλεονεκτούμενοι ὑπὸ Θηβαίων, δυσμενῶς αὐτοῖς ἔχουσιν. Ἀθήνῃσι δὲ οὐδὲν ὁρῶ τοιοῦτον.

[2]) Xenoph. Hellen V. 1, 32. Οἱ δὲ Θηβαῖοι ἠξίουν ὑπὲρ πάντων Βοιωτῶν ὄμνυναι. Ср. Pausan IX 13, 1.

[3]) Herod. VI. 108.

государство. Въ короткое время (отъ 374 года до 363-го) они разрушаютъ четыре віотійскіе города, не хотѣвшіе отказаться отъ своего политическаго существованія, упасть до степени простыхъ селъ [1]) Притомъ грубая и необразованная демократія ѳиванская безъ Епаминонда и Пелопида вовсе не была способна хоть чѣмъ-нибудь вознаградить населеніе городовъ віотійскихъ за потерю самобытнаго существованія, точно такъ какъ она была не способна стоять во главѣ Греціи [2]). Сраженіе при Хэронеѣ уничтожило самостоятельность самихъ ѳивъ, — въ нихъ поставленъ македонскій гарнизонъ, разоренные города снова возстановлены; они ревностно помогали Александру во время его похода противъ ѳивъ; ихъ голоса осудили ненавистный тираническій городъ на полное разрушеніе [3]). Послѣ эпохи діадоховъ ѳивы, какъ мы увидимъ, снова стоятъ во главѣ віотійскаго союза; но на ряду съ ахэйскимъ союзомъ и Спартой Клеомена они играютъ роль очень незначительную.

Первый важный успѣхъ дѣлаетъ мысль о федеративномъ устройствѣ только послѣ Левктрскаго сраженія (въ 371-мъ г.), уничтожившаго преобладаніе Спарты въ самомъ Пелопоннисѣ, — и въ странѣ, доселѣ остававшейся почти совершенно чуждою историческому движенію греческой жизни. Попытка соединенія Аркадіи на федеративныхъ началахъ имѣетъ для насъ особенное значеніе, вопервыхъ, потому что она, очевидно, вызвана сознательнымъ убѣжденіемъ государственныхъ людей того времени въ необходимости и пользѣ такого устройства, и вовторыхъ, потому что она, какъ увидимъ ниже, имѣла вліяніе на позднѣйшее развитіе федеративныхъ стремленій въ ахэйскій періодъ. Жителю Мантинеи, возстановленной въ значеніи города послѣ униженія Спарты, Ликомеду принадлежитъ первая мысль объ образованіи обще-аркадской федераціи. Устройство, которое онъ имѣлъ въ виду, есть дѣйствительное и строгое федеративное устройство. Тѣ затрудненія, которыя мѣшали утвержденію прочнаго и согласнаго союза въ Віотіи, которыя не допустили изъ городовъ Ѳракіи образоваться одному олинѳскому государству, здѣсь устраняются. Города Аркадіи, вступающіе въ федеративный союзъ, не лишаются своего существованія въ видѣ свободныхъ греческихъ политій; только въ отношеніи

---

[1]) Эти города суть: Орхоменъ (Pausan. IX. 15, 3 и 14. Diod. XV. 57, 69), Ѳеспіи и Коронія (Pausan. IX. 13, 8 и д.) и вновь возстановленная послѣ Пелопоннисской войны Платэя (ibid. IX. 1, 4 и д.)

[2]) Ефоръ у Стравона (X. 6, 14) высказываетъ эту мысль.

[3]) Diod. XVIII, 11. Arrian. I. 9, 16.

къ другимъ государствамъ Аркадія должна быть единою [1]). Здѣсь не будетъ одного преобладающаго города, который бы подобно Ѳивамъ стремился къ исключительному господству. Мантинея и соперничествующая съ нею Тегея должны отказаться отъ мысли стоять во главѣ Аркадіи. Чтобы пресѣчь всякій источникъ соперничества и раздоровъ, будетъ основана новая столица для аркадской федераціи (Мегалополь). Къ несчастію, планы Ликомеда не достигли полнаго осуществленія, а себялюбивая политика городовъ Аркадіи уничтожила и то, что́ было достигнуто. Только нѣсколько лѣтъ Мантинея и Тегея жили мирно, только нѣсколько лѣтъ собраніе „десяти тысячъ“ [2]) сходилось для обсужденія и рѣшенія общихъ дѣлъ Аркадіи. Но если существованіе аркадской федераціи было не продолжительно, то Мегалополь остался и сохранилъ преданія, которымъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Онъ далъ греческой исторіи Филопимена, Ликорту и Поливія, „послѣднихъ Грековъ“, поборниковъ той же самой идеи, которая одушевляла Ликомеда.

Нельзя согласиться съ историками, которые называютъ игемонію Македоніи надъ Греціей чуждымъ, „иностраннымъ господствомъ“, хотя мы не думаемъ также, чтобы вполнѣ были правы и тѣ, которые считаютъ ее большимъ „счастіемъ“ для Эллады и осуждаютъ по этому Димосѳена, какъ „явленіе печальное“ [3]). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что благодѣянія, оказанныя Греціи Филиппомъ и Александромъ, не вознаграждали ея за тѣ бѣдствія, которыя она должна была испытать отъ ихъ преемниковъ. Хаосъ, разореніе,

[1]) Xenoph. Hellen. VI. 5, 6.

[2]) Μύριοι — такъ назывался союзный сеймъ аркадскій: см. Diodor. XV. 59, гдѣ имъ приписывается ἐξουσία περὶ τοῦ πολέμου καὶ τῆς εἰρήνης βουλεύεσθαι. Ср. Xenoph. Hellen. VII. 4, 34. Аристотель въ своемъ (потерянномъ) сочиненіи περὶ πολιτειῶν трактовалъ объ этихъ μύριοι. Συνέδριόν ἐστι κοινὸν Ἀρκάδων ἁπάντων. Διείλεκται δὲ περὶ αὐτῶν καὶ Ἀριστοτέλης ἐν τῇ κοινῇ Ἀρκάδων πολιτείᾳ. Hagrocration у К. Мюллера въ Aristotelis fragmenta.

[3]) Отношеніе Македоніи къ Греціи вполнѣ напоминаетъ отношеніе Пруссіи къ остальной Германіи, Піемонта къ Италіи. Населеніе Македоніи не отличалось чистотою эллинской крови точно также, какъ въ составѣ Пруссіи и Піемонта много посторонннихъ элементовъ — не нѣмецкихъ и не итальянскихъ. «Печальное явленіе» принадлежитъ, разумѣется, Дройзену, который любитъ Македонію какъ греческую Пруссію. Намъ слѣдуетъ помнить, что греческія республики, подчинясь Македоніи, теряли несравненно болѣе и можетъ-быть, выигрывали менѣе, чѣмъ подданные мелкихъ нѣмецкихъ князей, поступая подъ власть короля Пруссіи. Гротъ, какъ извѣстно, представляетъ обратный полюсъ съ Дройзеномъ. Такая противоположность воззрѣній существовала уже и въ древности: см. Polyb. IX. 28′ и слѣд.

тиранніи, гарнизоны наемныхъ солдатъ по всѣмъ почти городамъ — все это должна была вынести Эллада во время діадоховъ. Она переходила изъ рукъ въ руки, отъ одного завоевателя къ другому, отъ одного освободителя къ другому. Она не успокоилась подъ македонскимъ покровомъ и не могла успокоиться. Если еще въ ней были живыя силы, она должна была еще разъ сдѣлать попытку встать на свои собственныя ноги. Одинъ прочный и конечно, громадный результатъ остался отъ завоеваній Александра. Когда броженіе нѣсколько улеглось, то оказалось, что греческая цивилизація прочно утвердилась въ тѣхъ предѣлахъ, куда она проникла подъ защитою македонской сариссы, и повидимому, навсегда завоевала себѣ азіатскій востокъ. На мѣстѣ разрушенной Персидской монархіи стояла теперь цѣлая система эллинистическихъ государствъ. Между ними утвердилось даже нѣчто въ родѣ политическаго равновѣсія. Три изъ этихъ государствъ: Македонія, Египетъ и азіатское царство Селевкидовъ — играли роль великихъ державъ въ этой системѣ. Вопросъ былъ теперь въ томъ, займетъ ли Греція, откуда шли всѣ нравственныя и культурныя силы на образованіе эллинистическихъ государствъ, самостоятельное политическое положеніе въ ихъ средѣ, или она осуждена быть не болѣе какъ провинціей Македоніи, оставаться въ видѣ простаго дополненія, самымъ внѣшнимъ образомъ прикрѣпленнаго къ царству Антигонидовъ. Несомнѣнно, что при новыхъ широкихъ и громадныхъ размѣрахъ политической системы, при постоянныхъ столкновеніяхъ великихъ державъ между собою, только соединеніе и организація греческихъ государствъ на началахъ достаточно прочныхъ и крѣпкихъ могли рѣшить этотъ вопросъ положительно. Было ли это возможно? Воспользуются ли Греки вполнѣ тою долгою школой, которая наконецъ привела ихъ къ единственной удовлетворительной для нихъ формѣ политическаго устройства? Повидимому, долгія бѣдствія ослабили то ревнивое чувство автономіи и автополитіи, которое до сихъ поръ служило главнымъ препятствіемъ всякой прочной связи между отдѣльными государствами. Но за то, можетъ-быть, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, были препятствія внутреннія, приготовленныя внутреннимъ, соціальнымъ развитіемъ маленькихъ республикъ. Въ каждой изъ нихъ стояли другъ противъ друга двѣ враждебныя и непримиримыя партіи. Вопросъ политическій неизбѣжно встрѣчался съ вопросомъ соціальнымъ; твердый государственный порядокъ находилъ почти непреодолимыя препятствія въ ожесточенной борьбѣ и сопровождающихъ ее переворотахъ внутри отдѣльныхъ государствъ.

Внутреннее соціально-политическое развитіе греческаго народа совершалось по тѣмъ же самымъ законамъ, какіе замѣтны въ исторіи другихъ государствъ; оно представляетъ въ сущности тотъ же самый порядокъ явленія и смѣны основныхъ формъ экономическаго и общественнаго быта, какой потомъ повторяется въ исторіи Рима и новыхъ государствъ Европы. Первоначальная, древнѣйшая греческая монархія уступаетъ мѣсто военной (рыцарской) аристократіи, опирающейся главнымъ образомъ на крупное землевладѣніе. Весь строй жизни общественной и государственной преобразуется почти въ одно время, и слѣдовательно, не случайно, во всѣхъ греческихъ областяхъ въ смыслѣ господства этой единственной тогда соціальной силы землевладѣнія. Весь народъ состоялъ въ эту эпоху изъ двухъ классовъ: аристократическаго дворянства и крестьянъ. Послѣдніе или обработывали поля дворянъ, или еще удерживали свою небольшую собственность, но въ томъ и другомъ случаѣ находились въ полной зависимости отъ большихъ землевладѣльцевъ. Съ основаніемъ колоній, съ развитіемъ торговли и промышленности образуется другая общественная сила, поднимается городское населеніе, собравшееся вокругъ кремлей (акрополей, бурговъ), построенныхъ въ воинственныя времена для защиты отъ внезапныхъ нападеній. Съ теченіемъ времени, съ бо́льшимъ расширеніемъ торговыхъ сношеній и скопленіемъ богатства, расширялся также и кругозоръ городскаго населенія, поднималось его самосознаніе. Экономическая сила движимаго имущества скоро приходитъ въ столкновеніе съ преобладающимъ значеніемъ аристократическаго землевладѣнія. Крестьяне находятъ въ ней опору для себя противъ тяжелаго гнета аристократіи. Но греческое дворянство владѣло всею силой божественнаго и человѣческаго авторитета; ему принадлежали судъ и правленіе, въ его рукахъ находилось богослуженіе и жертвы. Бороться съ его организованною силой горожанамъ и крестьянамъ было весьма трудно. Въ новой Европѣ во главѣ поднимающихся классовъ противъ феодальной аристократіи становится обыкновенно монархія. Но въ древней Греціи монархія была унижена и подавлена аристократіей не временно только, какъ это было въ Европѣ; напротивъ она была совершенно уничтожена тою же самою аристократіей. Роль, которая бы теперь должна была принадлежать законной монархіи, беретъ на себя монархія незаконная, вызванная, впрочемъ, потребностями времени. Древняя греческая тираннія есть монархія демократическая, основанная въ интересахъ народа и руководившая имъ

въ борьбѣ противъ аристократіи [1]). Исполнивъ свое призваніе, она тѣмъ скорѣе должна была сойдти со сцены, что не имѣла законнаго освященія. Она не умѣла согласить свою власть съ свободою, не умѣла примирить интересы монархіи, аристократіи и народа, давъ надлежащую мѣру вліянія всѣмъ тремъ элементамъ. Когда горожане и крестьяне почувствовали въ свою очередь самовластіе и насиліе новаго правительства, они или отдали его въ жертву ненависти дворянства, или потребовали политическихъ учрежденій, которыя бы обезпечивали каждому члену общины равное участіе въ дѣлахъ правленія. Древняя тираннія приготовила демократическое развитіе греческихъ республикъ, уничтоживъ привилегіи аристократическія, основанныя на происхожденіи и опирающіяся на землевладѣніе.

На ряду съ демократическимъ движеніемъ и развитіемъ совершалось, сколько можно видѣть, движеніе къ раздробленію поземельной собственности, къ распредѣленію богатства между бо́льшимъ количествомъ гражданъ. Наши скудныя извѣстія объ экономическихъ отношеніяхъ Греціи ограничиваются почти только Аѳинами. Если мы возьмемъ Аѳины за образецъ, то въ началѣ VI вѣка, именно въ эпоху возникновенія демократій, нужно будетъ предполагать въ Греціи очень мелкое распредѣленіе поземельной собственности. Обратимся къ даннымъ Солонова ценза. Третій классъ по этому цензу составляютъ зевгиты, собственники, получающіе отъ 150 до 300 медимновъ дохода (отъ 70 до 141 четверика). При среднемъ плодородіи, для такого количества жатвы требуется около шести десятинъ земли. Такъ какъ у Грековъ господствовала паровая система, то для ежегоднаго сбора съ полей отъ 150 до 300 медимновъ нужно имѣть участокъ отъ 12 до 24 десятинъ, предполагая, что воздѣлывается исключительно ячмень. Но значительная часть плодородной земли въ Аттикѣ посвящалась разведенію и обработкѣ масличныхъ, оливковыхъ и виноградныхъ деревьевъ, которыя требуютъ несравненно меньшаго пространства для того, чтобы дать равный доходъ. Посему, если мы примемъ только отъ 6-и до 12-и десятинъ для зевгита, или среднимъ числомъ 9 десятинъ, то это не будетъ слишкомъ низкая цифра. Аттика была очень хорошо обработана; поэтому можно принять, что изъ 40 квадр. миль половина была воздѣлываема, слѣдовательно, около 102.000 десятинъ. Отсюда получится около 11.000 землевладѣльцевъ средняго класса. Ихъ было, конечно, меньше, ибо существовали болѣе крупные

[1]) См Эпоха древней тираніи въ Греціи, проф. Бауера.

собственники, принадлежавшіе ко второму и первому классу. Но уже второй классъ былъ немногочисленъ. Можно предполагать, что всѣ всадники (ἱππεῖς, названіе втораго класса) во времена Солона дѣйствительно были обязаны нести конную службу. Но конниковъ въ Аѳинахъ считалось сначала сто, потомъ триста и только предъ Пелопоннискою войной число ихъ увеличено до 1.000 или 1.200 [1]). Естественно, что первый классъ былъ еще малочисленнѣе. До самаго конца Пелопоннисской войны сохранялось въ Аѳинахъ такое выгодное отношеніе. По прямому свидѣтельству древности, послѣ низверженія тридцати тирановъ только пять тысячъ человѣкъ изъ аѳинскихъ гражданъ не имѣли земли, то-есть, одна четвертая часть [2]). Даже богачи, какъ Алкивіадъ, Аристофанъ, владѣли тогда тремя стами плеѳровъ земли или немного болѣе, что составляетъ цѣнность менѣе 5 талантовъ [3]). Въ это хорошее время, которое по Исократу продолжалось впрочемъ очень недолго, ни одинъ гражданинъ не терпѣлъ нужды въ необходимомъ, не позорилъ города, прося милостыни у встрѣчныхъ, какъ это случалось послѣ [4]).

О своемъ времени Исократъ и Платонъ уже говорятъ, что въ Аѳинахъ число нуждающихся превосходитъ число имущихъ. Одни, по ихъ словамъ, очень богаты, другіе совершенно бѣдны, и количество послѣднихъ увеличивается постоянно болѣе и болѣе [5]). Во время Демосѳена раздаются прямыя жалобы на сосредоточеніе поземельныхъ участковъ въ немногихъ рукахъ. Люди, имѣющіе участки въ 40 кв. стадій, въ одну нѣмецкую милю, получающіе до 110 минъ (около 2.750 рублей) ежегоднаго вѣрнаго дохода, уже не считаются въ числѣ главныхъ богачей. Настоящіе капиталисты, какъ банкиръ Пасіонъ имѣютъ одной земли на 20 талантовъ (30.000 руб.) и сверхъ того около 50 талантовъ въ денежныхъ оборотахъ [6]). Очевидно, дѣло шло очень быстро къ образованію богатой олигархіи и обѣдненію остальнаго населенія. Мы увидимъ, что во время Антипатра болѣе поло-

---

[1]) См. Böckh Staatshaush. der Athen I. стр. 275 (359 новаго изд.), 279 (367 н. и.) и 223 (292 н. и.).

[2]) Dionys. Halicarn. de Lysia c. 32.

[3]) Böckh Staatsh d. Ath. I, 67 ((9). II. 17 (I, 633 н. и.). Плеѳръ имѣетъ 10.000 кв футовъ греческихъ. Lysias pro bonis Aristoph. (Orat Attici I, 314): χαλεπον γῆς τε πλέον ἡ τριακόσια πλέθρα κτήσασθαι.

[4]) Areopagit § 83 (Orat Attici II, 176).

[5]) Πλείους εἰσιν οι σπανίζοντες τῶν ἐχόντων, Isocrat l. c Οι μὲν ὑπέρπλουτοι, οι δὲ παντάπασι πένητες, Plat Polit. VIII, 552.

[6]) Böckh Staatsh. d. A. II, 19 (I, 635); II, 11 (626 н и) и т д

вины гражданъ принадлежатъ къ классу людей бѣдныхъ. Соціальный порядокъ необходимо долженъ былъ отразиться и въ быту политическомъ. Въ демократическомъ обществѣ, образовавшемся послѣ паденія родовой аристократіи, возникаетъ новая противоположность богатыхъ и бѣдныхъ и съ теченіемъ времени дѣлается болѣе и болѣе рѣзкою.

Когда государство состоитъ только изъ пролетаріевъ и капиталистовъ, тогда, конечно, не можетъ быть и рѣчи о здоровомъ демократическомъ устройствѣ. Въ большей части греческихъ республикъ образуются двѣ соціально-политическія партіи: партія денежной *олигархіи* и партія обѣднѣвшей, выродившейся *демократіи* [1]). Платонъ въ своемъ сочиненіи о государствѣ очень яркими красками характеризуетъ направленіе и стремленіе обѣихъ. Въ одномъ государствѣ, говоритъ онъ, существуютъ два: государство богатыхъ и государство бѣдныхъ; они живутъ въ одномъ мѣстѣ, но постоянно враждуютъ другъ съ другомъ [2]). Съ одной стороны, богатые, пользуясь своимъ положеніемъ, эксплуатируютъ все общество, раззоряя огромными ростами людей небогатыхъ, постоянно усиливая и развивая бѣдность. Съ другой стороны, толпа обремененныхъ долгами, лишенныхъ гражданскихъ правъ, отличается ненавистію къ преобладающему классу и готовностію на всякій переворотъ [3]). Борьба между этими двумя элементами раздираетъ, деморализируетъ общество, не приводя ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ: постоянныя революціи и контръ-революціи στάσις καὶ ἀντιστάσις καὶ μάχη ἐν αὐτῷ πρὸς αὐτόν [4]). Когда бѣдные побѣдятъ, однихъ изъ своихъ враговъ убьютъ, другихъ прогонятъ, остальнымъ дадутъ равное участіе въ дѣлахъ общественныхъ и въ правительственныхъ должностяхъ, тогда водворяется тотъ порядокъ, который называется демократическимъ. Торжество его обнаруживается господствомъ пролетаріата, отнятіемъ имущества у тѣхъ, кто его имѣетъ, и дѣлежемъ онаго между неимущими. Но толпа не можетъ обойдтись безъ того, чтобы не было кого-нибудь во главѣ ея.

---

[1]) Олигархія въ собственномъ смыслѣ есть именно господство людей богатыхъ, такъ что по Аристотелю (Polit. III, 5, 7) олигархія можетъ существовать даже и въ томъ случаѣ, если властію пользуются многіе, даже большинство: все дѣло въ принципѣ, на которомъ основана власть; если олигархи малочисленны, то это происходитъ отъ того случайнаго и внѣшняго обстоятельства, что богатыхъ вездѣ немного.

[2]) VIII, 551.

[3]) 555.

[4]) 560

Льстя ея страстямъ, удовлетворяя ея инстинктамъ посредствомъ уничтоженія долговыхъ обязательствъ, раздѣла земли (χρεῶν ἀποκοπὰς καὶ γῆς ἀναδασμόν), любимецъ толпы превращается въ самаго жестокаго тирана, истребляетъ богатыхъ и почтенныхъ гражданъ.

Мы не имѣемъ права предполагать, что Платонъ въ своей критикѣ существующихъ политическихъ порядковъ употребляетъ слишкомъ яркія краски. Аристотель въ сущности подтверждаетъ вполнѣ главныя черты, которыми рисуется соціальная борьба у Платона. Лучшее государственное устройство, по мнѣнію Аристотеля, есть то, гдѣ имѣетъ перевѣсъ средній классъ, то-есть, люди не слишкомъ богатые, но и не бѣдные. Но такой классъ, по сознанію самого философа, очень немногочисленъ въ отдѣльныхъ греческихъ республикахъ, и потому чаще всего господствуютъ именно крайности. Классы владѣльческіе или классы низшіе захватываютъ обыкновенно всю власть государственную въ свои руки. Обѣ эти стороны находятся всегда въ борьбѣ, во взаимной враждѣ между собою, и никакъ не могутъ установить справедливаго для той и другой стороны порядка: στάσεις γίνονται καὶ μάχαι πρὸς ἀλλήλους [1]). Олигархія имѣетъ въ виду только выгоды богатыхъ, демократія преслѣдуетъ выгоды бѣдныхъ; всякія средства считаются при этомъ годными: несправедливость, насиліе, поземельные передѣлы [2]).

Въ такомъ положеніи перешла Греція въ македонскій періодъ. Филиппъ и Александръ не имѣли ни времени, ни возможности исправлять ея внутренніе порядки или даже прямо вмѣшиваться въ нихъ. Только преемники ихъ начали пользоваться внутреннею борьбой соціально-политическихъ партій для собственныхъ выгодъ, усиливая вражду между неимущимъ пролетаріатомъ и богатыми классами. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ опираться на силы олигархіи, отнималъ политическія права у бѣдныхъ гражданъ, другой объявлялъ, что онъ хочетъ освободить Грецію и возстановлялъ такъ-называемое демократическое устройство. Послѣ Ламійской войны Антипатръ объявилъ, что впредь только тотъ будетъ считаться гражданиномъ, кто владѣетъ имуществомъ въ двѣ тысячи драхмъ. Цензъ очень низкій (около 500 рублей); но только девять тысячъ человѣкъ подходили подъ него. Двѣнадцать тысячъ остальныхъ не имѣли такого имущества, должны были потерять права гражданскія и могли, если имъ было тяжело

[1]) Polit. IV (VI) 9 (11). Didot Aristot. opera I стр. 556 (Becker II стр. 1296)

[2]) Ibid III, 5, 7. (Didot 528. Becker 1279). V (VIII) 5 570 (1304). III 6 (10) Didot. стр. 530 (Becker 1281).

оставаться безправными людьми тамъ, гдѣ недавно принадлежала имъ вся власть, переселиться во Ѳракію [1]). Преемникъ Антипатра по регентству надъ слабоумнымъ царемъ Аридэемъ — Полисперхонтъ, чтобъ удержаться противъ Кассандра, сына Антипатрова, объявляетъ торжественнымъ манифестомъ возстановленіе демократій по всей Греціи (въ 319-мъ году). Въ сущности это было не болѣе и не менѣе какъ воззваніе къ демократической партіи противъ олигархій, доселѣ покровительствуемыхъ Македоніей и преданныхъ Кассандру. Жители Аргоса прямо приглашались „изгнать тѣхъ, которые по волѣ Антипатра стоятъ во главѣ правленія, казнить предводителей олигархіи, а ихъ имѣнія конфисковать“ — разумѣется, въ пользу народа [2]). Почти вездѣ эти приглашенія были исполнены самымъ кровавымъ образомъ; при этомъ случаѣ погибли въ Аѳинахъ Фокіонъ и его друзья; но возвратились за то тѣ изъ потерявшихъ гражданскія права, которые оставили Аттику [3]). Не долго продержался порядокъ, введенный Полисперхонтомъ. Скоро Кассандръ восторжествовалъ надъ нимъ, и слѣдствіемъ того было новое возстановленіе олигархій. Въ Аѳинахъ введено снова правленіе немногихъ на основаніи ценза, пониженнаго Кассандромъ до 1000 драхмъ. Этимъ еще не кончились бѣдственныя освобожденія и не менѣе гибельныя возстановленія порядка. Птолемэй Египетскій и Димитрій Поліоркетъ еще разъ повторили печальную исторію. Наконецъ, повидимому, образовалось убѣжденіе, что разчитывать на ту или другую сторону, на ту или другую партію, невозможно, потому именно, что каждая изъ нихъ въ своей слѣпой ненависти готова пойдти на ножи противъ другой. Лучшее разрѣшеніе вопроса, болѣе крѣпкая и сильная поддержка для господства надъ Греціей найдены въ тираніи. Противъ владычества олигархіи было всегда возможно воззваніе къ страстямъ соціальной демократіи; противъ господства неимущихъ классовъ всегда готова была помощь въ ненависти къ нему богатой денежной аристократіи. Тиранъ же, поставленный въ томъ или другомъ городѣ съ небольшимъ наемнымъ отрядомъ, былъ, вопервыхъ, лично привязанъ къ своему покровителю въ Македоніи или другомъ мѣстѣ, а вовторыхъ, и самое положеніе его имѣло гораздо болѣе прочности: онъ имѣлъ съ одной стороны вооруженную силу, а

[1]) Plut. Phoc. 28. Diod. XVIII, 55. Діодоръ, впрочемъ, дѣлаетъ ошибку, говоря, что 22 тысячи лишились гражданскихъ правъ. См. Böckh Staatsh. der Athen. I, 38 стр. (52 новаго изданія).

[2]) Diod. XVIII. 55. 67. Plut. Phoc. 32. Droysen, Gesch. des Hellen. II, 220.

[3]) Plut Phoc. 33 и слѣд. Diod. XVIII 65, 66.

съ другой, что̀ мѣшало ему пріобрѣсть своего рода нравственную опору, угождая страстямъ той или другой партіи или поперемѣнно обѣимъ? Антигонъ Гонатà отлично понялъ это. Оставивъ обычай искать опоры въ олигархическихъ или соціалистическихъ стремленіяхъ, онъ просто насажалъ вездѣ тирановъ [1]), и едва-ли отъ этого сдѣлалось хуже.

Можно ли было при такомъ положеніи вещей думать о какомъ-либо разумномъ политическомъ порядкѣ, о прежней греческой свободѣ; можно ли было снова начать остановившійся на аркадскомъ федерализмѣ рядъ попытокъ къ разрѣшенію вопроса о лучшемъ политическомъ устройствѣ греческихъ общинъ?

Около 280 года, по указанію Поливія [2]), началось новое движеніе въ Греціи. Прошло уже, слѣдовательно, сорокъ лѣтъ отъ смерти Александра. Всемірная монархія, имъ основанная, была въ такой же почти степени дѣломъ прошедшаго, въ какой слава „великаго имени аѳинскаго“ (μέγα ὄνομα τῶν Ἀθηνῶν, у Ѳукидида) была однимъ отголоскомъ временъ безвозвратно минувшихъ. Только люди стараго отживающаго поколѣнія могли припоминать рѣчи Димосѳена и побѣды Александра. Только по наружности теперешнія Аѳины оставались Аѳинами Перикла, Ѳукидида и Аристофана. Остаются, конечно, тѣ же холмы и тѣ же зданія; Аѳина по прежнему стоитъ съ копьемъ въ рукѣ, оберегая избранный ею городъ; народъ собирается по старому на своемъ пникѣ; по прежнему избираетъ онъ архонтовъ по жребію и стратиговъ поднятіемъ рукъ. Но напрасно стали бы мы искать здѣсь прежнихъ мараѳономаховъ, напрасно стали бы ожидать по старой привычкѣ перваго энергическаго движенія и бодраго пробужденія съ этой стороны. Только музы не совсѣмъ покинули родной городъ. Его жители такъ охотно устраиваютъ торжественныя процессіи, поютъ такіе великолѣпные гимны — только не въ честь Армодія и Аристогитона, а въ честь новаго рода македонскихъ „освободителей“ и даже ихъ любовницъ. Это ихъ боги, которые приносятъ имъ счастіе, боги не каменные или деревянные, но тѣлесные, живые. Тѣмъ болѣе могутъ на нихъ полагаться Аѳиняне. Другіе боги или далеко, или не имѣютъ ушей; можетъ-быть, ихъ и совсѣмъ нѣтъ, или они не смотрятъ на своихъ почитателей, а эти новые боги близко. Къ нимъ могутъ обращаться Аѳиняне съ своими молитвами. И о чемъ они просятъ? Сотвори намъ миръ, о возлюбленный, взываютъ они къ Димитрію Поліоркету, ибо ты господинъ его, освѳоди насъ отъ сфинкса это-

[1]) Polyb. II, 41, 10 Πλείστους γὰρ μονάρχους οὗτος ἐμφυτεῦσαι δοκεῖ τοῖς Ἕλλησιν
[2]) II, 41, 1.

лійскаго, который, сидя на скалѣ, похищаетъ и уноситъ наши тѣла. Этолійцы прежде грабили тѣхъ, кто близко къ нимъ, теперь и тѣхъ, кто далеко: мы не въ силахъ отъ нихъ защищаться: накажи ихъ ты самъ [1]). Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этому для характеристики упадшей, выродившейся демократіи аѳинской?

Но что̀ такое этотъ страшный для Аѳинянъ сфинксъ этолійскій?

Имя Этолянъ рѣдко встрѣчалось прежде въ греческой исторіи. Одинъ изъ аѳинскихъ полководцевъ во время Пелопонниской войны сдѣлалъ походъ въ ихъ страну и нашелъ здѣсь людей, языкъ которыхъ былъ почти непонятенъ для образованныхъ Грековъ, обычаи которыхъ носили черты первобытной грубости: они ѣли сырое мясо и жили въ разсѣянныхъ, не укрѣпленныхъ селеніяхъ [2]). Они отличались кромѣ того воинственнымъ характеромъ. Не много измѣнились Этоляне и теперь. Съ нѣкотораго времени они составляли одно федеративное госуда̀рство, но до сихъ поръ не имѣли городовъ въ греческомъ смыслѣ слова. Мѣсто ихъ союзныхъ собраній, Ѳермонъ не былъ укрѣпленъ, не былъ окруженъ стѣнами, но защищенъ одною природой. Слѣдовательно, это была скорѣе федерація нѣсколькихъ родственныхъ племенъ, кантоновъ, областей, но не греческихъ политій. Вмѣстѣ съ грубостью этолійскіе горцы сохранили много первобытной энергіи и мужества. Но, къ несчастію, они обращали ихъ всего охотнѣе на разбой и хищническіе набѣги на ту или другую изъ греческихъ обла-

---

[1]) Не лишнее будетъ привести вполнѣ знаменитый гимнъ, пѣтый въ Аѳинахъ въ честь Димитрія Полиоркета и его любовницы: «Высшіе изъ всѣхъ боговъ и возлюбленнѣйшіе приближаются теперь къ этому городу. Димитра и Димитрій несутъ намъ счастіе. Она приходитъ, чтобы совершить у насъ священныя таинства Коры. И онъ, ясный, какъ прилично богу, прекрасный и улыбающійся, является вмѣстѣ съ нею. Какое торжественное зрѣлище: друзья кругомъ и въ срединѣ онъ самъ. Друзья, какъ звѣзды, столпились кругомъ; и въ срединѣ онъ— солнце. О сынъ свѣтлаго бога, ты, сынъ Посидона и Аѳродиты! Другіе боги или далеко, или не имѣютъ ушей; можетъ-быть, ихъ и совсѣмъ нѣтъ, или они не смотрятъ на насъ. Но тебя мы видимъ близко Ты стоишь передъ нами не каменный или деревянный, но тѣлесный и живой. Итакъ, мы молимъ тебя. сотвори намъ миръ, о возлюбленный, ибо ты господинъ его! И этого сфинкса, который уже не одни Ѳивы, нѣтъ, всю Грецію держитъ въ ужасѣ, сфинкса этолійскаго, который. сидя на скалѣ подобно древнему, похищаетъ и уноситъ наши тѣла,— а я не могу защищаться (дѣло этолійское было грабить тѣхъ, кто близко, а теперь и тѣхъ, кто далеко),—накажи его всего лучше ты самъ; если же нѣтъ. то найди какого-нибудь Едипа, чтобъ онъ этого сфинкса низвергъ со скалы». Athen VI p 253.

[2]) Thucyd III. 94. Ἀγνωστότατοι δὲ γλῶσσαν καὶ ὠμοφάγοι εἰσιν.

стей — безъ разбора. Только дважды (въ Ламійской войнѣ и при нашествіи Галльскомъ 280 г.) они выступили на защиту греческихъ интересовъ, и нужно признать это, показали рѣдкое тогда между Греками мужество. Очевидно, имъ суждено было при безсиліи и упадкѣ настоящей Эллады играть значительную роль; но всего менѣе можно было ожидать съ этой стороны политическаго возрожденія Греціи.

Когда Поливій указываетъ 280 годъ, онъ имѣетъ въ виду движеніе, начавшееся въ другой греческой области. Это была Ахаія—тоже не очень знаменитое имя во время величія Аѳинъ и Спарты. Племя, населявшее Ахаію, составляло только небольшой остатокъ „благопоножныхъ Ахэянъ“ Омира. Бо́льшая часть ихъ, какъ извѣстно, была вытѣснена изъ Пелопонниса Дорянами. Только на самомъ сѣверѣ полуострова удержались они въ небольшомъ количествѣ, смѣшавшись съ прежними жителями Іонійскаго племени. Не велика и не богата была область, ими занимаемая. Изъ тридцати-семи или восьми квадратныхъ миль [1]) всего пространства Ахаіи только одна седьмая часть была доступна плугу [2]). Хотя всѣ города Ахаіи лежали на узкой береговой каймѣ, опоясывающей сѣверные спуски Аркадской горной массы, на бровяхъ береговой страны (ἐπ᾽ ὀφρυσιν Αἰγιαλοῖο), какъ говорили древніе, тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ хорошей морской гавани [3]). Ихъ было въ самое древнее время двѣнадцать числомъ, и всѣ они составляли столько же отдѣльныхъ маленькихъ государствъ. По уничтоженіи царскаго достоинства (время этого событія нельзя точно опредѣлить), здѣсь водворилось не аристократическое устройство, какъ было въ другихъ мѣстахъ, но по прямому свидѣтельству древнихъ [4]), мѣсто монархіи непосредственно заняла демократія. Нужно думать, что это была очень умѣренная и благоразумная демократія; по крайней мѣрѣ, она всегда пользовалась репутаціей честности и безпристрастія [5]) Благодаря этому въ ахэйской исторіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ исключительнаго, притѣснительнаго господства родовой аристократіи или денежной олигархіи. Только однажды, вслѣдствіе иностранныхъ вліяній, въ ней обнаруживается

[1]) По измѣренію французской компаніи 37³/₄ квадр. миль. Curtius Peloponn I стр. 148.

[2]) Ibid. стр 407

[3]) Καὶ γῆν οὔτε χρηστὴν οὔτε ἄφθονον κέκτηντο καὶ θαλάττῃ προσώκουν ἀλιρένῳ.

[4]) Polyb. II. 41, 5. Strab. VIII p. 384.

[5]) Поливій приводитъ въ доказательство этого два примѣра, гдѣ Ахаія избирается посредницей въ дѣлахъ греческихъ.

нѣчто похожее на борьбу тѣхъ партій, которыя раздирали Грецію [1]). Но это былъ только небольшой перерывъ въ мирной исторіи ахэйской. Здѣсь, очевидно, не развились тѣ рѣзкія противоположности богатства и бѣдности, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ; богатые и бѣдные не стояли другъ противъ друга, какъ двѣ организованныя партіи. Поля, засѣянныя хлѣбомъ въ плодоносныхъ горныхъ долинахъ, знаменитыя виноградныя лозы на склонахъ Хелидореп, хорошія пастбища, много лѣсу, изобилующаго дичью — вотъ въ чемъ было богатство страны [2]). Промышленности и торговли почти не было, не было и большихъ городовъ.

Всѣ двѣнадцать политій Ахаіи составляли одинъ союзъ, который обезпечивалъ между ними миръ и согласіе, но не былъ на столько крѣпокъ, чтобы сплотить Ахаію въ одно государство. Рѣдко принимала она участіе въ дѣлахъ греческой политики, и во время Пелопоннисской войны бо́льшая часть городовъ оставались долго нейтральными. Тѣ, которые вмѣшались въ борьбу Спарты и Аѳинъ, не стали на одну и ту же сторону, но Пеллину мы видимъ на сторонѣ Спарты, а Патры на сторонѣ Аѳинъ [3]): доказательство слабости союзныхъ связей. Такъ жили Ахэйцы до временъ македонскихъ, когда и до нихъ дошла очередь испытать вмѣстѣ съ Греціей общія бѣдствія [4]). Уже во времена Александра Македонскаго въ одномъ изъ городовъ союза былъ поставленъ тиранъ. За что̀ Пеллина подверглась такому наказанію отъ Александра, неизвѣстно. Хэронъ (имя тирана) былъ ученикъ Платона, и по этому поводу одинъ изъ древнихъ писателей иронически замѣчаетъ, что изгоняя богатыхъ гражданъ, отдавая ихъ имѣнія, ихъ женъ рабамъ, онъ примѣнялъ только уроки „прекрасной политики и беззаконныхъ законовъ“ своего учителя [5]). Тирапія Хэрона была только началомъ бѣдствій. Во времена Кассандра въ большей части городовъ Ахаіи были поставлены гарнизоны македонскіе. Пришли потомъ освободители; но простодушные Ахэйцы не всегда понимали, что дѣло идетъ только объ ихъ независимости. Ихъ приходи-

---

[1]) Xenoph. Hellen. VII. 1, 43 и слѣд.

[2]) См. Curtius Peloponn. I, стр. 408 и 409.

[3]) Thucyd. V. 52; 58. 11. 9.

[4]) Павсанія (VII. 7, 1) говоритъ, что Ахаія не пострадала столько, какъ остальная Греція: это, можетъ-быть, вѣрно Но, очевидно, онъ ошибается, говоря, что въ одной Пеллинѣ была тиранія. См ниже тиранны въ Вурѣ, въ Керинѣ.

[5]) См. Athen. XI. 119. Ср. Pausan. VII. 27,7.

лось освобождать насильно [1]). Правда, освободители иногда грабили прежде всего освобожденный городъ, иногда убивали множество освобождаемыхъ гражданъ. Наконецъ, какъ уже было нами замѣчено, освобожденія кончились назначеніемъ или поддержкой тираній. Антигонъ Гонатá ввелъ эту систему въ Пелопоннисѣ [2]). Такимъ образомъ союзъ ахэйскихъ государствъ рушился: бóльшая часть ихъ имѣли свой собственный македонскій гарнизонъ или своего отдѣльнаго тирана.

„Была Олимпіада сто двадцать четвертая, когда Патры и Дима положили начало возстановленію согласія [3])". Царство Македонское находилось въ это время въ замѣшательствѣ и анархіи: время было выбрано самое удобное. Къ двумъ городамъ западнаго берега Ахаіи скоро присоединились два внутреннихъ: Фары и Тритэя, и такимъ образомъ образовалось ядро, вокругъ котораго могли собраться разсѣянные члены Ахэйскаго союза. Пять лѣтъ спустя, жители Эгіона выгнали стоявшій у нихъ гарнизонъ и пристали къ возрождающейся федераціи; затѣмъ жители Вуры убили своего тирана. Движеніе пріобрѣтало такую силу, что и тиранъ Керинеи — Исея нашелъ болѣе безопаснымъ сложить добровольно тиранію и передать городъ Ахейцамъ [4]). Къ этимъ семи городамъ скоро присоединились Эгира, Пеллина и Леонтіонъ [5]). Изъ прежняго числа 12-и недоставало только двухъ: Елики и Олена. Но Елика, прежде самый значительный городъ Ахаіи, давно уже (въ 373 году) былъ во время землетрясенія поглощенъ моремъ [6]). Оленъ, и прежде незначительный городъ, теперь вовсе не существовалъ въ видѣ отдѣльной политіи [7]).

[1]) Ср. Droysen Hellen I стр. 350 и сл. Diodor XIX. 66 и слѣд., 103. Δημήτριος... Βοῦραν μὲν κατὰ κράτος εἶλε, καὶ τοῖς πολίταις ἀπέδωκε τὴν αὐτονομίαν: силой взялъ городъ и далъ его жителямъ свободу.

[2]) Polyb. II. 41,9 и слѣд.

[3]) Ibid. 41, 1 и 11.

[4]) См. Polyb. II, 41 и далѣе.

[5]) У Поливія ничего не сказано о времени и обстоятельствахъ присоединенія этихъ городовъ; но само собой разумѣется, что присоединеніе послѣдовало скоро См. Polyb. II, 41, 7.

[6]) Polyb. ibid. Strab. VIII, 384. Pausan. VII, 24, 6 и слѣд.

[7]) Polyb. l. c. Τοῦτο (το κοινὸν πολίτευμα) ἦν ἐκ δώδεκα πόλεων, ἃς ἔτι καὶ νῦν συμβαινει διαμένειν, πλὴν Ὠλένου καὶ Ἑλίκης, τῆς προ τῶν Λευκτρικῶν ὑπὸ τῆς θαλάσσης καταποθέισης Страбонъ, который, повидимому, имѣлъ предъ глазами Поливія, дополняетъ пропускъ о причинѣ исчезновенія Олена изъ союза, но какъ? Πλὴν Ὠλένου καὶ Ἑλίκης, τῆς μὲν οὐ συνελθούσης, τῆς δ' ἀφανισθείσης ὑπο κύματος. Οὐ συνελθούσης или значитъ, что Оленъ не соединялся, не сошелся съ другими городами въ союзѣ, и въ такомъ случаѣ это совершенно пустое слово, ничего не

Въ продолженіе почти тридцати лѣтъ послѣ своего возстановленія Ахэйскій союзъ оставался вдали отъ политическихъ движеній тогдашняго времени. Не ему, конечно, было вмѣшиваться въ дѣла Греціи и Македоніи, управляемой сильною рукою Антигона Гонаты: мирная неизвѣстность, — на первое время, по крайней мѣрѣ, — была лучшая доля, самое благопріятное положеніе для ахэйскихъ „микрополитовъ“. Только незначительность новообразовавшейся свободной федераціи спасала ее отъ опаснаго вниманія со стороны Македонскаго царя. Нѣтъ сомнѣнія, если бы стремленія съ подобнымъ характеромъ обнаружились на болѣе важномъ и видномъ пунктѣ — въ Аѳинахъ, въ Коринѳѣ, то онѣ были бы задавлены въ самомъ началѣ. Не много имѣемъ мы извѣстій и о внутренней исторіи союза въ этотъ тридцатилѣтній періодъ. Видно только, что политическое устройство возродившейся Ахаіи не было простымъ возстановленіемъ старыхъ порядковъ, прежнихъ довольно слабыхъ и довольно неопредѣленныхъ связей религіозно-племеннаго свойства. Два стратига и одинъ общій секретарь (или канцлеръ—γραμματεύς), стоявшіе во главѣ союза, уже указываютъ на положительную и твердую государственную организацію. Единственная политическая реформа изъ этого періода, извѣстіе о которой мы имѣемъ, указываетъ также на стремленіе къ большему усиленію и сосредоточенію центральной союзной власти. Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ соединенія четырехъ ахэйскихъ городовъ, положившаго начало возстановленію союза (280), вмѣсто двойной стратиги введена единоличная. Маркъ Керинійскій первый удостоился чести быть представителемъ единства союзнаго [1]). Вообще нужно думать, что главныя начала, которыя потомъ оказываются дѣйствующими въ ахэйской конституціи, были выработаны и потомъ окрѣпли именно въ мирный и безмятежный періодъ перваго тридцатилѣтія [2]).

объясняющее, или въ немъ долженъ заключаться намекъ на раздробленіе самаго Олена, и въ такомъ случаѣ выраженіе Стравона отличается странною темнотою Изъ сличенія съ Павсаніей (VII. 18, 1) можно догадываться, что Стравонъ хотѣлъ сказать οὐ συνεστῶσης: Оленъ уже не существовалъ въ видѣ города (πόλις), но раздробился на κῶμαι (села). См. Curtius Pelop. I, 45. Ликъ (Morea III, 206), очевидно, ошибается.

[1]) Polyb. II. 43, 1 — 2.

[2]) Мы посвящаемъ отдѣльную главу учрежденіямъ ахэйскаго союза, но находимъ гораздо удобнѣе и соотвѣтственнѣе съ состояніемъ источниковъ поставить ее гораздо ниже. Почти всѣ извѣстія, всѣ данныя, изъ которыхъ можно извлечь ясное понятіе объ ахэйской конституціи, относятся къ періоду Арата и Филопимена.

Какъ и по какому поводу выступила Ахаія на широкую политическую арену, какъ она пріобрѣла обще-эллинское значеніе и сдѣлалась поборницею греческой политической свободы, какъ сѣверно-пелопоннисская федерація, представлявшая, повидимому, всѣ условія для политическаго возрожденія полуострова, пришла въ роковое столкновеніе съ другимъ движеніемъ, идущимъ изъ Спарты, изъ какихъ началъ вышло это послѣднее движеніе и какія лица стояли во главѣ его, все это составляетъ уже собственный предметъ нашего сочиненія.

Главными источниками для изученія періода, которымъ мы будемъ заниматься, служатъ Поливій и Плутархъ—въ трехъ біографіяхъ Арата, Агиса и Клеомена.

„Всеобщая исторія“ Поливія, какъ извѣстно, обнимаетъ время отъ второй Пунической войны до окончательнаго покоренія Греціи Римлянами, до разрушенія Коринѳа и паденія Карѳагена. Она имѣетъ своею задачей объяснить и разумно оправдать громадный фактъ основанія римскаго всемірнаго владычества, сознанный уже знаменитымъ историкомъ во всемъ его значеніи. Чтобы сдѣлать возможно болѣе яснымъ ходъ „судьбы“ (τύχη), направлявшей всѣ событія къ достиженію этой одной цѣли, склонявшей все къ одному центру, Поливій предпосылаетъ своей исторіи введеніе (прологъ, προκατασκευή), гдѣ между прочимъ излагаетъ развитіе Ахэйскаго союза и судьбу его до конца Клеоменовой войны. Такимъ образомъ часть „прагматіи“ Поливія относится прямо ко времени, разказъ о которомъ составляетъ нашу задачу. Часть эта по объему не очень значительна: Поливій излагаетъ первыя судьбы возстановленнаго союза очень кратко. Но тѣмъ не менѣе относящіяся сюда 34 главы второй книги (отъ 37 гл. до 71) составляютъ самую важную и драгоцѣнную часть нашихъ источниковъ. Много отдѣльныхъ извѣстій, важныхъ для нашего періода, почти всѣ данныя объ устройствѣ Ахэйскаго союза разсѣяны въ другихъ книгахъ обширнаго творенія. Кромѣ того уже въ древности исторія Поливія пользовалась такимъ авторитетомъ, что всякій историкъ, которому приходилось заниматься хотя отчасти тѣмъ же предметомъ, которымъ занимался Поливій, неизбѣжно подчинялся его вліянію, бралъ его книгу и клалъ ее въ основу своего труда. Титъ Ливій въ своей исторіи римскаго народа поступаетъ такъ вездѣ, гдѣ онъ касается отношеній Рима къ Греціи и Востоку; даже болѣе: онъ почти буквально переводитъ въ этихъ мѣстахъ цѣлыя главы изъ Поливія [1]).

[1]) Это неопровержимо доказано въ превосходной книгѣ Ниссена. Kritische

Это важно для насъ, потому что такимъ образомъ римскій историкъ отчасти вознаграждаетъ насъ за потерю подлинника: извѣстно, что съ VI книги мы имѣемъ только болѣе или менѣе обширные отрывки изъ исторіи Поливія. Мы имѣемъ право смотрѣть на тѣ данныя, которыя намъ придется заимствовать у Тита Ливія, такъ, какъ бы смотрѣли на слова самого Поливія.

Поливій былъ родомъ изъ Мегалополя—изъ города, который имѣлъ очень большое значеніе въ Ахейскомъ союзѣ. Его отецъ былъ Ликорта, государственный человѣкъ Ахэйской федераціи, стоявшій нѣсколько времени во главѣ ея. Къ Филопимену Поливій находился также въ очень близкихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ ученика и питомца къ своему учителю и руководителю. Родился Поливій въ послѣдней четверти третьяго столѣтія до Р. Х. (около 205 г.) и писалъ свою исторію вскорѣ послѣ разрушенія Коринѳа [1]). Едва достигнувъ зрѣлаго возраста, будущій историкъ уже былъ посвященъ въ государственныя дѣла своего отечества и принималъ въ нихъ личное и очень значительное участіе; слѣдовательно, едва-ли кто могъ имѣть болѣе полныя, точныя и вѣрныя свѣдѣнія въ исторіи Ахэйскаго союза. Онъ могъ говорить о событіяхъ, относящихся къ ней, отчасти какъ современникъ и очевидецъ, отчасти на основаніи разказовъ своего отца

Untersuchungen uber die Quellen der vierten und funften Dekade des Livius. Berlin. 1863.

[1]). Совершенно точно опредѣлить годъ рожденія Поливія мы не въ состояніи. Вотъ на какихъ данныхъ основывается приблизительное опредѣленіе. Ахэйцы назначили Поливія въ 3-й г. 149-й олимпіады посломъ въ Египетъ: въ это время онъ еще не имѣлъ «законнаго возраста» — νεώτερον ὄντα τῆς κατὰ τοὺς νόμους ἡλικίας (Polyb. XXV, 7, 5). Возрастъ, съ котораго Ахэйскій гражданинъ допускался къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, есть тридцатилѣтній (XXIX. 9, 6). Мы думаемъ, что Нитцшъ напрасно отвергаетъ это соображеніе и предполагаетъ одинъ возрастъ для участія въ народномъ собраніи и другой для доступа къ такой высокой чести, какъ посольство (Nitzsch, Polybius, 118). Для этого нѣтъ никакихъ основаній. Соображеніе, приводимое въ защиту Нитцша въ статьѣ о Поливіи въ Энциклопедіи Паули, не имѣетъ никакой силы. Поливій разказываетъ (XXIII, 10), что ему не понравился одинъ поступокъ Филопимена не совсѣмъ искренній и прямой. Авторъ статьи замѣчаетъ: «Отъ 15—18-лѣтняго юноши нельзя ожидать, чтобъ онъ осмѣлился порицать своего великаго учителя». Но о порицаніи нѣтъ ни слова; говорится только о внутреннемъ неодобреніи, которое въ данномъ случаѣ всего легче предположить въ благородной, юношеской душѣ. Итакъ, если бы Поливій въ 180-мъ году (149, 3 олимп.) имѣлъ 30 лѣтъ, то его рожденіе падало бы на 210-й годъ; но такъ какъ въ этомъ году ему еще не было 30-и лѣтъ, то годъ его рожденія нужно ближе придвинуть къ 205 году.

и другихъ политическихъ людей одного поколѣнія съ Ликортой [1]), не говоря уже о томъ, что ему были доступны всѣ письменные памятники.

Несомнѣнно, что Полибій могъ знать всю истину объ ахэйской исторіи. Никто въ этомъ и не сомнѣвается. Новая критика задаетъ себѣ вопросъ, желалъ ли и могъ ли желать Полибій сказать только истину. Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, полезно познакомиться прежде всего со взглядомъ Полибія на исторію и на историческую правду. При знакомствѣ съ благородными и возвышенными мнѣніями Полибія объ обязанностяхъ историка, суровая и крайняя подозрительность новой критики представляется нѣсколько странною.

Истина для Полибія есть верховный законъ исторіи. „Какъ животное, лишенное глазъ зрѣнія, дѣлается ни къ чему неспособнымъ, такъ и въ исторіи, если вынуть изъ нея истину, не останется ничего, кромѣ безполезнаго разказа“ [2]). Уваженіе къ истинѣ требуетъ отъ историка полнаго безпристрастія къ друзьямъ и врагамъ своего отечества. „Въ жизни частной честный человѣкъ можетъ любить своихъ друзей, свое отечество, ненавидѣть заодно съ друзьями ихъ враговъ. Но если кто беретъ на себя характеръ историка, то онъ долженъ забыть обо всемъ этомъ. Ему придется отдавать справедливость, даже воздавать величайшую хвалу врагамъ, когда этого требуютъ факты, часто порицать и рѣзко обличать самыхъ близкихъ людей, если ихъ ошибки заслуживаютъ этого“ [3]). Если еще можно извинять ложь ненамѣренную, происходящую отъ незнанія, то ложь сознательную слѣдуетъ строго и неумолимо преслѣдовать, изъ какихъ бы побужденій она ни проистекала. Даже любовь къ отечеству не извиняетъ намѣреннаго искаженія истины. „Если мы намѣренно будемъ писать ложь ради отечества или ради друзей, то какое различіе будетъ между нами и тѣмъ, кому ложь служитъ средствомъ къ жизни?“ [4]) Съ большою строгостью прилагаетъ Полибій свои требованія къ другимъ историкамъ, но за то и самъ объявляетъ полную готовность подчиниться суду потомства на тѣхъ же основаніяхъ. „Отъ моихъ современниковъ и отъ тѣхъ, кто будетъ жить послѣ, я требую: если они въ моемъ сочиненіи найдутъ гдѣ-нибудь намѣренную ложь или неуваженіе къ истинѣ, пусть строго и неумолимо выскажутъ свое осужденіе. Если

[1]) Polyb. IV. 2, 2.
[2]) Polyb. I, 14, 6.
[3]) I, 14, 4.
[4]) XVI. 14, 8.

же гдѣ я погрѣшилъ по незнанію, пусть они будутъ снисходительны, особенно взявъ во вниманіе обширность моего сочиненія и громадный объемъ его содержанія“ [1]).

Благородныя слова! Но новая критика часто по необходимости бываетъ мелочна и придирчива. Она утверждаетъ, что Поливій не совсѣмъ крѣпко держался своихъ высокихъ воззрѣній. Въ одномъ снисходительномъ выраженіи она находитъ полное уничтоженіе всего, что такъ настойчиво высказывается въ разныхъ мѣстахъ цѣлаго произведенія... Родосскіе историки писали объ одной морской битвѣ, что ихъ соотечественники остались въ ней побѣдителями. Поливій имѣлъ въ рукахъ официальные документы, которые говорили противное. Возставая противъ увлекшагося патріотизма, онъ замѣчаетъ: „Я, пожалуй, допустилъ бы, что историкъ долженъ нѣсколько склоняться въ пользу своего отечества но не такъ однако, чтобы говорить о немъ то, что противится самимъ фактамъ“ [2]). Уже поводъ и тонъ, которымъ высказана уступка, достаточно показываютъ, что Поливій не имѣлъ въ виду ограничивать высказываемое имъ положительно и твердо, многократно и постоянно требованіе историческаго безпристрастія. Онъ самъ далѣе говоритъ, что человѣкъ, который изъ любви къ отечеству намѣренно лжетъ, не много отличается отъ того, кто дѣлаетъ это изъ разчетовъ выгоды, а равно и отъ продажнаго и наемнаго писателя; кто искажаетъ истину изъ любви или ненависти, точно также лишается всякой довѣренности, какъ и тотъ, кто дѣлаетъ это изъ выгоды.

Упреки и обвиненія новой критики противъ Поливія сосредоточиваются, къ несчастію, на тѣхъ самыхъ пунктахъ, которые и для насъ весьма важны. Его „Всеобщую исторію“ обвиняютъ въ пристрастіи къ Ахэйскому союзу и Арату, въ пристрастномъ отношеніи къ Клеомену и Этолійскому союзу. Обвиненія эти заходятъ очень далеко за ту черту, которую поставилъ самъ Поливій между извинительною ложью и непростительнымъ искаженіемъ истины, то-есть, его самого упрекаютъ именно въ намѣренной лжи. Справедливо ли?

Мы согласны, что Поливій имѣетъ особенную любовь къ ахэйской федераціи. Въ человѣкѣ, стоявшемъ такъ близко къ ея дѣламъ, это вполнѣ естественно, и никто не имѣетъ права ставить въ упрекъ такой любви. Но имѣлъ ли Ахэйской союзъ съ обще-эллинской точки зрѣнія право на то высокое мѣсто въ исторіи Греціи, какое даетъ

---

[1]) XVI. 20, 8.
[2]) XVI. 14, 6.

ему Поливій? Не есть ли уже нѣкоторое извращеніе истины, когда онъ выдвигается на первый планъ и выставляется, несоразмѣрно своему дѣйствительному значенію, какъ бы воплощающимъ всю Грецію? Этотъ вопросъ разрѣшается всею исторіей Греціи, и отъ взгляда на нее зависитъ тотъ или другой отвѣтъ. Сколько было возможно, мы старались указать, въ предыдущемъ обозрѣніи исторіи Греціи, значеніе того принципа, на которомъ была построена ахэйская федерація. Значеніе Ахаіи для послѣднихъ временъ Греціи неоспоримо и яснѣе будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія. Намъ кажется, что Поливій любилъ въ своемъ отечествѣ не только Ахаію (собственно Ахаіи онъ былъ даже чуждъ по происхожденію), но именно тѣ начала, которыя въ первый разъ на такомъ обширномъ относительно пространствѣ дѣлали возможнымъ „согласіе“ въ Греціи, допускали соединеніе греческихъ силъ въ такомъ объемѣ, который хоть нѣсколько обезпечивалъ свободу и независимость всей націи. Уже въ этомъ отношеніи Поливій не былъ „совершенно обыкновеннымъ Грекомъ“ (ganz gewöhnlicher Grieche) [1]), ограничивавшимъ свой патріотизмъ стѣнами своего города. Онъ ставитъ необыкновенно высоко свое большее отечество (ибо engeres Vaterland Поливія есть только Мегалополь), но за то, за что и новый историкъ поставитъ его не низко [2]). Мы не находимъ далѣе, чтобы критика, взвѣшивая и перевѣшивая каждое слово, положительно уличила Поливія въ несправедливомъ, преувеличенномъ и одностороннемъ ахэйскомъ патріотизмѣ. Нельзя даже сказать, чтобы слабыя стороны союза и его руководителей были скрыты историкомъ [3]). Все, что можно замѣтить — это тѣ легкіе оттѣнки, тотъ болѣе теплый или менѣе холодный тонъ рѣчи, то безсознательное стремленіе болѣе выставить свѣтлую сторону, короче, все то, что обличаетъ человѣка и писателя неравнодушнаго и непосторонняго предмету. Нельзя также сказать, чтобы Поливій употреблялъ особыя усилія съ цѣлію представить Арата въ совершенно „чистомъ и блестящемъ свѣтѣ“. Слабыя стороны человѣка, оказавшаго такія услуги Ахэйскому союзу, истиннаго основа-

---

[1]) Выраженіе, употребленное Лукасомъ и повторенное Ларошемъ.

[2]) Досадно даже читать такую декламацію, какою наполнено нѣсколько страницъ у Лароша (Characteristik des Polybius). Что могутъ значить такія фразы, какъ «die Vergrosserungsprojecte des Centralisationsuchtigen (!) Megalopolis» и т. п. (стр. 85)? Сами древніе судили гораздо лучше, и не одинъ Поливій См. напримѣръ, Plut. Ar. 9 и 16

[3]) См. напримѣръ, IV 7, 6; II. 1; V. 30; X. 21, 22, XI; 8, 4. Ср. II, 51, 3 и 4; 55, 8.

теля его значенія и силы, высказаны положительно и прямо, притомъ неоднократно [1]). Жалуются на то, что Поливій не нашелъ слова осужденія противъ Арата, который не имѣлъ столько самоотверженія, чтобъ уступить свое мѣсто Клеомену, и вмѣсто того призвалъ Македонскаго царя въ Пелопоннисъ. Но не слѣдуетъ забывать, что Поливій могъ держаться совершенно другаго мнѣнія о томъ, способна ли была Спарта и Клеоменъ не только замѣнить Ахэйскій союзъ и Арата, но и стать во главѣ федераціи, что во всякомъ случаѣ Поливій имѣлъ основаніе смотрѣть на Клеомена какъ на тирана и революціонера, что онъ писалъ тогда, когда Спарта дошла уже до Набиса и Маханида, и что наконецъ онъ не имѣлъ того излишняго предубѣжденія противъ Македоніи, какое иногда предполагается въ каждомъ Грекѣ, онъ не считалъ Македонянъ варварами и неГреками. Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и того, что если нѣтъ осужденія, то нѣтъ также и похвалы тому шагу, на который рѣшился Аратъ. Напротивъ, есть фактическая поправка и дополненіе къ мемуарамъ Арата, не вполнѣ искреннимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ излагалась исторія призванія Антигона на помощь союзу, такъ что если бы Поливій допустилъ въ самомъ дѣлѣ ошибку, взявъ въ основаніе для своего введенія записки Арата (къ кому другому, однако, могъ бы онъ обратиться и отослать своихъ читателей? — къ Филарху?), то нельзя сказать, чтобъ онъ слѣдовалъ имъ слишкомъ рабски и намѣренно не замѣчалъ пристрастной неправды, гдѣ она была на самомъ дѣлѣ [2]).

Въ отношеніи къ врагамъ Ахэйскаго союза Поливій справедливъ на столько по крайней мѣрѣ, что всегда способенъ и готовъ признать ихъ достоинства и высокія качества, если они дѣйствительно были. Онъ отдаетъ должную справедливость личнымъ качествамъ Клеомена [3]). Отзывы о политическомъ направленіи Спартанскаго царя-реформатора не такъ далеки отъ истины, какъ кажется: мы уже замѣтили, что съ точки зрѣнія Поливія они могутъ быть названы справедливыми и во всякомъ случаѣ не лишены основанія. Можетъ-быть, Поливій съ большею, чѣмъ бы слѣдовало, увѣренностію передаетъ неблагопріятное для Клеомена объясненіе того или другаго темнаго факта. Но еще очень сомнительно, чтобы новая критика имѣла больше основаній, была болѣе безпристрастна, становясь рѣшительно на сторону приверженцевъ Клеомена (на сторону Филарха). По крайней мѣрѣ она

[1]) См. Polyb. II, 47, 10, IV, 8, 6, IV, 14, 1; 19, 11; 60, 2 и 7.
[2]) II, 47.
[3]) V, 39, 6, IV, 35, 6.

должна бы признаться, что Поливій передаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ господствующее мнѣніе современниковъ, убѣжденіе раздѣляемое, повидимому, самими Спартанцами, не только всѣми Ахэйцами [1]). Что особенно важно, ахэйскій историкъ не такъ, во всякомъ случаѣ, намѣренно враждебенъ къ Спартанскому герою, чтобы повторять неосновательныя обвиненія народной молвы [2]). Послѣ этого о намѣренномъ отступленіи Поливія отъ требованій исторической истины не должно бы быть рѣчи.

Относительно Этолянъ — главныя обвиненія, которыя выставляетъ противъ нихъ Поливій, не могутъ быть устранены никакими пріемами благосклонной критики. Ранѣе Поливія въ Аѳинахъ пѣли, что грабежъ и хищничество — постоянное занятіе Этолянъ. Подвиги ихъ на этомъ поприщѣ засвидѣтельствованы достаточно и другими источниками, напримѣръ, Плутархомъ. Мы согласны, впрочемъ, допустить, что Поливій, имѣвшій вполнѣ естественную, понятную и даже справедливую нелюбовь, или если угодно, „ненависть“ къ Этолійскому союзу, руководился этимъ чувствомъ и въ частностяхъ, что въ двухъ, трехъ случаяхъ нельзя назвать совершенно вѣрнымъ то освѣщеніе, которое у него принимаютъ факты, касающіеся отношеній двухъ союзовъ — Ахэйскаго и Этолійскаго. Но чтобы тутъ была намѣренная фальшь, мы этого не можемъ думать. Намѣренность и нѣкотораго рода подтасовка до сихъ поръ бываетъ нужна не для тѣхъ, кто хочетъ обвинять, а для тѣхъ, кто хочетъ оправдывать Этолянъ.

Вообще, по нашему мнѣнію, нѣтъ нужды оспаривать что политическія убѣжденія и взгляды Поливія имѣли вліяніе на изложеніе и представленіе въ его исторіи. Но нѣтъ также сомнѣнія, что за Поливіемъ всегда долженъ остаться эпитетъ самаго совѣстливаго писателя древности [3]).

---

[1]) См. Plut. Comparat. Agid. et Cleom. cum Gracchis, 5. На это мѣсто обыкновенно не обращаютъ вниманія.

[2]) Изъ Павсанія (11, 9, 1) видно, что Клеомена обвиняли въ отравленіи Евридамида, сына царя Агиса. У Поливія нѣтъ этого обвиненія.

[3]) Само собою разумѣется, мы не думаемъ, чтобы нашихъ немногихъ замѣтокъ было достаточно для характеристики Поливія (многихъ сторонъ мы вовсе не касаемся) или даже для опроверженія тѣхъ крайнихъ воззрѣній, которыя господствуютъ въ новой ученой литературѣ относительно историческихъ заслугъ Поливія. Въ этомъ духѣ написаны цѣлыя книги Обвиненія начались еще съ Рейске (Reiske). Онъ въ своемъ введеніи къ Поливію (стр 767) выражается такъ: veritatem rerum gestarum mendacio corrumpit, истину фактовъ искажаетъ ложью Лукасъ въ своемъ впрочемъ остроумномъ и полезномъ изслѣдованіи

Что касается Плутарха и его біографій, то прежде всего нужно имѣть въ виду, что это-именно біографіи, а не исторія: οὐ γὰρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίους [1]). Поэтому здѣсь часто нельзя ждать и требовать того, что̀ нужно историку. На политическія отношенія, на ясное представленіе связи причинъ и дѣйствій, на твердый хронологическій порядокъ — Плутархъ обращаетъ мало вниманія. Ему болѣе важно то, въ чемъ выражается характеръ лица, избраннаго для біографіи, анекдотъ, даже мелочь; въ героѣ, въ историческомъ дѣятелѣ онъ рисуетъ прежде всего человѣка. По его убѣжденію, „не въ громкихъ только дѣлахъ обнаруживается доблесть или низость характера; неважное дѣло, слово, шутка часто объясняютъ его намъ болѣе, чѣмъ битвы и тысячи убитыхъ (μάχαι μυριόνεκροι), огромнѣйшіе строи полковъ и большія осады городовъ". То, что̀ даетъ Плутархъ для такой характеристики, неоцѣненно; количество матеріала, которымъ онъ пользуется, часто изумительно. Для небольшой біографіи Арата онъ прочелъ, напримѣръ, мемуары самого Арата, Поливія, историческія сочиненія Филарха, Диніи и т. д. Но если бы мы не имѣли сами подъ руками Поливія, то многое оставалось бы для насъ неяснымъ и непонятнымъ, и часто это многое есть самое важное. Неяснымъ оставалось бы намъ то положеніе, которое Ахэйскій союзъ занималъ въ тогдашней системѣ государствъ. Тѣ политическія условія, которыя помогли Арату достичь своихъ плановъ и потомъ держаться между соперничествующими державами того времени, оставались бы для насъ

(Ueber Polybius' Darstellung des Aetolischen Bundes, Königsberg 1827 г.) на вопросъ: хотѣлъ ли Поливій сказать правду и только правду? отвѣчаетъ отрицательно (1, 36 и 46). Ларошъ (Characteristik des Polybius, Leipzig 1857 года) идетъ вслѣдъ за Лукасомъ и тоже обвиняетъ Поливія въ недобросовѣстности, говоритъ о «намѣренныхъ пропускахъ и извращеніяхъ» (absichtliche Auslassungen und Entstellungen, стр. 83). Брандштетеръ, «предпринявшій исполнить долгъ дѣписанія предъ Этолійскимъ племенемъ», то-есть, снять съ него дурную славу, которою это племя пользуется и не перестанетъ пользоваться, нашелъ полезнымъ уронить Поливія не только въ отношеніи историческаго безпристрастія, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: онъ едва не упрекаетъ Поливія въ незнаніи греческаго языка (въ Geschichten des Aetolischen Landes, Volkes und Bundes, Berlin, 1844 г.). Нитцшъ (Polybius, Kiel, 1842 г.) гораздо умѣреннѣе и даже не совсѣмъ соглашается съ Лукасомъ въ отношеніи главнаго результата, къ которому пришелъ послѣдній: недостовѣрность извѣстій Поливія объ Этолійскомъ союзѣ (см. стр. 119) Маркгауэръ (der Geschichtschreiber Polybius. München, 1858 г.) уже становится прямо на сторону Поливія, хотя у него недостаетъ собственно критическаго разбора вопросныхъ пунктовъ.

[1]) Plut. Alex. 1, 2) ibid.

неизвѣстными. Весьма мало знали бы мы объ учрежденіяхъ и началахъ государственныхъ Ахэйскаго союза. Все это, разумѣется, весьма важно для оцѣнки самого Арата и его дѣятельности. Связь событій, порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ одно за другимъ, даже и теперь могутъ быть отысканы только съ большимъ трудомъ, не смотря на тѣ руководящія нити, которыя даны намъ Поливіемъ въ его краткомъ очеркѣ первоначальнаго развитія Ахэйскаго союза [1]). Въ біографіяхъ Спартанскихъ царей тѣ же самые недостатки или лучше тѣ же для насъ затрудненія и недоумѣнія.

Что касается до степени достовѣрности сообщаемыхъ Плутархомъ фактовъ, то его самого нельзя подозрѣвать ни въ какомъ особенномъ пристрастіи, по крайней мѣрѣ въ нашей области. На томъ разстояніи, въ какомъ Плутархъ жилъ отъ описываемыхъ имъ событій (во II-мъ вѣкѣ по Р. Х.), противоположности сглаживались; оставались только Греки, греческіе герои. Принадлежатъ ли они Спартѣ или Аѳинамъ, Ахэйскому союзу или спартанской реформѣ, Плутархъ рисуетъ ихъ съ одинаковою любовію. Новые историки должны, кажется, быть ему благодарны за ту всеобъемлющую душевную теплоту и легкую логическую непослѣдовательность, съ которыми онъ одинаково сочувствуетъ двумъ совершенно различнымъ направленіямъ, двумъ противоположнымъ и враждебнымъ сторонамъ. Достоинство фактовъ, сообщаемыхъ въ біографіяхъ Плутарха, зависитъ поэтому почти вполнѣ отъ источниковъ, которыми онъ пользовался. Онъ беретъ, конечно, въ случаѣ нужды представителей двухъ враждебныхъ сторонъ, выслушиваетъ того и другаго, историка ахэйскаго повѣряетъ историкомъ спартанскимъ [2]). Но не вѣрится, чтобы благожелательный и добродушный мора-

---

[1]) Отсутствіе хронологическаго порядка въ исторіи освобожденія различныхъ городовъ повело уже ко многимъ ошибкамъ и фальшивымъ сопоставленіямъ. У Плутарха есть, впрочемъ, система, которой, кажется, не замѣчаютъ. Сокращая записки Арата, Плутархъ имѣлъ въ виду ставить рядомъ однородныя событія разныхъ годовъ изъ разныхъ мѣстъ своего источника: сначала всѣ попытки къ освобожденію Аргоса, потомъ всѣ старанія къ освобожденію Аѳинъ; и здѣсь онъ уже держался хронологическаго порядка, что вполнѣ естественно. Тутъ онъ не имѣлъ уже никакого побужденія перепутывать естественный порядокъ. Но хронологія все-таки сильно страдаетъ у Плутарха; есть прямыя противорѣчія. Въ нашемъ изслѣдованіи мы не могли избѣжать обязанности заняться ею, тѣмъ болѣе что всѣ существующіе до сихъ поръ опыты привести ее въ порядокъ, по нашему убѣжденію, не вполнѣ удовлетворительны.

[2]) Такъ онъ поступаетъ не только въ біографіи Арата, но и въ жизнеописаніи Филопимена. Кромѣ потерянная сочиненія Поливія о Филопименѣ онъ поль-

листъ-біографъ употреблялъ при семъ случаѣ слишкомъ сложные пріемы исторической критики. Хорошаго, рѣзкаго, поучительнаго или характернаго факта и анекдота онъ не упуститъ, хотя бы фактъ и анекдотъ смотрѣли нѣсколько подозрительно. Наибольшее, на что Плутархъ въ состояніи рѣшиться, это на мѣсто одного извѣстія, отзывающагося видимымъ пристрастіемъ, поставить другое, принадлежащее противной сторонѣ. Мы сомнѣваемся поэтому, чтобы Плутархъ, становясь на ту или другую сторону въ случаѣ противорѣчія двухъ историческихъ преданій, придавалъ особенный вѣсъ той сторонѣ, которую онъ принялъ, и окончательно рѣшалъ спорный вопросъ [1]). Это не Полибій, который въ такихъ случаяхъ обращается къ подлиннымъ документамъ, къ памятникамъ, къ внимательному разбору современныхъ политическихъ условій.

Необходимо знать, какого рода были тѣ источники, которыми располагалъ Плутархъ.

Въ біографіи Арата главнымъ руководителемъ онъ имѣлъ самого Арата, который оставилъ не дошедшіе до насъ мемуары (ὑπομνήματα, ὑπομνηματισμοὶ περὶ ἰδίων πράξεων) о своей дѣятельности. Плутархъ ссылается на эти мемуары довольно часто [2]). Разказы о взятіи Сикіона, Коринѳа, о покушеніяхъ на Аргосъ [3]) носятъ такой характеръ, что нельзя сомнѣваться въ принадлежности ихъ Арату. Въ этихъ и многихъ другихъ мѣстахъ, если мы не совершенно заблуждаемся, Плутархъ беретъ буквально цѣлыя тирады изъ мемуаровъ Арата: такъ замѣтно еще трепещетъ въ нихъ и бьется личное чувство самолюбія и тщеславія, что такая догадка представляется сама собою. Мы встрѣтимся съ такими мѣстами.

Если вѣрить анонимному біографу соименнаго ахэйскому герою поэта (Арата Солійскаго [4]), то мемуары Арата были очень подробны:

зуется здѣсь сочиненіемъ Аристократа Ἀχαϊκά, которое было написано съ спартанской, антиахэйской точки зрѣнія Müller въ IV т. Fragm Hist. Graec

[1]) Мы имѣемъ въ виду слѣдующее разсужденіе, съ которымъ намъ приходилось встрѣчаться. Плутархъ въ біографіи Агиса и Клеомена вполнѣ зависитъ отъ Филарха. Онъ говоритъ здѣсь вещи, которыя противорѣчатъ Поливію. Онѣ принадлежатъ безспорно Филарху. Что правъ Филархъ и не правъ Поливій доказывается тѣмъ, что Плутархъ говоритъ то же самое, повторяетъ слова Филарха.

[2]) Восемь разъ. Arat. 3, 32, 33, 38. Agis 15. Cleom. 16, 17, 19.

[3]) Взятіе Сикіона: главы 5—9, Коринѳа: 16—23; покушенія на Аргосъ. 25—30.

[4]) См. Pausan. I. 2, 3.

они заключали въ себѣ, по словамъ біографа, не менѣе 30-и книгъ [1]). Поливій хвалитъ ихъ за ясность и правдивость, выражаясь впрочемъ довольно неловко, что они были „*очень* истинны", и напоминая тѣмъ извѣстное замѣчаніе Исіода (Гезіода) о неразумныхъ людяхъ, забывающихъ, что половина иногда бываетъ больше цѣлаго. Кромѣ общихъ основаній, заставляющихъ относиться подозрительно и обращаться осторожно съ автобіографіями, есть прямыя и частыя указанія на то, что записки Арата не были просто и абсолютно правдивы, но только очень правдивы. Самъ Поливій нѣсколько ограничиваетъ свою похвалу, замѣчая, что въ нихъ были пропущены нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ переговорамъ съ царемъ Македонскимъ о союзѣ противъ Клеомена [2]). Плутархъ также относится къ нимъ не вполнѣ довѣрчиво [3]). Къ своимъ политическимъ врагамъ Аратъ не былъ снисходителенъ: въ его запискахъ было довольно рѣзкихъ обвиненій и злыхъ выходокъ [4]). Вообще не унижая замѣчательной личности Арата, можно сказать, что его характеръ, дѣйствительно, не отличался такою высотой и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, чтобъ отъ него можно было ожидать полнаго безпристрастія къ себѣ, друзьямъ и врагамъ.

Другой источникъ, которымъ Плутархъ могъ повѣрять мемуары Арата и почти исключительно пользовался въ біографіяхъ Агиса и Клеомена, есть Филархъ [5]). Это одинъ изъ тѣхъ писателей, потеря которыхъ возбуждаетъ большое сожалѣніе въ изслѣдователяхъ древности. По свидѣтельству Свиды, онъ написалъ нѣсколько сочиненій историческаго и миѳологическаго содержанія. Для насъ важна его исторія, начинавшаяся отъ времени похода Пирра на Пелопоннисъ и доходившая до временъ Птолемэя Евергета и смерти Клеомена (279 — 219 до Р. Х.). Это было также объемистое сочиненіе — въ 28-и книгахъ. О подробности разказа отчасти можно судить по тому, что объ Агисѣ

---

[1]) См. Fragm. Hist. Graec. III, стр. 21, гдѣ приведено самое мѣсто анонимнаго писателя

[2]) Polyb. II, 47

[3]) Plut. Arat. 33.

[4]) Plut. Cleom. 16. Ἀντιγόνου εἰρηκως κακὰ μυρία δι' ὧν ἀπολέλοιπεν ὑπομνημάτων. Arat. 16. Εἰ Κλεομένης ἦν, λεγέσθω γὰρ οὕτως, παράνομος καὶ τυραννικὸς: по связи видно, что дѣлается уступка Арату.

[5]) Phylarchi Historiarum fragmenta. Collegit Lucht. Lipsiae 1836 г (съ примѣчаніями, которыя могутъ быть отчасти полезны). Также въ 1-мъ томѣ Fragm. Hist. Gr Фрагментовъ Филарха, собранныхъ Брикнеромъ, мы не имѣли подъ рукой и знаемъ объ этомъ изданіи только по ссылкамъ у Мюллера.

говорилось въ 15-й книгѣ, а о Клеоменѣ съ 25-й до 28-й [1]). Плутархъ ссылается на Филарха однажды въ біографіи Арата, однажды въ біографіи Агиса, нѣсколько разъ въ жизнеописаніи Клеомена [2]). Сверхъ того изъ сличенія этой біографіи съ фрагментами Филарха, сохранившимися у другихъ авторовъ, видно, что Плутархъ заимствуетъ у того же Филарха извѣстіе о μοθακάхъ, объ образѣ жизни Клеомена [3]). Изъ сличенія полемики Поливія противъ Филарха съ разказомъ Плутарха о разрушеніи Мантинеи и казни Аристомаха [4]) оказывается еще разъ, что Филархъ служитъ руководителемъ Плутарху При ближайшемъ знакомствѣ съ біографіями спартанскихъ царей съ одной стороны, а съ другой — съ характеромъ и направленіемъ Филарховой исторіи, на сколько этотъ характеръ и направленіе обнаруживаются въ сохранившихся отрывкахъ и въ отзывахъ объ ея авторѣ древнихъ писателей, становится даже несомнѣннымъ, что Плутарховы біографіи не болѣе какъ переработка соотвѣтственныхъ частей произведенія, принадлежавшаго Филарху.

Филархъ принадлежитъ къ одному поколѣнію съ Аратомъ [5]). Мы не придаемъ особеннаго значенія догадкѣ, которую можно дѣлать на основаніи разнорѣчащихъ показаній о мѣстѣ его жительства. Свида говоритъ, что онъ былъ изъ Сикіона, или изъ Аѳинъ, или изъ Египта. Все это примиряется такъ, что Филархъ былъ родомъ изъ Сикіона, послѣ присоединенія этого города къ Ахэйскому союзу удалился въ Аѳины, потомъ когда и Аѳины пристали къ союзу (?), ушелъ въ Египетъ. Эта догадка [6]) объясняла бы, конечно, вполнѣ ненависть Филарха къ союзу и его энтузіазмъ къ Клеомену; но помимо другихъ основаній уже Аѳинэй очень ослабляетъ ее, оставляя выборъ только между Аѳинами и Египтомъ [7]). Намъ представляется иное соображеніе. Филархъ жилъ и писалъ въ Египтѣ: это былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ Грековъ, которые стекались сюда со всѣхъ сторонъ, и очень естественно, что первоначальная родина его осталась неизвѣстною опредѣленно. Время пребыванія Филарха въ Египтѣ, то-есть, безъ

---

[1]) См. Lucht Fr. 34 и 44 съ примѣч. Athen. VI, 251. Lucht. Fr. 46.

[2]) Arat. 38. Ag. 9. Cleom. 5, 28, 30

[3]) Ср Plut. Cleom. 8 и Athen. VI, 271 Cleom 13 и Athen. IV. 141

[4]) Polyb. II. 56 и 59. Ср. Plut Ar 44 и 45.

[5]) Polyb. II. 56, 1. Ἐπεὶ δὲ τῶν κατὰ τοὺς αὐτοὺς καιροὺς Ἀράτῳ γεγραφότων παρ ἐνίοις ἀποδοχῆς ἀξιοῦται Φύλαρχος.

[6]) Ее дѣлаетъ Брикнеръ въ изданіи фрагментовъ Филарха.

[7]) Ἀθηναῖος ἢ Ναυκρατίτης. II, 57. Ср. Müller. Fr. H. Gr. 1, стр LXXVIII и 341 (fragm 32).

сочиненія въ Александріи, совпадаетъ съ изгнаннической жизнію Клеомена, при Александрійскомъ дворѣ, съ присутствіемъ здѣсь Сфэра, учителя, друга и помощника Спартанскаго царя-реформатора, съ появленіемъ многихъ другихъ сочиненій о Спартѣ, съ ожиданіемъ похода противъ Македоніи и Ахэйскаго союза для возстановленія Клеомена на спартанскомъ престолѣ [1]). Понятно теперь, при какой обстановкѣ писалъ Филархъ, естественно догадываться, отъ какого кружка онъ могъ получить такія живыя свѣдѣнія и такой энтузіазмъ къ дѣлу спартанскихъ царей. Плутархъ замѣчаетъ: „Филархъ приходитъ въ энтузіазмъ всякій разъ, какъ дѣло касается Клеомена". Въ писателѣ, который, можетъ-быть, лично зналъ спартанскаго „льва", это вполнѣ натурально. Труднѣе было бы объяснить, какъ самъ Плутархъ могъ написать такую живую, подробную и проникнутую энтузіазмомъ біографію, если бы мы не знали, что имъ руководилъ энтузіазмъ Филарха. Плутархъ поступилъ здѣсь съ своею похвальною непослѣдовательностію, избравъ руководителемъ писателя, который показался ему не очень достовѣрнымъ въ біографіи Арата, гдѣ и сдѣлано вышеприведенное замѣчаніе [2]). Другихъ источниковъ, излагавшихъ исторію Агиса и Клеомена съ достаточною подробностію, впрочемъ, и не было. Поливій, напримѣръ, ничего не говоритъ объ Агисѣ. Сомнительно,

[1]) Лухтъ (стр. 6) замѣчаетъ, что Филархъ не писалъ въ Египтѣ, потому что тогда онъ не могъ бы говорить съ такою свободой о царяхъ Египта. Въ доказательство этой свободы онъ приводитъ одно мѣсто изъ Аѳинэя, гдѣ тотъ по Филарху разказываетъ о роскоши Птолемэя Филадельфа (XII. 536) Но вопервыхъ, и особенной свободы тутъ нѣтъ, и тѣ два, три непочтительныхъ слова, которыя есть, могутъ принадлежать самому Аѳинэю, а только остальное, факты, Филарху; вовторыхъ, и одинъ изъ царей Египта Птолемэй Евергетъ II относился не съ большимъ уваженіемъ къ своему предшественнику, разказывая въ своихъ запискахъ объ его образѣ жизни (см. Athen XIII, 576. Muller Fr H. G. III стр 186) Скорѣе изъ живыхъ подробностей о придворной жизни въ Египтѣ можно догадаться, что Филархъ жилъ именно здѣсь, въ Александріи Какъ онъ могъ также подробно знать объ Агисѣ и Клеоменѣ, объяснено въ текстѣ. Это объясненіе можетъ служить отвѣтомъ на подозрѣніе Герена (de fontibus et auctoritate vitarum Plutarchi p. 82): «Едва-ли во всѣхъ біографіяхъ Плутарха найдешь разказъ такъ трагически изукрашенный, какъ въ біографіи Агиса, въ повѣствованіи о смерти его самого и его семейства, такъ что почти приходитъ на умъ подозрѣніе, не вымыселъ ли отчасти этотъ разказъ, въ которомъ много такого, о чемъ не легко сказать, какъ могъ знать это писатель». Сфэръ и Клеоменъ могли сообщить самыя мелкія подробности, а патетическій тонъ и драматизмъ были въ манерѣ Филарха. Мы еще возвратимся къ Филарху и къ сочиненіямъ, появившимся въ Александріи почти одновременно о Спартѣ и Ликургѣ.

[2]) Гл. 38. Ἐνθουσιᾷ γάρ, ὅταν ἅψηται τοῦ Κλεομένους.

чтобы много говорилось о немъ въ запискахъ Арата. Наконецъ, если бы и были эти источники, то едва-ли они имѣли бы такія привлекательныя для Плутарха стороны, какія были у Филарха.

Литературные пріемы Филарха вполнѣ соотвѣтствуютъ тому характеру историческаго искусства, который оно приняло послѣ Исократа въ произведеніяхъ Ѳеопомпа, Ефора и другихъ [1]). Длинныя отступленія, постоянные эпизоды, особенная любовь къ необычайному, чудесному и курюзному — все это было у Филарха, и кажется, еще въ большей степени, чѣмъ у другихъ. Напрасно замѣчаютъ (Лухтъ), что по отрывкамъ, дошедшимъ до насъ, нельзя судить о цѣломъ сочиненіи: обыкновенная, говорятъ, участь писателей, сочиненія которыхъ потеряны, та, что отъ нихъ остаются болѣе интересныя мѣста, часто историческіе куріозы. Однако много ли матеріала нашелъ бы для себя тотъ или другой авторъ разныхъ „eroticа“ у Поливія [2])? Можно ли найдти у Аѳинэя хотя нѣсколько отрывковъ изъ Поливія, которые бы носили такой же характеръ, какъ Филарховскіе? Филархъ особенно любилъ эффектъ, употреблялъ самые сильные пріемы и самыя яркія краски, чтобы подѣйствовать на чувство, воображеніе и страсти своихъ читателей. Онъ любилъ, какъ замѣчаетъ Поливій, для возбужденія жалости и симпатіи въ читателѣ рисовать обнимающихся въ отчаяніи женщинъ, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, любилъ описывать слезы и вопли мужчинъ и женщинъ, дѣтей и стариковъ, — „неблагородный и женственный пріемъ“, по выраженію Поливія [3]). Характеристика Поливія, очевидно, не есть преувеличеніе. Хорошо знакомый съ Филархомъ Плутархъ тоже подмѣтилъ въ немъ пристрастіе къ театральнымъ эффектамъ [4]). И однако въ описаніи послѣднихъ дней Агиса находятся всѣ характеристическія черты Филархова разказа: есть и женщины съ распущенными волосами [5]).

Собственно уже достаточно и представленныхъ здѣсь соображеній для доказательства, что біографіи Агиса и Клеомена написаны Плутархомъ исключительно по Филарху. Мы хотѣли бы имѣть возможность

---

[1]) См. Ulrici, Charakteristik der antiken Historiographie, стр. 51.

[2]) Парѳеній, какъ видно у Лухта, нѣсколько разъ беретъ матеріалъ для своихъ Eroticа у Филарха. Замѣчательно и въ культурномъ отношеніи, что у Филарха особенно часто играютъ большую роль женщины и преимущественно сомнительной нравственности. Fragm. 14, 18, 23, 30, 48.

[3]) Τὸ ἀγεννὲς καὶ γυναικῶδες τῆς αἱρεσέως. Polyb. II. 56.

[4]) Themist. 32.

[5]) Гл. 17.

ближе познакомиться съ самымъ способомъ заимствованій Плутарха. Извѣстно, что Трогъ Помпей въ книгахъ, относящихся къ тому времени, которое было описано Филархомъ, тоже вполнѣ слѣдовалъ этому послѣднему [1]). Если бы мы имѣли возможность гдѣ-нибудь сравнить Трога и Плутарха, то по степени сходства въ изложеніи мы могли бы опредѣлить, въ какой степени близко они оба держались своего источника. Къ несчастію, и сочиненія Трога Помпея потеряны. Они сохранились для насъ только въ обработкѣ и сокращеніи Юстина. Въ этой вторичной переработкѣ Филарховы черты, безъ сомнѣнія, должны были еще болѣе сгладиться, чѣмъ въ первичной у Плутарха. Возьмемъ, однако, для сравненія разказъ Юстина и Плутарха объ одномъ и томъ же предметѣ.

Plut. Cleom. 29.

Ἐπεὶ δὲ εἰς τὴν πόλιν ἀφίκετο, τοῖς μὲν ἀπαντήσασι τῶν πολιτῶν παρήνει δέχεσθαι τὸν Ἀντίγονον... Ὁρῶν δὲ τὰς γυναῖκας τοῖς μετ' αὐτοῦ πεφευγόσι προστρεχούσας καὶ δεχομένας τὰ ὅπλα καὶ πότον προσφερούσας, αὐτὸς εἰσῆλθε μὲν εἰς τὴν οἰκίαν τὴνε ἑαυτοῦ, τῆς δὲ παιδίσκης προσιούσης καὶ βουλομένης ἀπὸ στρατείας ἥκοντα θεραπεύειν, οὔτε πιεῖν ἐκδεδιηγκὼς ὑπέμεινεν οὔτε καθίσαι κεκμηκώς, ἀλλ' ὥσπερ ἐτύγχανε τεθωρακισμένος τῶν κιόνων τινὶ τὴν χεῖρα προσβαλὼν πλαγίαν καὶ τὸ πρόσωπον ἐπὶ τὴν πῆχυν ἐπιθεὶς.. ὥρμησεν εἰς τὸ Γύθιον.

Just. XXVIII. 4.

Patentibus omnes domibus saucios excepiebant, vulnera curabant, lassos recipiebant Inter haec nullus in urbe strepitus, nulla trepidatio, magisque omnes publicam quam privatam fortunam lugebant. Inter haec Cleomenes rex post multas hostium caedes toto corpore suo pariter et hostium cruore madens supervenit; ingressusque urbem non humi consedit, non cibum aut potum poposcit, non denique armorum onus deposuit: sed acclinis parieti... hortatur, ut se ad meliora tempora reservarent.

Однѣ и тѣ же черты, общія Юстину и Плутарху фразы могутъ быть объяснены не иначе, какъ тѣмъ, что у одного онѣ взяты прямо, у другаго посредственно отъ Филарха. Еслибъ мы имѣли Трога Помпея, то сходство, безъ сомнѣнія, было бы еще больше, и мы бы наглядно убѣдились, что Плутархъ допускалъ въ иныхъ случаяхъ буквальныя заимствованія изъ своихъ источниковъ.

Поливій очень сильно полемизируетъ противъ Филарха и возстаетъ противъ того уваженія, которымъ онъ пользовался въ тогдашней публикѣ [2]). Главный недостатокъ, который при этомъ особенно настойчиво выставляется на видъ, есть все-таки эта ложная и дурная ма-

[1]) См Heeren, de Trogi Pompeji fontibus et auctoritate въ Геттингенскихъ Ученыхъ Запискахъ, т. XV стр 185—243. Ср. Lucht, стр. 34 и 35 введенія.

[2]) II, 56.

нера писать исторію какъ трагедію или драму. Остается не рѣшеннымъ вопросъ, въ какой степени литературные пріемы Филарха имѣли вліяніе на внутреннее достоинство, на историческую достовѣрность его произведеній. Полибій обличаетъ Филарха нѣсколько разъ во лжи. Но по внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что ложь Филарха есть именно такая, какая свойственна всѣмъ писателямъ съ патетическимъ или фальшиво-драматическимъ направленіемъ, то-есть, ложь преувеличенія, ложь эффектныхъ сценъ, вмѣсто объясненія причинъ и поводовъ. Къ этому сводится различіе въ разказѣ о взятіи Мантинеи у Арата, на котораго ссылается Полибій, и у Филарха [1]), не болѣе различія и въ разказѣ о казни Аристомаха [2]). Что приверженецъ Клеомена съ особеннымъ наслажденіемъ разрисовывалъ такія сцены изъ вражды къ Арату и Ахэйскому союзу, въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго. Если Филархъ разказывалъ то, что̀ могло служить къ чести Клеомена, и опускалъ то, что̀ служило къ чести Ахэйскаго союза [3]), то это, конечно, доказываетъ его пристрастіе, но еще не значитъ, что то, что̀ имъ не упущено, а разказано, есть положительная ложь (ψεῦδος). Рѣзкость, съ какою Полибій обличаетъ Филарха, не должна насъ вводить въ заблужденіе или недоумѣніе. Полибій вообще не очень благосклоненъ къ современнымъ и предшествующимъ ему историкамъ [4]). Манера же Филарха ему особенно была антипатична, и если бы Филархъ даже не касался въ своемъ сочиненіи дорогой Полибію Ахаіи, то и тогда онъ не могъ бы разчитывать на пощаду со стороны строгаго прагматика. Страсть къ чудесному, театральному и необычайному: τερατεία, τραγῳδιογραφία и παραδοξογραφία, такъ ненавистныя Полибію, все-таки вызвали бы его раздраженную полемику.

Итакъ, съ извѣстіями, которыя идутъ отъ Филарха, должно обращаться осторожно; но отвергать ихъ прямо и рѣшительно не слѣдуетъ.

Кромѣ Филарха, Арата и самого Полибія, второстепеннымъ пособіемъ служили Плутарху другіе спеціальные писатели. Въ біографіи Арата онъ ссылается однажды на Динію [5]). Уже поводъ, по которому

---

[1]) Polyb. II. 56, 7. Ср. 57, 12 и Plut. Arat. 45.

[2]) Polyb. II. 59, 2. Ср. 60, 7 и 8 и Plut. Arat. 44.

[3]) Polyb. II. 61. Ср. Plut. Cleom. 23—25. Philop. 5. Pausan. VIII. 27 и IV 29.

[4]) Вся двѣнадцатая книга посвящена полемикѣ противъ Тимэя, Каллисѳена и другихъ.

[5]) Гл. 29.

дѣлается ссылка, заставляетъ догадываться, что Динія есть спеціальный источникъ для дѣлъ аргосскихъ. Другіе называютъ и самое его сочиненіе — Ἀργολικά [1]). Можно, слѣдовательно, безошибочно заключить, что нѣкоторыя подробности о жизни аргосскихъ тирановъ, нѣкоторыя неблагопріятныя Арату и значитъ, не изъ его мемуаровъ взятыя, подробности о попыткахъ противъ Аргоса — принадлежатъ этому Диніи. Нѣтъ ничего невозможнаго, что Динія-историкъ одно и то же лицо съ Диніей-діалектикомъ, который участвовалъ въ убійствѣ одного Сикіонскаго тирана [2]). Во всякомъ случаѣ и историкъ Динія принадлежалъ почти къ одному поколѣнію съ Аратомъ, былъ только не много моложе или старше его [3]).

Въ біографіи Агиса [4]) Плутархъ называетъ еще Ватона Синопскаго. Объ этомъ Ватонѣ почти ничего неизвѣстно. Только Стравонъ [5]) упоминаетъ въ числѣ знатныхъ гражданъ города Синопа Ватона, занимавшагося исторіей Персидскихъ войнъ. Остались заглавія и другихъ сочиненій Ватона [6]). Ни въ одномъ изъ этихъ сочиненій ему, повидимому, не приходилось бы писать объ Агисѣ. Такъ какъ съ другой стороны изъ Плутарха видно, что Ватонъ не былъ знакомъ съ мемуарами Арата, то почти навѣрное можно сказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ не занимался исторіей спартанской реформы и Ахэйскаго союза, а упомянулъ объ Агисѣ въ какомъ-нибудь сочиненіи мимоходомъ.

Мы должны сказать нѣсколько словъ о Павсаніи — не ради тѣхъ многочисленныхъ историческихъ замѣтокъ, которыя онъ дѣлаетъ мимоходомъ, не ради даже тѣхъ коротенькихъ историческихъ очерковъ, которые у него находятся, но по особенному, спеціальному поводу. Обыкновенно замѣтки и очерки Павсаніи, помимо его частыхъ промаховъ, вполнѣ сходятся въ нашемъ періодѣ съ данными другихъ источниковъ. Но въ одномъ случаѣ замѣчается совершенно другое явленіе. Извѣстія Павсаніи о царѣ Агисѣ и его походахъ составляютъ камень преткновенія для критики [7]). Онъ разказываетъ о трехъ по-

[1]) См. Müller Fr. H. G. III, стр. 24—27.

[2]) Plut Arat. 3.

[3]) Онъ жилъ ранѣе Агаѳархида, который уже цитуетъ его О времени, въ которое жилъ Агаѳархидъ, см. Müller Fr. H. G. III, стр 191.

[4]) Гл. 15.

[5]) XII, 546.

[6]) Athen. XIV, 639. X, 436. VII, 289 VI, 251

[7]) См. Manso, Sparta III, стр 123 и слѣд Schönmann, Prolegomena ad Plut. Ag. et Cleom. — Plass, die Griechische Tyrannis, стр. 164. Gerlach, Historische Studien II, стр. 187 и слѣд. Droysen, Gesch. des Hellen. II, passim.

ходахъ Агиса: противъ Пеллины, противъ Мегалополя, противъ Мантинеи. Обо всѣхъ этихъ походахъ нѣтъ ни слова у Плутарха и полное молчаніе у Полибія. Откуда же взялъ ихъ Павсанія? Имѣетъ ли какое-нибудь значеніе его авторитетъ при молчаніи другихъ источниковъ, или другими словами, можетъ ли быть удовлетворительно объяснено это молчаніе? Потомъ: Павсанія въ исторіи трехъ походовъ дѣлаетъ одну очень грубую ошибку, которая представляется странною и удивительною даже посреди частыхъ промаховъ, извинительныхъ, можетъ-быть, въ такомъ сочиненіи, какъ „Описаніе Греціи“. Онъ говоритъ, что царь Агисъ убитъ въ сраженіи при Мантинеѣ, а это совершенная ложь. Не уничтожаетъ ли такая вопіющая ошибка всей вѣроятности, какую бы еще могли имѣть извѣстія Павсанія?

Еслибъ одинъ Полибій молчалъ о всѣхъ трехъ походахъ, то не было бы большаго затрудненія объяснить его молчаніе, и слѣдовательно, рѣшить вопросъ въ пользу Павсанія. Полибій дѣлаетъ только бѣглый очеркъ исторіи Ахэйскаго союза до Клеоменовой войны и вовсе не говоритъ объ Агисѣ. Но гораздо труднѣе объяснить молчаніе Плутарха, который писалъ біографіи Арата и Агиса, имѣя подъ рукою мемуары перваго и сочиненія Филарха. Плутархъ зависѣлъ отъ своихъ источниковъ: могло ли быть, чтобъ его источники не дали ему никакихъ свѣдѣній о событіяхъ, которыя у Павсанія представляются не маловажными? О Филархѣ еще можно предположить, что онъ умолчалъ о томъ или другомъ походѣ Агиса, потому что Филархъ писалъ общую исторію Греціи, Сиріи и Египта и притомъ за довольно значительный періодъ. Въ біографіи Агиса, который интересовалъ его болѣе Арата, онъ, какъ можно думать, занимался только исторіей его реформы, и Плутархъ въ этомъ случаѣ послѣдовалъ только его примѣру. Остаются записки Арата. Въ нихъ, пожалуй, могло быть пропущено покушеніе Агиса противъ Мегалополя, какъ не относящееся лично и прямо къ Арату; но въ двухъ другихъ дѣйствіяхъ, какъ ихъ передаетъ Павсанія, участвовалъ самъ Аратъ. Сраженія при Пеллинѣ и Мантинеѣ тѣмъ менѣе могли быть опущены Аратомъ въ его мемуарахъ, что тутъ на долю самого Арата (по словамъ Павсанія) выпала роль побѣдителя, а въ жизни Арата было не слишкомъ много подобныхъ лавровъ, чтобы молчать о нихъ въ мемуарахъ.

Всего болѣе затрудненій представляетъ дѣло при Пеллинѣ. Если оно въ самомъ дѣлѣ историческій фактъ, то Аратъ не могъ его пройдти молчаніемъ, и слѣдовательно, нужно спросить, какъ Плутархъ упустилъ его изъ виду, не смотря на то, что о немъ говорилось въ его источ-

никахъ. Это могло случиться только слѣдующимъ образомъ. По точному смыслу словъ Павсанiи, походъ Агиса на Пеллину случился вскорѣ послѣ освобожденiя Акро-Коринѳа; положимъ,—послѣ перваго покушенiя на Аргосъ, которое послѣдовало непосредственно за этимъ освобожденiемъ. Нужно обратить вниманiе на 24-ю главу бiографiи Арата. Плутархъ здѣсь, очевидно, самымъ бѣглымъ, неотчетливымъ и нехронологическимъ способомъ сокращаетъ разказъ Арата о событiяхъ, послѣдовавшихъ за взятiемъ Коринѳа. Они казались ему не такъ важными, не представляли такихъ живыхъ, интересныхъ подробностей, какъ событiя предъидущiя. Вслѣдъ затѣмъ онъ начинаетъ говорить о попыткахъ Арата освободить Аргосъ: онѣ повторялись въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ, и безъ сомнѣнiя, разказывались въ разныхъ мѣстахъ въ запискахъ Арата, то-есть, на своихъ мѣстахъ, въ хронологическомъ порядкѣ, между другими событiями. По своей системѣ, Плутархъ, начавъ говорить объ Аргосѣ, предпочелъ довести дѣло тутъ же до конца, не прерывая его вставочными разказами. Нѣтъ ничего проще и естественнѣе, если при этомъ событiе, не имѣвшее продолжительныхъ слѣдствiй, стоявшее въ промежуткѣ между разказами о такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ попытки къ освобожденiю Аргоса и Аѳинъ, ускользнуло отъ вниманiя Плутарха. Не нужно забывать, что бiографiя Арата вовсе не есть образецъ точности, ясности и внимательности. Мы бы вполнѣ остановились на такомъ объясненiи, если бы съ другой стороны не было еще одного очень извѣстнаго дѣла подъ Пеллиной, о которомъ, однако, ни слова не говоритъ Павсанiя. Мы разумѣемъ нападенiе Этолянъ на городъ Пеллину [1]).

Что касается до сраженiя при Мантинеѣ, то оно могло быть очень легко пропущено и самимъ Аратомъ и Плутархомъ. Ахэйскiй стратигъ, и по разказу Павсанiи, не игралъ здѣсь особенно блестящей роли. Съ другой стороны въ пользу дѣйствительности этого событiя говорятъ очень сильные доводы.

Въ дѣлѣ подъ Мегалополемъ Аратъ не участвовалъ, и потому оно пропущено въ бiографiи Арата; а въ жизнеописанiи Агиса о немъ не говорилось уже по указанной нами причинѣ, именно потому что и Филархъ и Плутархъ заняты только реформой Агиса.

Теперь обратимся къ самому Павсанiи.

У него, какъ мы уже замѣтили, историческiе промахи встрѣчаются довольно часто. Это происходитъ отчасти и отъ того, что Повсанiя

[1]) Plut. Arat 31 и 32.

пользовался, какъ видно, не всегда хорошими источниками, но главнымъ образомъ отъ характера его сочиненія. Это — описаніе путешествія по Греціи. При посѣщеніи замѣчательныхъ мѣстъ, городовъ, памятниковъ, Павсанія знакомился изъ разказовъ, изъ преданій, съ ихъ исторіей и послѣ все это записывалъ. Очевидно, что большой точности тутъ не могло быть, особенно если путешественникъ полагался на свою память и не дѣлалъ необходимыхъ справокъ. Отсюда ошибки вотъ какого рода: въ той самой главѣ, гдѣ говорится о покушеніи царя Агиса захватить Пеллину, Павсанія смѣшиваетъ Антигона Гонату съ Антигономъ Досономъ [1]); въ другомъ мѣстѣ смѣшиваетъ двухъ спартанскихъ царей, которые оба были Акротаты, но одинъ сынъ Арея, а другой Клеомена [2]). Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ всегда можно предполагать, что фактъ, сообщаемый Павсаніей, вѣренъ, но приписанъ не тому лицу или искаженъ какимъ-нибудь подобнымъ образомъ. Съ этой точки зрѣнія дѣло подъ Пеллиной, приписанное Агису, является очень подозрительнымъ. Мы знаемъ другое нападеніе на Пеллину, близкое къ тому времени, къ которому относится разказъ Павсаніи. Это, какъ уже сказано, нападеніе Этолянъ на Пеллину и пораженіе ихъ Аратомъ. Не приписалъ ли Павсанія Агису и Спартанцамъ то, что̀ принадлежитъ Этолянамъ? Поводъ къ этому былъ: имя Агиса было связано съ обстоятельствами, сдѣлавшими этотъ набѣгъ возможнымъ. Что касается до сраженія при Мантинеѣ, то обстоятельность описанія очень сильно говоритъ за дѣйствительность событія. Оно несомнѣнно должно быть приписано тому самому Агису, котораго разумѣетъ Павсанія. Здѣсь названо нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ сраженіи, кромѣ самого Арата, и даже приводится генеалогія одного изъ нихъ, вполнѣ согласная съ родословною хронологіей [3]). Противорѣчащее другимъ источникамъ, и безъ сомнѣнія, ложное извѣстіе о смерти Агиса въ сраженіи ведетъ свое начало отъ преувеличенныхъ и хвастливыхъ разказовъ жителей Мантинеи, объяснявшихъ любознательному путешественнику значеніе памятника, воздвигнутаго въ память ихъ побѣды надъ Аги-

[1]) Pausan. II, 8, 4.

[2]) Pausan. VIII. 27, 8, 30, 3. Ср. III. 6, 3 и Clinton (Krüger) Fast. Hist. стр. 232 и 230.

[3]) Подаръ (Πόδαρης), начальствовавшій надъ Мантинейцами, былъ, по словамъ Павсаніи, правнукъ другаго Подара, который сражался противъ Эпаминонда при той же Мантинеѣ. Отъ смерти Эпаминонда до вступленія на царство Агиса протекло 120 лѣтъ, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ четыремъ поколѣніямъ.

сомъ. Но существованіе памятника въ воспоминаніе побѣды опять, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ самый фактъ ея.

Относительно сраженія подъ Мегалополемъ тоже нужно замѣтить, что ничего невозможнаго въ разказѣ Павсанія нѣтъ. Имя Лидіада ручается за то, что Агисъ, сынъ Евдамида, не смѣшанъ съ какимъ-нибудь другимъ Агисомъ. Здѣсь нѣтъ даже и той большой несообразности въ хронологіи, на которую указываетъ Шеманнъ [1]). Нѣтъ никакой необходимости требовать строгой хронологіи въ сочиненіи, не имѣющемъ собственно историческаго характера. Павсанія упоминаетъ сначала о присоединеніи Мегалополя къ Ахэйскому союзу Лидіадомъ и потомъ уже о сраженіи подъ Мегалополемъ. Это, конечно, неточность, ибо присоединеніе Мегалополя къ союзу послѣдовало уже послѣ смерти Агиса, который сражался здѣсь. Но неточность эта извинительна въ „Описаніи Греціи“, и нельзя еще заключать отсюда, что Павсанія имѣлъ ложное представленіе о хронологической послѣдовательности событій.

II.

Городъ Сикіонъ. — Аратъ и его бѣгство въ Аргосъ. — Освобожденіе Мегалополя. — Освобожденіе Сикіона. — Присоединеніе его къ Ахейскому союзу. — Примиреніе внутреннихъ партій. — Первая стратигія Арата. — Освобожденіе и присоединеніе къ союзу Коринѳа. — Дальнѣйшіе успѣхи. — Отношенія къ Египту и Македоніи.

Городъ Сикіонъ занимаетъ очень видное мѣсто въ исторіи богатаго и многосторонняго развитія греческой жизни. Его небольшая территорія, приблизительно въ 5 кв. миль [2]), находилась въ широкой открытой долинѣ при устьяхъ Асона. Благодаря своему выгодному мѣстоположенію, Сикіонъ одинъ изъ первыхъ между городами Пелопонниса достигъ значительнаго торговаго и промышленнаго развитія. Вслѣдствіе этого строгое дорійское устройство, съ господствомъ высокомѣрной пришлой аристократіи, не могло устоять въ своей неподвижности. Демократическое движеніе, которое затѣмъ послѣдовало, вызвало блестящій вѣкъ тираніи Орѳагоридовъ. Опираясь на интересы первоначальнаго населенія, тираннія держалась здѣсь долѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, прославила и возвысила Сикіонъ счастливыми войнами, обширными торговыми связями, блестящею пышностью двора, художественными

---

[1]) Proleg ad Plutarchi vitas Ag. et Cleom. стр. XXXV.

[2]) Mannert, Geographie der Griechen und Romer, T. VIII, p. 373

предпріятіями, побѣдами на Олимпійскихъ играхъ [1]). Въ прелестномъ разказѣ Геродота о сватовствѣ дочери Клисѳена Агаристы увѣковѣчено воспоминаніе объ этомъ блестящемъ періодѣ исторіи Сикіона. Со всѣхъ концовъ греческаго міра, изъ Италіи и Малой Азіи, стеклись на зовъ Сикіонскаго князя представители знатной молодежи, и цѣлый годъ гостепріимный хозяинъ угощалъ ихъ въ своемъ дворцѣ. Еще шестьдесятъ лѣтъ по смерти Клисѳена держалась въ немъ демократія — уже на своихъ ногахъ. Умѣренностью и самообладаніемъ она не отличалась и вызвала наконецъ роковое предостереженіе Пиѳіи: μαστιγονόμων δεῖσθαι τὴν πόλιν (городъ нуждается въ строгомъ надзирателѣ съ бичомъ въ рукахъ). Спарта взяла на себя эту роль. Демократія была низвергнута, и возстановлено аристократическое устройство подъ эгидой спартанской [2]). Только гораздо послѣ (въ 365 году), въ періодъ паденія Лакедемона, удалось демократической партіи снова достигнуть господства. Имя Евфропа, котораго правительствовавшая олигархія называла тиранномъ, долго вспоминалось въ массѣ народа, какъ имя основателя Сикіонской свободы [3]). Неизвѣстна, впрочемъ, судьба новой демократіи; есть только признаки, что борьба олигархіи и демократіи, свирѣпствовавшая въ другихъ республикахъ, проявлялась и здѣсь [4]). Въ македонское время, въ бѣдственный періодъ діадоховъ, Сикіонъ раздѣлялъ судьбу Пелопонниса и переходилъ изъ рукъ въ руки, испытавъ даже униженіе быть подъ женскою властью: Кратесиполида, вдова сына Полисперхонтова Александра, владѣла городомъ. Не видно, чтобы женская тиранніи была лучше мужской [5]). Послѣ (въ 308 году) городъ подъ предлогомъ освобожденія былъ захваченъ Птолемэемъ. Пять лѣтъ стоялъ здѣсь гарнизонъ египетскій [6]). Димитрій Полиоркетъ, послѣдній, и можетъ-быть, самый искренній изъ освободителей, принудилъ удалиться Египтянъ и возвратилъ Сикіонянамъ свободу [7]).

Кратковременное пребываніе Димитрія въ Сикіонѣ не осталось безъ послѣдствій. Произошла важная перемѣна въ самомъ географическомъ мѣстоположеніи города. Сикіонъ находился на спускѣ горной террасы

---

[1]) Dunker, IV, стр. 45 и др.

[2]) Dunker, IV, стр. 52, примѣч.

[3]) Xenoph , Hellen, VII. I, 14; ср. Diodor., XV., 70.

[4]) Plut. Arat, 1. Послѣ паденія дорійской аристократіи Сикіонъ ἐις στάσεις ἐνέπεσε καὶ φιλοτιμίας δημαγωγῶν. Во время Филиппа Македонскаго здѣсь былъ тиранномъ какой-то Аристратъ, см. 9 ibid, 9.

[5]) Diodor., XIX, 67 Droysen, Hellen, I, pag. 351.

[6]) Droys , ibid., 409, 505.

[7]) Ἐλευθερίαν ἀποκαταστήσας. Diod , XX, 102.

къ морю. Самый городъ былъ расположенъ во время Димитрія внизу плоскогорья, тамъ, гдѣ почва, нѣсколько возвышаясь надъ остальною береговою низменностью, образуетъ послѣдній, легкій скатъ къ морю. Позади его (къ югу) поднималась высокая горная площадь, состоявшая изъ двухъ неравныхъ частей, изъ двухъ террасъ, раздѣленныхъ между собой скалистымъ обрывомъ. Первая представляла довольно широкую (почти квадратную) площадь, сѣверная окраина которой находилась въ получасовомъ разстояніи отъ морскаго берега. На ней, съ древняго времени, стоялъ акрополь и находились другія зданія (дворецъ Клисѳена?). Можно думать, что первоначальный городъ возникъ именно здѣсь и уже потомъ, во времена укрѣпившейся осѣдлости и безопасности на морѣ, πλωιμωτέρων ὄντων, спустился въ разстилавшуюся ниже равнину. Еще далѣе къ югу поднималась другая болѣе высокая терраса, отдѣленная отъ первой крутымъ обрывомъ и къ верху постоянно суживающаяся. Все вмѣстѣ имѣло видъ неправильнаго треугольника, вершина котораго находилась на югѣ, а покатая, нѣсколько переломленная (обрывомъ) площадь спускалась къ основанію, обращенному къ сѣверо-востоку. Вторая, болѣе высокая терраса, составляющая треть всего возвышенія, оставалась совершенно пустою [1]). Между акрополемъ и городомъ находилось (не очень большое) необитаемое пространство. Съ другой стороны городъ теперь не достигалъ, какъ прежде, морскаго берега, и гавань составляла отдѣльную, третью его часть. Всѣ три части (акрополь, городъ и гавань) были обнесены отдѣльными стѣнами. Димитрій съ перваго взгляда замѣтилъ невыгоду такого растянутаго положенія. Оно дѣлало защиту города чрезвычайно трудною для уменьшившагося, повидимому, населенія. Съ другой стороны, времена измѣнились опять къ худшему, и чѣмъ крѣпче и неприступнѣе было положеніе города, тѣмъ было лучше для его жителей. Димитрій убѣдилъ Сикіонянъ оставить древнія жилища и перенести ихъ на высоту, гдѣ стоялъ доселѣ акрополь. Самый акрополь былъ въ свою очередь перенесенъ еще далѣе и еще выше, на вторую террасу. Одна общая стѣна шла теперь кругомъ, по окраинѣ двойнаго возвышенія. Въ такомъ видѣ Сикіонъ, названный теперь въ честь своего новаго основателя Димитріадою, но не долго впрочемъ удержавшій это имя, отличался необыкновенно крѣпкимъ, красивымъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ. Акрополь былъ совершенно неприступенъ.

[1]) См. Gompf, Sicyoniacorum specimen primum. Berlin, 1832, 65—73. Leak, Travels in Morea, III, 364, и далѣе. Curtius, Peloponn., 11 pag., 483 и далѣе. Vischer, Erinnerungen aus Griechenland, 271. Планы приложены у Лика и Курціуса.

Большая площадь, на которой стоялъ городъ, была также защищена со всѣхъ сторонъ самою природой. Она круто спускалась во всѣ три стороны, и только въ одномъ или двухъ мѣстахъ оставался входъ на нее между опоясывающими ее скалами. Если вообразить себя на верху, на площади акрополя, то представляется слѣдующая картина: подъ ногами разстилается городъ съ его садами, еще ниже — плодоноснѣйшая равнина, покрытая оливковыми плантаціями, далѣе — море, приносящее свѣжій, прохлаждающій воздухъ, черезъ него — видъ на противоположный берегъ, на Парнассъ, Киѳеронъ, Геликонъ, по бокамъ — ущелья двухъ горныхъ рѣкъ (Асона и Елиссона), вправо — вершина Акрокоринѳа, поднимающаяся надъ Исѳмомъ. Ежедневное созерцаніе этой картины не оставалось, вѣроятно, безъ вліянія на развитіе вкуса къ изящнымъ искусствамъ, преимущественно къ живописи, въ жителяхъ Сикіона.

Въ описываемое нами время Сикіонъ по богатству художественныхъ произведеній былъ греческою Флоренціей. Сикіонская школа скульптуры прославилась очень рано и соперничала съ художниками Эгины, Аргоса и Аѳинъ. Во время Александра Македонскаго Лисиппъ (изъ Сикіона) считался первымъ художникомъ всей Греціи. Много другихъ знаменитыхъ людей вышло изъ его школы. Ихъ произведенія украшали городъ. Статуи Лисиппа и Канаха стояли на площади, въ храмахъ, подлѣ общественныхъ зданій еще во время Павсаніи [1]). Сикіонская школа живописи славилась не менѣе скульптурной: ей принадлежатъ имена Памфила, Меланѳа, Павсіи. Апеллесъ, уже находясь на верху своей славы, прибылъ въ Сикіонъ, чтобы познакомиться съ нею [2]). Знатоки и покровители искусства, египетскіе Птолемэи, считали въ послѣдствіи лучшимъ подаркомъ картину изъ Сикіонской галлереи (ποικίλη στοά), выстроенной теперь знаменитою Ламіей (любовницей Димитрія Поліоркета) [3]). Еще во время Арата слава Сикіонскихъ художниковъ стояла высоко: они одни сохраняли неиспорченное чувство красоты. Имена Тиманѳа и Неалка принадлежатъ этому времени [4]).

---

[1]) Pausan., II, 9, 6 и 7; 10, 5 и др.

[2]) Plut. Arat., 12. Pausan., II, 27, 3.

[3]) Plut. Demetr., 24. Athen , XIII, p. 577. Diog. Laërt., V, 77 et cet. Картинная галлерея Сикіона была предметомъ двухъ спеціальныхъ сочиненій извѣстнаго Полемона: περὶ τῆς ποικίλης στοᾶς τῆς ἐν Σικυῶνι, и—περὶ τῶν ἐν Σικυῶνι πινάκων. См. Preller, Polemonis Periegetae fragmenta. Lipsiae. 1838. Также Muller, Fragm Histor. Graec., III, pag. 120.

[4]) Ἤνθει γὰρ ἔτι δόξα τῆς Σικυωνίης μούσης καί χρηστογραφίας, ὡς μόνης ἀδιάφθορον ἐχούσης τὸ καλόν. Plut. Arat., 12. Тиманѳъ упоминается въ 32 главѣ, Неалкъ въ 13.

Но политическое положеніе Сикіона было очень печально. Свободой, которою подарилъ его Димитрій, граждане пользовались не долго. Борьба соціальныхъ партій неизбѣжно вела къ тираніи. Одинъ тираннъ слѣдовалъ за другимъ, и очень сомнительно, чтобъ они были хоть сколько-нибудь похожи на Ореагора или Клисѳена [1]). Около 265 года господствовалъ здѣсь полновластно какой-то Клеонъ. По всѣмъ признакамъ, это былъ одинъ изъ мѣстныхъ демагоговъ, поддерживавшій свою силу преслѣдованіемъ богатыхъ гражданъ, конфискаціей ихъ имуществъ и дѣлежемъ между бѣдными. Наконецъ, или онъ наскучилъ всѣмъ, или болѣе благоразумные, богатые граждане, пользовавшіеся уваженіемъ народа, возстали противъ него: только въ 265 году Клеонъ былъ убитъ. Два знатныхъ и почтенныхъ гражданина, съ общаго согласія, приняли на себя управленіе дѣлами. Одинъ изъ нихъ былъ Клинія. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ очень богатый. Если онъ уцѣлѣлъ во время тираніи Клеона, то, можетъ-быть, отчасти потому, что его боялись тронуть. Клинія былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ царями Египта и Македоніи [2]). Онъ построилъ на свой счетъ городскую гимназію, въ которой юношество Сикіона обучалось и послѣ, до временъ Павсаніи [3]). Отъ своей жены Аристодамы [4]) онъ имѣлъ сына, по имени Арата, который родился въ 271 году. Подъ управленіемъ Клиніи и его товарища Тимоклида въ городѣ сталъ было водворяться законный порядокъ [5]); но, къ несчастію, Сикіонъ скоро потерялъ обоихъ правителей: Тимоклидъ умеръ, а Клинія былъ убитъ Авантидомъ, сыномъ Пасеи, который снова захватилъ въ свои руки тираннію и хотѣлъ упрочить свою власть мѣрами жестокости и насилія. Друзья и знакомые Клиніи были отчасти изгнаны, отчасти убиты. Маленькому сыну его, семилѣтнему Арату, грозила та же участь. Только случай спасъ

---

[2]) Сомнительно, чтобы слова Стравона (VIII, p. 218) о Сикіонѣ: ἐτυραννήθη πλείστων χρόνων· ἀλλ ἀεὶ τοὺς τυράννους ἐπιεικεῖς ἄνδρας ἔσχεν — можно было кромѣ Ореагоридовъ относить и къ другимъ тираннамъ (какъ это кажется Дройзену). Ср. Аристотеля Polit., V, (VIII), 9 (12), 21.

[2]) Plut. Arat, 4. Никоклесъ боится, чтобъ Аратъ не вошелъ въ сношенія съ царями φίλοις οὖσι καὶ ξένοις πατρῴοις.

[3]) Pausan, II, 10, 7.

[4]) Имя матери Арата: Pausan. II, 10, 3, IV, 14, 7. Въ храмѣ Асклипія (Эскулапа) находилось изображеніе женщины, сидящей на драконѣ: Павсаніи объясняли, что это мать Арата. Отцомъ его въ это время считался уже самъ Эскулапъ.

[5]) Plut. Arat., 2. Ἔιλοντο Τιμοκλείδαν ἄρχοντα καὶ Κλεινίαν, ἄνδρας ἐνδόξους τὰ μάλιστα καὶ ἐν δυνάμει τῶν πολιτῶν ὄντας. Ἤδη δέ τινα τῆς πολιτείας κατάστασιν ἔχειν δοκούσης и т. д.

его. Во время смятенія, послѣдовавшаго въ домѣ послѣ убійства Клиніи, Аратъ вмѣстѣ съ другими убѣжалъ изъ дома родительскаго и потомъ, въ страхѣ, блуждалъ по улицамъ Сикіона. Онъ пришелъ наконецъ въ домъ сестры Авантида, убійцы своего отца и своей тетки: она была за мужемъ за братомъ Клиніи. Добрая женщина скрыла перепуганнаго мальчика отъ своего брата и потомъ отправила его тайкомъ въ Аргосъ, гдѣ его отецъ имѣлъ большое и богатое знакомство [1]).

Тринадцать лѣтъ провелъ здѣсь Аратъ. Воспитаніе его было нѣсколько одностороннее и не вполнѣ удовлетворяло тогдашнимъ требованіямъ. Онъ, повидимому, не посѣщалъ никакой философской школы. Въ ораторскомъ искусствѣ онъ упражнялся менѣе, чѣмъ бы можно было требовать этого отъ будущаго политическаго дѣятеля. Впрочемъ, можетъ-быть, благодаря природнымъ талантамъ, Аратъ въ послѣдствіи былъ хорошимъ и даже изящнымъ публичнымъ ораторомъ [2]). Безъ того онъ и не могъ бы играть той роли, которая увѣковѣчила имя его среди государственныхъ мужей Греціи. Болѣе вниманія было обращено на физическую сторону его воспитанія. Будущій освободитель Сикіона и Коринѳа съ любовію посѣщалъ палэстру и за ловкость въ тѣлесныхъ упражненіяхъ получилъ нѣсколько вѣнковъ. Даже на его портретахъ, писанныхъ въ послѣдствіи мастерами Сикіонской школы, вмѣстѣ съ умнымъ и величественнымъ выраженіемъ въ лицѣ, соединялось что-то, напоминающее атлета [3]). Самыя обстоятельства и воспоминанія дѣтства, убійство отца, жизнь въ чужомъ городѣ должны были развить въ молодомъ Аратѣ ненависть къ тиранніи. Ненависть эта питалась и поддерживалась постоянно новыми жертвами самовластія, бѣглецами и изгнанниками изъ Сикіона. Всѣ они видѣли въ Аратѣ человѣка, который, по своему положенію, могъ стать во главѣ враговъ тиранніи. Сынъ Клиніи наслѣдовалъ отъ отца богатыя и сильныя связи. Личный его характеръ возбуждалъ къ нему большую симпатію и довѣренность. Двадцатилѣтній юноша уже отличался большою

[1]) У Павсаніи (II, 8) событія, предшествовавшія бѣгству Арата въ Аргосъ, разказаны нѣсколько иначе. Послѣ смерти Клеона стремленіе къ тиранніи овладѣваетъ такъ сильно гражданами, что въ Сикіонѣ явилось вдругъ два тиранна: Евѳидимъ и Тимоклидъ. Оба они были низвергнуты народомъ, который поставилъ во главѣ правленія Клинію. Нѣсколько позже, когда Клинія умеръ, явился новый тираннъ въ лицѣ Авантида. Этотъ послѣдній принудилъ Арата, сына Клиніи, бѣжать изъ города, а можетъ-быть, прибавляетъ Павсанія, Аратъ удалился и добровольно. Разказъ Плутарха во всякомъ случаѣ имѣетъ больше авторитета.

[2]) Plut Arat., 3, κορυφότερος εἰπεῖν.

[3]) Plut. Arat., 3. Ἐπιφαίνεται ταῖς εἰκόσιν ἀθλητική τις ἰδέα.

серіозностію. Въ его характерѣ не было замѣтно опрометчивости и неумѣренной пылкости. Онѣ сдерживались разсудкомъ, не по лѣтамъ твердымъ и разчетливымъ.

Во время пребыванія Арата въ Аргосѣ произошло нѣсколько событій, долженствовавшихъ поощрить его къ дѣятельности. Въ Сикіонѣ послѣдовало нѣсколько новыхъ переворотовъ. Авантидъ господствовалъ довольно долго; наконецъ, онъ былъ убитъ на городской площади, куда онъ приходилъ на публичныя чтенія и споры двухъ современныхъ героевъ діалектики, Диніи и Аристотеля. Тираннъ имѣлъ, очевидно, вкусъ къ философіи и риторикѣ, котораго былъ лишенъ Аратъ, и самъ любилъ вмѣшиваться въ диспуты. Но Аристотелю и Диніи почему-то не нравился такой слушатель, и они-то сами его и убили. Можетъ-быть, они имѣли въ виду возстановленіе законнаго порядка. Въ нѣкоторыхъ философскихъ школахъ замѣчается въ это время движеніе въ пользу политической свободы. Во всякомъ случаѣ, убійство оказалось безплоднымъ: Пасея, отецъ убитаго тиранна, захватилъ въ свои руки власть, однако не надолго; въ свою очередь онъ былъ убитъ Никоклесомъ, который и занялъ мѣсто сына и отца.

Новый тираннъ былъ еще хуже своихъ предшественниковъ. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ своего правленія онъ выгналъ изъ Сикіона восемьдесятъ хорошихъ гражданъ. Другіе сидѣли въ темницахъ [1]). Въ вознагражденіе, онъ не умѣлъ охранять даже внѣшней безопасности города. Этоляне едва не захватили его нечаяннымъ нападеніемъ. Эти обстоятельства должны были усилить неудовольствіе гражданъ Сикіона и надежду изгнанниковъ. Самъ Никоклесъ начиналъ уже бояться за свою власть. Въ Аргосѣ составилась уже цѣлая эмиграція изъ богатыхъ и зажиточныхъ жителей Сикіона. Шпіоны Сикіонскаго тиранна наблюдали преимущественно за Аратомъ. Никоклесъ не ждалъ прямаго нападенія на сильный, почти неприступный Сикіонъ, не думалъ, чтобъ Аратъ рѣшился на это съ одними силами эмиграціи. Опасность была съ другой стороны: Аратъ могъ обратиться къ сильнымъ друзьямъ своего отца, найдти помощь у царей Македоніи и Египта. И опасенія такого рода не были лишены основанія: Аратъ дѣйствительно обращался, хотя напрасно, къ обоимъ дворамъ, — черта замѣчательная въ характерѣ юноши, на котораго враги тиранніи возлагали такія надежды: онъ ищетъ освобожденія родины отъ ига тирановъ у неограниченныхъ монарховъ Египта и Македоніи.

---

[1]) Plut. Arat., 9, 5: Ἦκεν εἰς Ἄργος ἀνὴρ Σικυώνιος ἐκ τῆς εἱρκτῆς ἀποδεδρακώς.

Не такъ дѣйствовали въ это время другіе. Идеи свободы, стремленіе къ возстановленію демократическаго республиканскаго порядка давно пробудились съ новою силой въ избранныхъ людяхъ Греціи. Философское движеніе этого времени сильно проглядываетъ во всѣхъ политическихъ событіяхъ. Школы, повидимому, совершенно теоретическія и отвлеченныя выступаютъ на сцену съ опредѣленными политическими тенденціями. Послѣ мы встрѣтимся со многими стоиками, стоявшими на сторонѣ монархіи. Здѣсь обращаютъ на себя наше вниманіе ихъ противники, противники въ области философскаго мышленія, и какъ заставляютъ подозрѣвать нѣкоторыя данныя, на политическомъ полѣ; это были скептики: явленіе очень замѣчательное; изъ школы философскаго сомнѣнія и отрицанія выходятъ люди, еще вѣрящіе въ возможность правильной и разумной свободы въ греческихъ республикахъ. Изъ скептической школы Аркесилая [1]) вышли освободители Мегалополя. Здѣсь былъ тираннонъ Аристодимъ. Онъ оказалъ много услугъ своему отечеству. Въ кровопролитной битвѣ Аристодимъ спасъ независимость Мегалополя отъ Спартанскаго царя Акротата [2]). Онъ украсилъ городъ великолѣпными постройками, долго сохранявшими память о немъ въ признательныхъ гражданахъ [3]). То почетное прозваніе, которое было ему дано (χρηστὸς, добрый, честный) соотечественниками, показываетъ, что онъ не злоупотреблялъ своею властью. Не противъ его личности была направлена ненависть послѣдователей Аркесилая, но противъ принципа, который онъ представлялъ собою. Люди, рѣшившіеся освободить свое отечество, только выводили практическія послѣдствія изъ своей философіи [4]). Это были: Екдилъ и Димофанъ [5]). Ихъ жертвою палъ Аристодимъ. Земляная насыпь при западныхъ во-

---

[1]) Объ отношеніяхъ Аркесилая къ Зенону см. Cicer. Academ. I, 12, IV, 24; Diog. Laërt VII, 162.

[2]) Pausan. VIII, 27, 8; Plut. Agis, 3.

[3]) Curtius, I, 314.

[4]) Φιλοσοφίαν μάλιστα καθ' ἑαυτοὺς ἐπὶ πολιτείαν καὶ πράξεις προαγαγόντες. Plut. Philop. I.

[5]) Имена освободителей передаются различно въ разныхъ источникахъ. Polyb. X, 22. 2: Ἔκδημος καὶ Δημοφάνης; Plut. Philop., I: Ἔκδημος καὶ Μεγαλοφάνης; Pausan. VIII, 49, 2: Ἔκδημος καὶ Μεγαλοφάνης. Всего лучше слѣдовать Поливію, хотя, конечно, имена могли быть одинаково легко испорчены, какъ у Плутарха, такъ и у Поливія. Но относительно перваго имени нѣтъ почти сомнѣнія, что его слѣдуетъ писать Екдилъ (Ἔκδηλος). Плутархъ такъ называетъ его пять разъ въ біографіи Арата, имѣя подъ руками мемуары этого послѣдняго. Въ біографіи Филопимена онъ слѣдуетъ уже Поливію.

ротахъ Мегалополя указывала въ позднѣйшее время на мѣсто погребенія тиранна. Это событіе должно было произвесть сильное впечатлѣніе въ Греціи или по крайней мѣрѣ, въ Пелопоннисѣ. Имена дѣйствующихъ лицъ и ихъ жертвы пользовались извѣстностью и уваженіемъ. Съ одной стороны, это были близкіе ученики Аркесилая [1]), съ другой — добрый Аристодимъ.

Попытка Арата найдти помощь при дворахъ Македоніи и Египта не была удачна. Антигонъ (Гонатъ) далъ обѣщаніе помочь сыну Клеоніи, но не показывалъ особенной готовности исполнить это обѣщаніе. Надежды на Птолемэя оказались еще менѣе основательными. Аратъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ и собственными средствами. Освобожденіе Мегалополя, очевидно, имѣлов ліяніе на эту рѣшимость. Одинъ изъ освободителей Мегалополя около этого времени прибылъ въ Аргосъ. Вѣроятно, Екдилъ — это былъ онъ — явился сюда, узнавъ о положеніи дѣлъ, объ огромномъ числѣ Сикіонскихъ эмигрантовъ, съ намѣреніемъ побудить ихъ наконецъ къ энергической дѣятельности. Плутархъ говоритъ, что Аратъ сообщилъ сначала о своемъ намѣреніи дѣйствовать открытою силой противъ Никоклеса только двумъ лицамъ. Однимъ изъ нихъ былъ именно Екдилъ, другимъ — гражданинъ Сикіона, спасшійся въ Аргосъ отъ тиранніи Никоклеса, Аристомахъ. Оба они вполнѣ одобрили планъ Арата. Но не такъ довѣрчиво встрѣтили его сообщеніе другіе изгнанники. Только немногіе, и то по чувству стыда не отказались принять участіе въ рискованномъ предпріятіи. Большинство старалось отклонить отъ него и самого Арата, указывая на разныя трудности, съ которыми нужно будетъ бороться. Первоначальный планъ Арата, дѣйствительно, подавалъ слабую надежду на успѣхъ. Онъ хотѣлъ завладѣть какимъ-нибудь пунктомъ на территоріи Сикіонской, разчитывая, конечно, собрать здѣсь всѣхъ недовольныхъ, чтобы потомъ дѣйствовать наступательно противъ Никоклеса. Нужно было ожидать долговременной борьбы, открытыхъ, правильныхъ сраженій. Собственныя силы эмигрантовъ казались для этого недостаточными, а полагаться на содѣйствіе жителей Сикіона не было надежныхъ основаній. Такимъ образомъ, дѣло готово было разстроиться. Счастливый случай помогъ Арату, внушивъ ему другую мысль. Въ Аргосъ явился еще одинъ бѣглецъ, спасшійся изъ тюрьмы, въ которую онъ былъ заключенъ Никоклесомъ. Братъ новоприбывшаго, Ксеноклей, уже ранѣе присоединившійся къ эмиграціи, представилъ бѣг-

[1]) Ἀρκεσιλάῳ συνήθεις ἐν Ἀκαδημίᾳ γεγονότες. Plut. Philop., I.

леца Арату. Разказывая исторію своего бѣгства, вновь прибывшій указалъ на одно обстоятельство, которое помогло ему спастись. Этимъ обстоятельствомъ можно было воспользоваться для взятія неприступнаго Сикіона. Тому, кто хотѣлъ бы овладѣть Сикіономъ, нужно было взбираться на его стѣны, и что̀ еще страшнѣе, спускаться съ нихъ внутрь города. Теперь открывалось, что стѣна изнутри въ одномъ, не для всѣхъ извѣстномъ, мѣстѣ была почти въ ровень съ поверхностію скалистой и высокой окраины, которую она опоясывала, а извнѣ была возможность спуститься, а слѣдовательно, и подняться на нее посредствомъ лѣстницъ. Аратъ ухватился за это сообщеніе и послалъ двухъ собственныхъ служителей съ Ксеноклеемъ повѣрить любопытный разказъ. Они смѣряли стѣну, внимательно осмотрѣли мѣстность и вполнѣ потвердили слова новоприбывшаго эмигранта. Только одну не очень благопріятную новость прибавили они: вблизи жилъ садовникъ; его чуткія собаки дѣлали очень труднымъ незамѣтное приближеніе къ стѣнѣ. Передъ такимъ ничтожнымъ препятствіемъ нельзя было остановливаться. Неожиданное и тайное нападеніе прямо на Сикіонъ представляло большія выгоды; дѣло рѣшилось бы однимъ ударомъ. Немедленно приступилъ Аратъ къ приготовленіямъ для ночной экспедиціи противъ Никоклеса. Одинъ изъ изгнанниковъ, занимавшійся приготовленіемъ машинъ (μηχανοποιὸς), тайно соорудилъ длинныя лѣстницы. Достать въ это время оружіе, по замѣчанію Плутарха, было легко: разбои и набѣги пріучали всѣхъ держать его въ запасѣ. Аратъ вооружилъ тридцать человѣкъ своей прислуги; его Аргосскіе друзья также снабдили его людьми. Кромѣ того, чрезъ посредство одного изъ предводителей тогдашнихъ кондотьеровъ [1]), онъ навербовалъ еще нѣсколько предпріимчивыхъ и вооруженныхъ людей. Имъ было сказано, что предпринимается походъ противъ царскихъ табуновъ въ Сикіоніи [2]),

---

[1]) Ἀρχίκλωψ — не простой предводитель разбойнической шайки (Anführer der Raubhorde), но человѣкъ, получившій отъ какого-нибудь правительства нѣчто въ родѣ каперной грамоты, предводитель формально и почти легально организованнаго отряда для нанесенія возможнаго вреда грабежемъ и разореніемъ враждебной территоріи См Шеманнъ G. A , II, 6.

[2]) Ἐπὶ τὰς ἵππους τὰς βασιλικὰς εἰς τὴν Σικυωνίαν. Сикіонъ давно славился своими лошадьми: ἱπποφορβοὶ Σικυώνιοι, Schol. Odyss , XI, 271. Λευκὸν ξεῦγος ἐκ Σικυῶνος (въ числѣ обвиненій противъ Мидія Demosthen contra Mid., p. 564). Побѣды на Олимпійскихъ ристалищахъ Мирона и Клисѳена находятся въ связи съ этимъ. См. Gompf, Sicyoniaca, I pag. 25 et 26 Но что̀ это за царскіе табуны? Безъ сомнѣнія, они принадлежали царю Македоніи. Послѣ они (тѣ же самые?) находятся въ Коринѳской области. Plut. Arat., 24.

дѣло неопасное и выгодное. Главныя силы собраннаго отряда были отправлены впередъ по одиночкѣ. Они должны были остановиться у башни Полигнота (Πολυγνότου πύργος). Мѣстечко это находилось по дорогѣ къ Немеѣ; въ настоящее время его узнаютъ въ такъ-называемомъ „Греческомъ камнѣ“ (Ἑλλήνων λιθάρι) вблизи укрѣпленія Дервени [1]); находится оно на разстояніи нѣсколько менѣе 20 верстъ отъ Аргоса [2]), почти тамъ, гдѣ въ ущельѣ Тритона Аргосская дорога развѣтвляется къ Клеонамъ и Немеѣ [3]). Въ то же время пятеро изъ заговорщиковъ отправились прямо къ Сикіону, чтобы придти туда въ сумерки. Они должны были въ видѣ невинныхъ запоздалыхъ путешественниковъ явиться къ садовнику, хозяину страшныхъ собакъ, выпросить себѣ ночлегъ и потомъ ночью запереть въ домѣ и садовника, и его церберовъ. Составныя лѣстницы были разобраны, уложены въ ящики и отправлены впередъ. Все было предусмотрѣно. Осторожность, дѣйствительно, требовалась большая, ибо въ Аргосѣ явились новые шпіоны Никоклеса. Можетъ-быть, до него дошли слухи, что тамъ что-то затѣвается; одно присутствіе Екдила уже возбуждало подозрѣніе. Чтобы обмануть бдительность шпіоновъ, Аратъ утромъ, когда были сдѣланы вышеупомянутыя распоряженія, явился на площадь. Отсюда, вмѣстѣ съ друзьями, онъ отправился въ палэстру, и послѣ обычныхъ упражненій, пригласилъ друзей къ себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ Арата, казалось, готовились пиръ и веселая попойка. Его рабы закупали на рынкѣ необходимую принадлежность всякаго пиршества, вѣнки для гостей, факелы, чтобъ освѣщать ими путь, когда веселымъ гостямъ нужно будетъ возвращаться домой; другіе торговались съ дѣвицами, которыя должны были увеселять пирующихъ игрою на арфахъ и флейтахъ. Шпіоны Никоклеса все это видѣли, и даже имъ самимъ сдѣлалось весело. „Что̀ можетъ быть трусливѣе тиранна? говорили они со смѣхомъ; владѣя такимъ городомъ и такою силой, Никоклесъ боится мальчика (μειράκιον), который тратитъ на удовольствія и дневные [4]) пиры послѣднія средства своего изгнанія! (τὰ τῆς φυγῆς ἐφόδια)“. Съ своей стороны, они совершенно успокоились насчетъ Арата.

---

[1]) Curtius, Peloponn., II, 512.

[2]) Клеоны отстоятъ отъ Аргоса на сто двадцать стадій (Strab., pag. 577), а они немного дальше башни Полигнота.

[3]) Leak, Morea, III, 328. Curt. Pelop., II, 512.

[4]) Извѣстно, что начинать пиръ днемъ считалось неприличнымъ, признакомъ безпорядочнаго человѣка.

Безопасно и никѣмъ не наблюдаемый, отправился онъ около полудня [1]) къ своему отряду подлѣ башни Полигнота. Подъ его предводительствомъ отрядъ скоро достигъ Немеи, находившейся въ верстахъ трехъ-четырехъ отъ башни. Здѣсь объявлена была всѣмъ истинная цѣль похода. Обѣщаніе большихъ наградъ заставило согласиться на предпріятіе и тѣхъ, кто преимущественно имѣлъ виды на царскихъ лошадей. Лозунгомъ должны были служить слова: Ἀπόλλων ὑπερδέξιος [2]). Изъ Немеи нужно было выйдти на ту или другую изъ дорогъ, которыя вели отъ Сикіона къ Фліунту. Ихъ было двѣ: первая шла отъ Фліунта, изгибаясь на западъ, черезъ Титану [3]) къ Спкіону; это болѣе длинная (17 1/2 верстъ) и притомъ непроѣзжая; другая, прямая, шла по правому, болѣе низкому берегу Асона и вела къ восточной сторонѣ Спкіонскихъ стѣнъ чрезъ мѣстечко Θіамію [4]). По всей вѣроятности, Аратъ избралъ прямую дорогу. Въ такомъ случаѣ ему не было необходимости заходить въ Фліунтъ. Перебравшись изъ Немеи чрезъ Трикаранонъ (горная цѣпь) по очень удобному и низкому перевалу въ долину Фліунта [5]), поднявшись немного вверхъ по теченію Асона, онъ выходилъ прямо на Сикіонскую дорогу, минуя городъ Фліунтъ [6]). Изъ разказа Плутарха видно, что въ Немеѣ были сдѣланы послѣднія распоряженія; о Фліунтѣ не говорится ни слова. Отрядъ вышелъ изъ Немеи къ ночи: ворота въ Фліунтѣ были бы уже заперты, когда бы пришелъ сюда Аратъ.

Пользуясь луннымъ свѣтомъ, отрядъ очень удобно и безопасно совершилъ бо́льшую часть пути. Къ концу его Аратъ нѣсколько замедлилъ шаги своихъ спутниковъ. Онъ хотѣлъ подойдти къ Сикіону, когда луна перестанетъ свѣтить. Около утра, слѣдовательно, путешественники находились на восточной сторонѣ города, подлѣ садовъ, раскинутыхъ внизу городской стѣны. Здѣсь встрѣтилъ ихъ посланный впередъ Кафисія, который съ своими четырьмя помощниками долженъ былъ устроить дѣло съ садовникомъ и его собаками. Онъ сказалъ Арату,

---

[1]) Μετ' ἄριστον. У Омира это — завтракъ, который приготовлялся утромъ, съ восходомъ солнца: ἀμ' ἠοῖ. Odyss. XVI, 2; Herod. I, 63; Aristophan. Nubes, 415. Но позднѣе это prandium (полдневный обѣдъ).

[2]) Аполлонъ особенно почитался въ Сикіонѣ. См. Curtius Peloponn., II, 492.

[3]) Титана находилась въ 60 стадіяхъ отъ Сикіона и въ 40 отъ Фліунта Pausan. II, 11, 3; ср. Leak, Morea, III, 552 et seq. Curtius, Peloponn., II, 503.

[4]) Curtius, ibid.

[5]) Curtius, ibid. 480.

[6]) Ibid., 477.

что хозяинъ дѣйствительно запертъ въ своей хижинѣ, но собаки убѣжали. Обстоятельство это навело смущеніе на отрядъ. Аратъ долженъ былъ снова убѣждать и уговаривать робкихъ попытать счастья, обѣщая увести ихъ назадъ, если собаки будутъ слишкомъ безпокоить ихъ. Екдилъ и Мнасиѳей, во главѣ нѣсколькихъ человѣкъ, съ лѣстницами были отправлены впередъ. Аратъ медленно слѣдовалъ за ними. Собаки начинали уже сбѣгаться и громко лаять на Екдила съ товарищами. Тѣмъ не менѣе они подошли къ стѣнѣ, приставили лѣстницы. Нѣсколько человѣкъ уже стали взбираться на стѣну. Въ это самое время на городскихъ стѣнахъ начался шумъ и движеніе, появились огни. Начальникъ стражи, сдавъ свой постъ, обходилъ рондомъ, звоня своимъ колокольчикомъ (κώδων). Екдилъ и его спутники въ страхѣ приросли къ лѣстницамъ и остались незамѣченными. Но, съ другой стороны, шелъ новый постъ на встрѣчу (и на смѣну) первому. Это была самая критическая минута: она миновала благополучно; стража прошла мимо, Мнасиѳей и Екдилъ вздохнули свободнѣе. Немедленно они первые взлѣзаютъ на стѣну и посылаютъ сказать Арату, чтобъ онъ слѣдовалъ за ними.

Не далеко отъ того мѣста, гдѣ они взобрались на стѣну, была сторожевая башня, въ которой держали большаго охотничьяго пса. Лай собакъ внизу разбудилъ и раззадорилъ его. Онъ тоже началъ громко лаять, оглашая всю окрестность. Одинъ изъ часовыхъ, находившійся нѣсколько дальше, закричалъ громко, спрашивая своего товарища на башнѣ: на кого собака лаетъ съ такимъ остервененіемъ, и нѣтъ ли чего-нибудь? Этотъ отвѣчалъ, что нѣтъ ничего: собаку встревожилъ звонъ колокольчика и свѣтъ факеловъ, оттого она и лаетъ. Такой разговоръ очень ободрилъ сподвижниковъ Арата. Они подумали, что часовой на ихъ сторонѣ, и что можетъ-быть, въ городѣ они найдутъ себѣ и много подобныхъ помощниковъ. Они стали всходить на стѣну по дорогѣ, указанной Екдиломъ и Мнасиѳеемъ. Дѣло подвигалось медленно: лѣстницы, будучи не очень крѣпки, гнулись, и нужно было подыматься по одиночкѣ. Между тѣмъ время шло, уже запѣли пѣтухи, скоро должны были пойдти крестьяне изъ окрестностей на городской рынокъ съ своими произведеніями. Аратъ спѣшилъ: сорокъ человѣкъ перебрались черезъ стѣну прежде его; присоединившись къ нимъ самъ и принявъ еще нѣсколько человѣкъ изъ оставшихся позади, онъ пошелъ внутрь города, на домъ тиранна. Вблизи дворца спалъ наемный отрядъ тѣлохранителей. Аратъ напалъ на него совершенно въ расплохъ и захватилъ всѣхъ въ плѣнъ; уби-

тыхъ не было. Вслѣдъ затѣмъ онъ разослалъ вѣстниковъ къ своимъ друзьямъ въ городѣ. Они стали собираться со всѣхъ сторонъ. Уже совершенно разсвѣло. Въ театрѣ собралась огромная толпа народа, взволнованная слухами, что въ городѣ что-то случилось, но не зная, что̀ именно. Ей объявили: „Аратъ, сынъ Клиніи, призываетъ гражданъ къ свободѣ“.

Эта вѣсть дала всѣмъ понять, что̀ слѣдуетъ дѣлать. Толпа нестройною массой бросилась ко дворцу тиранна и зажгла его. Поднялось огромное пламя. Его замѣтили въ Коринѳѣ [1]). Тамъ уже собирались было на помощь въ Сикіонъ, предполагая, можетъ-быть, неожиданное вражеское нападеніе. Въ Коринѳѣ правилъ также тираннъ, расположенный, конечно, поддерживать своего собрата въ Сикіонѣ. Никоклесъ, впрочемъ, успѣлъ спастись самъ черезъ одинъ изъ подземныхъ ходовъ, многочисленныхъ въ древнемъ Сикіонѣ [2]). Его наемные тѣлохранители, узнавъ о бѣгствѣ своего господина, стали вмѣстѣ съ гражданами тушить пожаръ, для того, конечно, чтобы поживиться тѣмъ, что̀ было во дворцѣ. Аратъ не препятствовалъ расхищенію собственности Никоклеса. Онъ даже отдалъ въ распоряженіе гражданъ все остальное имущество тирановъ. Предпріятіе кончилось какъ нельзя болѣе счастливо. Не было пролито ни одной капли крови ни съ той, ни съ другой стороны. Аратъ возвратилъ гражданамъ самоуправленіе на началахъ равенства для всѣхъ [3]).

---

[1]) Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Коринеъ находился въ разстояніи двухъ миль отъ Сикіона. Напрасно и нѣсколько странно Маннертъ (Geographie, VIII, p. 378) слово θαυμάσαντας у Плутарха объясняетъ тѣмъ, что Коринеяне удивлялись, какъ это они видятъ пожаръ на такомъ разстояніи. Gompf, I, 63.

[2]) Curtius Peloponn., II, 491. Слѣды ходовъ видны и до сихъ поръ.

[3]) Pausan., II, 8, 3. ἀπέδωκε ἐξ ἴσου πολιτεύεσθαι. Мы разказали исторію освобожденія Сикіона со всѣми подробностями, какія находятся у Плутарха (Arat., 2—9), прибавивъ только нѣсколько топографическихъ замѣчаній и указавъ связь, какую должно предполагать въ этомъ событіи съ освобожденіемъ Мегалополя (объ этомъ послѣднемъ говорится у Плутарха только въ біографіи Филопимена). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такой подробный разказъ, даже съ именами рабовъ, которыхъ посылалъ туда или сюда Аратъ, взятъ Плутархомъ изъ мемуаровъ самаго Арата. Мы не много встрѣтчаемъ такихъ живыхъ и подробныхъ разказовъ въ біографіяхъ Плутарха. По своему характеру весь разказъ не представляетъ никакихъ поводовъ къ сомнѣнію. Мы только позволили себѣ слегка намекнуть, что можетъ-быть, вліяніе освободителей Мегалополя въ этомъ дѣлѣ болѣе важно, чѣмъ оно представлено въ источникахъ. У Павсаніи (II, 8, 3), въ краткомъ разказѣ нѣтъ никакихъ отступленій, какъ то было въ отношеніи къ предыдущимъ событіямъ.

Все это случилось весною 251 года [1]). Большія затрудненія внѣшнія и внутреннія представились однако Арату вскорѣ послѣ освобожденія роднаго города. Свобода и независимость Сикіона должны были навлечь на него не мало враговъ. Всѣ тираннъ — ихъ было много въ Пелопоннисѣ — чувствовали, безъ сомнѣнія, свою солидарность и должны были обратить вниманіе на опасность, которая начинала грозить имъ. Притомъ освобожденіе Сикіона, непріятное само по себѣ, не было отдѣльнымъ фактомъ. Участіе въ немъ освободителей Мегалополя указывало на нѣкоторый общій планъ, по крайней мѣрѣ, на общность стремленій въ разныхъ частяхъ полуострова. Никоклесъ бѣжалъ и легко могъ найдти помощь у своихъ собратьевъ по тиранніи. Александръ, управлявшій въ Коринѳѣ, уже во время пожара думалъ, повидимому, поспѣшить съ этою помощію. Со стороны Македоніи также нельзя было ожидать равнодушнаго и спокойнаго отношенія къ освобожденію такихъ городовъ, какъ Мегалополь и Сикіонъ. Антигонъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на свободу Сикіона [2]). Онъ имѣлъ всѣ причины поддерживать *statu quo* въ Пилопоннисѣ. Вліяніе Македоніи на полуостровъ главнымъ образомъ опиралось на тираннію, власть чисто фактическую, не имѣвшую никакой опоры ни въ правѣ, ни въ преданіи, и принужденную искать ея у царя Македоніи. Еслибъ Анти-

[1]) Годъ освобожденія Сикіона опредѣляется съ большою точностію на основаніи хронологическихъ данныхъ, сообщаемыхъ Поливіемъ (II 41, 11). Начало Ахэйскаго союза относится къ 124-й олимпіадѣ, почти къ тому самому времени, когда Пирръ отправился въ Италію, слѣдовательно, къ 280 году. Съ этимъ согласно и другое мѣсто Поливія (гл. 43), гдѣ онъ между началомъ союза и побѣдою Катулла при Эгатскихъ островахъ въ 242 году считаетъ 38 лѣтъ: 242+38=280. Отъ начала Ахэйскаго союза до времени Марка Керинійскаго, до введенія единоличной стратиги, прошло 25 лѣтъ; слѣдовательно, это случилось въ 255 году. Въ четвертый годъ послѣ указаннаго преобразованія, слѣдовательно, въ 251 году Аратъ освобождаетъ Сикіонъ. По извѣстію Плутарха (Arat, 53), который не говоритъ о годѣ, мы знаемъ мѣсяцъ. это былъ мѣсяцъ дэсій, соотвѣтствующій Аѳинскому анѳестиріону, а этотъ послѣдній соотвѣтствуетъ нашему февралю. Плутархъ называетъ даже и число мѣсяца (5-й день дэсія), но такъ какъ неизвѣстно, вполнѣ ли соотвѣтствовалъ дэсій анѳестиріону, то мы и не пытаемся идти до опредѣленія *дня* освобожденія. Отсюда исчисляются и годы предшествующихъ событій. Аратъ, по свидѣтельству Поливія (II, 43, 3), при освобожденіи Сикіона былъ двадцати лѣтъ. Слѣдовательно, онъ родился въ 271 году. Когда былъ убитъ его отецъ Клинія, то, по указанію Плутарха, (Arat., 2) его сыну было 7 лѣтъ; слѣдовательно, Клинія убитъ и Аратъ бѣжалъ въ Сикіонъ въ 264 году.

[2]) Ἐπιβουλευομένην μὲν ἔξωθεν καὶ φθονουμένην ὑπ᾽Αντιγόνου τὴν πόλιν ὁρῶντι (Ἀράτῳ) διὰ τὴν ἐλευθερίαν. Plut. Arat., 9.

гонъ узналъ о томъ, что сынъ Клиніи, обращавшійся къ нему съ просьбой о содѣйствіи къ возвращенію въ родной городъ, входилъ потомъ въ сношенія съ Египтомъ, то это еще болѣе усилило бы его неудовольствіе. Около этого времени поборникъ свободы аѳинскаго народа, писатель Филохоръ, былъ лишенъ жизни за то, что склонялся на сторону Египта, и въ смерти его былъ замѣшанъ самъ антигонъ [1]).

Еще ближе и опаснѣе были затрудненія внутреннія, домашнія. Вмѣстѣ съ низверженіемъ тираніи, отчасти въ одно время съ Аратомъ, отчасти немного послѣ, воротились всѣ эмигранты и изгнанники Сикіонскіе изъ Аргоса, и можетъ-быть, изъ другихъ мѣстъ. Одинъ Никоклесъ, какъ было замѣчено, принудилъ удалиться изъ управляемаго имъ города восемьдесятъ человѣкъ. Пятьсотъ человѣкъ вышло при его предшественникахъ. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, начиная съ 300 года, изгнанія не прерывались [2]), и слѣдовательно, неудивительно, что число всѣхъ изгнанныхъ было близко къ 600 [3]). Всѣ они, или почти всѣ, воротились бѣдными и безъ всякихъ средствъ къ жизни: что же было дѣлать съ ними? Но главное затрудненіе было еще не въ томъ. Въ жертвахъ тираніи естественно подозрѣвать людей прежде богатыхъ, зажиточныхъ, вліятельныхъ. Тираннія Клеона и Никоклеса опиралась на инстинкты и соціальныя страсти низшаго, бѣднаго населенія. Прямыя свидѣтельства говорятъ, что воротившіеся изгнанники прежде принадлежали именно къ числу богатѣйшихъ гражданъ Сикіона [4]). Ихъ имущества были причиной ихъ изгнанія; ихъ земли служили, безъ сомнѣнія, для поддержанія и укрѣпленія власти тиранна. Все это перешло въ руки неимущаго класса; по обычаю времени, были произведены γῆς ἀναδασμὸς (раздѣлъ земли) и ἁρπαγὴ τῶν ὑπαρχόντων (расхищеніе имущества), никого, конечно, не обогатившіе и

---

[1]) Suidas v. Φιλόχορος: ἐτελεύτησε δὲ ἐνιδρευθεὶς ὑπὸ Ἀντιγόνου, ὅτι διεβλήθη προσκεκλικέναι τῇ Πτολεμαίου βασιλείᾳ. Время опредѣляется изъ того, что Аѳеида Филохора доходитъ, по свидѣтельству Свиды, до Антіоха Ѳеоса, начавшаго царствовать въ третій годъ 129-й олимпіады; см. Fragm. H. G. T., 1. pag. LXXXIV.

[2]) См. Plut Arat., 9.

[3]) Цицеронъ (De officiis, lib. II, 23) прямо даетъ эту цифру, можетъ-быть, имѣя другіе источники, или, можетъ-быть, принимая только круглое число.

[4]) Qui fuerant ejus civitatis locupletissimi, см. Cicer , l. c. Образъ выраженій у Плутарха, гдѣ онъ говоритъ о заслугахъ Арата по дѣлу примиренія богатыхъ и бѣдныхъ (гл. 14)· τοῖς μὲν ἀπόροις πρὸς τοὺς πλουσίους διάλυσις καὶ ὁμόνοια указываетъ на то же. При внимательномъ чтеніи очевидно, что богатые — воротившіеся, а бѣдные — тѣ, которые завладѣли ихъ имѣніемъ.

не произведшіе радикальнаго улучшенія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Возвращеніе прежнихъ владѣльцевъ неизбѣжно вело къ столкновеніямъ двухъ враждебныхъ партій, и притомъ партій, проникнутыхъ соціальною ненавистью. Очень естественно, что воротившіеся эмигранты не могли равнодушно сносить, что ихъ домы и имущества перешли въ чужія руки. Притомъ они могли разчитывать на то, что переворотъ произведенъ собственно ими, что главный виновникъ, предводитель освобожденія, самъ былъ сыномъ богатаго Клиніи. На этихъ основаніяхъ многіе изъ нихъ отправились въ прежніе домы свои и спокойно въ нихъ расположились. Другіе хотѣли снова вступить во владѣніе землей, которая имъ принадлежала до изгнанія [1]). Само собою разумѣется, что и новые владѣльцы не думали уступать. Ихъ было больше, и по крайней мѣрѣ, численно они были сильнѣе. Есть основанія предполагать, что имѣнія 600 представителей богатаго класса были раздроблены и уже въ видѣ меньшихъ участковъ подѣлены между неимущими. Даже и тѣ, которые могли быть захвачены тиранномъ и ближайшими его клевретами въ цѣлости, прошли въ теченіе пятидесяти лѣтъ черезъ нѣсколько рукъ, нѣсколько операцій продажи, раздробленія и т. д. Вопросъ касался всего населенія. Еслибъ Аратъ вздумалъ возвратить имѣнія своимъ Аргосскимъ союзникамъ и товарищамъ по изгнанію, богатымъ, то нужно было бы согнать съ земли и выгнать изъ домовъ огромное количество небогатыхъ гражданъ. Къ чему бы это повело? Безъ всякаго сомнѣнія, послѣдніе не почли бы для себя достаточнымъ вознагражденіемъ ту свободу, которую принесъ имъ сынъ Клиніи, и нужно было бы ожидать, что въ такомъ случаѣ заведенный кругъ пойдетъ далѣе по своему естественному направленію: нѣсколько мѣсяцевъ господства возвратившейся аристократіи (богатства) и потомъ снова ея изгнаніе силами соединеннаго пролетаріата, снова тираннія. Не для того хотѣлъ Аратъ освободить Сикіонъ: въ этомъ нужно отдать ему справедливость теперь же. Какъ видно, въ городѣ встрѣтили его довольно благосклонно, и было бы неразумно съ его стороны позволить своимъ друзьямъ и товарищамъ по изгнанію уничтожить собственное дѣло, дѣло свобожденія. Въ виду этихъ затрудненій Аратъ рѣшился на двѣ мѣры. Обѣ дѣлаютъ величайшую честь его уму и проницательности и свидѣтельствуютъ объ искренней любви его къ отечеству и свободѣ.

Первымъ шагомъ его по освобожденіи Сикіона было присоединеніе

---

[1]) Plut. Arat., 9. Βαδίζοντες ἐπὶ τὰ χωρία καὶ τας οἰκίας.

роднаго города къ Ахэйскому союзу. Онъ рѣшился пожертвовать его неограниченною самостоятельностію, чтобы спасти его свободу. Мы не имѣемъ указаній на то, какихъ трудовъ стоило Арату провести эту мѣру. Если легко было можно получить согласіе ахэйской федераціи, то ужели также легко было склонить на столь смѣлый и почти безпримѣрный шагъ жителей города, имѣвшихъ достаточно причинъ гордиться воспоминаніями своей исторіи? Какъ имъ не показалось, что такимъ образомъ ихъ отечество „исчезаетъ", что послѣ этого „и жить не стоитъ?" [1]) Какіе доводы употребилъ Аратъ, чтобы склонить своихъ согражданъ къ такой жертвѣ? Отучились ли они имѣть свой голосъ и свою волю, и не смотря на возстановленіе народной власти, повиновались слову Арата, какъ прежде приказаніямъ тирановъ? Или лучшимъ и вліятельнымъ умамъ было уже доступно убѣжденіе, что сохраненіе автономическаго городскаго устройства невозможно при настоящемъ положеніи дѣлъ, въ виду сильной Македоніи, въ виду тираній, на нее опирающихся? Источники выставляютъ на видъ главнымъ образомъ Арата. Полибій дѣлаетъ при этомъ драгоцѣнную замѣтку, которая говоритъ, что Аратъ еще до освобожденія Сикіона видѣлъ и цѣнилъ хорошія начала ахэйской федераціи [2]). Но чтобы другіе были такъ проницательны, этого не видно. „Аратъ присоединилъ отечество къ Ахейскому государству, уже съ самаго начала почувствовавъ любовь къ его политическому устройству". „Онъ сдѣлалъ это, разсудивъ, что присоединеніе къ союзу — всего лучше при настоящихъ обстоятельствахъ" [3]). „Онъ ввелъ Сикіонянъ въ ахэйскій синедріонъ" [4]). Съ другой стороны, нѣтъ ни малѣйшаго намека на оппозицію. Сикіоняне присоединились добровольно, ἑκουσίως, говоритъ Плутархъ [5]). Догадка Брюкнера о Филархѣ и его удаленіи изъ Сикіона въ Аѳины, послѣ присоединенія отечественнаго [6]) города къ Ахэйскому союзу, не имѣетъ, очевидно, и здѣсь никакого основанія.

Какъ бы то ни было, если мы припомнимъ ту привязанность къ автономіи своего города, которая такими яркими чертами выступаетъ

---

[1]) См. въ 1-й главѣ.

[2]) Polyb. II, 43, 3: Ἄρατος — προσένειμε πρὸς τὴν τῶν Ἀχαιῶν πολιτείαν ἀρχῆθεν εὐθὺς ἐραστὴς γενόμενος τῆς προαιρέσεως αὐτῶν.

[3]) Plut., Arat., 9. Ὅθεν (ἐκ) τῶν παρόντων ἄριστα κρίνας προσέμιξεν αὐτὴν φέρων τοῖς Ἀχαιοῖς.

[4]) Pausan. II, 8, 4. Ἐς τὸ Ἀχαιῶν συνέδριον εἰςήγαγεν.

[5]) Plut. Arat., 9.

[6]) См. въ 1-й главѣ.

во всей греческой исторіи, то фактъ присоединенія Сикіона къ Ахэйскому союзу представится намъ чрезвычайно важнымъ и многознаменательнымъ. Препятствія, стоявшія прежде на пути къ образованію болѣе сильныхъ и единодушныхъ политическихъ союзовъ, здѣсь были не только не меньшія, но даже бо̀льшія, чѣмъ, напримѣръ, препятствія къ сліянію Аргоса и Коринѳа. Оба сейчасъ названные города принадлежали къ одному колѣну, къ одной вѣтви греческаго племени, къ колѣну дорійскому. Не таково было отношеніе между Сикіономъ и Ахаіей. Сикіоняне были тоже Доряне; но союзъ, къ которому они присоединились, заключалъ въ себѣ остатки покоренной и почти уничтоженной Дорянами народности ахэйской [1]). Мы знаемъ также, что и федеративное соединеніе нѣсколькихъ политій не есть дѣло небывалое въ Греціи. Но нужно опять припомнить, что федеративная связь до сихъ поръ существовала и держалась только между небольшими городами, и притомъ одной народности, между политіями, большею частью, не совершенно развившимися до вполнѣ-еллинской жизни. Чтобъ одинъ изъ большихъ греческихъ городовъ-республикъ вошелъ въ такую федерацію, и притомъ другаго племени, — это было дѣло неслыханное и немыслимое. Сильно были поражены умы Грековъ тѣмъ, что теперь дорійскій Сикіонъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ городовъ Пелопонниса, присоединяется къ союзу, самый важный членъ котораго не имѣлъ права „ни на третье, ни на четвертое, ни даже на двѣнадцатое мѣсто въ Греціи какъ по числу населенія, такъ и по значенію“ [2]). До сихъ поръ Ахаія вовсе не играла особенной роли въ греческой исторіи. Сикіонъ въ этомъ отношеніи стоялъ несравненно выше ея. Ахэйцы оставались до времени Арата честными и скромными „микрополитами“, и даже можно удивляться, какъ они согласились принять въ свой союзъ городъ, въ такой степени запутанный въ политическую жизнь и борьбу. Они, безъ сомнѣнія, должны были понимать, что съ принятіемъ въ союзъ Сикіона имъ нельзя будетъ держаться въ нейтральномъ удаленіи отъ главныхъ движеній современной политики; и прежде всего отношеніе къ Македоніи уже этимъ самымъ принимало враждебный характеръ.

Жертва, которую приносилъ Сикіонъ по совѣту и убѣжденію сво-

---

[1]) Plut. Arat., 9 и Pausan, II, 8, 4. Въ обоихъ мѣстахъ обращается вниманіе на то, что именно городъ дорійскаго племени соединяется съ Ахэйскимъ союзомъ.

[2]) Слова поэта Іона, относящіяся къ городу Егіону; см. Fragmenta Hist. Græc, II, pag. 51; ср. Plut Arat., 9.

его освободителя, нѣсколько смягчалась условіями вступленія его въ союзъ. Въ источникахъ ничего особеннаго по этому поводу не сказано. Но есть признаки, что тѣ принципы, которые послѣ получили опредѣленныя и сознательныя формулы, прилагавшіяся въ послѣдствіи во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, уже здѣсь были приняты. Нѣтъ сомнѣнія, что Сикіонъ не отказывался вполнѣ отъ внутренней самостоятельности, не отказывался отъ своего имени. Его граждане дѣлались Сикіонскими Ахэйцами или ахэйскими Сикіонянами [1]), и согласно съ этимъ, имѣли двойное политическое существованіе. Въ дѣлахъ, касающихся только ихъ самихъ, они сохраняли свое самостоятельное правленіе. Но въ отношеніи къ другимъ государствамъ они дѣлались Ахэйцами, должны были сноситься съ ними только чрезъ посредство союзныхъ органовъ [2]). Аналогія военнаго устройства подтверждаетъ намъ мнѣніе, что это начало теперь уже было высказано и принято. Примѣръ Арата, вскорѣ послѣ присоединенія къ союзу служившаго подъ начальствомъ ахэйскихъ стратиговъ, показываетъ, что войско Сикіонское было соединено съ союзнымъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что съ другой стороны, Сикіонъ, составлявшій по числу жителей, можетъ-быть, половину или даже больше всего союза [4]), не получилъ никакихъ особенныхъ правъ и имѣлъ такойже голосъ, какъ и всѣ незначительные города Ахаіи. Мы увидимъ ниже, что эта съ отвлеченной точки зрѣнія несправедливая мѣра не могла имѣть на практикѣ дурныхъ послѣдствій, и напротивъ того, устраняла многія неудобства.

Присоединеніе къ Ахэйскому союзу обезпечивало на первый разъ свободу Сикіона, по крайней мѣрѣ, противъ тирановъ Пелопонниса.

---

[1]) Плутархъ (глава 9) говоритъ, что Сикіоняне приняли имя Ахэйцевъ, ὑπέδυσαν ὄνομα καὶ πολιτείαν τὴν Ἀχαιῶν. Это, безъ всякаго сомнѣнія, нужно понимать такъ, какъ мы объясняемъ и какъ это было во всѣхъ другихъ случаяхъ... На монетахъ: Σικυωνίων Ἀχαιῶν., см. Mionnet, II, p. 161, 162.

[2]) Аратъ отправился въ Александрію вскорѣ послѣ этого, безъ сомнѣнія, въ качествѣ частнаго человѣка, имѣвшаго дружественныя отношенія къ дому Птолемэевъ.

[3]) Plut. Arat, 11.

[4]) Число жителей въ это время не можетъ быть опредѣлено ни для Сикіона, ни для Ахаіи. Клинтонъ (см. De magnitudine Græciæ; Kruger, pag. 428 — 429) въ 10-ти городахъ Ахаіи полагаетъ 10.000 взрослыхъ гражданъ, и слѣдовательно, около 41.200 всего свободнаго населенія, а съ рабами—61.800. Въ Сикіонѣ, на основаніи данныхъ изъ времени Персидскихъ войнъ (Herod., IX, 28, 102, VIII, 1, 43) онъ считаетъ 8.000 населенія отъ 18 до 60 лѣтъ и всего 46.160 (съ рабами).

Оставались внутренніе вопросы, которые требовали безотлагательнаго рѣшенія. Настойчивыя требованія эмиграціи, возвратившейся въ Сикіонъ, ставили Арата въ большое затрудненіе. Не одни только мотивы справедливости и уваженія къ давности, выставляемые такъ сильно, но не совсѣмъ безъ задней мысли Цицерономъ [1]), побуждали его щадить образовавшіеся интересы и отношенія. Безъ сомнѣнія, Аратъ хорошо понималъ, что для сохраненія свободы роднаго города, для безопасности новаго порядка, необходимо было сдѣлать уступки въ пользу той партіи, на которую доселѣ опиралась тираннія, хотя бы эти уступки были на счетъ строгаго права. Аратъ обращался къ своимъ прежнимъ товарищамъ по изгнанію, уговаривалъ ихъ отказаться отъ опасныхъ притязаній, но они были „несговорчивы“ (ἀπαρηγόρητοι). Когда не стало никакой надежды устроить дѣло домашними средствами, Аратъ снова рѣшился искать посторонней помощи.

Мы уже видѣли, что и для освобожденія Сикіона онъ обращался съ своими просьбами къ египетскому двору. Теперь онъ вздумалъ самъ отправиться въ Александрію. Тамъ еще царствовалъ Птолемэй Филадельфъ (265 — 247) [2]). Подобно первому Лагиду (Птолемэю Сотиру), онъ отличался любовью къ наукѣ и искусству. Аратъ, уже извѣстный ему по отцу, успѣлъ завязать съ нимъ довольно близкія сношенія. Искусство было при этомъ посредникомъ. Аратъ могъ считать себя знатокомъ въ живописи и не только умѣлъ понимать, но даже любилъ искусство, хотя въ одномъ случаѣ обнаружилъ какой-то своего рода политическій пуританизмъ [3]) въ сношеніи къ его произведеніямъ. Въ Сикіонѣ онъ былъ окруженъ знаменитыми твореніями Меланѳа и Памфила и находился въ дружескихъ сношеніяхъ со многими современными знаменитостями по части искусства. Это давало

---

[1]) Дѣло въ томъ, что Цицеронъ (въ указанномъ уже мѣстѣ) эксплуатируетъ примѣръ Арата въ духѣ своей партіи, противопоставляя его Гракхамъ: O virum magnum dignumque, qui in nostra civitate natus esset, восклицаетъ Цицеронъ. Съ этимъ можно согласиться. Но, если бы Гракхи вздумали подражать Арату, то гдѣ бы они нашли такого Птолемэя благодѣтеля, который далъ бы денегъ для устройства римскихъ отношеній?

[2]) Droysen, Geschichte d. Hellen, II, p. 341, примѣч.

[3]) Послѣ освобожденія Сикіона Аратъ истребилъ всѣ картины, представлявшія тирановъ. Только одна, писанная Меланѳомъ, изображавшая Аристрата на побѣдной колесницѣ, въ такой степени поразила его своею красотой, что онъ на минуту остановился передъ ней. Но ненависть къ тиранніи восторжествовала, и картина была осуждена на уничтоженіе. Только просьбы художника Пеалка, друга Арата, спасли ее, и то не вполнѣ: фигура тирана была стерта.

ему большія средства удовлетворять утонченному вкусу Птолемэя. Сособирая и покупая лучшія произведенія Сикіонскихъ мастеровъ, особенно двухъ вышеупомянутыхъ корифеевъ, Аратъ пересылалъ ихъ въ Египетъ. Уже вскорѣ послѣ освобожденія Сикіона онъ, безъ сомнѣнія, польстилъ такимъ образомъ Александрійскому знатоку и меценату и получилъ за это награду въ видѣ подарка, состоявшаго изъ 25-ти талантовъ. Эти деньги пошли на выкупъ плѣнныхъ (главнымъ образомъ, безъ сомнѣнія, тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ увели недавно Этоляне во время своего набѣга) и на вспомоществованія неимущимъ гражданамъ. Аратъ могъ, слѣдовательно, разчитывать на благосклонность Птолемэя, могъ думать, что Памфилъ и Меламѳъ приготовили ему хорошій пріемъ въ Египтѣ. Политическія отношенія обезпечивали ему, можетъ-быть, еще больше благосклонность богатой казны Птолемэевъ (потому что именно ее онъ и имѣлъ въ виду). Политикѣ Александрійской не могло нравится новое возвышеніе Македоніи со времени Антигона Гонаты. Въ Египтѣ уже дѣлали попытки остановить ея успѣхи [1]). Всякій новый пунктъ опоры для борьбы политической и дипломатической съ царемъ Македонскимъ былъ очень пріятнымъ и желаннымъ пріобрѣтеніемъ для другой, соперничествующей державы. Аратъ, въ настоящее время уже значительный политическій человѣкъ, былъ здѣсь, слѣдовательно, очень кстати. Новое политическое движеніе, начинавшее развиваться въ Пелопоннисѣ, не могло ожидать дружелюбнаго вниманія со стороны Македоніи, слѣдовательно, должно было вступить въ союзъ съ Египтомъ. Движеніе теперь было еще очень слабо, и безъ посторонней помощи легко могло быть задавлено; слѣдовательно, выгода и интересы египетской политики требовали поддержанія его всѣми возможными средствами.

Послѣ нѣсколькихъ приключеній Аратъ достигъ Александріи. Корабль, на который онъ сѣлъ въ Моѳонѣ [2]), былъ прибитъ бурею къ одному изъ острововъ [3]), находившихся во власти Антигона. Аратъ боялся встрѣчи съ македонскимъ гарнизономъ, который стоялъ здѣсь. Съ однимъ изъ своихъ друзей, именно художникомъ Тиманѳомъ, онъ скрылся и провелъ безпокойную ночь въ густомъ лѣсу, вдали отъ

---

[1]) Въ такъ-называемой Хремонидейской войнѣ см. Droysen. G. d. Hellen, II, 202 и др.

[2]) Нынѣшній Модонъ, см. Curtius, Peloponn., II, 170.

[3]) Имя острова испорчено и въ разныхъ изданіяхъ читается различно: Ἀδρας у Sintenis, Ἀνδριάς у Palmer'a, Ὑδρέιας, Ὑδρίάς, у Bergk'a. Но, повидимому, нужно разумѣть островъ Андръ (Андросъ); онъ всего ближе къ Евбеи.

морскаго берега. Начальникъ македонскаго отрядм пскалъ Арата: очевидно, онъ считалъ и зналъ его за врага своему царю. Прислуга, оставленная на кораблѣ, обманула усерднаго и зоркаго слугу Антигона; она объявила, какъ ей было приказано, что ихъ господинъ убѣжалъ и уплылъ въ Эввію (Евбею). Однако, Македонянинъ захватилъ корабль, грузъ и всѣхъ служителей, какъ законную добычу. Этимъ Аратъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе. Только римскій корабль, приставшій случайно къ берегу, спасъ его. Корабль плылъ въ Сирію; Аратъ уговорилъ капитана довести его до Каріи. Достигнувъ ея берега съ большими опасностями, онъ уже безпрепятственно переправился отсюда въ Александрію и явился при дворѣ Египетскаго царя. Александрійскій дворъ представлялъ оригинальное соединеніе греческой и восточной культуры, и среди этого двора Птолемэй Филадельфъ былъ самымъ интереснымъ лицомъ и самъ по себѣ, и какъ образецъ того, во что̀ могъ обратиться суровый воинъ Александра, перенесенный на горячую почву востока, уже во второмъ или третьемъ поколѣніи. Это былъ изнѣженный, болѣзненный, пресыщенный и разочарованный подагрикъ. Сквозь тусклыя окна своего дворца, гдѣ его окружали греческіе ученые и произведенія греческаго искусства, смотрѣлъ онъ на бѣдное туземное населеніе, нѣкогда подвластное Фараонамъ, когда оно кормилось своимъ скуднымъ обѣдомъ, сидя на песчаномъ берегу Нила, и жаловался на судьбу, которая помѣстила его на тронѣ, а не съ бѣдными феллахами. Онъ заботился о библіотекѣ и музеѣ въ Александріи, хорошо былъ знакомъ съ греческою философіей и въ то же время, повидимому, питалъ нефилософскія мечты Востока о жизненномъ эликсирѣ [1]). Филадельфъ, однако, съ тонкимъ чутьемъ слѣдилъ за всѣми движеніями тогдашней политики. Аратъ,

---

[1]) Приводимъ самый отрывокъ Филарха, переданный Аѳинэемъ (XII, p. 536), тѣм ъ болѣе, что мы упоминали о немъ выше: «Птолемэй, второй царь Египетскій, будучи однимъ изъ самыхъ образованныхъ государей, отъ неумѣренной роскоши дошелъ до такого самообольщенія и умственнаго повреждения, что сталъ мечтать жить вѣчно и говорилъ, что онъ одинъ открылъ секретъ безсмертія. Однажды, страдавъ нѣсколько дней подагрою и немного оправившись, онъ увидѣлъ чрезъ свои окна, пропускавшія слабый свѣтъ въ его комнату (διὰ ὑπολαμπάδων τινων: слово, нигдѣ болѣе не встрѣчающееся, но такъ объясненное Казавономъ) бѣдныхъ Египтянъ и сказалъ. ὦ τάλας ἐγώ, τὸ μηδὲ τούτων ἕνα γενέσθαι! (о, я несчастный, зачѣмъ я не родился однимъ изъ нихъ!). Нибуръ (Kleine Schrift, см. I, p. 272) заключаетъ отсюда, что въ это время уже искали въ Египтѣ жизненнаго эликсира. О любви къ наукѣ и философскомъ образовании Птолемэя, о его заботливости къ музею и библіотекѣ см. Athen , I, 2. 3, V, 36.

ячія и слѣдовало ожидать, очень хорошо принятый, объяснилъ ему положеніе дѣлъ въ Сикіонѣ. Для Птолемэя, безъ сомнѣнія, было ясно, что безъ той помощи, о которой просилъ Аратъ, Сикіонъ не можетъ остаться свободнымъ городомъ, не можетъ избѣжать новой тиранніи, и слѣдовательно, отпаденія отъ Ахэйскаго союза. Для него было, безъ сомнѣнія, ясно, что только существованіе Сикіона въ Ахэйскомъ союзѣ навсегда отнимало у послѣдняго то нейтральное положеніе, котораго онъ до сихъ поръ держался, и ставило его въ число враговъ македонскаго вліянія въ Пелопоннисѣ. Помощь, которой требовали, не была слишкомъ затруднительна. Аратъ просилъ денегъ, а казна Птолемэевъ была страшно богата. Ежегодный доходъ Филадельфа съ одного Египта простирался за 15.000 талантовъ (болѣе 20 милліоновъ рублей); по смерти его, въ казначействѣ государственномъ считалось 740.000 египетскихъ талантовъ (1.000 милл. руб.) [1]). Послѣ этого щедрость Птолемэя Филадельфа въ отношеніи къ Арату и Ахэйскому союзу нисколько неудивительна. Въ пользу Сикіона онъ пожертвовалъ 150 талантовъ; сорокъ изъ нихъ Аратъ получилъ тотчасъ, остальные Птолемэй обѣщалъ выслать по частямъ въ скоромъ времени. Достигнувъ вполнѣ своей цѣли, Аратъ воротился въ Сикіонъ.

Деньги должны были послужить къ примиренію опасной вражды между двумя одинаково неуступчивыми сторонами въ Сикіонѣ. Узнавъ о планахъ Арата и о средствахъ, которыми онъ теперь располагалъ, благодарные граждане назначили его „полновластнымъ посредникомъ“ и полнымъ распорядителемъ надъ имѣніями эмигрантовъ. Этотъ титулъ напоминаетъ подобную должность, данную нѣкогда въ Аѳинахъ Солону. Великій Аѳинянинъ могъ бы служить превосходнымъ образцомъ и примѣромъ, какъ слѣдуетъ рѣшать подобнаго рода трудныя задачи. Онъ „сталъ между бѣдными и богатыми, держа между ними свой крѣпкій щитъ“ (собственныя слова Солона): Ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι. Этимъ щитомъ, который предупредилъ столкновенія между богатыми и бѣдными, водворилъ миръ въ Аѳинахъ и обезпечилъ дальнѣйшее правильное развитіе Аѳинской демократіи, были тѣ законы, которые, не нарушая правъ собственности, облегчили положеніе бѣд-

---

[1]) Bœkh, Staatshaltsh., стр. 13 и 14, 2-го изд.; Droysen, G. des Hellen, II, стр. 44, 45. Бекъ не довѣряетъ свидѣтельству Аппіана относительно посмертныхъ сокровищъ Филадельфа, хотя оно, по словамъ самого Аппіана, основано на документахъ. Бекъ предлагаетъ смотрѣть на цифру 740.000 талантовъ, какъ на сумму всѣхъ доходовъ Филадельфа, полученныхъ имъ въ продолженіе 38-лѣтняго царствованія. Дройзенъ дѣлаетъ противъ этого основательныя возраженія.

ныхъ, „дали народу столько власти, сколько слѣдуетъ, и не сдѣлали ничего несправедливаго противъ силы и богатства“ [1]). Теперь, къ несчастію, времена были другія. Щитъ, который долженъ былъ предупредить столкновенія двухъ сословій въ Сикіонѣ, были деньги, подаренныя египетскимъ деспотомъ. Мы не думаемъ, впрочемъ, умалять заслуги Арата. Онъ сдѣлалъ, что было возможно въ его время и въ его положеніи. „Въ то время, когда другіе правители и демагоги, получивъ только часть такой суммы отъ того или другаго царя, оскорбляли, порабощали себѣ и продавали другимъ свое отечество, было великое дѣло доставить *гражданамъ* такія деньги“ [2]), и еще большее — сдѣлать изъ нихъ такое употребленіе, какое сдѣлалъ Аратъ. Съ скромностію, которая въ самомъ дѣлѣ приноситъ ему великую честь, Аратъ отказался отъ неограниченнаго распоряженія суммами, имъ самимъ привезенными, и не принялъ полномочій, которыя ему предлагались. По собственному побужденію онъ составилъ комитетъ (concilium, у Цицерона) изъ 15 человѣкъ, выбранныхъ, безъ сомнѣнія, гражданами, и при помощи этого комитета рѣшилъ трудную задачу. Не всѣ изъ возвратившихся землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ хотѣли непремѣнно получить обратно свое недвижимое имѣніе: многіе съ удовольствіемъ согласились взять деньги. То же самое было и съ новыми владѣльцами. На этомъ основаніи,—конечно, не безъ большихъ трудовъ и усилій,—были соглашены обоюдныя, иногда противоположныя притязанія; операція была счастливо приведена къ концу, и между гражданами водворились миръ и согласіе [3]). Всеобщая благодарность была наградой Арату. Въ частности, возвратившіеся изгнанники сдѣлали на свой счетъ мѣдную статую въ честь его и поставили ее въ городѣ съ хвалебною надписью.

Недоволенъ былъ одинъ Антигонъ. Дружба Арата съ Птеломэемъ ему очень не нравилась. Онъ хотѣлъ или склонить Арата на свою сторону, или, по крайней мѣрѣ, компрометировать его предъ царемъ Египетскимъ. Съ этою цѣлью онъ совершенно неожиданно сталъ высказывать особенное расположеніе къ Сикіонскому юношѣ. Находясь разъ въ Коринѳѣ и принося жертву богамъ, Антигонъ послалъ части

---

[1]) Солонъ у Плутарха.

[2]) Plut. Ar, 14.

[3]) Павсанія (II, 8, 3) говоритъ, что дома и земли были возвращены прежнимъ владѣльцамъ, а новые получили денежное вознагражденіе. Болѣе правдоподобно то, что говоритъ Цицеронъ въ извѣстномъ уже мѣстѣ, и что у насъ стоитъ въ текстѣ.

жертвенныхъ животныхъ въ Сикіонъ Арату. Царь Македонскій не постыдился даже, будто бы, открытой и публичной лжи, чтобы повредить добрымъ отношеніямъ между освободителемъ Сикіона и его благодѣтелемъ въ Александріи. На одномъ пиру, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, онъ произнесъ слѣдующія слова: „Я до сихъ поръ видѣлъ въ этомъ Сикіонскомъ юношѣ обыкновеннаго либерала (ἐλευθέριον) и патріота. Теперь оказывается, что онъ хорошій судья жизни и дѣлъ царскихъ. Прежде онъ смотрѣлъ на насъ свысока, обращалъ свои надежды въ другую сторону, съ благоговѣніемъ глядѣлъ на египетскія богатства, наслышавшись о слонахъ, флотахъ и дворцахъ. Теперь, заглянувъ за кулисы (ὑπὸ σκήνην), онъ понялъ, что вся египетская сила не болѣе, какъ пустое хвастовство и театральная выставка (τραγῳδία καὶ σκηνογραφία), и всею душой обратился къ намъ. Я, съ своей стороны, съ удовольствіемъ принимаю молодаго человѣка подъ свое покровительство, узнавъ, что онъ ко многому годенъ. И васъ прошу считать его своимъ другомъ“. Завистники Арата не преминули написать объ этомъ Птолемэю и успѣли возбудить въ немъ подозрѣніе, такъ что изъ Александріи объ этомъ дѣлались запросы въ Сикіонъ [1]).

Въ 245 году Аратъ былъ избранъ въ стратиги Ахэйскаго союза, не смотря на то, что онъ не достигъ еще законнаго 30-лѣтняго возраста, дававшаго полныя гражданскія права [2]). Это была вполнѣ заслуженная награда за его услуги союзному дѣлу, за искреннюю преданность дѣлу свободы, за полное безкорыстіе, съ какимъ онъ устроилъ дѣла Сикіона. Аратъ, не смотря на свое высокое положеніе, служилъ какъ частный человѣкъ въ союзной ахэйской арміи и оказывалъ повиновеніе федеральной власти; къ неизвѣстному гражданину Димъ и Тритэи или „еще меньшаго города“, поставленному во главѣ союза, онъ относился съ почтеніемъ и уваженіемъ, котораго нельзя было ожидать отъ простаго гражданина Сикіонскаго [3]). Можно догадываться, что со стороны Арата потребовалось и болѣе тяжелое самоотреченіе— отреченіе отъ своихъ плановъ и надеждъ на неопредѣленное время.

---

[1]) Plut. Arat., 15.

[2]) Годъ первой стратигіи Арата опредѣляется на основаніи слѣдующаго соображенія: Коринѳъ взятъ въ 243 году (см. ниже), во вторую стратигію Арата; а Плутархъ замѣчаетъ, что эта послѣдняя была черезъ годъ послѣ первой· Ἐνιαυτῷ ὕστερον, Arat., 16.

[3]) Plut. Arat., 11.

Болѣе пяти лѣтъ прошло безъ всякаго новаго успѣха, безъ всякой новой попытки дѣйствовать, послѣ такого рѣшительнаго событія, какъ присоединеніе Сикіона. Очевидно, этого не хотѣли государственные люди Ахэйскаго союза, державшіеся старой политики, и Аратъ долженъ былъ уважать ихъ взгляды. За то съ первой же стратигіи Арата начинается дѣятельная роль ахэйской федераціи во внѣшнихъ дѣлахъ.

Ближайшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ союза былъ, конечно, тиранъ Коринѳскій Александръ, племянникъ Антигона. Аратъ сдѣлалъ было какую-то попытку отнять у него Коринѳъ, но долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ своихъ плановъ. Ахэйскій союзъ заключилъ союзъ съ тиранномъ Коринѳа: поступокъ странный съ той и съ другой стороны. Александръ, очевидно, измѣнялъ своему дядѣ, царю Македоніи. Или онъ дѣлалъ это не вполнѣ искренно, въ то же время, когда и самъ Антигонъ оказывалъ свои знаки вниманія Арату? Противъ этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что въ послѣдствіи обнаруживается глубокая вражда между дядей и племянникомъ. Если же Александръ серіозно искалъ союза съ Ахаіей, то, конечно, онъ видѣлъ, что Македонія не имѣетъ возможности дѣйствовать прямо на Пелопоннисъ, не имѣетъ силъ защищать преданныхъ ей тирановъ. Борьба Египта съ царствомъ Селевкидовъ, въ которую вмѣшался или готовился вмѣшаться Антигонъ [1]), служитъ достаточнымъ объясненіемъ на это. Со стороны Ахэйскаго союза миръ и даже союзъ съ тиранномъ Коринѳа былъ во всякомъ случаѣ дѣломъ неестественнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не Аратъ заключилъ его; скорѣе онъ отказался отъ надежды овладѣть Коринѳомъ только съ неудовольствіемъ, изъ повиновенія союзному авторитету [2]): онъ еще не былъ въ это время стратигомъ и не имѣлъ преобладающаго вліянія на дѣла.

По вступленіи въ эту должность, Аратъ все-таки не хотѣлъ остаться бездѣятельнымъ. Мы помнимъ набѣгъ Этолянъ на Сикіонъ, во время мира, при Никоклесѣ. Они увели въ этотъ разъ много плѣнныхъ, которыхъ Аратъ выкупилъ на собственныя деньги, полученныя отъ Птолемэя. Теперь представлялся удобный случай отмстить Этоліи, предупредить на будущее время ея набѣги и въ то же время пріобрѣсть очень выгоднаго союзника внѣ Пелопонниса. Въ одной позднѣйшей обличительной рѣчи противъ Этолянъ въ числѣ ихъ преступле-

---

[1]) См ниже примѣчаніе о сраженіи при Андрѣ.

[2]) Ὁ δὲ Ἄρατος ἔτι μὲν καὶ Ἀλεξάνδρου ζῶντος ἐπεχείρησε τῇ πράξει, γενομένης δὲ συμμαχίας τοῖς Ἀχαιοῖς πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον ἐπαύσατο, Plut., Arat 18

ній и вѣроломствъ говорится о клятвопреступномъ нападеніи во время мира на союзъ Віотійскій [1]). Имя и генеалогія главнаго дѣйствующаго лица въ этомъ набѣгѣ заставляетъ отнести фактъ именно къ этому времени [2]). Віотія, совершенно забывшая о своей древней славѣ [3]), готова была молча перенесть обиду со стороны сильныхъ и воинственныхъ враговъ. Но Аратъ хотѣлъ воспользоваться этимъ новымъ нарушеніемъ международнаго права со стороны Этолянъ, чтобы положить конецъ такому ихъ поведенію. Онъ предложилъ союзъ Віотіи и побудилъ ее къ войнѣ [4]). Віотійцы приняли предложеніе и начали военныя приготовленія. Аратъ въ то же время переправился черезъ Коринѳскій заливъ и сталъ опустошать области Калидонскую и страну Локровъ. Этоляне бросились между тѣмъ на Віотію. При Хэронеѣ произошло сраженіе. Віотійцы вывели всѣ свои силы, и надѣясь на это, не хотѣли, а можетъ-быть, и не могли дождаться Арата, который спѣшилъ къ нимъ на помощь съ десятитысячнымъ войскомъ и былъ уже близко [5]). Віотійцы были разбиты: віотархъ Авіокритъ [6]) и тысячи воиновъ пали на полѣ сраженія. Віотія должна была вступить въ Этолійскій союзъ, и Аратъ воротился назадъ.

До тѣхъ поръ, пока Коринѳъ находился въ чужихъ рукахъ, Ахэйскій союзъ не могъ имѣть большаго значенія въ дѣлахъ Греціи и самъ находился съ этой стороны, можно сказать, въ постоянномъ осадномъ положеніи. Владѣтель столь важнаго пункта, какъ Коринѳъ, не только грозилъ ближнимъ городамъ, но всегда имѣлъ возможность запереть всякое сообщеніе между полуостровомъ и сѣвернымъ материкомъ Греціи.

На самой вершинѣ колоссальной горы, поднимающейся надъ низменностію перешейка до 1.770 футовъ, возвышался акрополь Коринѳа; на широкой столообразной (τραπεζώδους, у Страв.) подошвѣ горы (170 футовъ надъ поверхностью моря), обрывающейся къ заливу Ле-

---

[1]) Polyb., IX, 34, 11.

[2]) Polyb., IV, 3, 5. Доримахъ, который началъ своими дѣйствіями союзническую войну, былъ сынъ Никострата: διὸς Νικοστράτου τοῦ παρασπονδήσαντος τὴν τῶν παμβοιωτίων πανήγυριν.

[3]) Polyb., XX., 4.

[4]) Polyb., ibid. Все остальное о походѣ Арата взято отсюда и у Плутарха (Arat., 16, въ началѣ), который ничего не говоритъ о нападеніи Этолянъ на Віотію. См. также Pausan., II, 8, 4.

[5]) Плутархъ говоритъ, что Аратъ не поспѣлъ къ сраженію (ὑστέρησε τῆς μάχης); Поливій, — что Віотійцы не дождались его прихода.

[6]) Поливій называетъ его Αμαιόκριτος. Но мы предпочитаемъ имя, стоящее у Плутарха, на томъ же самомъ основаніи, по которому приняли имя Екдила.

хэйскому крутою окраиной, лежалъ самый городъ. Уже Коринѳъ есть такимъ образомъ нагорный высокій городъ: Акрокоринѳъ занимаетъ вершину общаго возвышенія. Линія укрѣпленій шла, съ одной стороны, отъ городскихъ стѣнъ вверхъ къ акрополю, а съ другой, двумя параллельными стѣнами, черезъ приморскую низменность, спускалась къ гавани Лехэону, гдѣ она соединялась съ ея укрѣпленіями. Окружность города Стравонъ считаетъ въ 40 стадій (одна миля), города и кремля въ 85 стадій, окружность „длинныхъ стѣнъ“, соединяющихъ городъ съ гаванью, нужно положить въ 35 стадій. Такимъ образомъ все пространство, защищаемое Коринѳомъ и его стѣнами, отъ вершины Акрокоринѳа до моря равняется 3 милямъ (21 верстѣ). При такомъ большомъ пространствѣ стѣны были очень высоки и толсты. Но городъ и акрополь, хотя соединенные стѣнами, внутри были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и въ этомъ былъ слабый пунктъ акрокоринѳской позиціи [1]). Крутая и отовсюду недоступная скала Акрокоринѳа именно на сѣверной сторонѣ, надъ самымъ городомъ, поднимается почти перпендикулярно. Только съ запада ведетъ вверхъ узкая тропинка, и послѣ труднаго пути (на три четверти часа), приводитъ къ вершинѣ горы, окруженной еще особенною стѣной. Пространство между городомъ и кремлемъ было необитаемо [2]). Коринѳъ всегда считался воротами Пелопонниса. Продолженіемъ своихъ стѣнъ къ Лехэону онъ запиралъ прямую дорогу внутрь полуострова. Другая дорога, ведущая по восточной сторонѣ перешейка, по Саронпческому заливу, также находилась во власти Коринѳянъ. Они владѣли здѣсь Кенхреями. Съ давнихъ также временъ Коринѳъ служилъ опорнымъ пунктомъ македонскаго вліянія въ Пелопоннисѣ. Цари македонскіе всегда смотрѣли на него, какъ на „оковы“, которыми можно было сковать Грецію. Иѳома, другая южная крѣпость полуострова, и Акрокоринѳъ были рога Пелопонниса, за которые всегда можно было держать непокорнаго быка [3]) въ своихъ рукахъ.

Когда, въ 243 году, Аратъ былъ избранъ во второй разъ стратигомъ Ахэйскаго союза, Коринѳъ уже находился въ рукахъ Антигона; въ Акрокоринѳѣ стоялъ македонскій гарнизонъ, въ Лехэонѣ — 25 цар-

---

[1]) Мы увидимъ, что въ случаѣ ночнаго тайнаго нападенія на Акрокоринѳъ, внизу не могли узнать, что̀ тамъ дѣлается. Охранять стѣны на такомъ растянутомъ положеніи было тоже трудно.

[2]) Curtius, Peloponn , II, 515; Leak, Travels in Morea, III, 245. Vischer, Erinnerungen, 522 и слѣдующ.

[3]) Arat., 23.; Polyb., XVII, 11, 6.

скихъ кораблей. Уже ранѣе измѣны Александра стремленіе Антигона къ Акрокоринѳу „ничѣмъ не уступало самой безумной страсти влюбленнаго“, по выраженію Плутарха. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что желая, во что бы то ни стало, получить Коринѳъ изъ рукъ невѣрнаго племянника, царь Македоніи не остановился предъ злодѣяніемъ. Александръ, — какъ писалъ Аратъ въ своихъ мемуарахъ, — былъ отравленъ Антигономъ. Но преступленіе не привело прямо къ желанной цѣли. Никэя, жена умершаго, удержала за собой городъ и охраняла крѣпость. Антигонъ не отказывался отъ своей надежды, можетъ-быть, именно и разчитывалъ на женское тщеславіе и нѣжное сердце вдовы. Тотчасъ по смерти Александра онъ послалъ къ Никэѣ своего сына Димитрія. Лестная мысль быть женою царскаго сына должна была подѣйствовать на ея тщеславіе; молодость Димитрія должна была соблазнить сердце немолодой вдовы [1]). Никэя, дѣйствительно, очень охотно отдавала свою руку сыну Антигона, но крѣпость все-таки не сдавала. Вдова Александра не хотѣла думать, что Димитрій искалъ собственно не ея, а Акрокоринѳа, и очень тщательно оберегала его, не впуская македонскаго отряда. Антигонъ, который былъ здѣсь для праздненія брака, притворился, что и онъ не очень дорожитъ крѣпостью. Онъ занялся распоряженіями относительно брачнаго празднества, устроивалъ увеселенія, зрѣлища, игры, и казалось, забылъ отъ радости не только о вершинѣ Акрокоринѳа, но и о своемъ царскомъ достоинствѣ. Однажды долженъ былъ пѣть въ театрѣ знаменитый тогда пѣвецъ Амивей. Антигонъ отправилъ туда Никэю въ пышныхъ царскихъ носилкахъ, и та не помнила себя отъ такой чести. Самъ царь провожалъ ее. Но, дойдя до того мѣста, гдѣ начиналась тропинка, ведущая на верхъ, онъ попросилъ новобрачную спѣшить въ театръ, а самъ, сказавъ: „прости“ (χαίρειν ἐάσας) и свадьбѣ, и Амивею, пошелъ на верхъ съ такою быстротою, какой нельзя было, повидимому, ожидать отъ его старости. Нашедши ворота крѣпости запертыми, онъ началъ стучать своею палкой, и кричать, чтобъ ему отворили. Тамъ перепугались и впустили его. Вслѣдъ за царемъ, конечно, вошли и другіе. Овладѣвъ такимъ образомъ крѣпостью, старикъ не владѣлъ собой отъ радости, явился съ веселою процессіей на городской площади, сопровождаемый флейтщицами, самъ съ вѣнкомъ на головѣ, и шутилъ со встрѣчными, останавливая ихъ на дорогѣ [2]). Дѣйстви-

[1]) Выраженія Плутарха, Arat, 17.

[2]) Plut. Arat., 17. Этотъ самый разказъ, отчасти съ буквальнымъ повтореніемъ тѣхъ же словъ и оборотовъ, находится и у Полиэна (Strategicon, 4, 6, 1,

тельно ли такимъ страннымъ образомъ совершилось занятіе Коринѳа Антигономъ, — рѣшить мы не можемъ. Но во всякомъ случаѣ близость македонскаго гарнизона и македонскихъ кораблей весной 243-го года грозила Ахэйскому союзу дѣйствительною опасностью. Вмѣсто Никэи гарнизономъ Акрокоринѳскимъ начальствовалъ теперь стоикъ Персэй, любимый ученикъ и другъ основателя школы Зинона, воспитатель дѣтей Македонскаго царя.... Извѣстно, что стоики считали себя ко всему способными: по убѣжденію ихъ, и въ частности, самого Персэя, философъ-мудрецъ необходимо былъ въ то же время и лучшимъ ораторомъ, политикомъ, даже полководцемъ и военнымъ человѣкомъ. Аратъ, можетъ-быть, и не раздѣлялъ вполнѣ этого мнѣнія; но рѣшиться на открытое нападеніе противъ Акрокоринѳа было почти безумно. Впрочемъ мысль овладѣть имъ тѣмъ или другимъ путемъ, путемъ ли неожиданнаго нападенія, или подкупомъ, не покидала его со времени первой его попытки. И случай къ этому скоро представился.

Въ Коринѳѣ находились въ это время четыре брата изъ Сиріи. Одинъ изъ нихъ, Діоклесъ, служилъ въ числѣ наемниковъ въ гарнизонѣ Акрокоринѳскомъ. Трое другихъ добывали деньги другимъ способомъ. Однажды имъ удалось сдѣлать большое воровство въ царской казнѣ. Съ частью похищеннаго золота они пришли сейчасъ же въ Сикіонъ и у банкира Эгіи, который велъ и денежныя дѣла Арата, обмѣняли свою добычу на ходячую и очень уважаемую монету Сикіонскую [1]). Съ этого времени одинъ изъ братьевъ, Ергинъ, сталъ появляться въ Сикіонѣ довольно часто, всегда размѣнивая деньги у Эгіи. Отсюда у банкира съ Спрянпномъ завязалось знакомство. Разговаривая однажды съ Ергикомъ, Эгія сталъ его распрашивать объ Акрокоринѳскомъ гарнизонѣ. Тотъ сообщилъ ему, между прочимъ, что посѣщая своего брата въ крѣпости, онъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ небольшое ущеліе, которое напскось отъ обыкновеннаго пути къ крѣпости вело къ пункту, гдѣ стѣна, окружавшая укрѣпленіе, была очень низка и не представляла непреодолимыхъ препятствій для того, кто захотѣлъ бы пробраться въ самую крѣпость. Эгія остановилъ его на этихъ словахъ и очень ловко намекнулъ, что напрасно они, ради такихъ небольшихъ денегъ, подвергаютъ себя постоянной опасности, когда въ одинъ

стр. 144 въ изданіи Wolfelin'a). Плутархъ заимствовалъ его, судя по манерѣ разказа, у Филарха, Полэнъ—у Плутарха или прямо у Филарха.

[1]) О трапезитахъ, древнихъ банкирахъ, см. статью проф. Куторги въ приложеніи къ «Персидскимъ войнамъ».

часъ могутъ заслужить такія суммы, которыя обогатятъ ихъ на всю жизнь: притомъ, вѣдь и похитителю царской казны, и предателю одна смерть въ случаѣ поимки. Ергинъ на такое разумное разсужденіе засмѣялся. Эгія повелъ рѣчь дальше и убѣдилъ его переговорить съ братомъ Діоклесомъ, который служилъ въ гарнизонѣ. Чрезъ нѣсколько дней Ергинъ дѣйствительно явился въ Сикіонѣ уже съ готовностію вступить въ переговоры. Эгія, конечно, уже ранѣе далъ знать обо всемъ Арату и теперь привелъ къ нему своего знакомца. Скоро заключено было условіе: Ергинъ, при помощи Діоклеса, проведетъ Арата къ такому мѣсту, гдѣ стѣна не выше 15 футовъ. За это оба брата — остальные не были посвящены въ дѣло — получаютъ 60 талантовъ (около 90.000 руб. сер.), если предпріятіе удастся; а если нѣтъ, то каждому дается домъ въ Сикіонѣ и по одному таланту. Деньги должны быть внесены впередъ и положены у банкира Эгіи. Аратъ не имѣлъ въ наличности нужной суммы; занимать ее было опасно: это возбудило бы всеобщее вниманіе и догадки. Онъ рѣшился отдать Эгіи въ залогъ свое столовое серебро и золото своей жены.

Предпріятіе было опасно само по себѣ. Ошибка, сдѣланная въ самомъ началѣ, дѣлала его еще опаснѣе. Аратъ послалъ одного изъ своихъ довѣренныхъ рабовъ осмотрѣть стѣну вмѣстѣ съ Діоклесомъ. Технонъ — имя раба — никогда не видалъ Діоклеса въ лицо и долженъ былъ узнать его по примѣтамъ, которыя ему сообщилъ Ергинъ. Встрѣтившись около условнаго мѣста съ человѣкомъ курчавымъ, смуглымъ, безбородымъ, онъ подумалъ, что это и есть Діоклесъ, между тѣмъ какъ это былъ только братъ Діоклеса, очень на него похожій, но не участвовавшій въ заговорѣ, и по мнѣнію Ергина, ненадежный. На вопросъ Технона, нѣтъ ли у него какого дѣла съ Ергиномъ, незнакомецъ отвѣчалъ, что это его братъ. Технонъ послѣ этого взялъ его подъ руку и началъ говорить объ условленномъ дѣлѣ. Діонисій—такъ звали третьяго брата—слушалъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и повелъ Технона по немногу къ городу, чтобы тамъ сдать его, кому слѣдуетъ. Только случайная встрѣча съ Ергиномъ спасла Аратова посланца; изъ знаковъ, которые сталъ ему дѣлать издали этотъ послѣдній, Технонъ догадался объ ошибкѣ. Вмѣстѣ съ Ергиномъ онъ убѣжалъ, какъ можно скорѣе, назадъ въ Сикіонъ. Аратъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; Ергинъ снова пробрался въ Коринѳъ и за деньги купилъ молчаніе у своего брата и даже привелъ его съ собою въ Сикіонъ, гдѣ его схватили и на время посадили въ заключеніе.

Наконецъ, все было устроено. Аратъ взялъ съ собою четыреста

человѣкъ отборнаго войска и пошелъ съ нимъ къ Коринѳу. Остальное войско должно было также быть готовымъ. Только немногіе знали, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ. Была ясная, лунная ночь. Отрядъ скоро пришелъ къ сѣверо-западнымъ воротамъ Коринѳа [неподалеку отъ храма Иры (Геры), Ирeона] [1]). Блескъ оружія, на которомъ отражался свѣтъ луны, дѣлалъ похожденіе очень опаснымъ, ибо могъ обратить вниманіе стражи на нападающихъ. Къ счастію набѣжали облака съ моря, закрыли городъ и самый отрядъ. Чтобы не дѣлать шуму и удобнѣе взбираться потомъ по лѣстницамъ, почти всѣ сѣли и сняли съ себя обувь (полусапожки) [2]). Только Ергинъ съ семью спутниками, одѣтыми по дорожному, прокрались къ воротамъ и убили начальника поста и стражей, тутъ бывшихъ. Въ то же самое время отрядъ приблизился къ стѣнѣ и быстро подставилъ лѣстницы. Когда сто человѣкъ перебрались черезъ стѣну, Аратъ взялъ съ собою лѣстницы и пошелъ городомъ къ акрополю. Остальные должны были слѣдовать, какъ можно скорѣе, черезъ ворота, которыя теперь никѣмъ не были охраняемы. Осторожно пробирался Аратъ къ югу, къ тому мѣсту, гдѣ на западѣ начинается подъемъ на вершину Акрокоринѳскаго шпица. Мѣсто это было малонаселенное. Ночной дозоръ изъ четырехъ человѣкъ съ факелами встрѣчается съ отрядомъ и не замѣчаетъ его, потому что онъ былъ въ тѣни. Отступивъ нѣсколько въ сторону и давъ имъ поравняться съ собою, Аратъ дѣлаетъ нападеніе на дозорныхъ. Трое изъ нихъ убиты на мѣстѣ, четвертый, раненый, убѣжалъ съ крикомъ: „враги въ городѣ“. Скоро поднялась тревога, загремѣли трубы, зашевелился народъ, улицы покрылись людьми, бѣгущими во всѣхъ направленіяхъ, заблестѣли вездѣ факелы. На стѣнахъ крѣпости, въ верху, тоже начинали зажигаться огни, и со всѣхъ сторонъ раздавался неясный гулъ.

Аратъ спѣшилъ на верхъ. Въ узкой тропинкѣ, извивавшейся между нависшими съ обѣихъ сторонъ скалами, въ ея изгибахъ, закрытыхъ тѣнью скалистыхъ стѣнъ, онъ и его спутники не были видны ни съ верху, ни съ низу. Триста человѣкъ, оставленные у воротъ, въ это время тоже успѣли пробраться въ городъ, полный шума и движенія. Они не могли найдти дороги, по которой пошелъ Аратъ, и скрылись всею толпой въ темномъ ущельѣ, подъ нависшею скалой.

---

[1]) Curtius Peloponn., 11., 593.

[2]) Κρηπῖδας. Κρηπῖδες εἶδος ὑποδήματος ἀνδρικοῦ, ὑψιλὰ ἔχοντος τὰ καττύματα Anecdota Graeca, Beckeri, 273, 18.

Сверху до нихъ доходили шумъ и крики: это Аратъ успѣлъ, наконецъ, съ большимъ трудомъ достигнуть стѣнъ крѣпости и боролся уже съ ея гарнизономъ. Его отставшіе товарищи не могли однако разобрать, откуда именно идетъ шумъ и крикъ; отражаясь и прерываясь въ горахъ, крикъ сливался и дѣлался неяснымъ. Но вотъ, среди ихъ недоумѣнія, является македонскій отрядъ: Архелай, начальствовавшій въ городѣ, спѣшилъ на верхъ, къ крѣпости, въ тылъ Арату. Съ громкимъ трубнымъ звукомъ проходитъ мимо ущелья македонское войско. Триста выходятъ изъ засады, нападаютъ сзади на Архелая, многихъ убиваютъ, всѣхъ обращаютъ въ бѣгство и преслѣдуютъ ихъ до города. Едва они собрались снова, прибѣгаетъ сверху Ергинъ, говоритъ, что Аратъ схватился съ гарнизономъ, который защищается очень храбро и сильно, и что нужна скорая помощь Арату и его сотнѣ. Подъ предводительствомъ Ергина спѣшатъ эти триста на верхъ по той же самой дорогѣ. Громкій крикъ далъ знать Арату объ ихъ приближеніи; луна, которая снова выплыла надъ скалой Акрокоринѳа, освѣтила длинный рядъ оружій; отрядъ, растянувшійся по узкой тропинкѣ, показался врагамъ сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Ночное эхо, раздаваясь между скалами, увеличивало эффектъ. Не долго сопротивлялся гарнизонъ крѣпости; при помощи новоприбывшаго отряда онъ былъ сбитъ со стѣнъ. Къ утру, съ восходомъ солнца, крѣпость была уже въ рукахъ Арата. Въ это время явились и войска, оставленныя въ Спкіонѣ. Граждане Коринѳа добровольно отворили имъ ворота и помогли забрать въ плѣнъ царскихъ военныхъ людей и приверженцевъ.

Когда въ крѣпости все было безопасно, Аратъ сошелъ сверху — въ театръ, гдѣ собралась огромная толпа народа, желая видѣть побѣдителя и услышать, что онъ скажетъ. Оставивъ своихъ Ахэйцевъ въ боковыхъ входахъ, Аратъ одинъ, въ полномъ вооруженіи, вышелъ на сцену, блѣдный, истомленный отъ труда и безсонной ночи. Необычайный, невыразимый восторгъ встрѣтилъ его. Опершись на копье, нѣсколько наклонившись, онъ молча ожидалъ, пока кончатся рукоплесканія и крики. Наконецъ, они умолкли. Аратъ собрался съ силами и началъ говорить. Онъ возвѣстилъ гражданамъ Коринѳа свободу и возвратилъ ключи отъ городскихъ воротъ, со временъ Филиппа и Александра всегда находившіеся въ чужихъ рукахъ. Онъ совѣтовалъ имъ присоединиться къ Ахэйскому союзу, чтобы сохранить свою свободу, и убѣдилъ Коринѳянъ „сдѣлаться Ахэйцами“, по выраженію Плутарха.

Гавань Лехэонъ и укрѣпленіе на противоположной сторонѣ Коринѳ-

ской бухты, Ирэонъ [1]), скоро перешли въ руки Арата. Такимъ образомъ, весь заливъ Лехэйскій принадлежалъ союзу: Сикіонъ и Ирэонъ лежали при входѣ въ него и могли подать другъ другу руку. Первымъ слѣдствіемъ этого было пріобрѣтеніе 25 кораблей македонскихъ, стоявшихъ въ гавани. 500 лошадей, которые теперь нашлись на Коринѳскихъ лугахъ, достались тоже Ахэйцамъ. Архелай, сдавшійся добровольно въ плѣнъ, былъ отпущенъ безъ выкупа; другой предводитель, не хотѣвшій оставить своего поста, взятъ и убитъ; четыреста Сирянъ были проданы въ рабство. Персэй успѣлъ спастись, бѣжавъ въ другую гавань Коринѳскую, въ Кенхреи. Когда ему въ шутку напомнили, что только мудрецъ можетъ быть хорошимъ военачальникомъ, ученикъ Зинона замѣтилъ, что благодаря Сикіонскому юношѣ, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе на этотъ счетъ и теперь расходится съ своимъ учителемъ [2]).

Лѣтомъ въ іюнѣ или въ іюлѣ 243 года совершилось это рѣшительное для Ахэйскаго союза событіе [3]). Впечатлѣніе, которое оно должно было произвести въ Греціи, легко себѣ представить. Оно не замедлило обнаружиться въ цѣломъ рядѣ событій. Въ томъ же самомъ году присоединилась къ Ахэйскому союзу Мегара, отложившись отъ Антигона. Ея примѣру послѣдовали Тризина и Епидавръ. Аратъ сдѣлалъ смѣлый набѣгъ на Аттику, въ которой стояли македонскіе гарнизоны

---

[1]) Что здѣсь именно разумѣется укрѣпленіе Ирэонъ — promontorium Gerania cum templo Herae Acreae adversus Sicyonem (Liv , XXXII 23) — видно изъ Plut. Cleom., 20

[2]) Плутархъ говоритъ, что объ этомъ, то-есть, о бѣгствѣ и словахъ Персэя πλείονες ἱστοροῦσιν Изъ Аѳинея видно, что эти многіе—Ермиппъ, Никія, Сотіонъ (см. IV. p 162). Тамъ прибавляется подробность, которая доказываетъ, что и къ серіозному стоику могла быть приложена поговорка: οὐ παντὸς ἀνδρὸς ἐς Κόρινθον ἔσθ' ὁ πλοῦς. Персэй велъ въ Коринѳѣ вовсе не стоическую жизнь.

[3]) По свидѣтельству Поливія (II, 43, 3), взятіе Акрокоринѳа случилось въ 8-мъ году послѣ освобожденія Сикіона. Какъ мы видѣли, освобожденіе Сикіона послѣдовало весной 251 года Но какъ считаетъ Поливій свои годы? Если онъ принимаетъ годъ естественный, отъ начала одной весны до другой, отъ одного анѳестеріона до другаго, то освобожденіе Коринѳа падало бы на 244-й годъ: въ февралѣ или мартѣ этого года начинался бы 8-й годъ послѣ взятія Сикіона. Но тутъ же (43, 6) Поливій даетъ другое указаніе, которое этому противорѣчитъ: взятіе Акрокоринѳа, говоритъ онъ, случилось въ годъ, предшествовавшій пораженію Карѳагенянъ, послѣ котораго они должны были совершенно оставить Сицилію, то-есть, пораженію при Эгатскихъ островахъ 10-го марта 241 года (Mommsen, Romische Geschichte, I, 507, второе изданіе). Слѣдовательно, освобожденіе Коринѳа падаетъ на 242 г.: противорѣчіе, которое уже ставили въ упрекъ По-

(именно въ Пирэѣ, Мунихіи, на мысѣ Суніонѣ и островѣ Саламинѣ) [1]) и опустошилъ островъ Саламинъ. Всѣ эти событія слѣдовали быстро одно за другимъ. Аратъ, очевидно, хотѣлъ воспользоваться ударомъ, нанесеннымъ такъ удачно и въ такомъ удачномъ пунктѣ македонскому преобладанію При вторженіи въАттику онъ намѣренно показывалъ Аѳинянамъ, что война ведется не противъ нихъ, а только противъ Македоніи. Взятыхъ въ плѣнъ Аѳинянъ онъ отпустилъ безъ всякаго выкупа. Можно было разчитывать, что событія въ Пелопоннисѣ еще разъ пробудятъ духъ свободы въ народѣ, нѣкогда великомъ, а теперь порабощенномъ. Отпущенные безъ выкупа Аѳиняне должны были сдѣлаться „предводителями возстанія“. Но далѣе Мегары движеніе не пошло. Время воодушевленія, собственно говоря, миновало для Греціи. Кличъ къ свободѣ не имѣлъ, какъ прежде, электрическаго дѣйствія на массы. Другіе вопросы, къ несчастію, болѣе трудные для разрѣшенія, волновали ихъ и тяготѣли надъ ними. Мы видѣли, что дѣло свободы въ Сикіонѣ едва не было испорчено соціальнымъ вопросомъ. Въ Коринѳѣ освобожденіе отъ македонскаго гарнизона вызвало общую радость; но мы не видѣли, чтобы кто-нибудь изъ гражданъ, кромѣ продажныхъ Сирянъ, принималъ участіе въ борьбѣ за освобожденіе: только послѣ окончанія дѣла Коринѳяне помогали вязать

ливію (Мерлекеръ) Однако на самомъ дѣлѣ его нѣтъ. Поливій считаетъ по олимпіадамъ (I, 3,1; II, 41,1; IX, 1,1; XXII, 24,1; XXIII, 4,5; XXIV, 1,10). Годъ олимпіады начинался мѣсяцемъ элатомвономъ, соотвѣтствующимъ нашему іюлю. Такимъ образомъ годъ, предшествовавшій году пораженія Карѳагенянъ при Эгинузѣ, начинался съ іюля 243 года и кончался въ іюнѣ или началѣ іюля 242, а годъ самой битвы есть іюнь 242—іюль 241. Точно также весной 251 г. освобожденъ Сикіонъ, лѣтомъ того же года начинается первый годъ (по счету олимпіадъ), послѣ этого событія, лѣтомъ 244 года, начинается восьмой годъ. Но кончается этотъ 8-й годъ только іюнемъ 243 года. Слѣдовательно, взятіе Коринѳа падаетъ на время съ іюля 244 по конецъ іюня 243 года Плутархъ говоритъ (Arat., 21), что время похода на Коринѳъ ἦν τοῦ ἔτους ἡ περὶ θέρος ἀκμάζον ὥρα, то-есть, время, когда поспѣваетъ хлѣбъ. Выраженіе Плутарха совершенно соотвѣтствуетъ Ѳукидидову: τοῦ σίτου καὶ θέρους ἀκμάζοντος (II 19), что, по объясненію лучшихъ комментаторовъ, несомнѣнно означаетъ время созрѣвшаго хлѣба предъ самою жатвой. А жатва въ Аттикѣ, какъ извѣстно, поспѣваетъ уже въ началѣ іюня (Нибуръ въ Vortrage uber die alten Lander-und Volkerkunde говоритъ, что жатва пшеницы начинается въ Аттикѣ 20-го іюня, стр 494). Очевидно, что время освобожденія Коринѳа есть именно лѣто 243 года, самый конецъ того года олимпіады, который предшествовалъ году пораженія Карѳагенянъ; и слѣдовательно, показанія Поливія вполнѣ точны.

[1]) Pausan., II, 8.

македонскихъ солдатъ. Присоединеніе Мегары, Тризины и Епидавра совершилось, повидимому, добровольно, но только послѣ освобожденія Коринѳа и по его примѣру. Болѣе значительный Аргосъ, откуда вышелъ Аратъ для освобожденія Сикіона, и теперь не обнаруживалъ никакого движенія. Аѳины остались равнодушны и спокойны. Мы скоро увидимъ, что и въ тѣхъ городахъ, которые пристали къ союзу, сочувствіе массы къ новому порядку не было очень прочно. Чтобы возбудить въ ней движеніе, нуженъ былъ не призывъ къ политической свободѣ, а совершенно другое знамя. Съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть на тотъ шагъ, который вскорѣ послѣ освобожденія Коринѳа сдѣлалъ Аратъ. Онъ искалъ опоры для развивавшагося свободнаго союза въ Египтѣ. Напрасно ставятъ ему въ вину, что онъ не понималъ и не раздѣлялъ „вѣры въ одушевляющія мысли времени“, что онъ не довѣрялъ юной свободѣ, хотѣлъ опираться только на политическія отношенія“ [1]), на дипломатію, говоря современнымъ языкомъ. Дѣло въ томъ, что „юная свобода“ могла пока держаться, или опираясь на тогдашнія политическія отношенія, или на тѣ стремленія массы, съ которыми мы отчасти уже знакомы. Но послѣдняя опора была весьма сомнительнаго свойства. На нее могла опираться и тираннія Никоклеса. Первое движеніе „одушевляющей мысли“ въ нашемъ періодѣ— есть освобожденіе Мегалополя. И что же? Тамъ уже около этого самаго времени (около 243 г.) была снова тираннія [2]). Въ самомъ Сикіонѣ „юная свобода“ была спасена только при помощи египетскаго золота. Были, слѣдовательно, роковыя препятствія къ водворенію прочной свободы даже и тамъ, гдѣ находились люди, одушевленные ею; существовала печальная необходимость искать для возрожденія греческой свободы внѣшней поддержки.

Мы видѣли, какія услуги оказалъ Птолемэй Филадельфъ Арату. Имъ, какъ мы замѣтили, руководили главнымъ образомъ политическія соображенія. Въ 247 году онъ умеръ. Но сынъ его, Птолемэй Евергетъ, естественно и по самому положенію вещей, долженъ былъ держаться политики своего отца. Вслѣдствіе своихъ побѣдъ надъ Селевкидами, надъ царствомъ Сирійскимъ, еще болѣе приблизившись къ Македоніи, овладѣвъ ѳракійскими приморскими городами [3]), онъ былъ прямымъ, близкимъ и постояннымъ врагомъ Македонскаго царя. Ослабленіе Македоніи въ Греціи было ближайшимъ интересомъ Египта.

---

[1]) Droysen, Gesch. des Hellenismus. II, 376.

[2]) О тираніи Лидіада будетъ сказано ниже.

[3]) Polyb., V, 34, 7. Droysen, G. des Hell., II, 344 (Адулитанская надпись).

Возрожденіе греческой свободы въ Пелопоннисѣ, образованіе союза, враждебнаго македонскому вліянію, было ему, какъ нельзя болѣе, выгодно. Аратъ, съ своей стороны, послѣ взятія Коринѳа могъ ожидать немедленной войны съ Антигономъ. Гдѣ же онъ долженъ былъ искать помощи? Птолемэи были врагами греческой свободы въ Малой Азіи, Киренаикѣ, на островѣ Родосѣ. Но, очевидно, въ это время сложныхъ и перепутанныхъ интересовъ, во время полнаго господства политики и дипломатіи, ни Птолемэй Евергетъ, ни Аратъ не только не хотѣли, но и не могли думать о принципахъ, а ближайшіе интересы соединяли ихъ другъ съ другомъ. Между Ахэйскимъ союзомъ и Египтомъ чрезъ посредство Арата былъ заключенъ союзъ. Главное начальство надъ войскомъ предоставлялось въ случаѣ войны Птолемэю, и на морѣ, и на сушѣ: условіе вполнѣ естественное, и едва-ли оно давало „царю Египетскому протекторатъ надъ вновь начинающеюся свободой Греціи“ [1]). Нужно думать, что съ этого времени Аратъ началъ получать ежегодно по шести талантовъ изъ казны Александрійской [2]). Но какъ объяснить бездѣйствіе Антигона? До сихъ поръ онъ не рѣшается дѣйствовать противъ смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій Арата. По всей вѣроятности, именно къ этому времени относится договоръ царя Македонскаго съ Этолянами. Поливій, не опредѣляя точно времени, говоритъ: „Антигонъ и Этолія дошли до такой неправды и смѣлости, что заключили между собою договоръ о раздѣленіи Ахэйскаго союза“ [3]). Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что̀ чему предшествовало — союзъ ли Арата съ Птолемэемъ, или союзъ Антигона съ Этоліей. Во всякомъ случаѣ, обѣ стороны грозили одна другой уже въ 242 году. Но до полнаго осуществленія плановъ Македонскаго царя и Этоліи, до открытой и жестокой борьбы между обѣими сторонами, дѣло все-таки еще не дошло. Что̀ воспрепятствовало Антигону и въ союзѣ съ воинственною Этоліей начать походъ

---

[1]) Какъ это кажется Дройзену, см G. des Hellen , II, 378. Изъ самыхъ словъ Плутарха видно, что египетская игемонія не имѣетъ здѣсь того широкаго значенія, которое соединяется съ представленіемъ о Спартанской и Аѳинской игемоніи. Πτολεμαῖον σύμμαχον ἐποίησε τῶν Ἀχαιῶν ἡγεμονίαν ἔχοντα τοῦ πολέμου. Послѣднее слово ограничиваетъ «протекторатъ» Птолемэя только главнымъ начальствомъ надъ военными силами Ахэйцевъ въ случаѣ веденія общей войны. Павсанія (II, 8, 5) говоритъ просто: συμμαχίαν πρὸς Ἀχαιοὺς Πτολεμαῖος ἐποιήσατο.

[2]) Plut , Arat., 41. Ἐκεῖνος γὰρ (Πτολεμαῖος) ἓξ τάλαντα τῷ Ἀράτῳ κατ' ἐνιαυτὸν ἀπέστελλεν.

[3]) Polyb., II, 43, 9, ср. IX, 34, 6, 38, 9. Это было, безъ сомнѣнія, раньше набѣга Этолянъ на Ахаію въ 241 году (о которомъ будетъ сказано ниже).

противъ Пелопонниса, на это источники не даютъ яснаго отвѣта. Объясненій представляется, впрочемъ, достаточно: престарѣлый возрастъ Антигона, опасности, которыя постоянно грозили Македоніи на сѣверѣ отъ дикихъ хищническихъ народовъ, и даже, можетъ-быть, открытая война съ Египтомъ [1]).

Походъ на Аттику былъ неудаченъ для освободителя Коринѳа. Вслѣдствіе этого, и онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія выгнать отсюда открытою силой македонскіе гарнизоны. Вмѣсто явной борьбы съ Антигономъ, съ этого же времени Аратъ начинаетъ съ нимъ другую войну, тайную, глухую, войну заговоровъ, тайныхъ нападеній, ночныхъ вторженій. Исторія двухъ освобожденій (Сикіона и Коринѳа) достаточно уже показываетъ, что въ этомъ способѣ дѣйствія Аратъ имѣлъ не только большое искусство, но и несомнѣнную смѣлость.

Полибій [2]), съ свойственною ему проницательностію и яснымъ пониманіемъ историческихъ событій, опредѣляетъ цѣль, къ которой стремился Аратъ, тремя пунктами: вытѣснить Македонянъ изъ Пелопонниса, уничтожить тираннію и утвердить общую политическую свободу. Первая часть этой программы была отчасти достигнута, но тиранніи существовали въ большей части остальныхъ городовъ Пелопонниса, въ Аргосѣ, Фліунтѣ, Мегалополѣ. Доколѣ дѣло было въ такомъ по-

---

[1]) На это указываютъ испорченныя безвозвратно слова въ прологѣ Трога у Юстина (книга XXVII). Ut Ptolemæus eum denuo captum interfecerit, et Antigonum Andro prœlio navali oppona vicerit. Сраженіе при Андрѣ Антигона съ полководцами Птолемэя упоминается, также мимоходомъ, у Плутарха (Pelop, 2) Но къ какому времени это относится? Соображенія Нибура (Kleine Schriften, I, 282) достаточно опровергнуты Дройзеномъ (II, 356, 364). Но поправки и объясненія самаго Дройзена не вполнѣ удачны (вм oppona vicerit — pervicerit). Самое удовлетворительное чтеніе представляетъ К. Мюллеръ (въ примѣчаніяхъ къ Фрагментамъ Порфирія Тирскаго, pag. 708 и 709), онъ читаетъ. ut Ptolomaeus Eudemum interfecit, et Antigonus Andro praelio navali Sophrona vicerit. Имя Софрона встрѣчается у Филарха, откуда видно, что онъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ полководцевъ Птолемэя. Lucht, fr. 23; Σώφρων ὁ ἐπὶ Ἐφέσου, ср. Polyb., V, 34 и Athen., p. 593 etc. Впрочемъ, и Дройзенъ, и Мюллеръ одинаково относятъ это событіе къ послѣднимъ годамъ царствованія Антигона (244—241). Этого для насъ вполнѣ достаточно: сраженіе можетъ относиться къ тому или другому году, но приготовленія къ войнѣ, самая война и ея слѣдствія занимаютъ нѣсколько лѣтъ и вполнѣ объясняютъ бездѣятельность Антигона и смѣлость Арата. Можетъ-быть, и другое сраженіе, при Косѣ (Athen., V, 206), относится сюда же.

[2]) См. II, 43, 8.

ложеніи, дотолѣ македонское вліяніе не было вполнѣ вытѣснено съ полуострова, и мысль объ общей свободѣ не могла сдѣлать ни малѣйшаго успѣха. Въ эту сторону Арату слѣдовало обратить свое вниманіе; на этомъ пунктѣ онъ долженъ былъ бороться съ царемъ Македоніи. Первый тираннъ, противъ котораго онъ началъ дѣйствовать, былъ Аристомахъ, тираннъ Аргоса. Аристомахъ уже очень опасался за свое существованіе. Гражданамъ Аргоса было запрещено, подъ угрозою большихъ штрафовъ, пріобрѣтать и носить оружіе. Но Аратъ имѣлъ и здѣсь связи. Войдя въ сношеніе съ нѣсколькими заговорщиками, онъ отправилъ имъ изъ Коринѳа небольшіе кинжалы: нѣсколько вьючныхъ животныхъ съ недорогими товарами пришли въ Аргосъ, въ ихъ сѣдлахъ было зашито оружіе. Тиранну грозила близкая смерть. Къ счастію для него, руководители заговорщиковъ поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ выдалъ своихъ товарищей, которые едва успѣли спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ въ Коринѳъ.

Послѣ присоединенія Коринѳа Ахэйскій союзъ былъ уже первостепенною силой въ Пелопоннисѣ. Онъ простирался по всему сѣверному берегу полуострова, начиная отъ мыса Аракса до самаго Коринѳскаго перешейка, захватывалъ здѣсь Мегару и снова спускался къ югу по берегамъ Саронической залива, гдѣ ему принадлежали двѣ значительныя области (Епидаврія и Тризинія). Въ составѣ его находились города, въ продолженіе всей греческой исторіи стоявшіе на видномъ, если не на первомъ, то на второмъ мѣстѣ. Начала, которыя привели къ такому безпримѣрному въ греческой исторіи результату, имѣли въ себѣ, повидимому, много жизненнаго и даже привлекательнаго для самихъ современниковъ. Наконецъ, найдено было политическое устройство, которое могло примирить привязанность Грека къ автономіи и верховности своего города съ необходимостью болѣе крѣпкаго и сильнаго единства. Во главѣ союза стоялъ человѣкъ способный и предпріимчивый. Онъ, очевидно, имѣлъ широкіе планы и большія надежды; политическія отношенія, которыми онъ такъ хорошо умѣлъ пользоваться, обѣщали ему успѣхъ, и подъ его руководствомъ Ахэйскій союзъ начиналъ политическое возрожденіе самостоятельной и свободной Греціи.

Въ то же время, на другомъ концѣ Пелопоннеса начиналось другое движеніе. Въ 243 году Спартанскимъ царемъ уже былъ Агисъ, сынъ Евдамида. Трудно рѣшить, имѣетъ ли какое-нибудь справедливое основаніе то извѣстіе, которое сообщаетъ одинъ не очень непогрѣшительный писатель о враждебномъ набѣгѣ этого царя на ахэйскій городъ

Пеллину [1]). Во всякомъ случаѣ это событіе не имѣло продолжительныхъ слѣдствій. Оно, по извѣстію этого писателя, кончилось пораженіемъ Спартанскаго царя и заключеніемъ мира. Гораздо важнѣе то направленіе, въ которомъ началась спартанская реформа вскорѣ послѣ освобожденія Коринѳа. Это было направленіе, противоположное тѣмъ началамъ, которыхъ держался представитель Ахэйскаго союза. Обѣ реформы шли параллельно, или лучше сказать, на встрѣчу одна другой. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что имъ, дѣйствительно, суждено было столкнуться враждебнымъ образомъ и къ большому несчастію для всей Греціи.

Мы переходимъ къ исторіи спартанской реформы. Но положеніе вещей въ Спартѣ предъ этою реформой и развитіе тѣхъ отношеній, которыя дѣлали ее необходимою, отличаются такими особенностями, что мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ пунктѣ.

III.

Спартанскій консерватизмъ. — Начало упадка Спарты со времени Александра. — Болѣе глубокія причины· вымираніе спартанской аристократіи, образованіе олигархіи.—Законъ Епитадея.—Періоки.—Политическая теорія равновѣсія трехъ элементовъ въ приложеніи къ Спартѣ. — Стоики и отношеніе ихъ къ дѣлу реформы.—Царь Агисъ: его воспитаніе, планы; проектъ реформы и его критика; походъ на помощь Ахэйскому союзу; отношенія къ Арату; возвращеніе и трагическій конецъ реформатора.

Крайняя и упорная неподвижность ведетъ въ политической жизни къ крайнимъ и разрушительнымъ переворотамъ: истина, столь общеизвѣстная и столько разъ оправданная опытомъ, оправдывается и спартанскою исторіей.

Спарта была представительницею консервативнаго начала въ древней Греціи и сохраняла этотъ характеръ почти до послѣднихъ дней греческой исторіи. Главные и существенные перевороты въ политическомъ бытѣ, которыми обозначаются различныя стадіи еллинскаго развитія, прошли мимо Спартанскаго государства или коснулись его только отчасти. Извѣстно, что первое глубокое измѣненіе въ политическомъ бытѣ Греціи было произведено торжествомъ аристократіи надъ первоначальною монархіей. Во всѣхъ греческихъ общинахъ мо-

[1]) См выше. Мы высказали свое мнѣніе объ извѣстіяхъ Павсаніи относительно трехъ походовъ Агиса и касательно дѣла подъ Пеллиной и пришли къ результату, который можетъ быть выраженъ словами, что въ этомъ случаѣ разказъ Павсаніи болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

нархическая власть была уничтожена усиленіемъ аристократическихъ элементовъ. Только въ одной Спартѣ столкновеніе кончилось простою сдѣлкою (компромиссомъ); на основаніи ея власть двухъ царей подверглась законнымъ ограниченіямъ и вслѣдствіе того удержалась здѣсь почти навсегда. Сами цари Спартанскіе понимали и прямо высказывали, что сдѣлавъ свою власть менѣе обширною, они сдѣлали ее тѣмъ болѣе прочною и долговѣчною [1]). Было бы большимъ благомъ для Спартанскаго государства, если бы въ немъ всегда господствовалъ только такой мудрый и умѣренный консерватизмъ. Но этого не было; мудрый консерватизмъ Спартанскихъ царей обратился въ рукахъ аристократіи въ упорную неподвижность и слѣпую вражду ко всякому движенію впередъ.

Аристократія не долго пользовалась полнымъ и нераздѣльнымъ господствомъ въ греческихъ республикахъ. Въ нихъ началось демократическое движеніе. Будучи связано съ развитіемъ торговли и промышленности, съ образованіемъ зажиточнаго городскаго класса, движеніе это обнаружилось въ сѣверныхъ приморскихъ городахъ Пелопонниса (Спкіонѣ, Коринѳѣ, Мегарѣ, Епидаврѣ) и грозило проникнуть и въ самую Спарту. Нужно замѣтить, что для Спартанскаго государства оно было менѣе страшно, чѣмъ для другихъ государствъ. Если предводительницею безправныхъ классовъ въ борьбѣ противъ аристократіи являлась вездѣ тираннія, то для Спарты, сохранившей власть монархическую, не было этой опасности; въ тираніи здѣсь не было никакой нужды, такъ какъ ея задачи гораздо лучше могли быть исполнены законною монархіей. Какъ же однако отнеслась спартанская аристократія къ новымъ требованіямъ времени?

Она явилась ревностною защитницей колеблющагося господства аристократіи вездѣ, куда могло достигнуть ея вліяніе и оружіе. Но объявляя войну тираннамъ, Спартанцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясно показали, что они не столько боятся тираніи, сколько ненавидятъ демократическія стремленія. Всего яснѣе и сильнѣе обнаружилось это въ тѣхъ рѣшительныхъ мѣрахъ, которыя были приняты въ Спартѣ съ цѣлью предупредить или подавить всякій зародышъ демократическихъ стремленій у себя дома. Именно къ эпохѣ древней греческой тираніи, къ началу VI вѣка, относится второй періодъ въ законодательствѣ спартанскомъ, обозначаемый именемъ Хилона: именно Хилону должно принадлежать то, что̀ не можетъ принадлежать Ликургу, что̀

[1]) Aristot., Polit., V (VIII), 9 (11), 1. (Becker, II, p. 1313, Didot, 584) Plut., Lycurg., 7.

приписано Ликургу древностію только потому, что составляло продолженіе и развитіе началъ, имъ положенныхъ [1]). Въ отпоръ демократическому движенію и въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ союзъ монархіи съ интересами подавленнаго и униженнаго населенія (періэковъ), спартанская аристократія около 580 года подвергаетъ царскую власть дальнѣйшему ограниченію, самому бдительному надзору со стороны ефоровъ, и старается какъ можно болѣе порвать связи монархіи съ сословіемъ періэковъ. Съ другой стороны, замѣтно, что въ то же время возстановляются и подкрѣпляются прежнія постановленія, имѣющія цѣлью сохранить неприкосновеннымъ аристократическій строй жизни. Поземельное имущество, которое принадлежитъ господствующему классу, должно неизмѣнно переходить изъ рода въ родъ, на подобіе майоратовъ; продавать его или покупать запрещается закономъ. Воспрещено также давать приданое дочерямъ. Въ случаѣ, если не будетъ наслѣдниковъ мужскаго пола, и слѣдовательно, имѣніе будетъ доставаться дочери, она обязана выйдти за мужъ за ближайшаго родственника. Развитію торговли и промышленности поставлены неопредолимыя преграды. Сохраненіе размѣнной желѣзной монеты, послѣ того какъ въ другихъ мѣстахъ явилась золотая и серебряная, должно было служить препятствіемъ для торговыхъ оборотовъ и сдѣлокъ. Въ приморскихъ городахъ наложены высокія пошлины на привозные товары, такъ что и въ средѣ періэковъ не могла развиться большая торговля или значительное благосостояніе. Законодатель, вводившій эти мѣры, даже выражалъ желаніе, чтобъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ пунктовъ для морской торговли, островъ Киѳира (Цитера), былъ поглощенъ моремъ [2]).

Благодаря такимъ мѣрамъ въ Спарту, дѣйствительно, не успѣлъ проникнуть духъ демократическаго движенія. Попытка Павсаніи произвести революцію въ Спартѣ, съ помощью угнетеннаго класса лаконскаго населенія, не удалась вслѣдствіе бдительности ефоровъ. Спарта, повидимому, навсегда спаслась отъ дальнѣйшихъ переворотовъ, которые въ другихъ мѣстахъ слѣдовали за разложеніемъ родовой аристократіи. Въ господствующій классъ не могло проникнуть никакихъ новыхъ подвижныхъ элементовъ; политическая власть была крѣпко соединена съ неподвижнымъ землевладѣніемъ. Мы уже знаемъ, что въ

[1]) Мы слѣдуемъ въ этомъ случаѣ мнѣнію Дункера (IV, 355 и далѣе), у котораго можно найдти и всѣ цитаты, доказывающія существованіе учрежденій, о которыхъ мы говоримъ здѣсь ниже.

[2]) Her., VII, 235; Dunker, IV, стр. 364, примѣч.

остальныхъ греческихъ республикахъ демократическое общество, водворившееся на развалинахъ аристократіи, подверглось потомъ раздѣленію на двѣ враждебныя соціально-политическія партіи. Когда обѣ крайности соціальнаго неравенства, пролетаріатъ и богатство, одинаково снабженные и вооруженные государственною, политическою властію, пользовались сю только для взаимной кровавой борьбы, когда почти вся Греція истощала свои силы въ безплодныхъ переворотахъ, Спарта могла почитать себя счастливою, что осталась въ сторонѣ отъ движенія, приведшаго къ такимъ результатамъ. Съ этой точки зрѣнія самые умные писатели древности, даже расположенные къ умѣренной демократіи, ставятъ очень высоко спартанское устройство. Сохраненіе соціальнаго равенства въ политическомъ классѣ, и вслѣдствіе того, согласіе гражданъ между собою, отсутствіе борьбы между богатыми и бѣдными, — вотъ главныя достоинства, которыя имѣютъ цѣну для мыслителей, измученныхъ зрѣлищемъ постоянныхъ переворотовъ въ греческихъ республикахъ [1]). Но жизнь, насильственно и противоестественно лишенная всякаго внутренняго движенія, односторонне направленная на исключительное развитіе военныхъ добродѣтелей [2]), по необходимости искала себѣ выхода въ другомъ мѣстѣ, внѣ домашней сферы. Только военная гордость и слава, господство надъ сосѣдями, могли вознаградить спартанскую аристократію за то безотрадное, мрачное принужденіе, которое было на нее наложено. „Сдѣлавъ Спартанцевъ умѣренными и скромными въ домашней жизни и въ отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ страны, Ликургъ пробудилъ въ нихъ тѣмъ большее честолюбіе, властолюбіе и корыстолюбіе въ отношеніи къ другимъ Грекамъ“ [3]). Они первые устремились къ завоеванію и порабощенію другихъ областей Еллады [4]). Намъ извѣстно, какое громадное зло всему греческому міру Спарта сдѣлала своимъ стремленіемъ господствовать въ Греціи, между тѣмъ какъ у нея не было на это ни достаточныхъ средствъ, ни особеннаго внутренняго права. Помимо того, политическое господство Спартанцевъ въ Греціи необходимо должно было подѣйствовать разрушин-

---

[1]) Polyb , VI, 46, 7 и 8, 48, 3. Isocrat Panathen., § 259 (Orat. Attici, Becker, t. II, p. 323): Ἐν δὲ τῇ Σπαρτιατῶν οὐδεὶς ἂν ἐπιδέξειεν οὔτε στασιν . οὐδὲ χρεῶν ἀποκοπὰς, οὐδὲ γῆς ἀναδασμόν οὐδ' ἀλλ 'οὐδὲν τῶν ἀνηκέστων κακῶν.

[2]) Аристотель (II, 6 (9), 22) и Платонъ (De leg , 626—638, 666 и 667) ставятъ именно эту односторонность въ упрекъ спартанскому устройству. Ср. Arist , Polit., VII (IV), 13 (14), 11.

[3]) Polyb , VI, 48, 8. Ср Thucyd , V, 105.

[4]) Polyb , VI, 49, 1.

тельнымъ образомъ и на внутреннее устройство ихъ собственнаго быта. „Когда для нихъ оказалось необходимымъ высылать флоты въ море и дѣлать походы внѣ Пелопонниса, то очевидно, ни желѣзная монета, ни мѣна ежегодныхъ произведеній почвы на прочіе предметы необходимости не могли быть достаточными“ [1]). Начало разложенія стараго спартанскаго быта, начало „порчи и болѣзни“, древніе относятъ ко времени Лисандра [2]). Онъ первый ввезъ въ Спарту большое количество серебра и золота. Не смотря на сильную оппозицію людей, стоявшихъ за желѣзную монету и понимавшихъ опасность, которою грозятъ Спартѣ благородные металлы, Лисандровы деньги были приняты въ государственную казну. Частнымъ людямъ, конечно, все-таки было запрещено имѣть серебряную или золотую монету; но на первый взглядъ очевидно, что это запрещеніе не могло имѣть вполнѣ серіознаго значенія и скоро должно было сдѣлаться мертвою буквою: изъ государственной казны деньги неизбѣжно переходили въ частныя руки. Спартанцы скоро помирились съ враждебнымъ металломъ и стали выказывать къ нему тѣмъ бо́льшую жадность, чѣмъ насильственнѣе подавлялось до сихъ поръ стремленіе къ его пріобрѣтенію. Даже лучшіе люди часто были не въ силахъ устоять предъ новымъ соблазномъ, не отступали предъ самыми низкими средствами для своего обогащенія и обкрадывали государственную казну. Примѣры Гилиппа и Ѳорака говорятъ въ этомъ отношеніи весьма краснорѣчиво [3]). Другой путь къ пріобрѣтенію богатства открылся во время Лисандра, благодаря именно господству Спарты надъ Греціей. Спартіаты охотно отправлялись въ подчиненные и обложенные большою данью города Греціи въ званіи армостовъ (спартанскихъ коммиссаровъ). Если бы даже эти люди были прежніе безсребренники, то и тогда имъ была бы нужна особенная твердость противъ неизбѣжныхъ искушеній; но теперь на такія должности смотрѣли, какъ на средство обогащенія [4]). Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ простота жизни и относительное равенство всѣхъ стали исчезать между Спартіатами. Не всѣ, конечно, могли пользоваться тѣми средствами обогащенія, которыя вновь от-

---

[1]) Polyb., VI, 49, 8.

[2]) Plut., Agis, 5.

[3]) Исторія Гилиппа извѣстна: см. Plut., Lysander, 16 и Nicias, 28; Ѳоракъ, одинъ изъ друзей Лисандра, раздѣлявшій съ нимъ военную команду (τῶν φίλων αὐτοῦ καὶ συστρατήγων) былъ уличенъ въ незаконномъ владѣніи деньгами и казненъ. Plut., Lysand., 19.

[4]) Xenoph., De republica Laced., 14.

крылись, только болѣе предпріимчивые, болѣе близкіе къ правительству люди получали прибыльныя мѣста въ союзныхъ областяхъ; только тѣ, кто достигалъ высшихъ должностей, обогащались на счетъ государственной казны. Но чѣмъ болѣе одни обогащались, тѣмъ болѣе другіе бѣднѣли—уже по тому одному, что съ умноженіемъ и распространеніемъ денегъ, естественно, должны были подняться цѣны на всѣ жизненныя потребности. Богатыя фамиліи отдѣлялись потомъ отъ остальной массы, а высшія должности и выгодныя мѣста дѣлались какъ бы наслѣдственными въ немногихъ знатныхъ и богатыхъ фамиліяхъ; Спарта была на пути къ господству богатой олигархіи. Въ самомъ образѣ жизни Спартанцевъ должна была произойдти соотвѣтственная перемѣна. Вмѣстѣ съ богатствомъ являлись и новыя потребности; строгія предписанія Ликурговой дисциплины становились тяжелыми и невыносимыми для людей, познакомившихся съ болѣе широкою и болѣе свободною жизнью за предѣлами своего отечества.

Такъ объясняется, на основаніи прямыхъ указаній самихъ источниковъ, паденіе Спарты. Очевидно однако, что объясненіе это неполно и неудовлетворительно. Оно предполагаетъ, что оставаясь совершенно изолированною, не внося и не ввозя ничего чужаго, Спарта могла бы избѣгнуть всякихъ внутреннихъ измѣненій, которыя неизбѣжны хотя бы даже вслѣдствіе одного движенія въ увеличеніи или уменьшеніи населенія. Оно имѣетъ въ виду только старую Ликурговскую Спарту и предполагаетъ, что всякое измѣненіе въ ея суровыхъ и односторонніхъ порядкахъ есть непремѣнно паденіе государства. Но богатство, дѣйствуя разлагающимъ образомъ на древній спартанскій бытъ, могло бы послужить также и элементомъ прогресса; паденіе старой жестокой дисциплины могло бы не быть паденіемъ государства, если бы въ Спартѣ принимались какія-либо мѣры и реформы, соотвѣтствовавшія измѣнившимся условіямъ и потребностямъ жизни. Къ несчастію, на самомъ дѣлѣ было не такъ. Спарта упорно хранила отжившія формы, когда содержаніе давно уже оставило ихъ. Основная причина „болѣзни“ и паденія Спартанскаго государства лежитъ такимъ образомъ гораздо глубже, чѣмъ кажется Плутарху, и не столько въ гибельномъ вліяніи богатства и движимыхъ капиталовъ, сколько въ той неподвижности, съ которою спартанская аристократія держалась порядковъ, освященныхъ именемъ Ликурга. Въ противность мнѣнію Плутарха можно сказать, что не измѣна законамъ Ликурга, а упорное храненіе ихъ было причиною паденія Спарты.

Нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ томъ, что спартан-

ское законодательство не допускало дѣлимости поземельныхъ участковъ между наслѣдниками. Возраженія Грота не имѣютъ на этотъ разъ достаточной силы [1]). Вопросъ долженъ состоять только въ томъ, всѣ ли члены извѣстной фамиліи, наслѣдовавшей участокъ отъ своихъ предковъ, имѣли всегда одинаковыя права на него, или по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, нѣкоторое преимущество давалось первородству и старшинству? Вопросъ этотъ имѣетъ первостепенную важность для спартанскаго государственнаго устройства. Извѣстно, что пользованіе гражданскими правами обусловливалось для Спартіата опредѣленнымъ взносомъ извѣстнаго количества продуктовъ и денегъ отъ каждаго отдѣльнаго лица въ ту или другую изъ военно-экономическихъ корпорацій (фидитій) [2]). Что же должно было послѣдовать въ томъ случаѣ, когда, по причинѣ размноженія рода, наслѣдственный участокъ оказывался недостаточнымъ и не могъ давать дохода, необходимаго для поддержанія гражданскаго положенія всѣхъ членовъ рода? Одно изъ двухъ: или весь родъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ гражданскихъ правъ, не имѣя возможности нести соединенныя съ ними обязанности, или исключеніе падало только на новыхъ излишнихъ членовъ, на младшихъ сыновей. По всей вѣроятности, могло быть и то, и другое; точныхъ законныхъ опредѣленій намъ неизвѣстно, и можетъ-быть, ихъ совсѣмъ не было въ странѣ неписанныхъ законовъ. Очевидно однако, что въ томъ и другомъ случаѣ слѣдствія должны были обнаружиться почти одинаковыя. Ликурговскій порядокъ, устанавливавшій нераздѣльность поземельныхъ участковъ въ родѣ, могъ допустить увеличеніе и размноженіе числа *гражданъ* только до извѣстнаго предѣла, за которымъ должно было послѣдовать неподвижное положеніе, а потомъ необходимое уменьшеніе этой численности. Гдѣ была та Индія, сокровища которой могли бы послужить въ пользу младшихъ членовъ аристократическаго сословія? Гдѣ была та другая Мессинія, въ которой можно было бы еще разъ найдти „не-

[1]) Не останавливаемся на намекахъ Плутарха, который говоритъ, что отецъ передалъ *сыну* свой участокъ—πατρὸς παιδὶ τὸν κλῆρον ἀπολείποντος (Ag., 5): весь духъ спартанскаго законодательства требуетъ неподвижности землевладѣнія. Если бы земля могла дѣлиться и раздробляться на мелкіе участки, то зачѣмъ бы запрещать ея продажу? Ираклидъ Понтійскій (De rebus publicis, Fr. Hist. Graec., II, 219) говоритъ, что и въ его время положительно было запрещено продавать что-нибудь изъ стариннаго участка (τῆς ἀρχαίας μοίρας). О какихъ старинныхъ участкахъ могла бы идти рѣчь, если бы съ самаго начала допущено было свободное движеніе поземельнаго владѣнія?

[2]) Ἕκαστον δεῖ φέρειν. Arist., Polit., II, 6, 21; ср. 7, 4.

раздѣленную землю"? Въ первоначальныя времена, въ эпоху завоеваній, государство могло еще помогать дѣлу образованіемъ новыхъ поземельныхъ участковъ. Но когда эта возможность прекратилась то, не должно ли было вмѣстѣ съ тѣмъ прекратиться и дальнѣйшее движеніе въ размноженіи господствующаго, политическаго населенія Спарты? Вполнѣ основательныя соображенія приводятъ къ убѣжденію, что такъ было на самомъ дѣлѣ. Послѣднія завоеванія Спарты, сопровождавшіяся увеличеніемъ территоріи, суть завоеваніе въ Аркадіи, по верховьямъ Еврота, областей Вельмины и Малеотиды и завоеваніе Кинуріи и Ѳиреатиды на сѣверо-восточной границѣ къ Арголидѣ: то и другое за семьдесятъ лѣтъ до начала Персидскихъ войнъ [1]). Соотвѣтственно этому, около времени Персидскихъ войнъ число Спартіатовъ было болѣе, чѣмъ когда-либо. Потомъ оно начинаетъ замѣтно уменьшаться, — когда Спарта перестала дѣлать новыя завоеванія; оставаться въ неподвижномъ состояніи, какъ извѣстно, народонаселеніе не можетъ. Притокъ движимыхъ капиталовъ во время Лисандра и возможность обогащенія для даровитыхъ, но несостоятельныхъ членовъ той или другой фамиліи могли бы оказаться полезнымъ дѣломъ и для экономическаго, и для политическаго быта Спарты, если бы капиталы могли быть къ чему-нибудь приложены. Но спартанская аристократія презирала всякій промышленный трудъ — и мелкую, и крупную промышленность одинаково [2]). Поземельное имущество также оставалось недоступнымъ для капиталовъ; человѣкъ, пріобрѣвшій ихъ, не имѣлъ возможности основать новое и прочное хозяйство, которое обезпечивало бы за его потомствомъ пользованіе гражданскими правами, и слѣдовательно, поддерживало бы численную силу политическаго сословія.

Древность завѣщала намъ очень мало статистическихъ данныхъ, которыми такъ дорожитъ современная наука. Но при внимательномъ изслѣдованіи все-таки можно отыскать нѣсколько довольно опредѣленныхъ цифръ, ясно доказывающихъ, что спартанская аристократія со времени Персидскихъ войнъ была подвержена положительному и постоянному процессу вымиранія. Самое большое количество аристократіи, которое мы знаемъ, принадлежитъ, какъ сказано, ко времени Пер-

[1]) Duncker, IV, 415, 419 и слѣд.

[2]) Въ другихъ греческихъ государствахъ если не мелкая промышленность (καπηλεία), то по крайней мѣрѣ крупная (ἐμπορία) считалась занятіемъ, вовсе не унижающимъ свободнаго человѣка. Въ Спартѣ же ὁ Λυκοῦργος τοῖς ἐλευθέροις τῶν μὲν ἁφὴ χρηματισμοῦ ὑπεῖπε μηδενὸς ὄπτεσθαι Xenoph., de erpubl. Lacedaem., 7, 2.

сидскихъ войнъ. Полноправное населеніе Спартано-Лаконскаго государства простиралось тогда за 8.000, и можетъ-быть, до 10.000 взрослыхъ гражданъ мужескаго пола, слѣдовательно, всего отъ 30.000 до 40 000 [1]). Преданіе, указывающее на 9.000 фамильныхъ участковъ, очевидно, не очень далеко отъ этой цифры, и быть-можетъ, основано на ней. Въ сраженіи при Платэѣ (въ 479-мъ году) участвовало 5.000 Спартіатовъ, такъ какъ здѣсь были не всѣ способные носить оружіе [2]), то это число можетъ считаться вполнѣ согласнымъ съ показаніемъ Димарата о 8 000.

Если въ 479-мъ году пять тысячъ далеко не составляли всей совокупности населенія, способнаго носить оружіе, то въ 418-мъ году можно будетъ насчитать эти пять тысячъ лишь съ большимъ трудомъ, лишь принимая въ разчетъ и младшій и старшій возрасты, которые не были въ сраженіи подъ Платэей. Въ названномъ году Спартанцы должны были спасать союзный имъ городъ Тегею. Торопясь подать необходимую помощь, Спартанцы вышли πανδημεί, то-есть, поголовнымъ ополченіемъ, и уже потомъ отослали назадъ шестую часть вооруженныхъ, состоявшую изъ лицъ старшаго и младшаго возраста. Послѣ того, по разчету, для котораго самыя очевидныя данныя находятся у Ѳукидида, въ спартанскомъ пѣхотномъ строѣ оказывается 3.584 человѣка; слѣдовательно, на этомъ основаніи можно считать всего войска, то-есть, всѣхъ способныхъ носить оружіе отъ двадцати-

---

[1]) Herodot., VII, 234. Ксеркесъ послѣ сраженія при Ѳермопилахъ обратился къ изгнанному царю Спартанскому Димарату съ просьбою объяснить ему, Ксеркесу, сколько приблизительно (ὁσοί τινες) остальныхъ Лакедемонянъ, сколько изъ нихъ такихъ же храбрыхъ на войнѣ (какъ воины Леонида), и сколько всѣхъ. Димаратъ отвѣчалъ, что число всѣхъ Лакедемонянъ велико, и городовъ у нихъ много, но есть въ Лакедемонѣ городъ Спарта, который имѣетъ 8.000 мужей приблизительно, и всѣ они подобны (ὁμοῖοι) сражавшимся здѣсь Подъ Лакедемонянами разумѣются періэки, а восемь тысячъ суть очевидно Спартіаты. Аристотель (Polit, II, 6 (9), 12) замѣчаетъ. «Говорятъ, было нѣкогда Спартіатовъ и до 10.000», и тутъ же изъявляетъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности такого преданія· Καὶ φασιν εἶναί ποτε τοὶς Σπαρτιάτας καὶ ῥυρίους. Οὐ μὴν ἀλλ' εἰτ' ἐστὶν ἀληθὴ εἴτε ῥὴ и т д. Въ свое время Аристотель имѣлъ полное право сомнѣваться въ томъ, чтобы когда-нибудь въ Спартѣ было 10 000 гражданъ; но тотъ писатель, у котораго Аристотель нашелъ это извѣстіе, говорилъ, безъ сомнѣнія, о времени или предъ Персидскими войнами, или о времени самыхъ Персидскихъ войнъ. Въ такомъ случаѣ въ цифрѣ не было ничего особенно невѣроятнаго, и ее нужно было взять въ разчетъ.

[2]) Вѣстникъ, посланный изъ Аргоса къ Мардонію, говоритъ, что изъ Спарты вышло только юношество: ἐκ Λακεδαίμονος ’ἐξελήλυθε ἡ νεότης Her., IX, 12; слѣдовательно, τὸ πρεσβύτερον καὶ νεώτερον осталось дома.

лѣтняго возраста до шестидесятилѣтняго, 4.300 человѣкъ. Ихъ было больше, потому что кромѣ пѣхотнаго строя (οἱ ἐν τοῖς Δόχοις ὁπλῖται) и внѣ обычнаго счета находились еще другіе роды вооруженія, хотя въ самомъ ограниченномъ составѣ. Если взять во вниманіе конниковъ и царскихъ тѣлохранителей, составлявшихъ отдѣльные отряды, то и тогда цифра будетъ никакъ не болѣе пяти тысячъ [1]). Самое вѣроятное число не превыситъ 4.800 человѣкъ.

---

[1]) Thucyd , V, 64 Βοήθεια τῶν Λακεδαιμονίων γίγνεται αὐτῶν τε καὶ τῶν εἱλώτων πανδημεὶ ὀξεῖα καὶ οἷα οὔπω πρότερον. Отфр. Миллеръ, на котораго Поппо ссылается въ своемъ изданіи Ѳукидида, вполнѣ справедливо замѣтилъ, что подъ Лакедемонянами разумѣются одни Спартіаты. Поспѣшность не позволила собрать периковъ Слова οἷα οὔπω πρότερον — какой прежде не бывало — имѣютъ, безъ сомнѣнія, въ виду численность военной силы, отправившейся на помощь къ Тегеѣ, и въ такомъ случаѣ никакъ не допускаютъ присутствія периковъ въ пополовномъ ополченіи, потому что съ періэками всегда и легко могло составиться пять тысячъ, которыя послѣ окажутся Ѳукидидъ, продолжая свой разказъ, прибавляетъ, что Спартанцы отослали назадъ шестую часть, которая заключала въ себѣ старшій и младшій возрасты, подлежащіе военной повинности, это сдѣлано было для того, чтобы посланные назадъ могли содержать стражу дома. τὸ ἑκτὸν μέρος σφῶν αὐτῶν ἀποπέμψαντες, ἐν ᾧ τὸ πρεσβύτερόν τε καὶ νεώτερον ἦν, ὥστε τὰ οἴκοι φρουρεῖν, слѣдовательно, въ Спартѣ первоначально почти никого не осталось, кромѣ стариковъ выше шестидесятилѣтняго возраста и молодыхъ людей, еще не обязанныхъ военною службой, то-есть, ниже двадцатилѣтняго возраста Сколько же было всѣхъ Спартіатовъ между этими двумя границами? Въ 68-й главѣ, упомянувъ о трудности получить точныя свѣдѣнія о числѣ спартанскаго войска, вслѣдствіе привычки Спартанцевъ держать въ тайнѣ дѣла своего гос-у дарства, Ѳукидидъ представляетъ свой разчетъ (λογισμὸς), который потому именно и былъ умѣстенъ, что на этотъ разъ были на лицо почти всѣ Спартіаты. Разчетъ этотъ основанъ на числѣ полковъ, λόχοι, и на томъ порядкѣ, въ которомъ они были построены для боя. Полковъ было *семь;* каждый полкъ, λόχος, состоялъ изъ четырехъ полусотень (πεντεκοστύες), а каждая полусотня — изъ четырехъ еномотій (ἐνωμοτίαι). Войско было построено такимъ образомъ: всѣ 112 еномотій стояли рядомъ, и фронтъ каждой изъ нихъ состоялъ изъ 4-хъ человѣкъ, такъ что общій фронтъ или вся первая шеренга представляла 448 человѣкъ (112 × 4); глубина строя была въ 8 человѣкъ, то-есть, столько же было всѣхъ шеренгъ (κατέστησαν ἐπὶ ὀκτώ), слѣдовательно, всего въ строѣ было 3.584 человѣка (448 × 8). Отсюда же видно, что каждая еномотія имѣла 32 человѣка, такъ-называемая полусотня 128, каждый полкъ 512 человѣкъ, и слѣдовательно, семь полковъ 3 584 человѣка. Эти 3.584 человѣка составляютъ пять шестыхъ всего числа Спартіатовъ, которые вышли первоначально; принявъ въ разчетъ одну шестую, отправленную домой, мы будемъ имѣть 4 300 Спартіатовъ отъ двадцатилѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста. Нужно однако имѣть въ виду, что это только пѣшее войско: изъ 67-й главы видно, что была въ походѣ и конница; тамъ сказано: на правомъ крылѣ стояли Тегеаты, а на его оконечности немногіе *Лакедемоняне*, и наконецъ, конница ихъ на томъ и другомъ крылѣ: καὶ

Всѣ признаки указываютъ на то, что ко времени Ѳиванскихъ войнъ численность сословія Спартіатовъ упала еще ниже. Ксенофонтъ въ сочиненіи, писанномъ послѣ сраженія при Левктрахъ, называетъ Спарту однимъ изъ малолюднѣйшихъ городовъ Греціи [1]). Въ самомъ сраженіи, по его показанію, участвовало только семьсотъ Спартіатовъ [2]); когда изъ нихъ было убито 400, то эта потеря была такимъ чувствительнымъ ударомъ для Спарты, что государство никогда не могло вполнѣ оправиться послѣ него [3]). При нашествіи Епаминонда на Лаконику оказалось необходимымъ вооружать для защиты города илотовъ; Спартіаты были „такъ малочисленны“ [4]), что шеститысячное число вооруженныхъ рабовъ казалось имъ потомъ страшною опасно-

---

οἱ ἱππῆς αὐτῶν ἐφ' ἑκατέρῳ τῷ κέρᾳ. Положимъ, что подъ αὐτῶν здѣсь разумѣются только Лакедемоняне безъ Тегеатовъ; все-таки общее число Спартіатовъ немного увеличится. Конница спартанская была весьма немногочисленна; до Пелопоннисской войны ея почти не существовало; только въ самое опасное время, когда, послѣ взятія Аѳинянами Пилоса и Киѳиры, Спарта боялась возстанія со стороны илотовъ, было вооружено 400 конниковъ, и то противъ обыкновенія: παρὰ τὸ εἰωθός (Thucyd., IV, 55). Едва-ли можно принимать въ настоящемъ случаѣ болѣе 200 конныхъ Спартіатовъ, тѣмъ болѣе, что конную службу могли нести и периэки. Наконецъ, нужно прибавить упоминаемыхъ въ 72-й главѣ (V книги Ѳукидида) «такъ-называемыхъ всадниковъ»: οἱ τριακόσιοι (οἱ) ἱππῆς καλούμενοι. Это была отборная царская гвардія, дѣйствительно состоявшая изъ 300 молодыхъ Спартіатовъ, но вовсе не составлявшая на самомъ дѣлѣ конницы. Въ сраженіи при Мантинеѣ они съ царемъ Агисомъ стояли въ центрѣ, и слѣдовательно, сражались пѣшкомъ, точно такъ какъ это было и въ другихъ случаяхъ (Herod., VI, 56, VII, 205, VIII, 124). Предполагая, что въ конницѣ и царской гвардіи не могло быть ни стариковъ, ни дѣтей (ниже 20 лѣтъ), и что, слѣдовательно, эти два рода войска участвовали въ сраженіи съ тѣмъ же составомъ, съ какимъ первоначально вышли, мы должны просто приложить ихъ количество къ 4 300 человѣкъ, служившихъ въ пѣхотѣ. Мы будемъ тогда имѣть 4.800 человѣкъ; если даже въ дѣйствительной конницѣ вмѣсто 200 лошадей мы будемъ полагать почти невѣроятное число 400, и тогда всѣхъ Спартіатовъ зрѣлаго возраста мы насчитаемъ только 5.000 человѣкъ.

[1]) De republica Lacedaemoniorum въ началѣ: Σπάρτη τῶν ὀλιγανθρωποτάτων πόλεων οὖσα.

[2]) Xenoph., Hellen., VI, 4, 15: Σπαρτιατῶν, ὄντων τῶν ἐκεῖ ὡς ἑπτακοσίων.

[3]) Aristot., Polit., II, 6 (9) 12: μίαν γὰρ πληγὴν οὐχ ὑπήνεγκεν ἡ πόλις, ἀλλ' ἀπώλετο διὰ τὴν ὀλιγανθρωπίαν. Бо́льшая часть комментаторовъ относятъ это къ сраженію при Левктрахъ; только Клинтонъ хочетъ здѣсь разумѣть пораженіе царя Агиса Антипатромъ; но послѣднее событіе имѣетъ гораздо менѣе рѣшительное значеніе для Спарты, чѣмъ первое.

[4]) Xenoph., Hellen., VI, 5, 28 и 29 Οἱ Σπαρτιᾶται... μάλα ὀλίγοι καὶ ὄντες καὶ φαινόμενοι.

стію [1]). Опасенія были вполнѣ основательны, потому что все число настоящихъ Спартіатовъ въ это время едва-ли доходило до двухъ тысячъ съ половиною. На основаніи военнаго устройства, описываемаго Ксенофонтомъ, населеніе, обязанное военною службою (отъ 20 до 60 лѣтъ), должно быть считаемо въ 2.400 человѣкъ [2]). Такъ было около 370 года до Р. Х. Съ тѣхъ поръ прошло не болѣе сорока-пяти лѣтъ, и число Спартіатовъ сократилось болѣе чѣмъ на половину. Во время Аристотеля, по свидѣтельству самого философа, ихъ едва можно было насчитать тысячу человѣкъ [3]).

Остановимся пока на этихъ цифрахъ и поищемъ ихъ ближайшаго объясненія. Быстрое уменьшеніе численности господствующаго класса въ Спартано-Лаконскомъ государствѣ всего проще и ближе могло бы быть объяснено постоянными войнами, которыя вела Спарта въ Европѣ и въ Азіи. За Пелопоннискою войною послѣдовали походы въ Азію, война Коринѳская и Ѳиванская. Но политическая экономія и статистика могутъ намъ при этомъ напомнить, что на уменьшеніе народонаселенія дѣйствуютъ не всѣ войны, а только тѣ изъ нихъ, которыя сопровождаются разрушеніемъ и уменьшеніемъ средствъ пропитанія [4]). О войнахъ, которыя вела Спарта, мы должны сказать, что бо̀льшая часть ихъ не касалась спартанской территоріи, не касалась ея полей, въ которыхъ находился главный и почти единственный источникъ пропитанія для всего ея населенія. Слѣдовательно, война не должна была оказывать ощутительнаго вліянія на уменьшеніе лаконскаго населенія. Она и въ самомъ дѣлѣ не оказывала его. Уменьшалось не населеніе Спартано-Лаконскихъ земель вообще, а только аристократическое сословіе Спартіатовъ [5]). Очень естественно, что причина,— дѣйствія которой среди обширной сферы уравновѣшиваются, принимаютъ лучшій оборотъ и совершенно исчезаютъ,—сохраняетъ свое влія-

---

[1]) Ὥστε φόβον οὗτοι παρεῖχον συντεταγμένοι καὶ λίαν ἐδόκουν πολλοὶ εἶναι; см ibid.

[2]) Schömann, Gr. Alterth., I, 290. Довольно сложный рядъ соображеній, посредствомъ котораго знаменитый ученый приходитъ къ этой цифрѣ, мы не считаемъ необходимымъ повторять.

[3]) Arist., Polit., II, 6 (9), 11. Οὐδὲ χίλιοι τὸ πλῆθος ἦσαν.

[4]) Указываемъ на два наглядные примѣра, которые обыкновенно приводятся въ доказательство этой истины. Народонаселеніе Англіи возрасло въ продолженіе революціонныхъ войнъ (1790—1821) съ 8 540.000 до 12.000.000. Во Франціи въ 1791-мъ году было 26 363.000, въ 1817-мъ году 29.217.000.

[5]) Такое замѣчаніе сдѣлалъ еще Клинтонъ въ своей статьѣ о количествѣ населенія въ Греціи (de magnitudine Graeciæ): см. Clinton-Kruger, Fasti Hellenici, стр. 422; на періэкахъ мы найдемъ подтвержденіе этому.

ніе на кругъ болѣе ограниченный и тѣсный. Послѣ пораженія, подобнаго Левктрскому, послѣ такихъ потерь, какъ уничтоженіе цѣлаго военнаго отряда въ 4.000 человѣкъ [1]), всякій разъ должна была оказываться очень чувствительная убыль въ сословіи Спартіатовъ. Убыль эта была совершенно невознаградима и безвозвратна по отношенію къ тѣмъ изъ погибшихъ людей, которые не оставили дома прямыхъ наслѣдниковъ своего участка. Ихъ имѣніе доставалось побочнымъ родственникамъ, часто имѣвшимъ уже свой участокъ, и переставало быть отдѣльнымъ родовымъ имѣніемъ, поддерживающимъ и обусловливающимъ существованіе отдѣльной фамиліи. Спартанская аристократія, проникнутая духомъ исключительности, не хотѣла прибѣгать къ тому средству для восполненія убыли, которое употреблялось при господствѣ царской власти [2]); она была такъ горда, что не хотѣла допустить въ свою среду лицо не-дорійскаго происхожденія, хотя бы и оказавшее большія услуги отечеству. Спартанское правительство думало, повидимому, остановить исчезновеніе дорійской крови простою бережливостію, отправляя въ походы, особенно отдаленные, какъ можно меньшее количество гражданъ [3]).

Такимъ образомъ война въ соединеніи съ условіями спартанскаго землевладѣнія, безъ сомнѣнія, могла имѣть вліяніе на убыль политическаго сословія въ государствѣ. Но вглядываясь внимательнѣе въ вышеприведенныя цифры, мы замѣчаемъ поразительное постоянство и правильность въ ходѣ разрушительнаго процесса. Вымираніе спартанской аристократіи не только не останавливается въ сравнительно мирный промежутокъ времени отъ Ѳиванской войны до смерти Аристотеля, но совершается какъ будто по какому-то закону, въ извѣстной опредѣленной пропорціи. Приблизительно пятидесятилѣтній періодъ оказывается какъ бы нормальнымъ срокомъ, въ продолженіе ко-

---

[1]) Xenoph , Hellen., IV, 5, 17: уничтоженіе Амиклэйской моры.

[2]) Arist., Polit., II, 7 (9), 12: Λέγουσι δ' ὡς 'επὶ μὲν τῶν προτέρων βασιλέων μετεδίδοσαν τῆς πολιτείας, ὥστ' οὐ γίνεσθαι τότε ὀλιγανθρωπίαν πολεμούντων πολὺν χρόνον. Уже во время Персидскихъ войнъ Спартанцы съ большою неохотою приняли въ число своихъ полноправныхъ гражданъ прорицателя Тизамена и его брата, хотя отъ Тизамена зависѣлъ для Спарты исходъ Платэйскаго сраженія. См. Herod , IX, 33, 35. Иродотъ прямо говоритъ, что это единственный примѣръ· μούνοι δὲ πάντων 'ανθρώπων 'εγένοντο οὗτοι Σπαρτιήτησι πολιῆται.

[3]) Вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ отправленіи войска въ Азію или другія отдаленныя мѣста, являются въ большей, чѣмъ обыкновенно, пропорціи періэки и неодамоды (вольноотпущенные илоты) См Xenoph., Hellen , III, 1, 4, 4, 2; V, 3, 9. Ср Clinton-Kruger, Fl Hell , p. 415.

тораго число Спартіатовъ уменьшается вдвое. Если брать вездѣ самыя высокія цифры, то мы должны будемъ предполагать 10.000 взрослыхъ гражданъ около 480 года, а чрезъ шестьдесятъ лѣтъ будемъ имѣть ихъ только 5.000; еще чрезъ сорокъ семь лѣтъ ихъ уже оказывается 2.400; а спустя еще сорокъ-пять лѣтъ, это число понижается уже до 1.000 [1]). Постоянство и правильность явленія заставляетъ предположить постоянную и правильную причину, какою, конечно, не можетъ быть одна война съ ея потерями. Нужно думать, что тутъ дѣйствовали тѣ общія причины, которыми вообще объясняется вымираніе аристократическихъ сословій. При устройствѣ спартанскаго землевладѣнія на началахъ неотчуждаемости и недѣлимости участковъ, младшіе братья, какъ можно догадываться, не имѣли здѣсь возможности жениться и обзаводиться новымъ хозяйствомъ такъ же часто, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ. Интересное замѣчаніе Поливія, что въ Спартѣ три или четыре брата часто имѣли одну жену [2]), должно быть принимаемо за положительное и несомнѣнное указаніе на этотъ фактъ, существованіе котораго впрочемъ слѣдовало бы подозрѣвать и безъ прямаго свидѣтельства. Имѣть жену значило въ Спартѣ имѣть свой очагъ и отдѣльное хозяйство [3]), невозможность раздѣла и ограниченность землевладѣнія часто приводили къ тому, что ни одинъ изъ братьевъ, кромѣ, разумѣется, старшаго, не могъ позволить себѣ брака, и всѣ они принуждены были ограничиваться однимъ очагомъ, однимъ хозяйствомъ и одною женой-хозяйкой [4]). Отсюда легко понять далѣе, какую тягость должно было составлять многочисленное семейство для

---

[1]) Подобнаго рода изумительная постепенность уменьшенія населенія замѣчена Сисмонди въ городскихъ республикахъ средневѣковой Италіи. Въ XIII вѣкѣ въ Италіи гражданъ было 1.800.000, въ XIV вѣкѣ 180.000, въ XV вѣкѣ только 18.000. Michelet, Renaissance, стр. 203 — 204, на основаніи Сисмонди.

[2]) Polyb., XII, 6, 8 (стр. 508, Didot): Παρὰ τοῖς Λακεδαιμονίοις καὶ πάτριον ἦν καὶ συνῆθες τρεῖς ἄνδρας ἔχειν τὴν γυναῖκα καὶ τέτταρας, ποτὲ δὲ καὶ πλείους ἀδελφοὺς ὄντας, καὶ τέκνα τούτων εἶναι κοινά.

[3]) О царѣ Анаксандридѣ Иродотъ (V, 40) говоритъ: Γυναῖκας ἔχων δύο διξὰς ἱστίας οἴκεε, ποιεῶν οὐδαμῶς Σπαρτιητικά. Ср. VI, 86 и I, 176, откуда видно, что ἱστία значитъ *домъ, хозяйство, фамилія*. Ср. Xenoph., de republica Lacedaem., I, 9.

[4]) Такъ понималъ извѣстіе Поливія Отфр. Мюллеръ; Гротъ возстаетъ противъ такого пониманія, но мѣсто, которое онъ приводитъ въ пользу своего буквальнаго объясненія (Plut., Solon, 20) вовсе сюда не идетъ. Намъ вообще кажется, что Гротъ въ своей главѣ о Ликургѣ во многихъ пунктахъ не правъ, хотя мы принимаемъ главный результатъ его изслѣдованія — недостовѣрность извѣстій объ аграрномъ законодательствѣ Ликурга и стараемся ниже подкрѣпить его новыми соображеніями.

дѣйствительнаго владѣльца поземельнаго участка, былъ ли это отецъ или старшій братъ. Естественно предполагать поэтому въ спартанскихъ „домахъ“ желаніе сохранить и поддержать свое гражданское положеніе, боязнь бѣдности и боязнь многочисленнаго семейства. Дѣйствительно, говорятъ, самъ Ликургъ совѣтовалъ своимъ согражданамъ нѣчто въ родѣ нравственнаго воздержанія (contrainte morale), совѣтовалъ оставлять не болѣе одного наслѣдника [1]). Когда вслѣдствіе вторженія денежныхъ капиталовъ въ простое и грубое хозяйство Спартіатовъ, суровая простота и одинаковость въ образѣ жизни стали исчезать между ними, спартанская аристократія тѣмъ съ большею необходимостію должна была прійдти къ тому самовоздержанію, которое ставится обыкновенно въ похвалу другимъ однороднымъ съ нею сословіямъ. Не даромъ въ законодательствѣ появилась статья, обѣщающая особыя привилегіи тому, кто будетъ имѣть только трехъ или четырехъ сыновей [2]).

Итакъ, рѣдкіе браки младшихъ сыновей фамиліи и аристократическое самовоздержаніе, то-есть, причины, которыми объясняется вымираніе всѣхъ привилегированныхъ замкнутыхъ сословій, дѣйствовали и въ сферѣ спартанской не менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой. Гораздо сильнѣе и больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, должна была дѣйствовать въ Спартѣ третья причина, имѣющая также общій характеръ, именно, ограниченность круга, среди котораго заключаются брачные союзы въ аристократическихъ сословіяхъ, ведущая, по законамъ чисто физіологическимъ, къ меньшей производительности браковъ. Потеря и ослабленіе энергіи даже въ другихъ греческихъ общинахъ, менѣе исключительныхъ, чѣмъ Спарта, находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что браки заключались здѣсь между сыновьями и

---

[1]) Это говоритъ Плутархъ въ одномъ изъ своихъ мелкихъ сочиненій: ὑπομνήματα εἰς Ἡσίοδον (Fragm., vol. V, edit. Wittenbach, p. 777); мѣсто приведено у Грота, откуда мы и заимствуемъ цитату. Намъ кажется, что намекъ на то же самое обстоятельство есть и у Ксенофонта, см. De republ. Lacedaem., въ концѣ первой главы.

[2]) Aristot., Polit, II, 6, 13: Βουλόμενος γὰρ ὁ νομοθέτης ὡς πλείστους εἶναι τοὺς Σπαρτιάτας, προάγεται τοὺς πολίτας ὅτι πλείστους ποεῖσθαι παῖδας. Ἔστι γὰρ αὐτοῖς νόμος τὸν μεν γεννήσαντα τρεῖς υἱοὺς ἄφρουρον εἶναι, τὸν δὲ τέτταρας ἀτελῆ πάντων. Здѣсь нужно замѣтить, что изданіе закона, освобождающаго отъ военной службы того, кто имѣетъ трехъ сыновей, и отъ всѣхъ общественныхъ повинностей того, кто имѣетъ четырехъ, можетъ относиться только ко времени упадка. Прежде было скорѣе на оборотъ. Съ Леонидомъ были посланы только такіе граждане, которые уже имѣли дѣтей. См. Her., VII, 205.

дочерьми ограниченнаго числа родственныхъ фамилій [1]). Въ Спартѣ, гдѣ кругъ былъ еще тѣснѣе, дѣйствіе закона, который въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто, должно было обнаруживаться тѣмъ съ большею силою. Гражданское законодательство относительно женскаго наслѣдованія своими постановленіями не столько противодѣйствовало, сколько помогало въ этомъ случаѣ дѣйствію физическаго закона. Съ древняго времени въ Спартѣ существовали правила, ограничивающія произволъ родныхъ при выдачѣ за мужъ дочери-наслѣдницы (ἡ ἐπίκληρος). Самъ царь вмѣшивался въ дѣло въ случаѣ спора родственниковъ о томъ, кто изъ нихъ имѣетъ право на руку, и слѣдовательно, на наслѣдственный участокъ невѣсты [2]). Имѣлъ право, и получалъ его, безъ сомнѣнія, тотъ изъ ближайшихъ родственниковъ, который самъ не былъ вполнѣ обезпеченъ, который-нибудь изъ младшихъ сыновей фамиліи. Главная цѣль закона, понятно, состояла въ сохраненіи и поддержаніи полноправнаго гражданскаго рода, владѣющаго аристократическимъ участкомъ. Въ частныхъ случаяхъ цѣль, безъ сомнѣнія, и достигалась, но въ общемъ законъ едва-ли не имѣлъ совершенно обратнаго дѣйствія. Когда случаи женскаго наслѣдованія, слѣдовательно, и браки между родственниками во время войнъ, сопровождавшихся иногда вдругъ большими потерями мужескаго населенія, стали особенно часты, то вышеуказанный физіологическій законъ пріобрѣталъ отъ этого только новую силу и противъ намѣреній политическаго законодателя содѣйствовалъ уменьшенію населенія, сокращенію общаго числа фамилій.

Рука объ руку съ вымираніемъ спартанской аристократіи шло развитіе олигархическихъ началъ. Вмѣстѣ съ сокращеніемъ числа полноправныхъ фамилій, само собою разумѣется, сокращалось и число поземельныхъ (аристократическихъ) собственниковъ, слѣдовательно, (оставшіеся) владѣтели дѣлались крупнѣе. Такимъ образомъ богатые люди могли быть въ Спартѣ и до Лисандра: это были тѣ, кто сверхъ своего первоначальнаго участка получилъ по наслѣдству другой; это

---

[1]) Курціусъ сдѣлалъ очень любопытное замѣчаніе въ 3-мъ томѣ своей исторіи (стр. 548 — 549). Онъ указываетъ на то, что самые значительные люди Аѳинской республики происходили отъ смѣшанныхъ браковъ Аѳинянъ съ ѳракійскими и другими женщинами сѣвера: Кимонъ, историкъ Ѳукидидъ, философъ Антисѳенъ. Самъ Димосѳенъ не былъ чистой аѳинской крови. Его бабка была Скиѳянка съ береговъ Чернаго моря.

[2]) Her., VI, 57. Λικάζειν δὲ μούνους τοὺς βασιλέας τοσάδε μοῦνα, πατρούχου τε παρθένου πέρι ἐς τὸν ἱκνέεται ἔχειν, ἢν μὴ περ ὁ πατὴρ ἐγγυήσῃ.

были тѣ, чья фамилія была малочисленнѣе, чѣмъ у прочихъ [1]). Съ другой стороны, въ то же время совершался и обратный процессъ, процессъ положительнаго и безотносительнаго обѣднѣнія тѣхъ родовъ, которые не успѣли сдѣлаться богатыми. Судьба неодинаково распредѣляла свои дары; были и такіе роды, которые остались при старомъ землевладѣніи и съ трудомъ удерживали за собою свое гражданское положеніе; были такія фамилии, которыя, не увеличивъ своего поземельнаго имущества, тѣмъ не менѣе увеличились въ численности своихъ членовъ. Какъ бы ни было устроено спартанское землевладѣніе, — старшій ли только братъ считался владѣтелемъ наслѣдственнаго участка, или всѣ братья имѣли одинаковое право если не на управленіе, то на пользованіе имъ; младшіе ли только братья при недостаточности средствъ, даваемыхъ родовымъ имѣніемъ, должны были отказываться отъ своихъ гражданскихъ правъ, или цѣлый домъ худѣлъ и падалъ, теряя полноту этихъ правъ, — во всякомъ случаѣ, въ Спартѣ долженъ былъ появиться классъ людей, принадлежащій по своему происхожденію къ дорійской аристократіи, но потерявшій свои права вслѣдствіе обѣднѣнія. Это были дѣти и потомки тѣхъ фамилій, которымъ судьба не послала помощи въ видѣ поземельнаго наслѣдства, которые не успѣли потомъ обогатиться на государственной службѣ и ничего не собрали на свою долю изъ капиталовъ, появившихся въ Спартѣ со времени Лисандра. Если не всѣ члены такихъ фамилій, то по крайней мѣрѣ младшіе сыновья, не имѣя возможности дѣлать необходимые для гражданина взносы въ фидитію, отдѣлялись отъ своего сословія и поступали въ разрядъ неравныхъ „худшихъ“ (ὑπομείονες), не пользующихся полными правами гражданства.

---

[1]) Отсюда могли бы даже быть объяснены οἱ τὰ μείζω κεκτημένοι у Θукидида (I, 6), что именно указываетъ на большее поземельное имущество (ибо не сказано οἱ τὰ πλείω κεκτημένοι, какъ это было бы естественнѣе о денежномъ богатствѣ), а равно и другіе примѣры богатства, приводимые въ доказательство того, что никогда никакого равенства въ Спартѣ не существовало, и что даже не было въ законодательствѣ никакихъ мѣръ къ сохраненію въ цѣлости поземельныхъ участковъ. Нег., VI, 61 (о женѣ царя Аристона: οἵα ἀνθρώπων τε ὀλβίων θυγατέρα), VII, 134 (Σπερθίης τε καὶ Βοῦλις—ἄνδρες Σπαρτιῆται φύσι τε γεγονότες εὖ καὶ χρήμασι ἀνήκοντες ἐς τὰ πρῶτα); Thucyd , V, 60 (Лиха, Спартанецъ, одержавшій побѣду въ Олимпіи на бѣгахъ колесницею, что предполагаетъ большое состояніе); Xenoph., Hellen., VI, 4, 11 (ἔτρεφον τοὺς ἵππους οἱ πλουσιώτατοι). Не принимая равенства, введеннаго законодательнымъ путемъ во время Ликурга, мы впрочемъ не имѣемъ особенной нужды настаивать на этомъ объясненіи.

Послѣднимъ ударомъ, который въ конецъ разбилъ старый спартанскій порядокъ, Плутархъ считаетъ законъ Епитадея. Въ какомъ году изданъ этотъ законъ, неизвѣстно; но безъ сомнѣнія, это послѣдовало въ промежутокъ времени между Агесилаемъ и Аристотелемъ [1]). Ефоръ Епитадей далъ каждому Спартіату право и свободу располагать своимъ поземельнымъ имуществомъ посредствомъ дара или завѣщанія [2]).

Полная свобода отчуждать свое имущество при этомъ все-таки не была допущена; продажа старыхъ родовыхъ участковъ оставалась подъ строгимъ запрещеніемъ закона, а продажа собственности, пріобрѣтенной по наслѣдству или въ видѣ приданаго, продолжала считаться дѣломъ постыднымъ [3]). Плутархъ объясняетъ появленіе закона личными побужденіями законодателя, которому хотѣлось отнять наслѣдство у своего сына. Не требуется особенной смѣлости, чтобы на этотъ разъ отвергнуть объясненіе морализирующаго писателя. Епитадей могъ имѣть въ виду благую цѣль. Когда вслѣдствіе ограниченности законнаго числа наслѣдниковъ, имѣнія одной фамиліи стали переходить къ лицамъ другой, уже и безъ того богатымъ, тогда могло казаться цѣлесообразнымъ и полезнымъ расширить кругъ возможныхъ наслѣдниковъ. Только по причинѣ замкнутости и сословной гордости немногочисленныхъ олигархическихъ домовъ, по причинѣ ихъ преобладанія и даже злоупотребленій, законодательство, провозгласившее бо́льшую свободу въ гражданской сферѣ, не пошло на пользу Спартіатамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что свобода завѣщать или дарить имѣніе все-таки не распространялась на періэковъ и вольноотпущенныхъ илотовъ. Если бы даже было дозволено закономъ передавать землю такимъ лицамъ, то мало вѣроятія, чтобы гордая аристократія воспользовалась этимъ позволеніемъ. Въ Спартіатахъ нельзя предполагать дальновиднаго патріотизма даже на столько, чтобъ они дарили свои имѣнія, выдавали своихъ дочерей и оставляли завѣщанія бѣднымъ людямъ своего сословія; большею частью это дѣлалось въ пользу тѣхъ же богатыхъ. Кромѣ того, съ уничтоженіемъ строгаго и точнаго по-

---

[1]) Это можно сказать на основаніи того соображенія, что о законѣ Епитадея не упоминаютъ ни Ксенофонтъ, ни Плутархъ въ біографіяхъ Лисандра и Агесилая, но при Аристотелѣ законъ уже существуетъ.

[2]) Ἐπιτάδευς ῥήτραν ἔγραψεν ἐξεῖναι τὸν οἶκον αὑτοῦ καὶ τὸν κλῆρόν ᾧ τις ἐθέλοι καὶ ζῶντα δοῦναι καὶ καταλιπεῖν διαθέμενον. Plut., Ag., 5

[3]) Это видно изъ Аристотеля (II, 6, 10) и Ираклида Понтійскаго (Fr. Hist. Græc, II, стр. 211)

рядка наслѣдованія, опредѣленнаго закономъ, для людей слабыхъ и богатыхъ представилась теперь легкая возможность посредствомъ разныхъ продѣлокъ и даже простаго насилія отнимать наслѣдство у своихъ менѣе сильныхъ, бѣдныхъ родственниковъ. Источники говорятъ, что такіе случаи были часты [1]). Наконецъ, нужно прибавить, что купить и продать имѣніе подъ видомъ дарственной записи весьма легко. Во всякомъ случаѣ Плутархъ совершенно правъ, утверждая, что законъ Епитадея при томъ приложеніи, какое онъ получилъ въ Спартѣ, дѣйствительно нанесъ рѣшительный ударъ старому государственному порядку и прямымъ образомъ содѣйствовалъ развитію крайней имущественной олигархіи, хотя опять и здѣсь вовсе нѣтъ нужды объяснять все дѣйствіемъ грубыхъ средствъ насилія, злоупотребленіями и наглыми поступками богатыхъ и знатныхъ людей. Нужно, напротивъ того, представить себѣ положеніе тѣхъ спартанскихъ землевладѣльцевъ, которые еще до сихъ поръ сохраняли за собою только небольшіе участки старыхъ временъ, не пріобрѣтя новыхъ. Что̀ могла дать имъ истощенная долговременною обработкою почва? Скудное и бѣдное существованіе — вотъ все, что̀ могъ обезпечить родовой участокъ, перешедшій изъ тѣхъ временъ, когда долина Еврота была подѣлена между̀ толпами завоевателей. Рядомъ съ такими участками существовали уже латифундіи съ огромнымъ количествомъ рабовъ и съ характеромъ промышленнымъ, на что̀ указываетъ развитіе скотоводства [2]). Рядомъ существовали уже и денежный капиталъ, и какъ увидимъ, начатки фабричнаго производства. Жизнь была дороже, и безъ сомнѣнія, самая почва не давала такъ много, какъ прежде. Крупные владѣльцы могли охотно съ выгодою для себя, но не безъ выгоды и для продавца, пріобрѣтать небольшіе сосѣдніе участки. Богатые люди могли пользоваться затруднительнымъ положеніемъ своихъ должниковъ для округленія своихъ владѣній безъ особеннаго противодѣйствія самихъ должниковъ [3]). Небольшой соб-

---

[1]) Plut., Ag.; 5: Ἐκτῶντο γὰρ ἀφειδῶς ἤδη παρωθοῦντες οἱ δυνατοὶ τοὺς προσήκοντας ἐκ τῶν διαδοχῶν.

[2]) Имѣнія царя Агиса состоятъ ἐν τοῖς γεωργουμένοις καὶ νεμομένοις (Plut., Ag., 9). Скотоводство въ большихъ размѣрахъ необходимо имѣетъ характеръ промышленный. Мы желали бы какъ можно яснѣе представить себѣ реальныя условія экономическаго быта въ Спартанскомъ государствѣ. Недостатокъ прямыхъ данныхъ въ источникахъ, которые мало объ этомъ думали, заставляетъ насъ обращаться къ отрывочнымъ фактамъ или даже къ отдѣльнымъ словамъ, которыя оброненыя мимоходомъ у Плутарха.

[3]) Плутархъ (Agis, 13) замѣчаетъ, что Агесилай имѣлъ много долговъ, но

ственникъ, разставшійся съ своимъ участкомъ, легко могъ найдти себѣ пріютъ и средства къ существованію въ обширныхъ помѣстьяхъ богатой олигархіи; онъ могъ оставаться съ своею фамиліей въ видѣ арендатора или кліента на своей прежней землѣ. Въ Спартѣ появился, или вѣроятнѣе, только усилился классъ такъ-называемыхъ „пелатовъ", людей, не имѣющихъ собственной земли и живущихъ въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ извѣстной зависимости отъ нихъ [1]). Нужно также думать, что прежнее презрѣніе къ механическому труду по неволѣ исчезло между Спартанцами, и что часть ихъ уже не считала униженіемъ для себя работать на поляхъ, которыя орошались до сихъ поръ трудовымъ потомъ однихъ плотовъ.

Въ концѣ концовъ къ тому времени, которымъ мы занимаемся, консервативная Спарта имѣла не болѣе одной сотни землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ все остальное спартанское населеніе, сравнительно все-таки многочисленное, представляло безземельную, неимущую массу пролетаріата. Что бы ни говорилъ Плутархъ, не Лисандръ и Епитадей виноваты въ этомъ, — хотя довольно легко понять, почему главное обвиненіе пало на Лисандра и Епитадея. Въ

не хотѣлъ разстаться съ своею землею; слѣдовательно, другіе прибѣгали къ такому выходу. Залогъ поземельнаго имущества сдѣлался съ нѣкотораго времени дѣломъ обычнымъ въ Спартѣ, какъ это видно уже изъ названія закладныхъ листовъ: κλάρια (Plut., Ag , 13).

[1]) Плутархъ говоритъ (Ag., 6), что мать Агиса имѣла множество пелатовъ, πελατῶν. Для опредѣленія того, что такое пелаты, прежде всего можетъ служить одно мѣсто у Платона (Euthyphr., p. 4): πελάτης τις ἦν ἐμὸς καὶ ὡς ἐγεωργοῦμεν ἐθήτευεν παρ' ἡμῖν. Слѣдовательно, πελάτης то же, что θής, то-есть, наемный работникъ, поденщикъ. По объясненію лексикографовъ, пелатами называли τοὺς ἀντὶ τροφῶν ὑπηρετοῦντας или τοὺς ὑπ' ἀργυρίῳ δουλεύοντας (цитаты приведены у Шеманна, Commentarii ad vitam Agidis), то-есть, людей, служащихъ другимъ за деньги или изъ-за пропитанія. Но у Плутарха, точно также какъ у Діонисія Аликарнасскаго, пелатами называются и римскіе клиенты, а не подлежитъ сомнѣнію, что въ древнее время клиенты получали отъ своихъ патроновъ поземельные участки въ пользованіе (см. Mommsen, Romische Forschungen, стр. 366). Аѳинскіе ἑκτημόριοι, пользующіеся на тѣхъ или другихъ условіяхъ полями богатыхъ землевладѣльцевъ, тоже называются пелатами въ схоліяхъ къ Платону. Поэтому мы имѣемъ полное право думать, что и въ Спартѣ пелаты были свободные люди, сидѣвшіе на земляхъ олигархіи и несшіе за это извѣстныя повинности. Самая связь рѣчи у Плутарха указываетъ, какъ намъ кажется, не на илотовъ, которыхъ другіе видятъ въ пелатахъ, а на людей свободныхъ, имѣющихъ нѣкоторое политическое значеніе. Плутархъ объясняетъ, какимъ образомъ женщина могла оказывать вліяніе на общественныя дѣла: въ этой связи естественнѣе на ряду съ друзьями и должниками стоять свободнымъ людямъ, чѣмъ илотамъ.

Спартѣ, очевидно, совершался переходъ отъ первоначальнаго раздробленія имѣній во многихъ рукахъ, отъ первоначальнаго относительнаго равенства къ сосредоточенію ихъ въ рукахъ немногихъ. Воспоминаніе о золотомъ старомъ времени осталось; оно осталось уже въ самыхъ преданіяхъ о военномъ могуществѣ Спарты, когда она могла высылать такое большое число сыновъ своихъ на поля битвы. Древніе политики, а за ними и историки, естественно, хотѣли объяснить себѣ невыгодное отличіе новыхъ временъ отъ старыхъ. Но при этомъ они ставили вопросъ съ небольшою и почти незамѣтною неправильностью, или лучше сказать, ставили два вопроса, но не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовало бы ихъ поставить. Они спрашивали себя прежде всего не о томъ, какъ образовался новый порядокъ вещей, и отчего въ новое время обстоятельства сдѣлались хуже, а о томъ, почему въ древнее время могло быть такъ хорошо, и почему тамъ господствовало другое распредѣленіе собственности и дѣйствительное равенство (котораго вполнѣ все-таки не было). Видя кругомъ себя только крайности неравенства, политики и историки были склонны считать ихъ принадлежащими естественному порядку вещей; слѣдовательно, нужно было найдти что-нибудь особенное и чрезвычайное въ добромъ старомъ времени и отыскать въ какомъ-нибудь героѣ или полубогѣ разрѣшеніе преимуществъ той эпохи. Философы и историки,— устремивъ свой взоръ на старое время, которое рисовалось имъ въ такихъ прекрасныхъ формахъ, и не изучая того ряда причинъ и дѣйствій, которыя произвели отличіе новаго времени отъ стараго,—пришли къ тому рѣшенію, что нѣкогда былъ такой мудрый законодатель, который подѣлилъ землю всѣмъ поровну, что былъ такой законодатель, который истребилъ богатство и деньги, хотя денегъ, по настоящему, тогда и не существовало. Особенно легко было придти къ такому объясненію, когда въ самомъ дѣлѣ въ глубинѣ вѣковъ стояла тѣнь мудраго законодателя, и когда съ другой стороны, невыгодная крайность новаго порядка вещей уже рѣзко бросалась въ глаза, и нужно было искать средствъ къ его исправленію. Мы увидимъ, кто именно и когда именно имѣлъ особенный интересъ заниматься изученіемъ и рѣшеніемъ такихъ вопросовъ. Но Лисандра и Епитадея стали обвинять въ паденіи Спарты только послѣ того, какъ прославили Ликурга водворителемъ равенства. Выведенный такимъ образомъ на широкое историческое поприще, Ликургъ долженъ былъ господствовать надъ всею исторіей Спарты и объяснять въ ней все. Если Ликургъ былъ причиною блага, то виновникомъ зла будетъ тотъ, кто отступилъ отъ его законовъ. Если

Ликургъ, изгнавшій деньги, былъ единственнымъ виновникомъ равенства, то Лисандръ, внесшій деньги въ Спарту, былъ главнымъ виновникомъ неравенства, — какъ будто оно не могло существовать и безъ денегъ! Если Ликургъ, установившій неотчуждаемость имѣній, былъ тѣмъ благодѣтелемъ Спарты, которому она обязана своимъ величіемъ и силою, то Епитадей, давшій право или возможность отчуждать и даже продавать имѣнія, былъ тѣмъ неразумнымъ сыномъ Спарты и злымъ отцемъ своихъ дѣтей, который погубилъ свое отечество, — какъ будто не отъ спартанской аристократіи зависѣло воспользоваться новою свободой ко благу государства! Древніе писатели склонны объяснять уменьшеніе полноправнаго гражданскаго населенія появленіемъ движимыхъ капиталовъ и образованіемъ олигархіи, — какъ будто не было самыхъ явныхъ признаковъ, что этотъ процессъ совершался независимо, самъ по себѣ, и какъ будто онъ не начался прежде, чѣмъ обнаружилось рѣшительное стремленіе къ сосредоточенію имѣній въ немногихъ рукахъ! Исключительная и замкнутая, не допускающая въ себя никакихъ освѣжающихъ элементовъ аристократія естественнымъ путемъ вырождается и падаетъ; сословіе, которое презираетъ трудъ и ничего вновь не пріобрѣтаетъ, не можетъ долго процвѣтать и увеличиваться численно. Такимъ образомъ уже въ самомъ Ликурговскомъ строѣ лежали начала паденія Спарты. Аристотель былъ на пути къ такому рѣшенію вопроса, строго раскрывая всѣ недостатки спартанскаго устройства и возлагая вину ихъ на самаго законодателя.

Слѣдя за прогрессомъ разложенія спартанской аристократіи, мы не должны упускать изъ виду одну важную особенность спартанскаго быта, на которую древніе обращаютъ большое вниманіе; мы разумѣемъ особенное, исключительное положеніе женщины въ государствѣ Ликурга. По мнѣнію Аристотеля, недостатки спартанскаго законодательства относительно женской половины населенія послужили одною изъ главныхъ причинъ паденія государства [1]). Въ замѣчаніяхъ философа прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что ограниченіе правъ женскаго наслѣдованія, которое прежде существовало, и о которомъ мы говорили, въ его время уже не имѣло силы. Не только отецъ могъ выдавать свою дочь-наслѣдницу, за кого хотѣлъ, но точно такое же право принадлежитъ во время Аристотеля

[1]) Polit., II, 6 (9), 1—11. Цѣлая половина главы занята разсужденіемъ о положеніи женщины въ Спартѣ; все, что мы приводимъ ниже изъ Аристотеля, взято отсюда.

и опекунамъ ея, если отецъ не оставилъ завѣщанія [1]). Нельзя положительно сказать, но слѣдуетъ думать, что отмѣна стараго закона (если онъ дѣйствительно былъ отмѣненъ законодательною властью, а не обычаемъ и своеволіемъ олигархіи) тѣсно соединена съ новымъ законодательствомъ Епитадея. Когда была дана полная свобода завѣщать или дарить свое имѣніе кому угодно, тогда, очевидно, не оставалось никакой причины, почему бы и невѣста-наслѣдница не могла быть выдаваема за кого угодно. Точно также неизвѣстно, когда уничтожилось запрещеніе давать приданое дочерямъ. Можетъ-быть, оно само собою пало вмѣстѣ съ развитіемъ значенія движимыхъ имуществъ въ Спартѣ.

Какъ можно было воспрепятствовать, чтобъ отецъ не давалъ денегъ за своею дочерью? Уже дочери Лисандра считались въ Спартѣ выгодными невѣстами, потому что у ихъ отца предполагался большой денежный капиталъ [2]). Но какъ скоро приданое вошло въ обычай, оно перестало ограничиваться однимъ движимымъ имуществомъ, — если не до Епитадея, то послѣ него. Лица, владѣвшія большою поземельною собственностію и сосредоточившія въ своихъ рукахъ нѣсколько отдѣльныхъ прежде участковъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя не имѣли прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, стали отдавать часть своего поземельнаго имущества въ видѣ приданаго за своими дочерьми. Частые случаи женскаго наслѣдованія въ соединеніи съ обычаемъ давать приданое должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ переходъ значительной части поземельнаго имущества въ женскія руки, потому что, по спартанскому законодательству, женщина сохраняла полное право собственности надъ родовою землею до самой своей смерти. По словамъ Аристотеля, въ его время двѣ пятыхъ всей земли находились въ женскихъ рукахъ [3]). Легко сообразить себѣ неудобства такого положенія собственно въ государственномъ, военно-политическомъ отношеніи. По замѣчанію великаго философа, который сейчасъ былъ названъ, главный вредъ, отсюда проистекающій, былъ вредъ нравственный: обычай давать приданое оказывалъ очень дурныя послѣдствія, усиливая корыстолюбіе и любовь къ деньгамъ въ гражданахъ; богатство женщинъ ставило мужей въ невыгодное отно-

[1]) Это доказываетъ, что Гротъ ошибается, относя все то, что Аристотель говоритъ о *своемъ* времени, къ законодательству Ликурга.

[2]) Plut., Lysander, 30.

[3]) Ἔστι δὲ καὶ τῶν γυναικῶν σχεδὸν τῆς πάσης χώρας τῶν πέντε μερῶν τὰ δύο, τῶν τ' ἐπικλήρων πολλῶν γινομένων καὶ διὰ τὸ προῖκας διδόναι μεγάλας.

шеніе къ своимъ женамъ. Въ Спартѣ развилась крайняя гинэкократія, женовластіе почти въ буквальномъ смыслѣ слова. Какое въ самомъ дѣлѣ различіе, и не одно ли то же, спрашиваетъ Аристотель, когда женщины управляютъ правителями государства, или когда онѣ прямо властвуютъ надъ государствомъ? Женскій „деспотизмъ“ (ибо женщины назывались въ Спартѣ δέσποιναι) надъ воинственными Спартіатами далеко заходилъ за тѣ предѣлы, которые, по остроумному замѣчанію нашего философа, оправдываются самою миѳологіей, не безъ основанія поставившею въ особенно близкія отношенія Ареса и Аѳродиту. Печальнѣе и серіознѣе всего было то, что богатство и эманципація нехорошо подѣйствовали на самихъ женщинъ. Получая почти мужское воспитаніе и владѣя привычкой являться въ многочисленныхъ публичныхъ собраніяхъ и большою свободой отъ заботъ семейныхъ (такъ какъ уже съ семи лѣтъ дѣти выходили изъ-подъ надзора матери), спартанскія женщины не отличались ни особенною женственностію, ни приличною скромностію. Самъ Платонъ не могъ удержаться отъ строгаго порицанія ихъ образа жизни [1]). Аристотель говоритъ о полной распущенности нравовъ въ Спартѣ [2]). Онъ прибавляетъ, что утративъ женскія качества, Спартанки все-таки не пріобрѣли вполнѣ и мужскихъ. Ихъ смѣлость и дерзость могла бы пригодиться только въ военное время; но когда дѣло дошло до защиты Спарты отъ нашествія Епаминонда, женщины своимъ вмѣшательствомъ только надѣлали лишняго шуму и смятенія. Съ большею пользою воинственный характеръ спартанскихъ женщинъ обнаружился послѣ Аристотеля, при нападеніи Пирра; но за то тутъ же рядомъ проявляются и черты полнаго одичанія нравовъ [3]). Спартанское государство разлагалось внутри, въ самыхъ основахъ семейнаго быта.

Крайнее неравенство въ распредѣленіи недвижимой поземельной собственности нисколько не смягчалось, а напротивъ того усиливалось присутствіемъ въ Спартанскомъ государствѣ большихъ денежныхъ капиталовъ. Тѣ же самыя лица, которыя сосредоточили въ своихъ рукахъ поземельную собственность, большею частію владѣли и деньгами [4]). Источникомъ денежнаго богатства могли быть для нихъ тѣ

---

[1]) De legib., I, 637, VII, 781

[2]) Ζῶσι γὰρ ἀκολάστως πρὸς ἅπασαν ἀκολασίαν καὶ τρυφερῶς

[3]) См. Plut., Pyrrhus, 26—28.

[4]) Напримѣръ, царь Агисъ кромѣ своихъ земель имѣетъ еще 600 талантовъ деньгами, у его матери былъ также большой денежный капиталъ и много должниковъ.

продукты, которые получались отъ скотоводства. Но обработка этихъ продуктовъ находилась не въ рукахъ обѣднѣвшихъ Спартіатовъ, а въ рукахъ періэковъ. Поэтому людей съ среднимъ состояніемъ, съ умѣренными капиталами, которые могла породить промышленность, не было между Спартіатами. Ихъ нужно было искать среди періэковъ и среди иностранцевъ, которые теперь находились въ государствѣ Ликурга въ значительномъ количествѣ. Кромѣ ста фамилій, сохранившихъ землю, все остальное потомство древнихъ Спартіатовъ составляло „чернь, лишенную средствъ существованія“. Къ чему же долженъ былъ повести такой порядокъ? Въ Спартѣ господствовала, съ одной стороны, безумная роскошь, съ другой—бѣдность и соціальная зависть. Подъ видомъ Ликурговскихъ общихъ обѣдовъ спартанскіе богачи совершали чисто восточные пиры. Они могли соперничать съ азіатскими сатрапами въ изнѣженности и роскоши, изумляя самихъ иностранцевъ блескомъ и пышностію обстановки и убранства на этихъ пиршествахъ. „Дорогія и мягкія ложа, множество сосудовъ и чашъ, разнообразно приготовленныя блюда и десерты (τραγήματα), вотъ чѣмъ отличался обѣдъ Спартанцевъ, которые выдерживали прежде все время своей трапезы, возлежа на голой деревянной доскѣ своего ложа и не всегда позволяя себѣ опереться на нее локтемъ“ [1]). Долги, которые обременяли нѣкоторыхъ изъ магнатовъ, находятся, нужно думать, въ связи съ такими пышными воспоминаніями о Ликурговской дисциплинѣ. За то съ другой стороны, „чернь, лишенная средствъ существованія и доступа къ общественнымъ должностямъ (ὄχλος ἄπορος καὶ ἄτιμος), гнѣздилась подлѣ, въ городѣ, лѣниво и неохотно защищая его отъ внѣшнихъ враговъ и подстерегая удобную минуту для переворота и возстанія“ [2]).

Такое положеніе Спартано-Лаконскаго государства было тѣмъ болѣе ненормально и уродливо, что въ немъ находился классъ людей, подчиненный олигархіи, которая жила въ Спартѣ, но въ соціальномъ отношеніи представлявшій не только гораздо болѣе многочисленное, но и зажиточное сословіе. Классъ періэковъ пострадалъ не такъ сильно, какъ господствующій классъ Спартіатовъ. Количество періэковъ не уменьшилось даже въ сравненіи съ лучшими временами Спарты, когда число всѣхъ взрослыхъ періэковъ мужескаго пола простиралось за 16

[1]) Описаніе спартанскихъ пировъ находилось у Филарха и сохранено для насъ Аѳинэемъ (IV, Fr. Hist. Graec., I, 346). Отрывокъ изъ Лакедемонской политики стоика Персэя (Athen., IV, 140) подтверждаетъ описаніе Филарха.

[2]) Слова Плутарха (Ag., 5), которыя ниже будутъ приведены въ подлинникѣ

тысячъ [1]); можетъ-быть, оно даже увеличилось. Въ планахъ возрожденія Спарты, о которыхъ мы будемъ говорить, считается возможнымъ образовать 15.000 участковъ для періэковъ; они же должны были выдѣлить изъ своей среды извѣстное количество Спартіатовъ; 50.000 періэковъ, уведенныхъ въ плѣнъ, не составляютъ всего числа ихъ; это не болѣе, какъ облегченіе Лаконики отъ излишняго, по мнѣнію нѣкоторыхъ Спартіатовъ, населенія [2]). Уже одно то, что численность подчиненнаго населенія Лаконики не уменьшилась, говоритъ въ пользу того предположенія, что и благосостояніе его нисколько не упало, какъ упало благосостояніе большинства въ господствующемъ классѣ. Объясненіемъ этому можетъ служить самое положеніе періэковъ внѣ спартанскаго государственнаго строя, что̀ по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи приносило большую выгоду. Ихъ экономическій бытъ, не стѣсненный узкими и тѣсными границами, въ которыхъ должна была двигаться жизнь Спартанца, былъ гораздо разумнѣе и правильнѣе. Если уже преданіе о надѣленіи Спартіатовъ равными участками при Ликургѣ болѣе чѣмъ сомнительно, то о 30.000 равныхъ участковъ, данныхъ періэкамъ, не можетъ быть и рѣчи. Зачѣмъ было бы нужно вводить насильственнымъ путемъ измѣненіе поземельныхъ отношеній въ классѣ, стоящемъ внѣ гражданскаго общества? Нѣтъ сомнѣнія, что даже неотчуждаемость и недѣлимость имѣній была установлена не для періэковъ и на нихъ вовсе не простиралась. Бо̀льшая экономическая свобода была, такимъ образомъ, одною изъ причинъ, почему у періэковъ не могло образоваться такихъ ненормальныхъ отношеній, какія были въ собственной Спартѣ. Но не въ одномъ только правѣ располагать своею землей періэки пользовались большею свободой. Кромѣ земледѣлія, они могли заниматься и занимались торговлею. Спартанцы держались, конечно, особенной, можно сказать, вдвойнѣ запретительной системы въ отношеніи къ торговлѣ. Они неохотно допускали къ себѣ торговыхъ чужеземцевъ, взимали высокія пошлины съ

[1]) Подъ Платэей періэки являются въ числѣ 10.000, 5.000 именно тяжеловооруженныхъ (Herod., IX, 11 въ концѣ) и 5.000 легковооруженныхъ (Herod , IX, 29, гдѣ сказано, что на каждаго тяжеловооруженнаго Лакедемонянина (періэка) приходился одинъ легковооруженный). Ср. Clinton-Krüger, F. H., стр 415, примѣч. подъ буквою h. Если предположимъ, что число отправленныхъ въ Віотію періэковъ находилось въ такомъ же отношеніи ко всему числу способныхъ носить оружіе, какъ и въ господствующемъ классѣ, то-есть, какъ 5 къ 8, то всѣхъ взрослыхъ періэковъ мужескаго пола будетъ около 16.000

[2]) О нашествіи Этолянъ, уведшихъ въ плѣнъ такое число періэковъ, будетъ рѣчь ниже. См. пока Plut , Cleom., 18 и Polyb., V, 34, 3

ввозныхъ товаровъ въ приморскихъ городахъ [1]), но въ то же время не покровительствовали развитію промышленности и въ собственныхъ владѣніяхъ. Оттого мы не встрѣчаемъ у нихъ между періэками такихъ богатыхъ фабрикантовъ, какіе были въ Аѳинахъ между метиками [2]). Тѣмъ не менѣе періэки вели довольно значительную торговлю, что было вполнѣ запрещено Спартіатамъ. Въ Киѳиру, населенную періэками, приходили торговыя суда изъ Египта и Ливіи [3]). Доходы отъ этой торговли были очень значительны, такъ что Аѳиняне, овладѣвъ островомъ, имѣли при томъ всѣ основанія щадить его жителей и могли наложить на Киѳерянъ подать въ четыре таланта [4]); Спартанцы, конечно, взимали больше. Приморскій городъ Гиѳіонъ, гавань спартанскаго флота, велъ также значительную торговлю сыромъ, хлѣбомъ и другими произведеніями [5]). Въ прочихъ приморскихъ мѣстностяхъ было, конечно, то же. Мы знаемъ далѣе, что не только ремесла удовлетворяющія непосредственнымъ нуждамъ и первымъ потребностямъ общежитія, но и производство предметовъ роскоши, даже искусства были развиты между періэками. Многія лаконскія издѣлія очень цѣнились даже за границею: оружіе, колесницы, ковры, верхнее платье, обувь и нѣкоторыя принадлежности домашней утвари [6]). Въ ваяніи нѣкоторые изъ періэковъ отличались такъ выгодно, что ихъ имена сохранила исторія искусства [7]). Такимъ образомъ нужно полагать, что число обезпеченныхъ и образованныхъ людей было гораздо значительнѣе между періэками, чѣмъ между Спартіатами съ ихъ благороднымъ пролетаріатомъ. Сама реформа, желавшая возстановить прежнее сословіе Спартіатовъ во всемъ его значеніи, не могла закрыть глаза предъ такимъ фактомъ, хотя планъ ея былъ основанъ не столько на дѣйствительномъ количествѣ и значеніи элемен-

---

[1]) Шеманнъ, Gr. Alterth., I, 214.

[2]) Лисія, владѣлецъ оружейнаго завода (ἀσπιδοπήγειον), имѣвшій 120 рабочихъ и банкиръ Форміонъ, замѣчательный по своему богатству, были метики.

[3]) Thucyd , IV, 53.

[4]) Thucyd., IV, 54 и 57; Heracl. Ponticus. φέρει γὰρ ἡ νῆσος πολλὸ καὶ μέλι καὶ οἶνον. Φιλάργυροι δέ εἰσι φιλόπονοι, см. Fr. Hist Graec., II, 219.

[5]) См. Curtius, Peloponn , II, 271.

[6]) Критія у Аѳинэя, XI, 483 (также Fr Hist. Graec., II, 69): ὑποδήματα ἄριστα Λακωνικὰ, ἱμάτια φορεῖν ἥδιστα... κώθων Λακωνικός Ср. Plut., Lycurg., 9 Калликсенъ (Frag. Hist. Græc., III, 61) при описаніи великолѣпной церемоніи въ Египтѣ упоминаетъ о золотыхъ чашахъ лаконскихъ. См также Шеманнъ, Gr. Alt , II, 165.

[7]) Pausan., VI, 4, 4, 19, 14 Шеманнъ, ibid.

товъ, способныхъ къ политической жизни, сколько на археологической фантазіи возстановленія Ликурговскихъ порядковъ. Недостающее до 4 500 число Спартіатовъ царь Агисъ разчитывалъ, какъ мы увидимъ, дополнить изъ среды періэковъ. Между ними, очевидно, можно было найдти достаточное количество людей „цвѣтущаго возраста и хорошаго физическаго сложенія“, притомъ получившихъ „свободное воспитаніе“, то-есть, не унизившихъ себя какою-либо механическою работой или денежнымъ промысломъ (не βαναύσους) [1]). Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы въ Спартѣ не было соціальныхъ элементовъ для лучшаго и болѣе правильнаго государственнаго устройства. Реформа была возможна, и вопросъ прежде всего состоялъ только въ томъ, кто за нее возьмется, и кто будетъ въ состояніи провести ее.

Вся политическая власть находилась въ рукахъ какихъ-нибудь ста аристократическихъ фамилій; полными гражданскими правами пользовались нѣсколько сотъ человѣкъ; только по имени были гражданами тѣ жители Спарты, которые вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ обѣднѣли или только не успѣли обогатиться [2]). Изъ среды олигархіи

---

[1]) Plut., Agis, 9. Относительно значенія словъ «свободное воспитаніе» (τροφῆς ἐλευθερίου) сравн. Plat., De legib., I, 644.

[2]) У Плутарха все населеніе Спартанскаго государства раздѣляется на два класса a) 700 Спартіатовъ, изъ коихъ сто имѣютъ землю и свой участокъ, и b) въ противоположности къ нимъ стоитъ ὄχλος, толпа, чернь. Ἀπελείφθησαν οὖν ἑπτακοσίων οὐ πλείονες Σπαρτιᾶται, καὶ τούτων ἴσως ἑκατὸν ἦσαν οἱ γῆν κεκτημένοι καὶ κλῆρον· ὁ δ'ἄλλος ὄχλος ἄπορος καὶ ἄτιμος ἐν τῇ πόλει παρεκάθητο, τοὺς μὲν ἔξωθεν πολέμους ὀργῶς καὶ ἀπροθύμως, ἀμυνόμενος ἀεὶ δέ τινα καιρὸν ἐπιτηρῶν μεταβολῆς καὶ μετα στάσεως τῶν παρόντων (Plut., Ag., 5). Никакъ нельзя думать, чтобы подъ ὄχλος разумѣлись 600 Спартіатовъ, не имѣвшихъ земли въ противоположность владѣющей сотнѣ. Строеніе рѣчи показываетъ, что ὄχλος противополагается Σπαρτιᾶται, да и само собою разумѣется, что Спартіаты, сколько бы ихъ ни было, не могли быть названы толпою, чернью. Оказывается однако, что «толпа, лишенная средствъ къ жизни и доступа къ общественнымъ должностямъ» и не принадлежащая къ сословію Спартіатовъ, участвуетъ въ народныхъ собраніяхъ, которыя созывалъ царь Агисъ. То, что въ пятой главѣ разумѣется подъ ὄχλος ἐπιτηρῶν καιρὸν μεταβολῆς, должно разумѣться и подъ δῆμος ἐπιθυμῶν τῆς μεταβολῆς въ седьмой главѣ. Δῆμος этой послѣдней главы, безъ сомнѣнія, тотъ же самый, который является въ десятой (въ началѣ. δῆμος ἐξεπλάγη), а слѣдовательно, и граждане на вѣчѣ (οἱ πολῖται въ ἐκκλησία), какъ названы лица, которыхъ Агисъ поразилъ своей рѣчью, въ началѣ главы девятой. Равнымъ образомъ πλῆθος (въ началѣ 11-й главы), οἱ πολλοὶ (въ главахъ 13 и 16) и πολῖται (въ главахъ 16 и 18), очевидно, одно и то же. Кто же такіе эти «граждане», которые однако не пользуются вполнѣ гражданскими правами? Мы разумѣемъ подъ ними потомство тѣхъ обѣднѣвшихъ Спар-

избирались геронты (сенаторы). Легко себѣ представить, что при ограниченномъ числѣ олигархическихъ домовъ тридцать геронтовъ представляли и воплощали въ себѣ не только совокупные интересы всей олигархіи, но и въ частности отдѣльные интересы по крайней мѣрѣ половины господствующихъ фамилій; съ цѣлою половиной ихъ геронты были соединены, быть-можетъ, самымъ тѣснымъ образомъ, близкимъ кровнымъ родствомъ. Между тѣмъ ни одно законодательное рѣшеніе не могло пройдти безъ предварительнаго согласія герусіи (сената). Народное собраніе въ Спартѣ было лишено всякой иниціативы. Уже Ликургъ оставилъ ему только право принимать или отвергать тѣ предложенія, которыя были обсуждены и формулированы сенатомъ; дѣлать какія-либо измѣненія и поправки въ предложеніи не было позволено.

тіатовъ, которые, лишившись вслѣдствіе размноженія рода возможности дѣлать извѣстный взносъ въ фидитіи, перестали быть Спартіатами граждански полноправными, а также потомство тѣхъ фамилій, которыя, во время вымиранія аристократіи и сосредоточенія поземельнаго имущества, все-таки остались при старомъ землевладѣніи, перестали быть состоятельными при измѣнившихся послѣ Лисандра условіяхъ жизни и наконецъ послѣ Епитадея совершенно утратили свои участки. Но теперь представляется другой вопросъ: какъ же могли оставаться и называться Спартіатами 600 человѣкъ, не имѣвшихъ земли, ибо только сто, по словамъ Плутарха, ее имѣютъ? Мы думаемъ, что подъ имѣющими участокъ (κλῆρον) Плутархъ разумѣетъ только отцевъ семейства, главъ рода, такъ какъ по его взгляду, поземельные участки принадлежатъ цѣлымъ домамъ (τῶν οἴκων ὃν ὁ Λυκοῦργος ὥρισε φυλαττόντων ἀριθμόν; Ag , 5), и наслѣдникомъ имѣнія былъ только одинъ сынъ, старшій братъ (πατρὸς παιδὶ τὸν κλῆρον ἀπολείποντος). Далѣе: по разчету Плутарха, Ликурговскій участокъ могъ пропитывать отъ 6-ти до 7-ми человѣкъ. Это видно изъ того, что доходъ съ участка, какъ сказано въ біографіи Ликурга (8 гл.), простирался до 82 медимновъ, а содержаніе каждаго отдѣльнаго Спартіата, его взносъ въ фидитіи простирались до 12 медимновъ въ годъ (12 гл.). 82:12 = $6^{10}/_{12}$ Слѣдовательно, сто участковъ и предполагаютъ всего около 700 Спартіатовъ. Плутархъ могъ взять цифру нѣсколько выше, потому что сто главъ фамилій, сохранившихъ участокъ старый, родовой, кромѣ того, пріобрѣли еще землю (γῆν?). Само собою разумѣется, что подъ этими 700 Спартіатовъ нужно разумѣть всѣхъ и молодыхъ, и старыхъ (можетъ-быть, даже и женщинъ), даже не однихъ способныхъ носить оружіе, которыхъ была только одна тысяча еще во время Аристотеля, за 80 лѣтъ передъ симъ. Наконецъ, мы предполагаемъ, что противоположность между Спартіатами и просто гражданами или «толпою» Плутарха та же самая, какая у другихъ писателей обозначается именами, съ одной стороны, «равныхъ» (ὅμοιοι, pares, пэры), съ другой, «меньшихъ», «худшихъ» (ὑπομείονες) (см. Xenoph , Hellen., III, 3, 5, — 8), то-есть, противоположность полноправныхъ гражданъ, аристократіи, и гражданъ неполноправныхъ. Послѣдніе могли участвовать только въ большомъ вѣчѣ, все-таки считаясь гражданами. Но вмѣсто большаго вѣча въ Спартѣ явилась μικρὰ ἐκκλησία (Xenoph., ibid.) и такъ-называемые ἔκκλητοι, въ противоположность съ коими и у Ксенофонта стоитъ πλῆθος (Hellen., V, 2, 33)

Постановленіе Ликурга на нѣкоторое время потеряло свою силу; вошли въ обычай поправки и встрѣчныя предложенія; но скоро послѣдовало узаконеніе, которое вполнѣ возстановило прежнія отношенія. Герусія и цари получали право въ такихъ случаяхъ брать свои предложенія назадъ и прекращать всякія дальнѣйшія пренія о предметѣ [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что потомъ алія (какъ называлось спартанское вѣче) потеряла всякое значеніе и почти совершенно уничтожилась. Она собиралась только тогда, когда желали того цари или ефоры, и не могла сходиться по собственному желанію. Въ этомъ смыслѣ Аристотель говоритъ, что въ Спартѣ не было вѣча [2]). Наконецъ, образовался обычай вмѣсто дѣйствительнаго вѣча, заключавшаго въ себѣ всѣхъ жителей Спарты, созывать такъ-называемое малое вѣче, состоявшее, конечно, изъ однихъ представителей господствующей олигархіи. Въ большихъ собраніяхъ могли участвовать, повидимому, и всѣ исключенные, обѣднѣвшіе Спартанцы, которые выдѣлились и отпали отъ господствующаго класса Но что они могли сдѣлать даже и въ томъ случаѣ, если бы тому или другому изъ царей или ефорамъ заблагоразсудилось созвать ихъ? Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ герусія, значеніе первостепенное, и можно сказать, верховное имѣли въ Спартанскомъ государствѣ ефоры. Они имѣли право созывать герусію и вѣче и могли во многихъ случаяхъ рѣшать дѣла даже первостепенной важности безъ участія совѣщательной и законодательной власти. Они имѣли высшій надзоръ надъ всѣми чинами государства, наблюдали за самими царями, могли ихъ позвать на судъ, наложить на нихъ штрафъ, подвергнуть ихъ власть временному прекращенію; однимъ словомъ, законная монархическая власть находилась въ полномъ подчиненіи у ефоровъ. Мы не можемъ сказать опредѣлительно, какимъ способомъ избиралась коллегія пяти ефоровъ. Аристотель говоритъ, что она избиралась изъ среды всѣхъ гражданъ, изъ среды народа (ἐκ τοῦ δήμου), и что это успокоительно дѣйствовало на народъ, примиряя его съ господствующимъ порядкомъ. Но примиреніе заключалось не въ томъ, что всякій изъ народа могъ надѣяться на справедливую защиту своихъ интересовъ со стороны лицъ, вышедшихъ изъ его среды, а напротивъ того, въ томъ, что всякій могъ питать надежду рано или поздно подѣлиться выгодами власти съ господствующею олигархіей. При ежегодныхъ выборахъ пяти человѣкъ

[1]) Plut., Lycurg., 6.

[2]) Arist., Polit., III, 1. 7. Нѣтъ вѣча, но есть σύγκλητος, что обозначаетъ чрезвычайное собраніе. См. Schömann., G. A., I, 394

изъ довольно ограниченнаго круга всякій могъ разчитывать на то, что жребій падетъ наконецъ и на него, и чтобы достигнуть этого скорѣе, слѣдовало все-таки угождать той же самой олигархіи. Каковъ бы ни былъ способъ избранія въ ефоры, названный у Аристотеля ребяческимъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что избраніе ихъ попадало тѣмъ или другимъ путемъ въ руки господствующей олигархіи; ефоры избирались изъ среды всѣхъ, но не всѣми. Вслѣдствіе того въ среду ихъ коллегіи входили и люди бѣдные, которые были закупаемы богачами и поэтому становились тѣмъ болѣе усердными защитниками олигархическаго господства. Самъ Аристотель говоритъ о продажности ефоровъ [1]). Впрочемъ, судя по словамъ Плутарха, и это послѣднее успокоительное средство ко времени Агиса и Клеомена вышло изъ употребленія. Онъ замѣчаетъ, что толпа была лишена доступа къ общественнымъ должностямъ.

Такимъ образомъ при незначительности вліянія, которое спартанская конституція оставляла народному собранію въ сравненіи съ герусіей и коллегіей ефоровъ, соціальное господство богатой олигархіи было закрѣплено и въ политической сферѣ. Оставался одинъ институтъ, который могъ соединить свои интересы съ интересами обѣднѣвшаго и подчиненнаго класса. Консервативный характеръ спартанской исторіи выразился, между прочимъ, въ сохраненіи наслѣдственной царской власти. Но раздѣленіе ея между двумя представителями двухъ различныхъ родовъ и ревнивое наблюденіе со стороны ефоровъ препятствовали до сихъ поръ царской власти взяться за ту задачу, которая ставилась ей, повидимому, самымъ положеніемъ вещей. Съ другой стороны, на спартанскомъ пре́столѣ со времени Агесилая не являлось ни одного умнаго и энергическаго правителя, который былъ бы въ силахъ выполнить свое призваніе, если бы даже и почувствовалъ его. Это было большимъ несчастіемъ и для Спарты, и для всей Греціи, потому что зло все болѣе и болѣе укоренялось и усиливалось, и тѣ радикальныя, насильственныя мѣры къ изліченію его, которыя, по мнѣнію реформаторовъ, оказались потомъ необходимыми, помѣшали развитію и укрѣпленію другой, болѣе скромной и умѣренной реформы.

Политическія теоріи образуются и развиваются подъ вліяніемъ политической дѣйствительности и въ свою очередь имѣютъ вліяніе на

---

[1]) Polit, II, 6 (9)

ходъ государственной жизни. Было бы очень любопытно и поучительно прослѣдить это взаимнодѣйствіе въ общей греческой исторіи. Но не уклоняясь отъ нашей ближайшей цѣли, мы можемъ остановиться только на одномъ пунктѣ, который, какъ намъ кажется, имѣетъ близкое отношеніе къ исторіи спартанской реформы. Мы думаемъ, что она была отчасти подготовлена развитіемъ греческой политической философіи и стояла въ связи съ нѣкоторыми политическими учеиями, притомъ такими, которыя находятся въ родствѣ съ очень распространенными и въ то же время очень утонченными идеями новаго времени. Новое время не всегда признаетъ свое заимствованіе у стараго и еще рѣже сознаетъ, что оно повторяетъ зады. Можетъ-быть, не послѣдняя задача исторіи и здѣсь воздать каждому должное.

Консервативная Спарта была для мыслителей демократической Греціи и преимущественно для политическихъ писателей и философовъ Аѳинской республики прототипомъ и образцомъ, по которому они развивали свои государственныя теоріи. Она была для нихъ тѣмъ, чѣмъ служитъ Англія съ ея учрежденіями въ отношеніи къ Франціи и континентальной Европѣ вообще. Мыслители и государственные люди, вышедшіе изъ школы Сократа (Симонъ, Критія, Ксенофонтъ) болѣе или менѣе явно и открыто сочувствовали аристократическому строю Спартанскаго государства. Но когда опыты приложенія аристократической системы въ Аѳинахъ и остальной Греціи не удались, когда въ самой Спартѣ обнаружились сильные признаки болѣзни, когда одностороннее преобладаніе аристократіи богатства оказалось такъ же мало прочнымъ, такъ же мало предупреждающимъ перевороты и возстанія, какъ и преобладаніе демократіи, тогда у людей и мыслителей политическихъ начинаетъ развиваться другой взглядъ на идеалъ государственнаго устройства, другой взглядъ и на Спартанское государство, съ котораго они снимали многія черты своего идеала. У Платона, у Исократа уже болѣе или менѣе ясно высказывается та мысль, что исключительное преобладаніе демократіи или аристократіи одинаково не желательно въ государствѣ, что смѣшеніе различныхъ элементовъ даетъ ему болѣе прочности. Сочиненіе Платона „о законахъ“, по замѣчанію великаго его ученика, имѣло въ виду практическую примѣнимость болѣе, чѣмъ утопическая „политія“ [1]). Государственное устройство, которое здѣсь предлагается, должно быть „ни демократія, ни олигархія, но нѣчто среднее между обѣими“. Это среднее,

[1]) Aristot., Polit., II, 3 (6), 2: ταύτην βουλόμενος κοινοτέραν ποιεῖν ταῖς πόλεσιν.

лучшее устройство, по мысли Платона, должно образоваться изъ демократіи и монархіи [1]). Спартанское устройство, хотя не вполнѣ соотвѣтствующее этому требованію, одобряется именно какъ „смѣшанная и умѣренная монархія“ [2]). Исократъ, точно также какъ и Платонъ, не сочувствуетъ ни аѳинской крайней демократіи своего времени, ни чистой аристократіи. Съ помощью нѣкотораго доктринерства онъ успѣваетъ открыть въ устройствѣ Ликурга ту умѣренную демократію, возвращеніе которой онъ желалъ бы видѣть и въ своемъ отечествѣ (по его мнѣнію, и въ Аѳинахъ была умѣренная демократія въ тѣ времена, когда ареопагъ имѣлъ болѣе власти). Какое же это устройство? „Демократія, смѣшанная съ аристократіей“, говоритъ онъ [3]). Избраніе верховныхъ властей народною подачею голосовъ, а не по жребію, и сенатъ, завѣдывающій всѣми важными дѣлами, суть главныя черты такого устройства [4]). Аристотель, не смотря на строгую критику спартанскаго устройства, считаетъ его въ числѣ немногихъ лучшихъ. Его достоинства, по мнѣнію Аристотеля, опредѣляются опять-таки соединеніемъ демократическихъ учрежденій и формъ съ аристократическими [5]). Институтъ царской власти, продолжающій свое существованіе въ Спартѣ, остается при этомъ, какъ мы видимъ, въ сторонѣ; ни Исократъ, ни Аристотель не придаютъ ему никакого особеннаго значенія; послѣдній даже ставитъ вопросъ о самомъ существованіи и пользѣ пожизненной монархической власти [6]).

---

[1]) De leg., III, 693, 756. Аристотель въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ: «изъ демократіи и тираніи» — вѣроятно, на томъ основаніи, что образцомъ монархіи у Платона стоитъ Персидская монархія. Ср. Arist., Polit., III, 9 (14), 3. У самого Платона вторая составная часть тоже называется δεσποτικωτάτη (701).

[2]) Ibid., 692.

[3]) Panathen., § 153 (Orator attici ex recens. Imman. Becker, II, стр. 297). Ср. также § 178 (стр. 303). Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что Спартанцы управляются дѣма олигархически, а на войнѣ монархически; но это говоритъ у него Никоклесъ въ своемъ манифестѣ. Nicocl., § 24, см. Orat. att., II, стр. 33. Ср. еще Areopag., § 61.

[4]) Panath., § 154.

[5]) Polit., IV, 7 (VI по новому порядку). Becker, II, 1294; Didot, 553.

[6]) Polit., III, 10 (15), Becker, 1286; Didot, 538—539. Это можетъ показаться даже страннымъ, особенно послѣ того, какъ мы встрѣчаемъ у великаго философа такое ясное опредѣленіе назначенія и цѣли монархической власти: Βούλεται δ' ὁ βασιλεὺς εἶναι φύλαξ, ὅπως οἱ μὲν κεκτημένοι τὰς οὐσίας μηθὲν ἀδίκων πάσχωσιν, ὁ δὲ δῆμος μὴ ὑβρίζηται μηθέν; см. Polit., V (VIII), 8 (10), 6; Becker, 1310, Didot, 580. Царь призванъ наблюдать, чтобъ и богатые не подвергались несправедливости, и народъ не былъ оскорбляемъ и унижаемъ; этимъ монархія отличается

Опытъ долженъ былъ однако показать, что согласіе двухъ элементовъ, находившихся въ постоянной борьбѣ между собою, не могло явиться само собою, безъ третьяго уравновѣшивающаго элемента. И задача, и желаемый способъ ея рѣшенія поставлены и высказаны въ высшей степени замѣчательнымъ образомъ у самого Аристотеля. Мы приводимъ его слова [1]):

„Въ каждомъ государствѣ существуютъ три класса: совершенно богатые, совершенно бѣдные, и третій классъ — средній между обоими. Такъ какъ вообще признано, что умѣренная середина (между двумя крайностями) есть самое лучшее, то ясно, что и среднее, умѣренное благосостояніе (εὐτυχημάτων ἡ κτῆσις ἡ μέση) есть самое лучшее изъ всѣхъ. Оно дѣлаетъ человѣка скорѣе всего способнымъ повиноваться разсудку. Излишне красивому, сильному, знатному, богатому, и съ противоположной стороны, крайне бѣдному, слабому, низкому, трудно слѣдовать разсудку. Первые дѣлаются большею частію высокомѣрными наглецами, способны къ большимъ злодѣяніямъ (μεγαλοπόνηροι); вторые бываютъ коварными и дурными людьми мелкаго размѣра (μικροπόνηροι λίαν)... Далѣе первые, такъ какъ они живутъ въ изобили даровъ счастія, силы, богатства, дружбы и т. д., не имѣютъ ни охоты, ни умѣнья повиноваться власти (и основаніе этому полагается въ нихъ еще съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, потому что, благодаря изнѣженности, они уже въ школахъ не пріучаются къ повиновенію); вторые, вслѣдствіе крайняго недостатка во всемъ, получаютъ рабскія наклонности. Поэтому послѣдніе не умѣютъ править, но только рабски повиноваться; первые не способны повиноваться какой бы то ни было власти и умѣютъ господствовать только деспотически. Такимъ образомъ государство составляется не изъ свободныхъ людей, а изъ господъ и рабовъ, которые взаимно платятъ другъ другу — одни ненавистью, а другіе презрѣніемъ“.

При такой враждѣ не можетъ быть настоящаго гражданскаго общежитія.

„Государство должно состоять изъ возможно равныхъ и подобныхъ членовъ, а это отношеніе господствуетъ преимущественно въ среднемъ классѣ.. Этотъ классъ гражданъ пользуется наибольшею безопасностію въ государствѣ, потому что ни они (средніе люди) не покушаются такъ на чужую собственность, какъ бѣдные, ни другіе — на ихъ имущество, какъ на имущество

тираніи, которая имѣетъ въ виду только свои частные интересы. Эту же самую задачу Аристотель, какъ сейчасъ увидимъ, возлагаетъ на средній классъ гражданъ.

[1]) Никто болѣе насъ не цѣнитъ добросовѣстнаго и прекраснаго труда г. Скворцова, подарившаго русскую публику и науку переводомъ «Политики» Аристотеля, и никто болѣе насъ не удивляется тому полному и равнодушному молчанію, съ которымъ такой почтенный трудъ былъ встрѣченъ въ нашей литературѣ Если мы не приводимъ здѣсь словъ Аристотеля по переводу г. Скворцова, то это не вслѣдствіе незнакомства съ нимъ, а только потому, что мы сдѣлали переводъ отрывка ранѣе появленія «Политики» на русскомъ языкѣ.

богатыхъ бѣдные. А такъ какъ они не опасны другимъ и не находятся сами въ опасности отъ другихъ, то и могутъ жить въ полномъ спокойствіи. Фокилидъ высказалъ хорошее желаніе: „Среднее состояніе во многомъ самое лучшее; какъ средній человѣкъ, хочу я жить“.

„Итакъ, очевидно, что то гражданское общество есть лучшее, которое состоитъ изъ людей средняго состоянія, и тѣ государства могутъ имѣть хорошее управленіе, въ которыхъ именно средній классъ многочисленъ и сильнѣе, если возможно, чѣмъ два другіе, или по крайней мѣрѣ, одинъ изъ двухъ остальныхъ классовъ. Потому что тогда своимъ присоединеніемъ (къ тому или другому) онъ можетъ рѣшать дѣло и препятствовать преобладанію той или другой крайности. Самое счастливое положеніе, слѣдовательно, есть то, когда дѣйствительные граждане владѣютъ умѣреннымъ и однако достаточнымъ состояніемъ. Гдѣ одна часть имѣетъ слишкомъ много, а другая совсѣмъ ничего, тамъ вслѣдствіе обоюдной крайности является или крайняя демократія, или чистая олигархія, или тираннія“ [1]).

Аристотель видитъ спасеніе въ преобладаніи средняго класса. Но къ несчастію, самъ онъ долженъ былъ нѣсколько разъ замѣтить, что этотъ элементъ въ большей части государствъ не имѣетъ достаточной численной силы. Вслѣдствіе его слабости почти вездѣ господствуетъ или демократія, или олигархія, борьба между имущими и неимущими [2]).

Гдѣ же и въ чемъ нужно было искать спасенія? Не слѣдовало ли прійдти къ той мысли, которая уже мимоходомъ была высказана и самимъ философомъ, но оставлена имъ безъ развитія?

Въ „Библіотекѣ“ Фотія находится слѣдующее любопытное мѣсто:

„Я читалъ сочиненіе о политикѣ, гдѣ выводятся разговаривающими два лица, патрицій Мина и референдарій Ѳома. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ шесть книгъ и представляетъ новую форму политическаго устройства, отличную отъ тѣхъ, которыя упоминаются древними, и названную διαιαρχικόν. Политика Платона здѣсь справедливо порицается. Что же касается до новаго устройства, то по мнѣнію собесѣдниковъ, оно должно состоять изъ монархіи, аристократіи и демократіи, соединеніе каждаго изъ этихъ элементовъ, взятаго въ своей чистотѣ, образуетъ на самомъ дѣлѣ наилучшее политическое устройство [3])“.

Какое же сочиненіе читалъ знаменитый патріархъ?

---

[1]) Polit., IV (VI), 9 (11); Becker, 1295, Didot, 555.

[2]) Polit., ibid. Уже вслѣдъ за вышеприведенными словами Аристотель замѣчаетъ: «Теперь понятно, почему бо́льшая часть государствъ устроена демократически или олигархически. Это потому, что средній классъ большею частію малочисленъ» и т. д. О малочисленности средняго класса, о преобладаніи крайностей Аристотель говоритъ очень часто.

[3]) Phot., Bibl. (Φωτίου Μυριόβιβλον), cod. 37, ed. Becker. См. также Fragm. Hist. Graec., II, стр. 242.

Фотій ошибается въ своемъ предположеніи, что теорія о соединеніи трехъ элементовъ была неизвѣстна древнимъ. Не византійскій Грекъ VIII или IX столѣтія, занятый богословскими тонкостями, выдумалъ ее. Идеи умѣренной, смѣшанной монархіи и равновѣсія властей выработались очень рано среди бурной жизни древнихъ греческихъ республикъ. Онѣ высказываются уже у пиѳагорейскихъ философовъ великой Греціи. „Лучшее государственное устройство — говоритъ одинъ изъ нихъ [1]) — должно образоваться изъ соединенія всѣхъ другихъ политическихъ формъ и заключать въ себѣ часть демократіи, часть олигархіи, монархіи и аристократіи. Законы будутъ имѣть больше прочности, если государство будетъ имѣть смѣшанный характеръ и составится изъ всѣхъ другихъ политическихъ формъ.... Монархія есть нѣкоторое подобіе божественнаго промысла; но человѣческой слабости трудно сохранить за нею этотъ характеръ, и она тотчасъ извращается роскошью и насиліемъ. Итакъ, не слѣдуетъ пользоваться монархіею безъ границъ, но сохранить для нея столько власти, сколько должно, въ размѣрѣ самомъ полезномъ для государства“. Присутствіе аристократическихъ и демократическихъ элементовъ считается также необходимымъ. Это мысли другаго пиѳагорейца [2]).

Аристотель мимоходомъ упоминаетъ о теоріи, полагающей лучшее политическое устройство въ смѣшеніи всѣхъ основныхъ политическихъ формъ [3]). Обыкновенно думаютъ, что слова его относятся къ Архиту и Ипподаму. Могло быть, что и книга, въ которой разговариваютъ „патрицій Мина и референдарій Ѳома“, заключала извлеченія или неловкую передѣлку изъ потерянныхъ для насъ твореній пиѳагорейцевъ. Но есть другія указанія, которыя ведутъ гораздо ближе къ источнику политической мудрости у византійскихъ придворныхъ. Новый родъ политическаго устройства называется δικαιαρχικόν. Что̀ значитъ это слово [4])? Не содержится ли здѣсь указаніе на писателя, впервые систематически развившаго намеки пиѳагорейцевъ? Имя Дикэарха (автора сочиненія „Жизнь Еллады“) очень хорошо извѣстно,

---

[1]) Архитъ у Стовэя, Florileg , p. 253, sermon 141.

[2]) Ипподама въ Stobaei Florileg , p. 251

[3]) Polit., II, 3, 10: Ἔνιοι μὲν λέγουσιν ὡς δεῖ τὴν ἀρίστην πολιτείαν ἐξ ἁπασῶν εἶναι τῶν πολιτειῶν μεμιγμένην, διὸ καὶ τὴν τῶν Λακεδαιμονίων ἐπαινοῦσιν. εἶναι γὰρ αὐτὴν οἱ μὲν ἐξ ὀλιγαρχίας καὶ μοναρχίας καὶ δημοκρατίας φασίν...

[4]) Вильменъ въ своемъ прекрасномъ введеніи къ изданію Цицероновой республики переводитъ слово δικαιαρχικόν le gouvernement de la justice (I, стр. 27); это, безъ сомнѣнія, невѣрно.

по крайней мѣрѣ, какъ „любимца“ Цицеронова, deliciae meae Dicaearchus [1]). Но къ сожалѣнію (какъ часто приходится повторять это сожалѣніе!), изъ „большой груды Дикэарха“, которую „могъ сложить у своихъ ногъ“ Цицеронъ [2]), намъ осталось очень мало. По свидѣтельству Свиды, онъ написалъ сочиненіе „о государственномъ устройствѣ спартанскомъ“, которое пользовалось большимъ уваженіемъ въ Спартѣ. Было опредѣлено закономъ каждый годъ читать его въ коллегіи ефоровъ въ назиданіе и поученіе Спартанскому юношеству [3]) Упоминается также его сочиненіе подъ знаменательнымъ заглавіемъ „Триполитикъ“ (τριπολιτικὸς) [4]). Соображая эти данныя, мы считаемъ несомнѣннымъ, что ученіе, которому была суждена такая блестящая будущность, въ первый разъ было развито и наглядным образомъ приложено къ спартанскому государственному устройству философомъ Дикэархомъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, что и Аристотель имѣетъ въ виду самого Дикэарха и его послѣдователей. Дикэархъ жилъ при Александрѣ и его преемникахъ, былъ слушателемъ у Аристотеля [5]), разошелся потомъ съ своимъ учителемъ [6]), и вѣроятно, еще при жизни его написалъ нѣсколько сочиненій.

Уже стоики усвоили себѣ Дикэарховскій принципъ. Самъ основатель школы Зинонъ писалъ въ своей политіи: „Лучшее политическое устройство есть соединеніе демократіи, монархіи и аристократіи“ [7]). Къ несчастію, мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, какъ онъ развивалъ свое ученіе и какое значеніе давалъ монархическому элементу. На этомъ пунктѣ необходимо было вдвойнѣ настаивать. Съ одной стороны, какъ уже замѣчено, опытъ убѣдилъ въ невозможности спокойнаго устоя демократическихъ и аристократическихъ элементовъ самихъ по себѣ. Съ другой, Македонская монархія и блестящіе подвиги Александра вызвали очень сильную реакцію въ пользу чистой, неограниченной монархіи, и нужно было бороться противъ этого направленія. Первые стоики вслѣдъ за своимъ учителемъ занимаются политикою гораздо болѣе, чѣмъ можно бы думать на основаніи пред-

---

[1]) Tuscul., I, 31

[2]) Cic , ad Attic , II, 2. Magnum acervum Dicaearchi ante pedes extruxeram

[3]) Suidas, v. Δικαίαρχος.

[4]) Cicer., ad Attic , XIII, 32; Athen., IV, 141.

[5]) По свидѣтельству Свиды и Цицерона (De legibus, III, 6).

[6]) Themistius Soph., p. 285 (Fragm. H. Gr., II, стр. 225).

[7]) См. у Діогена Лаертскаго, VII (Ζήνων), 131 (въ изданіи Гюбнера, vol. II, p. 175, въ концѣ).

ставленія, сообщаемаго объ ихъ школѣ римскою исторіей, и что̀ же составляетъ любимую тему ихъ сочиненій? Значеніе монархіи и наряду съ этимъ спартанское политическое устройство. Между сочиненіями Персэя, любимца Зинона, мы встрѣчаемъ трактаты „о монархіи“, „о лаконскомъ государственномъ устройствѣ“ [1]). Сфэръ Борисѳенскій писалъ тоже о Ликургѣ, о спартанской политіи [2]) и т. д. Если ученики Зинона вѣрно и послѣдовательно развивали его ученіе, то въ сочиненіяхъ о монархіи, безъ сомнѣнія, они не могли прозодить теорій о неограниченномъ, абсолютномъ монархическомъ правленіи, и съ другой стороны, въ сочиненіяхъ о Спартѣ и Ликургѣ должны были доказывать, что настоящее спартанское устройство по мысли „божественнаго“ Ликурга должно быть не олигархіей, но что въ немъ должны имѣть свое значеніе всѣ три элемента, то-есть, демократія въ народномъ собраніи, аристократія (или олигархія) въ сенатѣ и монархія въ царскомъ достоинствѣ.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, какой видъ приняла въ сочиненіяхъ стоиковъ доктрина, высказанная первоначально пиѳагорейцами, нужно обратиться къ позднѣйшимъ писателямъ, Плутарху и Полибію. Всѣ слѣды ведутъ къ тому, что оба эти писателя заимствовали свое политическое ученіе у стоиковъ. Плутархъ, занимаясь біографіей Ликурга, долженъ былъ пользоваться ихъ сочиненіями. Онъ замѣчаетъ, что не только Платонъ, но и Зинонъ (безъ сомнѣнія, въ своей „Политикѣ“) имѣлъ въ виду тотъ же самый идеалъ, который былъ ранѣе стоиковъ осуществленъ на практикѣ Ликургомъ. Плутархъ могъ разумѣть при этомъ преимущественно идеалъ суровой стоической доблести, презрѣнія къ богатству. Но еслибъ онъ думалъ и о политическомъ устройствѣ, то нисколько не противорѣчилъ бы себѣ. И какъ видно, онъ дѣйствительно думалъ о немъ [3]). Мы видѣли, что Зинонъ считаетъ лучшимъ политическимъ устройствомъ смѣшанное изъ трехъ главныхъ формъ. Ликургъ, какъ оказывается у Плу-

---

[1]) О Персэѣ и его сочиненіяхъ см Diog. Laert., VII, 36; Athen., IV, p. 140; Plutarch., Arat, 13, Pausan, VII, 8, 3; II, 8, 3.

[2]) О Сфэрѣ и его сочиненіяхъ см. Diog L, VII, 37, 178, Athen, VIII, p 354, Plut, Cleom, I, 11.

[3]) Ликургъ имѣлъ въ виду сдѣлать существованіе государства какъ можно продолжительнѣе Зинонъ—тоже. Ταύτην καὶ Πλάτων ἔλαβε τῆς πολιτείας ὑπόθεσιν καὶ Διογένης καὶ Ζήνων (Lycur., 31) Замѣтимъ кстати, что и Діогенъ циникъ писалъ о политикѣ, если только онъ разумѣется въ вышеприведенныхъ словахъ; см. Athen, IV, p 159.

тарха, держался того же самаго взгляда; онъ имѣлъ въ виду именно смѣшанное устройство (οὕτω τὸ πολίτευμα μίξαντος):

„Государство часто приходитъ въ колебаніе и склоняется то на сторону царской власти—къ тираніи, то на сторону массы—къ демократіи. Но Ликургъ поставилъ въ серединѣ, какъ будто подпору, власть сената, и возстановивъ такимъ образомъ равновѣсіе, сдѣлалъ свое устройство твердымъ и прочнымъ, потому что двадцать восемь сенаторовъ пристаютъ къ царямъ всякій разъ, когда нужно противостать демократіи, и усиливаютъ народную партію, когда нужно предупредить возникновеніе деспотизма“ [1]).

Такое сходство воззрѣній у Ликурга и Зинона дѣлается совершенно понятнымъ и естественнымъ, когда мы обратимъ вниманіе на то, что Плутархъ представляетъ намъ законодательство Ликурга отчасти по Зинону и Сфэру; уже нѣсколькими строками ниже, по техническому вопросу о числѣ сенаторовъ, онъ приводитъ мнѣніе послѣдняго.

Еще яснѣе представлена стоическая система у Поливія. Изложивъ ученіе о круговращеніи политической жизни, на основаніи котораго каждая „простая“ политическая форма, вслѣдствіе органическаго присущаго ей недостатка, вырождается въ соотвѣтственную ей и родственную, но извращенную форму (συμφυὲς κακόν), и потому неизбѣжно, какъ бы по закону физической необходимости, смѣняется другою, страдающею тѣмъ же недостаткомъ, — Поливій говоритъ, что лучшимъ устройствомъ будетъ поэтому только смѣшанное. Само собою разумѣется, что образцемъ его будетъ прежде всего спартанское устройство Ликурга.

„Ликургъ созналъ, что всѣ эти перемѣны и превращенія совершаются по закону физической необходимости (ἀναγκαίως καὶ φυσικῶς), понялъ, что всякая простая форма политическаго устройства, дающая преобладаніе одной силѣ, непрочна и скоро извращается въ свойственное ей и по самой природѣ сопровождающее ее зло... Поняв это, онъ ввелъ не простое, однородное устройство, но собралъ вмѣстѣ всѣ достоинства и особенности лучшихъ политическихъ формъ, чтобы ни одна изъ нихъ, выростая сверхъ мѣры, не извратилась въ родственную ей дурную форму, чтобы сила каждой уравновѣшивалась двумя другими и такимъ образомъ не склонялась бы и не поднималась слишкомъ вверхъ; чтобъ уравновѣшенное и вѣрно установленное политическое устройство могло существовать, какъ можно дольше“...

По этой теоріи главными и единственными факторами спартанской конституціи являются цари, сенатъ и народъ:

„Цари имѣютъ въ Спартѣ вѣчную (ἀίδιον) власть, а такъ-называемые герои пожизненную; чрезъ нихъ и при ихъ посредствѣ совершаются всѣ го-

[1]) Lycurg , 7 и 5.

сударственныя дѣла ... Чтобы царская власть не дѣлалась слишкомъ притязательною, этому препятствуетъ страхъ предъ народомъ, которому дана значительная доля вліянія въ государствѣ Народъ въ свою очередь не можетъ презрительно относиться къ царямъ изъ страха предъ сенаторами“ [1]).

Повторяемъ, что ученіе Полибія не есть новость, что оно есть только популярно изложенная система господствовавшей въ его время философіи, принятой и въ римскихъ кругахъ, близкихъ Полибію (Сципіона Эмиліана). Взглядъ на Ликурговское устройство, имъ сообщаемый, уже развивался въ сочиненіяхъ Сфэра и другихъ. Обратимъ вниманіе на тѣ слѣдствія, которыя изъ него вытекали. Прежде всего легко было замѣтить, что положеніе Спарты, управляемой олигархіею, далеко уклонилось отъ первоначальнаго идеала. Какъ мы знаемъ, олигархія съ теченіемъ времени стала опираться главнымъ образомъ на ефоратъ. Какое же мѣсто дается этому учрежденію въ системѣ уравновѣшеннаго государства? Къ чему должны служить ефоры? Въ обоихъ отрывкахъ (Плутарха и Полибія), которые мы привели, ефоры не упоминаются, оказываются совершенно излишними въ государствѣ. Полибій, конечно, не остается вполнѣ вѣрнымъ себѣ и послѣдовательнымъ. Онъ заставляетъ царя Македонскаго говорить своему сыну, что цари Спартанскіе до тѣхъ только поръ хорошо вели дѣла своего отечества, пока повиновались ефорамъ, какъ дѣти отцамъ [2]). Онъ самъ говоритъ, что Клеоменъ, уничтожившій власть ефоровъ, „разрушилъ прародительское устройство“ Спарты [3]). Со стороны Полибія, который только повторялъ чужой взглядъ на древнее спартанское устройство, такая непослѣдовательность еще понятна. Но стоики и ученики ихъ могли быть послѣдовательнѣе, и какъ видно, они были дѣйствительно таковы. Кто нарушалъ главнымъ образомъ то равновѣсіе, которое имѣлъ въ виду божественный Ликургъ? Ефоры, служащіе оплотомъ олигархическаго порядка. Чья власть была слишкомъ унижена въ ущербъ равновѣсію? Власть царская. Что̀ нужно было сдѣлать для возстановленія священнаго „прародительскаго“ порядка? Мы думаемъ, что Клеоменъ, уничтожая ефоровъ, отчасти осуществлялъ на практикѣ тѣ слѣдствія, которыя вытекали изъ сочиненій его учителя Сфэра Борисѳенскаго. Мы думаемъ, что онъ былъ ближе ко взгляду стоиковъ, чѣмъ Полибій, когда говорилъ: „Ефоры своею придаточною (ἐπιθέτῳ) властью уничтожили прародительскую власть“

[1]) Polyb., VI, 10, 45.
[2]) Polyb , XXIV, 8 (6), 1.
[3]) II, 47, 3, IV, 81, 14

царей; они „мѣшаютъ возстановленію прекраснѣйшаго и божественнѣйшаго порядка въ Спартѣ“ [1]).

Итакъ, оказывается, что взглядъ греческихъ политическихъ мыслителей на спартанское устройство испыталъ нѣсколько любопытныхъ превращеній. Они видѣли въ Спартѣ аристократическое государство, потомъ находили въ ней соединеніе демократическихъ и аристократическихъ элементовъ, и наконецъ, на Ликурговскомъ же устройствѣ выработался знаменитый принципъ равновѣсія всѣхъ трехъ элементовъ. Чрезъ посредство Сфера, послѣдній взглядъ получаетъ практическое вліяніе и практическое приложеніе во время спартанской реформы. Какъ теорія, онъ перешелъ въ сочиненія Полибія и Плутарха [2]) и — что̀ для насъ очень важно — перешелъ имéнно отъ стоиковъ. Важно это для насъ потому, что у Плутарха и Полибія, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть еще одна чрезвычайно важная подробность о Ликурговскомъ законодательствѣ, которой нѣтъ въ другихъ доступныхъ намъ источникахъ. Мы увидимъ, что рѣшеніе вопроса, откуда взяли Полибій и Плутархъ эту подробность, представляетъ ключъ къ рѣшенію другаго вопроса, очень сильно занимающаго науку. Не позволительно ли уже заранѣе сдѣлать догадку, что и эту подробность они заимствовали изъ того же самаго источника, изъ котораго взяли свой взглядъ на Ликурговское политическое устройство?

Извѣстно, что спартанская реформа Агиса и Клеомена ставила себя въ прямую связь съ законодательствомъ Ликурга, именно, утверждала, что она хочетъ возстановить равенство поземельнаго владѣнія, водворенное нѣкогда Ликургомъ и потомъ, неизвѣстно когда, разрушенное. Но въ какой степени равномѣрный передѣлъ и раздѣлъ земли Ликургомъ есть фактъ историческій? Не принадлежитъ ли это извѣстіе къ числу тѣхъ ретроспективныхъ видѣній, которыя довольно часто являются въ исторіи и служатъ оправданіемъ и рекомендаціей для теорій и стремленій совершенно новыхъ, для преобразованій и пере-

[1]) Plut, Cleom., 10.

[2]) А отъ Полибія къ Макіавелли Макіавелли, первый изъ новыхъ провозгласившій ученіе о равновѣсіи трехъ элементовъ, почти буквально повторяетъ ученіе Полибія о круговращеніи политическихъ формъ, впрочемъ не называя своего источника Онъ говоритъ только: Alcuni altri (e secondo l'opinione di molti più savi) hanno opinione etc. Заключеніе. E questo il cerchio, nel quale girando tutte le republiche si sono governate, e si governano Далѣе онъ говоритъ, что самая совершенная форма есть смѣшанная: Rimanendo mista, fece una republica perfetta Discorsi, I,2.

воротовъ, пугающихъ своею новостью современниковъ? Гротъ въ своемъ знаменитомъ твореніи, опровергая извѣстіе Плутарха о равномъ надѣлѣ всѣхъ Спартанцевъ поземельными участками при Ликургѣ, указываетъ на молчаніе объ этой мѣрѣ Иродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Исократа, Платона, всѣхъ древнѣйшихъ писателей до Полибія и Плутарха, и на этомъ основаніи считаетъ весь разказъ Плутарха „спомъ“ царя Агиса. Скептицизмъ Англичанина не выходитъ такимъ образомъ изъ одной только практической мудрости, не вѣрящей въ возможность и благодѣтельность подобныхъ мѣръ. Его доказательства очень сильны. Нѣмецкая наука оказывается на этотъ разъ болѣе консервативною въ отношеніи къ историческому преданію, а съ другой стороны, болѣе смѣлою по своей вѣрѣ въ возможность такого. факта Шеманнъ и вслѣдъ за нимъ Дункеръ доказываютъ возможность передѣла земли, хотя сомнѣваются въ равенствѣ надѣла, доказываютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ у вышеприведенныхъ писателей, въ которыхъ объ этомъ необходимо, повидимому, ожидать упомпнанія, это событіе могло быть не упомянуто, или потому что такой необходимости не было, или потому что при нихъ уже не существовало никакихъ слѣдовъ бо̀льшаго или меньшаго равенства, введеннаго Ликургомъ. Наконецъ, Шеманнъ и Дункеръ ссылаются на авторитетъ Полибія, который нельзя цѣнить низко. Собственно говоря, только послѣднее доказательство имѣетъ нѣкоторый вѣсъ. Полибій, конечно, очень умный и основательный историкъ, и свидѣтельство его имѣетъ большое значеніе. Но по отношенію къ событію, случившемуся за пять или шесть сотъ лѣтъ до него, онъ самъ по себѣ не можетъ ничего свидѣтельствовать. Слѣдовательно, можно спросить: откуда онъ взялъ свое извѣстіе? Дункеръ допускаетъ возможность народнаго преданія между Спартанцами, которое могло сохраниться до временъ Полибія. Но не говоря о томъ, на сколько вообще пользуются уваженіемъ народныя преданія о временахъ, когда земля текла млекомъ и медомъ, очень странно, что именно тѣмъ писателямъ, которые такъ любятъ народныя преданія (Иродотъ), оно осталось неизвѣстнымъ. Еще болѣе странно предполагать склонность пользоваться народными преданіями у писателя, который если и страдаетъ какимъ недостаткомъ, то именно нѣкоторымъ педантизмомъ и доктринерствомъ. Если бы слово „доктринеръ“ было изобрѣтено въ древности, то Полибій имѣлъ бы на него право прежде всѣхъ. Тѣмъ не менѣе посмотримъ, на сколько отзывается народнымъ воззрѣніемъ приведенный нами взглядъ Полибія на Ликурговское государственное устройство.

Мы думаемъ, что если политическая теорія Ликургова законодательства принадлежитъ стоикамъ, то отъ нихъ же заимствовано и сохраненное Полибіемъ и Плутархомъ извѣстіе объ аграрномъ законодательствѣ Ликурга. Именно тѣ два писателя, у которыхъ мы открыли слѣды Зиноновой теоріи, говорятъ и о равномъ надѣлѣ Ликурговскихъ современниковъ землею. Въ своихъ сочиненіяхъ о Спартѣ стоики положительно не могли обойдти вопросъ о соціальномъ положеніи Лаконики, и можетъ-быть, остальныхъ греческихъ государствъ. Какія же средства и лѣкарства они предлагали или могли предложить противъ ненормальнаго и болѣзненнаго состоянія этихъ государствъ? Припомнимъ опять тотъ важный фактъ, что учителемъ и другомъ Клеомена былъ стоикъ Сфэръ. Фактъ этотъ дѣлается еще знаменательнѣе, когда мы напомнимъ здѣсь имя другаго стоика, находившагося въ такихъ же отношеніяхъ къ другому соціальному реформатору древности. У одного изъ Гракховъ — они преслѣдовали въ Римѣ ту же задачу, жертвою которой пали въ Спартѣ Агисъ и Клеоменъ — былъ наставникомъ благородный Влоссій, послѣдователь стои [1]). Не указываютъ ли эти два примѣра на то направленіе и на тотъ взглядъ, которые развивались стоиками въ ихъ сочиненіяхъ о Спартанскомъ государствѣ и о Ликургѣ? Ликургъ, который, по словамъ Плутарха, вполнѣ раздѣлялъ идеи стоиковъ о конституціонномъ равновѣсіи властей, не долженъ ли былъ принять ихъ взглядъ и по другимъ вопросамъ?

Подойдемъ къ нашей задачѣ съ другой стороны. Плутархъ въ своихъ біографіяхъ всегда — хотя мимоходомъ — указываетъ на источники, которыми онъ руководствовался. Въ жизнеописаніи Ликурга онъ называетъ болѣе двадцати именъ. По обыкновенію, онъ ссылается на своихъ свидѣтелей только по поводу какого-нибудь спеціальнаго вопроса или спорнаго пункта. При извѣстіи о раздѣленіи всей спартанской территоріи между гражданами, онъ не приводитъ никакого свидѣтельства. Нельзя ли однако предположить, что двадцать слишкомъ именъ давали уже достаточный матеріалъ для небольшой біографіи? И если окажется, что тутъ находятся на лицо всѣ источники Плутарха, то нѣтъ ли возможности открыть, какому или какимъ изъ нихъ должны принадлежать занимающія насъ извѣстія?

Отвѣчая на первый вопросъ, мы, нисколько не желая унизить основательность и добросовѣстность Плутарха, замѣчаемъ, что даже исчисленными источниками онъ пользовался не одинаково, а въ сущ-

[1]) Plut., Tiber. Gracch. 8, 17, 20.

ности принялъ за основаніе два-три главныхъ, хотя и позднѣйшихъ, но за то представлявшихъ уже готовый сводъ извѣстій, относящихся къ предмету. Иначе и быть не могло. Такимъ пособіемъ было для него, очевидно, сочиненіе Ермиппа „о законодателяхъ“. Плутархъ цитуетъ его очень часто [1]). Мы не имѣемъ впрочемъ никакого основанія отвергать, что Плутарху были извѣстны и нѣсколько другихъ писателей, не поименованныхъ въ біографіи Ликурга. Нужно думать прежде всего, что онъ не оставилъ безъ вниманія Ефора, хотя въ біографіи Ликурга не ссылается на него ни разу; за то въ другихъ мѣстахъ это случается нерѣдко, съ другой стороны, какъ видно изъ Страбона [2]), у Ефора былъ подробный очеркъ спартанскаго устройства. Далѣе здѣсь должны быть названы: Филархъ, какъ писатель, очень хорошо знакомый Плутарху, тѣмъ болѣе, что первый въ исторіи Агиса и Клеомена могъ (подобно Плутарху) говорить и о Ликурговскомъ устройствѣ, и можетъ-быть, Каллисѳенъ, извѣстный ученикъ Аристотеля, писавшій о Спартѣ и приводимый Плутархомъ въ другихъ мѣстахъ, какъ авторитетъ по этой спеціальности [3]). О Персэѣ нельзя ничего сказать; Плутархъ ни разу не ссылается на него. Не видно также, чтобы Плутархъ много пользовался Дикэархомъ; относительно дѣлъ лаконскихъ онъ приводитъ только одинъ образчикъ незнанія этого писателя — по мелочному, впрочемъ, вопросу [4]) Дѣлать дальнѣйшія предположенія объ источникахъ Плутарха, какъ мы думаемъ, нѣтъ воз-

---

[1]) Въ біографіи Ликурга два раза (главы 5 и 23), въ біографіи Солона три раза (2, 6, 11), и т. д См. Fragmenta H. Graec., tom. III, p. 35 — 54.

[2]) X, 735; ср. Polyb., VI, 7, 1.

[3]) Изъ Полибія (VI, 7, 1) также видно, что Каллисѳенъ былъ очень важнымъ авторитетомъ относительно спартанскаго устройства. Плутархъ ссылается на него по вопросу о величинѣ спартанской моры (Pelop., 17) и объ одной подробности въ исторіи Агесилая (42) Сверхъ того. Cimon, 12, 13, Aristid., 27, Alexand, 27, 38, 42 и проч.

[4]) Agesil., 19—объ имени дочери Агезилая. Нелишнимъ, впрочемъ, будетъ прибавить здѣсь же, что во всякомъ случаѣ не у Дикэарха Плутархъ заимствовалъ извѣстіе о раздѣленіи полей. Если скромное лицемѣріе ефоровъ допускало публичное проповѣдываніе теоріи о равновѣсіи властей, тогда какъ вся власть была въ сущности въ ихъ рукахъ, то никакъ нельзя думать, чтобъ они дозволили читать въ своемъ присутствіи сочиненіе, въ которомъ бы говорилось о такомъ опасномъ для всей олигархіи вопросѣ, какъ равенство имуществъ О равновѣсіи властей можно было толковать безопасно, можно было даже утверждать, что таковъ именно существующій порядокъ, но уже никакъ нельзя было скрыть, что на самомъ дѣлѣ въ распредѣленіи имуществъ нѣтъ никакого равенства; слѣдовательно, безразсудно и опасно было напоминать объ этомъ.

можности, и во всякомъ случаѣ, никакой необходимости; если и есть еще нѣсколько малоизвѣстныхъ писателей, занимавшихся исторіей Спарты, то они относятся къ позднѣйшему времени. Мы знаемъ, что мнѣніе о раздѣленіи поземельнаго имущества Ликургомъ на равныя части явилось ранѣе Полибія, который уже говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ. Слѣдовательно, распространеніе этого мнѣнія принадлежитъ не позднѣйшимъ писателямъ, а тѣмъ, которые предшествовали Полибію, и только эти послѣдніе имѣютъ важность въ нашемъ вопросѣ.

Итакъ, мы можемъ сказать не обинуясь, что послѣ сдѣланнаго нами дополненія, у насъ находятся на лицо всѣ источники, которыми пользовался Плутархъ въ біографіи Ликурга. Которому же изъ нихъ принадлежитъ извѣстіе о равенствѣ поземельнаго дѣленія въ Спартѣ? Рѣшить этотъ вопросъ будетъ легче, когда мы сначала исключимъ тѣхъ писателей, которымъ оно не принадлежитъ. Извѣстіе это не принадлежитъ ни Θукидиду, ни Ксенофонту, ни Платону, ни Аристотелю; сочиненія этихъ писателей мы имѣемъ, и въ нихъ не только нѣтъ ни слова о подобной мѣрѣ, а напротивъ того, есть указанія на очень рано водворившееся неравенство въ Спартѣ. Разбираемое извѣстіе не принадлежитъ и Ефору, какъ мы знаемъ это изъ Полибія [1]). Оно не принадлежитъ Каллисѳену и двумъ другимъ ученикамъ Аристотеля, приводимымъ у Плутарха (въ біографіи Ликурга) — Ѳеофрасту и Аристоксену. Отъ послѣдователей Аристотеля нельзя бы ожидать сочувственнаго отношенія къ мнимой или дѣйствительной попыткѣ организовать общество на началахъ равенства имуществъ. Если бы Плутарху пришлось у нихъ читать о такой мѣрѣ Ликурга, то безъ сомнѣнія, онъ встрѣтилъ бы у нихъ довольно сильныя критическія замѣчанія о ней — въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ самъ Аристотель о

[1]) Polyb., VI, 45 и 46 Полибій выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ самые знаменитые изъ древнихъ писателей — Ефоръ, Ксенофонтъ, Каллисѳенъ и Платонъ, могли находить родство и даже тождество въ спартанскомъ устройствѣ съ Критскимъ, какимъ образомъ могли они «просмотрѣть» такія важныя отличія, какъ равенство поземельнаго имущества, узаконенное въ Спартѣ и не существовавшее въ Критѣ, и проч. Ефоръ, по словамъ Полибія, излагаетъ политическое устройство Крита и Спарты почти одними и тѣми же словами, такъ что, не посмотрѣвъ на заглавіе, не узнаешь, о которомъ изъ двухъ идетъ рѣчь. Ясное дѣло, что всѣ указанные писатели не находили различія между Критомъ и Спартою, потому что не знали о существованіи въ Спартѣ поземельнаго равенства, какъ это относительно Платона обнаруживается изъ его собственныхъ сочиненій, см. De legib., 683 и 684, 736

реформаторахъ, имѣвшихъ подобныя стремленія. Плутарху нельзя лобы бы въ свою очередь обойдтись безъ какого-нибудь возраженія противъ лицъ, унижающихъ то, что онъ называетъ самою энергическою (νεανικώτατον) изъ политическихъ мѣръ спартанскаго законодателя. Вполнѣ согласно съ этимъ Поливій даетъ намъ знать, что Каллисѳенъ, дѣйствительно, не приписывалъ Ликургу ничего подобнаго А Ѳеофрастъ и Аристоксенъ Тарентскій кромѣ того не писали, какъ видно, специальныхъ сочиненій о Спартѣ или Ликургѣ [1]). Послѣднее замѣчаніе имѣетъ также мѣсто въ отношеніи къ Діевтихиду, и кажется, Аполлоѳемиду. Первый изъ нихъ, оставившій сочиненіе объ исторіи своего роднаго города Мегары, только однажды упоминается Плутархомъ по вопросу о годѣ рожденія Ликурга. Притомъ время его жизни хотя положительно и нельзя опредѣлить, но необходимо отнести къ очень позднему періоду. Второй (Аполлоѳемидъ), приводимый аккуратнымъ Плутархомъ по вопросу о мѣстѣ погребенія Ликурга,— писатель совершенно темный. О времени, когда онъ жилъ, нужно повторить то же самое, что сказано о Діевтихидѣ [2]). Нѣсколько значительнѣе Аристократъ, который разказывалъ о путешествіи Ликурга въ Индію и о странномъ способѣ его погребенія. Онъ написалъ по

---

[1]) Сочиненія Аристоксена исчислены у Мюллера, см. Fragm Hist. Graec., II, стр. 282 и слѣд. Аристоксенъ могъ говорить о Ликургѣ въ своихъ βίοι ἀνδρῶν; но судя по сохранившимся отрывкамъ, здѣсь заключались только жизнеописанія философовъ (Пиѳагора, Архита, Сократа, Платона, Ксенофила) Плутархъ ссылается на него (Lycurg , 31) по вопросу о мѣстѣ погребенія Ликурга. Замѣтка объ этомъ могла быть помѣщена у Аристоксена въ одномъ изъ его мелкихъ сочиненій, имѣющихъ смѣшанное содержаніе (miscellanea), и всего скорѣе въ его «памятныхъ замѣткахъ» (ὑπομνήμασι), на которыя Плутархъ ссылается въ біографіи Александра (4 гл.). Ѳеофрастъ приводится (Lycurg , 10) по поводу его замѣчанія, что Ликургъ своими учрежденіями отнялъ привлекательность у богатства, а это указываетъ на существованіе богатства и отсутствіе равенства — замѣчаніе, которое уже сдѣлалъ Гротъ Почти всѣ сочиненія Ѳеофраста чисто философскаго или естественнонаучнаго содержанія.

[2]) На Діевтихида ссылается Плутархъ только однажды по генеалогическому вопросу о Ликургѣ (гл. I). «Діевтихидъ», впрочемъ,— сомнительное чтеніе; у Аѳинэя (VI, 262) и у Діогена Лаертскаго (I, 57), безъ сомнѣнія, тотъ же писатель называется Діевхидомъ Кромѣ того, что о Діевтихидѣ упоминаютъ только поздніе писатели (первый Плутархъ), уже археологическій характеръ сочиненія (что можно заключать изъ того, что онъ написалъ пять, а можетъ-быть, и болѣе книгъ о Мегарѣ, и также изъ отрывка у Аѳинэя) ручается за то, что это писатель очень поздній, можетъ-быть, I вѣка по Р. Х. Аполлоѳемидъ приведенъ Плутархомъ, какъ и Аристоксенъ, по вопросу о мѣстѣ погребенія Ликурга. Имя его нигдѣ болѣе не встрѣчается.

крайней мѣрѣ четыре книги о Спартанскихъ древностяхъ (Λακωνικά). Жилъ онъ не ранѣе втораго или даже перваго столѣтія до Р. Х. [1]). Всѣ трое не имѣютъ никакого значенія для нашего вопроса. Равнымъ образомъ не могутъ идти въ разчетъ хронологическія сочиненія Тимея, Аполлодора и Ератосѳена. Не думаемъ, чтобы можно было остановиться на именахъ Иппіи и Критіи, двухъ софистовъ, цитуемыхъ у Плутарха [2]). Знаменитый Критія имѣлъ бы, конечно, случай говорить о законодательствѣ Ликурга: онъ написалъ книгу „о государственномъ устройствѣ Лакедемонянъ". Но сколько можно судить по отрывкамъ и ссылкамъ на нее (у самого Плутарха и Аѳинэя), содержаніе ея касалось исключительно частнаго, домашняго быта Спартіатовъ, точно такъ, какъ и его „элегіи". Если бы Критія занимался въ своихъ сочиненіяхъ и государственнымъ устройствомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то не было бы никакого основанія предполагать у него такія свѣдѣнія въ этой области, какія не были доступны его современникамъ (Ксенофонту и Платону) и притомъ не соотвѣтствовали бы тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ проистекало его сочувствіе къ спартанской олигархіи. У Иппіи Плутархъ заимствовалъ только извѣстіе о томъ, что Ликургъ былъ человѣкъ воинственный; но въ какомъ сочиненіи Иппіи говорилось о Ликургѣ, мы не знаемъ; нѣтъ нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ, чтобъ Иппія оставилъ спеціальное сочиненіе объ исторіи или древностяхъ Спарты. Хотя греческая лирическая поэзія древняго періода и проникнута политическимъ и общественнымъ содержаніемъ, но содержаніе это всегда живое, то-есть, современное, близкое, личное для поэта. Поэтому, если Плутархъ въ жизнеописаніи Ликурга и упоминаетъ поэтовъ Терпандра, Алкмана, Тиртэя, Пиндара и Симонида [3]), то еще никакъ нельзя думать, чтобъ они могли сообщить ему фактическія

---

[1]) См. Fragm. Hist. Graec., t. IV, стр. 332.

[2]) Lycurg., 9, 23 Фрагменты Критіи и Иппіи были издаваемы отдѣльно и находятся также во II-мъ томѣ у Мюллера. Болѣе важные отрывки изъ Критіи приведены Аѳинэемъ (XI, p. 463; VI., 483; ср. X, 432 отрывокъ изъ элегій) Иппія самъ бывалъ въ Спартѣ и читалъ здѣсь публичныя лекціи, приноравливаясь ко вкусу и требованіямъ Спартанцевъ, но сочиненій о Спартѣ не оставилъ. О Ликургѣ онъ, можетъ-быть, сказалъ нѣсколько словъ въ своемъ «спискѣ Олимпійскихъ побѣдителей» по поводу договора Ликурга съ Ифитомъ о празднованіи Олимпійскихъ игръ. См Dunker, III, стр. 377 (2-го изд.).

[3]) Терпандръ, гл. 21 и 28, Алкманъ, гл. 28, Тиртэй, гл. 6; Пиндаръ, гл 21, Симонидъ, гл. 1.

(и даже статистическія) свѣдѣнія о законодательствѣ Ликурга, имъ не современномъ. Какъ рано живая современность перестала быть (если она когда-нибудь была) золотымъ вѣкомъ равенства даже для поэзіи, это видно изъ того, что уже во времена Алкэя и Пиндара деньги все значили въ Спартѣ [1]).

Остаются теперь Діоскоридъ, Сосивій Лакопецъ, Сфэръ, Ермиппъ, Филостефанъ Киринейскій, Димитрій Фалерэйскій, и если нужно его прибавить, Филархъ. Поражаетъ здѣсь прежде всего то обстоятельство, что если исключить Димитрія, всѣ перечисленные писатели почти современники и между собой, и съ реформой Агиса и Клеомена. Ужь по этому одному естественно подумать о близкой связи между теоріей и практикой, и какъ посредствующее звено этой связи выставляется само собою имя Сфэра. Всмотримся однако пристальнѣе. Димитрія Фалерэйскаго мы позволимъ себѣ оставить въ сторонѣ — не только потому, что онъ стоитъ, какъ исключеніе, внѣ указанной связи, но и потому, что въ многочисленномъ спискѣ его сочиненій нѣтъ ни одного, относящагося прямо къ Спартѣ или Ликургу [2]). Что касается до Сфэра, Діоскорида и Ермиппа, то всѣ они писали спеціально объ этомъ предметѣ. Какъ видно изъ Аѳинэя [3]), сочиненіе перваго было даже довольно обширно; оно состояло изъ трехъ, а можетъ-быть, и болѣе книгъ. У Діоскорида точно также было сочиненіе „о спартанскомъ государственномъ устройствѣ“, на которое именно и ссылается Плутархъ [4]). Ермиппъ былъ предшественникъ Плутарха въ томъ самомъ родѣ, въ которомъ такъ прославился послѣдній; его „біографіи“ (βίοι), какъ видно, пользовались большимъ уваженіемъ въ древности. Въ первыхъ книгахъ находились жизнеописанія законодателей и въ числѣ ихъ Ликурга [5]). Что касается до Сосивія, то его сочиненія имѣли, какъ видно, чисто археологическій и отчасти филологическій характеръ; при Александрійскомъ дворѣ шутили надъ его педантизмомъ. Не думаемъ, чтобы политическое содержаніе входило и въ сочиненіе

---

[1]) Pindar, Isthm, II, 10 (сравн. съ объясненіемъ схоліаста).

[2]) См. Fragm. Hist. Graec., t II, стр. 263 и слѣд. Плутархъ ссылается на него въ 23-й главѣ. Здѣсь Димитрій противорѣчитъ Иппіи, говоря, что Ликургъ ничего воинственнаго не предпринималъ.

[3]) IV, p. 114.

[4]) См. Fragm. Hist. Graec., II, стр 192 и слѣд. Плутархъ ссылается на Діоскорида, сочинителя «Лаконской политіи» въ II гл. Ликурга и кромѣ того въ Agesil., 35, ср Athen., IV, p. 140.

[5]) Fr. H. Gr., II, стр. 221; Plut., Lycurg., 5, 23.

Филостефана „объ изобрѣтеніяхъ“ [1]). Итакъ, изъ именъ, названныхъ самимъ Плутархомъ, Сфэръ, Діоскоридъ и Ермиппъ остаются пока единственными несомнѣнными источниками для той главы въ біографіи Ликурга, въ которой Плутархъ говоритъ о равномъ поземельномъ раздѣлѣ.

Мы пришли, слѣдовательно, опять къ стопкамъ. Сфэра мы уже хорошо знаемъ. Діоскоридъ, написавшій „Лаконскую политику“, есть, безъ сомнѣнія, тотъ самый, сынъ котораго, Зинонъ Тарсійскій, наслѣдовалъ Хрисиппу въ стоической школѣ (въ 207 г.), тотъ самый, которому Хрисиппъ посвящалъ свои сочиненія [2]). Ермиппъ былъ ученикомъ Каллимаха, умершаго въ началѣ царствованія Птолемэя III (Евергета) около 240 года. Итакъ, Ермиппъ если и не былъ стоикомъ, то писалъ при Птолемэяхъ III и IV (Евергетѣ и Филопаторѣ), то-есть, уже послѣ Сфэра, или лучше сказать, именно въ то самое время, когда и Сфэръ переселился вслѣдъ за Клеоменомъ въ Александрію Здѣсь мѣсто вспомнить и о Филархѣ. Хотя, какъ сказано, Плутархъ не ссылается на него въ біографіи Ликурга, но за то пользовался имъ почти исключительно въ жизнеописаніи Агиса и Клеомена. Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Филархъ вполнѣ вѣрилъ, что реформа или революція его героя есть только реставрація Ликурговскаго порядка. Это видно изъ обѣихъ біографій, написанныхъ подъ его вліяніемъ. Но Филархъ тоже писалъ въ Египтѣ, и очевидно, вскорѣ за катастрофою, принудившею Клеомена удалиться въ Александрію. Опять дѣло близко касается Сфэра [3]).

Мы замѣчаемъ, что всѣ сочиненія, которыя остаются намъ послѣ сдѣланнаго перебора, относятся ко времени, чрезвычайно близкому къ попыткамъ соціальной реформы Агиса и Клеомена. Что же чему предшествовало — теорія практикѣ или практика теоріи? По всѣмъ признакамъ, теорія явилась раньше. Сфэръ, до своего отправленія въ Египетъ, пріѣзжалъ нѣсколько разъ съ береговъ Днѣпра въ Спарту [4]).

---

[1]) О Сосивіи см. Fr. H. Gr., II, стр. 625 и слѣд., и Athen., III, 72, XIV, 621 и 635, XI, 493, XV, 674 и 690 У Плутарха II гл. біографіи Ликурга и сверхъ того Agesil., 25. О Филостефанѣ Fr. H. G., t II, въ біографіи Ликурга гл. 23.

[2]) Diog Laert., VII, 190, 193, 197 и т. д.

[3]) Мы уже намекнули и снова высказываемъ предположеніе, что Филархъ, писавшій въ Александріи, заимствовалъ свои свѣдѣнія о Спартѣ и Ахэйскомъ союзѣ отъ лицъ, окружавшихъ Клеомена во время его изгнанія, и можетъ-быть, отъ самого Клеомена, чѣмъ и объясняется его энтузіазмъ къ спартанскому герою

[4]) Plut., Cleom., 2 Σφαίρου τοῦ Βοριστθενίτου παραβάλλοντος εἰς τὴν Λακεδαίμονα. Шеманнъ и вслѣдъ за нимъ Синтенисъ (въ изданіи Тейбнера Plutarchi vitae pa-

Онъ училъ здѣшнее юношество уже въ то время, когда Клеоменъ былъ только мальчикомъ (μειράκιον ὄντα). Это совпадаетъ съ царствованіемъ Агиса, а можетъ-быть, и съ предыдущимъ царствованіемъ. Тотчасъ по смерти Агиса отецъ Клеомена женилъ своего сына на вдовѣ погибшаго реформатора: хотя Клеоменъ былъ тогда и „не совсѣмъ въ брачномъ возрастѣ (οὐ πάνυ γάμων ὥραν ἔχων)“, но все-таки уже въ юношескихъ лѣтахъ (νεανίσκος). Въ Спартѣ женились поздно. Между временемъ, когда Агисъ приступилъ къ своей реформѣ, и годомъ его смерти разстояніе, какъ увидимъ ниже, не болѣе двухъ лѣтъ. Въ эти два года съ трудомъ можно вмѣстить такой періодъ, въ продолженіе котораго человѣкъ дѣлается изъ мальчика юношей. Скорѣе философская пропаганда Сфэра началась ранѣе, чѣмъ государственная дѣятельность Агиса. Плутархъ говоритъ, что Агисъ встрѣтилъ себѣ сочувствіе преимущественно между молодежью (νέοι) [1]). Не тѣ ли это самые „юноши и подростки“, на которыхъ, по его же словамъ, особенно старался дѣйствовать Сфэръ? Есть основаніе предполагать, что самыя сочиненія Сфэра написаны имъ до своего отправленія въ Египетъ. Еслибъ онъ писалъ ихъ послѣ катастрофы, принудившей его и его ученика спасаться изъ Греціи, то нѣтъ сомнѣнія, въ своихъ книгахъ, онъ посвятилъ бы хоть небольшую часть своимъ воспоминаніямъ, и Плутархъ, очень внимательный въ такихъ случаяхъ, сохранилъ бы какія-нибудь особенныя черты, всегда встрѣчающіяся въ разказахъ любящаго наставника о любимомъ ученикѣ. Вмѣсто того, о самомъ фактѣ пребыванія Сфэра въ Спартѣ и объ его наставническихъ отношеніяхъ къ Клеомену Плутархъ выражается только безличнымъ „говорятъ“ [2]). Слѣдовательно, Сфэръ въ своихъ сочиненіяхъ ничего не говорилъ о дѣйствительныхъ попыткахъ реформы, то-есть, писалъ свои сочиненія ранѣе ихъ. Только Филархъ въ своей исторіи воспользовался разказами Сфэра.

Читатель, который согласится признать предложенный рядъ соображеній и комбинацій довольно прочнымъ и основательнымъ, самъ увп-

---

rallelae, 1859 года) переправляютъ παραβάλλοντος въ παραβαλόντος — «пріѣзжалъ» въ «пріѣхалъ» Поправка основана на одномъ предположеніи, что, вѣроятно, Сфэръ былъ въ Спартѣ только однажды; слѣдовательно, она не имѣетъ достаточныхъ основаній. У того же самаго Синтениса въ другомъ изданіи біографіи Клеомена (Ausgewahlte Biographien des Plutarch, II-tes Bandchen) стоитъ παραβάλλοντος.

[1]) Plut, Ag., 6.

[2]) Λεγεται δὲ καὶ λόγων φιλοσόφων τὸν Κλεομένη μετασχεῖν ἔτι μειράκιον ὄντα Σφαίρου τοῦ Βορισθενίτου παραβάλλοντος εἰς τὴν Λακεδαίμονα καὶ περὶ τοὺς νέους καὶ τοὺς ἐφήβους οὐκ ἀμελῶς διατρίβοντος.

дитъ, какой отсюда слѣдуетъ выводъ относительно достовѣрности столько разъ оспариваемаго и столько разъ снова защищаемаго извѣстія о раздѣленіи поземельнаго имущества въ Спартѣ на основаніи равенства. Мы еще выше замѣтили, что извѣстіе это явилось очень поздно, именно тогда, когда въ Спартѣ господствовало уже крайнее и опасное неравенство въ распредѣленіи имуществъ; мы объяснили, какимъ образомъ историческая мысль, обращаясь къ прошедшему, увидѣла тамъ поразительное для себя явленіе многихъ тысячъ поземельныхъ собственниковъ, составлявшихъ нѣкогда силу и славу Спарты, и не могла объяснить это явленіе иначе, какъ волею мудраго законодателя. Мы можемъ теперь прибавить, что неправильная и вовсе неисторическая постановка вопроса, приведшая и къ неправильному рѣшенію, тѣмъ болѣе понятна, что вопросомъ стали заниматься не историки, но теоретическіе мыслители, философы Зиноновой школы. Они занимались Спартою, Ликургомъ и Ликурговскимъ устройствомъ, съ ревностію и усердіемъ, потому что имѣли при этомъ интересъ тенденціозный. Они хотѣли доказать возможность государства, построеннаго по ихъ началамъ, возможность цѣлаго народа философовъ, по выраженію Плутарха [1]). Государства нельзя было построить на однихъ нравственныхъ началахъ суровой доблести и презрѣнія къ внѣшнимъ благамъ; нужно было указать соотвѣтствующую политическую организацію, соотвѣтственный соціальный порядокъ. Спокойное, невозмутимое равновѣсіе въ политической жизни, опредѣленное закономъ количество имущества, уничтожающее „два великихъ зла: богатство и бѣдность“ и водворяющее равенство и согласіе, которое уничтожаетъ господство страстей, зависти и любостяжанія, — эти два начала соотвѣтствовали вполнѣ общему міросозерцанію стоической школы. Стоики нашли, что̀ имъ было нужно, въ древнемъ устройствѣ спартанскомъ: чего тамъ не было, они дополнили сами.

Нужно ли замѣчать, что если стоики высказывали иногда космополитическіе принципы и проповѣдывали космополитическое государство, то это нисколько не противорѣчитъ ихъ сочувственному отношенію къ Спартѣ? И тамъ, и здѣсь, въ основѣ лежитъ одинаково отвлеченное, чисто раціоналистическое отношеніе къ государству. Мы знаемъ, что и послѣ, когда стоическое ученіе проложило себѣ дорогу въ Римское государство и сдѣлалось въ немъ какъ бы официальною философіей, оно, къ удивленію, оказалось весьма родственнымъ съ дѣйстви-

[1]) Lycurg., 31.

тельными политическими учрежденіями Римлянъ. Вмѣсто того, чтобы развивать свое ученіе о космополитическомъ государствѣ философовъ, стоики принялись писать сочиненія о мудромъ устройствѣ римской администраціи [1]) и нашли, что въ Римскомъ государствѣ также осуществляется принципъ равновѣсія трехъ элементовъ.

Наше объясненіе источниковъ, изъ которыхъ явилось извѣстіе объ аграрномъ законодательствѣ Ликурга, дѣлаетъ фактъ этого законодательства болѣе чѣмъ сомнительнымъ и вполнѣ отвергаетъ его дѣйствительность, ибо самое извѣстіе оказывается основаннымъ отчасти на ложной постановкѣ вопроса, отчасти на тенденціозномъ отношеніи къ нему. За то, съ другой стороны, мы получили тотъ важный результатъ, что преобразовательныя попытки Спартанскихъ царей окажутся не случайными и неожиданными, а подготовленными цѣлою философскою пропагандой; участіе одного изъ учениковъ Зинона въ исторіи Клеомена явится не одиночнымъ и отрывочнымъ фактомъ, а частнымъ выраженіемъ болѣе общей и глубокой связи между политическою теоріей и практикою.

Около времени освобожденія Коринѳа Аратомъ, то-есть, около 243 года царемъ Спартанскимъ изъ фамиліи Проклидовъ былъ Агисъ, сынъ Евдамида [2]). Очень молодымъ вступилъ онъ на престолъ своихъ предковъ. Воспитаніе всего менѣе готовило въ немъ будущаго реформатора упадшей дисциплины, возстановителя суроваго строя Ликурговской Спарты. Онъ выросъ на рукахъ своей матери Агиситраты и бабки Архидаміи. Обѣ эти женщины принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ представительницъ женской аристократіи, которая имѣла такое сильное вліяніе въ Спартѣ и вовсе не отличалась хорошимъ направленіемъ. Въ роскоши и нѣгѣ былъ воспитанъ Агисъ [3]). Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ мало подробныхъ свѣдѣній объ его дѣтствѣ и первой юности; мы не знаемъ, кто былъ его учителемъ и наставникомъ. Нужно предполагать, что не одна хорошая натура спасла Агиса отъ тѣхъ опасностей, которыя готовило ему исключительно женское воспитаніе; не безъ посторонняго благотворнаго вліянія сохранились въ немъ высшія и благородныя стремленія средн всеобщей распущенности. Онъ имѣлъ хорошія позна-

---

[1]) См Mommsen, Rom G., II, стр. 416 и 417 (2-е изд)

[2]) Годъ вступленія Агиса на престолъ невозможно указать съ точностью. Во всей его исторіи только одинъ пунктъ доступенъ хронологическому опредѣленію.

[3]) Plut Ag , 4.

нія въ исторіи своего отечества и съ нѣкоторою гордостью укорялъ однажды своего товарища по царству въ неосновательныхъ представленіяхъ о законодательствѣ Ликурга [1]). Обычай или даже мода того времени требовали знакомства съ философіей. При всѣхъ дворахъ мы встрѣчаемъ въ это время представителей той или другой философской школы. Спартанскіе цари уже давно перестали образомъ своей жизни отличаться отъ другихъ самодержавныхъ властителей; принявъ всѣ обычаи современныхъ дворовъ, они могли вмѣстѣ съ дурнымъ принять и это похвальное обыкновеніе — приглашать питомцевъ Зинона и Аркесилая для воспитанія своихъ дѣтей. До насъ дошло въ высшей степени любезное письмо, съ которымъ царь Македонскій Антигонъ Гоната обратился къ самому основателю стоической школы, приглашая его къ своему двору [2]). Туда отправился Персэй, и ему ввѣрилъ Антигонъ воспитаніе одного изъ своихъ сыновей [3]). Около этого же времени мы встрѣчаемъ въ Спартѣ другаго изъ лучшихъ учениковъ Зинона. Съ какою цѣлью прибылъ сюда Сфэръ? Отвѣчать на это положительно, конечно, нельзя. Но очень вѣроятно, что посредственно или непосредственно философія стоиковъ и пропаганда Сфэра имѣли вліяніе на молодаго Агиса. Онъ является послѣдователемъ Зинона не менѣе, быть-можетъ, какъ и послѣдователемъ Ликурга, когда въ двадцать лѣтъ [4]), отказавшись отъ выгодъ и блеска своего положенія, онъ добровольно подвергаетъ себя самому суровому образу жизни. Короткій, узкій плащъ (τριβώνιον) былъ его одеждой, а знаменитый черный супъ, которымъ извѣстные жители Сибариса объясняли презрѣніе къ жизни древнихъ Спартанцевъ, — его царскою пищей. Для современныхъ потомковъ старой Спарты, посѣщавшихъ роскошные пиры своихъ богачей, это могло казаться только очень страннымъ. Гораздо опаснѣе и серіознѣе были тѣ слова, которыя передавались людьми, окружавшими молодаго царя. Агисъ говорилъ, что онъ желаетъ царствовать только для того, чтобы возстановить законы и обычаи отеческіе [5]).

Задача была въ высшей степени трудная. Мы уже знаемъ, въ чемъ главнымъ образомъ заключалось зло. Не романтическими мечтами о добромъ старомъ времени, о гордой и суровой бѣдности предковъ

---

[1]) Plut Ag , 10.

[2]) См. Diog. Laert , VII, 7. Діогенъ беретъ письмо у Аполлонія Тирскаго

[3]) Ibid , p. 36.

[4]) Μηδέπω γεγονὼς εἰκοστὸν ἔτος, см. Plut., Ag., 4.

[5]) Plut., Ag , 4

можно было помочь дѣлу. Только комедіи позволительно было объяснять паденіе Спарты тѣмъ, что здѣсь вошли въ обычай вѣнки изъ гіацинтовъ и пурпурныя сѣтки для женскихъ волосъ [1]). Не деньги, привезенныя Лисандромъ, сгубили Спарту; не роскошь была основною причиной ея упадка. Чтобы поднять государство, необходима была коренная реформа политическая и соціальная. Умъ болѣе зрѣлый и опытный могъ бы отступить предъ тою задачей, которая представлялась Агису. Неопытность и юношескій энтузіазмъ одушевляли Агиса и дѣлали его смѣлымъ. Онъ считалъ возможнымъ и легкимъ достигнуть того, чтобы богатые спокойно отказались отъ своего богатства въ пользу бѣдныхъ, чтобы бѣдные, получивъ состояніе, сдѣлались полезными гражданами Спарты, и чтобы между всѣми водворилось полное согласіе, равенство и суровая простота въ образѣ жизни.

Агисъ не скрывалъ своихъ плановъ. Онъ старался пріобрѣсти себѣ приверженцевъ и помощниковъ. Въ спартанскомъ юношествѣ, можетъ-быть, уже отчасти приготовленномъ философскою пропагандой Сфэра, стремленія Агиса нашли себѣ живое сочувствіе. Но люди зрѣлаго возраста громко порицали нововведенія, которыя задумывалъ юный царь. Между тѣмъ, для достиженія его цѣли необходимо было содѣйствіе людей вліятельныхъ. Агису удалось найдти ихъ. Лисандръ, потомокъ сомненнаго побѣдителя при Эгоспотамосѣ [2]), пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ обществѣ, Мандроклидъ, человѣкъ очень умный и хитрый, съ необыкновенною способностью къ политической интригѣ [3]) и въ то же время съ большою смѣлостью и рѣшительностью, и Агесилай, дядя Агиса по матери, человѣкъ распущенный и своекорыстный, но владѣвшій рѣдкимъ въ Спартѣ даромъ слова, стали на сторону новыхъ стремленій и плановъ. Къ несчастію, не всѣ сдѣлали это съ одинаковымъ чистосердечіемъ. Истинная причина, побудившая Агесилая пристать къ образующейся партіи реформаторовъ, была вовсе не та, которую предполагали въ Спартѣ. Люди, изумленные его сближеніемъ съ молодымъ царемъ, думали, что Агесилай поддался вліянію своего юнаго, благороднаго и мужественнаго сына, Иппомедона. На самомъ же дѣлѣ родственникъ Агиса готовъ былъ содѣйствовать государственному перевороту только для того, чтобы воспользоваться имъ въ своихъ выгодахъ. Далѣе, большихъ затрудненій нужно было ожидать со стороны женщинъ, которыя имѣли прямое вліяніе на дѣла

[1]) Athen , XV, p. 681 (ср. Paus. II, 35, 5).

[2]) Pausan., III, 6, 7: ἀπόγος Λυσάνδρου τοῦ Ἀριστοκρίτου. Ср. Plut , Lysand , 2.

[3]) δεινότατος Ἑλλήνων πράγματα συσκευάσασθαι, см Plut , Ag., 6

государственныя. Агисъ обратился прежде всего къ своей матери, сестрѣ Агесилая. По множеству своихъ кліентовъ (πελατῶν), друзей и должниковъ она занимала первое мѣсто въ женской аристократіи. Впечатлѣніе, произведенное на нее замыслами сына, выразилось испугомъ. Она умоляла Агиса отказаться отъ безполезныхъ и неосуществимыхъ мечтаній. Но Агесилай, человѣкъ болѣе зрѣлой опытности, и конечно, неспособный къ юношескому увлеченію, подкрѣпилъ рѣчь Агиса и болѣе подѣйствовалъ на Агистрату. Онъ доказывалъ, что нѣтъ ничего неудобоисполнимаго въ планахъ ея сына, и что напротивъ того отъ нихъ можно ожидать большой пользы и выгоды. Агисъ настаивалъ и просилъ свою мать пожертвовать, ради славы и чести сына, „пустыми выгодами богатства“. „Богатствомъ, говорилъ онъ, я во всякомъ случаѣ не могу сравниться съ другими царями. Сатрапы, служители и самые рабы сатраповъ, окружающихъ Птолемэя или Селевка (царей Египта и Сиріи), возьмутъ въ этомъ отношеніи верхъ надъ всѣми царями Спарты. Только умѣренностью, простотою, презрѣніемъ къ богатству могу я стать выше ихъ роскоши. Возвративъ моимъ гражданамъ равенство и общее владѣніе имуществомъ, я пріобрѣту имя и славу истинно-великаго царя“. Мать и бабка дорожили честію и славою своего сына и внука и наконецъ обѣщали ему свою помощь, которая сейчасъ же и потребовалась. Онѣ должны были склонить другихъ женщинъ на сторону реформы. Мы уже знаемъ, какое важное значеніе принадлежало женщинамъ въ государствѣ Ликурга. „Лакедемоняне, замѣчаетъ Плутархъ по этому случаю, были во всемъ покорны своимъ женамъ и позволяли имъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла гораздо больше, чѣмъ онѣ съ своей стороны допускали участіе мужей въ дѣлахъ домашнихъ“. Агистрата и Архидамія начали переговоры съ „повелительницами“ Спарты. Но попытки ихъ были напрасны. Женщины тѣмъ болѣе дорожили богатствомъ, что только ему онѣ были обязаны тѣмъ почетомъ и вліяніемъ, которыми пользовались. Ни малѣйшей склонности сдѣлать какое-либо пожертвованіе въ пользу общества не было замѣтно съ ихъ стороны. Онѣ не ограничились даже простымъ несогласіемъ и пассивнымъ сопротивленіемъ, но тотчасъ пустили въ ходъ свою силу, силу интриги. Обращаясь къ Леониду, царю изъ другаго дома, онѣ убѣждали его, чтобъ онъ, какъ человѣкъ болѣе зрѣлаго возраста, какъ старшій, остановилъ Агиса и воспрепятствовалъ исполненію его безразсудныхъ и опасныхъ плановъ. Леонидъ былъ готовъ сдѣлать это, но не смѣлъ открыто взяться за такую задачу. Планы Агиса были уже извѣстны

въ народѣ и возбуждали, разумѣется, энтузіазмъ во всѣхъ обѣднѣвшихъ Спартіатахъ. Леонидъ старался вредить тайно; онъ внушалъ ефорамъ и сенаторамъ, что его товарищъ по царству очевидно стремится къ тиранніи и для этого хочетъ склонить на свою сторону бѣдныхъ: „Раздѣломъ земли, отнятой у богатыхъ, и уничтоженіемъ долговыхъ обязательствъ онъ пріобрѣтетъ оруженосцевъ себѣ, а не гражданъ Спартѣ“.

Осенью 243 года[1]) Агису удалось провести избраніе Лисандра въ ефоры, вѣроятно, благодаря вліянію своей матери и дяди на сенаторовъ. Вслѣдъ за этимъ онъ чрезъ Лисандра вноситъ въ сенатъ предложеніе о преобразованіяхъ, которыя уже заранѣе возбуждали волненіе въ умахъ. Главные пункты проекта были слѣдующіе: уничтоженіе долговыхъ обязательствъ и раздѣлъ земли съ тѣмъ, чтобы образовать 4.500 большихъ участковъ, назначаемыхъ для Спартіатовъ, и 15.000 меньшихъ, которыми будутъ владѣть періэки. Въ число Спартіатовъ поступятъ нѣкоторые изъ періэковъ и иностранцевъ юношескаго возраста, получившихъ свободное воспитаніе и здоровыхъ физически. Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ возстановлена „общественная трапеза“, и для этого будутъ образованы 15 „товариществъ“ (фидитій), съ 300 членовъ приблизительно [2]). Всѣ они обязываются принять дисциплину, столъ и образъ жизни своихъ предковъ. Мы считаемъ нужнымъ остановиться на этой программѣ преобразованія и возрожденія Спар-

---

[1]) Ефоры избирались въ началѣ осени (см. Thucyd., V, 36). Агисъ началъ дѣло реформы за два года до своей смерти, которая случилась тотчасъ по его возвращеніи изъ похода на Коринѳскій перешеекъ, то-есть, въ 241 году. Порядокъ избранія ефоровъ, сохраненный Плутархомъ, не дозволяетъ принять болѣе длинный промежутокъ между началомъ и концомъ реформы. При Лисандрѣ и притомъ вскорѣ по вступленіи его въ ефоры (Plut., Ag., 8), то-есть, послѣ осенняго равноночія (Ѳукидидъ въ указанномъ мѣстѣ) внесено предложеніе въ сенатъ. Цѣлый годъ прошелъ въ борьбѣ съ противниками, и только къ концу этого ефората устраненъ Леонидъ, а на его мѣсто поставленъ Клеомвротъ (8—12). Послѣ Лисандра избираются въ эту должность враги реформы, остаются въ ней очень короткое время, низвергаются и на мѣсто ихъ поступаютъ другіе, въ числѣ коихъ былъ и *Агесилай*. Въ началѣ этого ефората, слѣдовательно, осенью въ октябрѣ или ноябрѣ Леонидъ спасается въ Тегею (гл. 12), а лѣтомъ, и именно къ концу его (гл. 15.: τοὺς καρποὺς σχεδὸν ἁπάντων ἤδη συγκεκομισμένων τῶν γεωργῶν), при тѣхъ же ефорахъ, Агисъ отправляется въ походъ и вскорѣ по возвращеніи, къ концу ефората Агесилаева, былъ убитъ.

[2]) Безъ всякаго сомнѣнія, эти 15 фидитій подраздѣлялись на другія меньшія, вѣроятно, въ 15 человѣкъ; только фидитіи такого состава извѣстны намъ въ прежнемъ Ликурговскомъ порядкѣ.

танскаго государства и разсмотрѣть, въ какой степени она соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ жизни, и на сколько была въ состояніи обезпечить правильное и прочное существованіе Спарты въ будущемъ. Очевидно, что реформа выдавала себя за реставрацію. При полумистическомъ уваженіи къ имени Ликурга, которому приписывались всѣ учрежденія Спарты, это, конечно, служило весьма сильнымъ пособіемъ, лучшею рекомендаціей дѣлу преобразованія. Сочиненія, распространившіяся въ это время, о Ликургѣ и древнемъ спартанскомъ устройствѣ, безъ сомнѣнія, подновили и усилили это благоговѣніе ко всему, что было освящено именемъ „полубожественнаго“ и мудраго законодателя. Но за то попытка воротить давнопрошедшія времена имѣла въ себѣ много мечтательнаго и фантастическаго и всего менѣе была способна дать Спартѣ продолжительное обновленное развитіе въ будущемъ. Мы вовсе не намѣрены переносить наши современные взгляды въ то далекое прошлое и судить на основаніи настоящихъ понятій и опытовъ попытку спартанскихъ царей въ половинѣ III вѣка до Р. Х. Полнѣйшая, хотя можетъ-быть неизбѣжная, неудача этой попытки также не даетъ права произнести о ней приговоръ осужденія. Къ нашему счастію, судьею здѣсь можетъ быть сама древность, мы будемъ судить Агиса съ точки зрѣнія Аристотеля. Очевидно, во-первыхъ, что критическія замѣчанія Аристотеля о спартанскомъ государственномъ устройствѣ и его обличенія, указывающія несостоятельность теорій, родственныхъ по духу съ мечтаніями Агиса, остались совершенно безполезными. Лежали ли въ самомъ дѣлѣ сочиненія Аристотеля долгое время подъ спудомъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что его идеи не были въ ходу. Тѣмъ не менѣе „Политика“ Аристотеля остается для насъ руководствомъ и канономъ при изученіи всей греческой исторіи, ибо въ этомъ произведеніи вполнѣ и всецѣло воплотилась политическая мысль Еллиновъ. Реформа Агиса вводитъ равенство поземельныхъ имѣній среди Спартіатовъ, безъ сомнѣнія (хотя этого и не сказано въ источникахъ), съ ихъ неотчуждаемостію. Вотъ что говорилъ Аристотель насчетъ законодателей, имѣющихъ въ виду такую цѣль:

„Такіе законодатели не должны бы забывать того, что обыкновенно ускользаетъ отъ ихъ вниманія: если опредѣлять количество имѣнія, то необходимо опредѣлить ужь и количество дѣтей. Потому что какъ скоро число дѣтей превзойдетъ величину имѣнія, неизбѣжно дѣлается необходимымъ уничтоженіе закона. Но кромѣ этой самой по себѣ вредной необходимости, дурныя слѣдствія имѣетъ (этотъ порядокъ) и потому, что (при немъ) очень многіе изъ богатыхъ дѣлаются бѣдными Трудно воспрепятствовать, чтобы такіе

люди не оказались революціонно настроенными (ἔργον γὰρ μὴ νεωτεροποιοὺς εἶναι τοὺς τοιούτους)... Положимъ однако, что равенство имуществъ достигнуто. Они могутъ быть или слишкомъ велики, такъ что дѣлаютъ возможною роскошь, или слишкомъ малы, такъ что обезпечиваютъ только жалкое существованіе. Очевидно, недостаточно того, чтобы законодатель сдѣлалъ владѣнія равными; онъ долженъ сверхъ того имѣть въ виду среднюю мѣру. Но если наконецъ опредѣлили умѣренное (среднее) состояніе для каждаго, то и этимъ не много помогутъ, потому что гораздо необходимѣе привести къ одной равной мѣрѣ страсти и желанія, чѣмъ владѣнія имущественныя А этого нельзя достигнуть безъ надлежащаго воспитанія посредствомъ законовъ".

Нѣкоторые законодатели-теоретики говорили, что этого уравненія страстей и желаній можно дѣйствительно достигнуть одинаковымъ для всѣхъ воспитаніемъ.

„Но они должны сказать и то, какъ воспитаніе должно быть устроено: опредѣленіемъ, что оно будетъ одно и то же для всѣхъ, нисколько не помогутъ. Оно можетъ быть одно и то же, но притомъ именно такого рода, что его питомцы научаются желать преимуществъ богатства или почестей ... [1]).

„Странно то, что законодатели, имѣющіе въ виду равенство имѣній, ничего не опредѣляютъ о количествѣ населенія въ государствѣ, но оставляютъ размноженіе неограниченнымъ, въ предположеніи, что благодаря случаямъ бездѣтности, оно (населеніе) удержится почти въ одномъ и томъ же количествѣ, сколько бы не рождалось (новыхъ гражданъ), — какъ это, повидимому, и бываетъ въ существующихъ государствахъ; но въ тѣхъ идеальныхъ государствахъ требуется гораздо болѣе точности (въ опредѣленіи отношенія между имуществомъ и количествомъ гражданъ), чѣмъ теперь въ существующихъ государствахъ, потому что теперь, вслѣдствіе возможности дѣлить имущество между какимъ бы то ни было числомъ гражданъ, никто не терпитъ абсолютнаго недостатка, а тамъ, гдѣ имѣнія недѣлимы, всѣ превышающіе число члены (общества) необходимо должны очутиться совершенно съ пустыми руками,—велико ли число ихъ, или мало. Можно бы ожидать, что скорѣе будетъ ограничено размноженіе, чѣмъ имущество, такъ чтобы рождалось не болѣе извѣстнаго числа. Это количество рождающихся слѣдовало бы тогда опредѣлить, имѣя въ виду всѣ случайности, — такъ какъ извѣстное количество родившихся потомъ умираетъ, а съ другой стороны, нѣкоторые остаются бездѣтными [2])... Странно наконецъ и то, что теоретики законодатели не опредѣляютъ надлежащимъ образомъ и равенства имѣній, ибо говорятъ только о равенствѣ землевладѣнія, между тѣмъ существуетъ также богатство въ рабахъ, стадахъ скота, деньгахъ и въ разныхъ родахъ такъ-называемой домашней утвари (τῶν καλουμένων ἐπίπλων). Или нужно искать во всѣхъ этихъ вещахъ равенства, по крайней мѣрѣ какой-нибудь опредѣленной нормы, или, въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ отказаться отъ всякой мысли о равенствѣ" [3]).

---

[1]) Polit, II, 4 (7), Becker, стр. 1267; Didot, 506.

[2]) Polit., II, 3 (6), Becker, 1265, Didot 504.

[3]) Ibid., c. 4 (7). Becker, 1267, Didot, 507.

Не ясно ли, что всѣ эти замѣчанія могли быть прямо приложены къ плану, задуманному Агисомъ? Не указана ли здѣсь заранѣе неудовлетворительность, непрочность реформы и невозможность продолжительнаго и правильнаго развитія государства по тѣмъ началамъ, которыя взяты ею за основаніе? Мы не видимъ, чтобы приняты были какія-либо средства для поддержанія равенства, которое хотѣли ввести, и которое, очевидно, должно было скоро нарушиться. Мы видимъ и должны признать только то, что реформа имѣла значеніе мѣры, хотя и насильственной, но все-таки палліативной. Она принесла бы свою пользу, увеличивъ на время число дѣйствительныхъ гражданъ и усиливъ классъ землевладѣльцевъ. И палліативная мѣра могла бы быть большою заслугой при той крайности, къ которой пришла Спарта, еслибъ она была основана на болѣе справедливыхъ и разумныхъ началахъ; наконецъ, даже будучи основана на принципѣ передѣла поземельной собственности, она могла бы быть извиняема и оправдываема, если бы дѣйствительно не было никакихъ другихъ путей къ сохраненію и возрожденію Спартанскаго государства. Но развѣ ихъ не было?

Періэки составляютъ очень важный элементъ въ вопросѣ о возрожденіи Спарты. Мы знаемъ, что въ средѣ ихъ находилось значительное число лицъ, способныхъ быть хорошими гражданами и вполнѣ соотвѣтствовавшихъ понятію Аристотеля о „среднихъ“ людяхъ. Уже въ древнія времена изъ нихъ дополнялась убыль въ Спартіатахъ [1]). Они несли военную службу почти наравнѣ съ господствующимъ классомъ, даже въ видѣ оплитовъ (тяжеловооруженныхъ) [2]), что̀ именно предполагаетъ достаточное имущество и въ другихъ случаяхъ гражданское полноправіе, во время Пелопоннисской войны они не только служили во флотѣ, но и начальствовали надъ морскими экспедиціями [3]). Во время Агиса количествомъ, богатствомъ и образованностію они превосходили Спартіатовъ. Почему было бы не открыть имъ постояннаго доступа въ гражданство вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ единичнымъ, частнымъ и притомъ все-таки революціоннымъ мѣрамъ? Въ то время, когда Грецiя не только освоилась съ идеей болѣе обширнаго государственнаго организма, но видѣла даже счастливое приложеніе федеративной системы къ примиренію противоположностей

[1]) Arist , Polit., II, 7; здѣсь не сказано, что именно періэками восполнялась убыль, но это разумѣется само собою.

[2]) Herod , IX, 11; Thuc., IV, 8, Pausan., IV, 8, 1.

[3]) Thucyd., VIII, 22.

племенныхъ и соціальныхъ, такая мысль не могла казаться слишкомъ неисполнимою. Почему невозможно было ввести, какъ совѣтовалъ Аристотель для подобныхъ политій, какъ Спарта, по крайней мѣрѣ „двоякій цензъ, низшій и высшій, такъ чтобы классъ, принадлежащій къ низшему цензу, имѣлъ доступъ къ обыкновеннымъ должностямъ, а классъ, принадлежащій къ высшему, сохранялъ исключительное право на собственно правительственныя должности“ (κυριωτέρων ἀρχῶν)? Почему нельзя было постановить, чтобы всякій, кто пріобрѣтетъ надлежащій капиталъ (τίμημα), этимъ самымъ получалъ права гражданскія. При этомъ изъ народа вводилось бы посредствомъ ценза такое количество гражданъ въ классъ, владѣющій политическими правами, что онъ имѣлъ бы перевѣсъ надъ не имущими правъ гражданскихъ [1]). Нельзя думать, чтобы такія мѣры встрѣтили болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ передѣлъ всего поземельнаго имущества. А пострадала бы, можетъ-быть, лишь нѣкоторая часть меньшинства въ Лаконскомъ государствѣ, именно нѣкоторые члены благороднаго пролетаріата. Нельзя сказать, чтобы такое рѣшеніе вопроса противорѣчило идеалу греческой политіи, по которому она не должна быть слишкомъ обширною, именно болѣе, чѣмъ это нужно для полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей ея [2]). Напротивъ того, только тогда Спарта сдѣлалась бы вполнѣ „самодовольною“ (αὐταρκής). Въ настоящее время спартанскія владѣнія уже не имѣли того огромнаго (для греческаго государства) протяженія, какъ прежде, когда Авлонъ на границахъ Елиды и Анѳана въ Ѳіреатидѣ принадлежали одинаково къ составу спартано-лаконскихъ земель. Если прежде граждане ея, имѣя свои владѣнія въ Мессиніи, оставались все-таки Спартіатами, то почему бы не считаться жителю окрестностей Гиѳія полноправнымъ гражданиномъ? Нельзя думать, чтобы дарованіе полныхъ гражданскихъ правъ Лаконцамъ совершенно противорѣчило всей исторіи Спарты. Напротивъ того, на этомъ пути можно бы найдти вполнѣ несомнѣнную историческую опору. Дорійскіе цари-завоеватели первоначально имѣли намѣреніе даровать побѣжденному ахэйскому населенію (изъ котораго и образовались потомъ періэки) совершенно равныя и одинаковыя права съ племенемъ завоевателей [3]). Этотъ планъ не удался, благодаря сопротивленію Дорянъ, видѣвшихъ въ немъ нарушеніе своихъ правъ. Вслѣдствіе того дорійское населеніе долго стояло здѣсь въ

[1]) Polit., VI, (VII), 4 (6), Becker., II, 1320; Didot, 596.
[2]) Plat., Respubl., II, p. 369. Aristot., Polit, VII (IV), 4.
[3]) Strab., VIII, 6, 188 (на основаніи Ефора). Ср. VIII, 4.

видѣ вооруженнаго лагеря и только при той суровой, чисто военной организаціи, которую далъ ему Ликургъ, могло удержаться. Вслѣдствіе того до сихъ поръ не произошло полнаго сліянія ахэйскаго племени съ Дорянами. Въ настоящую минуту, когда потребность преобразованій была такъ очевидна, представлялся, можетъ-быть, самый удобный случай сдѣлать то, что̀ въ другихъ мѣстахъ было давно сдѣлано и привело къ блестящимъ результатамъ — въ Коринѳѣ, Сикіонѣ и пр. Путь, который мы разумѣемъ, былъ послѣ избранъ другимъ реформаторомъ при такихъ же, въ сущности, обстоятельствахъ въ Римѣ. Спартанская реформа этого не сдѣлала и сохранила раздѣленіе между господствующимъ и покореннымъ населеніемъ. За то это было сдѣлано другими послѣ и во вредъ Спартѣ. Послѣ войны съ Набисомъ Т. К. Фламининъ освобождаетъ отъ спартанскаго „рабства“ приморскіе города періэковъ и дѣлаетъ изъ нихъ такъ-называемыхъ „свободныхъ Лаконцевъ“ (ἐλευθερολακῶνες) [1]). Благодарность, съ которою было встрѣчено это освобожденіе, доказываетъ, что не смотря на болѣе или менѣе мягкую власть Спарты, подчиненное населеніе не отказывалось никогда отъ мысли о правахъ политическихъ [2]).

Что касается до учрежденія фидитій, то въ отношеніи къ ихъ возстановленію имѣютъ всю силу замѣчанія Аристотеля объ ихъ значеніи въ прежнемъ спартанскомъ устройствѣ. Онѣ, очевидно, имѣютъ въ виду поддержать равенство среди Спартіатовъ, отнявъ возможность домашней роскоши, и подчинивъ всѣхъ одинаково простому образу жизни.

„Но дѣйствіе этого учрежденія оказывается всего менѣе демократичнымъ (то-есть, даже въ средѣ одного господствующаго класса); потому что бѣднымъ нелегко принимать участіе въ фидитіяхъ, и однако это считается (безъ сомнѣнія, и теперь должно считаться) у Спартанцевъ необходимымъ условіемъ участія въ гражданскихъ правахъ, такъ что если кто не можетъ сдѣлать надлежащаго взноса, не можетъ ими пользоваться“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неудобство этого условія вскорѣ обнаружилось бы снова, когда бы, вслѣдствіе недѣлимости имуществъ, многіе младшіе члены спартіатскихъ фамилій были поставлены въ невозможность удовлетворять требованіямъ „товарищества“, къ которому они должны были принадлежать.

---

[1]) См. Liv, XXXV, 12, 7; 13, 3; XXXVIII, 31, 2; Pausan, III, 21, 10.

[2]) Мы имѣемъ въ виду извѣстную надпись, найденную въ Гиѳи: Τίτον Τίτου Κοΐγκτιον στρατηγὸν ὕπατον Ῥωμαίων ὁ δᾶμος ὁ Γυθεατᾶν τὸν αὐτοῦ σωτῆρα. Böckh., Corp inscript. I, № 1325.

Насильственное погашеніе долговыхъ обязательствъ въ сравненіи съ конфискаціей и передѣломъ всей поземельной собственности есть мѣра относительно мягкая и притомъ мѣра довольно обыкновенная въ древнемъ мірѣ. Въ настоящемъ случаѣ она представляется даже довольно справедливою, разумѣется, въ сопровожденіи другихъ мѣръ. Бо̀льшая часть тѣхъ капиталистовъ между періэками и даже иностранцами, которыхъ эта мѣра касалась, должны были получить вознагражденіе въ надѣлѣ землею.

Предложенія были внесены въ сенатъ. Голоса сенаторовъ при предварительномъ обсужденіи раздѣлились. Вслѣдствіе того Лисандръ переноситъ вопросъ въ народное собраніе (ἐκκλησίαν). Агесилай и Мандроклидъ поддерживали предложенія. Они напоминали о древнихъ оракулахъ, предвѣщавшихъ, что „любовь къ деньгамъ, а не что̀ другое, погубитъ Спарту“; они ссылались на недавно полученное прорицаніе въ храмѣ Пасифаи [1]). „Всѣ Спартіаты должны сдѣлаться равными согласно съ закономъ, который былъ постановленъ въ древности Ликургомъ“.

Вслѣдъ за ними выступилъ самъ Агисъ съ краткою, но очень сильною рѣчью. Онъ объявилъ, что готовъ принести всѣ жертвы въ пользу отечества. Свое огромное состояніе, которое заключалось въ обширныхъ поляхъ и пастбищахъ и сверхъ того въ 600 талантахъ наличныхъ денегъ, онъ отдавалъ въ распоряженіе государства. Мать, друзья и родственники царя, по его увѣренію, готовы были также послѣдовать его примѣру. Это были самыя богатыя лица между Спартіатами. Съ удивленіемъ и восторгомъ принялъ народъ такія предложенія. Тѣмъ дѣятельнѣе работала противная партія, и во главѣ ея другой царь Леонидъ. По конституціоннымъ постановленіямъ, народъ самъ собою не могъ произнесть окончательнаго рѣшенія. Для этого было необходимо положительно и опредѣленно формулированное предложеніе со стороны сената; только оно могло быть принято или отвергнуто въ собраніи. Торжественно высказанное расположеніе всего

---

[1]) Иначе богини Ино. Храмъ и оракулъ ея находился въ области г. Θаламы въ юго западной части Лаконики, недалеко отъ Мессинской границы. См. Curt., Pelop., II, стр. 284. Изъ словъ Цицерона (Divin., I, 43, 96: qui praeerant Lacedaemonis in Pasiphaae fano.... somniandi causa incubabant, qui vera quietis oracula ducebant) можно заключать, что ефоры (и въ этомъ случаѣ Лисандръ) въ опредѣленныя времена спали въ этомъ храмѣ, и снамъ *ихъ* давалось политическое значеніе. Извѣстіе объ оракулѣ Пасифаи взято Плутархомъ у Филарха, который здѣсь и цитуется

гражданства въ пользу предложеній должно было подѣйствовать и на подачу голосовъ въ сенатѣ при вторичномъ, окончательномъ обсужденіи. Но вліяніе и происки, Леонида вмѣстѣ съ богатыми Спартіатами ослабили это впечатлѣніе. Проектъ реформы былъ отвергнутъ въ сенатѣ большинствомъ одного голоса. Въ сенатѣ, какъ извѣстно, засѣдали оба царя. Слѣдовало, значитъ, устранить только главнаго противника реформы, Леонида, и результатъ могъ быть другой. За это взялся Лисандръ. Предварительно былъ отысканъ „какой-то древній законъ", который запрещалъ Гераклидамъ, членамъ обоихъ царствующихъ домовъ, жениться на иностранкахъ и грозилъ смертью тому изъ нихъ, кто, оставивъ Спарту, будетъ жить между иностранцами. Найдены были посторонніе обвинители противъ Леонида по этому пункту. Послѣ этихъ приготовленій Лисандръ приступилъ къ дѣлу и опять-таки не прямо. Въ Спартѣ былъ обычай, по которому въ каждый девятый годъ ефоры, избравъ чистую и безлунную ночь, въ молчаніи наблюдали небо. Если во время наблюденія на небѣ упадетъ звѣзда, это было знакомъ, что есть какая-нибудь вина за тѣмъ или другимъ изъ царей. Ихъ жизнь подвергалась внимательному изслѣдованію, и власть ихъ временно прекращалась, пока не будетъ полученъ изъ Дельфъ или Олимпіи оракулъ въ ихъ пользу. 242-й годъ приходился именно такимъ девятымъ годомъ. Лисандръ объявилъ, что онъ замѣтилъ роковое явленіе. Кто же изъ царей не угоденъ богамъ? Поставленъ былъ къ отвѣту Леонидъ; явились свидѣтели, показавшіе, что онъ былъ женатъ на дочери какого-то азіатскаго сатрапа во время своего отсутствія изъ Спарты и прижилъ съ нею двухъ дѣтей, что не любимый, ненавидимый своею женою, онъ по неволѣ воротился въ Спарту и занялъ праздный тогда престолъ. Леонидъ долженъ лишиться царства. По внушенію Лисандра выступилъ уже другой претендентъ на царское достоинство. Это былъ Клеомвротъ, зять Леонида, и самъ изъ царскаго рода. Леонидъ опасался даже за свою жизнь и въ страхѣ искалъ спасенія подъ защитою храма Аѳины „мѣднодомной". Его дочь, жена Клеомврота, оставила своего мужа, чтобы сопровождать своего отца въ несчастіи. Когда судъ пригласилъ снова Леонида для выслушанія рѣшенія, онъ не явился и былъ приговоренъ къ потерѣ царскаго достоинства. Вмѣсто него Клеомвротъ сдѣлался царемъ.

Между тѣмъ приходилъ къ концу и срокъ ефората, избраннаго въ 243 году. Къ концу лѣта и въ началѣ осени 242 года Лисандръ вмѣстѣ съ другими пересталъ быть ефоромъ. Новая коллегія вся составилась изъ лицъ, вполнѣ враждебныхъ планамъ Агиса. Отправленіе

своей должности она начала обвиненіемъ Лисандра и Мандроклида въ противозаконномъ образѣ дѣйствій. Положеніе для преобразовательной партіи становилось очень опаснымъ. Самому Агису могла грозить эта опасность. Ефоры пока оставляютъ его въ сторонѣ. Но это вовсе не значило, что они будутъ держаться правила, по которому монархъ стоитъ внѣ всякой отвѣтственности, а подлежатъ ей только его совѣтники. Ефоры имѣли право надзора и суда надъ самими царями. Агису и Клеомвроту грозила участь Леонида, если не будетъ принято скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Лисандръ и Мандроклидъ, подвергавшіеся ближайшей опасности, совѣтовали имъ дѣйствовать энергичнѣе. Они выставляли новую теорію о значеніи власти ефоровъ, можетъ-быть, вѣрную исторически, но противорѣчившую утвердившейся практикѣ: „Цари, будучи вполнѣ согласны между собой, могутъ совершенно не обращать вниманія на волю ефоровъ. Эта коллегія имѣетъ силу только въ пору несогласія между царями, принимая въ случаѣ спора сторону одного изъ нихъ, который кажется ей болѣе правымъ. Въ случаѣ согласія обоихъ царей власть ихъ ненарушима (ἄλυτον), а сопротивленіе со стороны ефоровъ — незаконно“.

Оба царя легко были убѣждены такими доводами. Въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, явились они на площадь, принудили ефоровъ оставить свои сѣдалища и назначили на ихъ мѣсто другихъ. Въ числѣ новыхъ ефоровъ былъ и Агесилай. Въ то же время были вооружены многіе изъ стоявшихъ на сторонѣ Агиса юношей, и освобождены изъ темницъ люди, посажанные туда за долги. Это навело страхъ на противную партію. Она ожидала насилій, казней, убійствъ. Ничего этого не случилось, благодаря Агису. Леонидъ бѣжалъ тайкомъ въ Тегею. Агесилай отправилъ было вслѣдъ за нимъ погоню съ порученіемъ покончить съ опаснымъ противникомъ. Но Агисъ этому также воспрепятствовалъ,ославъ съ своей стороны охранную стражу низложенному царю, и она проводила его до Тегеи. Такимъ образомъ всѣ препятствія были устранены, и планы реформаторовъ были близки, повидимому, къ осуществленію. Но въ самой средѣ помощниковъ Агиса нашелся человѣкъ, который успѣлъ все остановить и все испортить. Агесилай не былъ искреннимъ приверженцемъ своего племянника. Онъ сталъ на сторону реформы только какъ политическій интриганъ, желая посредствомъ переворота поправить свое состояніе. Не смотря на свое поземельное богатство, онъ былъ весь въ долгахъ. Не имѣя средствъ уплатить ихъ, не желая разстаться и съ своими помѣстьями, Агесилай убѣдилъ Агиса, что проводить вдругъ обѣ

мѣры, уничтоженіе долговыхъ обязательствъ и передѣлъ поземельной собственности,—дѣло очень опасное, слишкомъ революціонное [1]). По его мнѣнію, слѣдовало раздѣлить проектъ реформы на двѣ части: начать съ уничтоженія долговыхъ обязательствъ и уже послѣ того приступить къ поземельной собственности. Крупные землевладѣльцы (οἱ κτηματικοί) первою мѣрою будутъ привлечены на сторону реформы и съ бо̀льшимъ спокойствіемъ перенесутъ вторую, касающуюся прямо ихъ интересовъ. Агесилай успѣлъ убѣдить въ справедливости этого взгляда не только самого Агиса, но и болѣе зрѣлаго опытнаго Лисандра. Дѣйствительно, въ одинъ день всѣ долговыя обязательства, обезпеченныя недвижимымъ имуществомъ [2]), были снесены на площадь и торжественно преданы пламени. Зрѣлище это не всѣмъ одинаково нравилось. Капиталисты и кредиторы [3]) съ неудовольствіемъ и досадой оставили площадь, не дождавшись конца зрѣлища. Агесилай, напротивъ того, утверждалъ, что онъ никогда не видалъ болѣе свѣтлаго и болѣе чистаго пламени. Но пока въ выигрышѣ была опять одна богатая, землевладѣльческая олигархія, освободившаяся такимъ образомъ отъ своихъ долговъ. Когда дошла очередь до второй и самой существенной части реформы, тотъ же самый Агесилай сталъ ей на дорогѣ. Онъ былъ непостоянъ въ отговоркахъ и предлогахъ, чтобы затянуть дѣло. Исполненіе его откладывалось, а между тѣмъ подошли другія, внѣшнія обстоятельства, которыя отвлекли и самого Агиса отъ его задушевныхъ плановъ.

Мы уже говорили о нападеніи Агиса на Пеллину. По извѣстіямъ Павсанія, столкновенія Спарты съ новообразующимся Ахэйскимъ союзомъ этимъ не ограничились. Неизвѣстно, по какому поводу Спарта поссорилась съ Мантинеей, и Мантинейцы перешли на сторону Ахэйскаго союза [4]). Походъ Агиса противъ Мантинеи былъ неудаченъ. Онъ встрѣтилъ предъ непріятельскимъ городомъ большое войско, состоявшее изъ Аркадянъ, Мегалополитанцевъ съ ихъ тиранномъ Лидіадомъ и Ахэйцевъ подъ предводительствомъ Арата, и былъ разбитъ. Нельзя въ точности сказать, къ какому именно времени относится это событіе. Судя по тому, что Аратъ является здѣсь, какъ предводитель (стратигъ?) Ахэйцевъ, можно думать, что это случилось въ 241 году,

---

[1]) Μέγας ἔσοιτο ὁ νεωτερισμός.

[2]) Κλάρια отъ κλῆρος, дорич. κλᾶρος, поземельный участокъ.

[3]) Οἱ πλούσιοι καὶ δανειστικοὶ въ противоположность κτηματικοί, крупнымъ землевладѣльцамъ

[4]) Pausan., VIII, 8, 11 Ср. Polyb , II, 57, 1, Plut., Arat , 25.

именно весною, когда Аратъ былъ снова избранъ въ стратиги. Походъ былъ кратковременный, и безъ сомнѣнія, не могъ служить большимъ препятствіемъ дѣлу реформы. Можетъ-быть, имѣя въ виду внутреннюю политику, Агисъ вскорѣ не только примирился съ Ахэйскимъ союзомъ, но даже вошелъ съ нимъ въ дружескія отношенія. Нѣсколько позже Ахэйцы уже называются „союзниками“ Спарты [1]). Легко понять, что взаимные интересы новообразовавшагося союза и стремящейся къ возрожденію Спарты были, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, тождественны. Прежде всего нужно было принять мѣры противъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Пелопоннисa другихъ политическихъ силъ: Этоліи и Македоніи. Этихъ двухъ враговъ и дѣйствительно имѣлъ въ виду союзный договоръ, заключенный между Спартой и Аратомъ. Въ силу этого договора въ 241 году лѣтомъ, именно въ концѣ его, пришло въ Спарту требованіе о помощи со стороны Ахэйскаго союза. Этоляне грозили вторженіемъ въ Пелопоннисъ чрезъ Мегару. Ефоры, можетъ-быть, не безъ участія Агесилая, отправили Агиса [2]). Одно то, что Агисъ стоялъ во главѣ войска, выгодно дѣй-

---

[1]) Plut., Ag , 13. συμμάχων ὄντων.

[2]) Αἰτωλοὶ γὰρ ἦσαν ἐπίδοξοι διὰ τῆς Μεγαρικῆς ἐμβαλοῦντες εἰς Πελοπόννησον. Plut , Ag., 13. Это единственный пунктъ царствованія Агиса, который можетъ быть опредѣленъ съ достаточною хронологическою точностью и который долженъ поэтому служить точкой отправленія для хронологіи всего царствованія. Нашествіе Этолянъ относится, безъ всякаго сомнѣнія, или къ послѣднимъ годамъ царствованія Антигона, или къ самому началу правленія его сына (Димитрія), потому что противъ послѣдняго, и притомъ вскорѣ по смерти Антигона, былъ заключенъ союзъ между Ахэйцами и Эголянами, и тогда не можетъ быть рѣчи о нападеніи Этолянъ на своихъ союзниковъ. См. Polyb., II, 44 1. Антигонъ умеръ въ олимп. 134, 1, то-есть, въ 240, или точнѣе, въ первой половинѣ 239 года, весной. См. ниже и ср. Clint., F. H., 256 (Krug.). Такимъ образомъ экспедиція Этолянъ предпринята не позже лѣта 239 года. Она не могла быть предпринята ранѣе 243 года, потому что при ихъ нашествіи Коринѳъ уже находится въ рукахъ Ахэйскаго союза (Plut., Agis, 15). Но 239 годъ нужно исключить, потому что набѣгъ Этолянъ былъ сдѣланъ осенью или въ самомъ концѣ лѣта; слѣдовательно, если принять 239 годъ, нужно будетъ предположить довольно большой промежутокъ между смертію Антигона и этимъ набѣгомъ. Притомъ въ отношеніи къ Арату и Ахэйскому союзу этотъ годъ наполненъ другими событіями (См. ниже) Итакъ, или 242, 241, или 240 годъ. Изъ этихъ трехъ годовъ нужно выбрать тотъ, который будетъ годомъ стратиги Арата, потому что только въ качествѣ стратига могъ онъ командовать въ такомъ важномъ случаѣ, и именно это достоинство такъ уважаетъ въ немъ Агисъ (см. Arat , 3, Ag , 15: στρατηγεῖν Ἀχαιῶν, то-есть, Ἀράτου): соображеніе, упущенное изъ виду Шѣманномъ (въ Proleg. ad Plutarchi Ag et Cleom.). А такимъ годомъ будетъ только 241 (см. Plut., Arat., 24, гдѣ сказано,

ствовало на расположеніе отряда и возбудило въ немъ большое одушевленіе. Отрядъ состоялъ большею частью изъ тѣхъ „бѣдныхъ“, которые только недавно освободились отъ тяжелыхъ долговыхъ обязательствъ и по возвращеніи изъ похода надѣялись получить поземельные участки. Неограниченное послушаніе полководцу, строгая дисциплина и горячее одушевленіе сопровождали спартанское войско. Плутархъ сообщаетъ намъ, что во всѣхъ городахъ, черезъ которые проходилъ Агисъ съ своими Спартанцами, удивленные Греки собирались и разсуждали между собою такимъ образомъ: „Каковъ же былъ нѣкогда порядокъ въ лаконскихъ войскахъ, когда ими предводительствовали Леонидъ, Лисандръ, Агесилай, если теперь къ юношѣ, который почти всѣхъ моложе лѣтами, они оказываютъ такое почтеніе, такой страхъ?“ Самъ Агисъ возбуждалъ не меньшее удивленіе простотою своей одежды и образа жизни и участіемъ во всѣхъ трудахъ военной службы. Но въ то же время были люди, которые съ неудовольствіемъ и подозрѣніемъ слѣдили за необыкновеннымъ явленіемъ. „Богатымъ не нравилось революціонное направленіе Агиса (νεωτερισμὸς); ни боялись, чтобъ отсюда не произошло какого-нибудь движенія бѣдныхъ классовъ по городамъ Пелопонниса“.

При Коринѳѣ Агисъ соединился съ Аратомъ. Въ военномъ совѣтѣ, который держалъ Аратъ, Спартанскій царь подалъ свой голосъ въ пользу смѣлыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій противъ Этолянъ. Онъ говорилъ, что не слѣдуетъ впускать врага въ Пелопоннисъ, не нужно отдавать во власть его „ворота“ полуострова, а гораздо лучше встрѣтить его при входѣ на перешеекъ и тамъ дать сраженіе. Впрочемъ онъ изъявлялъ готовность покориться всякому рѣшенію, какое приметъ Аратъ, изъ уваженія къ его старшинству и званію главнокомандующаго Ахэйцевъ. Аратъ, съ своей стороны, всегда отличавшійся осторожностью и даже недостаткомъ храбрости, находилъ болѣе благоразумнымъ отступленіе, не желая подвергать всѣмъ случайностямъ одной битвы судьбу Ахэйскаго союза. Въ своихъ мемуарахъ онъ оправдывалъ въ послѣдствіи такое рѣшеніе тѣмъ соображеніемъ, что въ это время всѣ полевые плоды были уже убраны земледѣльцами, и слѣдовательно, нельзя было ожидать большихъ потерь отъ вторженія Этолянъ въ Пелопоннисъ [1]). Не смотря на желаніе всего войска и самихъ

что Аратъ дѣлается стратигомъ черезъ годъ); слѣдовательно, это и есть настоящій годъ похода Агиса на сѣверъ Пелопонниса.

[1]) См. Plut., Ag., 15. Ватонъ изъ Синопа писалъ, что самъ Агисъ не хотѣлъ сражаться. Плутархъ замѣчаетъ на это, что онъ, очевидно, не читалъ мемуаровъ Арата.

Ахэйцевъ, требовавшихъ сраженія, не смотря на обвиненія въ трусости и на всѣ насмѣшки, Аратъ настоялъ на своемъ, и позиція на перешейкѣ была оставлена. Этоляне могли безпрепятственно перейдти Геронію и вторгнуться въ Пелопоннисъ. Черезъ нѣсколько дней Аратъ принялъ, къ общему удивленію, другую, еще болѣе странную мѣру. Вспомогательное войско Агиса было съ благодарностью отпущено назадъ, въ Спарту, какъ болѣе ненужное. Что заставило Арата принять такое рѣшеніе, не мало удивившее Агиса? Безъ сомнѣнія, не одно только разногласіе въ военномъ совѣтѣ. Агисъ держалъ себя очень скромно и готовъ былъ уступать ахэйскому стратигу. Можно догадываться, что появленіе Агиса съ его Спартанцами возбуждало и здѣсь тѣ же самыя опасенія и сомнѣнія, которыя высказывались на пути его въ средѣ зажиточныхъ, консервативныхъ классовъ. Нужно вспомнить, какъ поставилъ себя Аратъ въ отношеніи къ соціальному вопросу. Примиреніе вражды, согласіе между богатыми и бѣдными,— такова была его политика въ Сикіонѣ. Союзъ, къ которому онъ присталъ, который подъ его руководствомъ вышелъ изъ своей ограниченной сферы и теперь постоянно дѣлалъ новые успѣхи, тоже не касался этого больнаго мѣста; напротивъ того, союзъ этотъ скорѣе всего имѣлъ въ виду сгладить соціальныя противорѣчія, всего болѣе опасныя и острыя именно вслѣдствіе того, что они сталкивались ежедневно на самомъ узкомъ пространствѣ, на площади каждаго самостоятельнаго города, и къ этой цѣли союзъ стремился путемъ образованія болѣе обширнаго и высшаго единства въ области политической, которое уже сильнѣе было обезпечено противъ возможности быстрыхъ и легкихъ переворотовъ [1]). Спартанская реформа избрала другой путь. Она начинала именно съ разрѣшенія соціальнаго вопроса. Агисъ представлялъ то, что было всего опаснѣе и для Ахэйскаго союза, — уничтоженіе долговыхъ обязательствъ и раздѣлъ земли въ пользу бѣдныхъ классовъ. Это скоро сознали предводитель Ахэйскаго союза и постарался учтиво отдѣлаться отъ опаснаго и заразительнаго помощника.

Дѣла Ахэйскаго союза немного пострадали отъ этого. Этоляне, пройдя мимо неприступнаго Акро-Коринѳа, бросились на Пеллину, овладѣли ею и начали грабить городъ. Подробности, которыя сообщаются объ этомъ событіи [2]), даютъ очень яркую картину того, что такое были

[1]) Мысль Аристотеля. Καὶ αἱ μεγάλαι πόλεις ἀστασιαστότεραι διὰ τὴν αὐτὴν αἰτίαν, ὅτι πολὺ τὸ μέσον, см. IV (VI), 9 (11); Becker, 1296; Didot, 556.

[2]) Plut., Arat., 31.

этолійскіе набѣги. Воины разсѣялись по домамъ, ища добычи; за ними врывались другіе и начинали борьбу съ первыми; начальники и предводители отрядовъ подавали примѣръ грабежа и насилія. Они похищали не только деньги и имущество Пеллинцевъ, но брали себѣ ихъ женъ и дочерей. Въ знакъ того, что добыча нашла себѣ хозяина, они надѣвали на женщинъ военный шлемъ, снявъ его съ своей головы. Во время этого смятенія и безпорядка является Аратъ съ наскоро собраннымъ въ ближайшихъ городахъ войскомъ и совершенно неожиданно нападаетъ на грабителей. Смятеніе и ужасъ распространились между Этолянами, расположенными для охраны при городскихъ воротахъ. Прежде чѣмъ присутствіе Арата сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ, онъ вторгся въ городъ за бѣгущими непріятелями, и прежде чѣмъ занятые грабежемъ Этоляне успѣли опомниться, погналъ ихъ вонъ изъ Пеллины. Семь-сотъ человѣкъ погибло у Этолянъ. Городъ былъ спасенъ. Эта побѣда считалась однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ Арата [1]). Его другъ, Сикіонскій художникъ Неалкъ, взялъ ее сюжетомъ для своей большой картины, изобразивъ на ней Арата въ самый моментъ схватки [2]). У писателей послѣдующаго времени она даже украшена такими чертами, которыя напоминаютъ времена полумиѳическія. Одна дѣвица, отличавшаяся красотой и величественнымъ ростомъ, одѣтая однимъ изъ предводителей этолійскаго отряда въ военный шлемъ съ султаномъ (τριλοφία) и оставленная имъ во храмѣ Артемиды, выбѣгаетъ изъ него при началѣ смятенія, произведеннаго Аратомъ; въ своемъ уборѣ она была принята и своими, и врагами за самую богиню и распространила еще бо̀льшій ужасъ въ рядахъ непріятельскихъ [3]). По разказамъ жителей Пеллины, дѣло было нѣсколько иначе. Не величественная дѣвица, а деревянная статуя богини произвела описанное впечатлѣніе, и притомъ не на однихъ людей. Не только враги цѣпенѣли отъ взгляда на нее, но даже деревья, мимо которыхъ ее проносили, засыхали и дѣлались безплодными. „Аратъ ничего подобнаго не разказываетъ въ своихъ мемуарахъ“, замѣчаетъ съ нѣкоторою наивностью Плутархъ [4]).

Когда Агисъ воротился въ Спарту, онъ нашелъ здѣсь полную перемѣну во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно сильная перемѣна обнаружи-

---

[1]) Polyb., IV., 8, 4.

[2]) Plut., Arat., 32 въ концѣ.

[3]) Это напоминаетъ разказъ Геродота о возвращеніи Писистрата подъ покровительствомъ Фіи, принятой за Аѳину; I, 60.

[4]) Слѣдовательно, онъ беретъ Пеллинское преданіе у Филарха?

лась въ одномъ изъ друзей реформы. Агесилай въ отсутствіе племянника рѣшительно сбросилъ маску. Не было несправедливости, которой бы онъ не сдѣлалъ, если она обѣщала ему денежную выгоду. Совершенно противъ обыкновеннаго порядка, не въ урочный годъ вставилъ онъ тринадцатый мѣсяцъ въ спартанскій календарь. Это дѣлалось обыкновенно три раза въ восемь лѣтъ для уравненія греческаго лунаго года съ солнечнымъ. Теперь цѣль была нѣсколько иная: Агесилай хотѣлъ, чтобы граждане и подданные заплатили лишній разъ мѣсячныя подати. Боясь всеобщей ненависти, онъ окружилъ себя стражею, которая и сопровождала его съ обнаженнымъ оружіемъ. Не иначе, какъ въ сопровожденіи ея, являлся Агесилай въ засѣданіе ефоровъ. Къ царямъ онъ относился высокомѣрно и съ полупрезрѣніемъ; на Клеомврота не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Возвратившійся Агисъ долженъ былъ почувствовать, что только благодаря своему родству съ ефоромъ, а не ради царскаго достоинства, можетъ онъ разчитывать на нѣкоторое снисхожденіе и пощаду. Къ довершенію всего, Агесилай высказывалъ намѣреніе и на будущій годъ остаться ефоромъ. Однимъ словомъ, онъ съ своею партіей тираннизировалъ всю Спарту. Страннымъ представляется бездѣйствіе Агиса. Развѣ онъ не имѣлъ на своей сторонѣ сочувствія всѣхъ безземельныхъ Спартіатовъ и тѣхъ періэковъ, которымъ реформа обѣщала возвышеніе въ классъ Спартіатовъ? Или онъ уже потерялъ всякое довѣріе, всякую популярность, благодаря тому, что думая провести переворотъ путемъ законнымъ, выставляя впередъ власть ефоровъ и своего дяди, неразрывно соединилъ свое чистое имя и не подлежащую сомнѣнію искренность стремленій съ двусмысленною и ненавистною теперь личностью Агесилая? Нѣкоторая мягкость, излишняя довѣрчивость и не совсѣмъ твердая опредѣлительность въ сознаніи цѣлей и соотвѣтствующихъ средствъ заключались, повидимому, въ характерѣ самого Агиса. Восклицаніе, вырвавшееся у матери послѣ катастрофы, погубившей ея сына, объясняетъ, можетъ-быть, теперешнее бездѣйствіе Агиса и неудачу его попытки. Враги реформы между тѣмъ сдѣлались гораздо смѣлѣе. Они не хотѣли допустить новаго ефората Агесилая. При немъ Агисъ все-таки оставался бы царемъ, и опасность реформы не была бы окончательно устранена. Они рѣшились возстановить Леонида въ царскомъ достоинствѣ. Предъ самымъ временемъ выборовъ въ ефоры [1]), слѣдо-

[1]) Διέδωκε δὲ λόγον ὡς καὶ οὗθις ἐφορεύσων. Διὸ καὶ θᾶσσον ἀποκυνδινεύσαντες οἱ ἐχθροὶ и т. д., то-есть, скорѣе, чѣмъ они сдѣлали бы это въ томъ случаѣ, еслибъ

вательно, въ началѣ осени 241-го года, Леонидъ получилъ приглашеніе оставить Тегею и возвратиться въ Спарту. Онъ явился на зовъ, былъ встрѣченъ огромною толпой и снова посаженъ на престолъ. „Народъ смотрѣлъ на это съ удовольствіемъ. Онъ былъ раздраженъ, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ насчетъ поземельнаго надѣла". Но тотъ, кто былъ болѣе всего виноватъ въ этомъ, спасся; пострадали только тѣ, кто искренно желалъ реформы. Иппомедонъ, сынъ Агесилая, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ за свое мужество, выпросилъ помилованіе своему отцу и доставилъ ему возможность удалиться изъ Спарты. Оба царя, напротивъ того, должны были искать защиты и спасенія подъ кровомъ боговъ. Клеомвротъ бѣжалъ въ храмъ Посидона на мысѣ Тэнарѣ, Агисъ — въ храмъ Аѳины „мѣднодомной". Месть Леонида обратилась прежде всего противъ Клеомврота. Съ вооруженнымъ отрядомъ явился онъ передъ храмомъ Посидона и осыпалъ своего зятя упреками за то, что онъ, забывъ родственныя чувства, отнялъ царство у своего тестя и лишилъ его отечества. Но просьбы и слезы Хилониды, дочери Леонида и жены Клеомврота, спасли его. Эта кроткая и нѣжная женщина представляетъ самое отрадное явленіе въ нашей печальной исторіи, и очень жаль, что слишкомъ расточительная на подробности и склонная къ сентиментальному преувеличенію кисть Филарха проглядываетъ и въ разказѣ Плутарха, возбуждая недовѣрчивость и портя впечатлѣніе читателя. Довольно того, что между спартанскими эманципированными „повелительницами" нашлась одна простая душа, которая самымъ благороднымъ и нѣжнымъ образомъ сумѣла примирить обязанности жены съ долгомъ дочери. Во время преслѣдованій, направленныхъ противъ Леонида, его дочь Хилонида утѣшала своего отца, раздѣляя съ нимъ чувство негодованія противъ виновниковъ гоненія, и потомъ, когда вступилъ на царство Клеомвротъ, она, оставивъ своего воцарившагося мужа, послѣдовала за отцомъ, старалась своими заботами смягчить его несчастную судьбу и раздѣляла съ нимъ опасности, которымъ онъ подвергался во время своего пребыванія въ храмѣ Аѳины. Теперь, когда произошла обратная перемѣна въ судьбѣ двухъ близкихъ ей лицъ, когда отецъ снова вступилъ на царство, а мужъ долженъ былъ спасать свою жизнь, Хилонида является подлѣ Клеомврота, во храмѣ Посидона. Она оставляетъ отца во время несчастія мужа и успѣваетъ своимъ нѣжнымъ,

---

Агесилай не высказывалъ намѣренія остаться ефоромъ: слѣдовательно, предъ самыми выборами, то-есть, осенью 241 года.

но твердымъ заступничествомъ спасти Клеомврота отъ справедливо раздраженнаго Леонида. Она не вняла приглашенію своего отца остаться съ нимъ во время изгнанія Клеомврота и снова рѣшилась быть тамъ, гдѣ нужно утѣшеніе, гдѣ было несчастіе. Хилонида послѣдовала за своимъ мужемъ въ изгнаніе, на которое онъ былъ осужденъ послѣ помилованія.

Вся месть Леонида и восторжествовавшей олигархіи, во главѣ которой стали вновь избранные ефоры, должна была пасть на одного Агиса. Оставивъ на короткое время мѣсто своего убѣжища, онъ былъ измѣнническимъ образомъ схваченъ людьми, которымъ довѣрялъ, и которыхъ считалъ за друзей. Агису суждено было до конца обманываться въ тѣхъ, на кого онъ полагался. Заключенный въ темницу, онъ вскорѣ увидѣлъ предъ собою ефоровъ, которые явились сюда въ сопровожденіи нѣсколькихъ сенаторовъ, чтобы потребовать у бывшаго царя отчета въ его поведеніи и произнести надъ нимъ свой приговоръ. Какъ будто дѣло шло о настоящемъ, справедливомъ судѣ, у Агиса потребовали, чтобъ онъ оправдывался въ своихъ поступкахъ. Молчаніе и смѣхъ Агиса были отвѣтомъ на лицемѣрное предложеніе ефоровъ. Этимъ было вызвано зловѣщее замѣчаніе Амфариса,—который считался другомъ въ царскомъ семействѣ, а теперь находился въ числѣ судей,—что Агисъ скоро перестанетъ смѣяться и поплатится за свою дерзость. Другой ефоръ прервалъ угрожающую рѣчь своего товарища, и какъ будто желая указать обвиненному болѣе надежный путь къ оправданію, онъ спросилъ: „Дѣйствовалъ ли ты по собственному побужденію, или вслѣдствіе принужденія со стороны Агесилая и Лисандра?“ „Никто меня не принуждалъ“, отвѣчалъ Агисъ: „я избралъ свой образъ дѣйствій, соревнуя и подражая Ликургу“. „Раскаеваешься ли ты въ своемъ поведеніи?“ былъ новый вопросъ. „Никогда и ни за что“, былъ отвѣтъ: „я готовъ скорѣе претерпѣть всѣ крайнія муки и самую смерть, чѣмъ раскаяться въ самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ“. Судъ былъ конченъ. Агисъ былъ приговоренъ къ смерти, и стражи получили приказаніе отвести его въ такъ-называемую Дехаду, отдѣленіе темницы, гдѣ совершалась казнь надъ преступниками. Тюремщики медлили исполнить порученіе; наемные солдаты, которые были поэтому призваны, также отказались наложить свои руки на священную особу царя и потомка Ираклова; угрозы и ругательства не помогали. Тогда Дамохарисъ, человѣкъ великорослый и съ необыкновенною силой, тотъ самый, который и прежде схватилъ Агиса внѣ храма и увлекъ его въ тюрьму, снова долженъ былъ взять на себя

обязанность тюремщика и стащить осужденнаго въ Дехаду, гдѣ для него была приготовлена смертная петля. Нужно было спѣшить, потому что въ городѣ узнали о событіяхъ дня; за воротами темницы былъ слышенъ шумъ и видѣнъ свѣтъ факеловъ, освѣщавшихъ толпы народа; раздавались вопли матери и бабки Агиса, которыя прибѣжали сюда при первомъ извѣстіи, что онъ схваченъ, и съ громкими рыданіями требовали, чтобы царю Спарты дана была возможность оправдаться, и чтобы приговоръ былъ произнесенъ всѣми гражданами. Ефоры нашли необходимымъ ускорить исполненіе казни; иначе постоянно увеличивающаяся толпа могла освободить своего бывшаго царя во время ночи.

Идя къ висѣлицѣ, Агисъ увидѣлъ одного изъ служителей въ горести и слезахъ: „Перестань плакать“, обратился бывшій царь къ тюремщику; „погибая вопреки закону и правдѣ, я остаюсь несравненно выше моихъ губителей!“ И добровольно подставилъ свою шею смертельной петлѣ... Амфарисъ вышелъ за ворота, чтобъ успокоить толпу. Его встрѣтила здѣсь мать Агиса; видя въ Амфарисѣ все еще хорошаго знакомаго и друга, она упала передъ нимъ на колѣни съ мольбою спасти ея сына. Амфарисъ поднялъ Агиспстрату и увѣрилъ ее, что она можетъ успокоиться, что для Агиса нѣтъ никакой опасности; онъ приглашалъ ее, если она желаетъ, войдти къ сыну. Агисистрата просила позволенія взять съ собою и мать свою; Амфарисъ замѣтилъ, что онъ не находитъ къ тому никакихъ препятствій. Обѣ женщины переступили за порогъ темницы, и успокоившаяся толпа стала расходиться. Вслѣдъ за тѣмъ заперлись темничные ворота, и Амфарисъ приказалъ отвести сначала Архидамію, какъ старшую, въ ту комнату, гдѣ былъ Агисъ: бабка Агиса немедленно умерла тою же смертію, какъ и ея внукъ. Когда вошла сюда ничего не подозрѣвавшая Агиспстрата, она увидѣла передъ собою страшное зрѣлище: трупъ сына, лежавшій на землѣ, и мать, висящую въ петлѣ. Спартанка сохранила еще столько твердости, что сама при помощи служителей сняла трупъ матери, и положивъ его рядомъ съ тѣломъ Агиса, привела въ погребальный порядокъ одежду Архидаміи и покрыла лицо ея. Упавъ потомъ на колѣни передъ своимъ сыномъ и цѣлуя его, она произнесла слѣдующія слова: „Милый сынъ, твоя великая скромность, кротость и человѣколюбіе погубили тебя и насъ вмѣстѣ съ тобою“. Амфарисъ, который изъза дверей услышалъ эти слова, немедленно вошелъ въ комнату и съ гнѣвомъ вскричалъ: „Если ты одобряешь то, что̀ сдѣлалъ твой сынъ, ты должна раздѣлить его участь“. Агиспстрата поднялась, подошла

къ висѣлицѣ и кончила на ней жизнь. Ея послѣднія слова были: „Только будь это во благо Спартѣ“.

Такъ погибъ первый реформаторъ Спарты. Съ тѣхъ поръ, какъ Дориане пришли въ Пелопоннисъ и утвердились въ Лаконикѣ, еще не было совершено бо̀льшаго злодѣянія. Сожалѣніе о несчастной жертвѣ, ненависть къ Леониду и Амфарису были всеобщи между жителями Спарты. Въ Спартѣ нашлись люди, которые осмѣлились поднять руки на царя Спартанскаго, на потомка столькихъ героевъ, на потомка самого Геркулеса. Даже враги Спарты въ пылу битвы не дерзали до сихъ поръ обращать свое оружіе противъ лица, въ такой степени освященнаго своимъ происхожденіемъ и саномъ. Спартанцы могли припомнить себѣ только одинъ примѣръ царя, убитаго въ сраженіи [1]). Если не санъ, то самая личность Агиса, его юность, его кротость и нѣжность (πρᾳότατος καὶ ἡμερώτατος) должны были, кажется, остановить руку злодѣевъ. Они не только не остановились, но Спарта была сверхъ того опозорена казнію двухъ ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ. Одна изъ нихъ была уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Ни полъ, ни возрастъ не тронули ожесточенныхъ палачей. Кровь почти всегда вызываетъ кровь, и смерть Агиса съ его родными скоро должна была найдти себѣ мстителя.

Первая попытка реформы кончилась неудачно. Причина неудачи, какъ намекаютъ источники, заключалась, помимо самаго характера реформы, уже въ личныхъ свойствахъ реформатора. Судя по нѣсколько смутнымъ очеркамъ преданія, это была личность въ высшей степени симпатическая. Юношескій энтузіазмъ, идеальный и строгій взглядъ на жизнь, кротость и глубокая гуманность въ отношеніи къ самымъ врагамъ — вотъ черты, которыя ясно выступаютъ въ характерѣ Агиса. У него не было недостатка въ мужествѣ; готовность встрѣтить врага лицомъ къ лицу, совѣтъ, данный имъ Арату, твердость и благородная гордость предъ судомъ враговъ, грозившихъ казнію, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ Агисъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ энергическихъ, смѣлыхъ и рѣшительныхъ натуръ, которыя торжествуютъ надъ всѣми препятствіями. Его мужество было нѣсколько пассивное; въ минуту самую рѣшительную для задуманнаго имъ переворота смѣлость покидаетъ Агиса. Только по внушенію и настоянію другихъ рѣшился онъ на единственный энергическій поступокъ, на низложеніе ефоровъ. Когда такой образъ дѣйствій былъ еще болѣе

[1]) Это былъ Клеомвротъ, погибшій въ сраженіи при Левктрахъ.

необходимъ, Агисъ остановился предъ авторитетомъ дяди, такъ низко и подло воспользовавшагося благородными стремленіями племянника для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Довѣрчивость, отсутствіе искусства и опыта въ распознаваніи людей вполнѣ объясняются юнымъ возрастомъ смѣлаго реформатора. Не Агису нужно было браться за такіе планы, для достиженія которыхъ требовалась непреклонная воля и характеръ, не отступающій ни предъ какими средствами, не отступающій даже предъ насиліемъ и кровью. Для этого нуженъ былъ другой человѣкъ, и этотъ другой человѣкъ явился потомъ въ лицѣ Клеомена.

Съ другой стороны, нельзя было, конечно, отъ двадцатилѣтняго юноши съ натурой Агиса ожидать и требовать глубокаго и многосложнаго плана, имѣющаго въ виду постепенное преобразованіе государственныхъ отношеній; нельзя было предполагать въ немъ умѣнья и ловкости, необходимыхъ для достиженія цѣли медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи Агису не доставало того, чѣмъ былъ спленъ его современникъ Аратъ, съ которымъ онъ встрѣтился на Коринѳскомъ перешейкѣ. Остановимся еще разъ на этомъ моментѣ, самомъ важномъ для насъ. Здѣсь уже обнаружилось коренное различіе между двумя современными реформами, между обѣими попытками къ возрожденію Греціи, явившимися почти одновременно на двухъ концахъ Пелопонниса. Противоположность, приготовившая недружелюбную встрѣчу Ахэйской реформы и Спартанской революціи, воплощалась въ обоихъ представителяхъ двухъ различныхъ направленій. Агисъ былъ наслѣдственный царь, но въ извѣстномъ смыслѣ революціонеръ и демагогъ, что̀ приписывается ему и самимъ Плутархомъ [1]). Аратъ былъ глава республиканскаго союза, заклятый врагъ тиранніи и не большой другъ монархіи, но государственный человѣкъ, въ сущности консервативный и не врагъ аристократіи. Оба они были реформаторы, и реформа обоихъ была или хотѣла быть не нововведеніемъ, а возстановленіемъ стараго, реставраціей. Но Аратъ стремился къ возможной политической реформѣ, и успѣшно, хотя очень осторожно и медленно, подвигался къ своей цѣли; Агисъ мечталъ о соціальномъ преобразованіи, о возстановленіи порядка вещей, которому все противорѣчило въ настоящемъ. Оба они были молоды: Арату, старшему, было тридцать лѣтъ, но уже за десять лѣтъ передъ тѣмъ о немъ говорили и думали, какъ о человѣкѣ разсудительномъ и осторож-

[1]) Agis, 2. Агисъ и Клеоменъ. Λακωνικὸν ζεῦγος δημαγωγῶν.

номъ не по возрасту. Агису едва минуло теперь двадцать два года, и онъ отличался всѣми привлекательными свойствами юношескаго характера. Аратъ могъ видѣть въ своемъ союзникѣ мечтателя или фанатика, человѣка вполнѣ безразсуднаго. Агисъ долженъ былъ смотрѣть на ахэйскаго полководца, какъ на хитраго и бездушнаго дипломата, человѣка, вполнѣ преданнаго интригѣ, безъ благородства и мужества. Появленіе спартанскаго реформатора на сѣверѣ Пелопонниса не предвѣщало хорошихъ отношеній между соціальнымъ движеніемъ въ Спартѣ и политическою реформой Ахэйцевъ. Оно возбуждало здѣсь такія желанія въ массахъ, вызывало къ обнаруженію такія страсти, которыя грозили разрушеніемъ медленно воздвигаемому зданію свободнаго союза. У самого Агиса, безъ сомнѣнія, не было никакихъ заднихъ мыслей, но богатые классы пугались той популярности и того народнаго одушевленія, которыми сопровождался походъ Спартанскаго царя, провозгласившаго у себя дома раздѣлъ поземельной собственности и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ. Можетъ-быть, землевладѣльцы и капиталисты Коринѳа, Мегары и Сикіона были уже слишкомъ пугливы; но знакомство съ задушевными стремленіями неимущихъ классовъ, длинный рядъ переворотовъ и соціальныхъ столкновеній, ими пережитыхъ, служатъ извиненіемъ. Какъ бы то ни было, но въ тѣхъ немногихъ словахъ Плутарха, въ которыхъ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ Агисомъ на „толпу“ (οἱ πολλοὶ) и „богатыхъ“, заключается роковая завязка той несчастной драмы, которая кончилась битвою при Селлазіи, то-есть, полнымъ уничтоженіемъ соціальной реформы и уничтоженіемъ надеждъ на возрожденіе Греціи путемъ реформы политической.

IV.

Миръ Ахэйскаго союза съ Македоніей и его нарушеніе Аратомъ. Смерть Антигона. Союзъ съ Этоліей и новыя попытки къ освобожденію Аѳинъ и Аргоса. Присоединеніе Мегалополя къ Ахэйскому союзу. Лидіадъ. Присоединеніе аркадскихъ городовъ. Ахаія и Этолія противъ иллирійскихъ пиратовъ. Вмѣшательство Рима. Смерть Димитрія и быстрые успѣхи Ахэйскаго союза: освобожденіе Аѳинъ, присоединеніе Аргоса. Общее положеніе дѣлъ въ Ахэйской федераціи.

Пораженіе Этолянъ при Пеллинѣ имѣло важныя послѣдствія для Ахэйскаго союза. Послѣ взятія Акрокоринѳа и послѣдовавшихъ за тѣмъ успѣховъ союза, Антигонъ не рѣшился на открытую войну съ Ахаіей. Но онъ не заключалъ и формальнаго мира, и при посредствѣ Этолянъ грозилъ даже местію Арату. Теперь, послѣ того какъ

его союзники потерпѣли пораженіе, Антигонъ долженъ былъ признать Ахэйскій союзъ въ его новыхъ предѣлахъ. Къ этому времени относится миръ, заключенный между Македоніей и Ахэйскою федераціей [1]). Изъ тѣхъ словъ, которыя мимоходомъ сказаны у Плутарха, ничего нельзя узнать объ условіяхъ этого мира; ясно только то, что всѣ пріобрѣтенія Арата сохранились за федераціей. Можно догадываться также, что съ своей стороны она должна была отказаться отъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній и дать обязательство не тревожить другихъ союзниковъ Македоніи въ Пелопоннисѣ. Недолго послѣ этого мира жилъ престарѣлый Антигонъ; но онъ долженъ былъ убѣдиться, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Аратъ, не много помогали переговоры и условія, писанныя въ трактатахъ. Еще при жизни Антигона начались новыя попытки къ расширенію предѣловъ и вліянія Ахэйскаго союза, и главною цѣлію этихъ попытокъ дѣлаются Аргосъ и Аѳины.

Не смотря на то равнодушіе, съ которымъ встрѣчена была Аѳинскимъ народомъ первая попытка Арата къ освобожденію Аѳинъ, глава Ахэйскаго союза не оставилъ своей мысли. Одинъ изъ его агентовъ, Ергинъ, знакомый намъ по участію въ Акрокоринѳскомъ дѣлѣ, снабженный людьми и оружіемъ, по всей вѣроятности, не безъ вѣдома Арата, сдѣлалъ нападеніе на Пирэй, гдѣ стоялъ македонскій гарнизонъ. Попытка захватить неожиданнымъ нападеніемъ такой важный пунктъ была неудачна. Въ самомъ Ахэйскомъ союзѣ раздавались голоса и протесты противъ такого вѣроломства въ отношеніи къ недавно заключенному трактату. Аратъ оправдывался, слагая всю вину на Ергина. Въ мемуарахъ Арата дѣло представлялось въ такомъ видѣ: будто Ергинъ, какъ частный человѣкъ и на свой страхъ, рѣшился на такое опасное дѣло; а потомъ, когда ночное нападеніе не удалось, когда лѣстница, подставленная къ стѣнѣ Пирэя, обломилась, и тѣмъ было возбуждено вниманіе стражи, Ергинъ, спасаясь отъ преслѣдованія, будто бы намѣренно кричалъ и призывалъ Арата, котораго тутъ на самомъ дѣлѣ не было, чтобъ отвлечь отъ себя вниманіе враговъ и заставить ихъ отыскивать болѣе важнаго непріятеля. По-

---

[1]) Это видно изъ Plut., Arat., 33. Аратъ возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе въ самомъ союзѣ нападеніемъ на Аѳины, потому что съ Македоняпами былъ *заключенъ миръ:* Διεβλήθη ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν ὅτι σπονδὰς πεποιημένων αὐτῶν πρὸς τοὺς Μακεδόνας и проч Начало 34 главы (Ἀντιγόνου ἀποθανόντος)... показываетъ, что покушеніе было сдѣлано до смерти Антигона, а миръ состоялся, очевидно, въ промежутокъ между первымъ и вторымъ нападеніемъ на Аѳины, между 243 — 240 гг.

видимому, Аратъ, составляя свои записки во всякомъ случаѣ много позже этого событія, могъ бы быть довольно откровеннымъ и искреннимъ въ отношеніи къ своему прошедшему и не имѣлъ причины скрывать истину. Развѣ только близкія отношенія, въ которыхъ онъ стоялъ къ Македоніи къ концу своей жизни, заставили его оправдывать и свое прошедшее поведеніе въ отношеніи къ ней. Но не щадилъ же онъ въ своихъ мемуарахъ самую личность Антигона Досона [1]). Современники и соотечественники считали отрицанія Арата вовсе не заслуживающими вѣры и не хотѣли допустить, чтобъ Ергинъ, частный человѣкъ и притомъ по происхожденію Сиракузянинъ, рѣшился самъ на такое предпріятіе. Мы, съ своей стороны, охотно вѣримъ тому, что прямо было сказано въ запискахъ Арата, и допускаемъ, что его не было подъ стѣнами Пирэя. Но повидимому, Аратъ въ своихъ мемуарахъ почему-то не особенно напиралъ на тотъ пунктъ, который здѣсь всего важнѣе. Одинъ Ергинъ управлялъ покушеніемъ, но одинъ ли онъ задумалъ его? Не было ли заранѣе рѣшено, что въ случаѣ неудачи второстепеннаго агента, главный двигатель останется въ сторонѣ и не признаетъ свое орудіе? Въ оправданіи Арата не было прямой лжи, но не было также и всей истины: это была дипломатическая истина или — что часто бываетъ тождественно — дипломатическая *ложь* [2]).

Репутація Арата вслѣдствіе этой исторіи нѣсколько пострадала даже предъ его согражданами [3]); но само собою разумѣется, не надолго. Уже на попытки противъ Аргоса, предпринятыя самимъ Аратомъ лично, Ахэйцы смотрѣли благосклоннѣе, хотя онѣ были совершенно такого же рода, какъ и Аѳинская. Правда, дѣло шло здѣсь о тираннѣ, который, по греческому воззрѣнію, стоялъ внѣ закона. Притомъ самъ Аратъ находился въ особыхъ отношеніяхъ къ Аргосу. Это былъ для него почти родной городъ: здѣсь онъ выросъ, здѣсь нашелъ себѣ друзей и помощниковъ для своего перваго подвига, для освобожденія Сикіона. Возвратить свободу Аргосцамъ было для него нѣкоторымъ образомъ дѣломъ чести [4]). Первая попытка, сдѣлан-

---

[1]) Κακὰ μυρία противъ него въ этихъ мемуарахъ, см. Plut., Cleom., 16.

[2]) См. Plut., Arat., 33. Самъ Плутархъ подастъ поводъ къ такому объясненію. Онъ приводитъ изъ мемуаровъ Арата его показаніе, что Ергинъ одинъ и какъ частный человѣкъ *сдѣлалъ нападеніе* на Пирэй. Выражая свое недовѣріе къ такому оправданію, Плутархъ говоритъ уже о невѣроятности того, чтобъ Ергинъ самъ по себѣ *задумалъ* такое предпріятіе (ἐπὶ νοῦν βαλέσθαι).

[3]) Διεβλήθη καὶ κακῶς ἤκουσεν ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν, см Plut., ibid

[4]) Plut., Arat., 25: τῇ πόλει θρεπτηρίᾳ τὴν ἐλευθερίαν ἀποδοῦναι φιλοτιμούμενος.

ная тотчасъ послѣ освобожденія Коринѳа, была, какъ мы видѣли, неудачна. Но недолго, однакожь, царствовалъ тамъ тиранпъ Аристомахъ. Онъ былъ убитъ своими собственными рабами, что̀ впрочемъ не принесло свободы Аргосцамъ. Въ лицѣ Аристиппа явился преемникъ убитому тирану [1]). Въ Аргосѣ тиранпія сдѣлалась, повидимому, наслѣдственною. Ея новый представитель былъ еще хуже своего предшественника [2]). Аратъ думалъ воспользоваться смертью Аристомаха и надѣялся въ самихъ Аргосцахъ найдти сочувствіе и помощь къ уничтоженію ненавистной тиранніи. Къ несчастію, Аргосцы уже привыкли къ рабству [3]), и появленіе Арата предъ ихъ городомъ не произвело здѣсь никакого движенія. Пришлось отступить, ничего не сдѣлавъ. Безплодная попытка снова вызвала обвиненія противъ Ахэйскаго союза въ нарушеніи мира [4]). Вѣроятно, въ мирныхъ условіяхъ было договорено, чтобы споры между Ахэйскимъ союзомъ и другими государствами Пелопонниса рѣшались третейскимъ судомъ того или другаго города, какъ это было въ обычаѣ у Грековъ [5]). На этотъ разъ въ посредники былъ призванъ городъ Мантинея, и здѣсь произведено разбирательство дѣла. Оказалось, что Аратъ дѣйствовалъ безъ всякихъ полномочій со стороны Ахэйской федераціи. Обвиненіе было направлено противъ нея [6]), но приговоръ произнесенъ только противъ Арата, не явившагося на судъ. Онъ долженъ былъ уплатить

---

[1]) Имена Аргосскихъ тирановъ и ихъ послѣдовательность указываютъ на фамильное наслѣдство. Когда Пирръ напалъ на Аргосъ, здѣсь спорили о верховной власти два противника: Аристэй, сторонникъ Пирра, и Аристиппъ, приверженецъ Антигона (Plut., Pyrr., 30). Послѣднему, вѣроятно, Антигонъ и доставилъ власть въ Аргосѣ. Тогда рядъ Аргосскихъ тирановъ будетъ: Аристиппъ I, Аристомахъ I, Аристиппъ II, и потомъ снова (см. ниже) Аристомахъ II. Кромѣ этой смѣны именъ, къ тому же приводятъ слова Филарха объ Аристомахѣ II, что онъ происходилъ отъ тирановъ. См. Polyb., II, 60.

[2]) Ἐξωλέστερος ἐκείνου (Аристомаха I) τύραννος. Plut., Arat., 25.

[3]) Τῶν πολλῶν ἤδη διὰ συνήθειαν ἐθελοδούλως ἐχόντων, ibid.

[4]) Ibid.

[5]) См Schömann, Gr. Alterth., II, стр. 4 и 5. Не совсѣмъ вѣрно думаетъ при этомъ Дройзенъ о πόλις ἔκκλητος. Δίκη ἔκκλητος, πόλις ἔκκλητος — нѣсколько другое, чѣмъ третейскій судъ; см. Schöm., ibid., стр. 23. Совершенно неосновательна догадка Шорна (стр. 94) о македонскомъ верховномъ судилищѣ въ Мантинеѣ.

[6]) Δίκην ἔσχον ἐπὶ τοῦτο (οἱ Ἀχαιοὶ) παρὰ Μαντινεύσιν... Былъ ли еще въ это время Аратъ стратигомъ или нѣтъ? Повидимому, нѣтъ; иначе Ахэйскому союзу трудно бы было доказать, что вся вина падаетъ на Арата, и заставить его одного заплатить штрафъ Тогда время, къ которому относится покушеніе на Аргосъ, будетъ лѣто 240 года: весной этого года кончилась стратигія Арата.

Аристиппу 30 минъ. Получивъ эту сумму, довольно ничтожную, Аргосскій тираннъ не могъ, конечно, вполнѣ успокоиться и считать себя безопаснымъ. Непріятны были поступки Арата и царю Македоніи Антигону. Къ этому времени относятся тайные происки противъ жизни Арата со стороны Аристиппа и Антигона [1]). Послѣдній имѣлъ много причинъ ненавидѣть человѣка, уже болѣе десяти лѣтъ, со времени освобожденія Сикіона, постоянно направлявшаго ходъ событій во вредъ интересамъ Македоніи: взятіемъ Акрокоринѳа, союзомъ съ Египтомъ, борьбою противъ союзныхъ Македоніи тирановъ Аратъ разрушалъ то, что̀ было создано долговременнымъ трудомъ тридцатичетырехлѣтняго царствованія Антигона.

Въ 239 году, именно въ первую его половину, умеръ Антигонъ [2]). Наслѣдникомъ его на престолѣ Македоніи былъ его сынъ Димитрій. Личность новаго царя, очень важная для судьбы всей Греціи и Ахэйскаго союза, представляется намъ въ довольно неясныхъ очеркахъ. Но по внимательномъ разсмотрѣніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя намъ остались, оказывается возможнымъ, даже необходимымъ измѣнить въ пользу Димитрія слишкомъ низкое мнѣніе о его характерѣ, высказанное нѣкоторыми новыми историками [3]). Неудачи Димитріева царствованія и упадокъ значенія Македоніи зависѣли отъ такого рода событій, съ которыми бороться было очень трудно. Тотчасъ по его

---

[1]) Συνεργοῦντος Ἀντιγόνου τοῦ βασιλέως Дройзенъ (II, стр. 399) замѣчаетъ, что въ отношеніи къ Антигону это невѣроятно: «Антигонъ не былъ на столько близорукъ, чтобъ ожидать большаго успѣха отъ такихъ мѣръ (?). Нужно признать нравственно невозможнымъ, чтобъ извѣстіе это шло изъ записокъ самого Арата, или это было бы верхомъ наивности, еслибъ онъ, никогда не прекращавшій такихъ покушеній противъ тирановъ, сталъ удивляться тому, что ему платятъ тою же монетою». Но 1) неизвѣстно, удивлялся ли этому Аратъ; а 2) дѣлая покушенія и заговоры противъ жизни тирановъ, которые, по общегреческому убѣжденію, стояли внѣ покровительства законовъ, онъ ни однажды не покушался на жизнь законныхъ царей Македоніи.

[2]) Поливій (II, 42, 2) говоритъ, что наслѣдникъ его Димитрій царствовалъ только десять лѣтъ и умеръ около времени перваго перехода Римлянъ въ Иллирію, то-есть, около весны 229 года (см. Momms., R. G., I, стр. 525 втор. изд.); отсюда видно, что смерть Антигона послѣдовала въ теченіе первой половины 239 г. Ср. Clinton, F. Hell.

[3]) Нибуръ (Kleine Schriften, I, стр. 231) не высокаго мнѣнія о Димитріѣ. Шорнъ (стр. 83, 91 и 411) называетъ Димитрія самымъ незначительнымъ, «безсильнымъ» государемъ (ohnmachtiger) и думаетъ, что только въ насмѣшку могли дать ему прозваніе Этолійскаго. Противнаго мнѣнія держится Дройзенъ, и особенно Van Calcar (Introitus in vitam Philippi III)

вступленіи на престолъ, двѣ прежде враждебныя федераціи, Ахэйская и Этолійская, заключили миръ между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Македоніи [1]). Этотъ фактъ скорѣе всего намекаетъ на то, что со стороны Димитрія, уже прежде показавшаго свою энергію [2]), можно было ожидать болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, чѣмъ со стороны восьмидесятилѣтняго Антигона [3]), и что нельзя было разчитывать на безнаказанность за нарушеніе договора и за попытки присоединить къ Ахэйской демократіи городъ Пелопоннеса, въ которомъ правили союзные Македоніи тираны.

Союзъ Ахаіи съ Этоліей имѣетъ очень важное значеніе въ нашей исторіи. Не излишнимъ будетъ нѣсколько остановиться на этомъ событіи. Оно очень рѣзко характеризуетъ вѣкъ политики и дипломатіи, какъ по справедливости можетъ быть названа исторія еллинизма послѣ діадоховъ. Аратъ занимаетъ, очевидно, не послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи. Можно сказать, что Ахэйскій союзъ, не смотря на сходство принциповъ политическаго устройства, не имѣлъ достаточныхъ основаній симпатизировать Этоліи. При выступленіи Ахаіи на болѣе широкое политическое поприще, первымъ дѣломъ ея былъ походъ

---

[1]) Polyb., II, 44, 1: «Когда умеръ Антигонъ, и Ахэйцы заключили симмахію съ Этолянами». Выше (43, 9) было сказано, что до тѣхъ поръ, пока былъ живъ Антигонъ (Гоната), Аратъ боролся противъ Этолянъ. Эти слова такъ опредѣлительны, что и начало 33-й главы у Плутарха (въ біографіи Арата) нужно отнести къ началу царствованія Димитрія, хотя только въ началѣ 34-й главы читается: «По смерти Антигона и вступленіи на царство Димитрія...» Ошибка или неточность, которую допускаютъ здѣсь ученые (Шорнъ, стр. 83, примѣч., Van Calcar, Freeman), происходитъ отъ того, что они не обращаютъ вниманія на пріемъ Плутарха въ подлежащей біографіи. Отъ главы 25-й до 30-й онъ разказываетъ всѣ покушенія Арата на Аргосъ, далеко заходя за годъ смерти Антигона (событія, описанныя въ 30-й главѣ, относятся уже къ 235 году). Съ 31-й главы начинается изложеніе отношеній къ Этолійскому союзу, продолжается въ 32-й главѣ и кончается въ началѣ 33-й, подобно предыдущему, и этотъ отдѣлъ, начинаясь съ 241 года, заходитъ за годъ смерти Антигона. Въ той же самой 33-й главѣ, со словъ: τοὺς δὲ Ἀθηναίους и пр., начинается разказъ о покушеніяхъ противъ Аѳинъ: Плутархъ при этомъ возвращается нѣсколько назадъ, и ему приходится сказать въ началѣ 34-й главы о смерти Антигона, но только по отношенію къ хронологіи аѳинскихъ набѣговъ Арата. Для избѣжанія соблазна, лучше бы отнести первый періодъ 33-й главы къ главѣ 32-й, присоединивъ его къ концу ея.

[2]) Justin., XXVI, 3. Вопреки Дройзену и Нибуру, мы думаемъ, что здѣсь разумѣется именно этотъ Димитрій, ср. Van Calcar, стр. 10—12.

[3]) Clinton, F. H. (Krüger), стр. 256.

противъ Этолянъ въ отмщеніе за ихъ разбойническій набѣгъ. Потомъ Этолія заключила союзъ съ Македоніей для уничтоженія и раздѣленія Ахаіи; еще недавно новый набѣгъ Этолянъ грозилъ уничтожить созданіе Арата. Ловкая политика Арата умѣла противопоставить Македонии Египетъ, Этоліи — союзъ со Спартою. Но послѣдній оказался не очень безопаснымъ для политическаго принципа федераціи: Аратъ нашелъ нужнымъ и успѣлъ помириться съ Македоніей и Антигономъ. Въ условіяхъ этого послѣдняго мирнаго договора были статьи, которыя заставляли Ахэйскую федерацію отказаться отъ ея программы расширить свой объемъ на счетъ враждебныхъ тираній. Аратъ не хотѣлъ отречься отъ того призванія, которое имъ самимъ было указано новому союзу, и вскорѣ по заключеніи мира условія невмѣшательства были нарушены уже два раза. Нужно было ждать мести отъ новаго царя, теперь вступившаго на престолъ Македоніи, и никакъ нельзя было думать, что онъ отдастъ въ добычу Ахэйской федераціи тирановъ Аргоса, Мегалополя и проч. При этихъ обстоятельствахъ отвлеченіе Этоліи отъ дружбы съ Македоніей и заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза (συμμαχία) съ первою, изъ нихъ, — союза очевидно, направленнаго противъ Македоніи,—было верхомъ дипломатическаго искусства со стороны Арата. Здѣсь умѣстно повторить слова Плутарха, что для Арата „границею вражды и дружбы всегда была общественная польза“, что вражда у него смѣнялась дружбой, и наоборотъ, „смотря по тому, въ какую сторону склоняла его въ данное время политика [1])“. Какія побужденія имѣли Этоляне согласиться на союзъ съ Ахаіей, мы не знаемъ. Можетъ-быть, они были оскорблены тѣмъ, что Македонія не задолго предъ тѣмъ одна сошлась съ общимъ врагомъ. Плутархъ, на основаніи мемуаровъ Арата, указываетъ, что главнымъ образомъ помогло всему дѣлу содѣйствіе Панталеонта, одного изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ Этолійскомъ союзѣ [2]). Есть нѣкоторые признаки, что въ самомъ Ахэйскомъ союзѣ многимъ эта дружба съ не очень покойными Этолійскими горцами казалась довольно странною. На это указываютъ преувеличенныя и непонятныя слова Плутарха, которыми онъ мотивируетъ, конечно, вслѣдъ за Аратомъ, союзъ съ Этолійскими ландскнехтами [3]).

---

[1]) Ἔχθρας ὅρῳ καὶ φιλίας ἀεὶ τῷ κοινῷ συμφέροντι χρώμενος... ὑπὸ τῆς πολιτείας ἐπ' ἀμφότερα τῷ καιρῷ μεταβαλλόμενος... Plut., Arat., гл. 10.

[2]) Arat., 33.

[3]) Οὐ μὴν ἀλλὰ πολλῶν ἐθνῶν καὶ δυναστῶν ἐπὶ τοὺς Ἀχαιοὺς συνισταμένων (гл. 33, въ началѣ). Уже Дройзенъ (II, 435) замѣтилъ, что кромѣ Македоніи только ти-

Какъ бы то ни было, союзъ двухъ федерацій могъ быть очень выгоднымъ для обѣихъ. Этоляне обратили теперь свою силу и свою страсть къ завоеваніямъ и набѣгамъ въ другую сторону. Уже прежде они простирали свои желанія на Акарнанію: по своему обычаю, они даже заключили договоръ съ Епирскимъ царемъ Александромъ (сыномъ Пирра) о раздѣленіи между собою этой страны [1]). Теперь, по смерти Александра, они возымѣли похвальное желаніе получить и ту часть Акарнаніи, которая досталась прежде Епиру [2]). Вдова Александра Олимпія, устрашенная нападеніемъ Этолянъ, обратилась съ просьбой о помощи къ Димитрію, недавно вступившему на царство. Чтобы заинтересовать его болѣе прямымъ образомъ, она выдавала свою дочь за Димитрія [3]). Димитрій уже отправился изъ Македоніи для празднованія свадьбы и для защиты епирскихъ владѣній, но нападенія на сѣверныя границы Македоніи хищническаго народа Дарданянъ (въ нынѣшней Сербіи) [4]) заставило его воротиться [5]). Съ этого времени Димитрій, какъ видно, постоянно былъ тревожимъ и отвлекаемъ отъ дѣлъ Греціи борьбою на сѣверныхъ границахъ собственнаго государства. Акарняне обратились съ просьбой о помощи къ Риму, ссылаясь на то, что они одни не участвовали въ разрушеніи Трои. Потомки Енея по этому случаю дѣлаютъ первый опытъ дипломатическаго вмѣшательства въ дѣла Греціи. Но ихъ посольство получило на первый разъ такой отвѣтъ, какого надобно было ожидать отъ Этолянъ, — самый дерзкій. Археологическій интересъ Римскаго сената къ судьбѣ Акарнаніи не простирался еще такъ далеко, чтобы начать изъ-за этого войну. Опустошительный набѣгъ Этолянъ на Акарнанію и Епиръ дол-

---

ранны Аргоса могли угрожать Ахэйскому союзу. Это δυνασται. Гдѣ же πολλὰ ἔθνη? Видно, что Плутархъ поспѣшно и неловко сократилъ то мѣсто въ запискахъ Арата, гдѣ доказывалась необходимость союза съ Этолией изъ тогдашняго положенія вещей.

[1]) Polyb. II, 45, 1; IX, 34, 4.

[2]) Droysen, G. d Hellen., II, 430.

[3]) Justin., XXVIII, 1.

[4]) На Скадрѣ и источникахъ Аксія (Ἄξιος) Мнѣніе о славянствѣ Дарданянъ, народа, отличавшагося между прочимъ любовію къ музыкѣ, не есть, кажется, общепринятое, хотя Вейссенборнъ внесъ его въ свои комментаріи къ Титу Ливію; см. статью г. Гильфердинга (въ *Вѣстникѣ Европы* за іюль 1868 г.) — Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ, стр. 244.

[5]) Liv., XXXI, 28. Bellum suo nomine Longavus cum Demetrio Philippi patre gesserat. Ср. Pomp. Trogi, proleg., 20. Ut rex Demetrius sit a Dardanis fusus. Justin., XXVIII, 3.

женъ былъ доказать, что Греки и сами умѣютъ хорошо распоряжаться своими дѣлами [1]).

При такомъ положеніи вещей, когда Димитрій былъ занятъ борьбою съ Дарданянами, а Этоляне были въ союзѣ съ Ахаіей, Арату было довольно легко „совершенно презирать Македонянъ“. Презрѣніе это выразилось въ возобновленіи покушеній на Аѳины и Аргосъ. По замѣчанію Плутарха [2]), Аратъ былъ какъ будто влюбленъ въ Аѳины, но любовь его была несчастная, не раздѣляемая. Вопервыхъ, у него были опасные соперники. Въ одномъ сраженіи, пропшедшемъ при Филакіи (въ Фѳіотійской Ѳессаліи), куда Аратъ могъ проникнуть только въ союзѣ съ Этолянами, влядѣвшими Віотіей и Ѳермопильскими проходами, онъ былъ разбитъ полководцемъ Димитрія, Виѳпсомъ (слѣдовательно, самъ Димитрій еще былъ занятъ на сѣверѣ?). Очевидно, Македонскій царь отправилъ отрядъ Виѳпса для сохраненія Аѳинъ и отраженія Арата, который на этотъ разъ думалъ дѣйствовать открытою силой и даже вышелъ на встрѣчу македонскому отряду, чтобы не допустить его пробраться въ Аѳины (черезъ Еввію) [3]).

Пораженіе несчастнаго влюбленнаго было полное, и бѣгство его очень поспѣшное. Аратъ былъ уже въ Коринѳѣ, когда пришли сюда

---

[1]) Momms., R. G., I, 523 (втор. изд.). Онъ точно также, какъ Нибуръ (Vortrage uber die alte Geschichte, III, 371) и Швеглеръ (R G., I, 305), относятъ эти событія или къ самому 239 году, или какъ можно ближе къ нему. Время опредѣляется изъ Юстина.

[2]) Arat. 33: Πολλάκις ὥσπερ οἱ δυσέρωτες ἐπιχειρήσας τῇ Πειραιεῖ.

[3]) Только послѣ большихъ колебаній вносимъ мы такое объясненіе въ текстъ. Плутархъ, мало заботясь о политическихъ отношеніяхъ, ясности и послѣдовательности разказа, самымъ неловкимъ образомъ сократилъ здѣсь свой источникъ. Онъ не объясняетъ, какимъ образомъ Аратъ очутился при Филакіи. Притомъ, что̀ это за Филакія? Такого имени совсѣмъ нѣтъ въ греческой географіи. Дройзенъ (II, стр. 439) указываетъ на двѣ Филаки (Φυλάκη, не Φυλάκια) — одну въ Аркадіи (Pausan., VIII, 54, 1), о которой здѣсь нельзя думать, и на другую въ Ѳессаліи, при горѣ Оѳрисѣ, извѣстную еще со времени Омира (Il., II, 695; Strab, IX, 433). Очень вѣроятно, что разумѣется именно эта Филака, хотя мы находимъ еще третью въ землѣ Молоссовъ (Liv., XLV, 26; обозначена также и въ атласѣ Шпрунера). Не хотимъ мы думать объ этой послѣдней, потому что Плутархъ, повидимому, ставитъ присутствіе Арата предъ Филакіей въ связь съ желаніемъ освободить Аѳины, хотя Аратъ могъ очутиться и здѣсь вмѣстѣ съ Этолянами. Съ другой стороны очевидно, что пораженіе Арата случилось довольно далеко отъ Аѳинъ. На это указываетъ уже разность слуховъ, дошедшихъ до Димитрія, находившагося въ Македоніи (о взятіи въ плѣнъ Арата), и той молвы о смерти Арата, которая распространилась въ Аѳинахъ.

послы отъ начальника македонскаго гарнизона въ Пирэѣ съ требованіемъ, чтобъ Ахэйцы очистили городъ: ибо „Аратъ умеръ“. Естественно, что Аратъ не упустилъ случая посмѣяться надъ послами изъ Пирэя, которые съ такою готовностью повѣрили слухамъ о его смерти и придавали такое высокое и для его самолюбія лестное значеніе его жизни и смерти. Еще болѣе долженъ былъ польстить его гордости цѣлый корабль, присланный Димитріемъ привезти „плѣннаго“ Арата. Непріятно было только то, что неблагодарные Аѳиняне торжествовали смерть ахэйскаго стратига, надѣвъ даже праздничные вѣнки. Впрочемъ это можно было объяснять не любовію къ Македоніи, а желаніемъ польстить Димитрію. Настоящія чувства Аѳиняне обнаружили вскорѣ, когда Аратъ, раздраженный черною неблагодарностію и презрѣніемъ къ его настойчивой и безкорыстной страсти, снова явился предъ Аѳинами и дошелъ до самыхъ садовъ Академіи. Аѳиняне обратились тогда съ просьбами къ Арату и убѣдили его оставить городъ въ покоѣ, давъ ему, безъ сомнѣнія, понять, что только македонскій гарнизонъ и, можетъ-быть, ожидаемое прибытіе Виѳиса препятствуютъ имъ пристать къ Ахэйскому союзу [1]).

Не менѣе неутомимъ и настойчивъ былъ Аратъ въ преслѣдованіи другой цѣли. Аристиппъ, тиранъ Аргоса, былъ въ постоянномъ страхѣ предъ явными и тайными происками ахэйскаго стратига. Въ какомъ положеніи были тираны, благодаря близости свободнаго союза съ его предпріимчивымъ предводителемъ, это очень хорошо показываетъ разказъ Плутарха объ образѣ жизни Аргосскаго тиранна [2]). Домъ Аристиппа былъ постоянно окруженъ оруженосцами и стражей, которая стояла въ преддверіи дворца. Когда приходила ночь, тиранъ принималъ еще новыя мѣры предосторожности: послѣ ужина онъ выгонялъ всѣхъ слугъ, запиралъ за ними дверь, а самъ съ своею возлюбленной (μετὰ τῆς ἐρωμένης) скрывался на чердакѣ (ὑπερῶον) въ маленькой комнатѣ, которая запиралась подъемною дверью. Поставивъ постель на самую дверь онъ спалъ, какъ можно спать послѣ такихъ предосторожностей, то-есть, очень безпокойно и боязливо. Лѣстницу, по которой боязливый тиранъ взбирался въ свою комнату, брала мать его возлюбленной и запирала эту лѣстницу въ другую комнату, а утромъ опять ставила на ея мѣсто, и оттуда, „какъ пресмыкающійся звѣрь изъ своей норы“, выползалъ властитель Аргоса [3]).

---

[1]) Plut , Arat , 34.

[2]) Arat., 26.

[3]) Ὥσπερ ἑρπετὸν ἐκ φωλεοῦ κατερχόμενον.

Аратъ нѣсколько разъ тревожилъ Аристиппа то явными нападеніями, то тайными происками. Дорога отъ Сикіона или Коринѳа къ Аргосу, какъ мы уже знаемъ, была ему хорошо извѣстна. Однажды ночью онъ успѣлъ пробраться къ самымъ стѣнамъ города, подставить лѣстницы, взойдти въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ на стѣну, убить стражей и ворваться въ самый городъ. Съ разсвѣтомъ явился противъ него самъ Аристиппъ съ своими наемниками; началась битва. Аратъ держался твердо, но Аргосцы снова остались спокойны: „какъ будто дѣло шло не объ ихъ свободѣ, а о присужденіи наградъ бойцамъ на играхъ Немейскихъ, они были безпристрастными и справедливыми зрителями“ борьбы. До самаго вечера Ахэйцы удерживали мѣста, которыя были ими заняты. Еслибъ они остались здѣсь на ночь, то дѣло ихъ было бы вполнѣ выиграно. Тиранъ уже собирался бѣжать, его имѣніе носили къ морю, на корабль. Къ несчастію, Арату никто не далъ знать объ этомъ, а между тѣмъ положеніе его было очень трудно: онъ самъ былъ раненъ, а спутники его томились жаждой; воды у нихъ не было. Отступленіе сдѣлалось необходимымъ [1]).

Не такой человѣкъ былъ Аратъ, чтобы послѣ попытки, на столько удачной, отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Черезъ нѣсколько времени, лѣтомъ 237 года [2]), онъ дѣлаетъ открытое нападеніе и уже опустошаетъ Арголиду. На рѣчкѣ Харитѣ (мѣстоположеніе ея не извѣстно) произошло сильное сраженіе; Ахэйцы уже считали себя побѣдителями, одинъ изъ ихъ отрядовъ разбилъ противопоставленный ему аргосскій и далеко преслѣдовалъ его; совершенно неожиданно Аратъ приказалъ отступать, хотя и та часть войска, которая была подъ его непосредственнымъ начальствомъ, не много терпѣла отъ непріятелей. Только мнительность и боязливость Арата считались причиной отступленія въ лагерь. Громко раздавались здѣсь обвиненія противъ полководца, который совершенно напрасно упустилъ изъ рукъ побѣду: онъ виной тому, что Ахэйцы со стыдомъ должны смотрѣть теперь, какъ почти побѣжденный непріятель ставитъ трофей въ знакъ побѣды. Арату стало тяжело отъ этихъ упрековъ; давъ одинъ день отдыху, онъ повелъ своихъ Ахэйцевъ къ аргосскому трофею, но увидѣвъ, что число враговъ стало еще болѣе, не рѣшился вступить въ сраженіе и, выпросивъ перемиріе для уборки труповъ (что было полнымъ признаніемъ побѣды Аристиппа), отступилъ назадъ).

---

[1]) Arat., 27.

[2]) См. ниже, примѣч.

[3]) Въ этомъ разказѣ есть черты очень неблагопріятныя для Арата; вслѣд-

Неудача была однако вознаграждена успѣхомъ въ другомъ мѣстѣ. *Клеоны*, небольшой городокъ (πόλισμα) [1]) на пути отъ Аргоса къ Коринѳу, въ двухъ миляхъ отъ Коринѳа и въ трехъ отъ Аргоса [2]), благодаря ловкости и умѣнью Арата вести переговоры, съ кѣмъ слѣдуетъ, присоединились къ Ахэйскому союзу. Пріобрѣтеніе было очень важное. Черезъ Клеоны шла самая удобная дорога отъ подошвы Акрокоринѳа во внутренность полуострова и къ самому Аргосу [3]). Возстановленіе древняго, но все-таки очень спорнаго права Клеонянъ распоряжаться играми въ сосѣдней долинѣ Немейской было первою наградой Клеонянамъ за переходъ ихъ на сторону Ахэйцевъ. Это право давно присвоилъ себѣ болѣе могущественный Аргосъ и теперь, конечно, не хотѣлъ отказаться отъ него. Такимъ образомъ въ одно время и Клеоны, и Аргосъ—но послѣдній не въ долинѣ Немейской, а въ самомъ городѣ, у себя дома—устроили игры и праздникъ. Это было уже нарушеніемъ древнихъ священныхъ правилъ; но еще далѣе пошли Ахэйцы, когда они, нарушая святость праздника и неприкосновенность благочестивыхъ пилигримовъ, хватали въ плѣнъ тѣхъ изъ нихъ, которые шли въ Аргосъ [4]).

Аристиппъ не захотѣлъ оставить въ рукахъ Ахэйцевъ новоприобрѣтенные имъ Клеоны: пунктъ былъ очень опасный для него самого. Немного времени спустя (ὀλίγῳ ὕστερον), слѣдовательно, лѣтомъ или

ствіе того мы думаемъ, что Плутархъ пользовался здѣсь не одними мемуарами Арата, но и сочиненіемъ объ Аргосской исторіи *Динги*.

[1]) Strab., 377.

[2]) Ibid., Leak, Morea, III, 326.

[3]) См. Leak, ibid., стр. 328, Curtius, Peloponn., II, 512.

[4]) Arat., 28 О Немеяхъ и различныхъ притязаніяхъ въ отношеніи къ ихъ празднованію см. Herrmann, Gottesdienstliche Alterthümer, § 49; Schömann, Griech. Alterth., II, стр 64; Curtius, Peloponn , II, стр 507 и 588. Праздникъ Немейскій даетъ точку опоры для хронологіи ближайшихъ событій. Онъ былъ подвижной и отправлялся въ продолженіе пятилѣтія (πενταετηρίς) дважды, но одинъ разъ лѣтомъ, а другой разъ зимой. О лѣтнихъ Немеяхъ несомнѣнно извѣстно, что они праздновались въ началѣ каждаго четвертаго года олимпіады, а зимніе падали или на первый или на второй годъ олимпіады. См. Schöm., Prolegomena къ біографіямъ Агиса и Клеомена, стр. XXXVIII и слѣд. Здѣсь нужно принять лѣтніе Немеи: на это указываетъ уже опустошеніе страны (χώραν ἐπόρθει, то-есть, Арголиды), о которомъ было упомянуто. Притомъ правильный походъ (ἐμβαλὼν φανερῶς) еще болѣе, чѣмъ другіе набѣги Арата, долженъ относиться къ лѣтней порѣ (походъ къ Сикіону, взятіе Коринѳа — также лѣтомъ или весной). Если такъ, то взятіе Клеонъ и сраженіе при Харитѣ будутъ относиться къ 237 году,который составляетъ четвертый годъ 135 олимпіады. Дройзенъ (II, стр. 443) почему-то пугается этого года и предпочитаетъ зимніе Немеи 235 года.

осенью того же 237 года, онъ задумалъ сдѣлать съ своей стороны нападеніе на Клеоны. Его пугало только то обстоятельство, что Аратъ находился не болѣе какъ въ двадцати верстахъ, въ Коринѳѣ, и могъ всегда явиться на выручку угрожаемаго города. Чтобы вызвать Аристиппа изъ его убѣжища, Аратъ постарался освободить тиранна отъ опасеній, возбуждаемыхъ близостію его пребыванія, и удалился въ Кенхреи, отправивъ туда предварительно провіантъ въ количествѣ, очевидно, разчитанномъ на долгое время. Аристиппъ, дѣйствительно, предположилъ, что Аратъ отправляется въ какую-нибудь дальнюю экспедицію и явился предъ Клеонами. Здѣсь-то и встрѣтилъ его, сверхъ всякаго ожиданія, самъ Аратъ: вечеромъ оставилъ онъ Кенхреи съ своимъ отрядомъ, и ночью, не замѣченный врагами, пробрался въ Клеоны. Утромъ растворились ворота, затрубили трубы, и на Аристиппа напалъ ахэйскій отрядъ съ Аратомъ во главѣ; обратилъ его въ бѣгство и преслѣдовалъ до Микинъ: 1.500 человѣкъ пало со стороны Аргосцевъ, и самъ тираннъ былъ убитъ какимъ-то Критянином [1]). Аратъ послѣ пораженія и смерти Аристиппа продолжалъ идти до самаго Аргоса и вошелъ въ самый городъ, но все-таки не успѣлъ окончательно завладѣть имъ. Младшій Аристомахъ, вѣроятно, сынъ Аристиппа, подоспѣлъ съ царскимъ, то-есть, македонскимъ войскомъ и проникъ вслѣдъ за Аратомъ внутрь городскихъ стѣнъ; произошла борьба между нимъ и Ахэйцами, въ которой граждане Аргоса опять остались безучастными зрителями; никто не двинулся даже изъ тѣхъ, кто былъ на сторонѣ Арата. Жители Аргоса были жестоко наказаны за свое малодушіе. Аристомахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ городѣ были сообщники Ахэйцевъ, удавилъ послѣ жестокой пытки 80 человѣкъ изъ лучшихъ гражданъ, хотя они ни въ чемъ не были виноваты [2]).

---

[1]) Относительно этого послѣдняго пункта Плутархъ прямо ссылается на Дину. ὡς Δινίας ἱστορεῖ.

[2]) Такъ соглашаемъ мы Поливія съ Плутархомъ (PolyB., II, 59, Plut, Arat, 29). Необходимо однако сдѣлать здѣсь небольшое объясненіе. Въ извѣстіяхъ Плутарха и Поливія новые историки находятъ разногласіе. Только *одинъ* Поливій прямо говоритъ о вторженіи Арата въ самый Аргосъ, о существованіи партіи въ пользу его между Аргивянами, о борьбѣ въ городѣ и о казни 80-ти гражданъ Аристомахомъ; у Плутарха объ этомъ нѣтъ, будто бы, никакого указанія. На этомъ основаніи одни заподозриваютъ добросовѣстность Поливія, освобождая Аргосскаго тиранна отъ тяжелаго обвиненія; другіе находятъ здѣсь недосмотръ у Поливія, смѣшавшаго, будто бы, Аристомаха втораго съ первымъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что упреки Поливію лишены здѣсь всякаго основанія, и что онъ нисколько не противорѣчитъ Плутарху. Намъ кажется, что

Попытки Арата освободить Аѳины и Аргосъ были неудачны. Особенно непріятно кончилась послѣдняя изъ нихъ, когда добыча ускользнула изъ самыхъ рукъ. Тираннн торжествовали. При дворѣ Аристо-

---

скорѣе можно пожаловаться на краткость и неотчетливость Плутарха, который однако имѣлъ подъ руками и мемуары Арата, и Динѳ. Плутархъ говоритъ «Послѣ пораженія при Клеонахъ, аргосское войско было преслѣдуемо до Микинъ; во время этого преслѣдованія Аристиппъ былъ схваченъ и убитъ однимъ Критяниномъ Трагискомъ, а изъ войска пало болѣе 1.500 человѣкъ». Микины находятся на разстояніи 40 или 50 стадій отъ Аргоса, то-есть, 7 или 9 верстъ (см Curt., Pelop., II, 414). Здѣсь, очевидно, кончилось преслѣдованіе вслѣдствіе полнаго уничтоженія непріятельскихъ силъ, но не было никакой причины останавливаться тутъ послѣ такого счастливаго начала. Плутархъ продолжаетъ: «Достигнувъ такого блестящаго успѣха и не потерявъ ни одного изъ своихъ воиновъ, Аратъ однако не взялъ Аргоса и не освободилъ его». Ясно, стало-быть, что онъ сдѣлалъ эту попытку, явился предъ Аргосомъ. Но вошелъ ли онъ въ самый Аргосъ? Этотъ пунктъ въ разказѣ Плутарха остается темнымъ, а въ немъ-то и заключается вся сила Если мы найдемъ указаніе на то, что Аратъ былъ уже въ Аргосѣ, то предположить борьбу, о которой говорится у Поливія, было бы необходимо; молчаніе Плутарха о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ ея, казняхъ Аристомаха, объяснялось бы тѣмъ, что это не относится прямо къ характеристикѣ Арата «Аратъ не взялъ Аргоса и не освободилъ его, потому что Агія и младшій Аристомахъ *проникли* въ городъ съ царскою силой и захватили власть надъ нимъ» Слова и выраженія, которыми пользуется здѣсь Плутархъ, несомнѣнно указываютъ на тайное, неожиданное и непріятельское вступленіе въ городъ, на нечаянное и насильственное присвоеніе власти: Τῶν περὶ Ἀγίαν καὶ τὸν νεώτερον Ἀριστόμαχον παρεισπεσόντων καὶ κατασχόντων τὰ πράγματα Глаголъ εἰσπίπτω самъ по себѣ заключаетъ въ себѣ идею непріятельскаго, насильственнаго вторженія (см Herod , I, 63; Thucyd., IV, 68, Xenoph., Hellen., VI, I, 18). Предлогъ παρά, первоначальное значеніе котораго въ сложныхъ глаголахъ *подлѣ*, *рядомъ* (παρίστημι, παράκειμαι), иногда немного утрачивая это значеніе, сообщаетъ глаголу идею неожиданнаго, тайнаго дѣйствія. Такъ въ παρεισπίπτω: ср. Plut., Cleom., 14, 21; Diod., XX, 102; ср. также Plut., Alcib., 30, Cimon , 1 Κατέχειν τὰ πράγματα значитъ *захватить власть силою*· ср Herod., III, 143, 10; Thucyd., IV, 2, 3, III, 30, 3 и проч Но если мы припомнимъ, что Аристомахъ несомнѣнно былъ сынъ предыдущаго тиранна, что тираннія держалась въ Аргосѣ наслѣдственно, что Македонія и отрядъ македонскій, которымъ начальствовалъ Агія, были въ союзѣ съ тиранами (Plut., Arat., 26) Аргоса, то спрашивается: что могло помѣшать Аристомаху войдти въ городъ открыто и явно, если здѣсь не было никого, кромѣ привыкшихъ къ рабству и совершенно равнодушныхъ Аргосцевъ? Если бы далѣе мы узнали, откуда Аристомахъ привелъ македонскій отрядъ, то дѣло было бы еще яснѣе Можно, кажется, догадываться, что македонская помощь могла явиться только изъ Аѳинъ. Припомнимъ, что Димитрій, занятый у себя дома, послалъ для подкрѣпленія аѳинскихъ гарнизоновъ Виѳиса. Та же самая опасность грозила теперь Аргосу, и такой же почти интересъ имѣлъ Димитрій защищать здѣсь своихъ союзниковъ. Зачѣмъ былъ Аратъ именно въ Кенхреяхъ, восточ-

маха, между льстецами и паразитами, окружавшими его [1]), ходили преувеличенные и нелѣпые разказы, будто всякій разъ, какъ дѣло доходило до сраженія, у Арата начиналось оцѣпенѣніе, головокруженіе (κάρος προσπίπτοι καὶ ἴλιγγος), рѣзь въ животѣ (ἐκταράσσοιτο μὲν ἡ κοιλία) и трясеніе всѣхъ членовъ (βεβλῆσθαι τοὺς ἀστραγάλους), будто, подавъ знакъ къ сраженію, онъ всегда удалялся назадъ, ожидая, чѣмъ кончится дѣло [2]).

Неудача въ одномъ мѣстѣ никогда не ослабляла предпріимчивости Арата и другихъ лицъ, занимавшихъ въ промежуточные годы между его стратигіями высшую должность въ Ахэйскомъ союзѣ. Случайно сохранилось намъ имя одного изъ этихъ стратиговъ, отправ-

---

ной Кориноской гавани, и почему Аристиппъ находилъ очень естественными его приготовленія къ морскому походу? Не естественно ли думать, что Аристиппъ, какъ скоро Аратъ началъ тревожитъ его открытою и правильною войной, обратился съ просьбами о помощи въ Аѳины, послалъ туда своего сына, и Аратъ какъ будто готовился встрѣтить его и македонскій отрядъ на морѣ, чтобы не допустить соединенія непріятелей? Аристиппъ, разчитавъ это и не дожидаясь помощи, самъ бросился на Клеоны и былъ убитъ. Преслѣдуя его войско, Аратъ дошелъ до Микинъ, далъ здѣсь отдыхъ войскамъ, которые сдѣлали поспѣшный ночной походъ отъ Кенхрей, пошелъ къ Аргосу и вступилъ въ него. Когда онъ былъ уже въ городѣ, прибыли моремъ Агія и Аристомахъ и съ юга проникли въ Аргосъ тайно и неожиданно для Арата. Мы находимъ такимъ образомъ у самого Плутарха намеки, заставляющіе предполагать присутствіе Арата въ городѣ. Поливій говоритъ кромѣ того о заговорщикахъ, соучастникахъ Арата (μηδένα συγκινηθῆναι τῶν ἔσωθεν αὐτῷ ταξαμένων): ихъ нужно предполагать и на основаніи самого Плутарха, который представляетъ дѣло такимъ образомъ, что Аратъ знаетъ тайные планы и опасенія Аргосскаго тиранна (гл. 29, въ началѣ). Аристомахъ, догадываясь, что кто-нибудь извѣстилъ Арата о намѣреніи его отца сдѣлать нападеніе на Клеоны, въ отмщеніе за это могъ казнить 80 знатныхъ гражданъ тѣмъ скорѣе, что вслѣдствіе ихъ мнимой измѣны погибъ его отецъ. Послѣ этого мы считаемъ излишнею догадку, которую дѣлаетъ Шорнъ (стр. 118, прим.): «Аристомахъ, вѣроятно, не виновенъ въ преступленіи, которое приписываетъ ему Поливій. Изъ двухъ мѣстъ Плутарха (Arat., 25 и 27), можно догадываться что Поливій смѣшалъ младшаго Аристомаха съ старшимъ или даже, скорѣе, съ Аристиппомъ». Но при нападеніи на Аргосъ при Аристиппѣ, которое разумѣетъ Шорнъ, Аратъ, очевидно, не имѣлъ сообщниковъ: никто не далъ ему знать даже о томъ, что тиранъ собирается бѣжать изъ города. При Аристомахѣ I Арату не удалось пробраться въ городъ... Мы остановились на этомъ пунктѣ не столько по важности самаго факта, сколько по его значенію для вопроса о безпристрастіи и достовѣрности Поливія.

[1]) Аоинэй (VI, 246) называетъ даже одного изъ нихъ по имени.

[2]) Arat., 29.

лявшаго свою должность въ 236 году: это былъ Дінта [1]). Поліэнъ разказываетъ объ одной военной хитрости, при помощи которой ахэйскій стратигъ Дінта овладѣлъ маленькимъ городомъ Аркадіи, на границѣ съ Илидой, именно городомъ Ирэей Автодъ обнаруживаетъ при этомъ нѣкоторое непониманіе ахэйскаго федеративнаго принципа, заставляя Ирэйцевъ проситься въ „подданные“ Ахэйскаго союза; но сущность его извѣстія не подлежитъ сомнѣнію [2]). Въ союзѣ съ Этолянами, уже утвердившимися въ Фигаліи [3]), было очень легко овладѣть Ирэей.

Если кому могло грозить присутствіе Ахэйцевъ на среднемъ теченіи Алфея, то очевидно, тиранну Мегалополя. Можетъ-быть, сюда относятся глухія слова Плутарха [4]): „Тотчасъ по смерти Аристиппа Аратъ сдѣлалъ покушеніе противъ Лидіада“. Арату приписывается здѣсь то, что собственно принадлежитъ другому; но онъ уже давно отождествлялся съ Ахэйскимъ союзомъ самими врагами (посольство изъ Аѳинъ съ требованіемъ оставить Коринѳъ, потому что Аратъ умеръ). Какъ бы то ни было, вскорѣ за этимъ, но трудно сказать, чтобъ

---

[1]) Въ предыдущіе годы могъ смѣняться съ Аратомъ Маркъ Керинійскій. О Дінтѣ см. Polyaen., II, 36

[2]) Монеты съ надписью: Ἀχαιῶν ΗΡΑΕΩΝ (Mionnet, II, стр. 248, Supplem., IV, 278) несомнѣнно доказываютъ принадлежность Ирэи къ Ахэйскому союзу Изъ того, что Антигонъ Досонъ завладѣлъ ею въ началѣ своего похода на защиту Ахэйцевъ (Polyb., VI, 44, 2), видно, что Ирэя принадлежала въ это время Этолянамъ. Изъ того, что Филиппъ III возвращаетъ ее потомъ Ахэйцамъ (Liv., XXVIII, 8, 5. reddidit Achaeis Heraeam), и изъ того, что потомъ ведутся въ Римскомъ сенатѣ споры за Ирэю между Этолянами и Ахэйцами (Polyb., XVIII, 25, 7), слѣдуетъ, что городъ Ирэя принадлежалъ нѣкоторое время Ахэйскому союзу до войны съ Клеоменомъ и до взятія его Этолянами.

[3]) Polyb., IV, 3, 6.

[4]) Arat., 30. Мы уже имѣли нѣсколько случаевъ замѣтить, что Плутархъ не всегда удачно сокращаетъ, безъ сомнѣнія, очень подробный разказъ Арата. Какъ это Аратъ ἐπεβούλευσε Λυδιάδῃ? Чрезвычайно странно, что это обстоятельство, по мнѣнію Плутарха, имѣвшее такія важныя послѣдствія, высказано такъ мимоходомъ, безъ всякихъ объясненій. Сравните эту краткую замѣтку съ подробными извѣстіями о походахъ, набѣгахъ, ночныхъ покушеніяхъ на Аргосъ! Дѣло въ томъ, что не Аратъ самъ, а Дінта ἐπεβούλευσεν. Плутархъ, можетъ-быть, читалъ у Арата. «Ахэйцы, Ахэйскій союзъ сдѣлали или сдѣлалъ то и то», и не обращая на это вниманія или не желая вводить новыя личности въ біографію своего героя, написалъ вмѣсто того «Аратъ». Сколько видно изъ всего хода дѣлъ, Аратъ не обращалъ еще вниманія на Аркадію, и съ его стороны было бы неблагоразумно накликать новаго врага, не покончивъ со старымъ, съ тиранномъ Аргоса

именно вслѣдствіе этого, послѣдовало одно изъ самыхъ рѣшительныхъ событій въ исторіи Ахэйскаго союза.

Послѣ Аргоса однимъ изъ самыхъ важныхъ городовъ Пелопоннеса, не принадлежавшихъ къ Ахэйскому союзу, былъ Мегалополь. По своему значенію этотъ городъ стоялъ теперь если не выше Спарты и Аргоса, то никакъ и не ниже ихъ [1]). Хотя Аркадскій союзъ пересталъ существовать, но Мегалополь все еще сохранялъ преданія той политики, которая руководила соображеніями одного изъ великихъ государственныхъ мужей Греціи при его основаніи. Вызванный къ жизни геніемъ Епаминонда съ явнымъ намѣреніемъ дать оплотъ Аркадіи и освобожденной Мессиніи противъ Спарты, сдерживать и обуздывать ея властолюбивые порывы, господствуя надъ дорогами, ведущими въ Лаконику [2]), Мегалополь въ продолженіе всей своей исторіи вѣрно служилъ этой идеѣ. Мы видѣли, что въ описываемый періодъ одинъ изъ его тирановъ боролся противъ Спартанскаго царя Акротата, Лидіадъ — противъ Агиса. Болѣе кровавые и трагическіе эпизоды этой борьбы мы еще встрѣтимъ послѣ. Здѣсь, какъ мы видѣли, началось движеніе въ пользу свободы ранѣе, чѣмъ въ Сикіонѣ. Освободители Мегалополя участвовали вмѣстѣ съ Аратомъ въ освобожденіи Сикіона и потомъ отправились въ Кирину на зовъ тамошнихъ гражданъ. Но въ самомъ Мегалополѣ свобода держалась недолго. Та соціальная борьба, которая поддерживала тираннію въ Сикіонѣ, существовала и здѣсь; раздоры между богатыми (κτηματικοὶ) [3]) и бѣдными неизбѣжно вели къ тираніи. Эта форма правленія имѣла за себя въ Мегалополѣ и хорошія воспоминанія, оставленныя Аристодимомъ [4]). При печальныхъ опытахъ съ свободою, которая такъ часто вела къ угнетенію одного класса другимъ, даже благородные и честные люди могли увлекаться ложными, но распространенными теоріями о призваніи тираніи покровительствовать угнетаемымъ. Человѣкъ, уничтожившій дѣло послѣдователей Аркесилая въ Мегалополѣ, былъ Лидіадъ. Не своекорыстіе и презрѣніе къ людямъ заставили его стремиться къ тираніи: онъ былъ человѣкъ съ благородною душей и благороднымъ честолюбіемъ; именно любовь къ славѣ и ложныя теоріи о высокомъ и счастливомъ

---

[1]) См. превосходное описаніе развалинъ его у Фишера (Erinnerungen aus Griechenland, стр. 406 — 413): Nirgend ist mir der Gegensatz zwischen alter Pracht und neuer Aermlichkeit greller entgegengetreten.

[2]) Curtius, Peloponn., I, 282.

[3]) Polyb., V, 93, 6.

[4]) О немъ было сказано выше.

призваніи тираннін вывели его на эту дорогу [1]). Вскорѣ послѣ освобожденія Коринѳа Лидіадъ былъ уже тиранномъ въ своемъ отечествѣ [2]); но достигнувъ цѣли своего честолюбія, онъ долженъ былъ убѣдиться, что роковые вопросы соціальнаго устройства не рѣшаются такъ легко: видно, что онъ успѣлъ возбудить противъ себя общее неудовольствіе [3]). Въ то же время онъ видѣлъ и хорошо понималъ значеніе новаго политическаго явленія на сѣверѣ Пелопонниса, слѣдилъ за удачными предпріятіями Арата. „Завидуя счастію Арата и боясь въ то же время его покушеній", онъ рѣшился „и себя освободить отъ ненависти и страха, отъ оруженосцевъ и стражи, и своему отечеству оказать благодѣяніе. Призвавъ Арата, онъ сложилъ съ себя власть и передалъ городъ Ахэйцамъ". Въ такихъ выраженіяхъ Плутархъ передаетъ мотивы и процессъ присоединенія Лидіада и Мегалополя къ Ахэйскому союзу. Не забудемъ, что онъ пишетъ по мемуарамъ Арата, будущаго соперника и политическаго недруга Лидіада. Поэтому мы имѣемъ право смягчить и тотъ неблагопріятный оттѣнокъ, который бросается на безупречную и благородную личность Лидіада объясненіемъ его поступка изъ внушеній страха: мы при этомъ только отдадимъ справедливое предпочтеніе другимъ, болѣе безпристрастнымъ свидѣтелямъ. „Лидіадъ добровольно оставилъ тиранію, хотя въ это время власть его достигла полной прочности и безопасности [4])... Какъ человѣкъ истинно-государственный и умный, предвидя будущее, онъ сдѣлалъ это по собственной волѣ" [5]). Вотъ выраженія, болѣе соотвѣтственныя характеру Лидіада, съ какимъ онъ является во всѣхъ случаяхъ своей жизни, и тому положенію дѣлъ, которое вовсе не дѣлало замыслы Арата столь страшными даже для Аристомаха.

Со времени присоединенія Коринѳа не было еще у Ахэйскаго союза такого важнаго пріобрѣтенія, какъ присоединеніе Мегалополя. Политическія послѣдствія этого событія должны были обнаружиться въ разныхъ направленіяхъ. Ахэйскій союзъ проникалъ теперь въ самое сердце полуострова: за присоединеніемъ Мегалополя неизбѣжно

---

[1]) Мы почти буквально передаемъ слова Плутарха, Arat, 30

[2]) Главнымъ образомъ изъ словъ Павсанія (VIII, 27, 12) мы заключаемъ, что Лидіадъ сдѣлался тираннонъ, будучи молодъ, и сложилъ тиранію, когда его умъ съ лѣтами сталъ болѣе зрѣлымъ; слѣдовательно, долженъ быть значительный промежутокъ между началомъ и концемъ его тиранніи.

[3]) Не даромъ говорится, что онъ ταχὺ μεστὸς ἦν τῆς ἐκ μοναρχίας βαρύτητος, см. Plut., l. c

[4]) Pausan, VIII, 27, 12

[5]) Polyb., II, 44, 5.

должно было слѣдовать присоединеніе всей или большей части Аркадіи. Вражда къ Спартѣ, обнаруженія которой мы уже замѣтили, усиливалась и получала новую пищу отъ стараго соперничества гордой своими воспоминаніями Лаконики и „великаго города“, принесшаго свои преданія въ союзъ. Нечего говорить о томъ, что присоединеніе Лидіада къ свободной федераціи ослабляло принципъ тираніи въ Пелопоннисѣ. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что такой человѣкъ, какъ Лидіадъ, дѣлался членомъ союза, гдѣ до сихъ поръ давала направленіе только одна личность, оказавшая, правда, громадныя услуги дѣлу свободы, но уже по своему исключительному положенію и нѣкоторымъ свойствамъ характера требовавшая уравновѣшивающей и отчасти дополняющей силы. Лидіадъ могъ ограничивать вліяніе Арата, могъ восполнять отсутствіе въ Ахэйской федераціи настоящаго смѣлаго и энергическаго полководца. Если бросить взглядъ за предѣлы того періода, которымъ мы занимаемся, то мы встрѣтимъ имена Филопимена, Ликорты, Поливія, главныхъ дѣятелей въ послѣдующей исторіи Ахэйскаго союза. Всѣ они происходили изъ Мегалополя.

Присоединеніе Мегалополя къ Ахэйской федераціи послѣдовало, по всѣмъ признакамъ, въ 235 году [1]). Менѣе имѣемъ мы возможности опре-

[1]) Въ 235 году, въ годъ своей стратигіи, Аратъ овладѣлъ Клеонами. Немного спустя послѣ этого (ὀλίγῳ ὕστερον) Аристипп сдѣлалъ неудачное покушеніе возвратить городъ, при чемъ потерялъ свою жизнь. «Тотчасъ по смерти Аристиппа, Аратъ устроилъ свое покушеніе противъ Лидіада»; см. Plut., Arat., 30. Приходится пожалѣть о неопредѣленности такихъ хронологическихъ выраженій и для болѣе точнаго опредѣленія порядка событій обратиться къ соображеніямъ. Необходимо предположить, что присоединеніе Мегалополя совершилось также въ годъ стратигіи Арата. «Призвавъ Арата, Лидіадъ сложилъ свою власть и передалъ городъ Ахэйцамъ». Само собою разумѣется, что переговоры о присоединеніи къ союзу могли быть ведены только официальнымъ представителемъ союза, и для этого-то и былъ приглашенъ Аратъ. Есть, конечно, примѣръ, что Аратъ, не будучи стратигомъ, устраиваетъ подобное дѣло, но при этомъ и замѣчено: «Хотя другой былъ въ это время стратигомъ»... (дѣло шло объ освобожденіи Аѳинъ, см. Plut., Arat., 34). Въ такомъ случаѣ переходъ Лидіада къ Ахэйскому союзу нужно отнести къ 235 году, такъ какъ въ 236 году Аратъ не былъ стратигомъ. «Немного спустя» и «тотчасъ» Плутарха этому нисколько не препятствуютъ, если даже принимать ихъ въ самомъ тѣсномъ значеніи. Но намъ кажется, что нужно еще взять во вниманіе не отмѣченный Плутархомъ промежутокъ между мнимою попыткой Арата противъ Лидіада и отреченіемъ послѣдняго отъ тираніи. Если мы не рѣшились признать страхъ предъ происками и покушеніями Ахэйскаго стратига главнымъ мотивомъ благородной рѣшимости Лидіада, то очевидно, вмѣстѣ съ этимъ для насъ исчезаетъ всякій поводъ сбли-

дѣлить, когда — послѣ или прежде этихъ событій — Ахэйцы участвовали въ борьбѣ Этолянъ противъ Димитрія и Македоніи. О самой войнѣ Димитріевой (Δημητριακὸς πόλεμος) имѣемъ мы только нѣсколько скудныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ мимоходомъ у Поливія. „Послѣ смерти Антигона Ахэйцы заключили союзъ съ Этоліей и участвовали въ войнѣ Этолянъ съ Димитріемъ“ [1]). По смерти Димитрія Этоляне не рѣшаются на открытую вражду съ Ахэйскимъ союзомъ, „потому что очень свѣжи были въ памяти услуги, оказанныя имъ Ахэйцами во время Димитріевой войны“ [2]). Сюда же относится замѣчаніе Поливія о Віотіи. Мы помнимъ, что около времени первой стратигіи Арата, не смотря на его помощь, Віотійцы были побѣждены и присоединились къ Этолійскому союзу. „Спустя нѣсколько времени, когда Этоляне подняли войну противъ Димитрія, отца Филиппа, Віотійцы опять отстали отъ нихъ (Этолянъ), и когда Димитрій пришелъ въ Віотію, не испытавъ какихъ-либо особыхъ дѣйствій, вполнѣ передались Македонянамъ“ [3]). Итакъ, Димитрій явился съ своимъ войскомъ въ Віотіи, которая до сихъ поръ принадлежала Этолійскому союзу. Онъ могъ прійдти сюда только чрезъ Ѳессалію; слѣдовательно, это было послѣ пораженія, нанесеннаго здѣсь Арату Виѳисомъ. Не могъ также Димитрій на своемъ пути миновать и Ѳермопилъ; слѣдовательно, нужно думать, что Локры, жившіе около Эты, и Фокэйцы охотно пропустили его, и можетъ-быть, тоже передались ему. Опунтскіе Локры еще при Антигонѣ были недовольны тяжестью налоговъ, которыхъ требовали съ нихъ этолійскія власти [4]). Фокэйцы также имѣли достаточно причинъ жаловаться на своихъ неугомонныхъ сосѣдей: не говоря уже о потерѣ Дельфійскаго храма [5]), они страдали отъ набѣговъ Этолянъ на пограничные города [6]). Выгнавъ Этолянъ изъ Віотіи, Димитрій (непосредственно послѣ этого или нѣтъ?) предпринялъ походъ въ сердце самой Этоліи, разрушилъ здѣсь древній Плевронъ, знаменитый еще во время Омира [7]), и получилъ за свои подвиги прозваніе Этолійскаго [8]). Рядъ успѣховъ,

---

жать между собою то или другое дѣйствіе со стороны Ахэйскаго союза, грозившее Лидіаду, и отреченіе послѣдняго отъ тиранніи.

[1]) Polyb., II, 44, 1.

[2]) Polyb., II, 46, 1.

[3]) Polyb., XX, 5, 3.

[4]) Droys., II, стр. 404.

[5]) Polyb., IV, 25, 8. Schömann, Gr. Alterth., II, стр. 36.

[6]) Polyb., IV, 25, 2.

[7]) Ibid., II, 639; ср. Thucyd., III, 102.

[8]) Strab., X, 451.

имъ одержанныхъ, на столько серіозенъ, что, конечно, не въ насмѣшку дано ему это прозваніе [1]).

Въ какой связи находились эти событія на сѣверѣ Греціи съ ходомъ дѣлъ въ Пелопоннисѣ, мы не можемъ положительно сказать по недостатку точныхъ хронологическихъ данныхъ. Можетъ-быть, отрядъ Виѳиса былъ только передовымъ отрядомъ, за которымъ слѣдовалъ самъ Димитрій съ своимъ войскомъ. Можетъ-быть, Агія, помѣшавшій Арату овладѣть Аргосомъ, былъ отправленъ Димитріемъ изъ Віотіи до похода въ Этолію, черезъ Аттику. Очевидно только то, что успѣхи Димитрія не имѣли рѣшительнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ Греціи, и особенно въ Пелопоннисѣ [2]). Видно, что онъ не имѣлъ возможности воспользоваться ими для доставленія окончательнаго торжества македонской политикѣ надъ союзомъ двухъ враждебныхъ федерацій. Безъ сомнѣнія, дѣла на сѣверѣ, новыя вторженія хищныхъ сосѣдей, принудили его воротиться въ Македонію, не пожавъ плодовъ побѣдоноснаго похода.

Къ періоду бездѣйствія Македоніи относятся новыя предпріятія Этолянъ, отличающіяся спеціальнымъ характеромъ разбойническихъ набѣговъ, только въ большомъ размѣрѣ, и новые успѣхи Ахэйскаго союза на пути присоединеній. Спарта послѣ смерти Агиса находилась почти въ беззащитномъ положеніи. Этоляне не забыли, что та самая партія, которая теперь господствовала въ Спартѣ, отправила Агиса на помощь Ахэйскому союзу (въ 241 году). Съ послѣднимъ они примирились; ихъ миръ даже былъ запечатлѣнъ общею борьбой противъ Македоніи. Но мира со Спартой не послѣдовало. Съ другой стороны, съ присоединеніемъ Мегалополя и Лидіада къ Ахэйской федераціи, и въ ней получали новую силу враждебныя Спартѣ вліянія. Этими обстоятельствами Этоляне воспользовались для огромнаго хищническаго набѣга на Лаконику. Пятьдесятъ тысячъ періэковъ были уведены въ рабство, ограбленъ храмъ Посидона на мысѣ Тенарѣ, и сама Спарта подвергалась опасности. Этоляне хотѣли ввести въ нее изгнанниковъ,

---

[1]) Какъ предполагаетъ Шорнъ, стр. 411.

[2]) Предположеніе о занятіи при этомъ Мантинеи, вопреки Дройзену (II, 443), не имѣетъ достаточно сильныхъ основаній. Исправленіе текста у Павсаніи (II, 8, 6), Λακεδαιμονίων, вмѣсто Μακεδόνων, принятое и въ изданіи Дидо (только въ латинскомъ переводѣ удержаны почему-то Македоняне), опирается не только на Cleom., 3, но и на Cleom., 5 и Polyb., II, 46, 2. Судьбы Мантинеи, особенно ихъ измѣнчивость и непостоянство, очень странны и подаютъ поводъ къ недоумѣніямъ.

безъ сомнѣнія, очень многочисленныхъ послѣ переворота, погубившаго Агиса. Не смотря впрочемъ на громадные размѣры предпріятія,— Этоляне отправились въ походъ со всею военною силой (πανδημεὶ), — оно не имѣло, какъ видно, опредѣленной политической цѣли. Изгнанники, которыхъ они вели съ собою, служили только предлогомъ и прикрытіемъ дѣйствительной, то-есть, разбойнической цѣли похода. Только безсердечною гордостію и исключительностью Спартіата объясняются серіозныя или ироническія, но во всякомъ случаѣ жестокія и безумныя слова одного стараго Спартанца: „Враги принесли пользу, облегчивъ Лаконику отъ излишняго населенія“ (которому недавно хотѣли было открыть доступъ въ среду привилегированнаго гражданства) [1]).

Иначе пользовался благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ союзъ Ахэйскій. Въ немъ является въ это время новый, свѣжій и энергическій дѣятель. На слѣдующій же годъ послѣ своего присоединенія къ союзу (въ 234 году) Лидіадъ былъ избранъ въ стратиги Ахэйской федераціи. Это было справедливою наградой за его благородный посту-

---

[1]) Plut., Cleom., 18, ср. ibid., 10; Polyb., IV, 34, 9 и IX, 34, 9. Не смотря на авторитетъ Шеманна и Дройзена, мы относимъ набѣгъ Этолянъ ко времени, послѣдовавшему за смертью Агиса, а не ранѣе ея (не въ 242-му, какъ у Дройзена, II, 387, прим.). Противъ комбинацій, представленныхъ Дройзеномъ, довольно будетъ, кажется, замѣтить, что онъ относитъ набѣгъ Этолянъ именно къ тому самому времени, которое, по прямому указанію источниковъ, не представляло никакихъ препятствій дѣлу реформы въ Спартѣ: μηδενὸς ἐνισταμένου μηδὲ διακωλύοντος (Plut., Ag., 13 въ началѣ). А такое событіе, какъ нашествіе Этолянъ, заставило бы, вѣроятно, забыть о внутреннихъ дѣлахъ. Ужъ одно то, что страшный набѣгъ Этолянъ не играетъ никакой роли ни въ біографіи Агиса, ни въ біографіи Клеомена, заставляетъ отнести его къ промежутку между смертію Агиса и началомъ самостоятельной дѣятельности Клеомена. Кромѣ того этотъ набѣгъ, разумѣется, не могъ послѣдовать въ періодъ дружбы Спартанцевъ съ Этоліей (съ 228 года), при Клеоменѣ, а съ другой стороны, по замѣчанію Плутарха, сдѣланному мимоходомъ, онъ случился въ годы, не слишкомъ отдаленные отъ Клеоменовой реформы, и слѣдовательно, отъ почти одновременнаго сближенія съ Этоліей; см Plut., Cleom., 18, въ концѣ: ὀλίγου δὲ χρόνου διελθόντος. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы помѣщаемъ этолійское нашествіе на Лаконику въ промежутокъ времени отъ 236 до 234 г. Мы не видимъ также причины думать, вопреки словамъ Полибія (IV, 34, 9: ἐξηνδραποδίσαντο τοὺς περιοίκους), что бо́льшая часть взятыхъ въ плѣнъ были илоты, какъ полагаетъ Шеманнъ (Gr. Alterth., II, 201, прим.). Слова Плутарха. πέντε μυριάδας ἀνδραπόδων ἀπήγαγον — нисколько не даютъ повода къ этому; они значатъ только: Этоляне увели 50 т. *плѣнныхъ*. Слово ἀνδράποδον даже по преимуществу означаетъ человѣка, обращеннаго въ рабство (не природнаго раба), военноплѣннаго, см Xenoph., Anab., IV, I, 12, Hellen., I, 6, 15, Thucyd., VIII, 28.

покъ [1]). Отношенія Лидіада къ Арату сразу обрисовались не совсѣмъ дружелюбными красками. Самый характеръ обоихъ не обѣщалъ сближенія и дружбы между ними. Уже извѣстные намъ факты заставляютъ видѣть въ личности Лидіада характеръ благородный, прямой, рѣшительный, способный къ энтузіазму и увлеченію. Нельзя всѣхъ этихъ эпитетовъ приложить къ человѣку, который одинъ и безъ соперниковъ уже десять лѣтъ (245—235 гг.) управлялъ доселѣ союзною политикой, велъ дѣла съ большою ловкостью, изворотливостью, но съ измѣнчивостью и непостоянствомъ дипломата, съ хитрою разчетливостью и довольно незастѣнчивымъ выборомъ средствъ для достиженія цѣли. Въ одной только ненависти и въ одномъ пристрастіи Аратъ былъ твердъ и постоянѣнъ—въ ненависти къ тираніи и пристрастіи къ Аргосу и Аѳинамъ. Въ этомъ онъ, можетъ-быть, руководился, дѣйствительно, не однимъ разчетомъ, но и сердечными симпатіями и антипатіями. Сдѣлавшись стратигомъ, Лидіадъ, конечно, не хотѣлъ рабски идти по стопамъ своего предшественника, не думалъ слѣдовать его внушеніямъ. „Имѣя честолюбивую мысль превзойдти славой Арата, онъ задумалъ многія дѣла, которыя не казались необходимыми (Арату), и между прочимъ объявлялъ о походѣ противъ Лакедомонянъ“ [2]). Вражда противъ Спарты, желаніе войны съ нею дѣло очень естественное въ бывшемъ тираннѣ Мегалополя. Но въ самомъ дѣлѣ, походъ противъ ослабленной и разстроенной Спарты былъ, кажется, дѣломъ излишнимъ. Какія другія предпріятія имѣлъ въ виду Лидіадъ? Чѣмъ онъ хотѣлъ превзойдти Арата, присоединившаго къ союзу Сикіонъ, Коринѳъ, Мегару, Тризину, Епидавръ, Клеоны? Вспомнимъ, что въ исторіи Мегалополя, кромѣ вражды къ Спартѣ, были другія, болѣе положительныя и славныя преданія, способныя одушевлять такихъ людей, какъ Лидіадъ. Федеративныя стремленія, которыя теперь воплощаются въ Ахэйскомъ союзѣ и Аратѣ, стояли также великимъ воспоминаніемъ въ началѣ исторіи Мегалополя. Не имѣли ли эти преданія нѣкоторой доли вліянія на рѣшимость Лидіада пристать къ Ахэйскому союзу, пожертвовавъ самостоятельностію роднаго „великаго города“? Не представлялась ли ему мысль, при помощи Сѣверно-Пелопонниской федераціи привести въ исполненіе еще болѣе въ широкихъ размѣрахъ планъ Ликомеда? Не даетъ ли права думать такъ вся послѣдующая исторія Мегалополя, всегда оставав-

[1]) Plut., Arat., 39; Pausan., VIII, 18, 12.

[2]) Plut., Arat., 30: Φιλοτιμουμένος δὲ εὐθὺς δόξῃ ὑπερβαλεῖν τὸν Ἄρατον, ἄλλας τὲ πράξεις οὐκ ἀναγκαίας εἶναι δοκούσας καὶ στρατείαν ἐπὶ Λακεδαιμονίους παρήγγελλεν.

шагося самымъ искреннимъ, самымъ преданнымъ федераціи городомъ, и направленіе соотечественниковъ Лидіада — Филопимена, Ликорты, Полибія, отличавшихся самою непоколебимою приверженностью къ федеративному устройству? Если предположимъ, что именно съ такими идеями и цѣлями Лидіадъ вошелъ въ союзъ Ахэйскій, то легко угадать, на что̀ и куда должна была прежде всего направиться его дѣятельность. Аркадскій союзъ долженъ былъ возродиться въ новой силѣ; примѣру Мегалополя должна была послѣдовать вся Аркадія, все, что̀ прежде принадлежало къ федераціи, основанной Епаминондомъ и Пелопидомъ. Безъ сомнѣнія, Арать былъ не противъ этого, но только, какъ теперь говорится, въ принципѣ. Выборъ времени и случая онъ желалъ бы предоставить себѣ. Не въ эту сторону онъ до сихъ поръ обращалъ главнымъ образомъ свое вниманіе. Аѳины и Аргосъ занимали его прежде всего. Только однажды онъ сдѣлалъ попытку противъ аркадскаго города. Но это была Кинэѳа, городъ, который и своимъ географическимъ положеніемъ, и своими политическими порядками, или лучше, безпорядками — можно сказать — просился въ Ахэйскій союзъ. Кинэѳяне одни изъ всѣхъ Аркадянъ жили внѣ естественныхъ, горныхъ границъ своего народа (на сѣверномъ склонѣ Ароанійскихъ горъ, связывающихъ Ериманѳъ и Киллену), въ верхней долинѣ рѣки Ерасина, принадлежавшей своимъ теченіемъ къ Ахаіи [1]). Внутри города сильнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо, велась борьба между олигархическою и демократическою партіями, съ обыкновенными ея послѣдствіями: раздѣленіемъ полей, расхищеніемъ чужихъ имуществъ, изгнаніями и убійствами [2]). Одна изъ этихъ партій вошла въ сношеніе съ Аратомъ, желая передать ему городъ. Обманувшись насчетъ условнаго знака, Арать не успѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, не присоединилъ все-таки города къ союзу [3]). Когда это было — неизвѣстно; по словамъ Полибія, — въ то время, когда Арать былъ еще очень молодъ [4]), слѣдовательно, когда еще не вполнѣ ѳбразовался планъ его политической дѣятельности. Съ тѣхъ поръ только одна Ирэя была захвачена въ Аркадіи, но не Аратомъ, а Дінтою. Таинственное и темное покушеніе или заговоръ противъ Лидіада со стороны ахэйской опять скорѣе всего относятся къ этому же факту завладѣнія Ирэей, чѣмъ къ прямой дѣятельности Арата. Могъ ли оста-

[1]) Curtius, Peloponn., I, стр. 382, 399, 404 и проч.
[2]) Polyb., IV, 17, 4.
[3]) Polyb., IX, 17.
[4]) Ibid., 17, 9: νεὸν ἀκμὴν ὄντα.

ваться въ такой же степени равнодушнымъ къ Аркадіи, своему отечеству, новый стратигъ Ахэйскаго союза, Лидіадъ?

Въ послѣдствіи, по смерти Димитрія, не только Кинэѳа, но и Стимфалъ, Клиторъ, Феней, Кафій, Телфуса принадлежатъ къ Ахэйскому союзу [1]). Когда и кѣмъ они пріобрѣтены? Не Аратомъ: иначе объ этомъ было бы что-нибудь сказано въ его біографіи. Вмѣсто того мы читаемъ у Плутарха, при исчисленіи успѣховъ, сдѣланныхъ союзомъ по смерти Димитрія, очень краткую, но тѣмъ болѣе странную фразу, которая говоритъ, что тогда и бо́льшая часть Аркадіи принадлежала къ союзу [2]). Все, присоединенное Аратомъ, упоминается на своемъ мѣстѣ, даже съ утомительно-однообразными подробностями его ночныхъ похожденій; а здѣсь о бо́льшей части Аркадіи сказана только неопредѣленная фраза. Для насъ это будетъ понятно. Аратъ разказывалъ въ своихъ мемуарахъ только о своихъ подвигахъ и заслугахъ, а не о заслугахъ Лидіада. Плутархъ пишетъ, съ своей стороны, только біографію Арата, а взглядъ его на этотъ родъ историческихъ сочиненій извѣстенъ. Притомъ онъ вполнѣ слѣдуетъ своему главному источнику и не ищетъ здѣсь другихъ источниковъ, а можетъ-быть, и не имѣетъ ихъ [3]). Итакъ, присоединеніе аркадскихъ городовъ принадлежитъ Лидіаду и послѣдовало за его переходомъ къ Ахэйской федераціи. Какъ бы то ни было, планы Лидіада, требуя, безъ сомнѣнія, военныхъ дѣйствій противъ городовъ Аркадіи, не хотѣвшихъ слѣдовать примѣру Мегалополя и приглашеніямъ Лидіада, встрѣчали оппозицію со стороны Арата. Сдѣлавшись снова стратигомъ (въ 233-мъ году), онъ въ концѣ своего управленія всячески старался о томъ, чтобы власть была передана на слѣдующій годъ кому-нибудь другому,

---

[1]) Polyb., II, 52, 55; IV, 19.

[2]) Plut., Arat., 34: Προσεχώρησαν δ' εὐθὺς Αἰγινῆται καὶ Ἑρμιονεῖς τοῖς Ἀχαιοῖς, ἥ τε πλείστη τῆς Ἀρκαδίας αὐτοῖς συνετέλει. Обращаемъ вниманіе на способъ выраженія Плутарха: тамъ *προσεχώρησαν*, здѣсь συνετέλει, тамъ *приступили*, здѣсь уже *принадлежала* (къ союзу).

[3]) Намъ неизвѣстно никакого спеціальнаго историка Аркадіи или Мегалополя. Думаемъ, что наше объясненіе плановъ Лидіада гораздо правдоподобнѣе и согласнѣе съ показаніями источниковъ, чѣмъ предположеніе Дройзена (II, стр. 446, примѣч.), что Плутархъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ имѣетъ въ виду внутреннее устройство союза, именно, что Лидіадъ стремился къ разумнымъ реформамъ конституціи. И само по себѣ не вѣроятно, чтобы человѣкъ, только-что вступившій въ союзъ, конечно, съ убѣжденіемъ въ превосходствѣ его учрежденій, сейчасъ же сталъ предлагать свои уставы, и едва-ли можно разумѣть въ такомъ смыслѣ πράξεις Плутарха, притомъ поставленныя въ связь съ στρατεία.

только не Лидіаду. Самъ онъ, согласно съ конституціей, избирался въ стратиги-президенты только чрезъ годъ [1]). Но какъ видно, народъ умѣлъ цѣнить достоинства Лидіада, можетъ-быть, даже видѣлъ его услуги союзному дѣлу. Въ 232 году Лидіадъ былъ снова, во второй разъ, избранъ въ президенты федераціи, не смотря на противодѣйствіе Арата.

Но безъ сомнѣнія, были также люди, которые, подобно героямъ Езопова разказа, разсуждали, что Ѳіопъ никогда не можетъ измѣнить черный цвѣтъ своего тѣла на бѣлый, что судьбы свободной федераціи не могутъ быть безопасны въ рукахъ человѣка, нѣкогда имѣвшаго неограниченную власть въ своемъ государствѣ. Каждое слово, каждый поступокъ Лидіада естественно подвергались у такихъ людей болѣе строгой, болѣе внимательной критикѣ, чѣмъ дѣла и поступки Арата, хотя бы послѣдній позволялъ себѣ несравненно больше произвола и самовластія. „Казалось, что искусственный, притворный характеръ борется съ истинною и безпримѣсною добродѣтелью“ [2]). Такъ характеризуется у Плутарха дошедшее до открытой вражды соперничество между Аратомъ и Лидіадомъ, и біографъ, конечно, слѣдуетъ здѣсь своему авторитету, мемуарамъ Арата, а можетъ-быть, прямо повторяетъ его слова и сравненія. Большинству казалось сначала, что Аратъ только изъ зависти противодѣйствуетъ вліянію Лидіада, его избранію въ стратиги [3]). Но потомъ пылкій и не совсѣмъ осторожный Лидіадъ, хотя именно къ нему относится въ вышеприведенномъ сравненіи „искусственный, притворный характеръ“, позволилъ себѣ зайдти слишкомъ далеко въ борьбѣ съ Аратомъ: „Онъ обнаруживалъ явную ненависть (къ Арату) и часто обвинялъ его предъ собраніемъ Ахэйскимъ“ [4]). Трудно было уронить авторитетъ Арата; его вѣрность и преданность союзу была доказана всею исторіей его жизни; его добродѣтель въ этомъ отношеніи была, дѣйствительно, безпримѣсна и вполнѣ истинна. Опасно было ставить вопросъ такимъ образомъ: или Лидіадъ, или Аратъ, но не оба вмѣстѣ. На Лидіадѣ все-таки оставалось пятно отъ его прошедшей жизни: онъ былъ тиранномъ. „Езопъ разказываетъ, что кукушка однажды спрашивала маленькихъ птичекъ, почему онѣ бѣгаютъ ея. Тѣ отвѣчали, что она потомъ сдѣлается ястребомъ. Точно также казалось, что Лидіада изъ временъ его тиранніи вездѣ сопровождало

[1]) Arat., 30: Αὐτὸς μὲν... παρ' ἐνιαυτὸν ἦρχε.
[2]) Plut., Arat., 30.
[3]) Plut., Arat., 30.
[4]) Ibid.

подозрѣніе, вредившее довѣрію въ искренность его перемѣны“ [1]). Можетъ-быть, самому Арату принадлежитъ это остроумное сравненіе; можетъ-быть, только съ сожалѣніемъ Ахэйцы жертвовали Лидіадомъ Арату; но во всякомъ случаѣ, какъ это мы увидимъ послѣ, положеніе Арата въ союзѣ было несравненно прочнѣе, чѣмъ довѣріе Ахэйцевъ къ благородному характеру Лидіада, выразившееся въ троекратномъ избраніи его на высшую должность въ федераціи [2]).

Димитрій все еще былъ занятъ борьбою на сѣверныхъ границахъ своего царства противъ варваровъ, грозившихъ вторженіемъ. Онъ по необходимости долженъ былъ отказаться отъ прямаго вмѣшательства силой оружія въ дѣла Греціи. Чтобы поддержать свое вліяніе и не допустить поглощенія всего Пелопонниса и прежде всего союзныхъ тиранній, Аргоса, Фліунта и проч., Ахэйскимъ союзомъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать другимъ путемъ. Не смотря на благопріятныя условія, мы видимъ, что въ его царствованіе Ахэйскій союзъ и Аратъ немного подвинулись въ эту сторону. Аристомахъ и другіе тираны держались до самаго конца жизни Димитрія. Откуда они получали силы и средства къ этому? Только субсидіи, получаемыя отъ царя Македоніи, давали имъ возможность содержать наемныя войска въ достаточномъ количествѣ, и не смотря на покушенія Арата, недовольство и заговоры собственныхъ подданныхъ, поддерживать свою власть въ ожиданіи болѣе прямой помощи. Незавидную роль они играли теперь; ихъ число уже уменьшилось, и только благодаря тому, что издержки представленія уплачивались изъ казны Димитрія, тираны не отказывались отъ своей печальной роли [3]).

Не въ одномъ Пелопоннисѣ царь Македоніи принужденъ былъ дѣйствовать такимъ образомъ. Этоляне снова тревожатъ въ это время Акарнанію (около 231 года). Они хотѣли принудить одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Акарнаніи, Медеонъ, сосѣдній съ Этоліей, войдти въ свой

[1]) Plut., Arat., 30. Здѣсь заключается указаніе на повѣрье о превращеніи кукушки въ ястреба, находящееся, быть-можетъ, въ связи съ нашею пословицей: «промѣнять кукушку на ястреба». Что касается самой мысли, заключающейся въ сравненіи, то едва-ли она принадлежитъ самому Плутарху. Плутархъ назвалъ Лидіада благороднымъ человѣкомъ и однако съ притворнымъ характеромъ: нѣкоторое противорѣчіе, здѣсь заключающееся, объясняется тѣмъ, что Плутархъ слѣдуетъ мемуарамъ Арата.

[2]) Лидіадъ былъ три раза стратигомъ; когда же онъ искалъ этой должности въ четвертый разъ, его не выбрали; см. Plut., Arat., 30. Слѣдовательно, годы стратигій Лидіада будутъ 234, 232 и 230, каждый разъ съ весны.

[3]) Polyb., II, 44, 3. Димитрій здѣсь названъ χορηγὸς καὶ μισθοδότης тиранновъ.

союзъ [1]). Обратились ли жители Акарнаніи къ Димитрію, или онъ самъ не хотѣлъ терпѣть усиленія Этолійскаго союза въ средней Греціи, какъ противодѣйствовалъ Ахэйскому въ южной, — неизвѣстно. Только, не имѣя возможности помочь прямо, Димитрій деньгами склонилъ Агрона, царя Иллирійскаго, оказать защиту жителямъ Медеона. Иллирійцы, то-есть, жители нынѣшней Далмаціи, Черногоріи и Сѣверной Албаніи, давно занимались грабежами на Адріатическомъ морѣ Теперь они явились на помощь Акарнаніи и разбили Этолянъ. Но Греція немного выиграла отъ ихъ вмѣшательства въ ея дѣла. Царь Агронъ и потомъ его вдова и наслѣдница, Тевта, получили еще болѣе смѣлости и дерзости вслѣдствіе побѣды надъ самымъ воинственнымъ племенемъ Греціи; Иллирійцы начинаютъ послѣ этого пиратствовать въ еще бо̀льшихъ размѣрахъ. Легкія „либурнскія“ суда Иллирійцевъ дѣлаются ужасомъ всѣхъ береговыхъ странъ западной Греціи; Элида, Мессинія страдали отъ нихъ. Кто могъ унять этихъ разбойниковъ? Македонія съ давняго времени исполняла должность оберегательницы и защитницы Грековъ противъ сѣверныхъ варваровъ; но теперь царь Македонскій не только принужденъ былъ отказаться отъ этой роли, а еще самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ хищническимъ стремленіямъ Иллирійцевъ. Оставались двѣ силы, которыя значили что-нибудь въ это время — Этолійская федерація и Ахэйская, и если онѣ, особенно первая, старались вытѣснить вліяніе Македоніи изъ Греціи, то должны были взять на себя ея роль, ея обязанности въ отношеніи къ беззащитнымъ греческимъ областямъ. Дѣло, дѣйствительно, пришло къ этому. Иллирійцы напали на Финику, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Епира. Епироты, въ это время тоже принявшіе федеративно-республиканское устройство, обратились къ союзнымъ федераціямъ, Ахаіи и Этоліи, съ просьбой о помощи противъ варваровъ. Помощь была послана, но до сраженія съ пиратами дѣло не дошло. Иллирійцы, призываемые домой своею царицей вслѣдствіе возстанія и отпаденія нѣкоторыхъ племенъ Иллиріи, ушли, заключивъ перемиріе съ Епиротами, но опустошивъ предварительно ихъ область. Не смотря на это, Епиръ почему-то вскорѣ пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше и выгоднѣе быть въ союзѣ съ Иллиріей, чѣмъ съ двумя греческими федераціями. Акарнанія тоже послѣдовала примѣру Епира, имѣя еще болѣе основаній не радоваться покровительственной ролп, которую брала на себя Этолія. При помощи новыхъ

[1]) Polyb., II, 2, 6. Время видно изъ первыхъ словъ этой же главы.

союзниковъ Иллирійцы нашли возможнымъ еще болѣе расширить свои операціи. Епидамнъ, Керкира, Аполлонія дѣлаются цѣлію ихъ набѣговъ. Не имѣя силъ защищаться, всѣ три политіи посылаютъ коллективную просьбу къ обоимъ союзамъ о защитѣ (въ 229 году). Выслушавъ пословъ и принявъ ихъ просьбу, Ахэйцы и Этоляне снарядили десять кораблей, принадлежавшихъ Ахэйцамъ [1]), и отправили ихъ на помощь Керкирѣ, угрожаемой въ это время пиратами. Экспедиція была неудачна. Ахэйская флотилія съ ахэйскимъ и этолійскимъ экипажемъ была разбита соединеннымъ флотомъ Иллиріи и Акарнаніи. Четыре ахэйскія квадриремы были взяты, одна пентирема потоплена. На этой послѣдней находился и погибъ Маркъ Керинійскій, первый стратигъ Ахэйскаго союза послѣ введенія единичной стратигіи, человѣкъ, оказавшій много услугъ Ахэйскому союзу и вѣрно служившій ему до своей смерти [2]). Керкира должна была сдаться корсарамъ Иллиріи.

Мы остановились на этихъ событіяхъ, потому что они печально обнаруживаютъ военное безсиліе не только одной Ахэйской федераціи, но и обоихъ союзовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и еще разъ доказываютъ, какъ необходима была Македонія для безопасности и защиты чисто-еллинскаго міра. На этотъ разъ уже является на сцену другая сила, неся съ собою рѣшеніе судьбы Ахэйскаго союза и всей Греціи въ близкомъ будущемъ; другая сила берется за рѣшеніе той задачи, которая оказалась не по плечу самимъ Грекамъ. Римъ вмѣшивается въ дѣла Греціи уже не дипломатическимъ, а военнымъ путемъ. Онъ не хотѣлъ болѣе терпѣть на Адріатикѣ морскаго разбоя, вредившаго интересамъ его торговли на этомъ морѣ, и склонился на просьбы жителей Аполлоніи и Иссы, не ждавшихъ ни откуда болѣе помощи. Необыкновенно величественно было первое появленіе Римлянъ въ Греціи. Весной 229 года явился ихъ флотъ, состоявшій изъ 200 линейныхъ кораблей, съ десантнымъ отрядомъ на нихъ: въ пухъ и прахъ были разбиты пиратскія флотиліи; одно за другимъ были взяты укрѣпленныя убѣжища пиратовъ. „Можно спросить, что было сильнѣе въ Греціи, радость или стыдъ, когда вмѣсто десяти кораблей Ахэйскаго союза, самой большой военной силы въ Греціи, двѣсти парусовъ варварскаго флота вошли въ ея гавани и однимъ ударомъ рѣшили задачу, которая досталась Грекамъ, и предъ которой они такъ жалко оказались несостоятельными“ [3]).

[1]) Polyb., II, 9, 9.

[2]) Polyb., II, 43, 2, 10, 5.

[3]) Mommsen, R. G., I, стр. 526 (2-го изд.).

Блистательно окончивъ свое дѣло, утвердившись на греческомъ берегу Адріатики, Римляне почли нужнымъ отдать долгъ и дипломатическимъ приличіямъ. Они отправили пословъ къ Этолянамъ и Ахэйскому союзу. Явившись сюда, послы прежде всего дали оправдательныя объясненія (ἀπελογίσαντο) причинъ войны и своего появленія въ греческихъ водахъ, потомъ сообщили о томъ, что̀ было ими сдѣлано, и наконецъ прочитали трактатъ, заключенный ими съ Иллирійцами [1]). „Таково было первое явленіе Римлянъ съ *военною силой* въ Иллиріи и въ этихъ частяхъ Европы, и такія причины имѣли ихъ дипломатическія сношенія (ἐπιπλοκὴ μετὰ πρεσβείας) съ народами Греціи", — заключаетъ свой разказъ Поливій.

Около времени похода Римлянъ въ Иллирію, ранѣе, чѣмъ пришла къ концу третья стратигія Лидіада, начавшаяся въ маѣ 230 года, слѣдовательно, въ первыхъ мѣсяцахъ 229 года, умеръ Димитрій [2]). Съ его смертію дѣла Ахэйскаго союза принимаютъ самое благопріятное направленіе къ достиженію первоначальной союзной программы [3]). Тиранны Пелопонниса потеряли послѣднюю надежду и послѣднюю поддержку. Не ожидая ни откуда помощи, они увидѣли себя въ необходимости отказаться отъ выгодъ своего положенія и сложить съ себя тираннію. Аратъ ускорялъ ихъ рѣшимость: въ эту благопріятную минуту онъ сталъ еще болѣе „налегать" (ἐπικεῖσθαι) на нихъ. Кто отказывался добровольно отъ своей власти и присоединялся къ союзу, тотъ получалъ большіе дары и почести; кто медлилъ и не рѣшался разстаться съ прелестями самовластія, тому грозили всѣ силы Ахэйскаго союза [4]).

Исторія опять начинается съ Аргоса и Аѳинъ. „По смерти Димитрія Аѳиняне устремились къ свободѣ и признавъ, (наконецъ!) доблесть Арата, пригласили его къ себѣ" [5]). Аратъ въ это время былъ боленъ, какъ кажется, вслѣдствіе одного изъ своихъ похожденій, тоже направленнаго противъ Аѳинъ. Плутархъ даетъ понять, что кромѣ разказанныхъ имъ и переданныхъ нами на своемъ мѣстѣ попытокъ

---

[1]) Polyb., II, 12, 7

[2]) Polyb., II, 42, 2 Clinton, F H , стр. 276 (Kruger). Что Лидіадъ былъ еще стратигомъ, это видно изъ исторіи освобожденія Аоинъ и Аргоса, послѣдовавшаго вскорѣ за смертію Димитрія Въ такомъ случаѣ смерть Димитрія должна быть отнесена къ марту или февралю мѣсяцу 229 года.

[3]) Polyb., II, 44, 2.

[4]) Polyb., ibid.

[5]) Plut , Arat., 34. Нужно ли замѣчать, что эти слова принадлежатъ если не слишкомъ большой наивности Плутарха, то нѣкоторому тщеславію Арата?

Арата къ освобожденію Аѳинъ, были еще и другія. Въ одну изъ такихъ экспедицій Аратъ вывихнулъ себѣ ногу, и такъ какъ въ то время врачи не отличались большимъ искусствомъ, то благодаря ихъ многочисленнымъ операціямъ (τομὰς ἔλαβε πολλάς), онъ долго не могъ оправиться и являлся въ походахъ только на носилкахъ [1]). И теперь, получивъ приглашеніе изъ Аѳинъ, онъ оставилъ свою постель, и больной, въ носилкахъ, явился на зовъ Аѳинянъ. Дѣло освобожденія Аѳинскаго народа не требовало, впрочемъ, большихъ усилій. Нужно было удалить македонскій гарнизонъ, стоявшій въ Пирэѣ, Мунихіи, на островѣ Саламинѣ и мысѣ Суніи. Главнымъ начальникомъ македонскихъ отрядовъ все еще былъ тотъ самый Діогенъ, который нѣкогда такъ неудачно повѣрилъ смерти Арата. Теперь у него не было прежней самоувѣренности. Вѣсти изъ Македоніи не могли внушить ея. Димитрій умеръ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Филиппа; вопросъ о регентствѣ, о замѣщеніи трона производилъ волненіе и даже безпорядки [2]). Дарданяне хотѣли воспользоваться междуцарствіемъ и тотчасъ по смерти Димитрія ворвались въ предѣлы самой Македоніи [3]). Этоляне снова грозили Ѳессаліи [4]); въ Віотіи волновалась партія, враждебная Македоніи [5]). Діогенъ легко могъ быть отрѣзанъ отъ Македоніи. Неудивительно поэтому, что онъ вошелъ въ переговоры объ очищеніи Аѳинской области македонскими войсками и требовалъ въ видѣ вознагражденія за это уплаты 150 талантовъ. Аратъ, должно-быть, изъ собственныхъ средствъ пожертвовалъ 20 талантовъ для составленія требуемой суммы [6]). Діогенъ удалился, и Аѳины сдѣлались свободны. Здѣсь оказывается, что Аратъ при своихъ многочисленныхъ стараніяхъ о свободѣ Аѳинскаго народа не имѣлъ въ виду какихъ-нибудь узкихъ, еще менѣе своекорыстныхъ цѣлей. Аѳины не были присоединены къ Ахэйскому союзу [7]). Ясно, что и желанія самого Арата не шли такъ далеко — до превращенія Аѳинъ въ ахэйскій

---

[1]) Arat., 33 въ концѣ.

[2]) См. Justin., XXVIII, 3, 10.

[3]) Ibid.

[4]) См. Droys., II, 470.

[5]) Polyb., XX, 5, 5 — 2.

[6]) Plut., Arat., 34. Павсанія (II, 8, 6) говоритъ, что Аратъ далъ шестую часть суммы, то-есть, 25 талантовъ

[7]) Предположеніе Брикнера о присоединеніи Аѳинъ къ союзу, отмѣченное нами выше (въ 1-й главѣ), ни на чемъ не основано. Плутархъ говоритъ только, что Аратъ склонилъ Діогена отдать Пирэй и Мунихію Аѳинянамъ; ср. Paus., II, 8 и 9.

городъ. Если бы желанія Арата расходились съ волею Аѳинскаго народа, то безъ сомнѣнія, Аѳиняне не получили бы отъ него столь значительнаго пожертвованія. Почему же Ахэйскій стратигъ не хотѣлъ употребить своего вліянія въ пользу расширенія союза? Потому, говорятъ намъ, что Аратъ боялся того духа, который господствовалъ въ Аѳинахъ. Аѳины были слишкомъ демократичны для ахэйской союзной демократіи. Около этого же времени обнаруживаются здѣсь такія стремленія, которыя не подъ стать были Арату и ахэйской буржуазіи,—изгнаніе изъ острова Саламина старыхъ жителей и раздѣлъ ихъ полей Аѳинскимъ клирухамъ, колонистамъ [1]). Но мы знаемъ, что такія стремленія существовали не въ однихъ Аѳинахъ: въ Сикіонѣ, Мегалополѣ и Кинэѳѣ партія, на знамени которой были написаны γῆς ἀναδασμός (раздѣлъ земли) и ἁρπαγαὶ τῶν ὑπαρχόντων (расхищеніе чужой собственности), была едва-ли не въ большей силѣ. Была она и въ Аргосѣ, къ которому стремился теперь же Аратъ, и въ Коринѳѣ, однимъ словомъ, вездѣ, какъ это уже обнаружилось во время похода Агиса и еще сильнѣе обнаружится черезъ два, три года. Еслибъ этого боялся Аратъ, то ему нельзя было бы и думать о какой бы то ни было федераціи. Отвергая мысль новаго историка, мы вполнѣ полагаемся на то объясненіе всей политики Арата, которое даетъ Поливій. Цѣлью и программой Ахэйскаго союза Поливій вездѣ ставитъ соединеніе, или, какъ онъ выражается съ особенною мягкостію, согласіе Пелопонниса. „За всѣ услуги, которыя Ахэйцы оказывали своимъ союзникамъ, они требовали въ награду только свободы для всѣхъ и общаго согласія Пелопонниса [2])... Первоначальникъ и указатель этой программы былъ Аратъ [3])... Съ самаго начала Аратъ имѣлъ въ виду дать одно общее устройство Пелопоннису; это было цѣлію многихъ стратигій и длиннаго ряда политическихъ дѣйствій“ [4]) съ его стороны. Преемники Арата вполнѣ усвоили себѣ эти планы. „Одно тѣло и одно собраніе“ должно составиться изъ всего Пелопонниса· таково убѣжденіе и Филопимена, и Ликорты [5]). Итакъ, свобода для всѣхъ Грековъ, но особенно тѣсное соединеніе Пелопонниса—вотъ политическая задача, которая предстояла Ахэйскому союзу. Нѣтъ ничего проще

---

[1]) Bockh, C. Inscr , № 108.

[2]) II, 42, 6

[3]) II, 40, 2. Ср. также II, 37, 9. 38, 9. 40, I, 43, 8.

[4]) Plut., Cleom , 3.

[5]) Рѣчь Ликорты у Тита Ливія (Liv., XXXIX, 37), который, безъ сомнѣнія, заимствовалъ ее у Поливія.

и естественнѣе подобной программы, и всего легче можно было прійдти къ ней Арату. Въ греческой исторіи уже и прежде того обнаружпвалось стремленіе къ отдѣльному и самобытному существованію Пелопоннисскаго союза; оно даже приняло однажды вполнѣ осязательную форму, когда образовались двѣ большія симмахіи, Аѳинская и Пепононнисская, подъ игемоніей Спарты. Вполнѣ согласно съ своимъ политическимъ убѣжденіемъ, Аратъ въ одно и то же время искалъ и старался объ отдѣльной свободѣ для Аѳинъ и о присоединеніи Аргоса.

Но какъ же тогда объясняется этотъ особенно-длинный рядъ попытокъ Арата освободить Аѳины, когда самая важная и существенная часть его программы далеко не была достигнута? Безъ сомнѣнія, много значило здѣсь и то обаяніе, которое со времени діадоховъ производило одно имя Аѳинъ. Мысль быть освободителемъ Греціи и прежде всего Аѳинъ начинаетъ уже составлять любимую мечту лучшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей исторіи. Знаменитому основателю династіи Антигонидовъ (Антигону I, полководцу Александра) одинъ изъ его друзей совѣтовалъ удержать за собою Аѳины по изгнаніи оттуда вражескаго гарнизона, потому что „это лѣстница, ведущая на верхъ обладанія Греціи“. „Лучшая и непоколебимая лѣстница—это благорасположеніе къ намъ; Аѳины же—это высокій маякъ вселенной: сигнальные огни его разнесутъ славу нашихъ дѣлъ по всему человѣчеству“ [1]), отвѣчалъ Антигонъ. Единственная любимая идея, почти страстная мечта знаменитаго Димитрія Поліоркета есть освобожденіе Аѳинъ [2]). Современный намъ историкъ Рима (Моммзенъ) доказываетъ, что потомъ и суровой душѣ Римлянъ не была чужда подобная мысль, и они склонялись къ „немощной политикѣ чувства“ предъ именами Аѳинъ и Греціи [3]). Отчего же не признать и въ душѣ Арата возможности подобной честолюбивой мечты? Отчего не допустить и въ немъ того чувства, которое отъ времени Поліоркета тянется чрезъ рядъ вѣковъ и дѣлается, можно сказать, общечеловѣческимъ чувствомъ? Это желаніе заслужить названіе освободителя Аѳинъ отчасти даже извиняетъ то легкое нарушеніе ахэйской конституціи, которое допущено Аратомъ для достиженія почетнаго титула. Аратъ былъ въ это время только частнымъ человѣкомъ и не имѣлъ права распоряжаться отъ имени союза. Его призвали Аѳиняне; онъ

[1]) Plut., Demetr., 8.

[2]) Самъ Дройзенъ (Hellen., I, стр. 434) говоритъ объ этомъ очень хорошо и сильно.

[3]) Römische Gesch., I, стр. 698.

явился; въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего преступнаго; но не видно, чтобъ онъ обращался потомъ къ законному авторитету союзныхъ властей, дѣйствовалъ съ согласія стратига или сената; не видно даже, чтобъ онъ извѣстилъ ихъ о посольствѣ къ нему Аѳинянъ и его цѣли Аратъ не хотѣлъ отдать своей славы своему сопернику (Лидіаду), не хотѣлъ подѣлиться ею съ кѣмъ бы то ни было. Онъ могъ, пожалуй, опасаться, что пылкій Лидіадъ найдетъ въ извѣстіи о стремленіи Аѳинянъ къ свободѣ благопріятный случай броситься открытымъ нападеніемъ на македонскіе гарнизоны. Аратъ могъ считать это совершенно излишнимъ и опаснымъ: дѣйствовать деньгами и подкупомъ было для него сподручнѣе. Лидіадъ, съ своей стороны, могъ находить неблаговиднымъ, что частный гражданинъ помимо законнаго авторитета рѣшаетъ такія важныя дѣла, какъ освобожденіе Аѳинъ безъ присоединенія къ Ахэйскому союзу, что было очень легко и возможно; могъ находить унизительнымъ, что вмѣсто желѣза дѣло совершается посредствомъ золота, когда Діогенъ и безъ того находился въ очень затруднительномъ положеніи и легко могъ быть принужденъ къ отступленію. Плутархъ говоритъ, что Лидіадъ часто обвинялъ Арата: поведеніе послѣдняго при освобожденіи Аѳинъ было, безъ сомнѣнія, однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ со стороны Лидіада противъ Арата.

Труднѣе оправдать поведеніе Арата при освобожденіи Аргоса, которое послѣдовало этою же весной (229 года). Аратъ вошелъ въ болѣе дружелюбныя сношенія съ тиранномъ Аргосскимъ, чѣмъ они были до сихъ поръ. По смерти Димитрія, указывая, безъ сомнѣнія, на положеніе вещей въ Греціи, онъ самъ сталъ убѣждать Аристомаха добровольно сложить съ себя тираннію, указывалъ ему на примѣръ Лидіада и въ перспективѣ обѣщалъ ему тѣ же выгоды и почести, которыми послѣдній былъ вознагражденъ за свое отреченіе въ пользу союза. „Лучше быть съ доброю славой и честію стратигомъ цѣлаго народа, чѣмъ ненавистнымъ, постоянно окруженнымъ опасностями тиранномъ одного города“ [1]), внушалъ тиранну Аргоса его прежній врагъ. Аристомахъ склонялся и требовалъ только пятидесяти талантовъ, чтобы расплатиться съ наемными войсками и распустить ихъ. Деньги уже приготовлялись. Лидіадъ, который былъ еще стратигомъ [2]), узналъ по этому о переговорахъ и о результатѣ ихъ. „У него пробудилось честолюбивое желаніе, чтобы присоединеніе Аргоса счита-

[1]) Plut., Arat., 35.

[2]) Ὁ Λυδιαδης ἔτι στρατηγῶν, см. ibid.

лось у Ахэйцевъ дѣломъ его собственной политики“ [1]), говоритъ Плутархъ, безъ сомнѣнія, передавая объясненіе Арата и открывая намъ просвѣтъ на борьбу двухъ честолюбій, которыя наперерывъ старались опередить одно другое:

„Поэтому онъ обвинялъ Арата предъ Аристомахомъ, какъ человѣка съ постоянно враждебнымъ и непримиримымъ расположеніемъ къ тираннамъ, и убѣдивъ его передать дѣло въ его, Лидіада, собственныя руки, рекомендовать своего кліента Ахэйцамъ Здѣсь особенно ясно обнаружилось расположеніе и довѣренность Ахэйскаго собранія къ Арату. Такъ какъ онъ говорилъ противъ принятія Аристомаха, то Ахэйцы съ гнѣвомъ отвергли бывшаго тирана. Но когда потомъ, опять склонившись, самъ Аратъ явился и началъ говорить въ пользу того же предложенія, они, не медля и съ большою готовностію, составили опредѣленіе и приняли въ союзъ Аргивянъ“.

Въ этихъ словахъ такъ замѣтно трепещетъ и бьется личное чувство худо скрытаго тщеславія и самолюбія, что мы ни мало не сомнѣваемся приписать всю тираду самому Лидіаду. Намъ хотятъ дать понять, что Аратъ дѣйствительно говорилъ искренно противъ принятія въ союзъ Аристомаха, но потомъ снова измѣнилъ свое убѣжденіе. Такъ скоро! Нужно думать, что дѣло о принятіи Аристомаха производилось предъ весеннимъ собраніемъ 229 года [2]), — и въ продолженіе его кратковременнаго засѣданія Аратъ два раза измѣнилъ свое убѣжденіе! Всмотрѣвшись внимательно, мы найдемъ, что неправъ былъ одинъ Аратъ, по крайней мѣрѣ, съ легальной, конституціонной точки зрѣнія. Какъ глава союза, Лидіадъ естественно и по справедливости могъ оскорбляться тѣмъ, что частный человѣкъ ведетъ такіе переговоры помимо его. Какъ соперникъ Арата. онъ не заслуживаетъ порицанія за желаніе имѣть за собою честь присоединенія Аргоса, особенно, когда это падало само собою на годъ его предсѣдательства въ союзѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Аристомахомъ: его обязанностью, какъ главы союза, было взять переговоры въ свои руки. Далѣе, Лидіадъ привелъ переговоры къ концу и предложилъ условія на утвержденіе собранія, согласно конституціоннымъ порядкамъ Ахэйской федераціи. Какое же право имѣлъ Аратъ употреблять во зло свое вліяніе, чтобы заставить отвергнуть то предложеніе, которое

---

[1]) Plut., Arat., 35. О присоединеніи Аргоса упоминается также у Полибія (II, 44, 6) и Павсанія (II, 8, 6), но безъ всякихъ подробностей.

[2]) Изъ словъ Плутарха (ἔτι στρατηγῶν) видно, что стратигія Лидіада приходила къ концу, и слѣдовательно, собраніе (которое разумѣется подъ σύνεδρον, οἱ Ἀχαιοὶ) есть тотъ весенній сеймъ, на которомъ долженствовалъ быть избранъ новый стратигъ.

въ сущности соотвѣтствовало общему желанію и всей прежней политикѣ самого Арата? Не могъ же онъ оспаривать права Лидіада, ссылаясь на то, что собственно ему лично, какъ человѣку, всего болѣе сдѣлавшему для приготовленія этого результата, принадлежитъ честь привести дѣло къ концу. Вѣроятно, никто не сталъ бы отвергать и оспаривать его заслуги если бы результатъ ихъ совершился при содѣйствіи посторонняго, третьяго лица Во всякомъ случаѣ его самолюбіе должно было бы принести эту небольшую жертву предъ общими интересами. Общіе интересы, конечно, въ концѣ концевъ не пострадали, но легко могли бы пострадать, еслибъ Аратъ продолжалъ свою оппозицію, или еслибъ Аристомахъ почувствовалъ подозрѣніе и неудовольствіе вслѣдствіе двусмысленнаго поведенія ахэйскихъ властей въ отношеніи къ нему. Ахэйское собраніе показало, конечно, большую довѣренность къ Арату, но въ то же время обнаруживаетъ и не меньшую безхарактерность, принимая и отвергая одну и ту же мѣру, смотря по тому, кто ее предлагаетъ. Повидимому, оно дало возможность Арату нѣсколько прикрыть неловкость и неприличіе своего поведенія. Кто убѣждалъ (συμπεισθείς) его отказаться отъ своей оппозиціи противъ принятія Аристомаха? Кажется, что то же самое собраніе, которое, послушавъ Арата, отвергло предложеніе Лидіада. Можетъ-быть, Арату тѣмъ легче было склониться на его убѣжденія, что уже на этомъ же самомъ собраніи онъ снова былъ избранъ въ стратиги на 229 и 228 годъ, и принятіе Аристомаха должно было послѣдовать въ его стратигію.

Какъ бы то ни было, Аристомахъ, тираннъ Аргоса, на извѣстныхъ условіяхъ сложилъ съ себя тираннію, и Аргосъ вступилъ въ Ахэйскій союзъ. Два такія событія, какъ очищеніе Аѳинъ македонскими гарнизонами и присоединеніе Аристомаха къ Ахэйской федераціи, не могли остаться безъ большаго вліянія на ходъ дѣлъ: они ускорили то, что̀ было приготовлено общимъ политическимъ положеніемъ Греціи и настоящимъ безсиліемъ Македоніи. Новый правитель и потомъ царь, Антигонъ Досонъ, долженъ былъ, подобно своему предшественнику, бороться на сѣверныхъ границахъ своего царства съ Дарданянами и на западныхъ и южныхъ съ Этолянами [1]). Такимъ образомъ вслѣдъ за освобожденіемъ Аттики и Арголиды послѣдовало присоединеніе къ Ахэйскому союзу острова Эгины и паденіе тираніи въ Фліунтѣ и Ерміонѣ, что̀ также имѣло своимъ послѣдствіемъ присоединеніе обоихъ

[1]) Plut., Arat, 34, въ концѣ.

городовъ къ федераціи [1]). Аркадія большею частью уже принадлежала къ Ахэйскому союзу. Если не всѣ тѣ города, которые оказываются предъ началомъ Клеоменовой войны (227 года) въ составѣ союза (Кинээа, Стимфалъ, Алея, Клиторъ, Фенея, Телфуса, и вѣроятно, Алифера и Гортинъ, извѣстные, какъ члены федераціи, только по монетамъ), присоединены именно Лидіадомъ въ три его стратигіи, то во всякомъ случаѣ теперь они уже всѣ принадлежали къ федераціи. Только небольшой клочекъ страны въ восточной части Аркадіи входилъ въ составъ другаго союза: Тегея, Мантинея, Орхоменъ принадлежали Этолянамъ [2]). Они пріобрѣтены Этоліей, безъ сомнѣнія, въ одно время съ расширеніемъ здѣсь Ахэйскаго союза. Мантинея, бывшая долго въ дружбѣ съ послѣднимъ, перешла на сторону Этоліи, вѣроятно, вслѣдствіе присоединенія къ Ахаіи Мегалополя· эти два города давно соперничали другъ съ другомъ и не могли жить вмѣстѣ.

Присоединеніе Фліунта и Аргоса вмѣстѣ съ ранѣе пріобрѣтенными Клеонами соединяло владѣнія аркадскія и далѣе первоначальное и основное ядро союза, то-есть, сѣверо-западъ собственной Ахаіи и потомъ область Сикіонскую, съ восточнымъ полуостровомъ Арголиды, вошедшимъ въ составъ союза тотчасъ послѣ пріобрѣтенія Коринѳа (съ Епидавріей и Трезиніей), и съ Ерміоніей, довершившею окончательно сплоченіе этой части полуострова. Коринѳія и Мегарида съ островомъ Эгиной примыкали непосредственно къ Сикіоніи и Арголидѣ и окончательно передавали весь сѣверный Пелопоннисъ въ руки Ахэйской федераціи. Еще далѣе на востокъ дружественная и свободная Аттика охраняла безопасность этихъ владѣній. Союзъ былъ на верху своей силы и славы; онъ былъ въ это время самою большою, самою могущественною и въ то же время свободною державой въ Греціи. Его обширныя владѣнія представляли непрерывное, сплошное цѣлое и заключали въ себѣ знаменитые въ исторіи города: Аргосъ, Коринѳъ, Сикіонъ, Мегалополь, изъ коихъ каждый составлялъ прежде отдѣльное и относительно сильное государство. Его политическое положеніе было очень благопріятно: съ Македоніей, особенно при дружбѣ съ Этоліей, онъ могъ всегда справиться. Союзъ съ Египтомъ, не нарушая внутренней свободы, все еще могъ служить точкой опоры въ случаѣ опасности съ этой стороны. Внутри не обнаруживалось никакихъ враждебныхъ противоположностей, которыя грозили бы существованію

[1]) Polyb., II, 44, 6; Plut, Arat., 34 и 35
[2]) Polyb., II, 46, 2.

союза. Ахэйцы, Доряне и Аркадцы забыли свои мѣстныя и племенныя вражды. Наконецъ найдена была, повидимому, вполнѣ удовлетворительная форма, примирявшая стремленіе Грековъ къ мѣстной самостоятельности съ необходимымъ, не только для дальнѣйшаго развитія, но и для сохраненія этой самостоятельности, подчиненіемъ частей цѣлому, соединеніемъ и сосредоточеніемъ силъ. Не вводя насильственно никакого новаго политическаго принципа въ греческую жизнь, не нарушая историческаго, исконнаго права, усвоеннаго каждому свободному Греку, — принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, не трогая всеобщей подачи голосовъ, союзъ фактически переносилъ центръ тяжести на ту совокупность консервативныхъ силъ, которая составлялась изъ всѣхъ богатыхъ и „среднихъ“ людей въ отдѣльныхъ общинахъ, и такимъ образомъ примирялъ, или по крайней мѣрѣ, сжималъ высшимъ политическимъ единствомъ ту соціальную борьбу, которая тѣмъ легче разыгрывалась до сихъ поръ въ кровавыя сцены, чѣмъ тѣснѣе, уже и ограниченнѣе было поле, гдѣ сталкивались соціальныя противоположности. Тиранія, которая своекорыстно пользовалась враждою соціальныхъ элементовъ богатства и бѣдности, нисколько не сглаживая и не примиряя ихъ, или опиралась на чужеземную силу и наемное войско, была вполнѣ устранена. Союзъ умѣлъ даже примирить прежнихъ тирановъ съ новымъ порядкомъ вещей. Ненавистники тиранніи, тираннициды по принципу и призванію, и Лидіады, Аристомахи, Клеонимы (Флиунтскій), Ксеноны (Ерміонскій) одинаково служили федераціи и занимали часто самое видное мѣсто въ ея администраціи. Матеріальные интересы, которымъ благопріятствовали уничтоженіе преградъ и оковъ, налагаемыхъ политическимъ раздѣленіемъ, присутствіе въ союзѣ богатаго и торговаго Коринѳа и Сикіона и дружественныя сношенія съ Египтомъ, при тогдашней дешевизнѣ и легкости морскихъ путешествій [1]), обѣщали еще болѣе скрѣпить связь разнообразныхъ составныхъ частей федераціи. Монеты Сикіона съ своими символами мира были распространены во всемъ Пелопоннисѣ, указывая на обширную внутреннюю торговлю [2]). Не

---

[1]) Polyb, III, 59 Ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς τῶν μὲν κατὰ Ἀσίαν πλωτῶν καὶ πορευτῶν γεγονότων. Уже во времена Платона переѣздъ изъ Аѳинъ въ Египетъ стоилъ только двѣ драхмы. Plato, Gorgias, 511.

[2]) Leak, Travels in Morea, III, стр 379: I have seen some thousands of them (сикіонскихъ драхмъ), since I have been in Greece. Ср. Curtius, Peloponn., II, 489. На монетахъ Сикіона изображался летящій голубь и олива. См. Нумизматику или исторію монетъ А Бутковскаго. Москва, 1861 года, табл. 2.

только родной городъ Арата, но и нѣкогда гордый и все еще богатый и промышленный Коринѳъ чеканили на своихъ монетахъ слова, которыя и жителю Ирэи, и гражданину Аргоса напоминали объ общей связи: Ἀχαιῶν Κορινθίων Σικυωνίων Ἀχαιῶν [1]) читалъ онъ на монетахъ могущественной родины Кипселидовъ и пышной столицы Орѳагоридовъ.

Одно только препятствіе оставалось для полнаго соединенія Пелопоннеса. Спарта не только не имѣла никакой склонности войдти въ союзъ, но и относилась къ нему положительно враждебно. Ея новые реформаторы для возрожденія своего отечества избрали путь совершенно противоположный, враждебный принципамъ, на которыхъ основывалась сосѣдняя федерація. Безъ этого роковаго обстоятельства Этолійскія владѣнія съ срединѣ полуострова легко и скоро перешли бы къ Ахаіи. Этоляне, какъ это вскорѣ обнаружилось, не могли долго удерживать ихъ. Элида [2]), теперь союзная съ Этоліей, съ готовностію перемѣнила бы дружбу съ нею на пріязнь болѣе родственной по направленію Ахэйской федераціи. Мессинія, по свидѣтельству Павсаніи [3]), только изъ страха передъ Спартой не вступала въ Ахэйскій союзъ.

Здѣсь надлежащее мѣсто для болѣе подробнаго изслѣдованія политическаго устройства Ахэйской федераціи.

V.

Учрежденіе Ахэйскаго союза: общія замѣчанія. — Самостоятельность частей; случаи вмѣшательства союзной власти. — Единство цѣлаго: дипломатическія сношенія, военная организація, монетная система. — Политическія учрежденія: сеймъ, его составъ и характеръ. — Администрація: деміурги и стратигъ. — Дума.

Поливій, то-есть, писатель, у котораго мы главнымъ образомъ должны заимствовать наши свѣдѣнія объ устройствѣ Ахэйскаго союза, дѣлая его общую характеристику, утверждаетъ, что равенство, свобода и самыя искреннія и широкія демократическія начала составляли основаніе политической системы ахэйской [4]). Со стороны политическаго мыслителя, не имѣющаго вѣры въ чистыя и абсолютныя формы

[1]) Mionnet, II., стр. 161 и 162.
[2]) Polyb., IV, 73.
[3]) Pausan., IV, 29, 6.
[4]) Polyb., II, 38, 6.

государственнаго устройства, проникнутаго недовѣріемъ къ „толпѣ“ и къ ея способности принимать участіе въ дѣлахъ государственныхъ, такая похвала могла бы показаться странною, если бы мы не знали, что слова „демократія“, „аристократія“ имѣютъ еще не очень точное и опредѣленное значеніе, но принимаютъ различный смыслъ, смотря по тому, какого политическаго направленія держится человѣкъ, ихъ произносящій. Для всякаго, кто хотя нѣсколько знакомъ съ греческою исторіей, самою полною и самою высокою представительницей демократическаго устройства будетъ, конечно, республика Аѳинская. О ней-то именно Полибій и высказывается въ топѣ очень строгаго осужденія и вполнѣ устраняетъ ее изъ разряда государствъ, которыя хотя бы отчасти приближались къ идеалу хорошаго государственнаго устройства. По его мнѣнію, „народъ Аѳинскій всегда былъ похожъ на корабль безъ кормчаго“; здѣсь все находится въ рукахъ „толпы“, увлекающейся своими порывами то въ ту, то въ другую сторону.[1]). Извѣстно, что въ политической фразеологіи настоящаго времени очень употребительны выраженія: „истинная демократія“, „ложная демократія“, „истинная аристократія“ и т. д., и что выраженіе „истинная демократія“ часто означаетъ нѣсколько менѣе, чѣмъ просто „демократія“; эпитетъ „истинная“ служитъ къ ограниченію, а не къ усиленію понятія, заключающагося въ словѣ „демократія“. Полибій — одинъ изъ тѣхъ писателей, которые уже пользуются такою фразеологіей. По его словамъ, ахэйское устройство есть истинная демократія, δημοκρατία ἀληθινή[2]), то-есть, въ противоположность другимъ ложнымъ умѣренная демократія.

Въ теоріи ахэйское государственное устройство было вполнѣ демократическимъ, и въ этомъ отношеніи Полибій совершенно правъ, приписывая ему это качество. Можно сказать, что ахэйскія союзныя учрежденія теоретически допускали участіе всего народа въ государственныхъ дѣлахъ совершенно въ такой же степени, какъ и законодательство Клисѳена и Перикла. Верховная власть принадлежала здѣсь, какъ и въ Аѳинахъ, собранію всѣхъ гражданъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ право участвовать въ этомъ собраніи, держать рѣчь и подавать свой голосъ. Народное вѣче рѣшало всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Вопросы о войнѣ, мирѣ и заключеніи союзовъ, избраніе верховныхъ исполнительныхъ властей, все это принадлежало вѣчу. Ограниченія, которыя превращали ахэйскую конституцію въ болѣе умѣренную, чѣмъ

[1]) VI, 43, 44.
[2]) VI, 38, 6.

Аѳинская, достигались не прямымъ, а косвеннымъ путемъ, принадлежали болѣе практикѣ, чѣмъ теоріи. Гарантіи, которыя предупреждали господство дурной демократіи, преобладаніе классовъ неимущихъ съ противообщественными стремленіями, лежали въ большей обширности и соединенной съ тѣмъ большей сложности ахэйскаго государственнаго организма, что̀ и отличало Пелопоннисскую федерацію отъ единой и нераздѣльной демократіи города Аѳинъ.

Устройство Ахэйскаго союза было строго федеративное. Оно вполнѣ совмѣщало въ себѣ два основныя условія, которыя составляютъ сущность этого понятія: соединеніе нѣсколькихъ или многихъ политическихъ единицъ въ одно цѣлое съ сохраненіемъ ихъ самостоятельности.

Мы остановимся сначала на второмъ признакѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ политіи, входившія въ составъ федераціи, сохраняли все-таки свое отдѣльное государственное существованіе, хотя Поливій и не высказываетъ этого въ видѣ прямаго положенія. Мы замѣчаемъ, что при обыкновенномъ теченіи дѣлъ союзное правительство не вмѣшивается во внутреннія дѣла отдѣльной политіи, не измѣняетъ ни ея законовъ, ни существующихъ частныхъ политическихъ учрежденій. Напротивъ того, каждая политія сохраняетъ свое мѣстное правительство и законодательство. Указаній на это достаточно. Въ 233 году, когда стратигомъ Ахэйскаго союза былъ Тимоксенъ [1]), Аргивяне избираютъ своимъ частнымъ стратигомъ Арата [2]). Въ Сикіонѣ упоминаются правительственныя лица, которымъ дается титулъ архонтовъ [3]). Въ Кинэѳѣ, очевидно, существовали до присоединенія къ союзу и остались послѣ присоединенія не только полемархи, одна изъ второстепенныхъ должностей, но и свои мѣстные стратиги [4]). Изъ позднѣйшаго времени мы имѣемъ самое рѣши-

---

[1]) Polyb., II, 53, 1.

[2]) Plut., Arat , 44.

[3]) Polyb , V, 27, 3.

[4]) Ibid , IV, 17. Кинэѳяне для охраненія внутренняго спокойствія держали у себя нѣкоторое время ахэйскій гарнизонъ и получали стратига отъ союзной власти, «изъ Ахаіи», какъ выражается Поливій Что стратигъ этотъ не былъ начальникомъ ахэйскаго гарнизона, но обыкновеннымъ мѣстнымъ правительственнымъ лицомъ, только временно назначаемымъ изъ Ахаіи, а не избираемымъ въ самой Кинэѳѣ, — это видно изъ самыхъ выраженій Поливія. στρατήγον τῆς πόλεως. Потомъ оказалось возможнымъ примиреніе партій, раздиравшихъ Кинэѳу; Кинэѳяне отпустили ахэйскій гарнизонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и стратига, назначеннаго имъ изъ Ахаіи, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ чтобы замѣнить его своимъ мѣстнымъ уроженцемъ, правильно избраннымъ

тельное доказательство существованія отдѣльнаго правительства въ каждомъ городѣ. Филопименъ, задумавъ походъ противъ Спарты, пишетъ письма по всѣмъ городамъ, адресуя ихъ на имя мѣстныхъ чиновъ [1]). Народныя собранія (вѣча, ἐκκλησία) существуютъ точно также въ каждой отдѣльной общинѣ [2]). Наконецъ встрѣчаются указанія и на существованіе мѣстной думы (βουλή) [3]) Отсюда ужь ясно, въ какомъ смыслѣ надобно понимать слова Полибія, что у Ахэйцевъ были одни и тѣ же правители, сенаторы и судьи [4]). Это означаетъ только одинаковое устройство исполнительной, судебной и совѣщательной власти во всѣхъ политіяхъ.

Федеральное правительство не вмѣшивалось въ особенныя отношенія, которыя иногда существовали между большими городами и меньшими общинами, находившимися въ ихъ территоріи. Мегалополь послѣ своего присоединенія къ союзу удерживаетъ въ своемъ подчиненіи Алифиру, Асею, Гортинъ и другія, зависѣвшія отъ него общины Только въ послѣдствіи, благодаря Филопимену, онѣ достигаютъ самостоятельнаго положенія и вступаютъ въ союзъ, какъ его непосредственные члены [5]) Замѣчательно, что и это сдѣлано только на основаніи прежней независимости означенныхъ городовъ отъ Мегалополя. Мессинія входитъ первоначально въ союзъ такъ, какъ была, цѣлымъ большимъ штатомъ, и только послѣ возмущенія, при вторичномъ вступленіи въ федерацію, отъ нея отдѣлены въ наказаніе три города (Авія, Θурія и Фары), принятые въ союзъ самостоятельными членами [6]). Тенея, городъ довольно обширный, оставалась, какъ

---

[1]) Эти чины названы у Полибія (XVI, 36, 3) ἀποτέλειοι. Изъ сравненія съ X, 23, 9 видно, что ἀποτέλειοι = οι κατὰ πόλεις ἄρχοντες = οἱ ἐν τέλει. Кромѣ Полибія этотъ терминъ нигдѣ не встрѣчается.

[2]) Polyb., XXXVIII, 3, 7.

[3]) Liv., XXXII, 19, 9; Plut , Arat., 53.

[4]) II, 37, 10.

[5]) Plut., Philop., 13. Плутархъ не называетъ этихъ общинъ; но монеты показываютъ, что это были Алифира, Асея, Дипэя, Гортинъ, Палланτіонъ и Θисоя Только самостоятельныя общины имѣли право бить монету; слѣдовательно, если встрѣчаются монеты съ надписями: Ἀλιφειρέων (Millingen, Sylloge of ancient unedited coins, p. 60, Curtius, Pelop., I, 393), Θεισοαίων Ἀχαιῶν и Ἀχαιῶν Θεισοαίων (Mionnet, II, 162, Supplement, IV, 18), Ἀσεάτων Ἀχαιῶν (Curt., Pelop , I, 275) и т. д., то эти города были когда-нибудь самостоятельными членами федераціи; ср. Pausan., VIII, 27.

[6]) Polyb., XXV, 1, 2. Монеты съ надписью: Μεσσανίων Ἀχαιῶν см. у Mionnet, II, стр 162.

видно, въ подчиненномъ отношеніи къ Коринѳу [1]). Эти примѣры показываютъ, что федерація вполнѣ уважала внутреннюю самостоятельность и самобытность государствъ, къ ней присоединяющихся. Если бы проводить вполнѣ принципъ равенства, то собственно говоря, каждая политія, прямо или непрямо вступающая въ союзъ, должна была бы дѣлаться самостоятельною и свободною. Но Ахэйскій союзъ, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла вновь присоединяющихся областей, имѣлъ дѣло только съ господствующимъ на извѣстной территоріи городомъ. Само собою разумѣется, что послѣ присоединенія къ свободной федераціи въ подчиненныхъ общинахъ могло иногда пробуждаться неудовольствіе и стремленіе стать наравнѣ съ другими среди федераціи.

Не смотря на самостоятельность отдѣльныхъ политій, внутреннее политическое устройство ихъ простымъ и естественнымъ образомъ принимало одну общую демократическую форму. Почти всѣ города Пелопонниса до вступленія своего въ союзъ находились подъ властію тирановъ. Тираннія прямо противорѣчила всѣмъ началамъ свободнаго союза; уничтоженіе ея было предварительнымъ условіемъ для вступленія въ федерацію. Но паденіе тираніи оставляло послѣ себя свободное поле для той или другой формы политическаго быта, для олигархіи или демократіи. Давно уже была потеряна всякая устойчивость государственной жизни въ маленькихъ греческихъ республикахъ: онѣ постоянно колебались между господствомъ неимущей толпы или преобладаніемъ богатой олигархіи. При отсутствіи внутренней устойчивости перевѣсъ, естественно, зависѣлъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Не нужно было большаго давленія, чтобы рѣшить дѣло въ пользу той или другой стороны. Олигархическія формы не могли держаться въ отдѣльныхъ политіяхъ, вступившихъ въ Ахэйскую федерацію, уже потому что учрежденія самаго союза не были олигархическими, что въ важнѣйшихъ городахъ союза господствовала демократія. Такимъ образомъ отдѣльные члены Ахэйскаго союза получали однообразное политическое устройство вслѣдствіе простаго и естественнаго стремленія къ ассимиляціи, которое вездѣ проявляется при такихъ же условіяхъ. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы союзная власть прямо предписывала введеніе демократическаго порядка. Даже Спартѣ, когда она при Филопименѣ (въ 192 году) вошла въ составъ Ахэйскаго союза, были оставлены ея древніе законы. Только въ наказаніе за возмущеніе (въ

[1]) Монетъ отъ Теней не существуетъ, и Страбонъ называетъ ее прямо κώμη τῆς Κορινθίας; Curt., Pelop., II, 597.

189 году) и возстаніе противъ союза, законы и учрежденія Ликурга были формально отмѣнены [1]).

Нѣкоторые извѣстные намъ примѣры вмѣшательства союзной центральной власти во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ членовъ союза составляютъ только кажущееся противорѣчіе со самостоятельностью послѣднихъ. Новѣйшая теорія и практика федеративная въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, поразительно совпадаютъ съ практикой Ахэйскаго союза. Вмѣшательство центральнаго правительства въ Бернѣ во внутреннюю борьбу партій Женевской республики въ случаяхъ необходимыхъ не признается нарушеніемъ верховной самостоятельности кантона. Точно также нужно смотрѣть и на тѣ случаи въ исторіи Ахэйской федераціи, которые мы имѣемъ въ виду. Въ нихъ слѣдуетъ видѣть не нарушеніе самостоятельности отдѣльныхъ политій, но скорѣе доказательство, что политическая жизнь и политическая борьба въ отдѣльныхъ политіяхъ не прекращалась и послѣ присоединенія ихъ къ союзу, что она напротивъ того достигала иногда крайней живости и раздраженія, и что только въ этихъ крайнихъ случаяхъ допускалось и требовалось вмѣшательство союзнаго авторитета. Послѣ разоренія Мегалополя Клеоменомъ тамъ поднимается споръ по поводу возобновленія городскихъ стѣнъ, и партіи доходятъ до сильнаго раздраженія. Одни хотѣли, чтобы стѣны были выстроены въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Это представляло бы ту выгоду, что и самая постройка могла бы легче и скорѣе быть окончена, да и защита построенныхъ стѣнъ была бы удобнѣе. Несчастіе, постигшее городъ, именно произошло отъ несоразмѣрности числа жителей съ обширностію стѣнъ, которыя нужно было оберегать. Эти воззрѣнія были совершенно невинны и неопасны, хотя другая партія и не хотѣла съ ними согласиться. Но бѣда въ томъ, что и сюда — въ вопросъ объ оборонительныхъ средствахъ города — внесенъ былъ элементъ соціальной вражды, отъ которой страдала вся Греція. Въ пользу сокращенія городской окружности были бѣдные. Они требовали сверхъ того, чтобы богатые землевладѣльцы, κτηματικοί, уступили третью часть своихъ земель въ пользу новыхъ поселенцевъ, которые должны будутъ восполнить убавившееся населеніе Мегалополя Богатые, понятно, не соглашались даромъ отказаться отъ своего имущества. Были еще другія причины несогласія, которыя однако остаются для

[1]) Polyb , XXXIV, 4, 4, Liv , XXVIII, 34: Lycurgi leges moresque abrogarent; cp Plut , Philop , 16

насъ неясными [1]). Споръ, перенесенный на горячую почву соціальной вражды, принималъ уже характеръ весьма опаснаго столкновенія. Но вмѣшательство союзнаго авторитета отвратило опасность. Центральное правительство отправило въ Мегалополь Арата, бывшаго тогда стратигомъ. Онъ успѣлъ примирить враждующія партіи. Какъ серіозно было дѣло, видно уже изъ того, что условія примиренія были начертаны на колоннѣ, нарочно поставленной среди города. Полибій, разказывающій объ этомъ событіи, такой способъ выраженія, который намекаетъ на трудность и щекотливость роли Ахэйскаго стратига [2]).

Другой замѣчательный случай вмѣшательства относится также къ Мегалополю. Столкновеніе на этотъ разъ произошло изъ-за Филопимена. Мегалополитанцы были раздражены тѣмъ, что Филопименъ оставилъ свое отечество въ самую критическую минуту, принявъ должность военачальника, предложенную ему на островѣ Критѣ. Дѣло дошло до того, что Филопимена хотѣли исключить изъ числа гражданъ и подвергнуть вѣчному изгнанію (ἀποξενοῦν). Нѣтъ сомнѣнія, что изгнаніе такого лица, какъ Филопименъ, было не то, что̀ изгнаніе простаго гражданина. Оно лишило бы городъ и весь союзъ одного изъ главныхъ дѣятелей на пользу общую. Оно могло имѣть и непосредственно опасную сторону тѣмъ болѣе, что въ самомъ Мегалополѣ была партія, которая оправдывала и защищала Филопимена. Союзная власть (οἱ Ἀχαιοῖ) вмѣшалась и предупредила окончательное рѣшеніе. Тогдашній стратигъ Аристэнъ, подобно Арату, былъ отправленъ въ Мегалополь, не смотря на то, что принадлежалъ къ числу политическихъ противниковъ Филопимена. Приговоръ не былъ произнесенъ и Филопименъ, оставшись гражданиномъ Мегалополя, успѣлъ еще оказать много услугъ своему отечеству и всей Греціи [3]). Есть еще два примѣра вліянія союзной власти на внутреннія дѣла отдѣльныхъ республикъ, гдѣ вмѣшательство принимаетъ, повидимому, характеръ болѣе рѣзкаго и ощутительнаго стѣсненія мѣстной автономіи. Оба раза является нѣчто въ родѣ военнаго постоя федеральныхъ войскъ въ городѣ. За то въ томъ и другомъ случаѣ союзная власть выходитъ на сцену по требованію самихъ гражданъ подлежащаго города. Однажды былъ отправленъ союзный гарнизонъ въ Кинэѳу: онъ былъ призванъ

[1]) Дѣло шло о какомъ-то особенномъ Мегалополитанскомъ законодательствѣ.

[2]) Polyb., V, 93: Τοιαύτης οὔσης τῆς ἀμφισβητήσεως, ποιησάμενος Ἄρατος τὴν ἐνδεχομένην ἐπιστροφήν и т. д.

[3]) Plut., Philop., 13.

одною изъ тѣхъ партій, которыя тамъ боролись съ ожесточеніемъ. Подобнымъ образомъ и въ Мантинэю союзныя войска были приглашены для поддержанія порядка и мира [1]).

Указанные нами случаи не даютъ права сказать, чтобы союзъ допускалъ „сильныя вторженія“ въ частныя дѣла отдѣльныхъ политій [2]). Единственный примѣръ, который приводится въ доказательство сильныхъ вторженій, относится, вопервыхъ, къ послѣднимъ днямъ существованія Ахэйскаго союза, то-есть, къ періоду самому безпокойному. Во время войны съ Римлянами стратигъ Діэй (Δίαιος), чтобы найдти какія-нибудь средства для продолженія борьбы за существованіе союза, рѣшилъ освободить и вооружить рабовъ и отправилъ въ этомъ смыслѣ предписанія ко всѣмъ союзнымъ городамъ. Эта мѣра, не совсѣмъ удобная сама по себѣ и только извиняемая крайностью, была встрѣчена тѣмъ съ бо̀льшимъ негодованіемъ, что при распредѣленіи повинности по городамъ Діэй допустилъ большую небрежность и неравенство. Если всмотрѣться внимательно, то и этотъ случай не представляетъ собственно нарушенія законной автономіи и самостоятельности областей. По союзной конституціи, военная часть, какъ мы увидимъ, подлежала вѣдѣнію федеральныхъ властей. На этомъ основаніи и дѣйствуетъ Діэй. Неправильность и незаконность состоитъ въ нарушеніи частныхъ имущественныхъ правъ каждаго рабовладѣльца и еще болѣе въ несправедливой раскладкѣ, на что̀ указываетъ и Полибій [3]), а не въ нарушеніи политическихъ правъ каждой отдѣльной области.

Сколько мы знаемъ, нельзя указать другихъ случаевъ вмѣшательства союзнаго авторитета въ домашнюю жизнь отдѣльныхъ республикъ, кромѣ вышеприведенныхъ; по крайней мѣрѣ, не найдется такихъ случаевъ въ хорошія и спокойныя времена союза. Если же дѣлать заключеніе по тѣмъ примѣрамъ, которые намъ извѣстны, то нужно будетъ сказать, что вмѣшательство допускалось только въ случаѣ настоятельной необходимости, главнымъ образомъ, для охраненія внутренняго мира союзныхъ общинъ, съ цѣлію предупредить крайнія и кровавыя столкновенія партій, иногда по требованію и вызову со стороны подлежащихъ членовъ союза. Охранительныя мѣры такого рода, какъ уже замѣчено, не только не нарушаютъ принципа автономіи, но на-

[1]) Polyb., V, 93; II, 58, 1.

[2]) Такъ выражается Фишеръ въ сочиненіи: Ueber die Bildung von Staaten und Bünden im alten Griechenland, стр 43, ссылаясь на распоряженіе Діэя.

[3]) XL, 2.

противъ того свидѣтельствуютъ о дѣйствительномъ уваженіи къ нему, о дѣйствительномъ признаніи его въ федеративной конституціи ахэйской. Политіи, вошедшія въ составъ Ахэйскаго союза, оставались такимъ образомъ вольными общинами, дѣйствительно самостоятельными государствами, были πόλεις, а не δῆμοι. Но въ то же время очень ясно и сильно былъ поставленъ и принципъ высшаго союзнаго единства. Ахэйскій союзъ былъ дѣйствительно союзнымъ государствомъ (Bundesstaat), а не союзомъ нѣсколькихъ государствъ (Staatenbund). Существовала ахэйская „нація“ [1]), но крайней мѣрѣ, какъ политическое понятіе, съ національнымъ правительствомъ. Каждый гражданинъ каждой общины находился къ этому правительству въ прямомъ отношеніи. Были дѣла общія, касавшіяся всей націи, подлежавшія только ея вѣдѣнію. Въ этихъ дѣлахъ, самостоятельность частныхъ единицъ должна была уступать требованіямъ единства, высшимъ правамъ союза.

Мы еще разъ хотѣли бы передать читателю наше удивленіе къ той послѣдовательности и строгости, съ которыми начала государственнаго единства были проведены въ ахэйской конституціи и соглашены съ признаніемъ мѣстныхъ самостоятельностей. Союзное ахэйское устройство въ такой степени представляется близкимъ къ тѣмъ немногимъ новѣйшимъ образцамъ этой наиболѣе сложной и наиболѣе искусственной формы политическаго быта, что иногда можно бы предполагать заимствованіе у него этими послѣдними, если бы положительныя свидѣтельства исторіи и собственное сознаніе творцовъ новѣйшей и самой знаменитой федераціи не говорили противнаго [2]). Съ другой стороны, ахэйское союзное устройство въ такой степени удовлетворяетъ тѣмъ основнымъ, идеальнымъ требованіямъ федеративнаго устройства, которыя могутъ быть добыты путемъ отвлеченія отъ дѣйствительно существующихъ образцовъ, что мы легко и удобно можемъ обращаться къ нему съ современными требованіями и запросами. Въ такомъ именно смыслѣ мы можемъ спросить: кому принадлежало

---

[1]) Поливій очень часто употребляетъ выраженіе. ἔθνος, τὸ ἔθνος τῶν Ἀχαιῶν въ примѣненіи ко всему союзу.

[2]) Could the interior structure and regular operation of the Achaian league be ascertained, it is probable that more light might be thrown by it on the science of federal dovernement, than by any of the like experiments with which we are acquainted. См. *The Federalist*, № XVIII. Даже тѣ знанія, которыя Гамильтонъ и Гаррисонъ имѣли объ Ахэйской федераціи, заимствованы не изъ самыхъ источниковъ, не изъ Поливія, и потому весьма неточны.

право сношеній съ иностранными государствами въ Ахэйской федераціи — союзной ли только власти, или и частнымъ отдѣльнымъ членамъ союза? Какъ и кѣмъ рѣшались вопросы войны и мира, и существовала ли союзная армія? Кому принадлежало право бить монету? И наконецъ, какъ было устроено союзное правительство и союзное законодательство, и было ли союзное правительство достаточно сильно?

Внѣшнее представительство всего народа, право дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами принадлежало въ Ахэйской федераціи только власти союзной. Въ пользу существованія такого воззрѣнія свидѣтельствуютъ всѣ почти частные случаи сношеній. Наконецъ, однажды это воззрѣніе было высказано ясно и торжественно. Въ договорѣ, заключенномъ Ахэйцами съ Римскою республикой, стоитъ слѣдующее условіе: „только отъ цѣлаго союза Ахэйскаго могутъ быть отправляемы послы къ римскому сенату; отдѣльныя общины, входящія въ составъ союза, не должны имѣть такого права“ [1]). Есть исключенія изъ общаго правила, но они, какъ всегда, только подтверждаютъ его существованіе. Одно изъ этихъ исключеній находится въ связи съ событіями, уже разсказанными у насъ. Римляне, по окончаніи войны съ иллирійскими разбойниками, отправили посольство въ Коринѳъ. Но мы знаемъ, вопервыхъ, что это посольство пришло только послѣ того, какъ всѣ дипломатическія дѣла были покончены въ сношеніяхъ съ союзными властями, и слѣдовательно, вовторыхъ, оно имѣло характеръ только почетнаго посольства къ предсѣдателямъ на Коринѳскихъ играхъ. Результатомъ посольства, дѣйствительно, было только принятіе Римлянъ на Исѳмійскія игры [2]). Болѣе значенія имѣетъ другой случай, съ которымъ мы еще встрѣтимся. Тамъ одинъ городъ не принимаетъ уже, а самъ отправляетъ посольство къ царю Македонскому. Но какъ будетъ видно, это было сдѣлано въ обстоятельствахъ вполнѣ исключительныхъ. Потомъ, для этого опять-таки требовалось разрѣшеніе союзной власти [3]) Слѣдовательно, безъ этого спеціальнаго разрѣшенія посольство не могло

---

[1]) Ἀχαιῶν γὰρ εἴρητο ἀπὸ τοῦ κοινοῦ παρὰ τὴν Ῥωμαιων βουλὴν ἀπιέναι πρέσβεις, ἰδίᾳ δὲ ἀπείρητο μὴ πρεσβεύεσθαι τὰς πόλεις, ὅσαι συνεδρίου τοῦ Ἀχαιῶν μετεῖχον; См. Pausan , VII, 9, 4, ср. Liv., XXXIX, 37

[2]) Polyb , II, 21, 8: Ῥῶμαῖοι.... ἄλλους πρεσβευτὰς ἐξαπέστειλαν προς Κορινθίους καὶ πρὸς τοὺς Ἀθηναίους· ὅτε δὴ καὶ Κορίνθιοι πρῶτον ἀπεδέξαντο μετέχειν Ρωμαίους τοῦ τῶν Ἰσθμίων ἀγῶνος. Это посольство послѣдовало непосредственно за первымъ—ко всему Ахэйскому союзу.

[3]) Polyb., II, 48, 7.

быть отправлено. Къ концу существованія союза, когда его счастливыя времена уже миновали, встрѣчались дѣйствительныя нарушенія основнаго союзнаго права, особенно со стороны Лаконики и Мессиніи, вошедшихъ въ составъ союза противъ своей воли. Онѣ постоянно обращались прямо къ римскому сенату, который поощрялъ это намѣренно. Союзныя ахэйскія власти по возможности протестовали противъ такого нарушенія союзнаго права [1]).

Если уже не допускались дипломатическія сношенія отдѣльныхъ членовъ федераціи съ иностранными государствами, то само собою разумѣется, и вопросы войны и мира могли подлежать только вѣдѣнію общаго правительства [2]). Болѣе частныя подробности относительно военнаго устройства могутъ служить къ ближайшему и точнѣйшему опредѣленію силы и крѣпости союзной государственной власти. Мы знаемъ, что количество войска, которое члены союза должны были выставлять въ случаѣ нужды, зависѣло отъ рѣшенія союзнаго сейма. При этомъ съ весьма удовлетворительною подробностію составлялось росписаніе, сколько должно быть выставлено пѣхоты, сколько конницы, сколько наемнаго войска, и потомъ въ частности это количество распредѣлялось по отдѣльнымъ политіямъ: назначалось, сколько должны поставить Аргивяне, сколько Мегалополитанцы, и въ какомъ вооруженіи [3]). Иногда опредѣлялось всеобщее, поголовное ополченіе всѣхъ способныхъ носить оружіе, обязательное для всѣхъ членовъ союза. Исполненіе этого рѣшенія поручалось союзному стратигу [4]), а онъ обращался въ свою очередь къ мѣстнымъ властямъ отдѣльныхъ городовъ [5]) съ требованіемъ выставить надлежащій контингентъ. Кромѣ своего собственнаго войска, собираемаго въ случаѣ нужды, федерація содержала, по обычаю времени, извѣстное количество наемныхъ солдатъ (τὸ ξενικόν). Для покрытія издержекъ по этому предмету каждая область вносила извѣстную сумму денегъ [6]). Отдѣльныя политіи, очевидно, не имѣли права содержать наемныя войска. Аристомахъ, принявъ намѣреніе вступить въ союзъ, прежде всего долженъ былъ распустить войска, которыя онъ содержалъ въ Аргосѣ [7]). Полибій замѣчаетъ,

---

[1]) Pausan., VII, 9.
[2]) Polyb., IV, 15; 16 и др.; Liv., XXXIII, 15; XXXVI, 3 и проч.
[3]) Polyb., V, 91, 6.
[4]) Polyb., IV, 7, 5; ср. 9, 1.
[5]) Polyb., IV, 7, 10.
[6]) V, 91, 4; ср. 30, 5; IV, 60, 4; V, 94, 9; V, 1, 11.
[7]) См. выше.

что отказъ нѣсколькихъ городовъ вносить возложенную на нихъ часть военной повинности въ общую казну, съ тѣмъ чтобы содержать самимъ для себя наемниковъ, могъ уже считаться признакомъ расторженія союза, отпаденія отъ него [1]). Союзъ бралъ на себя вполнѣ и всецѣло охрану не только общей безопасности всего своего состава, но и каждой отдѣльной области. Иногда могло случиться, что обстоятельства заставятъ ту или другую политію нести двойное бремя издержекъ для общей защиты и для своей частной обороны. Въ такомъ случаѣ, по союзнымъ законамъ, можно было ожидать и требовать вознагражденія и возмѣщенія издержекъ, понесенныхъ сверхъ общей раскладки [2]).

Поливій замѣчаетъ, что вслѣдствіе федеративнаго соединенія весь Пелопоннисъ достигъ полнаго единства въ системѣ мѣръ, вѣсовъ и монеты [3]). Этихъ словъ, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, чтобы въ самомъ дѣлѣ только одному центральному правительству принадлежало право чеканить монету. Сикіонъ, Коринѳъ и другіе города сохраняли свое старое право въ этомъ отношеніи У Поливія идетъ рѣчь только о признаніи одной общей монетной системы. Это служило уже выраженіемъ союзнаго единства. Драхмы и тетрадрахмы Сикіона были ходячею монетой во всемъ союзѣ, имѣя такую же цѣнность, какъ тетрадрахмы и драхмы Коринѳа и Эгіона Надпись монетъ, выбитыхъ въ томъ или другомъ городѣ, именовала не только этотъ городъ, но и самый союзъ, часть котораго онъ составлялъ. Если поэтому монетная система Ахэйскаго союза не вполнѣ выражала исключительную *верховность* цѣлаго надъ его самостоятельными частями, то съ другой стороны, она давала возможность каждому отдѣльному городу наглядно заявлять о своей принадлежности къ союзу, — напоминала о единствѣ союзномъ. Не слѣдуетъ поэтому умалять значенія, которое придаетъ Поливій своей замѣткѣ [4]). Уже невыгоды и неудобства, которыми даетъ или давало себя чувствовать разнообразіе монетныхъ системъ среди нѣкоторыхъ политическихъ соединеній, именовавшихъ себя также союзами, могли бы помочь справедливой оцѣнкѣ указанія, сообщаемаго Поливіемъ.

---

[1]) Polyb V, 60, 6: τοῖς βουλομένοις δυαλύειν τὸ ἔθνος ἐδόκουν ἀρχηγοὶ γεγονέναι

[2]) Это видно изъ словъ Поливія, IV, 60, 10. καὶ κοινῆς ὑπαρχούσης ἀδιαπτώτου κατὰ τοὺς κοινοὺς νόμους.

[3]) Ἀλλὰ καὶ νόμοις χρῆσθαι τοῖς αὐτοῖς καὶ σταθμοῖς καὶ μετροις καὶ νομίσμασι; II, 37, 10.

[4]) Нѣмецкій ученый Вурмъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи Der politische Standpunckt des Polybius (стр. 34) выражаетъ слѣдующую мысль: Ein Philologe

Итакъ, оба начала, входящія въ понятіе строгой федераціи, находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ ахэйскомъ политическомъ устройствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ извѣстные намъ факты, въ которыхъ высказывается отношеніе частей къ цѣлому, и наоборотъ, отношенія центральной власти къ частямъ. Предоставляя внутреннія домашніе дѣла отдѣльныхъ областей ихъ собственному вѣдѣнію, Ахэйскій союзъ является однимъ цѣлымъ и нераздѣльнымъ тѣломъ въ отношеніи къ другимъ внѣшнимъ государствамъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ учрежденій, въ которыхъ воплощалось народное единство, и остановимся на нихъ съ нѣкоторою подробностію. Глубокій интересъ вопроса можетъ служить намъ оправданіемъ. Сообразно общей и нормальной схемѣ политическаго устройства въ древнемъ мірѣ, Ахэйская федерація имѣетъ три главныхъ политическихъ института: 1) народное вѣче (ἐκκλησία), 2) думу или сенатъ (βουλή) и 3) чины власти исполнительной.

Верховная власть союза воплощалась въ обще-ахэйскомъ народномъ собраніи или вѣчѣ: это конгрессъ или національное собраніе Ахэйской федераціи. Ахэйское вѣче отличается отъ родственныхъ ему учрежденій, носящихъ имена конгресса, сейма или національнаго собранія только тѣмъ, что, сообразно общему политическому инстинкту древняго міра, собраніе это построено на первоначальномъ непосредственномъ участіи всѣхъ гражданъ, а не началѣ представительства [1]).

---

bemerkt in dem Artikel «Achaischer Bund» in Pauly's Encyclopadie, das sei nur vom Munzfusse zu verstehen, denn es finden sich Munzen von Pragestatten einzelner Staaten. Aber der Munzfuss ist just die Sache, auf die es ankommt; mehr wollen wir in Deutschland auch nicht.

[1]) На это указываютъ уже самыя названія, которыми обыкновенно обозначается въ источникахъ Ахэйскій союзный сеймъ 1) ἐκκλησία: Polyb., V, 1, 9, XXI, 7, 2, XXIII, 10, 10, 12, 5 и 7, XXIV, 5, 16; Paus., VII, 14, 2, и равносильное этому contio у Ливія, XXXI, 25, 2, XXXII, 19, 13 и проч.; 2) σύνοδος. Polyb, IV, 14, 1, XXIII, 7, 2—5, XXIX, 8, 8, XXXIII, 15, 1, Pausan., VII, 14, 5, 3) σύγκλητος: Polyb, XXIX, 9, 6. Ливій соотвѣтственно этому употребляетъ слово concilium, XXXI, 25, 2, XXXII, 19, 13, ср. 20, 1; 4) σύλλογος Pausan, VII, 8, 4, 9, 3, 14, 4; 5) κοινοβούλιον Strab, VIII, 7. Участіе всего народа, то-есть, всякаго желающаго, въ собраніи не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на противоположное мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ (Гельвинга и Друманна) Источники очень ясно указываютъ на многочисленность собранія, на участіе въ немъ «толпы», «черни». См. Polyb, IV, 14, 1 (πλῆθος), V, 1, 5 (τοῦ πλήθους); XXI, 7, 2 (οἱ πολλοὶ) То же самое πολλοὶ и πλῆθος, XXIII, 7, 8, 8, 13, XXV, 1, 5 Еще сильнѣе: XXVIII, 7, 4 (ὄχλος), см также XXIX, 8, 9; XXXIII, 15, 2. Послѣ этого понятно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать извѣстное мѣсто По-

Условіемъ допущенія въ собраніе былъ только извѣстный опредѣленный возрастъ, именно тридцатилѣтній [1]). Такимъ образомъ каждый свободный гражданинъ Ахэйскаго союза имѣлъ право прямаго участія въ избраніи главныхъ чиновъ и правителей союзныхъ [2]) и право подавать свой голосъ за войну или противъ нея [3]). Всѣ другія дѣла, касающіяся всего союза, также подлежали контролю общаго собранія всѣхъ Ахэянъ: переговоры съ иностранными державами [4]), принятіе новыхъ членовъ въ союзъ [5]), наблюденіе за поведеніемъ исполнительной власти и даже судъ надъ ея представителями [6]).

По теоріи ахэйскій сеймъ равнялся аѳинскому вѣчу, и съ этой точки зрѣнія ахэйская конституція была также демократична, какъ и устройство аѳинскаго демоса. Но на практикѣ обнаруживались, безъ сомнѣнія, важныя отличія Прежде всего нужно вспомнить, что аѳинскій демосъ былъ сосредоточенъ внутри и около одного города, между тѣмъ какъ населеніе, входившее въ составъ Ахэйской федераціи, было разсѣяно на значительномъ пространствѣ. Самый отдаленный „димъ“ (δῆμος, община, волость) аѳинскій не отстоялъ такъ далеко отъ города Аѳинъ, какъ Сикіонъ или Коринѳъ отъ Эгіона (гдѣ собиралось обще-ахэйское вѣче), не говоря уже о другихъ городахъ Пелопонниса. Естественно, что аѳинское вѣче могло сходиться гораздо чаще и привлекать большее число гражданъ, чѣмъ союзный сеймъ ахэйскій. Вмѣсто трехъ разъ въ мѣсяцъ [7]), обычное законное собраніе Ахэйской

ливія (XXXVIII, 4, 5): καὶ γὰρ συνηθροίσθη πλῆθος ἐργαστηριακῶν καὶ βαναυσῶν ἀνθρώπων ὅσον οὐδέποτε Гельвингъ замѣчаетъ, что это было противъ закона и обычая (gegen Gewohnheit und Gesetz). противъ обычая — это отчасти вѣрно, противъ закона — никакъ. Указываемъ еще на нѣкоторыя мѣста Ливія XXXII, 20, 7 (murmur contionis tantae), 22, 1—2 (non singuli tantum, sed populi universi inter se altercabantur). *Principes*, къ которымъ обращается стратигъ въ собраніи (Liv., XXXII, 21, 1), очевидно, суть или тѣ болѣе вліятельные люди, которые прежде другихъ высказывали свои мнѣнія, держали рѣчи, или, еще скорѣе, демиурги (о нихъ ниже). Въ XXXV, 25, 6, principes прямо противополагается multitudo; ср. также XLI, 24, 19 Principes Ливія, вѣроятно, есть переводъ Полибіевыхъ οἱ προεστῶτες τῶν Ἀχαιῶν, IV, 9. 3. Странно, что и Моммсенъ, I, стр 688 (2-го издан.), говоритъ о депутатахъ, Gesandten

[1]) Polyb. XXIX, 9, 6

[2]) Polyb. IV, 37, 82 и проч ; Plut., Arat., 41

[3]) Polyb , IV, 15; XXXIII, 15, Liv XXXVIII, 31 и др.

[4]) Polyb., IV, 7, XXIII, 7, 10, XXVIII, 7; XXXIII, 15, Liv., XXXII, 19 и пр

[5]) Polyb., XXXV, 1

[6]) Polyb., IV, 14; XL, 5; Pausan., VII, 9, 5.

[7]) См Schomann, Gr. Alterth., I, стр. 390.

федераціи происходило два раза въ годъ — весной и осенью [1]). Уже поэтому значеніе вѣча въ Ахаіи должно было быть совершенно другое, чѣмъ въ Аѳинахъ: оно никогда не могло забрать въ свои руки всю исполнительную власть, сдѣлаться тиранномъ, какъ это было въ Аѳинахъ. Бывали, разумѣется, кромѣ обычныхъ сеймовъ, чрезвычайные, собираемые по требованію обстоятельствъ. Но едва-ли и тѣ, и другіе могли быть сравнительно такъ многолюдны, какъ аѳинскія народныя собранія. Самый бѣдный житель Аттики могъ являться на каждое вѣче въ Аѳины. Бѣдный гражданинъ Ахэйской федераціи давалъ уже сильное доказательство своего патріотизма или своего участія къ политическимъ дѣламъ, если два раза въ годъ предпринималъ путешествіе въ Эгіонъ. Стремленіе къ публичной дѣятельности, столь развитое въ подвижномъ и богато одаренномъ Еллинскомъ племени, и безъ того находило себѣ нѣкоторое удовлетвореніе и притомъ гораздо ближе—въ стѣнахъ роднаго города, въ мѣстныхъ народныхъ собраніяхъ. Если тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ указанія на многолюдство собраній въ отдаленныхъ сѣверныхъ пунктахъ Пелопонниса,—указанія, заключающіяся въ способѣ выраженія и подробностяхъ описанія ихъ у древнихъ авторовъ,—то этому нужно только удивляться. Одна случайная замѣтка однако даетъ намъ право думать, что „толпа“ и „множество“, присутствіе которыхъ часто указывается въ свидѣтельствахъ, не заключали въ себѣ все-таки людей низшаго, бѣднаго класса, живущаго поденнымъ механическимъ трудомъ. Появленіе большаго числа людей такого класса представляется чѣмъ-то необычайнымъ и исключительнымъ [2]). Слѣдовательно, только зажиточные, достаточные классы преобладали на сеймѣ. На практикѣ только они имѣли возможность и охоту правильно посѣщать общенародныя собранія. Если нельзя сказать, что собраніе дѣлалось вслѣдствіе этого аристократическимъ, то во всякомъ случаѣ оно не было и крайне демократическимъ. На немъ господствовали „средніе люди“, или выражаясь современнымъ языкомъ, средній классъ. Мысль Аристотеля находила здѣсь въ извѣстной степени свое осуществленіе. „Средніе люди“, недостаточно сильные въ отдѣльности, въ стѣнахъ одного города, хотя бы Сикіона или даже Коринѳа, — вслѣдствіе соединенія во едино элементовъ ихъ сословія, разсѣянныхъ во всѣхъ политіяхъ Пелопонниса, уже становились очень значительнымъ классомъ и по количеству, и

---

[1]) Polyb. IV, 37, 2; V, 1, 1; V, 30, 7; II, 54, 13 и др.

[2]) Polyb., XXXVIII, 4, 5. Самыя слова его приведены уже немного выше.

по значенію. Въ политическихъ организаціяхъ иногда имѣетъ мѣсто тотъ законъ, что сумма, происходящая отъ соединенія силъ, представляетъ собою несравненно больше, чѣмъ сколько заключали въ себѣ слагаемыя: на основаніи этого закона преобладающимъ классомъ въ Ахэйской федераціи становилось безсильное въ отдѣльныхъ городахъ среднее сословіе.

Политическая жизнь Ахэйскаго союза носитъ на себѣ явные слѣды вліянія этого класса и отражаетъ на себѣ его характеръ. Нужно только замѣтить, что вслѣдствіе выхода изъ узкихъ предѣловъ одного города, вслѣдствіе эманципаціи отъ мѣстныхъ страстей и слишкомъ близкихъ интересовъ въ предѣлахъ отдѣльной политіи, можетъ-быть, даже вслѣдствіе расширенія политическаго кругозора вліяніе его (то-есть, богатаго, имущаго класса) принимаетъ болѣе государственное, болѣе примирительное направленіе, чѣмъ тѣ стремленія, которыми отличалось богатое меньшинство въ дѣлахъ мѣстныхъ. Въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя въ самыхъ нѣдрахъ союза проявлялись иногда въ отдѣльныхъ городахъ между богатыми и неимущими классами, ахэйскій сеймъ никогда не играетъ роли прямо заинтересованной, пристрастной стороны. Напротивъ того, онъ дѣйствуетъ примирительно чрезъ своего стратига. До послѣднихъ дней своего существованія федеративная власть Ахаіи вовсе не выказывала преобладавшихъ тогда въ Греціи стремленій къ поземельному дѣлежу и расхищенію чужаго имущества. Она боролась съ подобными стремленіями вездѣ — и въ Спартѣ, и въ Мегалополѣ, и въ Кинэѳѣ. Но нѣтъ также примѣровъ, чтобъ она дѣйствовала когда-нибудь въ духѣ узкой и своекорыстной олигархіи того или другаго города. Можетъ-быть, богатые Мегалополитанцы, представлявшіе свой городъ на сеймѣ и слишкомъ близко заинтересованные въ столкновеніяхъ соціальныхъ партій своего города, въ извѣстномъ намъ вопросѣ и подали свои голоса въ пользу своихъ исключительныхъ выгодъ, въ пользу рѣшительныхъ мѣръ противъ неспокойныхъ требованій неимущаго большинства; но тѣ же самые κτηματικοὶ другихъ городовъ могли взглянуть на это дѣло безпристрастнѣе и дать представителю союзной власти полномочія примирительнаго свойства.

Составомъ ахэйскаго союзнаго сейма объясняется и то замѣчательное явленіе, что почти во все время своего существованія онъ не подалъ никакого повода къ упрекамъ и обвиненіямъ въ непостоянствѣ или какихъ-либо крайнихъ увлеченіяхъ (что обыкновенно ставится въ вину аѳинской демократіи). Разумѣется, что вмѣстѣ съ

этимъ трудно найдти въ его исторіи какой-нибудь возвышенный, страстный порывъ, чего не чуждъ былъ аѳинскій народъ даже въ періодъ своего паденія. Осторожность и доступность всѣмъ внушеніямъ разсудка, осмотрительности и умѣренности, составляютъ характеристическую черту ахэйскаго національнаго собранія. Разъ за разомъ съ необыкновенною правильностью, пропустивъ одинъ законный годъ, Ахэйцы избирали въ стратиги Арата, не смотря на то, что онъ дѣлалъ ошибки и заслуживалъ сильныхъ порицаній. Когда первая побѣда царя Македонскаго Персэя надъ Римлянами возбудила всеобщій восторгъ въ Греціи [1]), ахэйское вѣче спокойно ведетъ пренія о томъ, чью сторону слѣдуетъ принять въ начинавшейся борьбѣ [2]). Можно указать здѣсь еще одну черту, которая должна быть поставлена въ большую заслугу обычному большинству ахэйскаго сейма, если только и она находится въ связи съ составомъ собранія. Ахэйское общенародное собраніе отличалось большою долей самоуваженія и всего менѣе было способно пойдти на „приманку“ (δέλεαρ), предлагаемую въ видѣ прямаго или даже косвеннаго подкупа, хотя члены его не получали никакого денежнаго вознагражденія за потерю своего времени [3]). Щедрость Пергамскаго царя Евмена, въ знакъ „расположенія и филантропіи“ предлагавшаго сто двадцать талантовъ съ тѣмъ, чтобы процентами съ этого капитала вознаграждалось патріотическое усердіе къ общественнымъ дѣламъ отечества въ членахъ ахэйскаго сейма,—эта филантропическая щедрость была принята собраніемъ такъ, какъ именно и слѣдовало принять ее: послѣ нѣсколькихъ рѣчей даръ былъ отвергнутъ съ негодованіемъ [4]). Этотъ фактъ очень многозначителенъ, если принять въ разчетъ, что въ то время

---

[1]) Polyb , XXVII, 7.

[2]) Ibid., XXVIII, 6 и 7.

[3]) Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя прямо нигдѣ не сказано Но если бы въ самомъ дѣлѣ получалось какое-нибудь вознагражденіе, то объ этомъ было бы непремѣнно упомянуто, хотя бы въ томъ мѣстѣ Поливія, гдѣ отмѣчено необычайное стеченіе рабочихъ и поденщиковъ. Предложеніе Евмена нисколько не говоритъ въ пользу предположенія о діэтахъ, скорѣе напротивъ того Если бы діэты уже ранѣе существовали, то Евмену было бы естественнѣе предложить прямой подарокъ Ахэйскому народу, а не ежегодные проценты съ капитала. По крайней мѣрѣ, нужно бы ожидать намека или со стороны самого Евмена, или со стороны Поливія, что проценты со ста двадцати талантовъ могли быть недурнымъ дополненіемъ къ діэтамъ не очень богатыхъ Ахэйцевъ. Ничего такого нѣтъ

[4]) Polyb., XXVIII, 7 и 8.

въ Греціи ничего уже не дѣлалось даромъ [1]), корысть была самою сильною пружиной, и въ другихъ мѣстахъ Греціи уже съ давнихъ временъ привыкли отвѣчать смѣхомъ на откровенное признаніе во взяткѣ [2]). При отсутствіи всякаго денежнаго вознагражденія за отправленіе высшихъ союзныхъ должностей [3]), въ такія должности могли быть избираемы, конечно, только достаточные люди; но нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы богатство обнаруживало свое дурное вліяніе покупкой голосовъ въ свою пользу. Правда, объ одномъ изъ стратиговъ сказано, что онъ много истратилъ денегъ на эту должность [4]); но и тутъ нельзя заподозрить членовъ сейма, чтобъ они воспользовались сколько-нибудь этими издержками. Уже самая боязнь, которую обнаруживаетъ стратигъ, какъ бы собраніе не заподозрило его въ корыстномъ желаніи вознаградить свою потерю, показываетъ, что тутъ не было преступной взаимной снисходительности подкупателя и подкупаемыхъ. Стратигъ, по свидѣтельству Поливія, былъ удостоенъ своего сана ради своего политическаго направленія [5]).

Другой важный пунктъ въ организаціи союзнаго сейма есть тотъ, что подача голосовъ производилась на немъ не поголовно, а по городамъ, то-есть, собраніе раздѣлялось какъ бы по куріямъ сообразно съ количествомъ политій, входящихъ въ составъ союза; голосъ каждой куріи опредѣлялся большинствомъ внутри ея, и окончательное рѣшеніе обусловливалось не большинствомъ отдѣльныхъ лицъ, а большинствомъ политій, высказавшихся въ пользу извѣстнаго предложенія [6]). Это былъ обыкновенный способъ подачи голосовъ въ древнихъ собраніяхъ, имѣвшихъ федеративный характеръ. Греческія амфиктіоніи

---

[1]) Polyb., XVIII, 17, 7.

[2]) Demosth., Philipp., 3; 120.

[3]) Общее правило древнихъ республикъ.

[4]) Polyb., XXVIII, 7, 7.

[5]) Polyb., XXVIII, 6, 9 и выше.

[6]) Это съ полною очевидностью обнаруживается изъ описанія одного сейма у Тита Ливія (XXXII, 19—23), гдѣ между прочимъ находимъ подобный способъ выраженія: Omnibus fere *populis* approbantibus relationem ac prae se ferentibus, quid decreturi essent, *Dymaei* ac *Megalopolitani* et quidam *Argivorum*.... reliquerunt concilium. Ceteri *populi* и проч.; ср. XXXVIII, 32, 1: Id ubi legati ad Achaeos retulerunt, *omnium civitatium*, quae ejus concilii erant, consensu bellum — indictum est. Обыкновенный терминъ Ливія для обозначенія ахэйскаго сейма, concilium, указываетъ на этотъ способъ подачи голосовъ; Ливій могъ при этомъ думать о concilium populorum Latinorum, организованномъ по тому же способу; Liv. I, 50; VI, 10; VII, 25; VIII, 3 и проч. См. Niebuhr, R. G., II, стр. 36 послѣдняго изданія. Швеглеръ, II, стр. 289.

и сеймъ латинскихъ городовъ держались такого же порядка. Даже въ римскихъ comitia tributa, вовсе не составлявшихъ федеративнаго государства, считались голоса отдѣльныхъ трибъ, представляемые большинствомъ внутри каждой трибы. Нѣкоторые факты изъ исторіи комицій трибутскихъ и помогутъ намъ понять смыслъ и цѣль такого порядка. Есть въ римской исторіи одна личность, которая была бы на своемъ мѣстѣ въ исторіи греческой, среди именъ Перикла и Клисѳена, но которая чрезвычайно странно замѣшалась въ лѣтописи консервативной Римской республики, и есть между различными нововведеніями этой странной личности одно, которое носитъ прямо революціонный характеръ [1]). Аппій Клавдій Слѣпой (Appius Claudius Caecus) въ 312 г. до Р. Х. ввелъ во всѣ римскія трибы цѣлыя толпы людей низшаго класса, сосредоточивавшихся въ Римѣ, главнымъ образомъ вольноотпущенныхъ. Эта мѣра повела къ полному преобладанію того, что̀ Ливій называетъ forensis factio, и ко всеобщему раздраженію старыхъ гражданъ; ремесленники, мелкіе купцы предписывали законы гордымъ патриціямъ и богатымъ плебеямъ. Римскій форумъ успокоился только тогда, когда новые цензоры (К. Фабій и П. Децій) вырвали комиціи изъ рукъ „низкой“ толпы, помѣстивъ вольноотпущенниковъ только въ четырехъ городскихъ трибахъ. До сихъ поръ „низкая“ толпа легко могла составить большинство въ каждой изъ трибъ, потому что промышленники и ремесленники сосредоточивались въ самомъ городѣ Римѣ, а другіе члены трибы, землевладѣльцы и земледѣльцы, жили вдали отъ него и не могли участвовать каждый въ каждомъ собраніи. Теперь же господство вольноотпущенниковъ въ четырехъ трибахъ не вело ни къ чему, ибо хотя остальныя трибы и представляли бы иной разъ меньшую поголовную численность, онѣ все-таки имѣли бы каждая свой отдѣльный голосъ, то-есть, всѣ вмѣстѣ 27—голосовъ. Точно также когда въ послѣдствіи гордый Римъ долженъ былъ уступить права своего гражданства италійскимъ союзникамъ, онъ помѣстилъ ихъ только въ восьми трибахъ изъ тогдашнихъ тридцати пяти. Союзники численно, по крайней мѣрѣ, равнялись количеству прежнихъ старыхъ гражданъ, но благодаря такому распредѣленію, въ ихъ власти было не болѣе восьми голосовъ, то-есть, меньше одной четвертой части. Союзники горько жаловались на это, но

[1]) См. Niebuhr, R. G., II, стр 344 (885 нов. изд. Ideler): Ein Character wie der seinige wurde in der griechischen Geschichte nicht auffallen; in der römischen, zumal in den Tagen der guten alten Zeit, ist er sehr befremdend. Ср. Mommsen, R. G., I, стр. 281 (2-е изд.).

едва-ли можно строго осуждать государственныхъ людей Рима за то, что они на первое время не хотѣли отдать судьбу республики въ руки новыхъ гражданъ, которымъ случайность могла доставить большинство почти во всѣхъ трибахъ, еслибъ они были приняты во всѣ трибы. Эти аналогіи должно имѣть въ виду, обсуждая устройство ахейскаго сейма. Подача голосовъ по областямъ, а не поголовно, была необходима здѣсь для того, чтобъ удержать равновѣсіе между политіями отдаленными и болѣе приближенными къ мѣсту собранія. Если бы считались голоса отдѣльныхъ лицъ, принималось поголовное большинство, то населеніе того города, гдѣ происходило собраніе, легко могло бы забрать въ свои руки судьбу всего союза. Ничто не мѣшало ему явиться на площади въ своемъ полномъ составѣ, тогда какъ отдаленныя политіи никогда не могли выслать на ту же площадь и половину своего населенія. Большинство отдаленныхъ общинъ, очевидно, могло бъ остаться съ однимъ только номинальнымъ правомъ голоса, и равноправность всѣхъ членовъ союза была бы нарушена. Поголовная подача голосовъ представляла бы такимъ образомъ двойную несправедливость — несправедливость въ отношеніи къ отдѣльнымъ союзнымъ областямъ, голосъ которыхъ совершенно исчезаетъ среди многолюднаго населенія одного города, и въ отношеніи къ цѣлому классу людей богатыхъ и зажиточныхъ, надъ которыми беретъ верхъ чернь того города, гдѣ собирается сеймъ. Опасности такого рода, вѣроятно, существовали уже тогда, когда ахейское общенародное собраніе сходилось въ Эгіонѣ; онѣ стали несомнѣнны и еще болѣе сильны, когда оно начало собираться въ большихъ городахъ, какъ Коринѳъ и Аргосъ. Представительная система могла бы, безъ сомнѣнія, уничтожить всякую возможность такихъ опасеній. Но этотъ видъ государственнаго устройства есть изобрѣтеніе новаго времени: древній міръ иногда очень близко подходилъ къ ней, но никогда не могъ сдѣлать послѣдняго рѣшительнаго шага. При тогдашнемъ положеніи вещей и государственныхъ идей единственное средство одинаково и равноправно поставить близкія и отдаленныя политіи Ахэйскаго союза было именно то, которое было въ немъ принято на самомъ дѣлѣ.

Остается однако при такой организаціи одно важное неудобство, отрицать которое никакъ нельзя. Римскіе союзники жаловались на несоотвѣтствіе числа голосовъ, на которые они получили дѣйствительное вліяніе, ихъ численности. Подобная жалоба была возможна и со стороны многихъ членовъ Ахэйскаго союза. Города, принадлежавшіе къ федераціи, были очень неравны по своему населенію, богатству,

историческому значенію. Какое могло быть сравненіе между Коринѳомъ, Сикіономъ, Аргосомъ и какими-нибудь Авіей, Асеей и т. д.? Между тѣмъ всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе на федеральномъ сеймѣ и не болѣе одного голоса. Здѣсь повторяется та же самая ошибка, которая была допущена или удержана въ знаменитомъ собраніи амфиктіоновъ. Могущественное дорійское племя и небольшая область Ѳеіотіи имѣли тамъ одинаковыя права, равное число голосовъ [1]). Повтореніе этой ошибки въ Ахэйскомъ союзѣ, повидимому, тѣмъ страннѣе, что въ этомъ отношеніи легко возможенъ былъ прогрессъ и въ самомъ древнемъ мірѣ. Знаменитое устройство Ликійской федераціи [2]) представляетъ тому фактическое доказательство. Она состояла изъ двадцати-трехъ городовъ, имѣвшихъ право голоса. Но такъ какъ города были неодинаковой величины и неодинаковаго значенія, то и не всѣ они имѣли по одному голосу: большимъ городамъ было дано по три голоса, среднимъ по два и остальнымъ по одному [3]). Слѣдовательно, возможность придти къ идеѣ болѣе справедливаго распредѣленія голосовъ существовала и для государственныхъ людей Ахэйскаго союза. Если они не пришли къ ней, то это объясняется, быть можетъ, преувеличеннымъ и на этотъ разъ ложнымъ понятіемъ о „равноправности и либерализмѣ (гуманности)“, что̀ такъ сильно выставляетъ на видъ Поливій [4]). Справедливость на этотъ разъ, какъ то̀ бываетъ и во многихъ другихъ случаяхъ, была понята нѣсколько внѣшнимъ образомъ: одно и то же дается всѣмъ — и большому, и малому, и сильному, и слабому, и способному, и неспособному. Не нужно также упускать изъ виду исторію образованія и развитія федераціи. Она выработала свои основныя начала прежде, чѣмъ стали приступать къ ней большіе города Пелопоннеса. Между старыми, собственно ахэйскими политіями не было ни одной, которая особенно выдавалась бы по своему значенію; всѣ онѣ совершенно справедливо могли довольствоваться однимъ голосомъ. Трудно было ожидать и еще менѣе можно было требовать, чтобы вновь приступающимъ членамъ союза предлагались такія права, которыя могли сообщить имъ видъ нѣкотораго преимущества предъ коренными, исконными областями федераціи. Слова Поливія даютъ намъ понять, въ какую великую заслугу коренные Ахэйцы ставили себѣ уже то,

[1]) См. Шёманнъ, Gr. Alterth., II, стр. 29.

[2]) S'il fallait donner un modèle d'une belle république fédérative, je prendrais la république de Lycie, говоритъ Монтескьё; см. Esprit des lois, IX, 3.

[3]) Strab., XIV, 3.

[4]) II, 38, 8.

что они принимали новыхъ членовъ совершенно на равныхъ правахъ со старыми [1]). И съ греческой точки зрѣнія они были еще болѣе правы, чѣмъ съ отвлеченно-теоретической. Во всѣхъ тѣхъ попыткахъ, которыя Эллада дѣлала для достиженія бо̀льшаго единства — и посредствомъ симмахій, и посредствомъ симполитій, — никогда не удавалось достигнуть и такого равенства, какое существовало въ Ахэйской федераціи. Сколько можно судить по нашимъ даннымъ, порядокъ, о которомъ мы разсуждаемъ, для всѣхъ представлялся даже удовлетворительнымъ и не возбуждалъ никакихъ жалобъ. Только одинъ фактъ можетъ быть объясненъ въ смыслѣ противодѣйствія ему. Филопименъ возвелъ нѣсколько городовъ Мегалополитанской области, находившихся въ подчиненномъ отношеніи къ Мегалополю, въ самостоятельные члены союза, вѣроятно, съ цѣлью уравновѣсить Аркадскими городами десять городовъ первоначальной Ахаіи [2]). Никакихъ другихъ признаковъ недовольства существующимъ порядкомъ не обнаруживается, и тѣ похвалы, которыя ахэйскій историкъ воздаетъ своему отечеству, могутъ быть оставлены за нимъ со всею справедливостію.

Сеймъ, какъ мы уже замѣтили мимоходомъ, собирался обыкновенно два раза въ годъ, весной и осенью. Избраніе государственныхъ членовъ происходило первоначально въ весенній сеймъ, но потомъ оно было перенесено на осенній [3]). Въ случаѣ необходимости стратигъ всегда имѣлъ право созвать чрезвычайный сеймъ для совѣщанія о томъ частномъ вопросѣ, который требовалъ скораго рѣшенія [4]). Засѣданія сеймовъ во всякомъ случаѣ могли продолжаться по закону только три дня [5]). Здѣсь, очевидно, заключаются два условія, опредѣляющія болѣе

---

[1]) II, 38, 8: Два главныхъ помощника имѣлъ Ахэйскій союзъ (для своего расширенія): равенство и либерализмъ (гуманность). Онъ не давалъ *особенной привилегіи* ни какому *изъ старыхъ членовъ союза*, и всякому вновь вступающему сообщалъ совершенно равныя права съ прежними: этимъ онъ и достигъ своей цѣли.

[2]) См. выше, Plut, Philop., 13.

[3]) Polyb., IV, 37; V, 1. Въ обоихъ мѣстахъ сказано, что выборы были περὶ τὴν τῆς πλειάδος ἐπιτολήν, но оба раза съ многозначительною оговоркой: *тогда* (τότε). Слѣдовательно, въ послѣдствіи это измѣнилось, но когда именно — рѣшить трудно. См. впрочемъ Schorn, стр. 211 и далѣе.

[4]) Polyb., V, 1, 6 и 7: κατὰ τοὺς νόμους; XXIII, 10, 12, XXIV, 5; XXXI, 25. Эти чрезвычайные сеймы у Поливія называются спеціальнымъ именемъ σύγκλητος.

[5]) Polyb., XXIX, 9, 10, Liv, XXXII, 22, 4. Въ томъ и другомъ случаѣ разумѣется чрезвычайное собраніе, σύγκλητος; но нѣтъ сомнѣнія, что то же правило прилагалось и къ обычнымъ сеймамъ. У Поливія, XXIII, 7 и 9, идетъ рѣчь

выгодное отношеніе власти исполнительной къ власти законодательной, чѣмъ то, которое образовалось въ Аѳинахъ. Правительство должно было, конечно, имѣть гораздо болѣе силы и значенія тамъ, гдѣ оно въ спокойное время цѣлые полгода могло дѣйствовать безъ прямаго вмѣшательства народнаго собранія. Потомъ при ограниченности срока собранія здѣсь никакъ не могло образоваться того класса политическихъ дѣятелей, которые, не неся никакой официальной отвѣтственности, однако вполнѣ управляли Аѳинскою республикой. Не могло появиться и ораторовъ-демагоговъ потому уже, что не было времени для установленія прочныхъ связей между собраніемъ и тѣмъ или другимъ ораторомъ, способнымъ обратиться въ демагога. На ахэйскомъ сеймѣ не было времени для излишнихъ ораторскихъ упражненій: πολύλογοι, φιλόλογοι и λαλοί (многословы, любословы и болтуны) должны были искать себѣ другаго поприща. Право голоса принадлежало всѣмъ, и каждый могъ дѣлать свои предложенія, когда пригласитъ къ этому герольдъ отъ имени правительства [1]); но при этомъ нельзя было выходить изъ предѣловъ того вопроса, который стоялъ на очереди и заранѣе былъ назначенъ къ обсужденію [2]). Это правило простиралось на самого стратига и на другія власти.

Въ тотъ періодъ, которымъ ограничивается наше сочиненіе, мѣстомъ обычныхъ собраній оставался городъ Эгіонъ. Это былъ одинъ изъ болѣе значительныхъ городовъ древней Ахаіи. Благодаря своему значенію и, можетъ-быть, центральному положенію среди первоначальнаго союза онъ былъ предпочтенъ всѣмъ другимъ городамъ. Послѣ расширенія союза Эгіонъ удержалъ за собою свое прежнее преимущество, можетъ-быть, вслѣдствіе противоположной причины. Будучи незначительнымъ городомъ въ сравненіи съ Сикіономъ, Коринѳомъ и Аргосомъ, онъ не могъ внушать никакихъ опасеній и зависти другимъ городамъ. Итакъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ Вашингтонъ есть наиболѣе удобное мѣсто для федеральнаго правительства сѣверной Америки, Эгіонъ безспорно продолжалъ оставаться центральнымъ пунктомъ Ахэйской федераціи до временъ Филопимена. Въ 189 году Филопименъ рѣшился поколебать старый обы-

---

о σύνοδος, обычномъ сеймѣ, и если внимательно прослѣдить ходъ этого сейма, то окажется, что онъ продолжается не болѣе трехъ дней.

[1]) Liv., XXXII, 11, 20; Polyb., XXIX, 9, 10.

[2]) Non licere legibus Achæorum de aliis rebus referre, quam propter quas convocati essent. Liv., XXXI, 25, 9; ср. LXXII, 20, 4: In concilio ad eam rem unam indicto.

чай и предложилъ ввести поочередныя собранія во всѣхъ городахъ Ахэйскаго союза. Трудно рѣшить, успѣло ли пройдти его предложеніе вполнѣ [1]).

Что касается до чрезвычайныхъ сеймовъ, то первоначально они также собирались въ Эгіонѣ [2]); но уже во времена Арата бывали они и въ другихъ городахъ — Сикіонѣ, Аргосѣ, Лернѣ и т. д. [3]). Само собою разумѣется, что созваніе чрезвычайныхъ сеймовъ обусловливалось всегда какимъ-нибудь важнымъ и настоятельнымъ вопросомъ. Полибій указываетъ такіе вопросы, для которыхъ было позволительно созывать чрезвычайный сеймъ; это война или союзъ съ какимъ-либо государствомъ; потомъ, въ римское время, сеймъ могъ быть созванъ по требованію отъ римскаго сената [4]).

Исполнительную власть Ахэйскаго союза составляли слѣдующіе чины, 1) стратигъ, или президентъ союза, 2) десять деміурговъ, или совѣтъ министровъ при президентѣ, 3) государственный секретарь союза (γραμματεὺς), 4) начальникъ конницы и 5) помощники (ὑποστράτηγος). Послѣднія двѣ должности были чисто военныя. Что касается въ частности ипостратиговъ, то ихъ роль въ союзной конституціи остается довольно неясною; но во всякомъ случаѣ они были не болѣе какъ начальники извѣстныхъ частей союзнаго войска. Имя ихъ встрѣчается у Полибія всего только три раза [5]). Только военное значеніе имѣлъ также и на-

---

[1]) Liv., XXXVIII, 30, 2—3. Aegium a principio Achaici concilii semper conventus gentis indicti sunt seu dignitati urbis, seu loci opportunitati datum est Hunc morem Philopœmen — labefactare conatus legem parabat ferre, ut in omnibus civitatibus, quæ Achaici concilii essent, in vicem conventus agerentur. Послѣ мы, дѣйствительно, видимъ обычное собраніе (σύνοδος) въ Мегалополѣ (Polyb., XXIV, 12, въ концѣ); но что касается до правильнаго чередованія тѣхъ или другихъ городовъ, этотъ пунктъ остается совершенно темнымъ; см. Nitzsch, Polybius, стр. 121.

[2]) Polyb , V, 1, 6; Liv., XXXVIII, 30, 3.

[3]) Polyb , XXV, 1, 5; Liv., XXXI, 25; XXXII, 19; XLVIII, 30, Plut. Cleom , 15.

[4]) Polyb., XXIV, 5, 16—17.

[5]) IV, 59, 2; V, 94, 1; XL, 5, 2; ср. Plut , Ar., 29. Въ первомъ мѣстѣ Ликъ названъ ипостратигомъ всего союза: ὑποστράτηγος τῶν Ἀχαιῶν. Во второмъ Ликъ именуется уже ὑποστράτηγὸς τῆς συντελείας τῆς πατρικῆς, то-есть, повидимому, округа Патрскаго (отъ города Патръ); ср. XL, 3, 4: Πατρεῖς καὶ τὸ μετα τούτων συντελικόν, во всякомъ случаѣ и здѣсь Ликъ имѣетъ обще-ахэйское значеніе· исправленіе Липомъ должности ипостратига приводится, какъ причина, почему именно ему было передано начальство надъ ахэйскимъ союзнымъ войскомъ Въ третьемъ случаѣ дѣло совершенно не ясно; гдѣ и когда Сосикратъ былъ на-

чальникъ конницы (ἱππάρχης [1]), хотя и онъ избирался на обще-ахэйскомъ сеймѣ, и сколько можно судить по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, изъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ союзѣ: Филопименъ и Поливій оба исправляли эту должность. Изъ словъ Поливія [2]) можно даже заключить, что отправленіе должности иппарха считалось ступенью къ достиженію стратигіи. Поливій, объясняя причины, почему до Филопимена ни одинъ иппархъ не могъ рѣшиться на необходимыя преобразованія въ конницѣ, говоритъ, что этому мѣшало иногда желаніе стратигіи, стремленіе сохранить за собою расположеніе подчиненныхъ и пріобрѣсть ихъ голоса при выборахъ; впрочемъ, съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что иппархи и не дѣлались стратигами [3]). Въ случаѣ смерти стратига его должность исправлялъ до новаго обычнаго сейма не ипостратигъ и не иппархъ, а стратигъ предшествовавшаго года [4]). Это служитъ новымъ указаніемъ того, что должности ипостратига и иппарха были только военныя и не входили собственно въ составъ высшаго правительства. Иногда упоминается также особый начальникъ ахэйскаго флота (ναύαρχος) [5]).

Государственный секретарь союза, повидимому, считался очень важнымъ лицемъ; учрежденіе такой должности было признакомъ государственнаго единства федераціи [6]). Однако обязанности этого сановника нигдѣ точно не опредѣляются. Изъ самаго названія можно, разумѣется, заключать, что на немъ лежало сочиненіе важнѣйшихъ государственныхъ бумагъ. Съ другой стороны, можно догадываться, что съ замѣной двухъ стратиговъ однимъ значеніе государственнаго секретаря не только не возвысилось, но напротивъ того упало, и оттого имя союзнаго секретаря стоитъ только въ началѣ Ахэйской федераціи и нигдѣ потомъ не встрѣчается. Аѳинскіе „секретари“ при финансовыхъ учрежденіяхъ принадлежали къ мелкимъ чинамъ: однако подпись ихъ служитъ для обозначенія года, для лѣтосчисленія, и не только вмѣстѣ съ именами собственно распорядительныхъ чиновниковъ казны, но даже помимо ихъ [7]). Это, конечно, потому что

чальникомъ въ совѣщаніи (προστατῆσαι τοῦ διαβουλίου), мы не знаемъ. Изъ Плутарха видно, что ипостратиговъ было нѣсколько.

[1]) Polyb., V, 95, 7; X, 22, 6; XXXVIII, 6, 9.

[2]) X, 22, 9.

[3]) Ни Димодокъ (V, 95, 7), ни Поливій не были стратигами.

[4]) Polyb. XL, 2, 1.

[5]) Polyb., V, 94, 7 и 95, 11.

[6]) Polyb., II, 43, 1; Strab., VIII, 7.

[7]) Böckh, Staatshaushalt. der Ath., т. I, кн. II, § 8, стр. 252 (2-го изд.).

удобнѣе обозначать эпоху однимъ именемъ, однимъ характеристическимъ признакомъ, чѣмъ всею совокупностію коллегіальныхъ чиновъ. То же самое могло быть и въ Ахэйскомъ союзѣ: доколѣ было два стратига и одинъ секретарь, то союзъ могъ видѣть воплощеніе своего единства въ одномъ секретарѣ и обозначать даже его именемъ свои годы, а потомъ когда явилась единоличная стратигія, то это естественнымъ образомъ было перенесено на нее. Общая распорядительная и исполнительная власть, верховное управленіе дѣлами союза оставалось такимъ образомъ только въ рукахъ президента-стратига и такъ-называемыхъ димiурговъ.

Коллегія димiурговъ состояла изъ десяти членовъ [1]), и это число указываетъ, безъ сомнѣнія, на древность ея происхожденія. Она была, конечно, установлена въ то время, когда, послѣ исчезновенія Елики и Олена изъ среды ахэйскихъ городовъ во времена, предшествовавшія сраженію при Левктрахъ, Ахэйскій союзъ состоялъ только изъ десяти политій коренной Ахаіи. Тогда каждый димiургъ былъ, оче-

---

[1]) Liv., XXXII, 22, 2. magistratus gentis damiurgos vocant, decem numero creantur; XXXVIII, 30, 4: damiurgi civitatium qui summus est magistratus. Позволяемъ себѣ небольшое филологическое замѣчаніе: Ливій пишетъ damiurgi точно также, какъ вмѣсто Εὔδημος Поливія (XXI, 8) у него является Eudamus (XXXVII, 12), вмѣсто Νῆσον (IX, 39)—Nasum (XXV, 24) и т. п. Нужно думать, что и самъ Поливій писалъ δαμιούργοι и проч., употребляя вездѣ дорическія формы, и только позднѣйшіе переписчики превратили ихъ въ общеупотребительныя греческія. Ливій еще читалъ ихъ у Поливія въ первоначальной формѣ. Имя димiурговъ встрѣчается еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: Polyb., XXIV, 5, 6; Plut., Arat, 43, оно было, безъ сомнѣнія, офиціальнымъ названіемъ коллегіи, хотя у Поливія оно чаще замѣняется другими обозначеніями. Названіе и должность димiурговъ принадлежатъ Пелопоннису и очень древни: они существовали въ Елидѣ и Мантинэѣ еще во время Θукидида (V, 47); изъ Коринѳа посылаются въ Потидэю ἐπιδημιουργοί (I, 36). Эта же коллегія разумѣется у Поливія подъ ἄρχοντες и ἀρχαί: V, 1, 9, XXIII, 10, 11; 12, 5; XXIV, 5, 77; XXIX, 9, 5; XXXVIII, 4, 7, συνάρχοντες и συναρχίαι: XXIV, 12, 6; XXVII, 2, 11; XXVIII, 5, 4, и какъ нужно думать, подъ προεστῶτες: II, 46, 4; IV, 9, 3. Названіе πρόβουλοι (Plut., Philop., 21) можетъ также идти къ димiургамъ, какъ означающее тѣсную думу въ противоположность болѣе обширной, βουλή: см. Шеманнъ, I, стр. 145 и 152. Димiурги составляли именно совѣтъ, думу, при президентѣ союза. Даже подъ οἱ τῆς γερουσίας у Поливія (XXXVIII, 5, 1) мы находимъ тѣхъ же димiурговъ, хотя Дройзенъ отождествляетъ ихъ съ βουλή, къ чему склоняется и Шеманнъ (II, стр. 111). Но если подъ ἄρχοντες (XXXIX, 9, 5) разумѣются димiурги, что̀ несомнѣнно,—то и въ герусіи въ указанномъ мѣстѣ нужно видѣть ихъ же; потому что роль ἄρχοντες въ одномъ мѣстѣ и τῶν τῆς γερουσίας въ другомъ одна и та же. предсѣдательство и наблюденіе за порядкомъ и законнымъ ходомъ сейма.

видно, представителемъ своего отдѣльнаго города. Сохранилось ли это отношеніе и по расширеніи союза? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Мы знаемъ уже, что Поливій самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ всякое существованіе какихъ-либо преимуществъ въ пользу старыхъ членовъ союза. Самые стратиги избираются, какъ мы видѣли, изъ всѣхъ областей союза — изъ Аргоса, Мегалополя. Итакъ, несомнѣнно, что по достиженіи союзомъ полнаго развитія, десять диміурговъ хотя и сохранили свое прежнее число, но практическая связь этого числа съ древними областями прекратилась, и коллегія была открыта для всѣхъ гражданъ союза безъ исключенія и ограниченія. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы вообще существовала какая-нибудь прямая связь между отдѣльными частями союза и диміургами, чтобы, напримѣръ, избраніе диміурговъ отъ древнихъ городовъ союза могло перейдти къ городамъ болѣе важнымъ по своему значенію. Правда, Титъ Ливій однажды какъ будто ставитъ диміурговъ въ прямое отношеніе съ отдѣльными городами, называя ихъ damiurgi civitatium, но за то въ другомъ мѣстѣ онъ же называетъ коллегію magistratus gentis, что̀ уже указываетъ на ея обще-федеральный характеръ [1]). Притомъ же — и это самое рѣшительное доказательство — мы, во-первыхъ, находимъ, въ средѣ диміурговъ одного года трехъ членовъ изъ одного и того же города, и вовторыхъ, четвертый членъ, упомянутый сверхъ этихъ трехъ, принадлежитъ городу незначительному [2]). Первое обстоятельство доказываетъ, что извѣстный отдѣльный городъ не былъ представляемъ своимъ отдѣльнымъ диміургомъ,

[1]) Оба мѣста указаны выше. Въ первомъ случаѣ Ливій, кажется, допустилъ неточность. Для насъ важно то, что неточныя слова принадлежатъ именно Ливію, а не Поливію, котораго Ливій переводитъ почти буквально. На этотъ разъ Титъ Ливій счелъ нужнымъ въ краткихъ словахъ дать понятіе о томъ, что̀ такое димиурги, — какъ будто они встрѣчаются у него въ первый разъ, или какъ будто онъ не разчитывалъ, чтобъ они удержались въ памяти римскаго читателя. Поливію, разумѣется, не могло придти на умъ вдругъ начать въ срединѣ своего разказа объяснять своимъ греческимъ читателямъ, кто такіе были диміурги.

[2]) Polyb., XXIII, 10 Здѣсь описано засѣданіе коллегіи димиурговъ подъ предсѣдательствомъ Аристэна. Названы: Діофанъ Мегалополитанецъ, Филопименъ и Ликорта, а также и Архонъ, который былъ изъ Эгиры (см. Polyb., XXIX, 10, 6). Что въ вышеуказанномъ мѣстѣ подъ ἀρχαί разумѣются димиурги, не подлежитъ сомнѣнію. Шеманнъ, который находитъ здѣсь какихъ-то другихъ союзныхъ чиновниковъ (II, стр 112, примѣч.), не обратилъ вниманія на то, что эти же самые ἀρχαί или ἄρχοντες (§ 11) должны созвать сеймъ; а это, какъ признаетъ самъ Шеманнъ, входило въ кругъ вѣдѣнія димиурговъ.

ибо изъ одного города являются три диміурга. Второе обстоятельство указываетъ на то, что не одни значительные города были представляемы диміургами [1]). Итакъ, диміурги избирались въ историческое время общенароднымъ собраніемъ всѣхъ Ахэйцевъ съ полною свободой выбора. Всякій гражданинъ союза былъ избирателемъ, и каждый могъ быть избранъ. По всей вѣроятности, диміурги избирались въ одно время съ своимъ предсѣдателемъ на томъ же самомъ сеймѣ, на которомъ избирался стратигъ. Коллегія, какъ мы уже замѣтили, играетъ роль совѣта министровъ при президентѣ-стратигѣ. Въ большей части случаевъ она дѣйствуетъ вполнѣ единодушно. Только одинъ или два случая обнаруживаютъ возможность разногласія въ средѣ ея. Въ одномъ случаѣ президентъ по той или другой причинѣ хранитъ молчаніе и не высказываетъ своего мнѣнія [2]). Другой случай, гдѣ диміурги находились уже въ прямой оппозиціи къ своему президенту, относится къ исключительнымъ и печальнымъ временамъ послѣднихъ дней существованія союза [3]) и поэтому не идетъ въ разчетъ. Такой удивительно согласный образъ дѣйствій могъ бы даже вести къ предположенію, что самъ стратигъ составлялъ свое министерство или по крайней мѣрѣ предлагалъ кандидатовъ въ диміурги. Но не смотря на всю удивительную развитость конституціонныхъ формъ Ахэйской федераціи, нѣтъ возможности остановиться на этомъ предположеніи. Довольно того, что диміурги избирались на одномъ собраніи и въ одно время съ стратигомъ. Въ такомъ случаѣ то самое большинство, которое опредѣляло выборъ президента, назначало и его министровъ, безъ сомнѣнія, изъ такихъ лицъ, которыя были одного направленія съ лицомъ, избраннымъ въ стратиги. Это было тѣмъ возможнѣе, что, какъ мы увидимъ, въ Ахэйскомъ союзѣ были въ обычаѣ предварительныя собранія вліятельныхъ политическихъ людей съ цѣлью условиться относительно предстоящихъ выборовъ.

---

[1]) Если Мегалополь имѣлъ трехъ диміурговъ, Эгира — одного, незначительная Пеллина тоже одного (см. Liv., XXXII, 22, 5), то что же останется для другихъ большихъ городовъ?

[2]) Liv., XXXII, 25. Дѣло въ этомъ случаѣ представляется въ такомъ видѣ, какъ будто рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ, или нѣтъ, сдѣлать предложеніе народу о союзѣ съ Римлянами, зависитъ только отъ коллегіи диміурговъ; голоса раздѣлились поровну — по пяти, и споръ рѣшенъ наконецъ тѣмъ, что угрозы отца заставили еще одного — шестаго диміурга пристать ко мнѣнію тѣхъ, которые были въ пользу предложенія. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что предварительное обсужденіе и формулированіе вопроса (προβούλευμα) принадлежало только диміургамъ.

[3]) Polyb., XL, 4.

Офиціальный титулъ президента федераціи (стратигъ, то-есть, предводитель войска) указываетъ прежде всего на военное значеніе его должности, какъ главнокомандующаго союзною арміей. Но уже по аналогіи съ положеніемъ стратиговъ въ другихъ греческихъ республикахъ можно догадываться, что его значеніе не ограничивалось чисто военными дѣлами. Аѳинскіе стратиги имѣли большое значеніе въ административномъ и судебномъ устройствѣ, пользовались правомъ созывать вѣче и вообще имѣли очень большое вліяніе въ государствѣ [1]). Въ большей части позднѣйшихъ греческихъ государствъ, и особенно въ федеративныхъ, представители высшей власти носятъ то же самое названіе стратиговъ, хотя число ихъ неодинаково [2]). И въ Ахаіи въ первые двадцать пять лѣтъ возобновленнаго союза ихъ было два. Потомъ въ 255 году до Р. Х. найдено болѣе удобнымъ „имѣть одного стратига и ввѣрить ему общій надзоръ надъ всѣми дѣлами государства“ [3]). Мы уже замѣтили также, что стратигъ избирался на одномъ изъ обычныхъ союзныхъ сеймовъ: первоначально въ весеннемъ собраніи, именно въ нашемъ маѣ мѣсяцѣ; въ послѣдствіи выборы стратига происходили, по всей вѣроятности, въ осеннемъ собраніи. Взаимныя отношенія стратига и диміурговъ, дѣйствительно, напоминаютъ отношенія между президентомъ и его совѣтниками-министрами. Въ большей части случаевъ, именно въ дѣлахъ не военныхъ, они дѣйствуютъ совокупно. Созваніе сейма принадлежитъ, очевидно, стратигу вмѣстѣ съ совѣтомъ министровъ. Къ стратигу вмѣстѣ съ диміургами обращаются римскія власти съ просьбой созвать сеймъ [4]). Когда Мессинцы хотятъ начать мирные переговоры, стратигъ беретъ съ собою диміурговъ и вмѣстѣ съ ними выслушиваетъ предложенія [5]). Вмѣстѣ съ своимъ совѣтомъ Аратъ встрѣчаетъ Македонскаго царя, идущаго на помощь союзу, чтобы заключить съ нимъ окончательныя условія [6]). Вмѣстѣ съ своимъ совѣтомъ стратигъ Аристэнъ выслушиваетъ жалобы и требованія римскаго посла [7]). Въ этомъ совѣтѣ обсуждались тѣ важныя мѣры, которыя должны были оставаться до

---

[1]) См. Щёманнъ, G. A., I, стр. 436—437.

[2]) Въ Епирѣ ихъ было три (Liv., XXIX, 12), въ Аркадіи и Этоліи одинъ (Xenoph., Hellen., VII, 3, 1, Diod., XV, 62).

[3]) Polyb., II, 43

[4]) Polyb., XXIV, 5, 16.

[5]) Ibid., 12, 6.

[6]) Plut., Arat., 43.

[7]) Polyb., XXIII, 10.

времени тайными [1]). Стратигъ былъ главою своего совѣта министровъ съ тѣмъ только ограниченіемъ, что онъ не самъ назначалъ ихъ, и въ случаѣ несогласія, не могъ освободиться отъ того или другаго изъ членовъ, несогласныхъ съ его политикой. Впрочемъ это не очень измѣняло положеніе дѣлъ на практикѣ. Сеймъ, состоявшій преимущественно изъ представителей зажиточнаго и образованнаго класса, руководимый притомъ вліятельными людьми изъ своей среды, избиралъ обыкновенно вполнѣ единодушное и согласное правительство. Въ виду вопросовъ первостепенной важности сходились вмѣстѣ политическіе люди изъ различныхъ областей союза, державшіеся одного политическаго направленія (οἱ κατὰ τὴν ἄλλην πολιτείαν ὁμογνωμονοῦντες), подвергали предварительному обсужденію извѣстный вопросъ и приходили ко взаимному соглашенію относительно того, какихъ кандидатовъ въ стратили слѣдовало поддерживать. Очевидно, что лица, пользовавшіяся уваженіемъ и значеніемъ у гражданъ того или другаго города, легко могли устроить дружный и согласный образъ дѣйствія для отдѣльныхъ избирательныхъ корпорацій, ибо эти корпораціи состояли именно изъ отдѣльныхъ городовъ [2]).

Предъ народнымъ сеймомъ являются одинаково и стратигъ, и диміурги. Самое право созванія сейма по всѣмъ признакамъ принадлежитъ президенту вмѣстѣ съ его совѣтомъ [3]). Но роли стратига и диміурговъ на сеймѣ не одинаковы. Стратигъ былъ представителемъ и отвѣтственнымъ лицемъ правительства предъ націей (ἔθνος): онъ самъ защищалъ свою политику и свой образъ дѣйствій предъ собраніемъ [4]). Во всякомъ важномъ случаѣ ожидалось и требовалось его мнѣніе, и совѣтъ его всегда имѣлъ большой вѣсъ и полное зна-

[1]) Polyb., XXXVIII, 5, 4.

[2]) Polyb., XXVIII, 6. Описанное здѣсь совѣщаніе ахэйскихъ патріотовъ Дройзенъ (G. des Hell., II, стр. 463) и Шорнъ (стр. 64) приняли за собраніе диміурговъ и вывели отсюда такое заключеніе, что кандидатъ въ стратиги представлялся этою коллегіей. Но у Поливія нѣтъ ни малѣйшаго намека на диміурговъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ онъ прямо указываетъ на официальное положеніе лицъ совѣщающихся; здѣсь, напротивъ того мотивъ, почему сошлись для совѣщанія именно *девять* названныхъ имъ лицъ, прямо указанъ въ согласіи ихъ взгляда на другіе политическіе вопросы.

[3]) Polyb., XXIV, 5, 16: ἔγραψε τῷ στρατηγῷ καὶ τοῖς δημιουργοῖς τῶν Ἀχαιῶν κελεύων συνάγειν τοὺς Ἀχαιοὺς εἰς ἐκκλησίαν. Въ другихъ мѣстахъ говорится только о стратигѣ; см. IV, 7, 5 и пр.; Liv., XXI, 2; XXXVIII, 30, 4. Въ послѣднемъ мѣстѣ напротивъ того представляется, какъ будто право созывать сеймъ принадлежитъ собственно диміургамъ.

[4]) Polyb., IV, 14.

ченіе правительственнаго предложенія [1]). Стратигъ, повидимому, предъявлялъ сейму предложенія, формулированныя совѣтомъ диміурговъ [2]). Онъ вводилъ иностранныхъ пословъ въ собраніе [3]). Формальное предсѣдательство на сеймѣ принадлежало, напротивъ того, диміургамъ. Они наблюдали за правильнымъ ходомъ преній [4]), и однажды случилось, что они должны были призвать къ порядку самого стратига за слишкомъ рѣзкій (не парламентскій) языкъ [5]). Диміурги были обязаны слѣдить и за самымъ содержаніемъ преній: послѣ того какъ различныя партіи и различные взгляды высказались, вопросъ достаточно уяснился для собранія, и оно успѣло обнаружить свое расположеніе въ томъ или другомъ направленіи, диміурги составляютъ въ краткихъ словахъ опредѣленіе, которое потомъ стратигъ и читаетъ предъ собраніемъ для того, чтобы подвергнуть его голосованію и принять или отвергнуть [6]). Ясно, что это давало диміургамъ значительное вліяніе на тотъ или другой исходъ дѣла.

VI.

Стремленіе Арата къ объединенію всего Пелопоннниса и Спарта. — Реакція въ Спартѣ по смерти Агиса. — Клеоменъ до своего воцаренія. — Его планы; препятствія и средства къ нхъ устраненію. — Отношенія Ахэйскаго союза къ Этоліи и Македоніи. — Первыя военныя дѣйствія Клеомена противъ Ахаіи. — Пораженіе при горѣ Ликэйской. — Взятіе Мантинеи Аратомъ. — Убіеніе Архидама въ Спартѣ. — Пораженіе Ахэйцевъ на поляхъ Ладокійскихъ. — Смерть Лидіада. — Переворотъ въ Спартѣ. — Первый шагъ къ сближенію съ Македоніей. — Пораженіе Ахэйцевъ при Екакамвэонѣ. — Переговоры съ Антигономъ и Клеоменомъ. — Разрывъ съ Клеоменомъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Движеніе соціальныхъ партій въ пользу Клеомена. — Критическое положеніе союза. — Призваніе Антигона на помощь. — Клеоменъ и Антигонъ на Исемѣ. — Отпаденіе Аргоса въ тылу Клеомена. — Отступленіе. — Отношенія къ Египту. — Второй годъ кампаніи. — Разореніе Мегалополя. — Третій годъ кампаніи: сраженіе при Селлазіи. — Послѣдняя судьба Клеомена. — Заключеніе.

Аратъ вполнѣ сознательно стремился къ соединенію всего Пелопоннниса въ одну федерацію. Если еще можно сомнѣваться въ томъ,

---

[1]) Liv., XXXII, 21 и слѣд.: forsitan ego quoque tacerem, si privatus essem. Polyb., II, 50, 11; XXV, 1, 7—10; XXVIII, 7, 6: ἐκάλει τὰ πράγματα τὴν τοῦ στρατηγοῦ γνώμην. Ср. Liv., XXXV, 25, 7.

[2]) Liv., XXXVIII, 31, 1; ср. XXXII, 22, 5.

[3]) Polyb., XXXIII, 15; Liv., XXXII, 21, 1; XXXVIII, 31, 1.

[4]) Polyb., XXIX, 9, 5.

[5]) Polyb., XXXVIII, 5, 1.

[6]) Liv., XXXII, 22; ср. XXXVIII, 31.

что такіе широкіе планы представлялись его мысли тотчасъ послѣ освобожденія Сикіона, при началѣ его поприща, то послѣдующій ходъ событій и необыкновенно быстрые успѣхи союза на пути присоединеній должны были неизбѣжно привести къ такой программѣ даже человѣка съ меньшимъ честолюбіемъ и меньшимъ умомъ, чѣмъ честолюбіе и умъ Арата. Наши источники единогласно указываютъ на эту цѣль и нѣсколько разъ повторяютъ, что Аратъ шелъ къ ней сознательно и неуклонно. „Соединеніе Пелопонниса было цѣлію его частыхъ стратигій и долговременной политики... Онъ думалъ, что только соединенный Пелопоннисъ будетъ безопасенъ отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ“ [1]).

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію такихъ широкихъ видовъ была Спарта. Можно ли было ожидать, что государство, имѣвшее такую исторію и такія преданія, согласится пожертвовать своимъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ существованіемъ въ пользу еще недавно ничтожной и безсильной Ахаіи? Мы знаемъ, что внутреннее положеніе Лаконскаго государства было крайне печально. Внѣшнее значеніе его также было только тѣнью стараго величія. За полтораста лѣтъ предъ симъ былъ нанесенъ городу Ликурга и Лизандра такой ударъ, отъ котораго онъ никогда не могъ оправиться. Сраженіе при Левктрахъ отняло у Спарты всю Мессинію и уничтожило всякую надежду на возвращеніе прежней спартанской гегемоніи въ Греціи или хотя бы въ одномъ Пелопоннисѣ. Вмѣсто того, чтобы думать о господствѣ въ Елладѣ, Спарта съ этого времени должна была отбиваться отъ двухъ враговъ, которые были къ ней приставлены. Мегалополь, основанный съ прямою цѣлію сдерживать Спартанское государство въ его предѣлахъ, и освобожденная Мессинія, сохранявшая, безъ сомнѣнія, всю вражду, которая накопилась въ ней противъ Спарты во время порабощенія, не давали Спартанцамъ возможности думать о возстановленіи ихъ древняго значенія въ Греціи. Тѣмъ не менѣе исторія Спарты и въ этотъ періодъ все-таки не была такъ унизительна и позорна, чтобъ отъ нея было нужно отказываться въ чью бы то ни было пользу. Во время всеобщаго паденія Спарта всегда сохраняла свою независимость и свое достоинство. Въ ней не было никогда македонскихъ гарнизоновъ. Фаланги Херонейскаго побѣдителя коснулись предѣловъ спартанскихъ, но не появлялись предъ самымъ городомъ Ликурга. Надписи, прославляющія „Александра и Еллиновъ“, какъ побѣдителей Востока, спеціально исключаютъ Лакедэмонянъ отъ такого мало почетнаго сопоставленія. Одинъ изъ царей спартанскихъ

[1]) Plut., Cleom., 3. Полибій мы уже приводили выше.

(Агисъ III) палъ въ борьбѣ противъ Македоніи за греческую свободу. Знаменитѣйшій и способнѣйшій изъ полководцевъ, вышедшихъ изъ школы Александра, Пирръ, былъ отбитъ отъ стѣнъ Спарты. Все это были достаточныя основанія для того, чтобы гордиться своею исторіей и стоять за свою самостоятельность.

Но одни преданія исторіи и древняя слава не въ состояніи долго спасать государство и защищать ихъ отъ враговъ. Располагала ли Спарта силами, достаточными для того, чтобъ охранять свое отдѣльное существованіе отъ врага столь близкаго и постояннаго, что отъ него нельзя было отдѣлаться однимъ счастливымъ сраженіемъ, отъ врага, столь сильнаго своимъ принципомъ? Кто имѣлъ интересъ защищать независимое существованіе спартанской олигархіи? Попытка Агиса дать болѣе широкую основу Лаконскому государству кончилась неудачей, оставивъ послѣ себя одно раздраженіе обманутыхъ надеждъ въ бѣдныхъ Спартіатахъ и безправныхъ періэкахъ. Пусть только останется Спарта въ томъ же положеніи, въ какомъ застали ее быстрые успѣхи Ахэйской федераціи, и нѣтъ сомнѣнія, дѣло рано или поздно кончится добровольнымъ или невольнымъ присоединеніемъ Лаконики къ Пелопоннисскому союзу; либо олигархи будутъ принуждены искать себѣ защиты и безопасности въ нѣдрахъ федераціи, либо общины періэковъ потянутъ въ ту сторону, отъ которой онѣ могутъ ожидать себѣ благосклоннаго пріема и признанія гражданскихъ правъ за собою. Если же вопросъ долженъ будетъ рѣшиться столкновеніемъ и борьбою, то кто одержитъ верхъ и на чьей сторонѣ бо́льшая вѣроятность окончательнаго торжества: на сторонѣ ли развивающейся, новой силы, или обветшалаго государства Ликургова? Вѣроятный исходъ этой задачи представлялся столь благодѣтельнымъ для Греціи, что почти можно было желать, чтобы продолжалось разложеніе въ одномъ мѣстѣ, дабы тѣмъ безпрепятственнѣе могли развиваться начала жизни въ другомъ. Нѣтъ ничего печальнѣе въ исторіи, какъ великій и сильный характеръ, появившійся не на мѣстѣ и не во время, нѣтъ ничего грустнѣе, какъ то явленіе, когда послѣднія, дорогія силы народа, вмѣсто того, чтобы пойдти въ его пользу, послужить его возрожденію, расходятся по разнымъ направленіямъ, враждебно сталкиваются между собою, губятъ себя взаимно и губятъ народъ, который, быть можетъ, былъ бы еще въ состояніи жить долго и не безславно. Такимъ именно образомъ поставленъ былъ вопросъ между Ахэйскою федераціей и Спартой, или, лучше сказать, тѣмъ геросмъ, который явился для того, чтобы заключить собою спартанскую исторію.

Торжество реакціи въ Спартѣ было ознаменовано полнымъ безспліемъ внутри и полнымъ униженіемъ извнѣ. Леонидъ царствовалъ безъ соправителя изъ другаго дома. Одинъ изъ представителей линіи Еврипонтидовъ, братъ Агиса, Архидамъ, бѣжалъ изъ Спарты, спасаясь отъ преслѣдованія олигарховъ [1]); другой, сынъ Агиса, Еврипамидъ, былъ еще новорожденный младенецъ [2]). Никто не поднималъ голоса въ пользу освященнаго вѣками двоецарствія и не чувствовалъ въ немъ нужды. И одному царю, повидимому, нечего было дѣлать. О дѣлахъ государства онъ вовсе не заботился. Восторжествовавшая партія старалась только о томъ, чтобы были забыты ненавистныя воспоминанія о старой Спартѣ, такъ не кстати извлеченныя изъ мрака вѣковъ погибшимъ реформаторомъ. Реакціи дѣйствительно ничего не оставалось дѣлать, какъ только закрыть глаза на то положеніе, въ которомъ находилась Спарта, погрузиться въ заботы о личныхъ выгодахъ, личныхъ удовольствіяхъ и преслѣдовать тѣхъ, кто будетъ говорить о несбывшихся мечтахъ Агиса [3]). Хищническій набѣгъ Этолянъ долженъ былъ на время разбудить спокойствіе Леонида и другихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ государства. Но оказалось, что набѣгъ не грозитъ самой Спартѣ. Конечно, было уведено 50 тысячъ Лаконскаго населенія. Но что̀ же? „Это облегчило Спарту отъ лишняго населенія“. Теперь не нужно будетъ составлять плановъ для возвышенія περίοικοι въ число Спартіатовъ; теперь они будутъ менѣе страшны своимъ числомъ для господствующаго класса [4]). Около пяти лѣтъ продолжалось правленіе Леонида (241 — 236 года); послѣ его смерти на престолъ спартанскій вступилъ его сынъ, Клеоменъ. Это былъ юноша, имѣвшій не болѣе 26 лѣтъ [5]).

---

[1]) Поливій (V, 37, 2), очевидно, дѣлаетъ ошибку, говоря, что Архидамъ бѣжалъ отъ Клеомена; ср. Plut., Cleom., 1.

[2]) Павсанія (III, 10, 5) сообщаетъ имя Агисова сына, чего нѣтъ ни у Поливія, ни у Плутарха. Послѣдній обозначаетъ его возрастъ: παιδίον νεογνόν; см. Cleom., 1, въ началѣ.

[3]) Τοῦ βασιλέως πάντα τὰ πράγματα χαίρειν ἐῶντος... κατ' οἰκίαν ἕκαστον πρὸς αὑτὸν ἕλκοντος τὸ κερδαλέον.... οὐδὲ ἀσφαλὲς ἦν τῶν περὶ Ἄγιν ἀπολωλότων μνημονεύειν; Plut , Cleom., 2.

[4]) О набѣгѣ Этолянъ сказано выше.

[5]) Клеоменъ умеръ въ началѣ царствованія Птолемэя IV Филопатора въ Египтѣ (съ осени 221-го года) и предъ самымъ началомъ союзнической войны въ Греціи (въ 219 — 217 годахъ), какъ это видно изъ Поливія: IV, 35, 9; V, 34 и 35. По словамъ Плутарха (Cleom , 38), Клеоменъ царствовалъ 16 лѣтъ. Такъ какъ Плутархъ помѣщаетъ это замѣчаніе послѣ смерти Клеомена и такъ какъ

Неизвѣстно, обращалъ ли онъ на себя вниманіе при жизни отца, наблюдали ли ефоры за его мыслями и разговорами, опасались ли отъ него чего-нибудь особеннаго; но еще въ дѣтствѣ люди проницательные предвидѣли въ Клеоменѣ характеръ сильный и энергическій. Сфэръ замѣтилъ его въ числѣ своихъ слушателей, полюбилъ его и съ этого времени остался его руководителемъ и потомъ другомъ на всю жизнь. Плутархъ указываетъ, что стоическое ученіе имѣло большое вліяніе на развитіе характера Клеомена, и по его мнѣнію, вліяніе не совсѣмъ здоровое. Плутархъ имѣетъ въ виду только тотъ духъ, то нравственно-гордое и сурово-доблестное направленіе, которое вѣяло въ ученіи стоицизма, и думаетъ, что для такихъ и безъ того сильныхъ, смѣлыхъ и рѣзкихъ натуръ, какъ Клеоменъ, школа стоицизма не была такъ полезна и нужна, какъ для характеровъ глубокихъ и кроткихъ. Можетъ-быть, Хэронейскій философъ-моралистъ совершенно правъ въ этомъ отношеніи; но слѣдуетъ пожалѣть, что при этомъ онъ ни слова не сказалъ о положительномъ политическомъ содержаніи стоическаго ученія, и особенно тѣхъ сочиненій, которыя были написаны Сфэромъ (о Ликургѣ и Сократѣ, о Лаконскомъ государствѣ). Мы думаемъ, что не только характеръ Клеомена, но и его политическіе планы развились подъ вліяніемъ стоическихъ теорій. Были, конечно, и другія обстоятельства, которыя должны были пробудить или поддержать въ молодой душѣ благородныя стремленія, воспитать въ ней любовь и уваженіе къ памяти мученически погибшаго Агиса. Очень тихія и незамѣтныя, но тѣмъ болѣе сильныя и крѣпкія вліянія семейнаго круга дѣйствовали въ одномъ направленіи съ строгою проповѣдью стои. Послѣ казни Агиса Леонидъ вздумалъ женить своего сына, который тогда не достигъ еще брачнаго возраста, на вдовѣ своего врага, Агіатидѣ. Побужденія къ этому противоестественному союзу были очень низкаго свойства. Агіатида была одна изъ самыхъ богатыхъ наслѣдницъ, и Спартанскій царь не хотѣлъ, чтобъ она перенесла свое состояніе въ какой-нибудь другой домъ. Вдова несчастнаго Агиса долго отказывалась отъ сдѣланнаго ей предложенія и почти силою была принуждена выйдти за Клеомена. Но ея красота, — Агіатида считалась одною изъ первыхъ красавицъ въ Греціи, — ея кроткій и нѣжный характеръ, ея

до его смерти въ Спартѣ не избирали царя на его мѣсто (Polyb., IV, 35, 9), то очевидно, что и время пребыванія Клеомена въ Александріи должно быть присчитываемо къ годамъ его царствованія. Если Клеоменъ умеръ въ концѣ 220 или въ началѣ 219 года, то воцарился онъ въ 236 или въ 235 году. Послѣ смерти Агиса онъ былъ οὐ πάνυ γάρων ὥραν ἔχων, слѣдовательно, около 20 лѣтъ.

тихая грусть возбудили участіе въ благородномъ сердцѣ юноши. Съ искреннею симпатіей слушалъ онъ воспоминанія и разказы Агіатиды о ея покойномъ мужѣ. Онъ самъ вызывалъ ее на эти воспоминанія, старался узнать отъ нея къ чему стремился и чего хотѣлъ ея покойный мужъ. Супружескій союзъ, устроенный корыстолюбіемъ отца, принялъ рѣдкій — особенно въ древности — характеръ нравственной, духовной связи и былъ въ числѣ вліяній, приготовившихъ новое движеніе въ греческой исторіи [1]).

Клеоменъ вступилъ на царство уже съ отвращеніемъ и глубокою ненавистью къ существующему порядку. Прямой, открытой борьбы съ олигархіей онъ, впрочемъ, не могъ начать. Вся сила и власть находились въ рукахъ ефоровъ, враждебныхъ всякому преобразованію. Отъ Клеомена нельзя было также ожидать довѣрчивости Агиса; онъ не могъ питать мечтательныхъ надеждъ своего предшественника провести реформу путемъ мирнымъ и тихимъ, не оскорбляя законовъ государства, не трогая установленныхъ властей. Вмѣсто кротости и мягкости, отличавшихъ перваго реформатора, неукротимая сила и пылкая энергія — κέντρον τι θυμοῦ — лежали въ характерѣ юноши, воцарившагося въ Спартѣ. Даже деспотическія наклонности не были ему совсѣмъ чужды. Власть надъ людьми, добровольно повинующимися, онъ считалъ высшимъ и лучшимъ благомъ; но славнымъ казалось ему также вести людей и противъ воли къ достойной цѣли [2]). И однако такая натура должна была обуздывать и сдерживать себя, надолго скрывать въ себѣ свои стремленія, свои пылкія желанія. Первая попытка Клеомена найдти себѣ сочувствіе, и можетъ-быть, содѣйствіе въ средѣ, окружающей его, была неудачна. Онъ обратился на первый разъ къ нѣкоему Ксенару, съ которымъ соединяли его узы самой

---

[1]) Мы передаемъ въ точности тѣ черты, которыя находимъ у Плутарха, и думаемъ, что онѣ имѣютъ большую цѣну. Мимоходомъ было у насъ замѣчено, что та роль, которую играютъ женщины въ историческихъ сочиненіяхъ Филарха, есть знаменательный фактъ и въ исторіи культуры. Обыкновенно говорятъ, что идеальная и духовная нѣжность отношеній къ женщинѣ была совершенно чужда древнему міру. Черты и даже слова, которыми Плутархъ, вслѣдъ за Филархомъ, рисуетъ отношенія Клеомена къ Агіатидѣ, принадлежатъ, кажется, къ доказательствамъ противнаго. Плутархъ о супружеской любви Агіатиды выражается словомъ: φιλόστοργος. Вотъ что замѣчаетъ объ этомъ словѣ Фронтинъ (Epist., p. 166): Nihil minus in tota mea vita Romae repersi, quam hominem sincere φιλόστοργον; ut putem, quia reipse nemo sit Romae φιλόστοργος, ne nomen quidem huic virtuti esse romanum.

[2]) Plut., Cleom., 1.

нѣжной дружбы. Клеоменъ нѣсколько разъ вызывалъ своего друга на бесѣду о погибшемъ царѣ Агисѣ и его планахъ. Ксенаръ, который зналъ объ этомъ больше, чѣмъ Клеоменъ, разказывалъ подробно и не безъ удовольствія о предметѣ, такъ горячо занимавшемъ Клеомена. Но замѣтивъ наконецъ въ своемъ царственномъ другѣ уже слишкомъ большое и необыкновенное участіе къ памяти погибшаго, замѣтивъ ту необычайную жадность, съ которою Клеоменъ распрашивалъ и выслушивалъ всѣ подробности, сюда относящіяся, обративъ вниманіе на то странное волненіе, которое обнаруживалось при этомъ въ душѣ собесѣдника, Ксенаръ понялъ то, чего не понималъ сначала, пришелъ въ гнѣвъ, назвалъ своего друга безумцемъ и прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Клеоменъ заключилъ, что и всѣ другіе смотрятъ и думаютъ также, какъ Ксенаръ. Онъ рѣшился затаить свои думы и планы въ глубинѣ своей души [1]) и ждать удобнаго времени, которое, нужно сказать, пришло не очень скоро.

Дальнѣйшая мысль, которая приписывается Клеомену, очень проста и естественна и вполнѣ соотвѣтствуетъ его характеру и положенію. Гдѣ ему слѣдовало искать средствъ къ осуществленію своихъ затаенныхъ помысловъ? Для достиженія цѣли, очевидно, нужна сила: тѣмъ путемъ, которымъ шелъ Агисъ, идти нельзя. Нужно было найдти или создать эту силу, нужно было образовать преданное себѣ войско; а для этого нужна была война. Неотступное и бдительное наблюденіе ефоровъ не давало Спартанскому царю никакой свободы движенія дома. Только во время войны этотъ надзоръ ослабѣвалъ; изъ всѣхъ правъ царской власти только одно право сохранили за собою безусловно спартанскіе Ираклиды—право верховнаго начальства надъ войскомъ и предводительства на войнѣ. Право самаго объявленія войны не принадлежало, конечно, царямъ; его присвоили себѣ ефоры. Но если война была объявлена, то ефоры оставались дома, а тотъ или другой изъ царей отправлялся въ походъ.

Вызовъ къ войнѣ существовалъ въ самомъ положеніи вещей; ходъ событій неизбѣжно велъ къ столкновенію двухъ главныхъ силъ, находившихся теперь на Пелопоннисскомъ полуостровѣ. Съ другой стороны, политическія отношенія сложились довольно выгодно для Спарты. Если союзъ, существовавшій до сихъ поръ между Этоліей и Ахаіей, къ 229 году не былъ формально разорванъ, то очевидно, очень ослабѣлъ. Этолійцы уже начинали подозрительно, завистливо и даже враж-

[1]) Αὐτὸς ἐν ἑαυτῷ συνετίθει τὴν πρᾶξιν. Plut., Cleom., 3.

дебно смотрѣть на необыкновенно быстрое развитіе союзной имъ и родственной по своимъ началамъ федераціи Ахэйской. Этолійцы всего менѣе были расположены стѣсняться требованіями политической нравственности и обязательствами благодарности къ своимъ союзникамъ и бывшимъ друзьямъ. Поливій [1]) увѣряетъ насъ, что со стороны Этоліи велась съ нѣкотораго времени тайная интрига, направленная противъ Ахэйскаго союза. Этолійцы будто бы вошли въ сношенія со Спартой и Антигономъ и хлопотали о составленіи тройнаго союза противъ Ахаіи, старались склонить правителя Македоніи и Клеомена къ одновременному нападенію на земли союза, съ тѣмъ чтобы подѣлить ихъ между собою. Собственно говоря, такія остроумныя комбинаціи не составляютъ чего-нибудь новаго и необычайнаго со стороны Этолійскихъ ландскнехтовъ. Они уже разъ предлагали Антигону Гонатѣ то же самое, что̀ теперь предлагали Антигону Досону. Они уже однажды дѣлили точно такимъ же образомъ Акарнанію, какъ теперь думали подѣлить Ахаію. Ихъ союзъ съ Римлянами противъ Македоніи основанъ былъ въ послѣдствіи на такихъ же хищническихъ стремленіяхъ. На этотъ разъ впрочемъ были обстоятельства, которыя дѣлали предложенія Этоліи, обращенныя къ Антигону, нѣсколько странными и довольно смѣлыми. Есть указанія на то, что около этого самаго времени Этолійцы находились въ полной и открытой войнѣ съ Македоніей, и война эта, не смотря на энергію Антигона, вслѣдствіе новыхъ движеній на сѣверѣ со стороны неугомонныхъ Дарданянъ, отвлекавшихъ силы Македоніи, кончилась не вполнѣ удачно для Анти-

---

[1]) Polyb., II, 45. Это одинъ изъ пунктовъ, на которомъ новая критика (см. Lucas, Ueber Polybius' Darstellung des Aetolischen Bundes, стр. 88 и слѣд.; также, разумѣется, Brandstater, Die Geschichten des Aetolischen Landes, 331) старается уличить Поливія въ намѣренномъ искаженіи истины или, по крайней мѣрѣ, въ слѣпой ненависти, готовой взвести на ненавистнаго врага очевидно несостоятельное обвиненіе. Нужно признать, что поведеніе Этоліи довольно странно, но нельзя и нѣтъ основаній заподозривать добросовѣстность Поливія. Изъ того, что послѣ ни Антигонъ, ни Этолія не принимаютъ участія въ борьбѣ Клеомена съ Ахэйскимъ союзомъ, вовсе не слѣдуетъ, что не было попытки со стороны Этоліи склонить Антигона къ этому участію. Почему попытка не удалась, мы объясняемъ въ текстѣ. Обстоятельства, обнаружившіяся при дальнѣйшемъ развитіи запутанныхъ отношеній между Спартой, Этоліей и Македоніей также нисколько не находятся въ противорѣчіи съ извѣстіемъ Поливія, — какъ это будетъ объяснено на своемъ мѣстѣ. См. впрочемъ Nitzch, Polybius, стр. 119. Замѣтимъ здѣсь только то, что и гораздо позже, когда Клеоменъ былъ уже въ Александріи, мысль о войнѣ Этоліи и Спарты противъ Ахэйской федераціи снова представлялась изгнанному царю (Polyb., V, 35; Plut., Cleom., 34).

гона. Онъ долженъ былъ уступить въ пользу Этоліи нѣсколько значительныхъ городовъ въ Θессаліи [1]). Теперь эти же самые Этолійцы предлагали ему свой союзъ и дружбу и какъ будто вознагражденіе за потери въ Θессаліи. Руководители этолійской политики, очевидно, дѣлали большую честь Антигону, предполагая въ немъ такъ мало злопамятства. Не меньшую честь слѣдуетъ воздать ихъ собственной проницательности и осторожности. Они хорошо понимали, что начать войну съ Ахэйскимъ союзомъ, — если дѣло дойдетъ до этого, — не обезпечивъ себя со стороны Македоніи, довольно опасно въ настоящее время. Антигонъ крѣпкою рукой возстановилъ миръ и порядокъ внутри Македоніи. Нельзя было съ полною увѣренностію разчитывать, что онъ останется въ бездѣйствіи и праздности въ случаѣ открытой войны между Этоліей и Ахаіей. Пріобрѣтенія въ Θессаліи легко могли быть потеряны. Но было бы странно, еслибъ Антигонъ, провозглашенный царемъ, по возстановленіи спокойствія въ Македоніи вступилъ въ предлагаемую ему сдѣлку, пошелъ въ дѣлежъ съ этолійскими разбойниками. Для него было очень желательно возстановить македонское вліяніе въ Пелопоннисѣ; но развѣ этого можно было достигнуть путемъ усиленія на полуостровѣ Этоліи и Спарты? Развѣ можно было положиться на обѣщанія и трактаты, когда имѣешь дѣло съ Этоліей? Развѣ Этолійцы не пытались отнять у Димитрія ту часть Акарнаніи, которая досталась ему

---

[1]) Къ Антигону *Досону* должно, по всѣмъ признакамъ, относиться извѣстіе Фронтина о борьбѣ съ Этолійцами въ Θессаліи, въ Strategematon, II, 6, 5: Antigonus, rex Macedonum, Aetolis, qui, in obsidionem ab eo compulsi, fame urgebantur statuerantque, eruptione facta, commori, viam fugae dedit, atque ita infracto impetu eorum, insecutus aversos cecidit. Сюда же относится намекъ Плутарха (Arat., 34): Μακεδόνων ἀσχόλων ὄντων διά τινας προσοίκους (Θессалія?) καὶ ὁμόρους (Дарданяне?) πολέμους, и слова самого Антигона у Юстина (XXVIII, 3): Commemorat beneficia sua (Антигонъ мятежнымъ Мякедоннямъ), ut defectionem sociorum vindicaverit, ut Dardanos Thessalosque exultantes morte Demetrii regis compescuerit. При окончаніи первой Македонской войны Этолійцы требуютъ отъ Македоніи возвращенія Фарсала, Ларіссы, Ехина и Θивъ Фθіотійскихъ, какъ городовъ, имъ прежде принадлежавшихъ; см. Liv. XXXIII, 13: quae ante bellum habuissent, или точнѣе у Поливія τοὺς πρότερον μετ' αὐτῶν συμπολιτευομένους; Polyb., XVIII, 21, 3 ср. XVII, 3, 12. Когда же эти города принадлежали Этолійскому союзу? Изъ Ливія (XXVIII, 7) видно, что Θивы Фθіотійскія взяты царемъ Филиппомъ въ союзническую войну (220—217 гг.): Priore ejusdem Philippi bello. И другіе города, нужно думать, отняты были тогда же, исключая Ехина, о которомъ есть особое извѣстіе (Polyb., IX, 47). Если же Этолійцамъ принадлежали города въ Θессаліи въ 220 году, то получить ихъ они могли только въ началѣ правленія Антигона Досона.

по условіямъ дѣлежа? Развѣ безспорное владѣніе Θессаліей было менѣе важно для господства въ Греціи, чѣмъ обладаніе Акрокоринѳомъ? Со стороны Антигона было гораздо благоразумнѣе и разчетливѣе ждать дальнѣйшаго развитія непріязни между враждебными ему державами, чтобы потомъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Мы не знаемъ, какой отвѣтъ данъ былъ Антигономъ на этолійскія предложенія. Судя по тому, что потомъ Этолія не принимаетъ прямаго участія въ борьбѣ Клеомена съ Аратомъ, можно думать, что со стороны Македоніи не послѣдовало ни опредѣленнаго отвѣта, ни вполнѣ успокоительныхъ обѣщаній [1]). Въ Спартѣ предложенія предпріимчивой этолійской политики могли быть приняты благосклоннѣе — если не со стороны ефоровъ, которые въ интересахъ олигархіи стояли за мирную политику, то по крайней мѣрѣ, со стороны Клеомена. Клеомену представлялся, наконецъ, желанный случай выйдти изъ бездѣйствія, которое его тяготило, испытать силы, которыя онъ въ себѣ чувствовалъ, найдти опору для своихъ замысловъ, которые его давно занимали. Но не отъ одного Клеомена зависѣли рѣшенія Спартанскаго государства. Оттого и съ этой стороны, на первое время, не обнаруживается особенной жажды военныхъ предпріятій. Тройственный союзъ не состоялся; переговоры остались тайною для непосвященныхъ; результатомъ ихъ была только дружба Клеомена съ Этоліей и положительная увѣренность съ его стороны въ томъ, что теперь у Ахэйской федераціи нѣтъ союзниковъ, кромѣ отдаленнаго Египта.

Первое движеніе послѣдовало въ такомъ направленіи, котораго всего менѣе можно было ожидать. Весной 228 года Клеоменъ дѣлаетъ внезапное нападеніе на этолійскія владѣнія въ Пелопоннисѣ и отнимаетъ у Этоліи Мантинею, Тегею и Орхоменъ [2]). Эти города, какъ мы уже видѣли, достались Этолійскому союзу въ то самое время, когда и Ахэйцы дѣлали быстрые успѣхи на полуостровѣ (послѣ смерти Димитрія въ Македоніи). Нѣтъ сомнѣнія, что не смотря на дружбу, соединявшую одну федерацію съ другою, Ахэйцы не были особенно довольны тѣмъ, что ихъ союзники, уже и безъ того владѣвшіе Елидой, стали твердою ногой въ самой срединѣ полуострова, на ихъ дорогѣ. Еще непріятнѣе и несравненно опаснѣе было для Ахаіи оставить эти

---

[1]) Поливій говоритъ о сношеніяхъ Этоліи съ Македоніей только предъ началомъ Клеоменовой войны; послѣ рѣчь идетъ только о связяхъ Этоліи со Спартою· II, 46, 2, 49, 1, 58, 1. Изъ этого можно замѣтить, что, по мнѣнію самого Поливія, союзъ съ Антигономъ не состоялся.

[2]) Polyb., II, 46, 2.

города во власти сосѣдственнаго государства Лаконскаго. Можно было ожидать, что Этолійцы накажутъ смѣлую попытку Спартанскаго царя и пригласятъ къ содѣйствію Ахэйцевъ. Но къ удивленію послѣднихъ, Этолія не только не начинаетъ изъ-за этого военныхъ дѣйствій противъ Спарты, но чрезъ нѣсколько времени формально утверждаетъ за нею владѣніе всѣми тремя городами [1]). Если Этолійцы уже такъ мало дорожили своими владѣніями въ срединѣ полуострова, то можно думать, что было бы гораздо проще и естественнѣе — прямо уступить ихъ Ахэйской федераціи.

Лакедэмонскія владѣнія врѣзывались теперь клиномъ въ средину двухъ областей Ахэйскихъ (Арголиды и Мегалополитанской области). Аратъ никакъ не считалъ возможнымъ оставаться спокойнымъ при такомъ опасномъ сосѣдствѣ, и въ этомъ вполнѣ былъ согласенъ съ нимъ его совѣтъ, всѣ диміурги [2]). Было рѣшено однако не начинать войны, но только наблюдать за Клеоменомъ и препятствовать его дальнѣйшимъ попыткамъ, если таковыя послѣдуютъ. Чрезъ нѣсколько времени со стороны спартанской, дѣйствительно, обнаружилось новое движеніе, которое Ахэйцы могли принять за угрозу себѣ. Въ Мегалополитанской области, на самой границѣ съ Лаконикой, находилось мѣстечко Велвина, очень важное по своему положенію, какъ ключъ Мегалополя, и составлявшее предметъ спора между Мегалополемъ и Спартою [3]). Клеоменъ — на этотъ разъ съ согласія ефоровъ — занялъ Велвину и сталъ ее укрѣплять. Ахэйскій союзъ имѣлъ полное право протестовать, но Аратъ справедливо предполагалъ, что протесты будутъ напрасны [4]). Онъ хотѣлъ отмстить Клеомену и Спартѣ по своему.

---

[1]) Polyb., ibid.: βεβαιοῦντας τὴν παράληψιν.

[2]) Polyb., II, 46, 4. Ἔγνω δεῖν οὗτός τε καὶ πάντες ὁμοίως οἱ προεστῶτες τοῦ τῶν Ἀχαιῶν πολιτεύματος.... ἐνίστασθαι τοῖς τῶν Λακεδαιμονίων ἐπιβουλαῖς. Слѣдовательно, Аратъ является здѣсь стратигомъ: это есть стратигія $^{229}/_{228}$ года, и безъ сомнѣнія, событія, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, относятся къ концу ея, то-есть, къ веснѣ 228 года, ибо 229 годъ наполненъ другими событіями.

[3]) Мѣстечко Велвина или Аѳинэонъ (по храму Аѳины), по словамъ Поливія, находилось въ области Мегалополитанской; II, 46, 5: Ἀθηναιον ἐν τῇ τῶν Μεγαλοπολιτῶν χώρᾳ. Иначе выражается Плутархъ (Cleom., 4): ἐμβολὴ τῆς Λακωνικῆς τὸ χωρίον ἐστί, καὶ τότε πρὸς τοὺς Μεγαλοπολίτας ἦν ἐπίδικον. Въ атласѣ Шпрунера стоитъ Belmina. Но, по замѣчанію Шеманна, чтеніе Βέλβινα имѣетъ за себя согласіе всѣхъ кодексовъ Плутарха, Поливія и Тита Ливія (XXXVIII, 34, 8). См. также Curtius, Pelop., I, 337, II, 320. У Павсанія читалось Βελεμίνα, но въ изданіи Дидо стоитъ Βέλβινα (VIII, 27, 4).

[4]) Οὐθὲν ἐγκαλέσας, Plut., Cleom., 4.

Въ Тегеѣ и Орхоменѣ нашлась партія, расположенная къ Ахэйской федераціи; разчитывая на ея содѣйствіе, Аратъ сдѣлалъ ночное покушеніе овладѣть этими городами. Онъ потерпѣлъ неудачу. Сообщники Арата испугались чего-то и не оказали ему обѣщаннаго содѣйствія. Онъ долженъ былъ воротиться назадъ. Но похожденіе ахэйскаго стратига не осталось, какъ онъ надѣялся, не замѣченнымъ. Вслѣдствіе этого завязалась особаго рода шутливая дипломатическая переписка между Клеоменомъ и президентомъ Ахэйской федераціи. Царь Спартанскій иронически спрашивалъ послѣдняго, куда онъ ходилъ ночью. Аратъ отвѣчалъ, что услышавъ о намѣреніи Клеомена укрѣпить Велвину, онъ хотѣлъ этому воспрепятствовать. Клеоменъ снова писалъ, что онъ вѣритъ объясненію Арата, но не понимаетъ только одного: „Зачѣмъ были съ тобою лѣстницы и факелы? Объясни мнѣ, если это тебя не затрудняетъ“ [1]). Съ небольшимъ отрядомъ Клеоменъ расположился лагеремъ въ южной Аркадіи. Между тѣмъ ахэйское правительство по поводу занятія и укрѣпленія Велвины царемъ Спартанскимъ созвало сеймъ. Съ согласія думы сейму былъ предложенъ вопросъ о войнѣ противъ Спарты. Сеймъ высказался въ пользу открытыхъ военныхъ дѣйствій. Это было тѣмъ болѣе справедливо и необходимо, что Клеоменъ продолжалъ стоять съ своимъ отрядомъ въ Аркадіи. Но рѣшеніе сейма произвело свое дѣйствіе. Ефоры не хотѣли войны и прислали своему царю приказаніе отступить. Клеоменъ повиновался [2]).

Такимъ образомъ война, казалось, готова была прекратиться прежде, чѣмъ она началась. Но Аратъ не хотѣлъ простить занятіе Велвины, и въ возмездіе за то захватилъ очень неважный городокъ Кафіи, принадлежавшій, повидимому, къ области Орхоменской [3]). Неизвѣстно, какъ бы сталъ дѣйствовать Аратъ далѣе, еслибъ онъ оставался стратигомъ. И съ его стороны не слѣдуетъ предполагать особеннаго желанія прямой и рѣшительной борьбы со Спартой. Вѣроятно, борьба продолжалась бы ночными нападеніями и неожиданными захватами болѣе или менѣе важныхъ пунктовъ. Но въ маѣ 228 года кончилась стра-

---

[1]) Plut., Cleom., 4.

[2]) Polyb., II, 46, 6: Συναθροίσαντες τοὺς Ἀχαιοὺς ἔκριναν μετὰ τῆς βουλῆς ἀναλαμβάνειν φανερῶς τὴν πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους ἀπέχθειαν. Плутархъ не говоритъ объ этомъ сеймѣ и объявленіи войны, а Поливій опускаетъ покушеніе Арата на Тегею и Орхоменъ. Но приказаніе ефоровъ у Плутарха (Cleom., 4) находится въ очевидной связи съ рѣшеніемъ ахэйскаго сейма.

[3]) Plut., Cleom., 4.

тигія Арата. Если бы въ Ахэйскомъ союзѣ преобладали рѣшительно воинственныя наклонности, то всего естественнѣе было избрать президентомъ на слѣдующій годъ Лидіада, тѣмъ болѣе, что споръ близко касался Мегалополя, родины Лидіада. Но не онъ сдѣлался стратигомъ, а бывшій тираннъ Аргоса, Аристомахъ [1]). На этотъ разъ впрочемъ нѣтъ нужды обвинять или заподозривать Арата въ завистливомъ соперничествѣ противъ благородной личности Лидіада. По всей вѣроятности, Аристомаху была обѣщана стратигія при его вступленіи въ союзъ [2]). Еслижь Аратъ думалъ, что Аристомахъ будетъ болѣе наклоненъ слѣдовать его осторожнымъ внушеніямъ, то онъ очень ошибался. Новый стратигъ хотѣлъ ознаменовать свое управленіе самымъ энергическимъ образомъ дѣйствій противъ Клеомена и Спарты. Онъ думалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о вторженіи къ самое сердце Лаконики [3]). Не дремалъ и молодой царь Спартанскій. Взятіе Аратомъ Кафій и военныя приготовленія Аристомаха послужили для Клеомена, какъ убѣдительные доводы предъ коллегіей ефоровъ, въ пользу необходимости новаго похода противъ Ахаіи. Клеоменъ бросился въ средину Аркадіи и захватилъ тамъ мѣстечко Меѳидріонъ [4]). Это былъ отвѣтъ на взятіе Кафій. Набѣгъ на Арголиду и опустошеніе ея служили прямымъ вызовомъ новому стратигу Ахэйскаго союза. Аристомахъ на основаніи рѣшенія, заранѣе принятаго уже сеймомъ, собралъ многочисленное войско. Двадцать тысячъ пѣхоты и одна тысяча конницы готовились идти противъ самой Спарты. Борьба, слѣдовательно, готова была принять грозные размѣры. Это соотвѣтствовало желаніямъ и планамъ Клеомена, но вовсе не было согласно съ любимымъ образомъ дѣйствій Арата. Послѣдній находился теперь — непзвѣстно зачѣмъ — въ Аѳинахъ [5]). Аристомахъ писалъ ему о своемъ намѣреніи вторгнуться въ Лаконику и однимъ ударомъ рѣшить весь споръ. Аратъ не совсѣмъ одобрялъ такіе планы. Когда послѣ неудачнаго похода

---

[1]) Plut., Cleom., 4: Ἀριστομάχου στρατηγοῦντος. Arat., 35: Ἐνιαυτῷ ὕστερον (послѣ присоединенія Аргоса къ союзу) τὸν Ἀριστόμαχον εἵλοντο στρατηγόν. До сихъ поръ Лидіадъ занималъ должность стратига поперемѣнно съ Аратомъ и былъ стратигомъ три раза. Plut., Arat., 30.

[2]) Это можно заключить изъ тѣхъ внушеній, которыми Аратъ склонялъ Аристомаха къ переходу въ Ахэйскій союзъ: Ἔθνους τηλικούτου.... στρατηγὸν εἶναι μᾶλλον ἢ μιᾶς πόλεως.... τύραννον. Arat., 35.

[3]) Plut., Arat., 35.

[4]) Plut., Cleom., 4.

[5]) Plut., Arat., 35. Не для того ли, чтобы склонить Аѳинянъ къ союзу противъ Спарты? См. Arat., 41.

къ Орхомену между нимъ и царемъ Спарты завязалась уже упомянутая нами выше переписка, то Аратъ заинтересовался личностію остроумнаго корреспондента и спросилъ одного спартанскаго эмигранта, что̀ это за человѣкъ. Ему отвѣчали: „Если ты имѣешь какіе планы противъ Спарты, то спѣши исполнить ихъ, пока у этого птенца не выросли шпоры“ [1]). Повидимому, Аратъ думалъ, что эти шпоры уже выросли. Онъ, съ своей стороны, писалъ Аристомаху и въ своемъ письмѣ отсовѣтывалъ начинать открытую и прямую войну съ рѣшительнымъ и смѣлымъ противникомъ. Но Аристомахъ не послушался слишкомъ осторожнаго совѣта и двинулся въ походъ, а чрезъ нѣсколько времени и Аратъ также явился къ войску. При Палланті̀онѣ въ южной Аркадіи, между Тегеей и Мегалополемъ, Клеоменъ встрѣтилъ своихъ враговъ.

Нужно было ожидать рѣшительной битвы. Но ничего подобнаго не случилось. „Аратъ, боясь смѣлости Клеомена, не позволилъ Аристомаху вступить въ сраженіе“. Итакъ, это была просто трусость. Войско Клеомена было, по крайней мѣрѣ, въ четверо малочисленнѣе ахэйскаго [2]). Притомъ самое вмѣшательство Арата не было законно. Онъ злоупотреблялъ своимъ исключительнымъ положеніемъ въ союзѣ. Вопль негодованія со стороны согражданъ, градъ насмѣшекъ со стороны враговъ, все это, казалось, было вполнѣ заслужено Аратомъ. Его репутація, можно было думать, была убита навсегда. Разчитывая на общее неудовольствіе, самый достойный изъ гражданъ союза, Лидіадъ, явился обвинителемъ Арата передъ націей, и когда пришло время новыхъ выборовъ, выступилъ его соперникомъ. Но чувство негодованія успѣло уже охладѣть въ Ахэйцахъ. Обвиненія ни къ чему не повели; борьба на выборахъ кончилась въ пользу Арата [3]).

---

[1]) Εἴ τι πράττεις πρὸς Λακεδαιμονίους, ὥρα σοι ταχύνειν πρὸ τοῦ κέντρα φῦσαι τοῦτον τὸν νεοσσόν. Cleom., 4.

[2]) Cleom., 4: Λακεδαιμονίων οὐδὲ πεντακισχιλίων τὸ πλῆθος ὄντων. Ср. Arat., 35. Палланті̀онъ: см. Curtius, Peloponn., I, 263 и 274. Ликъ былъ не въ состояніи опредѣлить мѣстоположеніе Палланті̀она; развалины его въ первый разъ открыты французскими офицерами.

[3]) Arat., 35, въ концѣ: Ὑπὸ Λυδιάδου κατηγορήθη, καὶ περὶ τῆς στρατηγίας εἰς ἀγῶνα καὶ ἀντιπαραγγελίαν αὐτῷ καταστὰς ἐκράτησε τῇ χειροτονίᾳ καὶ τὸ δωδέκατον ἡρέθη στρατηγός: Аратъ избранъ былъ стратигомъ въ двѣнадцатый разъ. Если Аратъ былъ въ первый разъ стратигомъ въ 245 году, то какимъ образомъ въ 227 году онъ могъ быть имъ въ двѣнадцатый разъ? Самъ Плутархъ говоритъ, что Аратъ былъ избираемъ въ стратиги черезъ годъ, и повторяетъ это нѣсколько

Стратигія Аристомаха, не смотря на всѣ приготовленія, опять-таки прошла благополучно безъ всякаго кровопролитія, и настоящей войны опять-таки не началось. Сдѣлавшись стратигомъ въ свою очередь (весной 227 года), Аратъ, можетъ-быть, съ цѣлію возстановить свою репутацію, предпринялъ походъ на Елиду. Какія причины направили ахэйское оружіе именно въ эту сторону, сказать довольно трудно. Елида находилась въ союзѣ съ Этоліей и подъ ея покровительствомъ. Враждебныя дѣйствія противъ нея служатъ очевиднымъ указаніемъ на то, что отношенія прежнихъ союзниковъ были очень натянуты, и что ахэйскіе государственные люди смотрѣли на Этолію, какъ на державу непріязненную. Не менѣе знаменательно и то обстоятельство, что защиту Елиды принимаетъ на себя Спарта. Клеоменъ отправился на помощь въ Елиду и встрѣтилъ ахэйское войско уже на возвратномъ пути оттуда, въ юго-западной части Мегалополитанской области, при горѣ Ликэйской. Аратъ на этотъ разъ или не хотѣлъ, или не могъ избѣжать сраженія. Ахэйцы были разбиты въ прахъ; самъ Аратъ едва успѣлъ спастись; снова распространились слухи о его смерти, какъ это было послѣ сраженія при Филакіи. На самомъ дѣлѣ Аратъ не только былъ живъ, но даже вовсе не потерялъ бодрости духа.

разъ. См. Arat, 24, 30, 38; Cleom., 15. Нужно ли предполагать, что въ пользу Арата законъ былъ нѣсколько разъ нарушаемъ, какъ это предполагаетъ Дройзенъ? Но именно объ Аратѣ Плутархъ утверждаетъ, что онъ избирался черезъ годъ. Не естественнѣе ли предположить ошибку въ счетѣ Плутарха или описку въ цифрѣ у переписчиковъ, чѣмъ ошибку относительно непреложности основнаго конституціоннаго закона? Мы увѣрены, что вмѣсто τὸ δωδέκατον, нужно читать просто τὸ δέκατον: Аратъ былъ стратигомъ въ десятый разъ, что какъ разъ приходится на 227 годъ, считая съ 245 года. Такого же рода ошибка несомнѣнно находится и въ другомъ мѣстѣ біографіи Арата (въ гл. 41), какъ оно теперь читается. Въ обсужденіи одного поступка Арата, относящагося къ 224 или 223 году, Плутархъ замѣчаетъ, что онъ уже тридцать три года принималъ участіе въ политикѣ ахэйской: τριάκοντα ἔτη καὶ τρία πεπολιτευμένος ἐν τοῖς Ἀχαιοῖς. Счетъ рѣшительно невѣрный. Если начинать его съ 251 года (присоединеніе Сикіона къ Федераціи), то выходитъ 28-й или 29-й годъ. Если начинать счетъ съ 245-го года, то выходитъ 22-й или 23-й годъ политическаго поприща Арата. И безъ сомнѣнія, возможна только одна поправка: вмѣсто τρία καὶ τριάκοντα, нужно читать τρία καὶ διάκοντα, то-есть, *двадцать три года*. Въ послѣднемъ случаѣ ошибка легко объясняется вліяніемъ слова или цифры, впереди стоящей (τρία), на вторую часть числительнаго. Но и въ первомъ случаѣ нѣтъ большой трудности найдти причину ошибки въ повтореніи члена τὸ, что потомъ превратилось въ δω (предполагая, что число, какъ порядковое, было написано вполнѣ буквами). Ошибки и описки въ счисленіи, какъ извѣстно, встрѣчаются довольно часто въ греческихъ классикахъ.

Прямо съ поля сраженія, оставивъ здѣсь торжествующаго Клеомена строить трофеи, онъ бросился на другой конецъ Аркадіи, явился предъ Мантинеей, гдѣ, конечно, никто его не ожидалъ, и результатъ побѣды Клеомена былъ тотъ, что „разбитые Ахэйцы, благодаря своему стратигу, пріобрѣли городъ, которымъ было бы не легко овладѣть и послѣ побѣды“ [1]).

Поливій говоритъ, что городъ былъ взятъ силою, хотя образъ выраженій у самого Поливія заставляетъ подозрѣвать, что не одна сила играла тутъ роль [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ Мантинеѣ была партія, стоявшая за Ахэйскую федерацію, и можно догадываться, что „праксикопія“ Арата именно состояла въ сношеніяхъ съ этою партіей. Но ахэйская партія была болѣе слабая, такъ что только послѣ упорнаго сраженія оказалось возможнымъ проникнуть въ городъ. Было много убитыхъ и не мало раненыхъ. Слѣдовательно, Аратъ вошелъ въ Мантинею, какъ въ городъ, взятый приступомъ. Можно было ожидать преслѣдованій и казней. Своимъ непостоянствомъ и легкостью, съ которою Мантинея переходила до сихъ поръ съ одной стороны на другую, она заслуживала, можно сказать, суровой участи, которая ей теперь и грозила. Если на этотъ разъ кара не постигла Мантинеи, то этимъ она была обязана прежде всего мягкой, хотя въ то же время благоразумной и разчетливой политикѣ Арата. Ахэйскому отряду было запрещено касаться чьей бы то ни было собственности. Мантинейцамъ было объявлено приглашеніе оставаться спокойно въ своемъ городѣ. Потомъ имъ была обѣщана полная безопасность на будущее время, если они присоединятся вновь къ Ахэйскому союзу. „Филантропія“ Арата была полною неожиданностію для жителей Мантинеи; тѣмъ горячѣе была ихъ благодарность; тѣмъ съ большею внимательностію ухаживали они за воинами Арата, каждый въ своемъ домѣ. Но какъ бы то ни было, граждане Мантинейскіе не могли внушить Арату полной увѣренности въ своемъ постоянствѣ на будущее время. Онъ могъ несомнѣнно разчитывать только на старую ахэйскую партію. Чтобъ усилить ея численность, Аратъ даровалъ гражданскія права тѣмъ жителямъ Мантинеи, которые до сихъ поръ не пользовались ими. Чрезъ нѣсколько времени изъ Мантинеи обратились къ союзному пра-

---

[1]) Plut.: Cleom., 5, Arat., 36. Ср. Polyb., II, 51, 3, гдѣ сказано, что Ликэйское пораженіе есть первое большое пораженіе Ахэйцевъ въ Клеоменовой войнѣ.

[2]) II, 58, 2. Ἑάλωσαν κατὰ κράτος (Μαντινεῖς), Ἀράτου πραξικοπήσαντος αὐτῶν τὴν πόλιν.

вительству съ просьбой, которая въ самой Мантинеѣ многимъ старымъ гражданамъ могла быть непріятною, и можетъ-быть, была внушена изъ Ахаіи ахэйскимъ стратигомъ. Ссылаясь на присутствіе партій, не вполнѣ успокоившихся, на прописки Этолійцевъ и Спартанцевъ, которые попеременно владѣли городомъ, граждане Мантинеи, желавшіе остаться вѣрными союзу, просили отправить въ ихъ городъ союзный ахэйскій гарнизонъ. Само собою разумѣется, что желаніе ихъ было исполнено [1]).

Потеря Мантинеи была тѣмъ болѣе чувствительнымъ ударомъ для Спарты, что за нею легко могла послѣдовать и потеря Орхомена, лежавшаго еще далѣе на сѣверъ отъ Спарты и теперь совершенно отрѣзаннаго отъ сообщеній съ Лаконикой. Слѣдовало ожидать, что послѣ этого начнется наконецъ непрерывная и серіозная война между Спартой и Ахэйскимъ союзомъ. Случилось противное. Спартанцы упали духомъ [2]). Мирная партія, во главѣ которой стояли ефоры, подняла голову. Представителямъ спартанской олигархіи военные успѣхи Клеомена не могли быть особенно пріятными. Они уже начинали подозрительно смотрѣть на своего героя и съ ревнивою завистію слѣдить за возрастающею популярностію царя въ войскѣ. Клеоменъ былъ отозванъ изъ Аркадіи назадъ въ Спарту [3]).

Съ чувствомъ горькой досады побѣжденный побѣдитель повиновался требованію ефоровъ. Онъ уже давно носилъ въ душѣ своей ненависть къ соперничествующей власти, которая стояла теперь на его дорогѣ. Всѣ планы и всѣ надежды Клеомена основывались на его военныхъ дѣйствіяхъ. И на этомъ пути его останавливаютъ. Необходимо было такъ или иначе искать средствъ ограничить всемогу-

---

[1]) Плутархъ говоритъ о взятіи Мантинеи (Arat., 36) кратко и слѣдуетъ здѣсь, какъ видно, Филарху. Объ ахэйскомъ гарнизонѣ онъ выражается такъ, какъ будто это было насильственное дѣйствіе: φρουρὰν ἐνέβαλε (Ἄρατος), Поливій объясняетъ подробнѣе, какъ было дѣло. О дарованіи гражданскихъ правъ метикамъ говоритъ одинъ Плутархъ: καὶ τοὺς μετοίκους πολίτας ἐποίησε αὐτῶν. Противорѣчія между Плутархомъ и Поливіемъ нѣтъ, только каждый останавливается на тѣхъ подробностяхъ, которыя для него важнѣе. Поливій говоритъ о Мантинеѣ въ своей полемикѣ противъ Филарха, укорявшаго Ахэйцевъ въ жестокости, именно относительно Мантинеи, разрушенной ими послѣ вторичнаго отпаденія и взятія ея. Поливій обвиняетъ, съ своей стороны, Мантинейцевъ въ непостоянствѣ, что̀ справедливо, и указываетъ на то, что̀ было гуманнаго въ поведеніи Ахэйскаго союза относительно Мантинеи въ предыдущее время. Сколько нужно, мы понизили оправдательный тонъ Поливія.

[2]) Λακεδαιμονίων παντάπασι ταῖς γνώμαις ἀναπεπεσόντων Plut., Cleom., 5.

[3]) Cleom., 5.

щество ефората. Положеніе Клеомена было тѣмъ затруднительнѣе, что и его собственная власть въ настоящее время не была вполнѣ согласна съ исконными спартанскими учрежденіями. Цѣлымъ рядомъ вѣковъ, всѣми преданіями Спарты было освящено раздѣленіе царской власти между двумя фамиліями. Клеоменъ уже седьмой годъ царствуетъ одинъ. Евридамидъ, сынъ Агиса, который, достигнувъ совершеннолѣтія, могъ бы раздѣлить тронъ съ Клеоменомъ, умеръ еще въ дѣтствѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что привязанность къ старинным формамъ, нѣкотораго рода политическое суевѣріе имѣло еще большое вліяніе на умы Спартіатовъ и всего населенія Лаконики. Клеоменъ думалъ, что возстановленіемъ законнаго порядка онъ усилитъ себя нравственно. Кромѣ того, въ лицѣ другаго царя онъ могъ найдти себѣ помощника, который будетъ защищать интересы царской власти, будетъ составлять противовѣсъ вліянію ефоровъ въ то время, какъ самъ Клеоменъ будетъ внѣ Спарты, во главѣ войска [2]). Не смотря на то, что между сыномъ Леонида и законнымъ наслѣдникомъ дома Еврипонтидовъ лежала кровь Агиса IV, въ которой не былъ вполнѣ неповиненъ отецъ Клеомена, не смотря на это, Клеоменъ рѣшился протянуть руку примиренія брату Агиса, Архидаму, который жилъ въ Мессиніи со времени реакціи, погубившей Агиса. Чрезъ одного изъ своихъ мессинскихъ знакомцевъ, съ которымъ онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, Клеоменъ вошелъ въ сношенія съ Архидамомъ. Было заключено клятвенное условіе, что братъ Агиса тайно отправится въ Лаконику; Клеоменъ съ друзьями встрѣтитъ его на границѣ, введетъ въ Спарту и провозгласитъ царемъ. Не такъ кончилось все это на самомъ дѣлѣ. Архидамъ, дѣйствительно, явился въ Спартѣ; его окружали друзья Клеомена; но вмѣсто царскаго престола онъ нашелъ здѣсь смерть отъ руки убійцъ. Кто повиненъ въ

---

[1]) Павсанія (II, 9, 1) говоритъ, что Евридамидъ былъ отравленъ Клеоменомъ при посредствѣ ефоровъ. Извѣстіе въ высшей степени невѣроятное само по себѣ, потому что Евридамидъ былъ сынъ нѣжно любимой Клеоменомъ Агіатиды. Такъ какъ ни Плутархъ, ни даже Поливій не подтверждаютъ словъ Павсаніи, а самъ онъ — авторитетъ, не всегда непогрѣшительный, то мы совершенно отвергаемъ всякую вину Клеомена въ этомъ случаѣ. Повидимому, Павсанія смѣшалъ Евридамида съ Архидамомъ, о которомъ онъ молчитъ; кромѣ того, у Павсаніи есть тутъ и другія неточности. Онъ говоритъ, что по убіеніи Евридамида Клеоменъ передалъ царство своему брату Евклиду; но это случилось много позже, уже по смерти Архидама.

[2]) Οἰόμενος ἀμβλυτέραν τὴν τῶν ἐφόρων ἀρχὴν ἔσεσθαι τῆς βασιλείας ἰσορρόπου καὶ ὁλοκλήρου γενομένης. Plut., Cleom., 5.

этомъ новомъ злодѣйствѣ, запятнавшемъ еще разъ послѣдныя страницы спартанской исторіи? Кровь падала, повидимому, на Клеомена. Онъ вызвалъ Архидама изъ убѣжища, въ его присутствіи и его друзьями совершено злодѣяніе. Но кто были эти мнимые „друзья“ Клеомена? Мы знаемъ, что у Клеомена, кромѣ его учителя, не было искреннихъ друзей, съ которыми онъ могъ бы дѣлить всѣ свои мысли и чувства. Разъ отвергнутый, онъ не искалъ ихъ. Его друзья политическіе друзья, наслѣдованные еще отъ отца; между ними были лица, самымъ прямымъ образомъ замѣшанныя въ убійствѣ Агиса [1]). Клеоменъ былъ въ ложномъ и тяжеломъ положеніи предводителя, вовсе не сочувствующаго своей партіи, но обязаннаго дѣйствовать только чрезъ ея посредство, соединеннаго съ нею кровавыми семейными воспоминаніями. Для него братъ Агиса могъ сдѣлаться человѣкомъ роднымъ и близкимъ, какъ сдѣлалась ему родною и душевно близкою Агіатида. Онъ могъ разчитывать, что въ братѣ Агиса, какъ и въ бывшей женѣ послѣдняго, онъ найдетъ новаго и вполнѣ искренняго повѣреннаго своихъ тайныхъ замысловъ. Но чего могли ожидать отъ Архидама „друзья“ Клеомена? Чѣмъ дружелюбнѣе была встрѣча Клеомена и Архидама, тѣмъ сильнѣе была опасность для этихъ „друзей“, тѣмъ скорѣе могли въ нихъ пробудиться подозрѣнія. Архидамъ могъ потребовать отчета за пролитую кровь Ираклида, могъ возбудить и поднять народную толпу, сохранившую память о погибшемъ преобразователѣ [2]). Вотъ гдѣ причина смерти Архидама, вотъ гдѣ нужно искать ея виновниковъ. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, Клеоменъ былъ способенъ устроить низкую и подлую западню? И какую бы онъ могъ имѣть цѣль при этомъ? Для насъ остается темнымъ только одинъ пунктъ, только то, далъ ли Клеоменъ свое хотя вынужденное согласіе на смертъ Архидама, или нѣтъ. Уступилъ ли онъ представленіямъ, настояніямъ и угрозамъ окружающихъ его, или кровавое злодѣяніе было совершено вопреки его волѣ? Общественное мнѣніе въ самой Спартѣ извиняло Клеомена именно принужденіемъ со стороны его „друзей“ [3]). Пусть

---

[1]) Это прямо сказано у Плутарха, который пользуется Филархомъ: Οἱ δέ ἀνῃρηκότες πρότερον τὸν Ἄγιν.... εὐθὺς ἀπέκτειναν. Cleom., 5.

[2]) Φοβηθέντες μὴ δίκην δῶσιν τοῦ Ἀρχιδάμου κατελθόντος. Ibid.

[3]) Ἀπέκτειναν, εἴτε ἄκοντος τοῦ Κλεομένους, ὡς οἴεται Φύλαρχος, εἴτε πεισθέντος ὑπὸ τῶν φίλων καὶ προεμένου τὸν ἄνθρωπον αὐτοῖς. Τῆς γὰρ αἰτίας τὸ πλεῖστον ἐπ' ἐκείνους ἦλθε βεβιάσθαι τὸν Κλεομένη δοκοῦντας. Ibid. Cp. Comparatio Ag. et Cleom. cum Gracchis, 5: Ἀποθανόντος (Ἀρχιδάμου) τὸν φόνον οὐκ ἐπεξελθὼν ἐβεβαιωσε τὴν αἰτίαν καθ' αὑτοῦ τῆς ἀναιρέσεως

останется на немъ это все-таки тяжелое обвиненіе, что такъ или иначе онъ далъ свое согласіе; пусть онъ будетъ виноватъ и въ томъ, что убійцы остались безъ наказанія, но пусть же будетъ позволено выразить удивленіе и полную недовѣрчивость къ рѣзкому приговору Поливія: „Клеоменъ убилъ Архидама“ [1]). Нужно пожалѣть о печальномъ положеніи Спартанскаго царя, принужденнаго идти къ осуществленію своихъ плановъ, которые онъ считалъ спасительными для государства, объ руку съ тѣми людьми, которые были первыми врагами замышляемыхъ преобразованій. Какъ мало Клеоменъ могъ думать о наказаніи убійцъ Архидама, и какъ мало смерть Архидама подвигала впередъ его планы, въ какой степени зависѣлъ онъ отъ преобладающей олигархіи и какъ въ ней долженъ былъ искать опоры, — это оказалось сейчасъ же. Клеоменъ долженъ былъ задаривать деньгами ефоровъ и другихъ вліятельныхъ людей, чтобъ ему позволили что-нибудь сдѣлать для славы и защиты Спартанскаго государства. Его мать, Кратисиклея, уже немолодыхъ лѣтъ и не имѣя никакого расположенія къ браку, вышла однако замужъ за одного изъ самыхъ сильныхъ и знатныхъ гражданъ, по имени Мегистона, только для того, чтобы доставить политическую поддержку своему сыну, которой тотъ лишился въ Архидамѣ [2]).

Ефоры, смягченные подарками, позволили Клеомену снова начать военныя дѣйствія. Осенью того же 227 года явился онъ въ области Мегалополитанской, занялъ мѣстечко Левктры и остановился предъ самымъ Мегалополемъ на такъ-называемыхъ поляхъ Ладокійскихъ [3]). Ахэйцы поспѣшили на помощь подъ предводительствомъ своего стратига, которымъ все еще былъ Аратъ. Аратъ пришелъ, впрочемъ, не столько съ намѣреніемъ сражаться, сколько съ намѣреніемъ наблюдать за Клеоменомъ. Но Мегалополитанцы, которыхъ дѣло касалось

---

[1]) Polyb., V, 37 и VIII, 1.

[2]) Plut., Cleom., 6.

[3]) Плутархъ, Cleom., 6, называетъ мѣсто Λεῦκτρα, также у Θукидида (V, 54) и у Ксенофонта (Hellen., VI, 5, 24), только у Павсанія (VIII, 27, 4) Λεῦκτρον. Шпрунеръ въ своемъ атласѣ предпочелъ слѣдовать Павсанію (Leuctrum). Сраженіе происходитъ, однако, вблизи Мегалополя: Plut., Arat., 36 αὖθις τῶν Λακεδαιμονίων ἐπὶ Μεγάλην πόλιν στρατευσάντων. Поливій (II, 51, 3) точнѣе обозначаетъ мѣсто сраженія, въ которомъ палъ Лидіадъ ἐν τοῖς Λαδοκείοις καλουμένοις τῆς Μεγαλοπολίτιδος, то-есть, поля Ладокійскія или равнина Ладокійская на востокъ отъ Мегалополя по дорогѣ въ Тегею. См. Pausan., VIII, 44, 1; ср Thucyd., IV, 134 (гдѣ Λαοδίκιον). О Левктрахъ Curtius, Pelop., I, 293 и 336; о Ладокіи ib., 316 и 342.

гораздо ближе, требовали битвы; Клеоменъ, съ своей стороны, старался вызвать къ тому ахэйскаго полководца. Аратъ хотѣлъ держаться своей обыкновенной системы. На этотъ разъ онъ имѣлъ благовидный предлогъ избѣгать сраженія: спартанское войско было многочисленнѣе ахэйскаго. Случайно завязалась однако стычка между легковооруженными отрядами съ той и другой стороны. Ахэйцы одержали верхъ, прогнали спартанскіе отряды до самаго лагеря и начали уже грабить палатки. Чтобы довершить побѣду, слѣдовало ввести въ дѣло оплитовъ. Аратъ двинулся впередъ, но увидѣвъ, что мѣстность, изрѣзанная широкими рвами и усаженная виноградниками, неудобна для преслѣдованія врага и дѣйствій тяжеловооруженной пѣхоты, остановился, имѣя впереди себя глубокій ровъ. Но въ войскѣ находился пылкій Лидіадъ. Раздраженный излишнею, какъ онъ думалъ, осторожностію главнаго начальника, онъ самъ обратился къ конницѣ, призывая ее слѣдовать за собою и обвиняя Арата въ робости. Лидіадъ успѣлъ увлечь за собою большое количество всадниковъ, бросился на правое крыло непріятелей и обратилъ его въ полное бѣгство, но увлеченный въ пылу сраженія на мѣстность, вовсе неудобную для конницы, и не поддержанный пѣхотою, послѣ геройскаго сопротивленія самому Клеомену, палъ на мѣстѣ битвы, въ виду стѣнъ роднаго города [1]). Смерть Лидіада повела за собою разстройство и бѣгство конницы; конница въ свою очередь сообщила панику пѣхотѣ. Клеоменъ одержалъ полную побѣду. Ахэйцы бѣжали, обвиняя Арата въ трусости, даже въ намѣренной измѣнѣ, съ цѣлью погубить соперника его Лидіада. Послѣднее обвиненіе, очевидно, было лишено всякаго основанія. Аратъ дѣйствовалъ при Ладокіи точно также, какъ онъ дѣйствовалъ и въ другихъ случахъ.

Смерть Лидіада была, конечно, большою потерей для Ахэйскаго союза, хотя нельзя сказать, чтобъ Ахэйцы вполнѣ оцѣнили Лидіада при жизни. Отказавшись отъ самолюбивыхъ заблужденій своей юности и убѣдившись, что путемъ тиранніи нельзя привести своего отечества къ счастію и благоденствію, Лидіадъ съ благороднымъ самопожертвованіемъ отрекся отъ своей власти, искренно призналъ превосходство началъ, представителемъ которыхъ былъ его противникъ, и до конца своей жизни остался вѣрнымъ и преданнымъ слугою союза, не смотря на всѣ неудовольствія и оскорбленія. Его военное мужество давало ему несомнѣнное право стоять во главѣ ахэйскихъ войскъ, и быть

[1]) Ἐπὶ θύραις τῆς πατρίδος, Arat., 37. О ходѣ сраженія ср. Cleom., 6.

можетъ, было бы гораздо лучше для Ахэйцевъ, еслибъ ихъ государственное устройство допускало раздѣленіе властей военной и гражданской въ лицѣ высшихъ представителей союзнаго правительства, если бы возможно было помирить соперничество двухъ такихъ лицъ, какъ Аратъ и Лидіадъ, предоставленіемъ каждому изъ нихъ той сферы дѣятельности, къ которой каждый былъ болѣе способенъ. Никто лучше Арата не умѣлъ руководить дипломатическими и политическими дѣлами союза; но если бы нужно было вести ахэйскія войска къ побѣдѣ, если бы нужно было охранять честь и славу союза, то здѣсь былъ бы болѣе на мѣстѣ Лидіадъ, чѣмъ сынъ Клиніи. Врагъ и побѣдитель Лидіада, Клеоменъ, доказалъ, что онъ вполнѣ достоинъ своей побѣды и умѣетъ цѣнить доблесть и мужество даже въ своихъ противникахъ. Съ царскими почестями, въ пурпурѣ и съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ отправленъ былъ Клеоменомъ трупъ Лидіада въ его родной Мегалополь [1]).

Пораженіе на поляхъ Ладокійскихъ не имѣло другихъ непосредственно гибельныхъ слѣдствій для Ахэйскаго союза. Клеоменъ все-таки воротился въ Спарту, не взявъ Мегалополя, не отторгнувъ ни одного города отъ федераціи. За то послѣ этой побѣды онъ вполнѣ убѣдился въ своей силѣ, въ возможности полнаго и рѣшительнаго торжества надъ Ахэйцами, если только дома, въ Спартѣ, его не будутъ стѣснять и останавливать. Но онъ уже рѣшилъ сломить эти остановки и препятствія.

Вслѣдъ за пораженіемъ Ахэйцы держали сеймъ въ Эгіонѣ (обычное осеннее собраніе 227 года). Едва-ли когда сходились они съ болѣе глубокимъ чувствомъ неудовольствія и негодованія противъ своего президента. Горько пришлось имъ раскаяться въ томъ, что на послѣднихъ выборахъ они предпочли смѣлому и рѣшительному Лидіаду своего осторожнаго политика. Чувство недовольства выразилось въ странномъ постановленіи. Сеймъ рѣшилъ, что Аратъ лишается народнаго довѣрія; ему не будетъ отпускаемо денегъ изъ союзнаго казначейства на военныя издержки и на содержаніе наемныхъ войскъ; если онъ хочетъ воевать, то пусть дѣлаетъ это на свой счетъ [2]). Такое рѣшеніе походитъ на иронію и насмѣшку. Иронія и насмѣшка были бы вполнѣ неумѣстны въ такомъ серіозномъ дѣлѣ, и конечно, на самомъ дѣлѣ не было ни той, ни другой. Мы знаемъ, что Аратъ еще прежде

[1]) Plut., Cleom., 6.

[2]) Συνελθόντες (Ἀχαιοὶ εἰς Αἴγιον) ἐψηφίσαντο μὴ διδόναι χρήματα αὐτῷ μηδὲ μισθοφόρους τρέφειν, ἀλλ'αὐτῷ πορίζειν, εἰ δέοιτο πολεμεῖν. Arat., 37 въ концѣ.

былъ въ состояніи дѣйствовать на свои средства и на свой страхъ; на свои средства освободилъ онъ Сикіонъ и Коринѳъ. Въ настоящее время онъ располагалъ еще бо́льшими средствами, чѣмъ прежде. Отъ царя Египетскаго онъ лично получалъ значительную сумму денегъ каждый годъ. Пользуясь этимъ источникомъ, онъ въ самомъ дѣлѣ могъ вести съ цѣлою Спартой войну въ своемъ вкусѣ, войну ночныхъ захватовъ, нечаянныхъ нападеній и хитрыхъ уловокъ. Такая война могла быть даже выгодна для союза и во всякомъ случаѣ не подвергала бы его безчестію и позору; непріятель не имѣлъ бы права ставить трофеевъ, провозглашающихъ на всю Грецію униженіе Ахэйскаго союза. Аратъ, очевидно, не дорожилъ военною честію; для него были дороги только практическіе результаты, которые достигались его привычнымъ путемъ вѣрнѣе, легче и безопаснѣе, чѣмъ побѣдами въ открытомъ полѣ, часто остающимися безъ всякихъ послѣдствій. Аратъ думалъ, что побѣда, которая не открываетъ воротъ того или другаго города, не покоряетъ городскихъ стѣнъ и укрѣпленій, не имѣетъ большой цѣны; онъ не чувствовалъ въ себѣ той гордости, которая требуетъ, чтобы врагъ, вступившій на отечественную территорію, былъ встрѣченъ согласно съ предписаніями военной чести, то-есть, лицомъ къ лицу, чтобы сила была отражена силой. И вотъ, ахейскій сеймъ рѣшилъ: пусть же Аратъ дѣйствуетъ такимъ образомъ отъ своего лица, а не отъ имени Ахэйскаго союза, унижаемаго въ чувствѣ своей государственной и народной чести побѣдами Клеомена надъ его президентомъ. Нужно, однако, замѣтить, что своимъ постановленіемъ Ахэйцы вступали на скользкій путь, создавая частному лицу какое-то особенное положеніе въ государствѣ, допуская право частной войны. Все это было дѣло обычное и привычное для Этолійскихъ ландскнехтовъ; но не годилось искать тамъ примѣровъ разумнымъ Ахэйцамъ. Самъ Аратъ былъ очень чувствительно пораженъ постановленіемъ сейма, которое онъ могъ принять за прямое выраженіе недовѣрія. Первымъ его побужденіемъ было сейчасъ же сложить съ себя должность стратига и отдать въ распоряженіе сейма государственную печать: пусть сеймъ отдастъ ее тому, кто болѣе достоинъ, пусть ведутъ дѣла тѣ, кто критикуетъ образъ его дѣйствій, и пусть они окажутъ болѣе услугъ отечеству. Арату предлагаютъ дѣйствовать отъ себя лично; но оставаясь президентомъ, онъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ отъ имени союза, и потому слагаетъ съ себя стратигію. По зрѣломъ размышленіи Аратъ рѣшился однако остаться въ должности до конца своего года, до слѣдующей весны, когда, согласно

съ конституціей, должны были послѣдовать новые выборы. Дѣлая такую уступку, онъ за то выражалъ твердое намѣреніе не вступать болѣе въ должность президента, не искать ея и рѣшительно отказаться, если она черезъ годъ будетъ ему, по обыкновенію, предложена [1]).

Въ томъ же еще году, то-есть, прежде окончанія своей стратигіи, Аратъ снова является на военномъ полѣ, и не видно, чтобъ онъ дѣйствовалъ только отъ своего имени. По всей вѣроятности, раздраженіе противъ него продолжалось недолго, и Ахэйцы снова примирились съ своимъ старымъ руководителемъ. Походъ былъ направленъ противъ Орхомена. Отрѣзанный послѣ взятія Мантинеи отъ прямаго сообщенія со Спартой, Орхоменъ рано или поздно долженъ былъ попасть въ руки Арата. На этотъ разъ попытка ахэйскаго стратига не достигла впрочемъ цѣли; Орхоменъ не былъ взятъ; но за то Аратъ одержалъ верхъ надъ спартанскими войсками, посланными для защиты города подъ предводительствомъ Мегистона, отчима царю Спартанскому. Сраженіе, какъ видно, было довольно упорное: 300 человѣкъ было убито со стороны Спартанцевъ, и самъ Мегистонъ взятъ въ плѣнъ [2]). Успѣхъ этотъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ обильной событіями десятой стратигіи Арата. Впечатлѣніе, которое оставило за собою Ладокійское дѣло, было почти вполнѣ изглажено, какъ скоро Аратъ доказалъ, что и въ открытомъ сраженіи онъ можетъ побѣждать враговъ союза. Въ слѣдующемъ (226 году) былъ избранъ въ стратиги Иперватъ [3]): имя, до сихъ поръ не встрѣчавшееся въ исто-

---

[1]) Plut., Arat, 38 въ началѣ. Οὕτω προπηλακισθεὶς ἐβουλεύσατο μὲν εὐθὺς ἀποθέσθαι τὴν σφραγῖδα καὶ τὴν στρατηγίαν ἀφεῖναι, λογισμῷ δὲ χρησάμενος τότε μὲν ὑπέμεινε.... Εἰωθὼς δὲ στρατηγεῖν παρ'ἐνιαυτόν, ὡς ἡ τάξις αὐτῷ περιῆλθε, καλούμενος ἐξωμόσατο, καὶ Τιμόξενος ᾑρέθη στρατηγός Все это очень ясно: Аратъ остался въ должности; на слѣдующій годъ былъ избранъ другой, и черезъ годъ, когда онъ (Аратъ) могъ быть снова избранъ, онъ отказался, а вмѣсто его избрали Тимоксена. Но при этомъ отказѣ были уже другія причины, о которыхъ ниже говоритъ самъ Плутархъ. Нѣкоторая сбивчивость происходитъ только отъ того, что Плутархъ, сказавъ объ избраніи Тимоксена на мѣсто Арата, тутъ же пускается въ объясненіе причинъ, по которымъ отказался Аратъ, и начинаетъ говорить о событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ отказу, а потомъ снова обращается назадъ, къ стратигіи Ипервата (въ началѣ 39-й главы).

[2]) Plut., Arat., 38. Мегистонъ послѣ однако является въ Спартѣ совѣтникомъ Клеомена.

[3]) Plut., Cleom., 14. Ἐστρατήγει μὲν Ὑπερβατᾶς τότε, τοῦ δὲ Ἀράτου τὸ πᾶν ἦν κράτος ἐν τοῖς Ἀχαιοῖς. это относится къ первому походу, который Клеоменъ предпринялъ вслѣдъ за своею революціей въ Спартѣ.

рш союза. Причиной устраненія Аристомаха могла быть его ссора съ Аратомъ при походѣ въ Лаконику. Какъ бы то ни было, уже вслѣдствіе того, что стратигомъ былъ человѣкъ новый и не пользовавшійся особеннымъ личнымъ значеніемъ, вліяніе Арата не только не ослабѣло, но еще болѣе увеличилось.

Клеоменъ воротился въ Спарту изъ-подъ Мегалополя съ твердымъ намѣреніемъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы доставить себѣ свободу и просторъ дѣйствій и чтобъ устранить препятствія, стоявшія на пути къ достиженію его цѣли. Онъ могъ наконецъ приступить къ исполненію того, чѣмъ были заняты его мечты въ юности, о чемъ онъ думалъ подъ вліяніемъ первыхъ уроковъ стоической философіи, что составляло предметъ его бесѣды съ нѣжно любимою женой, для чего онъ безропотно переносилъ всѣ огорченія со стороны ефоровъ, къ чему онъ стремился въ продолженіе десяти лѣтъ. Теперь онъ могъ разчитывать на преданное ему войско и главнымъ образомъ на отряды наемные. Не связанныя со Спартой своимъ происхожденіемъ, не имѣя того суевѣрнаго благоговѣнія къ ея вѣковымъ учрежденіямъ, которое все еще было нечуждо истымъ Спартіатамъ, привязанныя исключительно къ своему вождю, который раздѣлялъ съ ними всѣ труды и опасности, наемныя войска не задумаются теперь исполнить волю Клеомена, низвергнуть ефоратъ и доставить своему предводителю власть неограниченную. Клеоменъ, который умѣлъ ихъ водить къ побѣдамъ, могъ имъ обѣщать въ будущемъ славу, добычу и принятіе въ число гражданъ возрожденной Спарты. Низвергнувъ, при помощи наемныхъ войскъ, малочисленную олигархію, державшуюся старыми преданіями, царь Спартанскій легко могъ бы найдти себѣ опору во всемъ населеніи Лаконики, въ періэкахъ, до сихъ поръ остававшихся безправными въ государствѣ Спартіатовъ; онъ могъ бы основать новую монархію на болѣе прочныхъ и широкихъ началахъ. Но не таковы были планы Клеомена: они были и уже, и обширнѣе въ одно и то же время. Онъ въ свою очередь думалъ стоять на той же самой почвѣ историческихъ преданій. Онъ мечталъ о доблестной и воинственной Спартѣ, которая стояла нѣкогда такъ высоко, во главѣ всей Еллады. Онъ хотѣлъ снова вызвать на свѣтъ этотъ суровый орденъ Спартіатовъ съ его непреклонною дисциплиной, съ отреченіемъ отъ человѣческихъ чувствъ, похожихъ на слабость или состраданіе, съ презрѣніемъ къ земнымъ наслажденіямъ, которыя даются богатствомъ и деньгами. Нельзя было на этихъ началахъ построить государство изъ людей, занимавшихся земледѣліемъ и тор-

говлей, каковы были жители Лаконики. Изъ ихъ среды можно будетъ взять матеріалъ для образованія новаго сословія, но сами они останутся внѣ военнаго государства. Между немногими Спартіатами, которые унижаютъ теперь это имя и славныя воспоминанія, съ нимъ связанныя, не-спартанскимъ образомъ жизни, между храбрѣйшими изъ иностранцевъ, служившихъ въ наемномъ войскѣ, между лучшими юношами изъ зажиточнаго сословія періиковъ будетъ раздѣлено поземельное имущество въ долинѣ Еврота, находящееся теперь въ рукахъ олигархіи. Раздѣлено будетъ оно на основаніи полнаго равенства, и такимъ образомъ изгнаны будутъ изъ Спартанскаго государства двѣ язвы, его разъѣдающія, — богатство и бѣдность. Надѣленное землей и рабами, которые будутъ ее обработывать, свободное отъ всякихъ заботъ и трудовъ, новое сословіе Спартіатовъ будетъ имѣть полную возможность посвятить себя военнымъ занятіямъ и жить вполнѣ по уставамъ Ликурга. Два царя будутъ, согласно съ преданіями Спарты, стоять во главѣ этого сословія; совѣтъ старѣйшинъ (γερουσία) и общее собраніе всѣхъ Спартіатовъ будутъ раздѣлять власть государственную съ царями, представляя элементы аристократическій и демократическій. Ефоратъ будетъ навсегда уничтоженъ не только потому, что на практикѣ онъ оказался противникомъ царской власти и врагомъ всякихъ преобразованій, врагомъ Агиса и Клеомена, но и по причинѣ болѣе важной и глубокой — потому что власть ефоровъ противорѣчитъ идеѣ равновѣсія властей, которая лежала въ основѣ истиннаго Ликурговскаго устройства Спарты.

Будучи повтореніемъ преобразовательной попытки Агиса, планъ Клеомена однако представляетъ глубокія и существенныя отличія отъ не сбывшихся намѣреній перваго реформатора. Болѣе смѣлый умъ и рѣшительный характеръ Клеомена избираетъ такой путь и такія орудія для достиженія цѣли, предъ которыми Агисъ отступилъ бы назадъ. Клеоменъ понялъ, вопервыхъ, что соціальная революція, имъ задуманная, не можетъ быть совершена безъ политическаго переворота, и тѣмъ съ большею готовностью усвоилъ идеи стоической политики, что онѣ теоретически вполнѣ оправдывали этотъ переворотъ; вовторыхъ, Клеоменъ не останавливается предъ такимъ сомнительнымъ и опаснымъ орудіемъ, какъ наемныя войска, которыя, разъ испытавъ свои силы, легко могли не удовольствоваться однимъ опытомъ. Царь Спартанскій рѣшается прибѣгнуть къ чуждой силѣ и даже надѣется превратить этихъ чуждыхъ людей въ полезныхъ и покорныхъ гражданъ Спарты. Наконецъ, какъ мы старались это представить выше, основ-

ной мотивъ стремленій Клеомена, сообразно его характеру, его энергіи и геропческой натурѣ, совсѣмъ иной, чѣмъ идеалы Агиса. Возрожденная Спарта рисовалась воображенію Клеомена въ иномъ видѣ, чѣмъ ее представлялъ себѣ его предшественникъ. Соціальная реформа для Агиса была послѣднею и окончательною цѣлью. Кроткій, нѣсколько мечтательный, но вполнѣ благородный юноша, предшественникъ Клеомена считалъ вполнѣ достаточнымъ для своей славы, если ему удастся водворить въ Спартѣ равенство имуществъ и строгую простоту жизни; это, по его мнѣнію, уже давало бы ему право на имя великаго царя [1]). Мирною славой преобразователя, или какъ онъ самъ думалъ, только возстановителя Ликурговской Спарты Клеоменъ вовсе не предполагалъ ограничиться. Борьба съ Ахэйскимъ союзомъ первоначально была для него только средствомъ къ пріобрѣтенію популярности и къ образованію преданной себѣ арміи, что̀ было необходимо для сверженія ефоровъ. Но во время этой борьбы Клеоменъ много выросъ и пришелъ къ полному сознанію своихъ талантовъ, своихъ силъ и способностей. Ужели Спарта Ликурга будетъ возстановлена только для того, чтобъ оставаться при своей скромной и смиренной роли въ виду развивающейся и распространяющейся Ахэйской федераціи? Ужели царь Спартанскій, потомокъ Геркулеса и столькихъ героевъ, уступитъ первенство сыну простаго Спкіонскаго гражданина? Ужели герой, съ которымъ Аратъ боится даже встрѣчи, оставитъ своему презираемому противнику славу предводителя греческихъ силъ на полуостровѣ? Нѣтъ, Спарта будетъ возстановлена во всей своей древней славѣ и во всемъ величіи. Царь Спартанскій будетъ стоять во главѣ чисто-греческихъ силъ, какъ это было во время національной борьбы съ Персами. Ахэйцы и другія племена полуострова должны признать историческія права Спарты на безусловную игемонію въ Пелопоннисѣ; „пробужденная“ и возрожденная, воинственная Спарта сдѣлается первою силой въ Греціи, представительницею еллинской національности, ея защитницей противъ полуварварскихъ Македонянъ; она станетъ во главѣ Еллады, ей будетъ принадлежать игемонія надъ всѣми греческими государствами [2]).

Клеоменъ развилъ свои мысли и свои надежды своимъ приближен-

---

[1]) Ἐὰν... ἰσότητα καὶ κοινωνίαν καταστήσῃ τοῖς πολίταις, ὄνομα καὶ δόξαν ὡς ἀληθῶς βασιλέως μεγάλου κτησόμενος... Plut , Ag., 7

[2]) Ἐδίδασκε. .. Μεγιστόνουν, ὡς χρὴ τῶν ἐφόρων ἀπαλλαγέντας εἰς μέσον θεῖναι τὰ κτήματα καὶ τὴν Σπάρτην ἴσην γενομένην ἐγείρειν καὶ προάγειν ἐπὶ τὴν τῆς Ἑλλάδος ἡγεμονίαν Plut., Cleom., 7.

нымъ, между которыми самымъ важнымъ лицомъ былъ его новый родственникъ Мегистонъ, освобожденный изъ плѣна выкупомъ или обмѣномъ; сверхъ того два или три человѣка — не болѣе — были посвящены Клеоменомъ въ его намѣренія. Этихъ повѣренныхъ онъ избралъ между своими старыми друзьями [1]). То, что̀ услышали они отъ сына Леонидова, было для нихъ, вѣроятно, большою неожиданностію Но Клеомену нетрудно было увлечь ихъ за собою. Въ спартанской олигархіи не умерли преданія о древней славѣ отечества· съ Клеоменомъ во главѣ можно было всего достигнуть, и не пустою мечтой представлялись его слова о господствѣ въ Греціи.

Клеоменъ отправился въ походъ противъ Ахэйскаго союза, взявъ съ собою тѣхъ гражданъ, отъ которыхъ можно было ожидать самаго сильнаго сопротивленія замышляемому перевороту. Онъ захватилъ два города, принадлежавшіе къ союзу, Ирэю и Алсэю, подалъ помощь Орхомену, которому угрожалъ Аратъ, расположился лагеремъ подъ Мантинеей, снова снялся съ мѣста и наконецъ большими переходами и длинными маршами до того утомилъ и измучилъ Спартанцевъ, что многіе изъ нихъ стали просить его, чтобъ онъ оставилъ ихъ для отдыха въ Аркадіи. Именно этого и хотѣлъ Клеоменъ. Съ наемными войсками отправился онъ къ Спартѣ; дорогой онъ уже не скрывалъ своего намѣренія отъ тѣхъ, на кого можно было разчитывать съ нѣкоторою вѣроятностію. Приблизившись къ городу, Клеоменъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, по имени Евриклида, впередъ. Онъ долженъ былъ явиться предъ ефорами въ то время, какъ они всѣ вмѣстѣ отправляли церемонію публичнаго общаго обѣда. За Евриклидомъ слѣдовали еще четыре преданные человѣка съ вооруженнымъ отрядомъ. Евриклидъ явился предъ ефорами какъ будто съ извѣстіями изъ войска; когда они съ нимъ вступили въ разговоръ, на нихъ бросились вооруженные люди, слѣдовавшіе сзади. Четыре ефора были убиты на мѣстѣ, а пятый успѣлъ ускользнуть и нашелъ себѣ убѣжище въ одномъ священномъ мѣстѣ. Погибло еще десять человѣкъ, прибѣжавшихъ на помощь къ ефорамъ. Этимъ ограничилось кровопролитіе: кто остался спокойнымъ, того не трогали, кто спѣшилъ удалиться изъ города, того не останавливали. Агилэй, пятый ефоръ, вышедшій изъ своего убѣжища на слѣдующій день, также былъ пощаженъ [2]). Немедленно вслѣдъ за тѣмъ Клеоменъ явился

---

[1]) Δύο τῶν ἄλλων φίλων ἢ τρεῖς προσέλαβεν. Ibid.

[2]) Plut , Cleom., 7, 8.

въ Спарту. Утромъ на слѣдующій день онъ сдѣлалъ распоряженія, которыя считалъ необходимыми для довершенія переворота. Восемьдесятъ человѣкъ подверглись временному изгнанію. Кресла ефоровъ были вынесены изъ публичныхъ мѣстъ въ знакъ того, что эта должность совершенно уничтожается. Оставлено было только одно кресло, которое теперь долженъ былъ занимать самъ царь. Онъ самъ будетъ исправлять тѣ обязанности, которыя лежали доселѣ на ефорахъ. Вслѣдъ за тѣмъ было созвано вѣче; Клеоменъ хотѣлъ объяснить и оправдать то, что было насильственнаго и кроваваго въ его поступкѣ. „Ефоратъ, говорилъ онъ, не есть какое-нибудь священное учрежденіе. Онъ не ведетъ своего происхожденія отъ божественнаго Ликурга. Власть, которую присвоили себѣ ефоры, не что иное, какъ узурпація. Во время Мессинскихъ войнъ тогдашніе цари Спарты, вслѣдствіе долгаго отсутствія, не имѣли возможности отправлять судейскихъ обязанностей: для этого они назначили вмѣсто себя нѣсколько человѣкъ. Первоначально ефоры были, слѣдовательно, не болѣе какъ намѣстниками, слугами царскими. Только въ послѣдствіи незамѣтно и мало по малу пріобрѣли они самостоятельное значеніе. Но и до сихъ поръ обычай сохранилъ указаніе на подчиненіе ефората царской власти. Когда цари требуютъ къ себѣ ефоровъ, ефоры могутъ отказаться въ первый и во второй разъ, но по третьему зову обязаны явиться. Лучше бы было, еслибъ ефоратъ оставался въ первоначально указанныхъ ему предѣлахъ. Съ нимъ внесено совершенно чуждое и постороннее начало въ древній государственный порядокъ Спарты, съ его усиленіемъ подавлена и почти уничтожена власть царская, которая составляла основной пунктъ этого устройства. Дѣло дошло до того, что ефоры стали изгонять царей, убивать ихъ безъ суда. Ефоры главнымъ образомъ препятствовали возстановленію совершеннѣйшаго и божественнѣйшаго устройства, которое нѣкогда существовало въ Спартѣ. Они погибли, потому что иначе нельзя было достигнуть этой святой цѣли. Я считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ царей, если бы могъ безъ всякаго насилія и боли, какъ врачъ, исцѣлить болѣзни отечества, изгнать постороннюю заразу, внесенную въ его организмъ, вмѣстѣ съ роскошью и изнѣженностію, долговыми обязательствами и ростовщичествомъ и двумя старыми язвами — богатствомъ и бѣдностію. Но необходимость извиняетъ насиліе. Я могу сослаться на примѣръ Ликурга. Онъ, будучи частнымъ человѣкомъ, присвоилъ себѣ власть, которая принадлежала только царю; вооруженный явился онъ на площади и только страхомъ заставилъ царя принять участіе въ

преобразованіи государства. Безъ страха и насилія трудно измѣнить установившійся порядокъ, и я воспользовался этими средствами самымъ умѣреннымъ образомъ; я устранилъ только тѣхъ, кто мѣшалъ спасенію государства“ [1]).

Такъ говорилъ Клеоменъ, высказывая въ своей рѣчи такой взглядъ на государственное устройство своего отечества и такія свѣдѣнія въ его исторіи, какія до сихъ поръ не были въ ходу, не встрѣчаются въ дошедшихъ до насъ источникахъ и заимствованы, безъ сомнѣнія, изъ философско-историческихъ сочиненій и уроковъ Сфэра Борисѳенскаго. Вслѣдъ за тѣмъ Клеоменъ предложилъ передѣлъ поземельной собственности и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ. Точно такъ же, какъ прежде, при Агисѣ, самъ царь первый подалъ примѣръ отреченія отъ своего имущества; за нимъ послѣдовали сначала его друзья и родные, затѣмъ и прочіе граждане. Вновь образованные поземельные участки розданы были отчасти періэкамъ, отчасти иностранцамъ, жившимъ въ Спартѣ, и главнымъ образомъ тѣмъ, которые служили въ наемномъ войскѣ [2]). Между прочимъ не лишены были своихъ правъ и тѣ 80 человѣкъ, которые бѣжали изъ отечества, устрашенные кровавымъ началомъ переворота; для нихъ, какъ и для другихъ Спартіатовъ, была оставлена обыкновенная доля поземельнаго имущества; Клеоменъ обѣщалъ позаботиться объ ихъ возвращеніи, какъ скоро все придетъ въ порядокъ и успокоится [3]). Послѣ того какъ введено было равенство имуществъ, нужно было позаботиться и о равенствѣ въ образѣ жизни: въ этомъ отношеніи слѣдовало только возстановить дѣйствительно существовавшія старо-спартанскія учрежденія. Подъ руководствомъ и указаніями Сфэра, хорошо знакомаго съ древностями Спарты, это было сдѣлано: вновь введены сисситіи и Ликурговская система воспитанія юношества. Такъ какъ двоецарствіе составляло также существенную принадлежность спартанскаго государственнаго устройства, то при возстановленіи Ликурговскаго порядка нельзя было обойдтись безъ назначенія другаго царя. Клеоменъ

---

[1]) Plut., Cleom., 10

[2]) Plut., Cleom., 11 Что въ числѣ иностранцевъ, получившихъ права гражданства, были не одни наемники, видно уже изъ замѣчанія Плутарха, сдѣланнаго мимоходомъ въ другомъ мѣстѣ (Arat., 16). Тамъ сказано, что Клеоменъ *многимъ метикамъ* далъ гражданскія права πολλοὺς τῶν μετοίκων ἐμβαλὼν εἰς τὴν πολιτείαν): извѣстный смыслъ этого наименованія не позволяетъ смѣшивать ихъ съ наемниками (οἱ ξένοι)

[3]) Plut., Cleom , 11.

возвелъ на престолъ Еврипонтидовъ своего собственнаго брата Евклида, хотя отъ Архидама остались дѣти и родственники. Легко понять, что это было сдѣлано по необходимости; послѣ трагической смерти Агиса и его брата Архидама нельзя было думать о возведеніи на престолъ дѣтей послѣдняго, на ихъ собственную погибель [1]). Притомъ въ настоящее время они находились, вѣроятно, внѣ Спарты, въ изгнаніи.

Все это совершилось легко и скоро, въ видѣ небольшаго эпизода или перерыва въ постоянной войнѣ Клеомена съ Ахэйскимъ союзомъ. Но неисчислимыя послѣдствія и для Ахэйскаго союза, и для всей Греціи долженъ былъ имѣть этотъ кратковременный эпизодъ пребыванія Клеомена въ Спартѣ. Важно не то, что вслѣдствіе реформы число Спартіатовъ, число вооруженныхъ гражданъ въ войскѣ Клеомена увеличилось на четыре тысячи [2]), не такъ важно даже и то, что теперь смѣлая энергія царя Спартанскаго уже не будетъ болѣе стѣсняема ревнивымъ и завистливымъ наблюденіемъ ефоровъ, и что онъ получилъ возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно [3]). Гораздо важнѣе было впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на массу Пелопоннисскаго населенія спартанскій переворотъ, сопровождавшійся передѣломъ поземельной собственности. Въ то же самое лѣто или осень 226 года, когда произошла спартанская революція, Клеоменъ снова явился въ области Мегалополитанской и страшно опустошилъ ее [4]). Тогда же послѣдовало и первое проявленіе новыхъ симпатій къ Клеомену. Жители Мантинеи добровольно призвали къ себѣ спартанскаго реформатора и помогли выгнать ахэйскій гарнизонъ, избивъ часть его [5]).

---

[1]) Plut., Cleom , 11. Что послѣ Архидама остались дѣти, это говоритъ Поливій, IV, 35 Клеоменъ, какъ видно, вообще старался придать себѣ видъ возстановителя стараго спартанскаго порядка; уничтоженіе должности ефоровъ онъ оправдывалъ тѣмъ, что она не есть Ликурговское учрежденіе; онъ возстановляетъ двоевластіе, тогда какъ могъ оставаться царемъ и одинъ. Страннымъ послѣ этого кажется извѣстіе Павсаніи (II, 9, 1), что Клеоменъ уничтожилъ герусію, несомнѣнно Ликурговское учрежденіе, и вмѣсто нея ввелъ патрономовъ. На Павсанію вовсе нельзя полагаться; но такъ какъ патрономы дѣйствительно были послѣ (Schömann, Gr. Alterth., I, 305 и Proleg. ad v Ag. et Cleom., p. LII), то слѣдуетъ думать, что они замѣнили собою ефоровъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ, входившихъ въ кругъ обязанностей ефората.

[2]) Plut., Cleom., 11.

[3]) Plut , Arat., 38: Οὐκέθ' ὡς πρότερον ἀτρέμα καὶ σχέδην τοῦ Κλεομένους ἐπιβαίνοντος οὐδ 'εμπλεκομένου ταῖς πολιτικαῖς ἀρχαῖς

[4]) Plut., Cleom., 12.

[5]) Plut., Cleom., 14, Arat., 32, въ началѣ., Polyb., II, 58. Послѣднюю подроб-

Борьба Ахэйскаго союза съ царемъ Спартанскимъ принимала новый видъ; она становилась гораздо болѣе опасною, чѣмъ казалась и была сначала. Если Аратъ и Ахэйцы думали, что революція надолго отвлечетъ Клеомена и ослабитъ его силы; если они думали, что Клеоменъ не осмѣлится сейчасъ же возобновить борьбу со внѣшними врагами, оставивъ позади себя неустановившійся порядокъ дома, броженіе и раздраженіе умовъ, сопровождающія всякій переворотъ; если они дѣйствительно питали такія мысли, какія имъ приписываются [1]), то они жестоко ошибались и скоро должны были убѣдиться въ противномъ. Силы олигархіи оказались ничтожными; удаливъ главныхъ ея представителей, Клеоменъ могъ спокойно оставить Спарту, въ полной увѣренности, что доколѣ внѣшнія его дѣйствія будутъ идти благопріятно, — не послѣдуетъ отсюда никакихъ затрудненій. На свою армію онъ могъ вполнѣ разчитывать. Главную силу ея составляли теперь не наемники, но свободные граждане Спарты, тѣмъ болѣе преданные новому порядку, что именно ему они были обязаны своимъ возвышеніемъ въ сословіе Спартіатовъ. Это войско было несравненно лучше вооружено, чѣмъ ахэйская милиція и наемники союза, содержимые на золото Птолемэевъ. Клеоменъ не боялся измѣнить освященной вѣками старинѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было нужно для его цѣлей: вмѣсто стариннаго короткаго копья (12 ф.), которое до сихъ поръ употреблялось въ Пелопоннисѣ, онъ далъ своимъ воинамъ длинную македонскую сариссу (21 — 24 фута), прославленную за сто лѣтъ предъ тѣмъ завоеваніемъ Востока; онъ научилъ своихъ Спартіатовъ болѣе свободному обращенію съ оборонительнымъ оружіемъ (со щитами), такъ что они могли держать копье въ обѣихъ рукахъ. Но гораздо важнѣе была другая перемѣна: появленіе новаго духа въ войскѣ Клеомена. Строгая дисциплина и суровая простота, примѣръ которой подавалъ самъ царь, должны были отличать послѣдователей Ликурга отъ всякаго другаго обыкновеннаго войска. За ними не шло цѣлой толпы мимовъ и фокусниковъ, танцовщицъ и флейщицъ, какъ это водилось теперь въ другихъ арміяхъ. Для самого царя здѣсь не было изысканныхъ (подвижныхъ) кроватей и мягкихъ носилокъ, по

ность сообщаетъ одинъ Поливій. Плутархъ вслѣдъ за переходомъ Мантинеи говоритъ о сраженіи при Екатомвэонѣ, но раздѣляетъ эти два событія хронологическою замѣткой. ὀλίγῳ ὕστερον, что у него, какъ мы уже замѣчали однажды, не всегда означаетъ непосредственную близость двухъ событій, а скорѣе то, что между ними былъ извѣстный промежутокъ.

[1]) Плутархомъ: см. Cleom., 12, въ началѣ.

греческому воззрѣнію, приличныхъ только больнымъ да женщинамъ, и запмствованныхъ македонскими династами въ изнѣженной Азіи. Ни толпы прислужниковъ, ни многочисленной свиты придворныхъ не было при Клеоменѣ; никогда не видали на немъ ни порфиры, ни тяжелой и мягкой хлэны. Въ простомъ плащѣ встрѣчалъ онъ весело и дружелюбно всякаго, кто имѣлъ въ немъ нужду, и велъ переговоры безъ посредства какихъ-либо секретарей; съ лаконскою простотой, смягчаемою только радушіемъ и снисходительностію царя, угощаемы были послы и гости, посѣщавшіе военный лагерь. За столомъ не было ни музыки, ни пѣнія; веселая и умѣренно-шутливая бесѣда была при этомъ лучшею приправой. Скромная простота, которою окруженъ былъ Клеоменъ, ни сколько не вредила однако тому обаянію, которое еще осталось за титуломъ царя Спартанскаго, напротивъ того, традиціонное и полу-религіозное чувство уваженія къ Ираклидамъ превращалось въ глубокую любовь и преданность во всякомъ, кто имѣлъ случай ближе познакомиться съ Клеоменомъ [1]). Такое впечатлѣніе производила его личность даже на республикански воспитанныя массы греческаго народа; царь Спартанскій казался имъ, можно сказать, лучшею республикой, чѣмъ Ахэйскій республиканскій союзъ. Аратъ могъ называть Клеомена тиранномъ и имѣлъ полное право осуждать средства и цѣли переворота, совершеннаго въ Спартѣ. Но если Аратовы друзья и приверженцы, зажиточные и вліятельные граждане союза, слѣдившіе внимательно за ходомъ дѣлъ въ Спартѣ, думали сначала ограничиться презрительнымъ смѣхомъ надъ „новымъ Ликургомъ“, „новымъ Солономъ“ [2]), то они скоро должны были понять, что имъ не время смѣяться. Ихъ презрѣніе скоро превратилось въ страхъ и ненависть. Они должны были вспомнить, что они чувствовали, когда царь Агисъ IV шелъ на помощь союзу, и что они замѣчали въ населеніи большихъ городовъ, когда тамъ являлся тихій и скромный союзникъ. Переходъ Мантинеи на сторону Клеомена не предвѣщалъ ничего хорошаго. Въ низшихъ слояхъ неимущей массы, по близости къ Спартѣ, уже теперь начиналось глухое броженіе, грозившее большими опасностями.

Всѣхъ скорѣе и всѣхъ лучше долженъ былъ понять всю глубину опасности, которая явилась послѣ переворота, совершившагося въ Спартѣ, именно самъ Аратъ. Личная ненависть, которую онъ началъ питать къ Спартанскому царю, могла сообщить ему особенную

[1]) Plut., Cleom., 12 и 13.

[2]) Plut., Cleom., 18.

проницательность. Въ жизни Арата было также нѣсколько дней или нѣсколько часовъ полной популярности. Когда онъ стоялъ, утомленный и блѣдный, предъ народомъ въ Коринѳѣ, и одушевленная толпа не хотѣла остановить своихъ восторженныхъ рукоплесканій, когда онъ, больной и въ носилкахъ, являлся въ освобожденныя Аѳины, — онъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Греціи. Плохо умѣлъ онъ и даже едва-ли могъ поддерживать за собою эту популярность. Въ немъ не было ничего поэтическаго и мало величаваго; начала, во имя которыхъ онъ дѣйствовалъ, были возвышенны и прекрасны, но никогда не были вполнѣ народными въ Греціи. И вотъ явился потомъ человѣкъ съ силою и энергіей, съ прямымъ и мужественнымъ образомъ дѣйствій, и на поляхъ битвы поколебалъ послѣдніе остатки популярности, которою наслаждался ахэйскій стратигъ. Этотъ человѣкъ сталъ на дорогѣ къ его будущей славѣ и преградилъ ему путь къ достиженію того, что̀ Аратъ давно считалъ задачею своей жизни. Этотъ человѣкъ поднимаетъ теперь страшное и ненавистное для ахэйскаго стратига знамя, снова вызываетъ на свѣтъ и на открытую борьбу тѣ противоположности, которыя Аратъ старался такъ или иначе примирить и сгладить, чтобы потомъ они совершенно исчезли при спокойномъ и правильномъ развитіи. Вполнѣ искренно Аратъ могъ видѣть въ своемъ личномъ врагѣ только тиранна и революціонера, могъ быть вполнѣ убѣжденъ въ невозможности примиренія либеральныхъ началъ Ахэйскаго союза съ соціально революціонною Спартой. Личная ненависть подсказывала ему даже больше того, что̀, быть можетъ, было на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что Клеоменъ, не задумавшійся низвергнуть ефоровъ и обагрить свои руки ихъ кровію, не замедлитъ провозгласить страшныя слова: „γῆς ἀναδασμὸς καὶ χρεῶν ἀποκοπαί“ (раздѣлъ поземельной собственности и погашеніе долговъ) на весь Пелопоннисъ, не задумается призвать къ себѣ на помощь самыя низкія страсти и самыя анархическія стремленія. Гдѣ же силы и средства для отвращенія грозной опасности? Что̀ могъ сдѣлать отдаленный Египетъ противъ врага, который таился въ самыхъ нѣдрахъ союза? Что̀ значило это подозрительно молчаливое поведеніе со стороны Этоліи? Аратъ, безъ сомнѣнія, зналъ о предложеніяхъ, съ которыми Этоляне обращались къ Антигону. Что̀ если царь Македонскій, съ своей стороны, вздумаетъ также воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Ахэйскаго союза?

Среди такихъ обстоятельствъ и подъ вліяніемъ такихъ опасеній Аратъ сдѣлалъ первый шагъ на томъ скользкомъ пути, который при-

велъ его потомъ къ печальному концу [1]). Онъ рѣшился искать себѣ опоры въ той самой Македоніи, борьба съ которою была лучшимъ воспоминаніемъ изъ его первоначальной дѣятельности. Первый шагъ былъ, впрочемъ, весьма остороженъ, осмотрителенъ, и по обыкновенію, разчитанъ съ большимъ дипломатическимъ умѣньемъ. Городъ Мегалополь, всего болѣе страдавшій въ войнѣ со Спартой, одинъ изъ всѣхъ большихъ городовъ союза сохранилъ дружественное расположеніе къ Македоніи. Въ воспоминаніяхъ его исторіи находились двѣ осады, выдержанныя противъ враговъ Македоніи въ общей борьбѣ [2]), и большія благодѣянія, оказанныя городу царями македонскими. Съ мѣстной, спеціально-мегалополитанской точки зрѣнія не только не было странно и опасно, но весьма естественно и разумно обратиться съ просьбой о помощи противъ ненавистной Спарты къ пріязненной Македоніи. Отсюда, изъ Мегалополя, появилась на свѣтъ мысль о посольствѣ къ Антигону, хотя на самомъ дѣлѣ она родилась въ головѣ Арата. Два мегалополитанскихъ гражданина, Никофанъ и Керкидъ, вслѣдствіе тайнаго соглашенія съ Аратомъ, предложили Мегалополитанскому вѣчу отправить депутацію къ ахэйскому союзному правительству и просить, чтобъ оно разрѣшило Мегалополитанцамъ вступить въ переговоры съ Антигономъ о помощи. Предложеніе было принято на Мегалополитанскомъ вѣчѣ; Никофанъ и Керкидъ были отправлены депутатами къ федеральному правительству, они же должны были отправиться немедленно и въ Македонію, если послѣдуетъ разрѣшеніе союза, дозволяющее начать отдѣльному городу частные переговоры съ иностранною державой. Аратъ своимъ вліяніемъ, разу-

[1]) Что этотъ первый шагъ сдѣланъ послѣ революціи въ Спартѣ, прямо говоритъ Поливій (II, 47, 3. ἤδη ἐπὶ ποσὸν τοῦ πολεμου προβαινόντος, καὶ τοῦ μὲν Κλεομένους το πάτριον πολίτευμα καταλύσαντος.... ἐπεβάλετο (ὁ Ἄρατος) λαλεῖν προς τὸν — βασιλέα). Исторія переговоровъ съ Антигономъ изложена подробно у Поливія (II, 47 — 51), который замѣчаетъ, что Аратъ въ своихъ мемуарахъ умолчалъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сюда относящихся, именно поэтому, должно быть, Поливій и счелъ нужнымъ оставить точный и подробный отчетъ о всемъ ходѣ переговоровъ. Самъ по себѣ разказъ Поливія вполнѣ ясенъ; трудности представляются только въ хронологическомъ соглашеніи его съ ходомъ военныхъ дѣйствій (о нихъ Поливій говоритъ очень кратко) и съ ходомъ другихъ переговоровъ, именно переговоровъ съ царемъ Спартанскимъ, о которыхъ говоритъ только Плутархъ, въ свою очередь не нашедшій нужнымъ обстоятельно изложить македонскія сношенія. Филархъ, по замѣчанію Плутарха (Arat., 38), тоже неизвѣстно съ какою подробностію касался переговоровъ Арата съ Антигономъ.

[2]) Одна противъ Спартанскаго царя Агиса III (330 года), другая противъ Полисперхонта (318 года).

мѣется, помогъ успѣху депутаціи предъ центральнымъ правительствомъ. Она отправилась уже въ видѣ Мегалополитанскаго посольства къ царю Македонскому. Частныя дѣла Мегалополя были покончены скоро; о нихъ говорилось очень кратко и немного. Но Никофанъ и Керкидъ имѣли тайныя инструкціи отъ Арата и на основаніи ихъ должны были склонить Антигона къ тому взгляду, что настоящее политическое положеніе дѣлъ въ Греціи требуетъ вообще дружбы между Македоніей и Ахэйскимъ союзомъ, что интересы Македоніи тѣсно связаны съ цѣлостію и безопасностію союза. Антигонъ долженъ былъ убѣдиться, что Клеоменъ дѣйствуетъ за одно и по тайному договору съ Этоліей, долженъ былъ понять, что̀ значитъ и къ чему клонится этотъ союзъ. Ясное дѣло, что ни корыстолюбивая жадность Этоліи, ни честолюбіе Клеомена не удовольствуются торжествомъ надъ Ахэйскимъ союзомъ. Клеоменъ теперь, очевидно, стремится къ игемоніи надъ Пелопоннисомъ, но достигнувъ ея, онъ потребуетъ игемоніи надъ всею Грецией. А развѣ Македонскій царь расположенъ отказаться добровольно отъ своего положенія и вліянія въ Греціи? Борьба Македоніи со Спартой будетъ неизбѣжна. Вопросъ только въ томъ, что̀ выгоднѣе для Македоніи: вести борьбу въ Пелопоннисѣ, имѣя союзниками Ахаію и Віотію, или дожидаться появленія Спартанцевъ, въ союзѣ съ Этолійцами и Ахэйцами, на поляхъ Ѳессаліи? Въ первомъ случаѣ борьба будетъ идти за игемонію надъ Грецией, во второмъ — за самое существованіе Македонскаго царства. Ахэйцы, впрочемъ, не требуютъ непосредственной помощи отъ Антигона. Если Этолія останется спокойною, какъ она оставалась до сихъ поръ, то они имѣютъ еще достаточно силъ для борьбы съ Клеоменомъ. Если же вмѣшается Этолія, или счастіе измѣнитъ ахэйскому оружію, то пусть Антигонъ будетъ готовъ на этотъ случай, дабы не пропустить удобнаго времени для охраненія собственныхъ интересовъ и для защиты Ахэйскаго союза, существованіе котораго связано съ его интересами. Относительно должной благодарности и необходимыхъ гарантій пусть Антигонъ будетъ совершенно спокоенъ. Аратъ найдетъ безобидное для обѣихъ сторонъ вознагражденіе своему союзнику. Онъ же укажетъ и время, когда помощь будетъ необходима [1]).

Всѣ эти представленія были очень хорошо разчитаны и произвели желаемое дѣйствіе на Антигона. Можетъ-быть, только одну ошибку допустилъ Аратъ въ своей тонкой дипломатіи. Онъ предоставлялъ

[1]) Polyb., II, 48 и 49. Мы очень близко придерживаемся разказа и даже собственныхъ выраженій Поливія.

себѣ найдти надлежащее вознагражденіе за предполагаемую помощь Антигона. Но откладывая дѣйствительное и окончательное соглашеніе до той минуты, когда явится настоятельная необходимость въ могучей помощи царя Македонскаго, Аратъ не отдавалъ ли себя вполнѣ въ его руки? Не будетъ ли тогда Ахэйскій союзъ поставленъ въ такое положеніе, что ему придется принять условія, предписанныя Антигономъ, каковы бы они ни были? Аратъ, очевидно, надѣялся на свою ловкость и опытность и до времени хотѣлъ только заручиться на всякій возможный случай.

На открытое и офиціальное предложеніе Никофана и Керкида Антигонъ отвѣчалъ, что онъ готовъ подать помощь Мегалополю, если только послѣдуетъ на это согласіе всего союза; то-есть, Антигонъ объяснилъ, что хочетъ имѣть дѣло не съ однимъ частнымъ городомъ, но со всѣмъ союзомъ: и это было вполнѣ разумно и справедливо, хотя, впрочемъ, было много удобныхъ случаевъ и для прямыхъ дружественныхъ услугъ Мегалополю, независимо отъ соглашенія съ союзомъ. Послы воротились въ Мегалополь и представили въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ доброжелательное расположеніе Антигона къ гражданамъ великаго города. То же самое выражено было и въ посланіи самого царя къ Мегалополитанскому вѣчу. Вскорѣ долженъ былъ собраться обычный обще-ахэйскій сеймъ [1]). Мегалополитанцы явились сюда съ прямымъ предложеніемъ, чтобы сеймъ призвалъ на помощь противъ Спарты царя Македонскаго. Противниковъ этого предложенія было много, и во главѣ ихъ былъ самъ Аратъ. Отъ Никофана и Керкида отъ узналъ, что Антигонъ Досонъ не питаетъ злопамятнаго недоброжелательства ни къ союзу, ни къ человѣку, отнявшему Акрокоринѳъ у Антигона Гонаты, и что напротивъ того, Македонскій царь готовъ быть другомъ и Ахаіи, и самого Арата; этого было на первый разъ достаточно ахэйскому политику. Онъ видѣлъ въ такихъ увѣреніяхъ Антигона свою побѣду надъ злымъ вѣроломствомъ Этолійцевъ, разчитывавшихъ нѣкогда на непріязненныя чувства царя Македонскаго къ Ахэйской федераціи. Аратъ былъ доволенъ, что идея о союзѣ съ Македоніей нашла себѣ ревностныхъ защитниковъ въ гражданахъ такого значительнаго города, какъ Мегалополь. Если въ самомъ дѣлѣ прійдетъ необходимость призвать въ Пелопоннисъ македонскія войска, изгнанныя отсюда именно усиліями Арата, то умы

[1]) Σύνοδος τῶν Ἀχαιῶν; должно быть осенній сеймъ 226-го года (въ ноябрѣ или декабрѣ); онъ былъ ранѣе, чѣмъ пришла къ концу стратигія Иперната, который начальствовалъ еще въ сраженіи при Екамвэонѣ; см. ниже.

Ахэйцевъ къ этому приготовлены, и не на самого Арата падетъ отвѣтственность за очень рискованный шагъ. На этомъ пока и слѣдовало остановиться. Рѣчь Арата предъ ахэйскимъ союзнымъ собраніемъ имѣла тотъ смыслъ, что слѣдуетъ благодарить Антигона за его дружелюбное расположеніе, что хотя склонность, которая замѣчается въ собраніи, воспользоваться предложеніемъ услугъ со стороны Македоніи, не заслуживаетъ никакого порицанія, но уваженіе къ себѣ и національная гордость, даже выгода требуютъ, чтобы народъ искалъ спасенія въ себѣ самомъ. Когда будутъ испытаны всѣ средства, когда будутъ истощены всѣ надежды, тогда, но только тогда, позволительно будетъ обратиться къ помощи друзей [1]). Собраніе выслушало благосклонно рѣчь Арата и рѣшило остаться при собственныхъ средствахъ, но за то готовиться всѣми силами къ продолженію войны съ Клеоменомъ [2]). Скоро пришлось Ахэйцамъ оправдать на дѣлѣ свою великодушную и благородную рѣшимость.

Клеоменъ, безъ сомнѣнія, зналъ о сношеніяхъ Мегалополя и союза съ Македоніей. Весной 225 года онъ хотѣлъ нанести рѣшительный

---

[1]) Polyb., II, 50.

[2]) Polyb., II, 51, 1. Поливій, излагающій исторію дипломатическихъ сношеній за одинъ разъ отъ начала ихъ до конца, продолжаетъ далѣе: «Когда же Ахэйцы въ первый разъ были разбиты при горѣ Ликэйской, во второй разъ на поляхъ Ладокійскихъ въ области Мегалополя, гдѣ палъ Лидіадъ, и въ третій разъ потерпѣли полное пораженіе (ὁλοσχερῶς ἔπταισαν) въ области Димэйской, при такъ-называемомъ Екатомвэонѣ, тогда обстоятельства не допускали уже никакого отлагательства, и близкая опасность принудила единодушно прибѣгнуть къ Антигону». Если понимать это мѣсто буквально, то можно, пожалуй, подумать, что первыя сношенія Арата съ царемъ Македонскимъ предшествовали даже сраженію при Ликэонѣ. Но это положительно невозможно и противорѣчитъ вышеприведеннымъ словамъ Поливія, что мысль о македонской помощи явилась у Арата послѣ того, какъ Клеоменъ совершилъ переворотъ въ Спартѣ, а этотъ переворотъ, какъ несомнѣнно слѣдуетъ изъ обѣихъ біографій Плутарха, послѣдовалъ не только послѣ сраженія при Ликэонѣ, но и послѣ сраженія на поляхъ Ладокійскихъ. Самое выраженіе Поливія: «дѣла не терпѣли никакого отлагательства» (τῶν πραγμάτων οὐκ ἔτι διδόντων ἀναστροφήν) въ строгомъ смыслѣ можетъ относиться только къ одному моменту, къ моменту послѣ сраженія при Екатомвэонѣ. Полное пораженіе въ области Димэйской потому имѣло такое критическое значеніе для Ахэйцевъ, что ему еще ранѣе предшествовали два другія пораженія — все одно, когда бы они ни были: они поставлены не въ строгой хронологической связи съ послѣднимъ пораженіемъ и съ ходомъ переговоровъ дипломатическихъ, а въ связи, такъ сказать, логической. 225 года Мы ставимъ сраженіе при Екатомвэонѣ весною, потому что во время его стратигія еще принадлежитъ Иперват у (Plut., Cleom., 14).

ударъ своимъ врагамъ. Онъ вступилъ въ предѣлы Мегалополитанской области, но не ограничился на этотъ разъ опустошеніемъ ея. Пройдя всю Аркадію, онъ безпрепятственно вторгнулся въ самое сердце коренной Ахаіи и остановился предъ ахэйскимъ городомъ Ферами. Ахэйскій стратигъ Иперватъ, руководимый Аратомъ, расположился съ своимъ войскомъ предъ Димами, въ сѣверо-западномъ углу Пелопоннниса, около горы Екатомвэона [1]). Ахэйцы на этотъ разъ вышли поголовнымъ ополченіемъ. Съ полнымъ и намѣреннымъ пренебреженіемъ къ непріятелю, Клеоменъ, оставивъ Феры, занялъ позицію между враждебными Димами и ахэйскимъ лагеремъ. Ахэйцы не могли не принять вызова, произошло кровопролитное сраженіе, и Клеоменъ одержалъ въ немъ полную побѣду [2]).

Это было третье большое пораженіе, испытанное Ахэйскимъ союзомъ въ войнѣ съ Клеоменомъ. Положеніе союза на этотъ разъ было несравненно опаснѣе, чѣмъ когда-либо, потому что царь Спартанскій съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ стоялъ въ самомъ сердцѣ собственной Ахаіи. Если когда-либо то именно теперь требовалась быстрая и скорая помощь. Аратъ, съ своей стороны, послалъ собственнаго сына къ Антигону, чтобъ окончательно условиться о вспомоществованіи. Въ этомъ же смыслѣ было принято единодушное рѣшеніе на весеннемъ сеймѣ ахэйскомъ 225 года (въ маѣ) [3]). Сейчасъ же однако представились возраженія, и обнаружились затрудненія, которыя сначала были упущены изъ виду: царь Македонскій не захочетъ помогать Ахэйцамъ безъ всякаго вознагражденія; цѣна его содѣйствія была извѣстна заранѣе — выдача Акрокоринѳа, Антигонъ могъ сказать, что укрѣпленія Коринѳа необходимы ему уже какъ операціонный базисъ (ὁρμητήριον) въ предполагаемой войнѣ. Съ другой стороны, союзнымъ властямъ нельзя было и думать объ уступкѣ Коринѳа; если бы на это согласились Ахэйцы, то сами Коринѳяне никогда не пойдутъ добровольно подъ власть македонскихъ намѣстниковъ и гарнизона; а развѣ можно будетъ отдать ихъ противъ воли? Совѣщанія сейма не привели ни къ какому результату; Ахэйцы не могли никакъ согласиться относительно вознагражденія или относи-

---

[1]) См. Curtius, Peloponn., I, 427.

[2]) Polyb., II, 51, 3, Plut , Cleom , 14, Arat., 29; Pausan., II, 9, 1.

[3]) Поливій (II, 51, 4) говоритъ, что Ахэйцы рѣшились прибѣгнуть къ Антигону единодушно (καταφεύγειν ὁμοθυμαδόν): единодушное рѣшеніе могло быть принято только на сеймѣ. Но, какъ видно, единодушіе продолжалось не долго, вскорѣ были представлены возраженія, о которыхъ мы говоримъ въ текстѣ

тельно „гарантіи“ (περὶ πίστεων) для Антигона. Никакого рѣшенія о македонской помощи не послѣдовало; „обсужденіе вопроса было отложено“, говоритъ Поливій [1]). Вмѣсто того рѣшено было начать переговоры съ Клеоменомъ. Въ томъ крайнемъ положеніи, въ которомъ теперь находилась федерація, другаго исхода и не было. Сближеніе съ царемъ Спартанскимъ для многихъ представлялось даже несравненно болѣе желательнымъ, чѣмъ союзъ съ царемъ Македонскимъ. Не говоря о народныхъ массахъ, расположенныхъ къ спартанскому реформатору, даже между людьми вліятельными были такіе, которые неблагосклонно смотрѣли на новое направленіе Аратовой политики. Бывшіе тираны разныхъ городовъ союза, недовольные преобладаніемъ Арата, воспользовались теперь его неудачами и готовы были искать внѣ союза поддержки для своихъ видовъ [2]). Изъ этихъ круговъ вышло предложеніе вступить въ переговоры съ самимъ Клеоменомъ. Что касается до Арата, то онъ не могъ никакъ пересилить своей антипатіи къ Спартанскому царю и не хотѣлъ вовсе участвовать въ переговорахъ съ нимъ. На томъ же самомъ сеймѣ, который рѣшилъ начать эти переговоры, должны были послѣдовать новые выборы союзнаго президента. Ахэйцы, забывъ свои неудовольствія, по старой привычкѣ готовы были избрать на эту должность Арата. Вѣроятно, и самъ Аратъ при другихъ обстоятельствахъ забылъ бы свое прошлогоднее твердое рѣшеніе не принимать болѣе должности стратига; но теперь онъ рѣшительно, даже съ клятвой, отказался, и вмѣсто его былъ избранъ Тимоксенъ [3]). Такимъ образомъ могло казаться, что Аратъ оставилъ служеніе своему отечеству въ самую критическую минуту, „поступилъ какъ кормчій, оставившій кормило среди бури“ [4]). Едва-ли однако вполнѣ справедливы эти рѣзкія обвиненія, которыя передаетъ намъ его біографъ. Аратъ не заслуживаетъ строгаго приговора за то, что онъ видѣлъ только одно униженіе для себя въ званіи стратига, обязаннаго вести переговоры съ своимъ лич-

[1]) Ὑπέρθεσιν ἔσχε τὸ διαβούλιον (II, 51, въ самомъ концѣ). Вслѣдъ за тѣмъ Поливій прямо переходитъ къ дальнѣйшимъ военнымъ успѣхамъ Клеомена, говоритъ о взятіи имъ Пеллины, Кафій и т. д. Но Плутархъ говоритъ о завоеваніи этихъ городовъ только въ 17 главѣ біографіи Клеомена, а передъ тѣмъ помѣщаетъ исторію переговоровъ Ахэйскаго союза съ царемъ Спартанскимъ, что и мы дѣлаемъ.

[2]) Plut., Cleom., 17: Τῶν δὲ πρώτων πολλαχοῦ βαρυνομένων τὸν Ἄρατον.

[3]) Plut., Arat., 38. Мѣсто это было уже приведено выше.

[4]) Плутарху понравилось это сравненіе, и онъ повторяетъ его два раза: Arat., 38, и Cleom., 15.

нымъ врагомъ и подчиняться волѣ гордаго соперника. Аратъ подлежитъ осужденію не за то, что онъ отказался быть представителемъ политики, съ которою онъ былъ несогласенъ, но скорѣе за то, что, отказавшись отъ официальной отвѣтственности, не имѣлъ силы хотя на время остаться вполнѣ частнымъ человѣкомъ, дабы не мѣшать возможно благополучному исходу переговоровъ съ Клеоменомъ, начатыхъ противъ его желанія.

Требованія Клеомена оказались вовсе не такъ страшными, какъ можно было опасаться. Царь Спартанскій вовсе не думалъ быть такимъ коммунистомъ, какимъ онъ представлялся Арату и его ближайшимъ приверженцамъ. Сначала Клеоменъ предложилъ нѣсколько частныхъ условій, но потомъ формулировалъ всѣ свои требованія въ одномъ общемъ предложеніи, чтобъ ему была уступлена игемонія надъ городами Ахэйскаго союза. Онъ говорилъ, что будетъ вполнѣ доволенъ почетнымъ титуломъ игемона, и что города союза могутъ ожидать отъ него большихъ выгодъ за эту уступку; въ залогъ своей искренности онъ изъявлялъ готовность сейчасъ же отпустить всѣхъ плѣнныхъ и возвратить занятыя имъ области [1]). Неяснымъ, однако, остается, что̀ разумѣлъ Клеоменъ подъ игемоніей, которой онъ требовалъ: имѣлъ ли онъ въ виду оставить въ полной неприкосновенности и цѣлости Ахэйское федеративное государство съ его сеймами и выборными властями, такъ чтобы царь Спартанскій съ своими игемоническими правами имѣлъ отношеніе только къ центральному правительству союза, или онъ хотѣлъ имѣть непосредственную власть въ каждомъ отдѣльномъ городѣ, считаться игемономъ Мегалополя и Коринѳа, Сикіона и Аргоса, замѣнивъ собою прежній союзный авторитетъ [2]). Планы Клеомена были весьма широки: онъ думалъ достиг-

[1]) Plut., Cleom., 15.

[2]) У Плутарха какъ будто есть намеки на то, что Клеоменъ имѣлъ въ виду послѣднее. Cleom., 16: *οὐκ ἠξίου* (Ἄρατος) *τὸν Κλεομένη Συκιωνίων ἡγεμόνα καὶ Τριταιέων γράφεσθαι*. То-есть, Аратъ не хотѣлъ, чтобы Клеоменъ титуловалъ себя игемономъ *Сикіонянъ* и *Тритэйцевъ*. Здѣсь же сказано, что Клеоменъ хотѣлъ дать древній (прародительскій) видъ (*πάτριν σχῆμα*) Пелопоннису, слѣдовательно, возстановить тотъ порядокъ, который существовалъ при древней игемоніи Спарты въ Пелопоннисѣ. Сверхъ того (Arat., 38) Клеоменъ требуетъ, чтобъ Ахэйцы передали ему власть (*τὴν ἀρχήν*); такъ онъ сдѣлаетъ много добра *городамъ* (*ὡς πολλὰ ποιήσων ἀγαθὰ τὰς πόλεις*): отчего не сказано союзу (*τὸ κοινόν*), какъ будто имѣются въ виду отдѣльные города? Но (Arat., 41) Клеоменъ требуетъ титула «игемона Ахэйцевъ» (*ἠξίου τῶν Ἀχαιῶν ἡγεμὼν ἀναγορευθῆναι*). Положимъ, что это относится къ позднѣйшему времени. Но и въ 39 гл.

нуть игемоніи во всей Греціи. Еслибъ это ему удалось, то не было бы ничего невозможнаго и неестественнаго въ существованіи Ахэйскаго союза въ прежнемъ его видѣ среди другаго большаго Греческаго союза, къ которому принадлежала бы и Спарта, наравнѣ съ другими и во главѣ котораго стоялъ бы царь Спартанскій. Но если бы Спарта должна была остаться чисто пелопоннисскою державой, то едва-ли она могла бы допустить совмѣстное существованіе другой большой силы, хотя бы и союзной или подчиненной; она непзбѣжно стала бы стремиться къ прямому объединенію всего Пелопоннпса, стараясь связать прямо съ собою тѣ государства, которыя находились въ Ахэйской федераціи и только чрезъ ея посредство вошли въ союзъ со Спартой и царемъ Спартанскимъ. Какъ бы то нп было, притязанія Клеомена грозили основнымъ началамъ союза. Спартанскій царь будетъ наслѣдственнымъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ союза; отъ него будетъ зависѣть главное направленіе внѣшней политики; что же будетъ съ установленными властями ахэйскими, какіе интересы будутъ поддерживать соединительную связь между членами союза, когда рѣшеніе самыхъ важныхъ дѣлъ будетъ находиться внѣ его вѣдѣнія? Зачѣмъ будутъ сходиться на свои сеймы теперешніе члены союза, когда послѣднее и рѣшительное слово не будетъ принадлежать имъ болѣе? Зачѣмъ они будутъ избирать общее и отвѣтственное правительство, если оно не будетъ имѣть ни силы, ни значенія предъ властію царя Спартанскаго? Безъ сомнѣнія, Греки остались бы Греками и послѣ разложенія Ахэйскаго союза; можетъ-быть даже, для греческихъ интересовъ было бы весьма выгодно, еслибъ обстоятельства такъ или иначе теперь же привели къ объединенію почти всего Пелопонниса, то-есть, къ осуществленію политической программы Арата— только инымъ путемъ. Но было бы весьма странно, если бы въ федераціи, цѣлую четверть вѣка стоявшей на своихъ ногахъ и считавшейся передовою силой на полуостровѣ, оказалось такъ мало жизненной силы и крѣпкой индивидуальности, еслибъ она по первому требованію могла входить во всякія новыя политическія образованія, разлагаясь или не разлагаясь на свои составныя части. Аратъ, который до сихъ поръ былъ душею союза, всѣми силами противился движенію въ пользу Клеомена, которое овладѣло даже вліятельными

біографіи Арата *Ахэйцы* приглашаютъ Клеомена на игемонію: здѣсь, конечно, имѣется въ виду игемонія надъ союзомъ. Поливій выражается неопредѣленно объ ἀρχὴ въ Пелопоннисѣ II, 49; IX, 29, 10, 30, 4 и пр.

классами. Для него Клеоменъ оставался беззаконнымъ тиранномъ [1]), который можетъ находить себѣ сочувствіе въ неимущей толпѣ, но не въ людяхъ, обладающихъ образованіемъ и собственностію. Положеніе Арата было однако въ высшей степени неловко. Онъ въ душѣ предпочиталъ соглашеніе съ Антигономъ всякой уступкѣ царю Спартанскому; онъ могъ думать, что для союза гораздо выгоднѣе признать игемонію Македонскаго царя. Подчиненіе отдаленной Македоніи могло бы оставаться чисто номинальнымъ. Это будетъ власть далекая и отвлеченная, не имѣющая возможности вмѣшиваться въ дѣла союза; ея покровительство могло только пособить федераціи въ достиженіи окончательной цѣли — объединенія всего Пелопонниса въ одной Ахэйской федераціи. Македонія, безспорно, и теперь первая держава въ Греціи, и для Ахэйцевъ нисколько не унизительно будетъ признать это на ряду съ Θессаліей и Віотіей, наравнѣ съ другими государствами. Но если бы даже Антигонъ не требовалъ Акрокоринѳа, Арату въ настоящую минуту все-таки трудно было бы склонить большинство въ пользу своихъ воззрѣній. Клеоменъ имѣлъ то преимущество, что онъ могъ похвалиться чистою еллинскою кровію; его отечество — Спарта, и его предки — Ираклиды, а въ глазахъ всякаго Грека, который не утратилъ подобающаго уваженія къ благородному имени еллинскому, послѣдній Спартіатъ долженъ стоять выше перваго изъ Македонянъ [2]).

Предложеніе Клеомена было принято за основаніе мирныхъ переговоровъ; назначенъ былъ чрезвычайный сеймъ въ одномъ небольшомъ городѣ Арголиды, Лернѣ, для того, чтобы тамъ точно и подробно опредѣлить условія и смыслъ его игемоніи [3]). Клеомену однако не удалось объяснить своихъ требованій.

Греки увлекались иногда теоріей, объясняющею великія событія малыми причинами, чего такъ не любитъ серіозная исторія. На этотъ разъ однако почти можно согласиться съ Греками, что такое маловажное событіе, какъ простуда одного человѣка, именно Клеомена, подобно лихорадкѣ Александра Македонскаго, послужило къ довершенію судебъ греческаго міра и къ будущему торжеству Рима. Клеоменъ на пути въ Лерну, послѣ утомительнаго пути въ жаркое лѣтнее время, напился воды, простудился и потерялъ голосъ; у него началось кровотеченіе изъ горла. Собраніе въ Лернѣ, гдѣ было не-

[1]) Plut., Arat., 38: παράνομος καὶ τυραννικός.

[2]) Разсужденіе Плутарха въ той же 38 гл. (біографіи Арата).

[3]) О собраніи (ἐκκλησία) въ Лернѣ Плутархъ говоритъ только въ біографіи Клеомена (гл. 15).

обходимо присутствіе самого Клеомена, не могло состояться. Оно было отложено; но увѣренный въ счастливомъ исходѣ начатыхъ переговоровъ, Клеоменъ на пути въ Спарту отпустилъ самыхъ знатныхъ ахэйскихъ плѣнниковъ [1]). „Это погубило судьбу Греціи“, говоритъ Плутархъ [2]). Неизвѣстно, какъ долго продолжалась болѣзнь Клеомена, но промежутокъ между первымъ собраніемъ, назначеннымъ въ Лернѣ, и вторымъ, состоявшимся въ Аргосѣ, былъ довольно значительный, и положеніе дѣлъ въ теченіе этого времени во многомъ измѣнилось. Аратъ успѣлъ собраться съ духомъ; его партія снова усилилась. Если на первый разъ предложеніе Клеомена могло показаться неожиданно умѣреннымъ даже зажиточнымъ и вліятельнымъ классамъ, если они надѣялись сохранить неприкосновеннымъ федеративное ахэйское устройство, которое до сихъ поръ обезпечивало порядокъ и права собственности; то теперь имъ стоило только быть болѣе внимательными къ направленію умовъ въ народныхъ массахъ, чтобы почувствовать самыя серіозныя опасенія. Неизвѣстно, по какому внушенію назначенъ былъ второй сеймъ въ Аргосѣ; можетъ-быть, при этомъ имѣлась въ виду близость праздника Немейскаго [3]), на которомъ Клеоменъ, по окончаніи переговоровъ, могъ быть торжественно провозглашенъ игемономъ Пелопоннеса. Но во всякомъ случаѣ нужно было ожидать, что собраніе въ Аргосѣ будетъ несравненно многолюднѣе, чѣмъ оно было бы въ Лернѣ; вмѣсто довольно ограниченнаго числа обычныхъ посѣтителей, самая близость праздника должна была привлечь огромныя толпы народа; отдать въ ихъ руки рѣшеніе судьбы союза было бы дѣломъ весьма рискованнымъ. Въ многолюдномъ населеніи Аргоса, давленіе котораго, безъ сомнѣнія, почувствовалось бы во время засѣданій сейма, существовала сильная партія, стремившаяся къ отдѣленію отъ союза и питавшая надежду на раздѣленіе полей [4]). Даже въ Сикіонѣ и Коринѳѣ были люди, готовые вступить въ прямые переговоры съ Клеоменомъ, помимо союзныхъ властей [5]). Все это должно было произвести сильный переворотъ во мнѣніи „среднихъ людей“. Трудно было ожидать, чтобы Клеоменъ сталъ забо-

---

[1]) Plut., ibid.

[2]) Cleom., 16.

[3]) 225-й годъ есть четвертый годъ 138-й олимпіады, а лѣтнія Немеи праздновались, какъ сказано выше, именно въ этотъ годъ. О дѣйствительномъ торжествѣ Немейскомъ сейчасъ будетъ рѣчь ниже.

[4]) Какъ это видно будетъ ниже.

[5]) Plut., Arat., 40.

титься о цѣлости союза, когда въ самомъ союзѣ, и притомъ въ самыхъ важныхъ городахъ, обнаружились совершенно противоположныя стремленія. Аратъ и его приверженцы поэтому рѣшились ни подъ какимъ видомъ не допускать того, что̀ имъ казалось всего опаснѣе, — не допускать прямыхъ сношеній между народною толпой и ея героемъ, царемъ Спартанскимъ [1]). Стратигъ Тимоксенъ, и вѣроятно, коллегія диміурговъ въ этомъ отношеніи были согласны съ Аратомъ, находясь подъ его вліяніемъ.

Клеоменъ, оправившись отъ своей болѣзни, приближался къ Аргосу; онъ шелъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что его примутъ, какъ друга и верховнаго главу союза; онъ считалъ дѣло почти вполнѣ оконченнымъ и рѣшеннымъ; настроеніе народнаго большинства, конечно, не было для него тайной; съ своей стороны, онъ отпустилъ уже безъ выкупа ахэйскихъ военноплѣнныхъ; Ахэйцамъ въ свою очередь оставалось только на торжественномъ собраніи провозгласить его игемономъ и потомъ вмѣстѣ отпраздновать Немейскія игры. Вмѣсто того Клеоменъ вдругъ начинаетъ получать неожиданныя и странныя требованія. Ахэйцы изъявляютъ неудовольствіе, зачѣмъ онъ идетъ съ военною силой на ихъ мирное собраніе, хотя неизвѣстно по чьему распоряженію здѣсь же была ахэйская конница и наемныя войска союза; отъ Клеомена требуютъ, чтобъ онъ не входилъ въ городъ, а остановился неподалеку отъ него, близъ гимназіи Киллараві̀онъ [2]), и отсюда вслъ переговоры или вошелъ бы въ городъ, если того непремѣнно желаетъ, только одинъ, взявъ для своей безопасности заложниковъ со стороны Ахэйцевъ. Клеоменъ не привыкъ хитрить и лукавить; его возмутило поведеніе ахэйскихъ государственныхъ людей, которые, очевидно, снова ободрились съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ собственную Ахаію; онъ хорошо понималъ, кто главный виновникъ обидныхъ предложеній, и какая цѣль скрывается за ними. Онъ отправилъ письмо къ ахэйскому собранію съ рѣзкими упреками за недостойное поведеніе съ нимъ и обвинялъ главнымъ образомъ Арата; Аратъ отвѣчалъ тѣмъ же и сталъ поносить Клеомена предъ народными толпами, собравшимися въ Аргосѣ; онъ могъ говорить „толпѣ“, что Клеоменъ вовсе не заботится о ея нуждахъ и желаніяхъ, а ищетъ только покорить другихъ Грековъ верховной власти спартанской. Не удовольствовавшись этимъ, Аратъ отправилъ къ самому

[1]) Φοβούμενος τὸν Κλεομένη, μὴ πάντα διαπράξηται καθομιλήσας τὸ πλῆθος. Plut., Cleom., 17.

[2]) Pausan, II, 22, 8; ср. Curtius, Peloponn , II, 359 и 562.

Клеомену письмо, наполненное оскорбительными выходками и просто ругательствами; Аратъ, быть можетъ, дѣлалъ это съ разчетомъ, зная пылкій характеръ своего соперника. Клеоменъ, дѣйствительно, увлекся, забылъ свое царское достоинство, вступилъ съ Аратомъ въ ругательную и для обоихъ унизительную переписку, въ которой не были пощажены даже семейныя отношенія. Кончилось тѣмъ, что Клеоменъ послалъ объявленіе войны Ахэйскому союзу, но не въ Аргосъ, въ которомъ сошелся чрезвычайный сеймъ, а въ обычное мѣсто ахэйскихъ обычныхъ сеймовъ, въ Эгіонъ. Аратъ объяснялъ это въ своихъ мемуарахъ тѣмъ, что Клеоменъ хотѣлъ предупредить военныя приготовленія Ахэйцевъ [1]).

Снова должна была начаться борьба. Но на что разчитывалъ Аратъ, приведшій дѣло къ такому концу, если онъ не былъ готовъ отдать Антигону требуемый имъ Акрокоринѳъ? И можно ли было сдѣлать это противъ воли самихъ Коринѳянъ, противъ желанія большинства въ союзѣ? Антигонъ, между тѣмъ, не получивъ своего „операціоннаго базиса“, не хотѣлъ двинуться изъ Македоніи. Самый Египетъ покинулъ Арата кто хотѣлъ быть другомъ Македонскаго царя, тотъ не могъ быть другомъ Птолемэя. Ахэйскій союзъ пользовался расположеніемъ Александрійскаго двора, но только какъ нелишнее звено въ системѣ равновѣсія, какъ сила, мѣшающая распространяться вліянію Македоніи на южную Грецію, на Пелопоннисъ. Для Птолемэя было собственно все равно, кто бы ни владычествовалъ на полуостровѣ, только бы это былъ надежный противникъ Антигонидовъ. Клеоменъ, очевидно, могъ теперь исполнять эту роль гораздо лучше, и вслѣдствіе того ежегодное содержаніе изъ казны египетской, которое получалъ до сихъ поръ Аратъ, прекратилось и вскорѣ перешло къ Клеомену [2]). Такимъ образомъ Арату приходилось разчитывать только

---

[1]) Клеоменъ подъ Аргосомъ: Plut., Cleom., 17; Arat., 39 Въ двухъ біографіяхъ есть маленькое разногласіе: въ біографіи Арата требуется отъ Клеомена, чтобъ онъ пришелъ въ Аргосъ только съ 300 человѣкъ, и если не довѣряетъ, то взялъ бы заложниковъ, въ біографіи Клеомена число 300 есть число заложниковъ, а Клеоменъ долженъ войдти въ городъ одинъ. Нѣтъ сомнѣнія, въ обоихъ мѣстахъ говорится объ одномъ и томъ же посольствѣ и требовании; хотя въ біографіи Арата и сказано, что посольство было отправлено, когда Клеоменъ былъ около Лерны, а въ біографіи Клеомена нѣтъ этой замѣтки, за то и въ этомъ второмъ мѣстѣ Клеоменъ предполагается еще не подошедшимъ къ Аргосу. Такъ какъ разказъ въ біографіи Клеомена обстоятельнѣе, то мы и слѣдуемъ ему.

[2]) Polyb., II, 51, 2.

на собственныя силы союза, и онъ рѣшился еще разъ испытать ихъ. Еще не все было потеряно. Клеоменъ нисколько не воспользовался своею побѣдой при Екатомвэонѣ; онъ оставилъ предѣлы собственной Ахаіи и не удержалъ за собою ни одного союзнаго города, кромѣ Мантинеи. Если всѣ члены союза остались бы вѣрны своимъ обязанностямъ, то побѣда могла еще перейдти на ахэйскую сторону. Но неужели Аратъ забывалъ свои прежнія опасенія? Думалъ ли онъ что Клеоменъ пересталъ быть героемъ народной толпы, что пролетарій и безземельный поденщикъ, проникнутые завистію къ имущимъ и богатымъ, перестали видѣть въ Клеоменѣ своего избавителя, съ тѣхъ поръ какъ онъ, вмѣсто немедленнаго провозглашенія желанныхъ словъ: γῆς ἀναδασμὸς, χρεῶν ἀποκοπαὶ, сталъ договариваться объ одной игемоніи?

Война началась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для Ахэйской федераціи. Страсти и желанія, на нѣсколько временн замолкшія, проснулись съ новою силой. Въ каждомъ городѣ открыто подняла свою голову партія, которая молила боговъ только о томъ, чтобы Клеоменъ явился здѣсь какъ можно скорѣе и повторилъ то, что̀ сдѣлалъ въ Спартѣ, взялъ бы землю у богатыхъ и подѣлилъ ее на равныя части между неимущими, а всѣ долговыя обязательства бросилъ бы въ огонь. Опаснымъ и затруднительнымъ временемъ воспользовалась и другая крайняя партія. Бывшіе тираны и ихъ друзья тоже разчитывали на Клеомена [1]). Они думали совершенно основательно, что гдѣ дойдетъ дѣло до яростной борьбы бѣдныхъ съ богатыми, до соціальной революціи, тамъ и они (тираны) будутъ у мѣста, чтобы дождаться, когда настанетъ ихъ время. Что̀ же такое самъ Клеоменъ, если не тираннъ? Слѣдовательно, не долженъ ли онъ подать руку бывшимъ тираннамъ, сдѣлаться ихъ другомъ и покровителемъ? Печальное положеніе и обидныя предположенія для Спартанскаго героя. Клеоменъ, безъ сомнѣнія, не думалъ явиться проповѣдникомъ тираніи или раздѣла чужой собственности. Но во всякомъ случаѣ, — хотѣлъ ли Клеоменъ, или нѣтъ стать во главѣ начавшагося и отчасти имъ самимъ вызваннаго движенія, — отъ него ожидали, что онъ не обманетъ общихъ надеждъ, и это какъ нельзя болѣе способствовало его успѣхамъ въ возобновившейся борьбѣ. Конецъ лѣта и осень 225 года и весна 224 прошли въ непрерывномъ торжествѣ не столько, впрочемъ, спартан-

[1]) Plut., Cleom., 17: Ἐγεγόνει δὲ κίνημα τῶν Ἀχαιῶν καὶ πρὸς ἀπόστασιν ὥρμησαν αἱ πόλεις, τῶν μὲν δήμων νόμην τε χώρας καὶ χρεῶν ἀποκοπὰς ἐλπισάντων, τῶν δὲ πρώτων πολλαχοῦ βαρυνομένων τὸν Ἄρατον, ἐνίων δὲ καὶ δι' ὀργῆς ἐχόντων ὡς ἐπάγοντα τῇ Πελοποννήσῳ Μακεδόνας.

скаго оружія, сколько въ торжествѣ соціалистическаго движенія. „Весь Пелопоннисъ пришелъ въ смятеніе“, и среди этого смятенія Клеоменъ „спокойно“ совершалъ свое путешествіе по полуострову: одинъ городъ за другимъ отворялъ ему свои ворота [1]). Тамъ, гдѣ не было слишкомъ сильной партіи въ его пользу, дѣйствовалъ страхъ его прежнихъ побѣдъ. Чего можно было ожидать менѣе всего — въ самой коренной Ахаіи Клеоменъ нашелъ себѣ союзниковъ. Пеллина была взята, и союзный гарнизонъ изгнанъ изъ нея при помощи „Ахэйцевъ“ [2]). Самый Сикіонъ едва не попалъ въ руки Клеомена: и тамъ гнѣздилась измѣна. Въ Коринѳѣ также обнаружилось присутствіе партіи, расположенной къ царю Спартанскому [3]). Въ Аргосѣ сверхъ людей, желавшихъ раздѣла поземельной собственности, строилъ ковы бывшій тиранъ Аристомахъ съ своими приверженцами [4]).

Среди всеобщаго волненія Ахэйцы, собравшіеся въ Аргосѣ, все-таки не хотѣли оставить втунѣ своихъ приготовленій къ празднованію Немейскихъ игръ, хотя приходилось праздновать ихъ уже безъ Клеомена. Они отправили въ Сикіонъ и Коринѳъ свои болѣе надежныя войска [5]), которыя состояли изъ людей зажиточныхъ, слѣдовательно, неспособныхъ сочувствовать Клеомену, и потомъ изъ наемниковъ, чуждыхъ всякому мѣстному движенію. Самый Аргосъ достаточно былъ защищенъ святостію предстоявшаго торжества. Аратъ пошелъ съ этимъ отрядомъ. Онъ былъ облеченъ чрезвычайною властію противъ людей подозрительныхъ, измѣнниковъ и предателей; чтобы придать этимъ полномочіямъ бо̀льшую формальную силу, на него возложили даже титулъ стратига, хотя годъ Тимоксена еще не кончился [6]). Между тѣмъ, когда Ахэйцы приступили къ отправленію религіознаго

[1]) Plut., Arat., 39, въ концѣ: Θόρυβος πολὺς περιειστήκει τὸν Ἄρατον ὁρῶντα τὴν Πελοπόννησον κραδαινομένην καὶ τὰς πόλεις ἐξανισταμένας ὑπὸ τῶν νεωτερισόντων πανταχόθεν.

[2]) Cleom., 17; Arat., 39.

[3]) Arat., 40: Σικυωνίων αὐτῶν καὶ Κορινθίων ἐγένοντο πολλοὶ καταφανεῖς διειλεγμένοι τῷ Κλεωμένει. Ibid. 39: Μικροῦ μὲν Ἔλαθε τὴν Σικυωνίων πόλιν ἁρπάσας διὰ προδοσιάς. Ср. Cleom. 17.

[4]) Какъ сейчасъ обнаружится.

[5]) Plut., Cleom., 17: ἱππεῖς καὶ ξένους.

[6]) Plut., Arat., 40; Polyb., II, 42,2. У Плутарха Аратъ противъ измѣнниковъ получаетъ ἐξουσίαν ἀνυπεύθυνον (власть безотвѣтственную), у Поливія онъ названъ стратигомъ (τῷ Ἀράτῳ στρατηγοῦντι). Что годъ Тимоксена еще не кончился, видно не только изъ близости праздника Немейскаго, но также изъ послѣдующихъ обстоятельствъ (выборъ Арата въ Сикіонѣ въ стратига автократора).

праздника, подъ стѣнами Аргоса неожиданно появился Клеоменъ. Смятеніе было тѣмъ большее, чѣмъ многочисленнѣе было здѣсь собраніе народа. Занявъ одинъ крѣпкій пунктъ, господствующій надъ городомъ, Клеоменъ навелъ такой страхъ на тѣхъ Аргивянъ, которые были вѣрны союзу, что никто не подумалъ защищаться; городъ сдался, принялъ спартанскій гарнизонъ, вручилъ двадцать заложниковъ царю Спартанскому и вступилъ въ новую симмахію, основываемую Клеоменомъ. Не всѣ надежды тайныхъ приверженцевъ спартанскаго реформатора были однако оправданы. Обманулись въ своихъ надеждахъ люди, ожидавшіе отъ Клеомена раздѣла полей, не удовлетворены были и тѣ, которые мечтали объ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ [1]). Неизвѣстно, получилъ ли что-нибудь Аристомахъ, ожидавшій большихъ выгодъ отъ своей измѣны [2]). Клеоны и Фліунтъ сдались Спартанцамъ по примѣру Аргоса [3]).

Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ событій Ахэйскій союзъ, основанный на „гуманныхъ и справедливыхъ началахъ“, увидѣлъ себя въ необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. И замѣчательно, первая кровь, пролитая во имя союза на полѣ битвы, была кровь гражданъ Сикіона, то-есть, перваго большаго города, присоединившагося къ федераціи. Аратъ, пользуясь своею неограниченною властію, предалъ смерти нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, уличенныхъ въ намѣреніи измѣнить союзу [4]). Не на одну военную силу, приведенную изъ Аргоса, опирался Аратъ, рѣшаясь на крутыя мѣры; большинство жителей Сикіона оставалось вѣрно союзнымъ обязанностямъ и не хотѣло вступаться за измѣнниковъ. Не то произошло въ Коринѳѣ, куда Аратъ явился также съ цѣлію произвести строгое слѣдствіе и наказать тѣхъ, кто будетъ уличенъ въ сношеніяхъ съ Клеоменомъ. Раздраженная толпа рѣшилась спасти своихъ предводителей и поднять открытое возстаніе, но предварительно захватить самого Арата. Только необыкновенному присутствію духа и своей ловкости прежній освободитель Коринѳа обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Его потребовали въ храмъ Аполлона, гдѣ собрался народъ; но едва онъ появился здѣсь, какъ поднялась буря, многіе встали съ своихъ мѣстъ, посыпались обвиненія и ругательства. Аратъ понялъ опасность, но нисколько не смутясь, кротко пригласилъ мя-

[1]) Plut., Cleom. 18 (взятіе Аргоса), 20 (обманутыя надежды).
[2]) Polyb., II, 60. ἐπικυδεστέρας ἔσχε τὰς ἐλπίδας
[3]) Plut., Cleom., 19; Arat. 39, Polyb., II, 52.
[4]) Plut., Arat., 40.

тущееся собраніе успокоиться, сѣсть въ порядкѣ и говорить не всѣмъ вдругъ; просилъ потомъ войдти и тѣхъ, которые остались внѣ храма, при дверяхъ, и при этомъ, какъ будто желая на время засѣданія передать кому-нибудь коня, на которомъ пріѣхалъ, онъ успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать въ Акрокоринѳъ. Отсюда уже легче было перебраться снова въ Сикіонъ. Начальнику гарнизона въ крѣпости было приказано быть осторожнымъ и бдительнымъ. Коринѳяне послали погоню вслѣдъ за Аратомъ, но было уже поздно [1]).

Неизвѣстно, въ какой степени склонность Коринѳянъ перейдти на сторону Клеомена должна быть объясняема ихъ неудовольствіемъ на Арата, котораго можно было подозрѣвать въ намѣреніи передать городъ и крѣпость Македоніи. Главною дѣйствующею силой была, безъ сомнѣнія, соціально-демократическая партія. Она видѣла въ Клеоменѣ своего героя, способнаго исполнить всѣ завѣтныя мечты ея: одной этой причины, можетъ-быть, вполнѣ достаточно для объясненія перехода Коринѳянъ на сторону Спартанскаго царя-реформатора. Но если Коринѳяне передавались Спартѣ, чтобы не попасть въ руки Антигона, то въ результатѣ произошло совершенно противное. По замѣчанію Полибія, потеря Коринѳа была для Ахэйцевъ тѣмъ счастливымъ событіемъ, которое должно было наконецъ вывести ихъ изъ мучительной неизвѣстности и колебанія, продолжавшихся слишкомъ долго [2]). Коринѳъ былъ теперь непріятельскій или чужой городъ; Коринѳяне были бунтовщики, утратившіе всѣ права на особенное вниманіе къ ихъ интересамъ и желаніямъ со стороны союза. Ахэйскіе государственные люди могли сказать, что теперь у нихъ руки развязаны, и что они имѣютъ право распоряжаться Акрокоринѳомъ, который все-таки оставался въ рукахъ союзнаго гарнизона, по своему желанію, не спрашиваясь Коринѳянъ. Если миръ съ Клеоменомъ былъ возможенъ, то Ахэйцы могли заключить его на болѣе выгодныхъ условіяхъ, отдавъ ворота Пелопонниса Спартѣ. Если миръ съ Клеоменомъ не возможенъ, то цѣною Коринѳской цитадели можно было купить помощь царя Македонскаго. Миръ съ Клеоменомъ оказался невозможнымъ, и такимъ образомъ переходъ Коринѳа на его сторону только ускорилъ появленіе македонскихъ фалангъ на вершинѣ Акрокоринѳа. Нельзя думать, чтобы одинъ Аратъ былъ препятствіемъ къ примиренію Ахэйскаго союза съ Клеоменомъ [3]). Волненіемъ низшихъ

[1]) Arat., 40; Cleom., 19, ср. Polyb., II ,52, 3.

[2]) Polyb., II, 52, 2: Τοὺς Ἀχαιοὺς ἀπέλυσε τοῦ μεγίστου προβλήματος.

[3]) Какъ хочетъ представить дѣло Плутархъ: Arat., 38; Cleom., 16.

слоевъ народонаселенія, безъ сомнѣнія, были перепуганы всѣ добрые граждане ахэйскіе, всѣ консервативные, зажиточные люди, которые находили до сихъ поръ въ нѣдрахъ союза и свою личную безопасность, и твердое огражденіе правъ собственности. Имъ не было ни нужды, ни возможности разбирать, раздѣлялъ ли Клеоменъ вполнѣ стремленія и планы своей партіи, или нѣтъ. Еслибъ онъ даже и не сочувствовалъ разрушительнымъ стремленіямъ тѣхъ людей, которые провозглашали его своимъ героемъ, — обманутыя надежды аргосскихъ соціалистовъ заставляютъ думать, что такъ было на самомъ дѣлѣ,— все-таки оставался вопросъ, будетъ ли онъ имѣть силу обуздать страсти своихъ приверженцевъ и утишить волненіе, котораго онъ самъ былъ почти главною причиной. Что Аратъ былъ не одинъ, это обнаружилось вскорѣ по возвращеніи его изъ Коринѳа въ Сикіонъ. Приходило время выборовъ въ президенты союза, и здѣсь вокругъ Арата собрались граждане, оставшіеся вѣрными федераціи. Сеймъ на этотъ разъ, безъ сомнѣнія, былъ малолюднѣе, чѣмъ обыкновенно, хотя слишкомъ чувствительной разницы не слѣдуетъ предполагать. Сикіонъ, замѣнившій по необходимости Эгіонъ (обычное мѣсто собраній), представлялъ ту выгоду, что многочисленное, зажиточное и вѣрное населеніе его вознаграждало собою отсутствіе многихъ обычныхъ посѣтителей сейма. Господствующее здѣсь настроеніе сейчасъ же обнаружилось выборомъ Арата въ президенты союза на слѣдующій офиціальный годъ ($^{224}/_{223}$). При этомъ было сознано, что затруднительность положенія требуетъ болѣе обширной и неограниченной власти, чѣмъ обыкновенныя полномочія стратига. Арату дано было нѣчто въ родѣ диктатуры съ тутуломъ „самодержавнаго стратига“ (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ); его должна была охранять постоянная стража изъ мѣстныхъ гражданъ. Послѣднее обстоятельство сообщало положенію Арата не совсѣмъ благопріятный оттѣнокъ, потому что въ глазахъ Грека тѣлохранители были всегда принадлежностію и признакомъ тиранна. Такимъ образомъ гонитель тирановъ, преслѣдовавшій ихъ не только при жизни, но даже и по смерти ихъ, теперь самъ является окруженный ихъ внѣшними ненавистными признаками. Вѣроятно, самъ Аратъ чувствовалъ неловкость своей новой обстановки. Само собою разумѣется, что въ душѣ Сикіонскаго освободителя не возникло желанія и стремленія сдѣлаться настоящимъ тиранномъ. Какъ бы кто строго ни судилъ Арата, во всякомъ случаѣ его характеръ чистъ отъ низкихъ и своекорыстныхъ стремленій. По крайней мѣрѣ никогда нельзя было соблазнить Арата матеріальною и денежною корыстью. Клео-

менъ, обнаружившій попытку сдѣлать это, доказалъ только, что онъ не совсѣмъ понимаетъ своего противника. Явившись въ Коринѳѣ, онъ далъ приказаніе щадить имущество и домъ Арата; вслѣдъ за тѣмъ два раза приходили послы въ Сикіонъ съ самыми выгодными предложеніями лично для ахэйскаго стратига: двѣнадцать талантовъ — вдвое болѣе той суммы, которую получалъ Аратъ изъ казны Александрійской — царь Спартанскій предлагалъ своему сопернику: взамѣнъ того онъ требовалъ, чтобы союзный президентъ ахэйскій и весь союзъ признали его, Клеомена, гемономъ Ахэйцевъ и согласились впустить его въ Акрокоринѳъ, и чтобы впредь эта крѣпость охранялась сообща спартанскими войсками и союзными, ахэйскими [1]). Отвѣтъ на эти предложенія послѣдовалъ уклончивый [2]); нылкій Клеоменъ принялъ его даже за насмѣшливый и вторгнулся уже не съ деньгами, но съ оружіемъ въ рукахъ въ область Сикіонскую. Три мѣсяца длилась осада Сикіона; его территорія была опустошена и разорена, но самый городъ держался крѣпко.

Плутархъ замѣчаетъ, что и теперь, во время осады Сикіона, Аратъ все еще сомнѣвался, слѣдуетъ, или нѣтъ, пожертвовать Акрокоринѳомъ для полученія помощи отъ царя Македонскаго [3]). Вскорѣ однако послѣдовало рѣшеніе. Ахэйцы, собравшіеся на (осенній) сеймъ (224 года), пригласили сюда своего стратига: съ опасностію попасться въ руки Клеомена, провожаемый плачущими соотечественниками, выѣхалъ онъ къ морскому берегу, и на кораблѣ, вмѣстѣ съ сыномъ и десятью друзьями, прибылъ въ Эгіонъ. Здѣсь, на этомъ сеймѣ, было наконецъ принято роковое рѣшеніе. Сынъ Арата отправился къ Антигону съ приглашеніемъ явиться въ Пелопоннисъ на помощь Ахэйскому союзу и занять своими войсками Акрокоринѳъ. Когда узнали объ этомъ въ Коринѳѣ, то разграбили имущество Арата, находившееся въ этомъ городѣ, а домъ его подарили Клеомену [4]). Антигонъ, который съ своимъ войскомъ стоялъ въ Θессаліи — въ полной увѣ-

---

[1]) О двухъ посольствахъ Плутархъ говоритъ два раза (Arat., 41 и Cleom., 19); только въ одномъ мѣстѣ первымъ посольствомъ онъ считаетъ посольство Мегистона, вторымъ Трипила (Arat., 41) или Тритималла (Cleom., 19), а въ другомъ ставитъ имена пословъ въ обратномъ порядкѣ. Трипилъ и Тритималлъ, очевидно, одно и то же лице, но которое чтеніе правильнѣе, рѣшить невозможно.

[2]) Аратъ отвѣчалъ, что не онъ управляетъ положеніемъ (дѣлъ), а его положеніе управляетъ имъ. Plut., Arat., 41; Cleom., 19.

[3]) Arat., 41, въ концѣ: διαποροῦντος, εἰ δέξεται τὸν Ἀντίγονον ἐπὶ τῷ παραδοῦναι τὸν Ἀκροκόρινθον.

[4]) Plut., Arat., 42; Cleom., 19.

ренности, что Ахэйскій союзъ долженъ будетъ согласиться наконецъ на всѣ его требованія, получивъ давно ожидаемое приглашеніе, двинулся въ походъ. Ему пришлось избрать путь не чрезъ Θермопилы, что̀ было бы всего проще и удобнѣе, но чрезъ островъ Эввію, такъ что онъ два раза долженъ былъ сажать на суда свою довольно многочисленную армію (20.000 пѣхоты и 1.400 конницы). Угрозы Этолянъ помѣшали Антигону избрать первый путь. Они объявили царю Македонскому, что если онъ вздумаетъ двинуться чрезъ Θермопилы, то сдѣлаетъ это не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, ибо Этоляне займутъ напередъ всѣ проходы [1]). Антигонъ не хотѣлъ начинать безвременной борьбы съ дерзкими горцами. Онъ спѣшилъ явиться въ Пелопоннисѣ къ веснѣ 223-го года, чтобы немедленно открыть кампанію [2]). Между тѣмъ Клеоменъ, получивъ свѣдѣніе о рѣшеніи, принятомъ въ Эгіонѣ, тотчасъ снялъ безполезную осаду Сикіона и отправился къ Коринѳскому перешейку, чтобы заблаговременно принять здѣсь всѣ необходимыя мѣры. Когда Антигонъ, пройдя Віотію и Мегару, перешелъ черезъ Геранію (на сѣверо-востокѣ отъ Исѳма въ Мегаридѣ), онъ увидѣлъ, что дальнѣйшій путь ему совершенно прегражденъ. Всѣ проходы въ Онійской горной цѣпи, начиная отъ Кенхрей до самаго Коринѳа, были заняты укрѣпленіями, воздвигнутыми Клеоменомъ: гдѣ было можно, были выкопаны рвы, гдѣ нужно, выстроены стѣны [3]). Клеоменъ не намѣренъ былъ вступать въ открытую битву съ македонскими фалангами, но пользуясь мѣстностію, думалъ утомить и ослабить Антигона мелкими схватками. Положеніе царя Македонскаго скоро сдѣлалось затруднительнымъ. Пробиться чрезъ проходы не было возможности; между тѣмъ ему нельзя было долго оставаться на одномъ мѣстѣ, такъ какъ онъ не взялъ съ собою съѣстныхъ припасовъ въ достаточномъ количествѣ [4]). Антигонъ сдѣлалъ попытку обойдти на сѣверѣ крѣпкую позицію Клеомена. Здѣсь отъ города Коринѳа шли стѣны къ приморской гавани Лехэону и тоже преграждали путь. Антигонъ хотѣлъ пробраться черезъ нихъ ночью, но потерпѣлъ не-

[1]) Polyb , II. 52,

[2]) Приглашеніе послѣдовало осенью, въ стратигію Арата. Когда Антигонъ явился на зовъ, то былъ встрѣченъ Аратомъ въ Мегарской гавани Пигахъ вмѣстѣ съ димургами (Plut., Arat., 43); слѣдовательно, это былъ офиціальный пріемъ, и Аратъ былъ еще стратигомъ. Его стратигія однако приближалась уже къ концу, потому что вскорѣ (при возвращеніи Аргоса) стратигомъ является Тимоксенъ (Polyb., II, 62, 2).

[3]) Τὰ Ὄνεια χαρακώσας καὶ τειχίσας. Plut., Cleom. 20. Ср. Polyb., II, 52, 5.

[4]) Plut. Cleom., 20.

удачу и значительныя потери. Коринѳяне помогали Клеомену и сражались храбро, мѣшая въ то же время гарнизону ахэйскому на Акрокоринѳѣ предпринять что бы то ни было [1]). Антигонъ былъ въ крайности. Не находя другаго выхода изъ своего положенія, онъ уже думалъ было отступить назадъ, и поднявшись на сѣверо-западъ, занять Ирэонъ [2]), то-есть, мысъ, которымъ кончается Геранійская цѣпь, чтобъ отсюда моремъ переправиться въ Сикіонъ. Это потребовало бы большихъ приготовленій и много времени. Клеоменъ почти торжествовалъ; его военныя мѣры увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Но вскорѣ послѣдовало неожиданное событіе, которое дало другой видъ всему. Это было возстаніе въ Аргосѣ. Хотя Аргосъ почти добровольно передался Клеомену, здѣсь оставались все-таки друзья Арата и приверженцы Ахэйскаго союза. Они составили заговоръ въ пользу федераціи. Глава этого заговора, Аристотель, послалъ къ Арату нѣсколько человѣкъ (моремъ), приглашая его явиться передъ Аргосомъ и обѣщая въ этомъ случаѣ поднять открытое народное возстаніе противъ Спарты и спартанскаго гарнизона. Посланные увѣряли, что все уже готово къ тому. Дѣйствительно, въ Аргосѣ господствовало общее неудовольствіе противъ Клеомена, и особенно въ низшемъ классѣ населенія. Клеоменъ не оправдалъ блестящихъ надеждъ, которыя на него возлагались. Онъ не только не произвелъ новаго передѣла поземельной собственности, но даже не уничтожилъ собственною властію всѣхъ долговыхъ обязательствъ [3]). Аратъ передалъ спасительную вѣсть Антигону, и выпросивъ у него 1.500 человѣкъ, отправился съ этимъ отрядомъ, также моремъ, въ Епидаврѣ, чтобъ отсюда явиться подъ стѣнами Аргоса. Извѣстно, что Аратъ отличался большою опытностію въ предпріятіяхъ такого рода. Но ему не пришлось много трудиться. Нетерпѣливая толпа еще до его прибытія подняла возстаніе и уже осаждала спартанскій гарнизонъ въ акрополѣ. Когда извѣстіе объ этомъ пришло къ Клеомену, онъ призвалъ къ себѣ Мегистона и съ гнѣвомъ далъ ему приказаніе немедленно, хотя дѣло было ночью, отправиться въ Аргосъ. На Мегистонѣ въ нѣкоторой степени лежала отвѣтственность за Аргосское возстаніе. Онъ увѣрилъ Клеомена въ вѣрности Аргоса, онъ помѣшалъ ему своими совѣтами удалить изъ города подозрительныхъ людей. Мегистонъ успѣлъ пробраться въ городъ, но на Аргосскихъ улицахъ онъ встрѣтился съ ахэйскими от-

[1]) Cleom., 20; Arat., 44.

[2]) Plut., Cleom , 20.

[3]) Ὅτι χρεῶν ἀποκοπὰς οὐκ ἐποίησεν αὐτοῖς ἐλπίσασιν. Cleom., 20.

рядами, ранѣе того пришедшими изъ Сикіона подъ начальствомъ тогдашняго стратига Тимоксена; въ происшедшей тутъ схваткѣ палъ родственникъ Клеомена. Гарнизонъ спартанскій еще держался въ акрополѣ, но и ему грозила большая опасность, если не будетъ подано скорой помощи. Извѣстіе о такомъ положеніи дѣлъ въ Аргосѣ сильно смутило Клеомена. Съ паденіемъ этого города онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ Спарты съ тылу; движеніе Тимоксена изъ Сикіона на югъ къ Аргосу и появленіе Арата съ своимъ отрядомъ въ Епидаврѣ ясно доказывали, что Антигонъ легко можетъ окружить Клеомена съ обѣихъ сторонъ, запереть его самого въ проходахъ или открыть себѣ прямой путь въ Спарту, которая оставалась почти беззащитною. Колебаться было нельзя. Клеоменъ оставилъ линію Коринѳскихъ укрѣпленій, чтобъ идти на помощь своему гарнизону въ Аргосѣ [1]). Антигонъ, немедленно занявшій Коринѳъ, двинулся вслѣдъ за нимъ. Такимъ образомъ открытъ былъ македонскимъ фалангамъ свободный доступъ въ Пелопоннисъ, и судьба самостоятельной Греціи была этимъ почти рѣшена. Не было никакого сомнѣнія, что противъ силъ Ахэйскаго союза, въ соединеніи съ войсками царя Македонскаго, изъ коихъ послѣдніе считались образцовыми по своему устройству, вооруженію и храбрости, одни Спартанцы не будутъ въ состояніи держаться. Только посторонняя помощь, дѣятельное участіе Египта или новое движеніе варварскихъ народовъ на сѣверѣ Македоніи могли спасти Клеомена.

Клеоменъ обнаруживалъ однако необыкновенную бодрость и энергію. Явившись подъ Аргосомъ ранѣе Арата, отправившагося черезъ Епидавръ, онъ сдѣлалъ попытку проникнуть прямо черезъ городскія стѣны внутрь города; когда это оказалось невозможнымъ, онъ открылъ себѣ путь чрезъ подземные ходы (ψαλίδας), устроенные, вѣроятно, для водопроводовъ и ведшіе на верхъ той возвышенности, на которой стояла сѣверная цитадель Аргоса, такъ-называемая Аспида (Ἀσπίς [2]). Соединившись здѣсь съ своимъ утомленнымъ гарнизономъ, онъ началъ дѣйствовать противъ нижняго города; по лѣстницамъ перебрался черезъ стѣны, отдѣлявшія цитадель отъ самаго города; критскіе стрѣлки, находившіеся въ его войскѣ, мѣткимъ дѣйствіемъ своихъ стрѣлъ и дротиковъ не позволяли никому явиться на улицахъ Аргоса, близкихъ къ крѣпости. Не смотря на все это, Клеомену не удалось снова за-

[1]) Plut., Cleom., 21; Arat., 44, Polyb., II, 53. Въ послѣднемъ мѣстѣ отступленіе Клеомена названо близкимъ къ бѣгству.

[2]) Curtius, Peloponn., II, 354.

нять городъ; онъ не могъ даже удержать за собою Аспиды. Съ двухъ сторонъ спѣшили сюда непріятельскія силы: съ сосѣднихъ высотъ на сѣверѣ спускалась въ долину Аргоса македонская фаланга, и передовые конные отряды ея уже проникали въ городъ; съ другой стороны подходилъ Аратъ съ своимъ отрядомъ [1]). Клеоменъ долженъ былъ считать большимъ успѣхомъ, что ему удалось безъ особенныхъ потерь выбраться изъ Аргоса (черезъ стѣны), но окончательная потеря этого города означала потерю всего положенія, пріобрѣтеннаго Клеоменомъ на сѣверѣ полуострова, внѣ Спарты [2]).

Аргосъ снова вошелъ въ составъ Ахэйской федераціи, и въ немъ снова былъ возстановленъ тотъ порядокъ, который былъ до отпаденія къ Клеомену. Какъ видно, мѣстныя правительственныя учрежденія уже прежде приняли здѣсь аналогическія формы съ центральными учрежденіями Ахэйскаго союза. Тотчасъ послѣ изгнанія спартанскихъ войскъ здѣсь были назначены выборы въ должность мѣстнаго стратига города Аргоса и, что̀ замѣчательно, выборъ палъ не на того или другаго изъ туземныхъ жителей, но на Арата [3]), который впрочемъ, проведя время своей юности въ Аргосѣ, могъ считаться гражданиномъ города. Не обошлось безъ преслѣдованій и казней. Измѣнники, передавшіе городъ Клеомену, были наказаны конфискаціей ихъ имуществъ; по внушенію Арата эти имущества были предложены въ даръ царю Македонскому [4]). Бывшій тираннъ Аргоса, главный предводитель измѣннической партіи Клеоменистовъ, не отдѣлался одною потерей своего имѣнія. Его преступленіе казалось тѣмъ непростительнѣе, что Ахэйскій союзъ оказалъ ему разъ особенную довѣренность, избравъ на высокую должность союзнаго президента и снявъ съ него такимъ образомъ печать отверженія, лежавшую на немъ, какъ на бывшемъ тираннѣ. Припомнили Аристомаху всѣ вины и преступленія его прошедшаго; и если справедливо во всѣхъ подробностяхъ то тяжелое обвиненіе, которое возводитъ на него Поливій [5]), что онъ убилъ 80 гражданъ Аргосскихъ, подвергнувъ ихъ предварительно пыткѣ, то нѣтъ ничего особенно удивительнаго, что бывшему тиранну отмѣрили тою же мѣрою, которою онъ самъ мѣрилъ. Аристомахъ былъ утопленъ въ морѣ; если вѣрить очень сомнительному свидѣтельству Филарха,

---

[1]) Plut., Cleom., 2; Ср. Arat., 44.

[2]) Ἐκπεσὼν ἁπάντων. Plut., Cleom., 21.

[3]) Plut., Arat., 44.

[4]) Ibid.

[5]) Объ этомъ см. въ IV главѣ.

то онъ долженъ былъ испытать предварительно тѣ же самыя мученія, которымъ онъ подвергалъ другихъ [1]).

Устроивъ дѣла въ Аргосѣ, Антигонъ двинулся вслѣдъ за Клеоменомъ по направленію къ Тегеѣ. Безъ большаго труда изгнаны были незначительные спартанскіе гарнизоны, оставленные Клеоменомъ въ воздвигнутыхъ имъ укрѣпленіяхъ на Мегалополитанской территоріи, а самыя укрѣпленія были переданы Ахэйцамъ [2]). Этимъ кончилась первая кампанія Антигона (223 года); уже наступала осень, когда военныя дѣйствія обыкновенно прекращались. Антигонъ хотѣлъ воспользоваться свободнымъ временемъ для того, чтобъ окончательно устроить свои отношенія къ Ахэйскому союзу, и для этого явился на союзный сеймъ, по обычаю сошедшійся въ Эгіонѣ [3]). Ахэйцы имѣли теперь случай ближе познакомиться съ своимъ союзникомъ и покровителемъ. И они, и Аратъ должны были почувствовать, что въ покровителѣ они пріобрѣли отчасти господина. Что касается Арата, то нужно сказать, его первоначальныя опасенія не оправдались. Съ нѣкоторымъ опасеніемъ и страхомъ явился онъ на первое свиданіе съ Антигономъ (въ гавани Пигахъ). Онъ опасался, что Антигонъ Досонъ все-таки будетъ видѣть въ немъ стараго врага Македонской монархіи. Но царь Македонскій не былъ злопамятенъ: Аратъ нашелъ пріемъ въ высшей степени благосклонный и внимательный; обратившись ко всѣмъ другимъ посламъ съ общимъ, хотя и милостивымъ, привѣтствіемъ [4]), Антигонъ оставилъ ихъ, чтобы побесѣдовать съ своимъ прежнимъ врагомъ. И потомъ Аратъ всегда могъ разчитывать на вниманіе и уваженіе собственно къ его личности. Къ нему обращались за совѣтомъ въ важныхъ дѣлахъ; онъ раздѣлялъ досуги царскаго отдохновенія; случалось, что одинъ и тотъ же царскій покровъ защищалъ отъ холода и Ахэйскаго стратига, и Македонскаго властителя, когда всѣ остальные придворные должны были почтительно переносить зим-

---

[1]) Филархъ самымъ трагическимъ образомъ описывалъ смерть Аристомаха, за что̀ обличаетъ его Полибій (II, 59 и 60). Полибій отвергаетъ фактъ пытки; Плутархъ слѣдуетъ Филарху. Arat., 44 (στρεβλώσαντες κατεπόντισαν). Вѣроятно, Полибій правъ, и нужно думать, что онъ имѣлъ основанія отвергать подробность, сообщаемую Филархомъ. Онъ не боится сказать, что Аристомахъ былъ бы достоинъ всякой жестокой казни, какую только можно придумать (60, 7). Ср. I главу этого сочиненія.

[2]) Polyb., II, 54, 7; ср. Pausan., VIII, 34, 5 и 27, 4.

[3]) Polyb., II, 54.

[4]) Τοὺς μὲν ἄλλους ἠσπάσατο μετρίως καὶ κοινῶς; см. Plut., Arat., 43 (изъ мемуаровъ Арата?).

нюю стужу [1]). Но Антигонъ Досонъ все-таки былъ царь Македонскій; были случаи, когда онъ болѣе обращалъ вниманія на свою царскую честь, чѣмъ на желанія и просьбы Арата. Онъ приказалъ вновь поставить низверженныя статуи тирановъ въ Аргосѣ, не простирая вмѣстѣ съ Аратомъ такъ далеко ненависти къ тираннамъ, чтобы преслѣдовать изображенія ихъ, но скорѣе помня, что это были не болѣе какъ подручники Македоніи; за то, не взирая на просьбы Арата, онъ велѣлъ низвергнуть статуи освободителей Акрокоринѳа (отъ власти Антигона Гонаты) и оставилъ на своемъ мѣстѣ только одну изъ нихъ — статую предводителя знаменитой ночной экспедиціи, то-есть, самого Арата [2]). Это мелочныя личныя отношенія. Въ своихъ общихъ отношеніяхъ къ Ахэйскому союзу царь Македонскій, разумѣется, не могъ имѣть въ виду только интересы Ахэйской федераціи. Ахэйцы на своемъ сеймѣ должны были не только утвердить за царемъ Македонскимъ владѣніе Акрокоринѳомъ, но отдать ему и самый городъ Коринѳъ [3]), укрѣпленія котораго со стѣнами, идущими къ Лехэону, составляли необходимое продолженіе Акрокоринѳскихъ укрѣпленій, какъ это оказалось и въ началѣ похода. Ахэйцы должны были принять на себя обязательства касательно пропитанія и содержанія македонскаго войска; они должны были отказаться отъ полной свободы внѣшнихъ сношеній съ другими государствами; безъ согласія Антигона они не могли пересылаться послами и вести переговоры съ другими царями [4]), при чемъ, разумѣется, прежде всего имѣлся въ виду царь Египетскій. Впрочемъ, послѣднія два условія были, повидимому, въ равной степени только временными обязательствами, долженствующими имѣть силу въ продолженіе войны (объ одномъ изъ нихъ это разумѣется само собою), подобно тому какъ только на время войны имѣлъ значеніе титулъ неограниченнаго игемона на сушѣ и на морѣ, возложенный на Антигона при его вступленіи въ Пелопоннисъ [5]). На этомъ же сеймѣ въ Эгіонѣ было положено начало постояннымъ и прочнымъ отношеніямъ Ахэйскаго союза къ Македоніи или, лучше сказать, къ царю Македонскому. Антигонъ нисколько не думалъ разрушать связь, соединявшую бо̀льшую часть Пелопонниса въ одно государство, нисколько не думалъ касаться внутреннихъ началъ союз-

[1]) Arat, ibid.
[2]) Plut., Arat, 45.
[3]) Plut., Arat., 45.
[4]) Ibid.
[5]) Plut., Arat., 38.

наго устройства ахэйскаго. Ахэйская федерація не подчинялась ему, какъ царю Македоніи, но только рядомъ съ Македоніей и наравнѣ съ другими государствами Греціи, входила, какъ составная часть, въ другой болѣе обширный союзъ, союзъ самостоятельныхъ государствъ. Антигонъ не думалъ оспаривать у Ахэйцевъ преобладаніе въ Пелопоннисѣ, но только хотѣлъ удержать за собою преобладаніе въ Греціи и для этого, разумѣется, долженъ былъ получить извѣстное вліяніе и на силу, преобладающую въ Пелопоннисѣ.

Весною слѣдующаго 222 года (неизвѣстно, ранѣе ли весенняго сейма, на которомъ Аратъ снова былъ избранъ въ стратиги или послѣ этого сейма), Антигонъ, снявшись съ зимнихъ квартиръ, двинулся опять противъ царя Спартанскаго. Не удержавшись въ Аргосѣ, Клеоменъ отступилъ (въ 223 году) въ Аркадію, гдѣ въ его рукахъ находились Мантинея, Тегея и Орхоменъ. Въ Тегеѣ онъ узналъ о новомъ ударѣ, которымъ судьба поразила его. Ему принесли вѣсть о смерти любимой его жены Агіатиды. Не смотря на всю тяжесть утраты, Клеоменъ перенесъ свое семейное горе съ мужествомъ истинно спартанскимъ. Скрѣпя сердце и твердо сохраняя наружное спокойствіе, онъ дѣлалъ необходимыя распоряженія для защиты Тегеи. Когда Антигонъ прекратилъ свои военныя дѣйствія, Клеоменъ также отправился въ Спарту; вмѣстѣ съ матерью и дѣтьми исполнилъ предписанныя закономъ обязанности домашняго траура и опять отдалъ всего себя заботамъ государственнымъ. Ему приходилось жертвовать для спасенія своей чести и славы всѣми личными привязанностями. Необходимость вскорѣ заставила его рѣшиться на долгую и печальную разлуку и съ остальною семьей своею. Царь Египетскій Птолемэй Евергетъ не остался, какъ и слѣдовало ожидать, равнодушнымъ къ расширенію македонскаго вліянія въ Греціи и готовъ былъ подать помощь Клеомену, но требовалъ, чтобъ этотъ послѣдній предварительно отдалъ ему въ залогъ вѣрности свою мать и дѣтей. Можно повѣрить Филарху [3]), что Клеоменъ не вдругъ рѣшился объявить своей матери объ этомъ требованіи, хотя трудно поручиться за всѣ трогательныя подробности, которыя при этомъ сообщаетъ уже знакомый намъ писатель. Нѣсколько разъ, будто бы, приходилъ Клеоменъ къ своей матери съ намѣреніемъ завести рѣчь о необходимости разлуки и всякій разъ уходилъ, не сказавъ ни слова объ этомъ. Сама Кратисиклея за-

---

[1]) Которому здѣсь, очевидно, слѣдуетъ Плутархъ. См въ первой главѣ о признакахъ и качествахъ Филарховскаго разказа.

мѣтила наконецъ, что на душѣ ея сына лежитъ что-то, чего онъ не рѣшается ей открыть, и обратилась съ распросами къ приближеннымъ Клеомена. Тогда ему пришлось объяснить, чего требуютъ суровыя обстоятельства. Съ полною покорностію судьбѣ, съ истинно геройскимъ величіемъ духа, съ нѣжными упреками за боязливое отсутствіе вѣры въ любовь матери и ея способность къ самоотверженію Кратисиклея приняла признаніе сына. Съ тайными слезами она обняла его въ послѣдній разъ во храмѣ Посидона (на мысѣ Тэнарѣ), куда провожалъ ее Клеоменъ, и съ полнымъ спокойствіемъ, въ присутствіи посторонныхъ, сѣла вмѣстѣ съ своими внуками на корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ Александрію [1]). Птолемэй могъ бы подать весьма дѣйствительную помощь царю Спартанскому, и всѣ преданія Александрійской политики требовали отъ него глубокаго вниманія къ событіямъ въ Греціи. Система политическаго равновѣсія, какъ уже замѣчено, не есть произведеніе новаго времени; тѣсно связанные исторіей своего происхожденія и единствомъ главныхъ началъ образованности, постоянно опасаясь новаго проявленія идеи о всемірномъ господствѣ или о возстановленіи Александровой монархіи, епигоны Александра по необходимости дошли до сознательнаго усвоенія этой системы. Позднѣйшая политика трехъ великихъ державъ, политика Антигонидовъ, Птолемэевъ и Селевкидовъ признавала необходимымъ самостоятельное существованіе второстепенныхъ государствъ для взаимнаго обузданія; въ частности, для Александрійской политики первымъ условіемъ безопасности считалось не допускать Македоніи до полнаго господства въ Греціи и постоянно поддерживать здѣсь свое вліяніе. Антигонъ имѣлъ поэтому всѣ основанія опасаться при самомъ началѣ своего похода, что не далѣе какъ въ слѣдующемъ году онъ увидитъ египетскій флотъ у береговъ Греціи. Это было тѣмъ легче для Птолемэя и тѣмъ опаснѣе для Антигона, что кромѣ Клеомена Египетъ имѣлъ и другихъ союзниковъ въ Греціи. Аѳинская республика, руководимая въ то время двумя извѣстными демагогами, Евриклидомъ и Микіономъ, покорно слѣдовала внушеніямъ Александрійскаго двора, и безъ сомнѣнія, съ полною готовностію открыла бы свою гавань для египетскаго флота [2]). Легко было предвидѣть, что и Этолія не замедлитъ воспользоваться удобнымъ случаемъ къ поживѣ. Вся опасность для Антигона, вся на-

[1]) Plut., Cleom., 22.
[2]) Polyb. V, 106.

дежда для Клеомена заключались такимъ образомъ въ египетскомъ флотѣ. Клеоменъ принесъ всѣ жертвы для упроченія своего союза съ Александрійскимъ дворомъ. Антигонъ также долженъ былъ принять всѣ мѣры, чтобы не допустить вмѣшательства со стороны Птолемэя. Для этой цѣли нужно было противъ самаго Египта поднять войну гдѣ-либо вдали отъ Греціи; этимъ не только были бы отвлечены силы Египта, но и Этоляне оставили бы Элладу, чтобы, по своему обычаю и по своему пристрастію къ Египетскому золоту, пойдти въ выгодную службу къ Птолемэю. Нужно думать, что взглядъ Антигона обнималъ широко и ясно всѣ условія тогдашней политики; нужно думать, что война между Египтомъ и Сиріей, открывшаяся одновременно почти съ походомъ Антигона въ Пелопоннисъ (въ 224 году), началась не безъ вѣдома и участія Антигона Досона [1]). Онъ тѣмъ легче могъ склонить Сирійскаго царя Селевка Сотира (или Керавна) поднять оружіе противъ Евергета, что Египетъ завладѣлъ ранѣе того цѣлыми областями въ Азіи, которыя по естественному, географическому положенію должны были бы принадлежать державѣ Селевкидовъ, именно Киликіей и важнѣйшими городами Малой Азіи; съ другой стороны, Антигонъ могъ обѣщать и дѣйствительно подать дѣятельную помощь Селевку, владѣя самъ Каріей. Война эта, не смотря на смерть Селевка, убитаго своимъ мятежнымъ войскомъ, шла весьма счастливо для Сиріи и весьма несчастливо для Птолемэя и его союзника, Аттала Пергамскаго. Египтяне потеряли всѣ свои владѣнія въ Малой Азіи, кромѣ Ефеса и Самоса.

Вотъ почему 223 годъ прошелъ, и кампанія 222 года началась безъ всякаго участія Египта въ дѣлахъ Греціи. Но Антигонъ долженъ былъ дѣйствовать какъ можно быстрѣе и рѣшительнѣе, потому что положеніе дѣлъ въ Азіи могло измѣниться. Мы оставили его предъ Тегеею. Послѣ непродолжительной осады этотъ городъ принужденъ былъ сдаться соединеннымъ македонскимъ и ахэйскимъ войскамъ, и Антигонъ могъ направиться въ самую Лаконику. Здѣсь, на ея границахъ, ожидалъ его Клеоменъ; произошло нѣсколько мелкихъ стычекъ [2]), но вскорѣ Антигонъ отступилъ назадъ, услышавъ, что гар-

---

[1]) Антигонъ около этого времени самъ ѣздилъ въ Азію (Polyb. XX, 5, 11), можетъ-быть, именно для личныхъ переговоровъ съ царемъ Сирійскимъ. Что путешествіе это было не задолго до Клеоменовой войны, видно изъ самаго разказа Поливія (ibid., § 12). О самой войнѣ также у Поливія, IV, 48. Ср. Droys., G. des Hellen , II, 520 и слѣд. Van-Calcar, Introitus in vitam Philippi, III, 65.

[2]) Polyb., II, 54, 9.

низонъ Орхомена вышелъ изъ города и намѣревался подать помощь царю Спартанскому и напасть на македонскія войска съ тылу. Орхоменъ былъ взятъ приступомъ, а вслѣдъ за тѣмъ точно также пала и Мантинея. Орхоменъ былъ отданъ на разграбленіе войску; еще болѣе жестокая судьба постигла Мантинею. Знатные граждане были перебиты, другіе отведены въ Македонію въ оковахъ или проданы въ рабство съ женами и дѣтьми; добыча разореннаго города, составлявшая 300 талантовъ, была раздѣлена между Ахэйцами и Македонянами; послѣдніе получили изъ нея двѣ трети [1]). Суровые законы греческой войны, а еще болѣе раздраженіе противъ Мантинеи со стороны Ахэйцевъ за двойную измѣну союзу — служатъ объясненіемъ жестокаго поступка. Нужно замѣтить, что сверхъ того на Мантинейцахъ лежало еще болѣе тяжелое обвиненіе: при своей вторичной измѣнѣ, при переходѣ на сторону Клеомена, они перебили Ахэйцевъ, стоявшихъ здѣсь гарнизономъ, хотя они были призваны самими гражданами Мантинеи [2]). Плутархъ находитъ непзвинительною не самую месть, но то, что она простиралась не только на настоящихъ гражданъ, но и на самое идеальное существованіе знаменитаго города, еще у Гомера названнаго „возлюбленною Мантинеей“. Ахэйцы получили городъ въ даръ, они вновь населили его, и по предложенію Арата, дали ему другое названіе — Антигонія, въ честь своего союзника; это названіе сохранилось до временъ Плутарха [3]). Антигонія составляла однако снова самостоятельный членъ въ федераціи Ахэйской [4]). Занятіемъ Ирэи и Телфусы, сдавшихся добровольно, заключился походъ 222 года; уже въ августѣ македонскія войска были распущены на зимнія квартиры, „домой“ [5]), какъ выражается Поливій. Такое раннее

---

[1]). Polyb., II, 58; Plut., Arat., 45; ср. Polyb., II, 62, 11.

[2]) Polyb., II, 58, 4.

[3]) Arat., 45; ср. Pausan., VIII, 8, 11. Императоръ Адріанъ, однако, возстановилъ прежнее наименованіе Мантинеи.

[4]) Какъ это доказывается существованіемъ монетъ съ наименованіемъ Антигоніи. См. Шорнъ, стр. 126.

[5]) Поливій (II, 54, 13) говоритъ, что уже наступала зима: ἤδη συναπτοντος τοῦ χειμῶνος; но это противорѣчитъ другому извѣстію, сообщаемому имъ же самимъ. Мегалополь взятъ Клеоменомъ уже послѣ того, какъ Антигонъ распустилъ свои войска (II, 55, 1), и все-таки даже это событіе должно падать на августъ мѣсяцъ. Въ девятой книгѣ, въ особомъ отдѣлѣ объ обязанностяхъ полководца, Поливій разказываетъ о другой попыткѣ Клеомена овладѣть Мегалополемъ, которая была сдѣлана ранѣе и кончилась неудачно (объ этомъ сейчасъ будетъ сказано). Эта неудачная попытка относится къ мѣсяцу маю (περὶ

прекращеніе военныхъ дѣйствій, оказавшееся пагубнымъ для Ахэйскаго союза, имѣло свои причины, которыя послѣ обнаружатся.

Клеоменъ не замедлилъ самымъ энергическимъ образомъ воспользоваться праздностію царя Македонскаго. Онъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобъ остановить его успѣхи въ Аркадіи, но за то съ полною рѣшительностію готовился встрѣтить врага при вступленіи въ Лаконику, гдѣ должна была произойдти окончательная борьба за независимость Спарты. Всѣ средства, которыя страна могла представить, должны были пойдти въ дѣло. До сихъ поръ Клеоменъ считалъ богатство „болѣзнію и язвою“ государства; теперь ему пришлось искать

τὴν τῆς Πλειάδος ἐπιτολήν — IX, 18, 2), и по замѣчанію, сдѣланному Поливіемъ мимоходомъ (II, 55, 5), она только тремя мѣсяцами предшествовала взятію и разоренію Мегалополя, и слѣдовательно, прекращенію кампаніи Антигономъ. Что были какія-то причины, заставившія Антигона распустить свои войска ранѣе обыкновеннаго времени, можно также заключить и изъ разказа Павсанія о разореніи Мегалополя. Въ трехъ мѣстахъ (II, 9, 2; VII, 7, 4; VIII, 27, 10) этотъ писатель утверждаетъ, что Клеоменъ взялъ городъ вѣроломно, во время перемирія. Перемиріе очень хорошо могло бы объяснять поступокъ Антигона, то-есть, раннее прекращеніе военныхъ дѣйствій. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Павсанія сообщаетъ ложное извѣстіе Поливій, довольно подробно разказывающій о несчастной судьбѣ своего роднаго города и полемизирующій противъ Филарха по этому поводу (II, 61), не умолчалъ бы о фактѣ вѣроломства со стороны Клеомена, котораго щадить онъ не имѣетъ никакихъ причинъ. Вмѣсто того Поливій говоритъ, что граждане Мегалополя небрежно охраняли свой городъ, надѣясь *на близость* Антигона (II, 55, 2), какъ бы тутъ не упомянуть о перемиріи, еслибъ оно дѣйствительно было? Павсанія, вѣроятно, что-нибудь перепуталъ по своему обычаю (доказательство, что это у него дѣло обычное, тутъ же на лицо: въ одномъ изъ указанныхъ мѣстъ, именно VIII, 27, 10 онъ говоритъ о смерти Лидіада при взятіи Мегалополя Клеоменомъ, въ 222 или 221 году). На настоящій слѣдъ наводитъ извѣстіе Филарха, сохраненное Поливіемъ (II, 63), что нѣсколько позже царь Египетскій совѣтовалъ Клеомену заключить миръ съ Антигономъ. Нападеніе на Мегалополь послѣдовало дѣйствительно во время мира, перемирія или переговоровъ о мирѣ, но не между Антигономъ и Клеоменомъ, а между Антигономъ и союзникомъ Клеомена, Птолемэемъ, который, можетъ-быть, имѣлъ нѣкоторое право договариваться и за Клеомена. Этотъ дѣйствительный миръ или необходимость получить его прежде, чѣмъ рѣшиться на походъ въ Лаконику, и былъ, какъ увидимъ, причиною медленности Антигона.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. У Поливія сказано, что Антигонъ отпустилъ македонскія войска на зиму домой — ἐπ᾽ οἴκου: ужели въ самомъ дѣлѣ — въ Македонію, какъ обыкновенно понимаютъ? Но Плутархъ (Cleom., 25), ссылаясь на Поливія, говоритъ, что Македоняне были разсѣяны по городамъ: κατὰ πόλιν; слѣдовательно, или ἐπ᾽ οἴκου Плутархъ понималъ не въ буквальномъ смыслѣ, или онъ читалъ у Поливія какое-нибудь другое слово.

себѣ опоры между сколько-нибудь зажиточными людьми, ибо для веденія войны прежде всего нужны деньги. Было объявлено отъ имени Клеомена, что тотъ изъ илотовъ, кто внесетъ 25 минъ (аттическихъ, слѣдовательно, около 125 рублей), получитъ свободу. Шесть тысячъ человѣкъ нашлось между илотами, сдѣлавшихъ въ казну такой взносъ; отсюда составилась очень значительная сумма въ 500 талантовъ. Мало того: еще бо̀льшая выгода принятой мѣры состояла въ томъ, что теперь представилась возможность увеличить и наличный составъ войска. Третья часть новыхъ гражданъ была немедленно вооружена по образцу македонскому, чтобъ ихъ можно было противопоставить македонскимъ „бѣлощитникамъ“ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Клеоменъ рѣшился нанести ударъ своимъ противникамъ въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ. Мегалополь могъ по справедливости считаться послѣ потери Коринѳа первымъ городомъ въ союзѣ. По своей величинѣ онъ равнялся Спартѣ и даже нѣсколько превосходилъ ее; но хотя и построенный въ широкомъ стилѣ и на роскошную ногу, онъ не могъ похвалиться количествомъ населенія, соотвѣтствующимъ пространству, занимаемому городомъ. По своему значенію въ союзѣ, по своей дружбѣ съ царями Македонскими, вслѣдствіе своего участія въ призваніи Антигона, это былъ городъ, болѣе всего и прежде всего ненавистный Клеомену, который очень хорошо зналъ, какъ трудно охранять его слишкомъ большія стѣны [2]). Именно сюда были направлены замыслы Клеомена. Еще три мѣсяца назадъ, въ маѣ 222 года онъ сдѣлалъ попытку овладѣть Мегалополемъ. Въ вѣрномъ Мегалополѣ нашлись тогда предатели, готовые измѣнить Ахэйскому союзу и открыть царю Спартанскому доступъ внутрь города черезъ городскія стѣны. Небольшая ошибка въ разчетѣ времени была причиною неудачи. Клеоменъ двинулся изъ Спарты около заката солнца и поспѣлъ къ Мегалополю только къ утру, забывъ, что въ маѣ ночи очень коротки; не имѣя возможности дѣйствовать при дневномъ свѣтѣ, когда все было разчитано на неожиданность нападенія и появленія въ городѣ, онъ принужденъ былъ воротиться назадъ [3]). Но Мегалополь и послѣ этого не ушелъ отъ наблюдательныхъ глазъ своего заклятаго врага. Узнавъ, что Антигонъ находится въ Эгіонѣ, на сеймѣ ахэйскомъ, въ трехдневномъ разстояніи отъ Мегалополя, и разчитывая, что въ надеждѣ на близость могущественнаго союз-

[1]) Plut., Cleom., 23.
[2]) Polyb., II, 55; Plut., Cleom., 23.
[3]) Polyb., IX. 18; Ср. II, 55, 5.

ника, городъ охраняется не очень внимательно, Клеоменъ рѣшился повторить свою попытку. Замыселъ былъ исполненъ съ необыкновенною смѣлостью и быстротой. Взявъ на пять дней съѣстныхъ припасовъ, Клеоменъ направился на сѣверъ Лаконики по направленію къ Селласіи, дѣлая видъ, что онъ намѣренъ вторгнуться въ Арголиду. Но отъ Селласіи онъ поворотилъ на западъ и явился вблизи Мегалополя. Изгнанники Мессинскіе, которые проживали здѣсь, дали ему знать, что самый важный пунктъ въ городской стѣнѣ оставленъ безъ всякой охраны. Отрядъ, ночью посланный впередъ подъ начальствомъ Пантея, нашелъ дѣйствительно среднюю башню и другія мѣста въ стѣнѣ совершенно беззащитными. Стѣны были въ однихъ мѣстахъ сейчасъ же разломаны, въ другихъ подкопаны; стражи, которые встрѣтились, были перебиты; скоро явился и самъ Клеоменъ, и прежде чѣмъ поднялась тревога, онъ былъ уже внутри города. Но при наступленіи дня онъ нашелъ самое упорное сопротивленіе на городскихъ улицахъ. Знаменитый въ послѣдствіи Филопименъ въ первый разъ является здѣсь на сцену; онъ воодушевилъ и ободрилъ своихъ согражданъ и на всѣхъ пунктахъ отбивалъ напирающихъ Спартанцевъ; только благодаря превосходству своихъ силъ и крѣпости занятыхъ позицій, Клеоменъ удержался въ городѣ: иначе онъ былъ бы уничтоженъ. Если мужество Филопимена не могло спасти города, то по крайней мѣрѣ дало возможность спастись и выбраться съ своимъ имуществомъ большей части его жителей; самъ Филопименъ, покрытый ранами, прикрывалъ отступленіе; не болѣе тысячи душъ осталось во власти Клеомена, всѣ другіе съ женами и дѣтьми удалились въ Мессинію. Одинъ изъ мужественныхъ защитниковъ Мегалополя, взятый въ плѣнъ, хотѣлъ спасти свой родной городъ отъ разоренія. Онъ обратился къ честолюбію и благородству Клеомена, внушая ему, что пощадою вражескаго города онъ пріобрѣтетъ бо́льшую славу, чѣмъ его взятіемъ, и подавая надежду, что великодушіе въ то же время будетъ и самою выгодною политикой; оно дастъ царю Спарты такихъ же вѣрныхъ друзей и надежныхъ союзниковъ, какихъ доселѣ въ жителяхъ Мегалополя имѣли Ахэйцы. Клеоменъ послушался совѣта и отправилъ въ Мессинію пословъ съ предложеніемъ, чтобы Мегалополитанцы, отставъ отъ Ахэйской федераціи, присоединились къ нему, и притомъ обѣщалъ возвратить и городъ, и самое имущество, доставшееся въ руки побѣдителей. Если предложеніе Клеомена могло быть названо великодушнымъ, то еще большей чести заслуживаетъ самоотверженіе согражда́нъ Филопимена, не принявшихъ милости на условіяхъ измѣны

союзу, къ которому они до сихъ поръ принадлежали. Филопименъ опять явился самымъ жаркимъ патріотомъ ахэйскимъ; своею рѣчью онъ остановилъ колеблющіеся умы согражданъ. Они отвергли предложеніе Клеомена и изгнали изъ Мессины его посредниковъ, двухъ плѣнныхъ Мегалополитанцевъ. Раздраженный и обманутый въ своихъ надеждахъ, Клеоменъ рѣшился предать ненавистный городъ конечному разоренію, тѣмъ болѣе что, какъ предвидѣлъ это и Филопименъ, онъ не былъ въ силахъ удержать его за собою по причинѣ его обширности и невозможности защищать. Имущество жителей было разграблено, общественныя зданія разрушены, статуи и картины, ихъ украшавшія, отправлены въ Спарту. Клеоменъ старался, чтобы не осталось камня на камнѣ, чтобы никогда не могъ снова возстать городъ, вся исторія котораго была проникнута враждою къ Спартѣ [1]).

Ахэйцы находились еще въ Эгіонѣ вмѣстѣ съ царемъ Македонскимъ, когда пришла къ нимъ печальная вѣсть о паденіи Мегалополя. Арату досталась горькая обязанность возвѣстить собравшемуся народу о роковомъ событіи; долгое время онъ не въ силахъ былъ говорить, и закрывъ лицо плащемъ, обливаясь слезами, стоялъ на ораторской каѳедрѣ; смущенные и удивленные сограждане требовали слова и услышали: „Мегалополь разрушенъ Клеоменомъ“. Болѣе этого Аратъ не могъ произнесть [2]). Сеймъ былъ немедленно распущенъ; Антигонъ готовился идти противъ Клеомена, но войска, уже находившіяся на зимнихъ квартирахъ, не могли быть скоро собраны; Антигонъ поэтому измѣнилъ свое намѣреніе, и послалъ распоряженіе, чтобъ они оставались на своихъ мѣстахъ, отправился съ небольшимъ отрядомъ наемниковъ къ Аргосу, за который тоже слѣдовало опасаться. Клеоменъ, дѣйствительно, не остановился на первомъ своемъ успѣхѣ передъ Мегалополемъ. Раннею весной 221 года, когда еще македонскія войска по прежнему оставались на зимнихъ квартирахъ, зная, что Антигонъ находится въ Аргосѣ съ незначительными силами, Клеоменъ вторгнулся въ Арголиду и началъ ее страшно опустошать. Цѣль смѣлаго набѣга была очень хорошо разчитана. Если Антигонъ съ своими недостаточными силами выйдетъ на встрѣчу, то будетъ разбитъ и уничоженъ; если жь онъ рѣшится оставаться равнодушнымъ зрителемъ разоренія союзной территоріи, то возбудитъ противъ себя общій ропотъ и потеряетъ всякое уваженіе союзниковъ. Случилось отчасти послѣднее. Антигона нельзя было увлечь на путь отчаянныхъ

[1]) Polyb., II, 55. Plut , Cleom., 23 и 24; Philop. 5. Ср. Pausan, VIII, 17, 10.
[2]) Plut., Cleom., 25.

и рискованныхъ предпріятій, онъ имѣлъ на столько истинной твердости и необходимой для полководца независимости духа, что не смотря на раздающійся кругомъ ропотъ, оставался неподвижно въ Аргосѣ. Граждане этого города толпами стекались къ воротамъ его дворца и громко требовали, чтобъ онъ или шелъ сражаться, или если не въ состояніи защищать своихъ союзниковъ, пусть бы передалъ игемонію болѣе смѣлымъ и достойнымъ людямъ. Антигонъ оставался неподвиженъ; даже подойдя къ самымъ стѣнамъ Аргоса, Клеоменъ не успѣлъ вызвать его на безвременную борьбу [1]). Не безъ причины однако Антигонъ, противъ своего обыкновенія, обнаруживалъ такую бездѣятельность, что распустилъ свои войска еще до начала осени и не торопился собрать ихъ рано весною, когда Клеоменъ былъ уже въ полѣ. Колеблющееся положеніе дѣлъ въ Азіи и Египтѣ, очевидно, имѣло большое вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій въ Пелопоннисѣ. Были минуты, когда Антигонъ могъ ожидать съ часу на часъ появленія египетскаго флота въ греческихъ водахъ; было бы въ высшей степени опасно въ виду этой возможности слишкомъ далеко удаляться отъ собственныхъ владѣній, углубляясь на югъ Греціи. Египтяне легко могли высадиться въ Аѳинахъ или около Коринѳа и запереть въ свою очередь македонскія войска на полуостровѣ. Только вполнѣ обезпечивъ себя со стороны Египта, Антигонъ могъ рѣшиться на походъ въ Лаконику, гдѣ должно было послѣдовать окончательное рѣшеніе его борьбы съ Клеоменомъ. Весною того же самаго 221 года пришли наконецъ благопріятныя извѣстія изъ Александріи, вслѣдствіе которыхъ царь Македонскій получилъ полную свободу дѣйствій. Сирійскій союзникъ Антигона, преемникъ Селевка, Антіохъ, названный въ послѣдствіи Великимъ, долженъ былъ, какъ сказано, удерживать и занимать Птолемэя; но онъ самъ съ нѣкотораго времени находился въ затруднительномъ подоженіи вслѣдствіе возмущенія въ двухъ провинціяхъ его царства, поднятаго двумя братьями Александромъ и Молономъ. Видно, что Антигонъ имѣлъ хорошихъ друзей среди лицъ, окружавшихъ молодаго царя. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Ермій, родомъ изъ Каріи, провинціи, которая находилась теперь подъ властію Антигона, среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ настаивалъ, чтобы война съ Египтомъ была продолжаема. Онъ поддерживалъ эту мысль въ царскомъ совѣтѣ и тогда, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что возстаніе усиливается и торжествуетъ, что полководцы, отправленные

[1]) Polyb., II, 64. Plut., Cleom., 25. Плутархъ здѣсь слѣдуетъ Поливію.

противъ бунтовщиковъ, ничего не въ силахъ предпринять. Когда Антіохъ, въ своемъ походѣ противъ Египта (собственно на Килисирію), остановленный въ тѣснинахъ Ливана и Антиливана, узналъ о полномъ пораженіи своихъ силъ, отправленныхъ противъ Молона, о распространеніи возстанія на сосѣднія провинціи, Ермій все-таки былъ за продолженіе войны съ Птолемэемъ. Трудно думать, чтобы такіе совѣты соотвѣтствовали интересамъ Сирійскаго царя, но что они могли служить интересамъ царя Македонскаго, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Восторжествовало однако въ совѣтахъ Антіоха желаніе лучше сохранить свои владѣнія, чѣмъ завоевывать чужія: сирійскія войска отступили отъ египетскихъ границъ [1]). Теперь Антигонъ долженъ былъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, если онъ хотѣлъ удержать Птолемэя отъ дѣятельнаго участія въ европейскихъ дѣлахъ. При дворѣ Александрійскомъ явились послы Македонскаго царя, которые встрѣтились здѣсь съ матерью Клеомена [2]), и старались склонить Птолемэя Евергета къ тому, чтобъ онъ отказался отъ содѣйствія Клеомену. Мы увидимъ, что посольство достигло вполнѣ своей цѣли; остается только спросить, какою цѣною куплено было бездѣйствіе Египта. Само собою разумѣется, Птолемэй отрекся отъ всѣхъ преданій Александрійской политики не безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Карія, которая до сихъ поръ принадлежала къ царству Македонскому, позже причисляется къ провинціямъ, принадлежащимъ властителямъ Египта: можно думать, что именно теперь послѣдовалъ этотъ переходъ [3]). Во всякомъ случаѣ весной 221 года переговоры съ Египтомъ пришли къ счастливому концу, и Антигонъ не имѣлъ болѣе причинъ медлить.

Какъ и слѣдовало ожидать, онъ двинулся противъ Клеомена съ твердымъ намѣреніемъ нанести ему рѣшительный ударъ на поляхъ самой Лаконики. Напрасно Клеоменъ старался остановить грозное движеніе новымъ смѣлымъ вторженіемъ въ Арголиду, во флангъ македонскимъ фалангамъ, которыя шли по направленію къ Тегеѣ. Антигонъ, правда, долженъ былъ на нѣкоторое время воротиться назадъ, чтобы спасти Аргосъ отъ участи Мегалополя. Но торжество Клеомена было кратковременно; долго держаться въ Арголидѣ онъ не могъ; иначе ему грозила бы опасность быть отрѣзаннымъ отъ своего отечества. Клеоменъ отступилъ въ Лаконику, и Антигонъ снова

[1]) О сирійскихъ событіяхъ: Polyb., V, 40 и слѣд.

[2]) Plut., Cleom., 22.

[3]) Догадка Дройзена, Hellen., II, 543.

послѣдовалъ за своимъ непріятелемъ [1]). Армія царя Македонскаго, кромѣ природныхъ Македонянъ, состояла изъ союзныхъ Ахэйцевъ, Віотянъ, Епиротянъ, Акарнянъ, наемныхъ Иллирійцевъ и Галловъ; число ея простиралось до 28.000 пѣхоты и 1.200 всадниковъ [2]). Клеоменъ располагалъ менѣе значительными силами: въ его войскѣ считалось 20.000 человѣкъ; но неравенство силъ уравновѣшивалось выгодами положенія на сторонѣ Клеомена, который долженъ былъ только защищаться и могъ избрать для этого самую удобную мѣстность. Его военный талантъ вполнѣ обнаружился въ выборѣ позиціи, на которой онъ хотѣлъ остановить Македонскаго царя. Главную защиту Лаконики составляли прежде горы, окружающія долину Еврота со всѣхъ сторонъ; за ними Спартанцы долго чувствовали себя совершенно безопасными. Ѳивэйская война, разрушившая очарованіе спартанской непобѣдимости, показала однако, что защищать всѣ проходы въ этихъ горахъ довольно трудно; по крайней мѣрѣ въ четырехъ мѣстахъ нужно было держать большіе отряды, что̀ вело къ раздѣленію силъ. Агесилай, при нашествіи Епаминонда, оставившій одинъ изъ (четырехъ) проходовъ незащищеннымъ, тѣмъ самымъ облегчилъ врагамъ вторженіе въ сердце Лаконики. Клеоменъ не повторилъ этой ошибки. Онъ избралъ свою оборонительную позицію не на самыхъ границахъ Лаконики, а нѣсколько далѣе къ югу, гдѣ сходятся всѣ дороги, ведущія изъ Арголиды и Аркадіи къ Спартѣ, неподалеку отъ города Селласіи.

Нѣкоторыя географическія подробности необходимы для объясненія происшедшаго здѣсь сраженія, имѣющаго такое роковое значеніе въ греческой исторіи [3]). Итакъ, къ востоку отъ главной Тегейской дороги (по направленію къ Спартѣ) течетъ небольшая рѣчка Инунтъ (Οἴνους, Oenus, теперь Келефина); она беретъ свое начало въ Парнонской горной цѣпи, ограждающей долину Еврота съ востока, и впадаетъ въ рѣку Евротъ. Въ ея верхней области, нѣсколько въ сторону на западъ, лежатъ развалины города Карій, мимо котораго прошли

[1]) Plut., Cleom., 26. Ср., Polyb., II, 65, 1.

[2]) Polyb., II, 65, 5. Ср. Plut, Cleom, 27, въ концѣ (круглыя цифры).

[3]) Не смотря на мастерское описаніе этаго сраженія, оставленное Поливіемъ, большимъ знатокомъ греческой стратигіи и тактики, ходъ его оставался однако не вполнѣ понятнымъ и яснымъ до послѣднихъ изслѣдованій мѣстности. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ ученымъ французской экспедиціи; ихъ изслѣдованія дополнены и развиты нѣмецкими учеными (Ross, Reisen durch Griechenland, 181 стр.; Vischer, Erinnerungen, стр. 361 — 367). Мы пользовались преимущественно сочиненіемъ Фишера.

нѣкогда войска Епаминонда Рѣчка направляется къ Евроту на юго-западъ чрезъ узкія ущелья; предъ впаденіемъ въ Евротъ, тамъ, гдѣ дорога, ведущая чрезъ Каріи (теперь деревня Арахова) соединяется съ большою Тегейскою дорогой, рѣчная долина Инунта нѣсколько расширяется; на сѣверномъ берегу рѣчки образуется небольшая площадь, длина которой простирается на четверть часа ходьбы, а ширина минутъ на десять. Съ восточной стороны эта площадь ограничивается не очень высокою, но крутою горой, поднимающеюся надъ самымъ лѣвымъ берегомъ Инунта: это гора Олимпъ. Съ западной стороны долины находится другая гора, менѣе крутая (уже на правомъ берегу Инунта): это Ева. При сѣверной окраинѣ этой послѣдней горы въ глубоко врѣзанномъ ложѣ течетъ маленькій ручей и впадаетъ справа въ Инунтъ. Ручей этотъ есть тотъ самый, который, въ описаніи сраженія у Поливія, называется Горгилъ. Далѣе на сѣверъ отъ равнины поднимаются довольно легко горы, чрезъ которыя проходитъ Тегейская дорога; къ югу отъ Евы тянется болѣе крутой горный хребетъ, на вершинѣ котораго (около 2.700 футовъ надъ поверхностію моря) находятся теперь развалины древней Селласіи. Склоны этого хребта такъ близко сходятся со склонами противолежащей (на другомъ берегу Инунта) горы Олимпа, что Инунтъ съ большимъ усиліемъ пробивается между ними. Древняя дорога пробиралась однако именно здѣсь, по правому берегу Инунта.

Клеоменъ избралъ свою позицію на югѣ описанной маленькой равнины, такъ что его правое крыло, состоявшее изъ Спартіатовъ и бо́льшей части наемниковъ, стояло на горѣ Олимпѣ, а лѣвое, гдѣ были періики и союзники, на горѣ Евѣ; между ними въ самомъ низкомъ мѣстѣ на правомъ берегу Инунта, на самой дорогѣ стояла конница съ небольшимъ отдѣленіемъ легкой пѣхоты. Непосредственную команду на правомъ крылѣ имѣлъ самъ царь, на лѣвомъ—его братъ Евклидъ. Валъ и ровъ, возведенные впереди позиціи, усиливали его природную крѣпость. Антигонъ шелъ, какъ мы уже знаемъ, по большой Тегейской дорогѣ. Вступивъ на равнину, онъ тотчасъ замѣтилъ выгодное положеніе непріятеля, который такъ искусно воспользовался мѣстностію и занялъ каждый пунктъ соотвѣтствующимъ родомъ войска. По замѣчанію Поливія, Клеоменъ стоялъ, какъ ловкій фехтовальщикъ, готовый и отразить чужой ударъ, и направить свой въ какую угодно сторону. Антигонъ, самъ очень опытный полководецъ, сейчасъ же убѣдился въ невозможности прямаго нападенія и поэтому остановился лагеремъ нѣсколько сѣвернѣе, имѣя впереди своего фронта упомянутый

выше ручей Горгилъ. Нѣсколько дней провелъ Антигонъ въ этомъ положеніи, изучая мѣстность и стараясь открыть гдѣ-нибудь слабый пунктъ; всѣ его попытки были напрасны. Наконецъ онъ рѣшился напасть на врага прямо съ фронта, не смотря на всѣ невыгоды своего положенія. Клеоменъ также не думалъ избѣгать битвы при такихъ благопріятныхъ для него условіяхъ. Ему нечего было ждать. За десять дней до сраженія пришли къ нему послы изъ Египта. Птолемэй, въ рукахъ котораго находилось семейство Клеомена, вмѣсто всякой помощи совѣтовалъ ему помириться съ Антигономъ и Ахэйцами, объявляя, что царь Спартанскій не только не долженъ ожидать военной помощи изъ Египта, но не можетъ болѣе разчитывать и на денежныя пособія изъ казны Александрійской. Птолемэй продалъ своего союзника за Карію. Послѣ этого Клеомену оставалось только принять сраженіе съ тѣми силами, которыми онъ располагалъ. Онъ еще могъ бы, для продленія борьбы, отступить далѣе, защищаться въ самой Спартѣ, въ которой уже давно были возведены стѣны; но это имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ разчитывалъ на какія-нибудь новыя средства, имѣющія подоспѣть въ близкомъ времени. Если же при однихъ собственныхъ средствахъ позволительно было питать какую-либо надежду на успѣхъ, то именно теперь эта надежда не была лишена основанія. Можно сказать, что Клеоменъ съ большимъ правомъ могъ быть почти увѣренъ въ побѣдѣ. Напрасно поэтому Филархъ, стараясь придать болѣе трагизма и безъ того трагической судьбѣ своего героя, увѣряетъ, что только недостатокъ въ деньгахъ заставилъ Клеомена принять сраженіе; напрасно, тѣмъ болѣе что не Клеоменъ началъ сраженіе, а царь Македонскій.

Антигонъ первый построилъ свое войско въ боевой порядокъ. На правомъ крылѣ, назначенномъ дѣйствовать противъ Евклида на Евѣ, была поставлена легкая македонская пѣхота — такъ-называемые „мѣднощитники“, съ отрядами Иллирійцевъ, Акарнянъ и Критянъ; двухтысячный отрядъ Ахэйцевъ долженъ былъ служить имъ резервомъ. Это крыло находилось подъ начальствомъ Александра, родомъ Македонянина, и Димитрія Фарійскаго. Вся конница (числомъ 1.200) была выставлена въ срединѣ и должна была двигаться по берегу Инунта на встрѣчу непріятельской конницѣ; ее должны были поддерживать Мегалополитанскій и собственно ахэйскій пѣшіе отряды, въ тысячу человѣкъ каждый. Македонская фаланга въ 10.000 человѣкъ и 15.000 наемныхъ войскъ, подъ начальствомъ самого Антигона, поставлены были на лѣвомъ крылѣ, чтобы дѣйствовать противъ Клеомена на

Олимпѣ. Главная аттака имѣла послѣдовать съ праваго крыла македонскаго: оно первое должно было направиться на Еву, между тѣмъ какъ центръ и лѣвое крыло оставались бы сначала въ наблюдательномъ положеніи. Красный парусъ [1]), поднятый на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ самъ царь, послужилъ сигналомъ къ началу сраженія. Иллирійцы, почью поставленные на высокомъ ложѣ Горгила между берегами, вмѣстѣ съ мѣднощитниками, устремились на гору, гдѣ стоялъ Евклидъ. Легкія войска спартанскаго центра (расположеннаго на равнинѣ вмѣстѣ съ конницею), замѣтивъ, что двухтысячный ахэйскій резервъ остался совершенно не прикрытымъ сзади, бросились на него и стали такимъ образомъ сильно тѣснить тылъ праваго крыла македонскаго, которое между тѣмъ съ трудомъ взбиралось на гору. Еслибъ Евклидъ, стоявшій на высотѣ горы, въ свою очередь быстро двинулся впередъ на встрѣчу наступающему врагу, то иллирійскій отрядъ Антигона былъ бы поставленъ въ самое опасное положеніе, принужденный спереди и сзади отбиваться отъ вражескаго натиска; еслибъ онъ былъ разбитъ, что̀ можно сказать почти навѣрное, судьба сраженія была бы рѣшена въ пользу Клеомена. Странная неподвижность Евклида испортила все дѣло, благопріятная минута была опущена. Филопименъ, стоявшій съ своими согражданами, Мегалополитанцами, въ македонскомъ центрѣ, замѣтилъ опасность и немедленно сообщилъ свои наблюденія ближайшимъ македонскимъ военачальникамъ. На его слова не обратили вниманія, такъ какъ Филопименъ не имѣлъ никакого офиціальнаго служебнаго авторитета и былъ еще молодъ (однако тридцати лѣтъ); исполнительные Македоняне хотѣли дождаться условнаго знака, чтобы начать дѣйствовать. Филопименъ рѣшился на самовольное отступленіе отъ диспозиціи; съ своими согражданами, которыхъ ему легко было увлечь, не смотря на отсутствіе офиціальнаго значенія, онъ бросился на спартискую конницу, оставленную пѣхотой; наемная легкая пѣхота спартанская, услышавъ крикъ позади себя и замѣтивъ внизу горы схватку своей конницы съ непріятельскою, воротилась назадъ на ту позицію, которую занимала первоначально, на помощь тѣснимой Филопименомъ конницѣ. Иллирійцы и Македоняне, не тревожимые съ тылу, могли теперь продолжать свое движеніе вверхъ противъ Евклида, который, по объясненію Полибія, непремѣнно хотѣлъ дождаться враговъ, пока они поднимутся на гору, чтобы тѣмъ удобнѣе гнать ихъ внизъ по скалистымъ скло-

[1]) Polyb.. σινδών Plut., Philop., 6: φοινικίς.

намъ горы и такимъ образомъ истребить ихъ окончательно. Случилось противное. Не оставивъ себѣ достаточно мѣста для сколько-нибудь свободнаго дѣйствія и не имѣя возможности сдѣлать даже малѣйшее передвиженіе, принужденный сражаться на самой вершинѣ горы противъ стройныхъ и крѣпкихъ рядовъ македонскихъ, Евклидъ скоро былъ сбитъ съ мѣста тяжелымъ натискомъ македонскаго оружія; его войска очутились внизу, тогда какъ Иллирійцы стали на гребнѣ горы; но послѣдніе не остановились здѣсь по примѣру Евклида и напротивъ того съ жаромъ продолжали свой натискъ, гнали Спартанцевъ внизъ по крутымъ и скалистымъ обрывамъ горы, нанося имъ страшный вредъ.

Въ то же самое время происходило сраженіе между конницею съ той и съ другой стороны. Ахэйцы бились съ особенною храбростію, Филопименъ подавалъ имъ примѣръ своимъ мужествомъ; потерявъ лошадь, онъ сталъ сражаться пѣшій, и только, получивъ двѣ сильныя раны, оставилъ поле сраженія. Клеоменъ, какъ сказано, находился на Олимпѣ, на своемъ лѣвомъ крылѣ; противъ него стоялъ самъ Антигонъ: и здѣсь уже кипѣла битва. Она началась послѣдовательнымъ рядомъ схватокъ между легкими и наемными войсками съ той и съ другой стороны, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Клеоменъ съ главными силами оставался за своими укрѣпленіями, откуда хотѣлъ его выманить Антигонъ. Но вотъ Клеоменъ увидѣлъ бѣгство своего лѣваго крыла, услышалъ, что самъ Евклидъ палъ въ сраженіи, потомъ замѣтилъ, что и конница, расположенная на равнинѣ, стала колебаться. Опасеніе, что ему одному съ однимъ своимъ отрядомъ придется скоро отбиваться отъ всего непріятельскаго войска, заставило его оставить свою крѣпкую позицію и вывести всѣ свои силы на встрѣчу Антигону. Грозно столкнулись фаланги съ той и съ другой стороны, когда по звуку трубъ легкіе отряды очистили для нихъ свободное поле. Упорный бой длился долгое время; нѣсколько разъ Македоняне колебались предъ отчаяннымъ мужествомъ Спартанцевъ, нѣсколько разъ Спартанцы подавались назадъ предъ тяжелымъ напоромъ македонскихъ дружинъ. Наконецъ фаланги Антигона, сомкнувъ сарриссы, страшнымъ натискомъ двинулись впередъ, и ничто не могло удержать ихъ напора; безполезными оказались и валъ и рвы, за которыми прежде могъ держаться Клеоменъ. Судьба сраженія была рѣшена [1]).

[1]) Описаніе сраженія находится, какъ сказано, у Поливія II, 65—67. Плутархъ передастъ ходъ битвы въ біографіи Филопимена (гл. 6) въ сущности согласно съ подробнымъ отчетомъ Поливія. Есть однако нѣкоторыя особенныя

Когда все было кончено, Антигонъ позвалъ къ себѣ Александра, то-есть, того вѣрнаго дисциплинѣ предводителя конницы, подъ начальствомъ котораго находились Мегалополитанцы съ Филопименомъ, и спросилъ его съ строгимъ видомъ, какъ онъ смѣлъ начать сраженіе, прежде чѣмъ поданъ былъ условный знакъ. Александру было легко оправдаться, стоило только сказать, что не онъ сдѣлалъ это, но „какой-то юноша изъ Мегалополя, нарушивъ дисциплину и оказавъ ослушаніе, оставилъ ряды“. Но вотъ что отвѣчалъ на такое оправданіе Антигонъ: „Этотъ Мегалополитанскій юноша поступилъ, какъ настоящій полководецъ, дѣйствуя согласно съ требованіями минуты, а ты — какъ первый попавшійся солдатъ, ничего не понимающій“ [1]).

Селласійская катастрофа составляетъ окончательное рѣшеніе вопроса о самостоятельномъ возрожденіи Греціи, и мы могли бы остановить здѣсь свой разказъ, если бы дальнѣйшая судьба лицъ, на которыхъ такъ долго удерживалось наше вниманіе, не была достойна того, чтобы посвятить ей нѣсколько минутъ. Самъ Клеоменъ принесъ въ Спарту извѣстіе о своемъ пораженіи; о дальнѣйшемъ сопротивленіи нельзя было и думать. Онъ совѣтовалъ своимъ подданнымъ покориться побѣдителю, предоставляя себѣ заботу объ искупленіи и возстановленіи свободы отечества и сохраняя полную готовность жить или умереть для его пользы. Смерти Клеоменъ не боялся, но робкимъ малодушіемъ показалось ему приглашеніе одного изъ друзей кончить свою жизнь добровольно, свободными Спартанцами, не склоняя ни передъ кѣмъ своей головы. Клеоменъ отправился въ Египетъ, еще надѣясь убѣдить Птолемэя къ новой войнѣ противъ царя Македонскаго и рѣшаясь ожидать благопріятной перемѣны обстоятельствъ. При жизни Птолемэя Евергета надежда не покидала царственнаго изгнанника. При ближайшемъ личномъ знакомствѣ съ своимъ покинутымъ союзникомъ, Птолемэй, говорятъ, самъ сталъ сожалѣть о томъ, что за неважныя матеріальныя пріобрѣтенія

подробности о ранахъ Филопимена и объ отступленіи (войска спартанскаго центра не сами по себѣ дѣлаютъ движеніе въ тылъ Иллирійцамъ, а по приказанію Евклида). Плутархъ, безъ сомнѣнія, пользовался юношескимъ сочиненіемъ Поливія въ похвалу Филопимена въ трехъ книгахъ (См. Polyb., X, 21) Въ біографіи Клеомена (гл. 28) Плутархъ пользуется также Филархомъ, но не совсѣмъ довѣряетъ его разказу объ измѣнѣ, будто бы бывшей причиною окончательнаго пораженія Клеомена. См. также у Павсанія (IV, 29, 9; VII, 7, 4, VIII 49, 5), который, повидимому, въ послѣднемъ мѣстѣ имѣетъ передъ глазами Плутарха.

[1]) Polyb , II, 68, 1, Plut., Philop., 6, въ концѣ

отказался отъ дружбы и союза съ такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, какого уже давно не видала Грецiя; идя объ руку съ нимъ до конца борьбы, можно было бы достигнуть гораздо бо́льшаго, окончательно ослабить Македонскаго соперника и получить Карiю не вслѣдствiе двусмысленной политической сдѣлки, а прямымъ и правымъ путемъ военной силы, ибо какъ могъ бы защищаться Антигонъ въ Азiи, если бы былъ побѣжденъ въ Европѣ и потерялъ здѣсь распоряженiе греческими силами? Позднее сожалѣнiе и раскаянiе царя Египетскаго должна была заглушить богатая казна Александрiйская: каждый годъ отпускалось изъ нея Клеомену по 24 таланта При своей неизмѣнной привычкѣ къ простотѣ и умѣренности, онъ вовсе не нуждался для себя въ такой громадной суммѣ (около 40.000 рублей) и охотно дѣлилъ ее съ пелопоннисскими изгнанниками, которыхъ набралось въ Египтѣ до трехъ тысячъ. Всѣ они готовы были положить голову за своего любимаго героя; всѣ они раздѣляли вѣру, которую питалъ Клеоменъ, что его роль еще не кончена, что онъ еще воротится въ Грецiю. Евергетъ, пока былъ живъ, поддерживалъ эти надежды, обѣщая дать и флотъ, и деньги для возвращенiя Клеомена въ отечество. Не переставали ждать Клеомена и въ Спартѣ, оставляя для него не замѣщеннымъ престолъ Ираклидовъ. Литература греческая, еще ранѣе нашедшая себѣ пріютъ при Александрiйской библiотекѣ, какъ видно, тоже не осталась равнодушною къ славной личности побѣжденнаго героя. Сфэръ послѣдовалъ за своимъ ученикомъ въ Египетъ и принесъ съ собою философское объясненiе и теоретическое оправданiе реформаторской дѣятельности своего ученика, какъ возстановителя законовъ Ликурга въ Спартѣ. Одно за другимъ стали являться сочиненiя о Ликургѣ, о спартанскомъ государственномъ устройствѣ. Изъ тѣхъ круговъ, которые были близки къ Клеомену, вынесъ, можно думать, историкъ Филархъ свое горячее сочувствiе къ спартанскимъ царямъ-преобразователямъ, которымъ и до сихъ поръ дышатъ бiографiи, принадлежащiя благородному философу-моралисту Хэронейскому.

Было одно время, когда казалось близкимъ осуществленiе всѣхъ надеждъ, соединенныхъ съ именемъ Клеомена. Его побѣдитель не долго наслаждался своею славой. Вскорѣ послѣ сраженiя при Селласiи Антигонъ получилъ извѣстiе изъ Македонiи, что новое нашествiе варварскихъ народовъ требуетъ немедленно его присутствiя въ отечествѣ. Судьба въ этомъ случаѣ горько посмѣялась надъ Клеоменомъ. Самъ серiозный Полибiй нашелъ нужнымъ замѣтить, что стоило бы

только протянуть Клеомену нѣсколько дней, не вступая въ рѣшительное сраженіе, или послѣ пораженія и отступленія въ Спарту продержаться тамъ самое короткое время, что̀ не было невозможно, и онъ удержалъ бы за собою престолъ и свое положеніе [1]). Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ останавливался Филархъ, а за нимъ и Плутархъ на мысли о томъ, что̀ было бы, если бы письмо съ извѣстіемъ о нападеніи Иллирійцевъ было принесено къ Антигону немного ранѣе сраженія; съ особеннымъ удовольствіемъ представляли они себѣ, какъ бы тогда Антигонъ оставилъ при Селласіи однихъ Ахэйцевъ, „на долго простившись съ ними“ [2]); съ нѣкоторою какъ бы досадою на своего героя искали они причины, зачѣмъ онъ вступилъ въ это безвременное сраженіе; съ большою поспѣшностію, впадая даже въ замѣтное противорѣчіе съ собою, находили эту причину въ недостаткѣ денегъ у Клеомена, между тѣмъ какъ приходилось платить наемнымъ войскамъ. Какъ бы то ни было, Антигонъ едва успѣлъ на короткое время прійдти вслѣдъ за Клеоменомъ въ Спарту, гдѣ онъ возстановилъ старый порядокъ, „древнее, прародительское устройство“, какъ выражается Полибій, обойдясь съ жителями очень человѣколюбиво. На третій день его пребыванія здѣсь пришло то письмо, которое отзывало его въ Македонію. Чрезъ Аргосъ, посѣтивъ здѣсь Немейскія игры (лѣто 221 года, олим. 139, 4), онъ отправился на родину, уже нося опасную болѣзнь въ своей груди. Антигонъ успѣлъ еще настигнуть варваровъ, разсѣявшихся для грабежа по Македоніи, и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе; но волненіе битвы, напряженіе голоса и груди окончательно сокрушили его силы: у него полилась кровь горломъ, и на самомъ мѣстѣ побѣды Антигонъ Досонъ кончилъ свою жизнь.

Наслѣдникомъ его на престолѣ былъ семнадцатилѣтній сынъ Димитрія II, Филиппъ V. Этоляне хотѣли воспользоваться его молодостію и неопытностію, чтобы силою оружія разорвать сѣть, которая теперь окружала ихъ со всѣхъ сторонъ подъ видомъ симмахіи, созданной Антигономъ. Началась въ Греціи такъ-называемая союзническая война [3]); театромъ ея былъ опять Пелопоннисъ. Положеніе дѣлъ звало Клеомена самымъ настоятельнымъ образомъ на родину — „едва не по

---

[1]) Polyb., II, 70, 2 и 3.

[2]) Μακρὰ χαίρειν φράσας Ἀχαιοῖς. Plut., Cleom., 27.

[3]) Συμμαχικὸς πόλεμος, какъ постоянно у Полибія; у Плутарха Cleom., 34: Αἰτωλικὸς πόλεμος.

имени", какъ выражается Поливій [1]). Теперь могла осуществиться мысль, которую и прежде питали въ Этоліи, о союзѣ съ Клеоменомъ противъ Македоніи. Спартанскій левъ рвался изъ празднаго заключенія въ Александріи на мѣсто дѣйствія. Онъ готовъ былъ отправиться туда только съ своими друзьями, не требуя никакого пособія отъ царя Египетскаго. Но царемъ Египетскимъ теперь былъ уже не Птолемэй Евергетъ, умершій въ одинъ годъ съ Антигономъ, а Птолемэй Филопаторъ. Дѣятельная политика предшественника не была по нраву Филопатора; имъ самимъ управляли женщины и вино, а царствомъ—недостойные любимцы. Послѣдніе начинали уже недовѣрчиво смотрѣть на Клеомена, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался отъ одного порученія, которое хотѣли возложить на него, именно убить царскаго брата, казавшагося опаснымъ самому царю, а еще болѣе царскимъ любимцамъ. Сильно не понравились наперсникамъ Птолемэя, а вслѣдъ за ними и самому Птолемэю, тѣ успокоительныя слова, которыми Клеоменъ хотѣлъ отклонить ихъ отъ низкаго и злодѣйскаго поступка, отъ такъ-называемаго политическаго убійства. Онъ выражалъ убѣжденіе, что царю Египетскому нѣтъ основанія бояться своего брата и опасаться наемныхъ войскъ, будто бы слишкомъ усердно расположенныхъ къ этому брату. Въ числѣ послѣднихъ, замѣтилъ Клеоменъ, находятся 3.000 Пелопоннисцевъ, и стоитъ только кивнуть ему, Клеомену, чтобъ они пошли на защиту царя. Послѣ этого Клеоменъ сталъ казаться придворнымъ Филопатора „львомъ среди овецъ", какъ они сами выражались безъ особенной національной гордости. Упустить этого льва изъ Александріи тамошнимъ политикамъ казалось опаснымъ, какъ скоро онъ узналъ всѣ секреты и слабыя стороны овецъ. За одно непочтительное выраженіе о царѣ, высказанное наединѣ въ бесѣдѣ съ другомъ, Клеоменъ былъ подвергнутъ формальному заключенію; для льва нашлась крѣпкая клѣтка. Тотъ же самый вѣроломный другъ, который передалъ замѣчаніе Клеомена его врагамъ, согласился участвовать въ низкой интригѣ, имѣвшей цѣлію погубить его окончательно По желанію придворныхъ царя Птолемэя Филопатора, онъ написалъ доносъ противъ Клеомена, который будто бы грозилъ поднять возстаніе въ Египтѣ, если его не отправятъ съ достаточными силами въ Грецію. Какъ скоро Клеоменъ убѣдился, что его не выпустятъ изъ заключенія, и напротивъ того узналъ, что его велятъ стеречь внимательнѣе, „какъ большаго и опаснаго звѣря", онъ рѣ-

[1]) V, 35, 2. μόνον οὐκ ἐπ' ὀνόματος.

шился выйдти самъ, для того чтобъ или возвратить себѣ свободу, или умереть со славою. На улицахъ Александріи среди бѣлаго дня (περὶ μέσον ἡμέρας) явилась толпа въ тринадцать человѣкъ; съ оружіемъ въ рукахъ, громкими криками они призывали всѣхъ къ свободѣ. Это былъ Клеоменъ съ своими друзьями, которые успѣли освободить его хитростію. Никакого впечатлѣнія, кромѣ страха, призывъ къ свободѣ не произвелъ на жителей Александріи. Они бѣжали не туда, гдѣ раздавался этотъ непривычный крикъ, а прочь отъ него и какъ можно далѣе. Клеомену и его товарищамъ оставалось или воротиться въ свое заключеніе и тамъ ожидать казни отъ руки палачей, или кончить жизнь самоубійствомъ. Всѣ предпочли смерть отъ руки людей свободныхъ и сами оказали другъ другу послѣднюю, кровавую услугу. Общее убѣжденіе древности не только вполнѣ оправдывало такой поступокъ, но видѣло въ немъ примѣръ геройства: „Они умерли, наложивъ на себя взаимно руки, истинно благородною и вполнѣ спартанскою смертію“, говоритъ Поливій [1]).

Одинъ Аратъ остался въ живыхъ изъ всѣхъ ближайшихъ участниковъ драмы, кончившейся на равнинѣ Селласіи, и едва-ли къ концу своего поприща имѣлъ основаніе благодарить боговъ за то, что они продлили его жизнь. Сначала онъ пользовался большимъ уваженіемъ у преемника Антигонова. Юный Филиппъ V былъ, можно сказать, политическимъ ученикомъ и питомцемъ ахэйскаго государственнаго человѣка. Еще Антигонъ предъ своею смертью вызвалъ своего племянника и наслѣдника въ Пелопоннисъ, чтобъ онъ могъ тамъ подъ руководствомъ Арата познакомиться съ греческими отношеніями, съ руководящими началами греческой политики. Филиппъ не забылъ предсмертнаго завѣщанія своего дяди — слушаться во всемъ совѣтовъ Арата. Это было тѣмъ легче для него, что умный, ловкій и опытный Аратъ умѣлъ внушить молодому царю искреннее расположеніе къ себѣ [2]). Не долго однако продолжались такія отношенія. Первыя неудовольствія, какія Аратъ долженъ былъ испытать, шли отъ придворныхъ царя Македонскаго. Старые министры и бывшіе совѣтники Антигона Досона хотѣли видѣть въ греческихъ союзникахъ такихъ же подданныхъ своего царя, какими были Македоняне, и требовали, чтобы Филиппъ обращался съ ними безъ особенныхъ церемоній, именно какъ съ подданными или лучше, какъ съ побѣж-

---

[1]) V, 39, 5

[2]) Plut. Arat. 46 и 47

денными врагами. Мало по малу эти внушенія взяли верхъ надъ болѣе благоразумными совѣтами Арата. Филиппъ пересталъ дорожить симпатіями Грековъ, которые были ему такъ нужны въ предстоящей борьбѣ съ Римомъ, и хотѣлъ укрѣпить свое положеніе въ Греціи другими болѣе надежными средствами.

Владѣя Акрокоринѳомъ, онъ обнаружилъ стремленіе взять въ свои руки и другую крѣпость полуострова — Иѳому (вмѣстѣ съ Мессиніей): это могло сдѣлать его полнымъ господиномъ всего Пелопонниса. Для достиженія своей цѣли царь Македонскій не постыдился прибѣгнуть къ самой позорной интригѣ; онъ постарался вызвать кровавое столкновеніе въ главномъ городѣ Мессиніи между двумя пресловутыми партіями демократовъ и олигарховъ, дабы во время смятенія проникнуть въ крѣпость.

Еще разъ Арату удалось своими представленіями поправить дѣло по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ еще можно было воротить, удалось убѣдить Филиппа отказаться отъ владѣнія Иѳомой; но это было, кажется, въ послѣдній разъ.... Филиппъ возобновилъ потомъ свою попытку и потерпѣвъ неудачу, предалъ страшному раззоренію всю страну вокругъ Иѳомы. Мессинскія событія представляютъ самый наглядный, но вовсе не единственный обращикъ того, что̀ значила македонская игемонія въ Греціи при Филиппѣ V. Аратъ умеръ (въ 213 году) съ горькимъ сознаніемъ, что, призвавъ македонскія войска, онъ положилъ конецъ самостоятельности и свободѣ Пелопонниса, умеръ, говорятъ [1]), отъ медленнаго яда, который данъ былъ ему по приказанію Филиппа.

Сраженіемъ при Селласіи вопросъ о самобытномъ возрожденіи Греціи былъ рѣшенъ отрицательно, и это былъ окончательный приговоръ исторіи. Нельзя сказать, чтобы такой исходъ всѣхъ надеждъ, которыя около 228-го года казались такъ прочными и основательными, необходимо лежалъ въ самой природѣ вещей, что для Греціи не было другаго спасенія, кромѣ подчиненія Македоніи. Нужно, конечно, пожалѣть, что федеративный принципъ, единственный принципъ, который могъ примирить всѣ племенныя и мѣстныя противоположности въ столь богатой и столь разнообразной греческой жизни, который могъ дать возможно крѣпкую и твердую организацію всѣмъ силамъ націи, не убивая однако живыхъ проявленій въ ея исторически образовав-

---

[1]) Plut. Arat. 52. Polyb. VIII, 14, 2.

шихся самостоятельныхъ отдѣлахъ, — нужно пожалѣть, что этотъ принципъ такъ поздно получилъ полное признаніе въ греческой исторіи и такъ поздно сдѣлался руководящею идеей политическихъ людей Греціи. Лучшія силы еллинской національности были уже изжиты, благороднѣйшія части ея потеряли и растратили свою нравственную силу и энергію. Но выгода во многихъ отношеніяхъ гибельнаго греческаго партикуляризма обнаружилась между прочимъ и въ томъ, что упадокъ Аѳинъ и Спарты не означалъ еще паденія всей націи. Въ незначительномъ и малоизвѣстномъ углу Греціи сохранилось еще много неиспорченной и нетронутой силы, которая и не пропала даромъ для цѣлой Еллады. Отсюда вышло движеніе, основанное на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя уже и ранѣе требовали себѣ признанія, — движеніе, на которое слѣдуетъ смотрѣть какъ на вполнѣ логическое продолженіе предыдущей греческой исторіи. Оно дорого прежде всего именно тѣмъ, что составляетъ конецъ въ непрерывной цѣпи попытокъ объединенія, исходившихъ изъ внутренней потребности греческаго народа, не зависѣвшихъ отъ внѣшняго гнета, не навязанныхъ постороннею силою. Оно важно прежде всего тѣмъ, что представляетъ осуществленіе, полное, окончательное и правильное развитіе идеи, составлявшей цѣлую половину содержанія всей греческой исторіи, то-есть, объединительной идеи въ ея противоположности съ автономическою идеей. Оно стоитъ неоспоримо въ прямомъ генеалогическомъ родствѣ съ аѳинскою симмахіей и со всѣми послѣдующими объединительными попытками, кончая Аркадскою федераціей. Но не одну только идеальную и логическую цѣнность имѣютъ для насъ начала, осуществившіяся въ Ахэйскомъ союзѣ; не потому только они имѣютъ для насъ значеніе, что они составляли внутреннее, къ несчастію, не удовлетворенное вовремя требованіе греческой исторіи, что они даютъ поэтому отвѣтъ на тотъ вопросъ, безъ котораго никогда нельзя разстаться съ исторіей Греціи, на вопросъ о томъ, что могло спасти или по крайней мѣрѣ сохранить на гораздо болѣе долгое время самостоятельность блестящаго греческаго развитія. Ахэйскій союзъ имѣетъ также самостоятельное и весьма высокое значеніе. Не отличался особенною крѣпостію тотъ сосудъ, въ которомъ явились, наконецъ, указанныя начала въ исторической дѣйствительности: ни само Ахэйское племя, ни усыновленный Ахаіей гражданинъ Сикіона — Аратъ не имѣли сами по себѣ ни той даровитой геніальности, которая была присуща и Аѳинскому народу и его лучшимъ представителямъ, ни той несокрушимой нравственной энергіи, которая обнаруживалась нѣкогда не

только въ Аѳинахъ, но и въ Спартѣ; они не располагали, наконецъ, и тою внѣшнею физическою силой, которая также была нужна для представителей панеллинской идеи. Тѣмъ не менѣе — или потому, что самыя начала, представляемыя Ахаіей и Аратомъ, отличались большою жизненною силой, или потому, что историческія идеи не всегда требуютъ для себя героическихъ дѣятелей, но могутъ довольствоваться служителями безкорыстными и разсудительными, — Ахэйская федерація стояла нѣкоторое время на высотѣ, можно сказать, всемірнаго значенія, представляя собою свободную Грецію. Ясно очерчивался тотъ будущій видъ, который должна была принять самостоятельная Греція подъ вліяніемъ и охраненіемъ вновь образовавшейся силы. Соединенный Пелопоннисъ безспорно могъ бы играть вполнѣ независимую роль на широкомъ полѣ еллинистической политики. Его вліяніе служило бы точкою опоры для государствъ внѣ-пелопоннискихъ, въ которой они находили бы гарантію своей свободы: Аѳины, освобожденныя отъ македонскихъ гарнизоновъ Аратомъ, Віотія, находившаяся нѣкоторое время въ тѣсной дружбѣ съ Ахаіей, соединенный флотъ Ахаіи и Этоліи на Адріатическомъ морѣ, оказавшійся, правда, на первый разъ слабымъ, — все это ясно указывало тотъ путь, по которому должна была идти Ахэйская федерація въ своей общеэллинской политикѣ. При полномъ развитіи силъ Ахэйскихъ, эта политика могла бы выступать съ большею смѣлостію, чѣмъ это было при Аратѣ. Послѣдствія доказали, что эти силы дѣйствительно существовали, и только нужно было ихъ вызвать къ жизни. Военная реформа, произведенная послѣ Филопименомъ, и военные успѣхи, достигнутые послѣ нея между прочимъ, и въ войнѣ со Спартою, доказываютъ, что только несчастная односторонность въ характерѣ Арата была причиною печальной роли, съ которою Ахэйцы являлись на поляхъ битвы.

Самая трудная задача, которая досталась Ахэйскому союзу по наслѣдству отъ временъ самостоятельнаго и отдѣльнаго существованія маленькихъ греческихъ республикъ, состояла въ рѣшеніи соціальнаго вопроса. Политическая реформа, создавшая свободное и довольно сильное греческое государство, если не рѣшала вполнѣ, то по крайней мѣрѣ упраздняла роковыя затрудненія, порожденныя этимъ вопросомъ. Мы не имѣемъ желанія пускаться въ общія разсужденія о томъ, справедливо или нѣтъ то часто выражаемое мнѣніе, что вопросъ соціальный не рѣшается политическими мѣрами и преобразованіями. Въ Греціи временъ Арата и Клеомена онъ могъ быть рѣшенъ только

тѣмъ путемъ, которымъ шелъ Ахэйскій союзъ, или совсѣмъ не могъ быть рѣшенъ и долженъ былъ убить народную свободу, предавъ Элладу въ руки Македоніи и Рима (какъ и случилось). Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что уже никакъ не помогали рѣшенію соціальнаго вопроса тѣ постоянные перевороты, которые сопровождались передѣломъ поземельной собственности и уничтоженіемъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ: обогащая (если они обогащали въ самомъ дѣлѣ) однихъ, они дѣлали бѣдными другихъ, тѣмъ болѣе, что почти каждый переворотъ сопровождался болѣе или менѣе значительнымъ уничтоженіемъ всякаго рода капиталовъ и цѣнностей. Несомнѣнно то, что время и спокойствіе могли въ этомъ отношеніи сдѣлать гораздо болѣе. Политическое устройство Ахэйскаго союза уже тѣмъ однимъ помогало исцѣленію соціальной болѣзни, что оно уничтожало въ самомъ зародышѣ множество мѣстныхъ войнъ и постоянныхъ столкновеній между отдѣльными политіями, спасая многихъ отъ экономическаго разоренія; уже тѣмъ однимъ оно производило умиряющее и успокоивающее дѣйствіе на соціальныя страсти, что своими учрежденіями переносило центръ политической жизни изъ раздражительной атмосферы отдѣльныхъ городскихъ собраній въ сферу нѣсколько болѣе отдаленную, болѣе высокую и потому болѣе холодную, откуда могъ приходить голосъ умѣренности и посредничества, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, наконецъ, внутренній недугъ, порожденный развитіемъ крайностей соціальнаго неравенства, не могъ при Ахэйскомъ государственномъ устройствѣ оказывать своего разрушительнаго дѣйствія на всѣ другія стороны народной жизни; рѣшеніе вопросовъ внѣшней и внутренней политики переходило здѣсь само собою къ болѣе здоровой части народа, къ ея сравнительно лучшимъ элементамъ, и въ этой сферѣ были возможны и дѣйствительно политическіе виды и настоящая патріотическая греческая политика.

Сколько мы можемъ судить, только одного недоставало Ахэйскому союзу, только одного онъ не могъ дать себѣ, именно — времени. Не столько собственное рѣшеніе, сколько воля высшей исторической силы, управляющей событіями, такъ скоро подвергла роковому испытанію крѣпость внутренняго строя и прочность внутренняго мира въ молодомъ государствѣ. Воля исторіи не поставила на сторонѣ лучшихъ началъ и лучшаго геніальнаго человѣка, явившагося въ концѣ самобытнаго существованія Греціи, а поступила наоборотъ, сдѣлавъ этого человѣка невольнымъ врагомъ началъ, въ которыхъ заключалась будущность греческаго народа. Мы видѣли, что борьба съ по-

слѣднимъ героемъ спартанской исторіи едва была подъ силу даже первой военной державѣ на востокѣ тогдашняго образованнаго міра, едва была подъ силу такому несомнѣнно замѣчательному государю и полководцу, какимъ былъ Антигонъ Досонъ. Въ личности Клеомена было много привлекательнаго и обаятельнаго и для лучшихъ сторонъ въ греческомъ характерѣ. Съ своими все-таки довольно отвлеченными началами, съ своимъ бѣгающимъ съ поля сраженія Аратомъ, Ахэйскій союзъ могъ оказаться слабымъ предъ такою живою и сильною личностію, если бы даже и не было внутри союза опаснаго, больнаго мѣста. Поднявшееся броженіе вновь пробудившихся страстей, быстрое и неудержимое распространеніе соціальнаго движенія по союзнымъ областямъ, появленіе сильной и вездѣприсущей партіи, усмотрѣвшей въ Клеоменѣ своего героя, обнаружило, конечно, присутствіе такого больнаго и слабаго пункта въ Ахэйскомъ государственномъ организмѣ; но это никакъ не доказываетъ слабости началъ, на которыхъ союзное государство было построено. Напротивъ, все это заставляетъ подумать о томъ, какъ много силъ и здоровья было въ организмѣ, который могъ не только существовать, но и расти до тѣхъ поръ, пока внѣшнее раздраженіе не трогало больнаго мѣста. Не слѣдуетъ ли думать, что при помощи времени всякій недугъ могъ быть устраненъ внутреннею работою самого организма, если бы этому не помѣшало внѣшнее возбужденіе, нарушившее спокойное равновѣсіе его силъ?

Мы уже замѣтили, что планы Клеомена относительно устройства Пелопонниса подъ его игемоніей остаются для насъ не вполнѣ ясными. Но во всякомъ случаѣ и Клеоменъ представлялъ собою возможность образованія чисто-греческой державы, способной пріобрѣсть панеллинское значеніе, представлялъ собою возможность возрожденія Греціи, быть можетъ безъ большаго уклоненія отъ тѣхъ началъ, которыя дали жизнь и силу Ахэйской федераціи. Была минута, когда казалось, что дѣло, остановленное и разрушенное Клеоменомъ, призванъ возсоздать и довершить тотъ же самый Клеоменъ; была минута, когда казалось возможнымъ примиреніе Ахэйскаго союза съ народнымъ героемъ Пелопонниса. Проблескъ этой новой возможности для спасенія самостоятельной Греціи скоро оказался обманчивымъ. Позади Клеомена было его прошедшее, кровавый переворотъ, совершенный имъ въ Спартѣ, насильственный раздѣлъ поземельныхъ имуществъ. Подъ впечатлѣніемъ страха, наведеннаго на классы зажиточные и богатые спартанскою революціей, Аратъ уже успѣлъ сдѣ-

лать свой первый шагъ къ сближенію съ царемъ Македонскимъ. Извѣстно, какъ легко переплетаются въ душѣ человѣческой личныя, самолюбивыя побужденія съ высшими стремленіями ко благу общему и съ воззрѣніями на условія этого блага: Аратъ не хотѣлъ видѣть въ Клеоменѣ никого больше, какъ разрушителя возведеннаго имъ зданія, зажигателя опасныхъ страстей [1]). Безъ сомнѣнія, не одинъ Аратъ такъ думалъ. Онъ не успѣлъ бы увлечь за собою всѣхъ вліятельныхъ гражданъ союза, если бы дѣло шло только о его личномъ честолюбіи. Недовѣрчивость къ Клеомену глубоко лежала въ умахъ тѣхъ людей, которые помнили походъ Агиса, хорошо знали стремленія народной массы. Мы уже объясняли, почему не состоялось торжественное собраніе въ Аргосѣ, гдѣ должно было совершиться признаніе Клеомена игемономъ союза. Не въ первый и не въ послѣдній разъ общество, напуганное призракомъ соціальнаго переворота, жертвовало своею свободой. Когда сдѣлка съ Клеоменомъ не состоялась, борьба возобновилась, когда поднялось во всей силѣ движеніе неимущей массы, тогда Ахэйскій союзъ, то-есть, тѣ элементы, которыми онъ по преимуществу держался, уже окончательно и неизбѣжно были отброшены къ Македоніи.

Дѣло политическаго возрожденія Греціи было разрушено, можно сказать, соціальною революціей.

---

[1]) Plut. Cleom. 16. Δεινότατον, ὧν κατηγόρει Κλεομένους, ἀναίρσιν πλούτου καὶ πενίας ἐπανόρθωσιν.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ . . . . . 1.

Введеніе.—Начало обособленія въ древней Греціи, его выгоды и невыгоды.—Противоположное стремленіе: симмахіи, симполитіи, федерація.—Соціальный вопросъ.—Бѣдствія въ эпоху діадоховъ.—Аѳины.—Эголія.—Ахаія.—Источники для исторіи Ахэйскаго періода.

ГЛАВА ВТОРАЯ . . . . . 60.

Городъ Сикіонъ.—Аратъ и его бѣгство въ Аргосъ.—Освобожденіе Мегалополя.—Освобожденіе Сикіона.—Присоединеніе его къ Ахэйскому союзу.—Примиреніе внутреннихъ партій.—Первая стратигія Арата.—Освобожденіе и присоединеніе къ союзу Коринѳа.—Дальнѣйшіе успѣхи.—Отношенія къ Египту и Македоніи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. . . . . 100.

Спартанскій консерватизмъ.—Начало упадка Спарты со времени Александра.—Болѣе глубокія причины: вымираніе стартанской аристократіи, образованіе олигархіи.—Законъ Епитадея.—Періэки.—Политическая теорія равновѣсія трехъ элементовъ въ приложеніи къ Спартѣ.—Стоики и отношеніе ихъ къ дѣлу реформы.—Царь Агисъ: его воспитаніе, планы; проектъ реформы и его критика; походъ на помощь Ахэйскому союзу; отношенія къ Арату; возвращеніе и трагическій конецъ реформатора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ . . . . . 137.

Миръ Ахэйскаго союза съ Македоніей и его нарушеніе Аратомъ.—Смерть Антигона.—Союзъ съ Этоліей и новыя попытки къ освобожденію Аѳинъ и Аргоса.—Присоединеніе Мегалополя къ Ахэйскому союзу.—Лидіадъ.—Присоединеніе аркадскихъ городовъ.—Ахаія и Этолія противъ иллирійскихъ пиратовъ.—Вмѣшательство Рима.—Смерть Димитрія и быстрые успѣхи Ахэйскаго союза: освобожденіе Аѳинъ, присоединеніе Аргоса.—Общее положеніе дѣлъ въ Ахэйской федераціи.

СТРАН.

ГЛАВА ПЯТАЯ . . . . . 213.

Учрежденіе Ахэйскаго союза: общія замѣчанія—Самостоятельность частей; случаи вмѣшательства союзной власти. — Единство цѣлаго: дипломатическія сношенія, военная организація, монетная система —Политическія учрежденія: сеймъ, его составъ и характеръ. — Администрація: деміурги и стратигъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ . . . . . 243.

Стремленіе Арата къ объединенію всего Пелопоннеса и Спарта. — Реакція въ Спартѣ по смерти Агиса. — Клеоменъ до своего воцаренія.—Его планы; препятствія и средства къ ихъ устраненію. —Отношенія Ахэйскаго союза къ Этолін и Македоніи. — Первыя военныя дѣйствія Клеомена противъ Ахаіи.—Пораженіе при горѣ Ликэйской.— Взятіе Мантинеи Аратомъ. — Убіеніе Архидама въ Спартѣ. — Первый шагъ къ сближенію съ Македоніей. — Пораженіе Ахэйцевъ при Екатомвэонѣ. — Переговоры съ Антигономъ и Клеоменомъ. — Разрывъ съ Клеоменомъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Движеніе соціальныхъ партій въ пользу Клеомена. — Критическое положеніе союза. — Призваніе Антигона на помощь.—Клеоменъ и Антигонъ на Исемѣ.— Отпаденіе Аргоса въ тылу Клеомена. — Отступленіе. — Отношенія къ Египту.—Второй годъ кампаніи.—Разореніе Мегалополя.—Третій годъ кампаніи: сраженіе при Селлазіи.— Послѣдняя судьба Клеомена,— Заключеніе.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр. 21, снизу 2-я строка въ примѣч. напеч. Фаіотійскихъ чит. Ѳеіотійскихъ.
» 44, 10-я строка сверху напеч. собственно чит. собственной.
» 47, 13-я строка сверху послѣ слова: городовъ должна слѣдовать выноска: 2).
» 54, въ греч. текстѣ: τὴνε чит. τὴν.
» » ἐκδεδ'ηκὼς чит. ἐκδεδ'ψηκὼς.
» 60, 9-я строка снизу Асона чит. Асопа.
» 63, 10-я строка сверху. тоже самое.
» 76, въ примѣч. χορία — χωρία.
» 92, въ примѣч 2-мъ καττόματα чит. κατττόματα
» 118, 1-я строка сверху слабыхъ чит. сильныхъ.
» 125, въ примѣч. 2-мъ напеч Polyb V, 34, 3 чит. Polyb. V, 34, 9.
» 132, въ примѣч. 6-мъ ἄαικον чит. ἄδικον.
» 135, 13-я строка сверху напеч.: формъ.... Монархія; должно быть: формъ». «Монархія.
» 141, 3-я строка снизу: Тѣмъ не менѣе посмотримъ — слѣдуетъ исправить. Мы уже видѣли.
» 165, 3-я строка снизу въ примѣч. Arat. 3 чит. Arat. 31.
» 167, 4-я строка сверху Геронію чит Геранію.
» 194, въ примѣч. 7-мъ Ibid. чит. Iliad
» 200, 7-я строка сверху вмѣсто словъ. подобно героямъ испр. согласно морали.
» 209, 16-я строка сверху вм. Лидіаду испр. Арату.
» 212, 13-я строка сверху сжималъ — снималъ
» 246, 10-я строка снизу слово Леонида должно быть зачеркнуто.
» 272, 5-я строка снизу въ примѣч. Arat. 16 чит. Arat. 38.
» 273, 1-я строка снизу Arat. 32 чит. Arat. 39.
» 280, въ примѣч цифра 225 должна стоять послѣ слова весною.
» 290, въ примѣч. 6-мъ Polyb, 11, 42, 2 чит. Polyb. 11, 52, 3.
» 291, 18-я строка сверху: на полѣ битвы, читай: не на полѣ битвы.
» 295, 3-я строка въ примѣч.: Polyb. 11, 62, 2; чит. Polyb. 11, 53, 2